СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

Часть I.

ПРОТАГОРЪ. — ЭВТИДЕМЪ. — ЛАХЕСЪ. — ХАРМИДЪ. —
ИППІАСЪ. — ЭВТИФРОНЪ. — АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

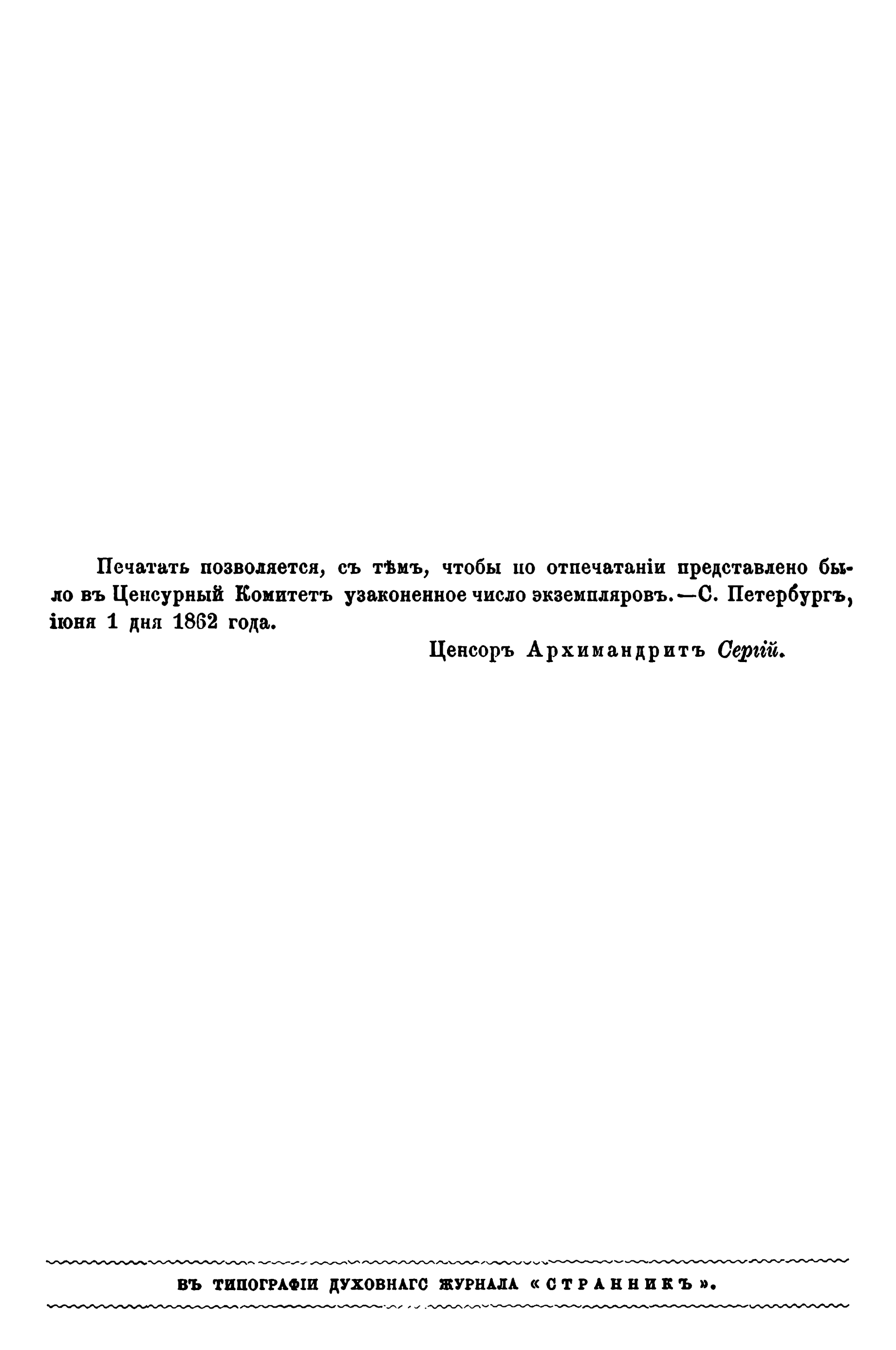
Профессоромъ Карповымъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть I.

ПРОТАГОРЪ. — ЭВТИДЕМЪ. — ЛАХЕСЪ. — ХАРМИДЪ. — ИППІАСЪ. — ЭВТИФРОНЪ. — АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.—С. Петербургъ, іюня 1 дня 1862 года.

Ценсоръ Архимандритъ *Сергій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

ПРЕДИСЛОВІЕ

(КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.)

Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стоя на заглавномъ листѣ книги, оно само—и гораздо убѣдительнѣе—говоритъ за свою книгу. Великіе геніи на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. По этому Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.

Но какъ должно переводить сочиненіе, чтобы оно усвоилось литературѣ извѣстнаго народа? Переводы книгъ съ древнихъ языковъ бываютъ большею частію либо буквальные и подстрочные, какъ переводилъ греческихъ поэтовъ нашъ И. И. Мартыновъ, либо перифрастическіе, какъ переводилъ Платона Г. Кузенъ. Оба эти способа передавать современникамъ и потомству мысли и чувствованія древнихъ писателей очень не трудны; потому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ—нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. Но по тѣмъ же самымъ причинамъ эти оба

способа и не достигаютъ своей цѣли—не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Переводы буквальные почти всегда — мертвый капиталъ литературы, а перифрастическіе—почти вовсе безполезны для читателей. Читая напримѣръ Кузена, вы дивитесь легкости и плавности его выраженія; но Платонъ едвали бы узналъ въ немъ энергію собственной своей мысли. Правда, одинъ германскій рецензентъ недавно, говоря о нѣмецкомъ переводѣ «Русской Исторіи» Г. Устрялова, замѣтилъ: die Uebersetzung ist, *wie sie seyn muss*, d. h., man bemerkt es nirgends, dess es eine Uebersetzung ist, die man vor sich hat. Но это замѣчаніе, по моему мнѣнію, только вполовину справедливо. Хорошо конечно не узнать, что переводъ есть *переводъ*, однакожъ не менѣе нужно и то, чтобы сочинитель переведенной книги узналъ въ этомъ переводѣ дѣйствительно *свое сочиненіе*. По этому истинно хорошимъ переводомъ, кажется, надобно почитать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттѣнками, 2) сохранена чистота и естественность современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. In hac translatione conficienda, говоритъ Астъ о своемъ латинскомъ переводѣ Платона, id potissimum contendi, ut, *quæ sunt interpretationis officia*, et fidelem et latinam eam fingerem.

Эти общія правила я постоянно имѣлъ въ виду, при переложеніи Платоновыхъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, и не всегда находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ. Признаюсь, — особенности двухъ языковъ, оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выраженій, множество поговорокъ и пословицъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не

другими греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали — то на минуту допустить перифразъ, то отчасти измѣнить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ роднаго языка. Съ необходимостію, по греческой пословицѣ, и боги не воюютъ [1]. Впрочемъ смѣю надѣяться, что такихъ недостатковъ не много, и что знатоки дѣла, взвѣсивъ всѣ затрудненія, съ которыми мнѣ надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинятъ подобныя неисправности моего перевода.

Думая, что не хорошо дѣлать менѣе, когда есть возможность сдѣлать болѣе, я рѣшился предстать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ, но вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти какъ коментаторъ Платоновыхъ сочиненій; а по тому, къ каждому разгору приложилъ свое введеніе и нѣсколько филологическихъ, историческихъ и философскихъ примѣчаній. Побужденіе къ составленію такихъ приложеній, конечно — не тщеславіе и суетность; да и кто изъ тщеславія согласился бы на такіе труды и пожертвованія! Я убѣжденъ опытомъ, что кому пріятно и нужно понять все, заключающееся въ Платоновыхъ сочиненіяхъ, тотъ не обойдется безъ средствъ вспомогательныхъ. Мысль Платона нерѣдко проясняется — то частными свойствами и отношеніями тѣхъ лицъ, которыя участвуютъ, или о которыхъ упоминается въ разговорѣ, то предварительнымъ знаніемъ тѣхъ повѣрій и обычаевъ, которыя Грекамъ были совершенно извѣстны, а у насъ не существуютъ и пред-

[1] Латинскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ сомнѣнія ближе къ греческому, нежели русскій; — и однакожъ Астъ, переводя Платона на латинскій языкъ, долженъ былъ, для выраженія нѣкоторыхъ греческихъ терминовъ, составить слова: dupliciquentia (διπλασιολογία), sententiloquentia (γνωμολογία), simililoquentia (εἰκονολογία), также breviloquentia, superbiloquentia, superrefutatio, subdeclaratio, augeratio, insanitio, и проч. Я большею частію старался избѣгать такого словотворенія.

ставляются чѣмъ-то страннымъ, то соображеніемъ различныхъ ученій, имѣвшихъ вліяніе на образъ мыслей въ греческомъ обществѣ, то изслѣдованіемъ смысла пословицъ и поговорокъ, которымъ у насъ не представляется ничего соотвѣтствующаго, то опредѣленіемъ цѣли сочиненія и проч. Все это необходимо для уразумѣнія Платоновыхъ разговоровъ и, безъ объяснительныхъ приложеній, требовало бы непрестанныхъ справокъ. При томъ мнѣ казалось, что читателю не безполезно будетъ и предварительное обозрѣніе содержанія каждой бесѣды, чтобы онъ могъ вѣрнѣе слѣдовать за развитіемъ ея подробностей и наблюдать связь ихъ. Что же касается до филологическихъ замѣчаній, то въ этомъ отношеніи я старался быть, сколько можно, короче и позволялъ себѣ подобныя примѣчанія только въ мѣстахъ спорныхъ, чтобы наши эллинисты видѣли причины такого, а не другаго переложенія.

Впрочемъ собственныя мои усилія, можетъ быть, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не имѣлъ подъ рукою хотя не многихъ, однакожь превосходныхъ трудовъ по этому предмету. Но прежде чѣмъ укажу на нихъ, считаю полезнымъ кратко и въ хронологическомъ порядкѣ обозрѣть всѣ, какія только были, полныя изданія Платоновыхъ сочиненій, а потомъ пересмотрѣть изданія частныя и боковыя пособія для переводчиковъ и объяснителей Платона.

Замѣчательно, что въ возраждавшейся Европѣ Платонъ заговорилъ прежде по-латини, чѣмъ по-гречески. Первый, издавшій и распространившій въ ученомъ мірѣ разговоры его, былъ Флорентинецъ *Марсилій Фицинъ*, который перевелъ нашего философа на латинскій языкъ еще во второй половинѣ XV вѣка, вѣроятно съ оригинала Плотинова, и

въ свой переводъ сперва внесъ много нелѣпостей и мечтаній Александрійской школы, но послѣ, по совѣту Критянина *Марка Музура* [1], знаменитаго въ то время филолога и эллиниста, значительно исправилъ его, хотя Петръ Нанній [2] все еще имѣлъ причину сказать: Ficinum quidem religiose Platonem interpretatum esse, sed ita ut si ipse Plato legeret, pro suis non agnosceret. Фицинъ сперва переводилъ Платона перифрастически, или, по словамъ Гуеція [3], verborum quidem curam negligere Ficinum, sententias dilatare nonnunquam, vel contrahere. Это изданіе вышло

1482 года и называется *флорентинскимъ I.* Въ концѣ его значится: impressum Florentiae per Laurentium Venetum. За нимъ слѣдовали:

1491 *Флорентинское II*, напечатанное роскошно, по повелѣнію и на счетъ Лаврентія Медицисъ.

1491 *Венеціанское I*, вновь пересмотрѣнное самимъ Фициномъ.

1517 *Венеціанское II*, съ показаніемъ содержаній каждаго разговора, составленныхъ Фициномъ.

1518 *Парижское I*, озаглавленное: Opera Platonis latina a Mars. Ficino traducta.

1522 *Парижское II*, неболѣе какъ копія перваго.

1532 *Базельское I*, съ поправками *Гринея.*

1539 *Базельское II*, Гринеево.

1546 *Базельское III.*

1548 *Лейденское I.*

1551 *Базельское IV*, съ поправками *Гринея.*

1557 *Лейденское II*, къ которому присоединены шесть

---

[1] *Menag.* T. II. Antibailleti p. 157.
[2] *Gaddii* T. II. de scriptt. non ecclesiasticis p. 144.
[3] *Huet.* de clarr. interpr. p. 295.

сомнительныхъ разговоровъ Платона, переведенныхъ *Сев. Коррадомъ.* Эти разговоры: Эриксіасъ, Акефалосъ, Демодохъ, опредѣленія, о добродѣтели, о справедливости.

1561 *Корнаріево*, подъ заглавіемъ: Platonis Atheniensis, philosophi summi ac penitus divini, opera per Ianum Cornarium, Medicum Physicum, latina lingua conscripta. Ejusdem eclogae decem additis Ficini argumentis et commentariis. Basileae. Въ этомъ изданіи особенно цѣнятся критиками Корнаріевы эклоги, написанныя вслѣдствіе соображенія подлиннаго Платонова текста въ Альдовомъ и двухъ базельскихъ греческихъ экземплярахъ (см. ниже); такъ что Фридр. Фишеръ въ свое время счелъ полезнымъ напечатать ихъ отдѣльно и присоединить къ нимъ предисловія Альда Мануція, Симона Гринея и Марка Гоппера.

1567 *Лейденское III.*

1588 *Лейденское IV.*

1590 напечатанное съ лейденскимъ греческимъ подлинникомъ.

1592 *Лейденское V*, пересмотрѣнное Стефаномъ Тремулеемъ.

1602—напечатанное съ франкфуртскимъ, или вехеліанскимъ греческимъ текстомъ.

Вотъ всѣ латинскія изданія Платоновыхъ сочиненій, получившія начало и размножившіяся отъ Фицинова перевода, или отъ перваго флорентинскаго кодекса. Но между тѣмъ, какъ Платонъ мало по-малу былъ исправляемъ, очищаемъ и распространяемъ на языкѣ латинскомъ, нашлись люди, признавшіе нужнымъ пересмотрѣть и распространить самый подлинникъ твореній греческаго философа. Первый, рѣшившійся осуществить это намѣреніе своими издержками, былъ Венеціанецъ *Альдъ Мануцій.*

Его усердіе къ этому дѣлу простиралось до того, что онъ вызывался платить чистымъ золотомъ за исправленіе каждой ошибки въ греческомъ текстѣ Платона, и нашелъ себѣ ученаго дѣятеля, увлекавшагося не корыстію, а любовію къ общему благу. Тотъ самый *Маркъ Музуръ*, который, тридцатью годами ранѣе, совѣтовалъ Фицину исправить переводъ Платоновыхъ сочиненій, теперь самъ наблюдалъ за вѣрностію предпринятаго Альдомъ изданія. Оно вышло въ

1513 году подъ заглавіемъ: Platonis opera omnia graece. Venetiis, in aedibus Aldi et Andreac Soceri. Этотъ текстъ снятъ съ древнѣйшихъ списковъ, сохранявшихся подъ титуломъ: *παλαιὰ καὶ ἀξιόπιστα*. Къ нему приложены письма и шесть подложныхъ сочиненій, носящихъ имя Платона, также письмо Альда къ Льву X, въ которомъ онъ проситъ первосвященника содѣйствовать распространенію просвѣщенія. За симъ изданіемъ слѣдовали:

1534 *Базельское I*, иначе, по имени базельскаго книгопродавца Вальдера, называемое *вальдеріанскимъ*. Заглавіе его: Platonis omnia opera cum commentariis Procli in Timaeum et Politicam, thesauro veteris philosophiæ maximo, græce. Adiectus etiam est in Platonis omnia sententiarum et verborum memorabilium index. Пересмотромъ и исправленіемъ этого текста занимался особенно *Опоринъ*, который однакожъ, избѣжавъ многихъ погрѣшностей изданія Альдова, вмѣсто ихъ, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ ошибокъ.

1556 *Базельское II*, иначе называемое *гоппеміанскимъ*—по слѣдующей причинѣ: Нѣкто *Арнольдъ Арленій*, путешествуя по Италіи, собралъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ Платона и, провѣривъ ими изданіе Вальдерово, многое въ немъ исправилъ, пополнилъ пропущен-

ное, отбросилъ чуждое, и свои бумаги передалъ для напечатанія *Марку Гопперу*. Впрочемъ этотъ экземпляръ, какъ и предъидущій, все еще не безъ ошибокъ.

1578 *Стефаново*, подъ заглавіемъ: Platonis opera quæ extant omnia, ex nova Ioannis Serrani interpretatione, perpetuis ejusdem notis illustrata: quibus et methodus et doctrinæ summa breviter et perspicue indicatur. Ejusdem annotationes in quosdam suæ illius interpretationis locos. Henr. Stephani de quorundam locorum interpretatione judicium et multorum contextus græci emendatio. Excudebat Henr. Stephanus, Parisiis, въ трехъ листовыхъ томахъ. Греческій текстъ этого изданія, кажется, не былъ свѣренъ ни съ какими древними рукописями, но списанъ съ экземпляра Альдова, которому Стефанъ отдавалъ преимущество предъ базельскими, и исправленъ по филологическимъ указаніямъ Гоппера, Корнарія, Евсевія и другихъ. Что же касается до перевода, сдѣланнаго Іоанномъ Серрскимъ, то на латинскомъ языкѣ дотолѣ еще не было худшаго. Serranus, говоритъ Гуецій [1], sententiis contentus verba despexit, fidelem absque eo ac perspicuam, quam pollicetur, conversionem praestiturus. А Бруккеръ [2] обличаетъ его еще сильнѣе: Serranus, cum Platonem non satis intelligeret, sententiam magis suam, quam Platonis expressit, ejusque verba contemsit et analysi scholastica peregrinam Platoni faciem induxit. Не смотря на то, если не переводъ Іоанна Серрскаго, то греческій текстъ Платоновыхъ сочиненій, установленный Стефаномъ, долго перепечатываемъ былъ почти безъ поправокъ и критики. Даже и нынѣ ссылки

---

[1] de clarr. interprr. p. 289.

[2] Histor. Philos. T. I. p. 569.

на Платона дѣлаются обыкновенно по изданію Стефана. На это же изданіе указываютъ маргинальные знаки и въ моемъ переводѣ.

1590 *Лейденское*, или, по имени книгопродавца, *лемарское* и

1602 *Вехеліанское*, подъ заглавіемъ: Platonis opera omnia, quæ exsant, Marsilio Ficino interprete. Graecus contextus quam diligentissime cum emendatioribus exemplaribus collatus est etc. Francofurti.

1781 — 7 *Бипонтійское*, подъ заглавіемъ: Platonis opera philosophi, quæ extant, græce, ad editionem Henrici Stephani accurate expressa, cum Marsilii Ficini interpretatione, въ XI томахъ въ 8 долю. Къ этому изданію присоединены различныя чтенія и содержанія Платоновыхъ разговоровъ, изложенныя Тидеманомъ.

1813 слл. *Таухницево*—почти копія съ предъидущаго, въ VIII томахъ въ 8 долю. Первые три тома его, въ отношеніи къ греческому тексту, пересмотрѣны Беккомъ и провѣрены трудами критиковъ и филологовъ; а послѣдніе перепечатаны безъ всякой перемѣны.

1816 — 18. *Беккерово*, въ VIII томахъ, въ 8 долю, съ критическими замѣчаніями. Греческій текстъ его исправленъ чрезъ снесеніе всѣхъ лучшихъ кодексовъ Платона; а латинскій—Фициновъ, напечатанъ съ древнихъ списковъ безъ всякой перемѣны, чтобы могъ имѣть достоинство критическое. Къ этому изданію присоединены, кромѣ множества различныхъ чтеній, рункеніевы схоліи.

1849—27. *Астово* въ IX томахъ въ 8 долю. Въ немъ греческій текстъ изложенъ преимущественно по Альду, а латинскій есть переводъ самого Аста и отличается чрезвычайною точностію и близостію къ подлиннику. Впрочемъ,

заботливость о переводѣ буквальномъ нерѣдко заставляла переводчика упускать изъ вида естественность и ясность латинскаго выраженія.

1821—26. *Вейгеліево*, въ XII томахъ въ 8 долю, есть не что иное, какъ изданіе беккерово, пересмотрѣнное Штальбомомъ, по замѣчаніямъ Баста, де-Фуріа, Рудольфа и другихъ.

1833 слл. *Штальбомово* издано на одномъ греческомъ языкѣ съ латинскими введеніями въ каждый разговоръ, съ обширными филологическими примѣчаніями, съ приложеніемъ различныхъ чтеній, указателей и проч. Это изданіе, и по вѣрности текста, и по основательности критики, и по богатству заключающихся въ немъ вспомогательныхъ способовъ для надлежащаго разумѣнія Платоновыхъ сочиненій, безспорно есть лучшее изъ всѣхъ, какія доселѣ выходили въ полномъ объемѣ.

Теперь слѣдовало бы обозрѣть разговоры Платона на языкахъ живыхъ; но литература новыхъ языковъ почти не представляетъ намъ нашего философа въ цѣломъ умственномъ его существѣ, въ полномъ составѣ его твореній: онъ разобранъ по частямъ, раскиданъ по-членно на пространствѣ всего Европейскаго ученаго міра. Намъ доселѣ извѣстны только три изданія Платона, покрайней мѣрѣ не много недоведенныя до конца: первое въ 5 томахъ на языкѣ нѣмецкомъ — *Шлейермахерово*, заключающее въ себѣ 30 разговоровъ; второе—въ 12 томахъ на Французскомъ — *Кузенево*, состоящее изъ 33 сочиненій [1]; третіе

[1] Къ этимъ тремъ изданіямъ, кажется, надлежало бы присоединить еще Клейкерово: Platons Werke, aus dem griechischen übersetzt in 6 Bände 1778—97. Но я никогда не видѣлъ его, и потому не могу судить ни о достоинствѣ, ни о полнотѣ его.

въ 3 томахъ на Славянорусскомъ — *Пахомова*, содержащее 25 разговоровъ. Если возмемъ въ расчетъ время выхода въ свѣтъ каждаго изъ нихъ, и средства, примѣнительно ко времени, бывшія въ рукахъ всѣхъ трехъ переводчиковъ; то безъ всякаго пристрастія отдадимъ преимущество нашему отечественному изданію. Пахомовъ съ своими помощниками переводилъ Платоновы сочиненія еще въ осьмомъ десяткѣ прошедшаго столѣтія, когда въ библіотекахъ и западной Европы не находилось въ этомъ родѣ ничего лучше Стефанова подлинника, Корнаріевыхъ эклогъ и Фицинова перевода; а о другихъ побочныхъ пособіяхъ, столь богатыхъ, каковы нынѣ, и особенно для всѣхъ 25 разговоровъ, нашему эллинисту и думать было невозможно. Не смотря на то, его переводъ, сравнительно, вѣрнѣе Кузенева и заключаетъ въ себѣ почти только два недостатка: одинъ тотъ, что Пахомовъ неправильно понималъ тонъ Платонова діалога и выражался слишкомъ педантски, безъ нужды облекая мысль философа въ славянскія формы; другой тотъ, что онъ яснѣе видѣлъ и выдерживалъ значеніе словъ, нежели мысли. Правда, по мѣстамъ у него встрѣчаются пропуски, или прибавки: но съ тогдашнимъ Русскимъ языкомъ можно ли было сдѣлать что-нибудь удачнѣе? Лучшій, не только изъ всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ переводовъ, но едва ли не единственно хорошій, есть переводъ Шлейермахеровъ. Шлейермахеръ строго выдерживаетъ мысль философа, не пренебрегаетъ и малѣйшими ея оттѣнками, старается уловить въ формы нѣмецкаго языка самую фразу подлинника и, при всемъ томъ, рѣдко бываетъ тяжелъ и теменъ. Что же касается до его критическихъ и филологическихъ замѣчаній, то, не вездѣ можно согласиться съ ними.

Чтобы обозрѣніе литературы Платоновыхъ сочиненій было полно, надлежало бы по возможности оцѣнить частныя ихъ изданія на древнихъ и новыхъ языкахъ, и пересмотрѣть пособія, служащія къ объясненію Платона: но подобныхъ изданій и пособій такъ много, что не только перечитать и обсудить, даже видѣть всѣ ихъ невозможно. По этому я укажу только на тѣ, которыя, по общему сужденію ученыхъ, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Adrastus peripateticus писалъ о Тимеѣ. Нѣсколько отрывковъ его сочиненія находится у Порфирія ad harmonica Ptolemæi L. I. c. 5. p. 270.

Aelianus platonicus. Его сочиненіе разсмотрѣно и во многомъ одобрено Порфиріемъ.

Albinus. Его Hypotheses Platonieæ et isagoge, περὶ τῶν Πλάτωνι ἀρεσκόντων, говорятъ, сохраняются въ Ватиканѣ.

Aug. Arnold, Platons Werke einzeln erklärt und in ihrem Zusammenhange dargestellt. Erster Theil, 1836. Продолженія кажется еще не было. Въ первой части аналитически излагаются содержанія 18-ти разговоровъ и опредѣляется цѣль каждаго изъ нихъ.

Ast, Platonis Symposium et Alcibiades I, съ примѣчаніями, 1809.

— Platon's Phædrus und Gastmahl, 1807. Въ этомъ изданіи особенно одобряются комментаріи.

Ast Platonis Phædrus, 1810, съ примѣчаніями. Но въ X томѣ полнаго Астова изданія Платона, примѣчанія на Федра и Протагора гораздо обширнѣе.

— Platonis Respublica, 1814, и потомъ въ другой разъ 1820, съ учеными примѣчаніями.

Fr. Bast, Kritischer Versuch über den Text des Platonischen Gastmahls, 1793.

Bickerodii, Schediasma in Platonis Timæum, 1683.

Biester, Platonis dialogi IV, Meno, Crito, Alcibiades uterque, cum virorum doctorum animadversionibus, 1780. Эту книгу впослѣдствіи два раза (1811 и 1820) пересматривалъ и издавалъ *Бутманъ*. Бистеру много содѣйствовали своими замѣчаніями *Гедике*, *Шнейдеръ* и *Готлеберъ*.

Bœch Simonis, Socratici, ut videtur, dialogi IV: de lege (Minos), de lucri cupditate, de justo ac virtute. Additi sunt incerti auctoris dialogi, Eryxias et Axiochus, 1810, съ критическимъ введеніемъ.

— über die Bildung der Weltseele im Timaeus des Platon. In Daubii et Creuzeri studiis, Vol. III. 1806. p. 1—90.

— Specimen editionis Timaei, Platonis dialogi, 1807.

— de Platonico systemate cœlestium globorum et de vera indole astronomiæ philolaicæ, 1810.

Boissonade, Excerpta ex Procli scholiis in Cratylum Platonis, 1820.

Busteed, Platonis Menexnus et Lysiæ oratio funebris, 1686, съ переводомъ и краткими примѣчаніями Филельфа.

Creuzer, Initia philosophiæ ac theologiæ ex Platonis fontibus ductæ, sive Procli Diadochi et Olympiodori in Platonis Alcibiadem commentarii, 1820—25, въ 4 частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся комментаріи на Алкивіада, во второй—схоліи Олимпіодора, въ третьей—богословскія наставленія Прокла, въ четвертой—опровerженія Прокловыхъ наставленій, сдѣланныя Николаемъ Метоненскимъ.

Engelhardt, Platonis Laches, Apologia Socratis, Euthyphro et Menexenus, 1826, съ примѣчаніями.

Ettwallus, Platonis Hipparchus et Alcibiades uterque, 1779.

Van Eys, Disputatio de Platone Mosaizante, 1715.

Findissen, Platonis Gorgias, 1796, съ подробнымъ указателемъ греческихъ словъ и различныхъ чтеній; но издатель не показалъ знанія грамматическихъ тонкостей.

Fischer, Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phædo, græce, 1783. Это изданіе замѣчательно по хорошему снесенію различныхъ чтеній въ древнихъ кодексахъ.

— Platonis Philebus et Symposium, græce, съ примѣчаніями, направленными преимущественно къ показанію различія древнихъ изданій.

— Platonis dialogi duo, Cratylus et Theaetetus, 1770.

— programmata отъ 1701 до 1798, въ которыхъ разсмотрены первыя шесть отдѣленій Кратила; но въ этихъ разсмотреніяхъ иногда безъ нужды много говорливости.

Forster, Platonis dialogi V (Amatores, Euthphro, Apologia, Crito, Phaedo), 1752. Особенно одобряется переводъ этого изданія.

Foxii Morzilli Hispalensis, commentarius in X Platonis libros de republica, 1556. Изданіе болѣе обширно, чѣмъ учено.

— Morzilli, Commentarius in Platonis Timaeum, 1554.

Gedike, Platonis Meno, Crito et Alcibiades uterque. Нѣмецкій переводъ съ хорошими и довольно подробными замѣчаніями. Эта книга была издана два раза, 1781 и 1822.

Götz, Platonis Parmenides mit philosophischen Anmerkungen, 1825.

Gottleber, Platonis Menexnus et Periclis Thucididis ora-

tio funebris, 1782, съ примѣчаніями, изъ которыхъ особенно хороши историческія.

Haenisch, Lysiae amatorius, 1827, graece. Сочинитель изслѣдываетъ: Лизіасу ли принадлежитъ извѣстная рѣчь въ Платоновомъ Федрѣ, или самому Платону, и защищаетъ первое мнѣніе.

Heindorf, Platonis dialogi tres, Phaedo, Sophista, Protagoras, 1810. Этотъ филологъ вообще отличается знаніемъ грамматическихъ тонкостей, но въ изъясненіи мыслей очень часто невѣренъ.

— Platonis libri IV, Gorgias, Apologia Socratis, Charmides, Hippias major, 1805, съ краткими критическими примѣчаніями на Апологію Сократа.

— Platonis dialogi duo, Gorgias et Theaetetus, 1805, съ приложеніемъ замѣчаній Бутмана. Изданіе отличное.

— Platonis dialogi IV, Lysis, Charmides, Hippias major, Phaedrus, 1802 и въ другой разъ 1827, съ непрерывными примѣчаніями и поправками Бутмана по Беккеру.

— Platonis dialogi tres, Cratylus, Parmenides, Euthydemus, 1806, съ примѣчаніями.

Van Heusde, Spesimen criticum in Platonem, 1803. Эта книга заключаетъ въ себѣ прекрасныя критическія замѣчанія на многіе разговоры Платона.

Kirchmayer, Exercitatio de Platonis Atlantide, 1685, — сочиненіе полезное для поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Платонова Тимея.

Knebelius, Platonis dialogi tres, Theages, Amatores, Io, 1833, съ примѣчаніями и введеніями. Изданіе весьма хорошее.

Köppen, Platon's Alcibiades der zweite, 1786. Къ этому изданію приложены нѣсколько филологическихъ примѣчаній и содержанія разговоровъ.

Köppen, Platon's Menexènus im Grundriss nebst Anmerkungen.

Kraft, de notione philosophiae in Platonis Erastis obvia 1786. Это сочиненіе, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчаній о значеніи справедливости и разсудительности въ смыслѣ Платона, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ содержанія.

Kuhnhardt, Platon's Phaedon mit besonder Rücksicht auf die Unsterblichkeitlehre erläutert und beurtheilt, 1817.

Lange, Specimen criticum in Platonis Critonem, 1821.

Lichtenstädt, Platon's Lehren auf dem Gebiete der Naturforschung und der Heilkunde, 1826. Сочиненіе полезное при объясненіи Тимея.

Lindau, Platonis Timaeus, 1828, свѣренный съ лучшими изданіями и снабженный непрерывными примѣчаніями.

— Epistola critica de locis quibusdam Timaei, 1803.

— Novum in Platonis Timaeum et Critiam conjecturarum atque emendationum specimen, 1816.

Vit. Lörs, Platonis Menexenus, 1824; переводъ съ Греческаго на Латинскій, съ примѣчаніями и мнѣніемъ Аста, что Менексенъ написанъ не Платономъ.

Massey, Platonis de republica, sive de justo libri X, съ исправленнымъ переводомъ и примѣчаніями, 1713, въ 2 частяхъ. Критическія замѣчанія не одобряются; хорошо только снесеніе мнѣній древнихъ и новыхъ философовъ съ мнѣніями Платона.

Meursius, Platonis Timaeus a Chalcidio latine versus, cum jusdem in eundem commentario, 1617.

Morgenstern, Symbolae criticae in Platonis Critonem.

— Commentationes tres de Platonis Republica, 1794.

— Symbolae criticae in Platonis Politicam, 1815.

Müller, Platonis Io, sev dialogus de furore poëtarum, 1782, съ примѣчаніями.

Nitsch, Platonis Io, 1822, также съ примѣчаніями.

Car. Nürnberger, Platonis Alcibiades I et II, 1796.

Оболенскій, Платоновы разговоры о законахъ, 1827. Переводъ довольно близкій, вѣрный и легкій.

Pinzger, Specimen novi commentarii in Euthydemum, доведенъ до стр. 272 A. 1834.

Plutarchi, opuscula de animae creatione et de musica, идутъ къ объясненію Тимея.

Procli commentarius in Timaeum, 1534, но не весь, а доведенъ только до стр. 44. C; слишкомъ обширенъ и утомителенъ; особенно много аллегорій.

Mich. Psellus, εἰς τὴν Πλάτωνος ψυχολογίαν, v. Allatium de Psellis p. 87, et 91.

Regius. Timée de Platon, 1557.

Routh, Platonis Euthydemus et Gorgias, 1784, съ примѣчаніями, изъ которыхъ особенно хороши историческія и критическія.

Schlosser, Platon's Briefe, mit einer historischen Einleitung und Anmerkungen.

Schmidt, Parmenides, als dialectisches Kunstwerk, 1821.

Sturzmann, de republica, Πλάτωνος πολιτεία, graece et latine, cum animadversionibus criticis et argumentis atque commentationibus de totius operis argumento, ingenio, partibus, codicibus scriptis, 1817, и во второй разъ 1818.

Susemihe, die genetische Entwickelung der Platonischen Philosophie. 3 B. 1855. Книга, особенно хорошо объясняющая философское значеніе діалоговъ Платона.

Tiedemann, dissertatio de doctrina Platonis de materia in vol. I. Biblioth. Götting. Philolog. nov. Fasc. I. part. I.

Timaei, lexicon vocum Platonicarum, съ примѣчаніями Рункенія, 1789.

Tirsch, Specimen editionis symposii Platonis, 1808.

Vernsdorf, notae in Platonis Critonem et Alcibiadem I. 1815.

Windishmann, Platon's Timaeus, 1804.

Winkelmann, Platonis Euthydemus, 1833, съ примѣчаніями, введеніями и схоліями. Къ сему изданію приложена книга Аристотеля de elenchis Sophistarum. Руководство превосходное.

Wittenbach, Platonis Phaedo, 1810, объясненный введеніемъ и примѣчаніями,—изданіе полное учености и познаній; но мало критики и неровенъ переводъ.

Wolf, Platonis dialogorum delectus, pars I. Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, 1812, съ Латинскимъ переводомъ.

— Platon's Gastmahl на Греческомъ, съ примѣчаніями. Книга, по тогдашнему времени, хорошая.

— Zu Platon's Phaedon 1811 [1].

Изъ этихъ изданій Платона и стороннихъ пособій для изъясненія его сочиненій, я имѣлъ подъ рукою немногія. Главными же руководителями моими были Стефанъ, Астъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ: ихъ глубокимъ изслѣдованіямъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ своимъ усиліямъ.

[1] Я не упоминаю о древнихъ рукописныхъ экземплярахъ сочиненій и объяснителей Платона. Число ихъ во всѣхъ Европейскихъ библіотекахъ восходитъ выше трехъ сотъ. Подробный каталогъ ихъ сдѣланъ Фридерихомъ Фишеромъ. См. Platonis Euthyphro, Apologia Socratis, Crito, Phaedo, graece ex recens. Fr. Fischer. Lips. 1783. Немогу утверждать, чтобы кромѣ указанныхъ мною изданій, не было и другихъ, излагающихъ или объясняющихъ сочиненія Платона; вижу указанія на труды Целлера, Штейнгарта и другихъ. Но эти труды не доходили до моихъ рукъ, и потому я ничего не могу сказать о ихъ достоинствѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

(КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ).

Уже болѣе двадцати лѣтъ прошло съ той поры, какъ изданы были мною два тома сочиненій Платона. Условія изданія зависѣли тогда не отъ меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ не въ моей власти было сообщить изданію тѣ или другія внѣшнія качества. Не смотря однакожъ ни на что внѣшнее, тогдашняя критика была ко мнѣ очень снисходительна и, оцѣнивая внутреннія достоинства изданной мною книги, встрѣтила ее привѣтливо и почтила меня самыми лестными отзывами. Эти отзывы были единственною наградою за мой трудъ и принесли мнѣ по крайней мѣрѣ нравственную пользу въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я не разставался съ Платономъ и не закончилъ изданія двумя томами. Правда, служебныя занятія немного давали мнѣ досуга для приготовленія къ изданію неизданныхъ еще діалоговъ любимаго моего философа: за то, сколько оставалось у меня свободныхъ часовъ, — я посвящалъ ихъ Платону болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ. Такимъ образомъ оригиналъ мало по малу накоплялся, куча исписанной бумаги время отъ времени утолщалась, и случалось, что взглянувъ на нее, я съ грустью припоминалъ высказанную мнѣ когда-то однимъ двигателемъ *русскаго*

народнаго просвѣщенія обидную хулу на родной нашъ языкъ, будто онъ не можетъ принять формъ Платоновой рѣчи. Да съ русскимъ языкомъ чего нельзя сдѣлать въ области филологіи! Славяноруссъ, кажется, по самому языку филологъ, какъ Германецъ по языку философъ, а Италіанецъ по языку поэтъ. Я не говорю конечно о тѣхъ, хорошо понимаемыхъ, но отнюдь не передаваемыхъ особенностяхъ греческаго языка, которыя выработаны его геніемъ, какъ черты завѣтныя, порожденныя своеобразностію народной жизни и характеромъ взаимнаго отношенія древнихъ Грековъ. Такіе идіотизмы можно встрѣчать въ письменности каждаго общества, и преимущественно у тѣхъ писателей, которые глубоко отличали законы домашняго своего говора отъ общеевропейскаго, и выражали характеристическіе оттѣнки родной мысли, какъ она зародилась и образовалась въ духѣ народа, подъ извѣстными условіями его жизни. Надобно согласиться, что такихъ особенностей въ языкѣ древне-греческомъ больше, нежели во всѣхъ позднѣйшихъ, которые чѣмъ далѣе развиваются, тѣмъ ближе, въ законахъ своего развитія, подходятъ одинъ къ другому. Взаимное сближеніе обществъ ложится въ основаніе взаимнаго сближенія языковъ и сглаживаетъ ихъ своеобразности; тогда какъ языкъ древнихъ Грековъ, развиваясь во множествѣ собственныхъ своихъ нарѣчій, получалъ формы самостоятельно. Нельзя отвергать и того, что рѣчь Платона оригинальностію и характеромъ своего склада изумляла самыхъ современныхъ ему Грековъ: введеніе въ языкъ множество новыхъ словъ, отчетливый до мелчайшихъ подробностей составъ фразы, удивительная изворотливость въ соединеніи выраженій, тончайшіе оттѣнки мыслей, схваты-

ваемые ловкимъ употребленіемъ частицъ, — все это слагалось въ особенный типъ рѣчи великаго философа и заставляло, при чтеніи, вдумываться въ нее почти непрерывно. Поэтому, нечего и говорить, что Платоновъ языкъ, когда хотятъ перелагать его на нынѣшнюю живую рѣчь со всею точностію, представляетъ величайшія затрудненія. Но тутъ-то и дознается превосходство русскаго языка предъ всѣми романскими и кельтическими нарѣчіями. Принявъ въ основаніе славянскія формы, сроднившія его съ формами широко развитаго въ этимологическомъ отношеніи языка греческаго, онъ получилъ необыкновенную гибкость и возможность выражать самомалѣйшіе оттѣнки мысли; а сблизившись съ законами фразеологіи языковъ кельтическихъ, онъ пріобрѣлъ способность дѣлать свою рѣчь, когда нужно, сжатою, сильною, энергическою и быстрою, — такую способность, которой позавидовали бы и Софоклы. Пользуясь этими-то преимуществами русскаго языка, незабвенный Гнѣдичъ могъ оставить намъ такой переводъ Иліады, съ которымъ въ близости и точности не равняется ни одинъ изъ западно-европейскихъ переводовъ той же книги. Пробовалъ и я, сколько могъ, гибкость и богатство родной нашей рѣчи на языкѣ Платона, и хотя сознавалъ недостаточность лексикографическихъ и грамматическихъ ея способовъ, но, если исключить пословицы и этимологическія принаровленія, — сознавалъ только въ немногихъ случаяхъ. Невозможно было передать буквально лишь нѣкоторыя формулы и термины, характеризовавшіе соціальныя отношенія Грековъ, каковы, напримѣръ, звательные — ὦ 'γαθέ, ὦ δαιμόνιε, ὦ κάλλιστε, и т. п. Нельзя было также выдержать по русски буквальный смыслъ и нѣкоторыхъ отвѣтныхъ

формулъ въ діалогѣ Платона, каковы: ἔγωγε, ἔμοιγε, πάνυ μὲν οὖν, παντάπασι μὲν οὖν, καὶ μάλα, σφόδραγε, πολύγε. И эти идіотизмы я долженъ былъ выражать, примѣняясь больше къ намѣренію философа, чѣмъ слѣдуя собственному значенію употребляемыхъ имъ словъ.

Въ числѣ затрудненій, представлявшихся мнѣ при переводѣ Платона на русскій языкъ, было и произношеніе собственныхъ именъ; и это зависѣло уже конечно не отъ греческаго или русскаго языка, а отъ исторіи научнаго нашего образованія. Извѣстно, что у древнихъ Грековъ почти всѣ гласныя произносимы были двояко — въ однихъ слогахъ гортанью, въ другихъ — полостію рта, отъ чего и происходила мелодичность ихъ говора. Но гортань римская и славянская не принимала участія въ произношеніи гласныхъ буквъ. Отсюда, при переложеніи собственныхъ именъ на латинскій или славянскій языкъ, можно было либо слѣдовать одному буквенному составу ихъ въ греческомъ, либо, вмѣстѣ съ буквами, стараться удерживать также гортанное или негортанное ихъ произношеніе. Первый способъ усвоили себѣ Славяне, а послѣдній — Римляне, и предъ гортанною гласною ставили букву h. По этому одно и тоже собственное имя у Славянъ произносилось, наприм. Иродъ, а у Римлянъ Herodes. Такое же несогласимое различіе органовъ — римскаго и славянскаго было и въ отношеніи къ греческой гласной η, которую Римляне произносили какъ *е*, а Славяне, какъ *и*. Послѣ сего естественно возникаетъ вопросъ: кому лучше слѣдовать, перелагая собственныя имена съ греческаго на русскій языкъ? римскаго ли держаться способа, или славянскаго? Судя по тому, что мы, по происхожденію, Славяне, надобно бы конечно предпо-

честь произношеніе славянское: но на научное наше развитіе въ продолженіе послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ имѣлъ столь сильное вліяніе языкъ латинскій со всѣми романскими его отраслями, что терминологія собственныхъ именъ изъ области исторіи, географіи, медицины, философіи и проч. сдѣлалась для насъ весьма привычною; такъ что теперь какъ будто и странно уже Гераклита называть Ираклитомъ, Филеба — Филивомъ, и т. д. Съ другой стороны, нельзя однакожъ не замѣчать, что при всемъ вліяніи западной интонаціи на нашу рѣчь, въ отечественномъ нашемъ органѣ, относительно произношенія собственныхъ именъ, сохранилось все еще много роднаго, славянскаго; народная память, покровительствуемая преимущественно языкомъ священнымъ и церковнымъ, никакъ не хочетъ и не можетъ разстаться съ звуками нѣкоторой до-Петровской номенклатуры, и называть Ираклія Геракліемъ, Исихія—Гезихіемъ, Ипполита — Гипполитомъ и т. д. Къ славянскому произношенію многихъ собственныхъ именъ немало сверхъ того пріучили насъ въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія и нѣкоторые свѣтскіе наши писатели, хорошо понимавшіе сродство коренныхъ законовъ нашей грамматики съ языкомъ Кирилла и Меѳодія, а чрезъ нихъ и съ конструкціею языка греческаго. Благодаря имъ, мы теперь не задумываемся называть Гомера Омиромъ, Гезіода — Исіодомъ, Геру — Ирою и т. д. Подражая этимъ писателямъ и раздѣляя ихъ убѣжденіе, старался и я, гдѣ только можно было безъ дикости и странности, возвращать произношеніе собственныхъ именъ къ способу славянскому и очищать русскую рѣчь съ этой стороны отъ чуждаго и несроднаго ей характера. Такимъ-то моимъ направленіемъ

пусть объясняютъ филологи, что Демосѳенъ у меня пишется Димосѳеномъ, Ктезиппъ—Ктизиппомъ, Аристодемъ—Аристодимомъ, и т. д. Касательно собственныхъ именъ считаю нужнымъ сказать еще то, что всѣ оканчивающіяся по гречески на ος и ης, (исключая Λάχης) я передавалъ по русски въ формѣ усѣченной, напр. Απολλοδόρος писалъ Аполлодоръ, Σωκράτης—Сократъ; а всѣ имѣющія окончаніе ις, ων и ας (исключая Προτάγορας) произносилъ и писалъ по русски почти такъ же, какъ они произносятся и пишутся по гречески, напр. Πλάτων — Платонъ, Γλαύκων — Главконъ, Παυσάνιας—Павзаніасъ, Κλείνιας—Клиніасъ, Λυσις—Лизисъ, и проч.

Не боясь никакихъ внутреннихъ препятствій къ изданію на русскомъ языкѣ Платона, я однакожъ долго не рѣшался приняться за это дѣло: меня пугала сомнительная судьба многотомныхъ твореній въ такомъ родѣ, каковъ философскій. Найдетъ ли у насъ Платонъ довольно читателей? Эта мысль долго колебала меня: я думалъ, передумывалъ, представлялъ направленіе нынѣшняго образованія, соображалъ требованія современнаго общества, вслушивался въ толки о философіи, ожидалъ внушеній Сократова генія; но ничто не просвѣтляло моей мысли и не наклоняло ея къ чему нибудь опредѣленному. Одно только обстоятельство дѣлало легкій перевѣсъ въ пользу изданія: это—пробужденіе духовенства къ развитію въ своей средѣ учено-литературной дѣятельности и стараніе министерства возстановить на каѳедрахъ его училищь здравую и плодоносную въ своихъ основаніяхъ филоѳофію. Почему же, думалъ я, въ такую пору всеобщаго стремленія къ установленію прочной учености въ Россіи не пригодились бы идеи Плато-

на, когда и въ прежнія времена, за три вѣка предъ этимъ, его именно твореніями открывалась эпоха возрожденія наукъ на западѣ Европы? — Итакъ рѣшено: печатать и, если Богъ поможетъ, довести изданіе до совершенной полноты. При этомъ представлялся мнѣ и другой вопросъ: надобно ли ограничиться только продолженіемъ изданія, то есть печатаніемъ 3-го, 4-го, 5-го и т. д. томовъ, или приступить къ изданію второму, начавъ его съ тома 1-го? Мысль о продолженіи изданія показалась мнѣ неосуществимою; потому что, при нынѣшнемъ усовершеніи русской прессы, я не нашелъ бы ни такой бумаги, на какой напечатаны первые два тома, ни такого шрифта, какимъ они напечатаны. По этому надлежало начать сначала. Но пользуясь необходимостію перепечатанія двухъ первыхъ томовъ, я счелъ не лишнимъ кстати пересмотрѣть ихъ текстъ и снова свѣрить его съ текстомъ греческимъ. Горацій сказалъ же: opus nonum premetur in annum; а мой трудъ изданъ былъ не за 9, а за 22 года назадъ; слѣдовательно нѣтъ ничего естественнѣе, что нынѣшній переводчикъ могъ во многомъ исправить прежняго и даже по мѣстамъ сгладить нѣкоторыя неровности русскаго его выраженія.

Ревнуя о чести русской литературы, я старался, чтобы русскій нашъ Платонъ не уступалъ ни одному изъ иностранныхъ—не только въ вѣрности и возможной точности перевода, но и въ приложеніяхъ, облегчающихъ чтеніе и пониманіе великаго философа. По этому, согласно высказанному мною прежде обѣщанію, я каждому діалогу предпосылаю введеніе, съ цѣлію показать его планъ и содержаніе, и, гдѣ нужно, объясняю отдѣльныя мысли подстроч-

ными историческими, философскими и частію филологическими примѣчаніями, а въ заключеніе надѣюсь снабдить изданіе и подробными указателями.

Желалъ сдѣлать хорошее и хорошо,—это знаетъ моя совѣсть; а сдѣлалъ ли, — пусть судятъ люди, знающіе дѣло.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА.

Біографы Платона несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о времени его рожденія: одни полагаютъ, что онъ родился во второмъ [1], другіе въ четвертомъ [2] году 87 олимпіады, а иные въ первомъ [3] 88. Но всѣ согласны въ томъ, что онъ умеръ въ третьемъ году 108 ол. (348 до Р. Х.), и что прожилъ около 81 года [4]. Основываясь на этихъ двухъ несомнѣнныхъ показаніяхъ, и ими, какъ данными, опредѣляя неизвѣстное, мы заключаемъ, что Платонъ родился въ третьемъ году 87 ол. (429 до Р. Х.), и при томъ, по изслѣдованію Аста [5], 7 Таргеліона, который соотвѣтствуетъ нашему Маю. Мѣстомъ рожденія Платона Діогенъ Лаерцій (III, 3) почитаетъ островъ Эгину и подтверждаетъ свое показаніе тѣмъ, что въ третьемъ году 87 ол. Аѳиняне, изгнавъ Эгинянъ, населили островъ но-

---

[1] По показанію Неанта у *Diog. L.* III 3.

[2] *Nunnesius* ad vit Arist. p. 34. 76 sqq. *Dodwell.* de cyclis. dissert. X. § 80 p. 609.

[3] *Diog. L.* III. 2. *Scalig.* Euseb. chron, 1592. p. 100. *Tenneman* Syst. d. Plat. Philos. B. 1 p. 5.

[4] *Diog. L.* III. 2.; *Cicer.* de senect. 5; *Senec.* Epist. 58 § 27.

[5] *Ast* Platons Leben und Schriften S. 14.

выми жителями, между которыми могъ быть и Аристонъ, отецъ Платона [1]. Что же касается до происхожденія нашего философа, то древніе, можетъ быть, принося дань удивленія генію своего вѣка, говорятъ объ этомъ много баснословнаго. Вѣрно только то, что Платонъ, по матери своей Периктіонѣ, которая была дочь Главка и сестра Хармида, происходилъ отъ Солона, а по отцу, Аристону,— отъ знаменитаго Аѳинскаго государя Кодра [2].

Воспитаніе Платону было дано соотвѣтственное высокому его происхожденію. Образованіемъ его занимались отличнѣйшіе наставники того времени: грамматикѣ учился онъ у Діонисія, гимнастикѣ у Аристона Аргивянина [3], который [4] за прекрасную наружность, открытое чело и счастливое тѣлосложеніе своего ученика, далъ ему имя «Платона,» вмѣсто прежняго имени «Аристокла». Въ гимнастикѣ Платонъ оказалъ столь великіе успѣхи, что на Истмійскихъ и Пиѳійскихъ играхъ явился въ качествѣ публичнаго атлета. Музыку преподавали ему — Аѳинянинъ Драконъ, ученикъ славнаго Дамона [5] и Агригентинецъ Метеллъ [6]. Платонъ занимался также живописью; но съ

---

[1] *Corsini* fast. attic. T III. p. 230. sqq.

[2] Греки называли Платона божественнымъ—или потому, что его предки, Солонъ и Кодръ, производили свой родъ отъ Нептуна, или потому, что его ученіе отличалось особенною высотою и почти всегда обращалось къ чувству религіозному. Впрочемъ древность не затруднялась въ пріисканіи основанія для подобныхъ названій. Спевзиппъ, племянникъ Платона, выдумалъ басню, что дядя его родился не отъ Аристона, а отъ Аполлона, еще въ дѣтствѣ Периктіоны, и что дивный даръ слова, которымъ обладалъ Платонъ, былъ предзнаменованъ въ младенчествѣ его роемъ пчелъ, который, влетѣвъ къ нему въ уста, когда онъ спалъ, положилъ въ нихъ сотъ. *Apul.* de dogm. Pl. p. 249.

[3] *Diog. Laert.* III. 4.

[4] Tzetzes утверждаетъ. что имя Платона дано ему Сократомъ. Chil. 6. hist. 51, Chit. II hist. 390. Поводъ къ этому названію понимаютъ различно: одни,—ὅτι πλατύσωμος (широкотѣлый) ἦν. *Senes.* epist. 58; другіе,—propter πλάτὺ, copiosum atque apertum dicendi genus. *Plin.* Lib. 1. epist. 10; а Тимонъ Силлографъ имя Платона производитъ отъ πλάσαι образовать,—ὡς ἀνέπλασε Πλάτων πεπλασμένα θαύματα εἰδώς.

[5] *Olymp.* p. 77.

[6] *Plut.* de musica p. 1136.

особенною ревностію упражнялся въ поэзіи и написалъ нѣсколько лирическихъ, трагическихъ и героическихъ сочиненій, которыя однакожь впослѣдствіи сжегъ [1] и сдѣлался врагомъ стихотворства [2]. Древніе писатели говорятъ, что онъ даже служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Танагрѣ, Коринѳѣ и Делосѣ [3]. Но это показаніе вовсе несправедливо; потому что во время сраженія при Танагрѣ (88, 3 ол.) Платону не могло быть болѣе четырехъ лѣтъ, а въ битву Делосскую ему было около шести.

Прежде нежели Платонъ вступилъ въ число Сократовыхъ учениковъ, Кратилъ познакомилъ его съ философіею Гераклита: такъ говорятъ Аристотель и Апулей [4]. Но по свидѣтельству Діогена Лаерція и Олимпіодора [5], Платонъ слушалъ Кратила уже послѣ смерти Сократа, и его именемъ назвалъ одинъ изъ своихъ разговоровъ. Изъ этого разговора видно, что Кратилъ дѣйствительно былъ послѣдователемъ Гераклита; но Платонъ не обнаруживаетъ къ нему уваженія, какъ къ своему учителю, а смотритъ на него, только какъ на памятную книгу Гераклитовыхъ мнѣній. По этому свидѣтельство Аристотеля можно понимать такъ, что Платонъ еще въ юношествѣ изучилъ Гераклита посредствомъ дружескаго собесѣдованія съ Кратиломъ. Діогенъ Лаерцій (III 6) къ числу Платоновыхъ учителей относитъ также и Гермогена, послѣдователя Парменидова, значитъ, ученика Элейской школы. Этотъ фактъ, по догадкѣ Теннемана [6], найденъ слѣдующимъ обра-

---

[1] Ἥφαιστε, πρόμολ' ὧδε, Πλάτων νῦν σεῖο χατίζει: (Ифестъ! приди сюда; Платону ты теперь нуженъ) сказалъ Платонъ, бросая въ огонь свои стихотворенія.

[2] Извѣстно, что поэзію Платонъ изгналъ изъ идеальнаго своего государства. De Rep. 11. p. 377 sqq.

[3] *Diog Laert.* III. 8. *Aelian.* V. H. VII. 14.

[4] *Arist.* metaph. 16; Apuleus p. 2. et antea quibem, dicit, Heracliti secta fuerat imbutus.

[5] *Diog. L.* III. 6.

[6] *Tenneman* Syst. d. Plat. Philos. B. I. p. 10.

зомъ: основываясь на словахъ Аристотеля, что Платонъ слушалъ философію Гераклита у Кратила, заключили, что учителемъ его былъ тотъ самый Кратилъ, именемъ котораго онъ назвалъ одинъ изъ своихъ разговоровъ; а какъ въ этой же бесѣдѣ разговариваетъ и Гермогенъ, послѣдователь Элейской школы, то, для сообразности, почли и его учителемъ Платона. Несомнѣнно въ этомъ отношеніи то, что Платонъ еще съ раннихъ лѣтъ занимался философіею Пиѳагора и Анаксагора: это видно изъ тѣхъ разговоровъ, которые написаны имъ при жизни Сократа. Но какъ онъ изучалъ Пиѳагора? — изъ сочиненій ли, напримѣръ, Филолая, или устно, чрезъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей, — опредѣлить трудно.

Имѣя около двадцати лѣтъ отъ роду (92, 3 ол.), Платонъ вступилъ въ число слушателей Сократа [1] и былъ ученикомъ его въ продолженіе десяти лѣтъ [2]. Эліанъ, Діогенъ, Апулей и другіе, описывая этотъ періодъ Платоновой жизни, снова примѣшали много вымысловъ; такъ что сказаній ихъ, безъ строгой критики, нельзя принять за истинныя. Нѣсколько вѣроятныя свѣдѣнія, относящіяся къ этому времени, состоятъ въ томъ, что Платонъ приходилъ въ судъ, какъ защитникъ обвиняемаго Сократа, что судьи приказали ему сойти съ каѳедры [3], что онъ, вмѣстѣ съ Критономъ, Критовуломъ и Аполлодоромъ, совѣтовалъ Сократу присудить себя къ денежному штрафу (въ 30 минъ) и вызывался внесть его [4].

---

[1] Діогенъ Лаерцій (III 5) разсказываетъ, что Сократъ видѣлъ во снѣ, будто молодой лебедь, оперившись на груди его, вдругъ распростеръ крылья, взлетѣлъ высоко и огласилъ воздухъ восхитительною пѣснію. Когда послѣ того Аристонъ привелъ къ нему Платона, — старецъ-философъ вскричалъ: «вотъ мой лебедь!»

[2] Сократъ умеръ въ 95, 1 ол. или за 400 л. до Р. X.

[3] *Diog. Laert.* II. 41. *Menag.* p. 94.

[4] Такъ говорится въ апологіи Сократа.

По смерти Сократа, Платонъ, вмѣстѣ съ другими его учениками, переѣхалъ въ Мегару къ Эвклиду [1]. Этотъ переѣздъ долженъ былъ случиться на 31, а не на 28 году его жизни, какъ утверждаетъ Діогенъ (III, 6). Потомъ онъ ѣздилъ въ Киринею къ математику Θеодору, и въ Италію — къ Пиθагорейцамъ. Древніе писатели о путешествіяхъ Платона разсказываютъ не одинаково. Одни [2] говорятъ, что онъ прежде путешествовалъ въ Египетъ, а потомъ въ Италію; другіе, [3] напротивъ, что прежде въ Италію, а потомъ въ Египетъ. По словамъ Діогена Лаерція (III 6), Платонъ сначала отправился въ Киринею къ Θеодору, а послѣ въ Италію и Сицилію. Это сказаніе достовѣрнѣе потому, что на обратномъ своемъ пути изъ Сиракузъ въ Аθины, онъ былъ высаженъ и проданъ. При томъ Цицеронъ говоритъ: Sed audisse te credo, tum vero Platonem, Socrate mortuo, in Aegyptum discendi causa, *post* in Italiam contendisse. Также въ книгѣ de finibus: nisi enim id faceret, cur Plato Aegyptum peragravit, ut a sacerdotibus barbaris numeros et coelestia acciperet? Cur *post* Tarentnm ad Arhytam? Cur ad reliquos Pythagoreos, Echecratem, Timaeum, Locros? Изъ словъ нѣкоторыхъ писателей можно заключать, что Платонъ путешествовалъ и по Азіи. Такъ Цицеронъ говоритъ [4]: *Ultimas* terras lustrasse Pythagoram, Democritum, *Platonem* accepimus. Но еще яснѣе Лактанцій [5]: Soleo mirari, quid cum Pythagoras et postea *Plato* amore indagandae veritatis accensi, ad Aegyptios et *Magos* et *Persas* usque penetrassent, ad Iudaeos tantum non accesserint. По словамъ Климента Александрійскаго [6], Платонъ у Вавилонянъ изучалъ астрономію, у Ассиріянъ — ихъ мудрость, у Евреевъ — ихъ законы и религію; а по

---

[1] *Diog. Laert.* II. 106.
[2] *Cicer.* de finib. V. 29. Val. Max. VIII. 7. 3.
[3] *Quintil.* inst. orat. 1. 12 § 15. *Apulei* p. 2.
[4] Tuscul. quaest. IV 19.
[5] Inst. IX. 2.
[6] Admonit. de gent. p. 46. A.

Олимпіодору, онъ посѣщалъ и Финикію. О цѣли его путешествій древніе писатели говорятъ различно. По свидѣтельству Цицерона [1], онъ путешествовалъ въ Египетъ для того, чтобы у тамошнихъ жрецовъ учиться ариѳметикѣ и астрономіи, а по сказанію Квинтиліана [2], чтобы вступить въ таинства Египетской религіи. Впрочемъ, странно было бы представлять какую - нибудь опредѣленную цѣль его путешествій: люди мыслящіе, во всѣ времена любили обогащаться познаніями различныхъ странъ свѣта; а въ древности для Грековъ какая страна могла быть привлекательнѣе Египта, — отечества Эллинскаго образованія, сокровищницы восточной мудрости? По словамъ Діогена Лаерція (III 6), сопутниками Платона были, Эврипидъ и Книдіецъ Эвдоксъ [3]. Но Эврипидъ умеръ въ 93, 2 ол.; слѣдовательно не могъ сопутствовать Платону. Во время Страбона, въ Иліополисѣ показывали еще мѣсто, гдѣ жили Платонъ и Эвдоксъ [4]. Діогенъ говоритъ, что они находились тамъ тринадцать лѣтъ (не три ли только?) и введены были въ таинства Египетскихъ жрецовъ. Плутархъ въ сопутники Платону даетъ еще Симміаса, ученика Сократова [5].

Въ Киринеѣ у Ѳеодора Платонъ учился математикѣ: такъ говоритъ Апулей (De habit. Doctr. Plat. p. 2). Но математикъ Ѳеодоръ, котораго, еще прежде смерти Сократа, слушали многіе молодые Аѳиняне, изображается въ Платоновомъ Теэтетѣ просто, какъ эмпирическій геометръ и послѣдователь Пиѳагора. Въ этомъ разговорѣ Сократъ какъ будто шутитъ надъ нимъ и вызываетъ его

---

[1] De fin. V. 29.

[2] Inst. orat. 1, 12. § 15. *Lucan.* Phars. X. 181. *Georg. Cedren.* synops. hist. T. 1. p. 94. B.

[3] *Діогенъ Лаерцій* (VIII. 86) почитаетъ его ученикомъ Платона. *Cicer.* de divin. II. 42. *Plut.* advers. Col. p. 1126. D.

[4] *Strab.* XVII. § 29. p. 558.

[5] De däemonio Socratis p. 578.

на діалектическую борьбу. Такое свидѣтельство Платона ни сколько не подтверждаетъ словъ Апулея.

Когда Платонъ, на возвратномъ пути изъ Египта, прибылъ въ Карію [1], — Делосъ прислалъ къ нему депутацію съ просьбою изъяснить слова оракула, который приказывалъ усугубить алтарь на островѣ Делосѣ. По прибытіи въ Аѳины, или, можетъ быть, прямо изъ Каріи, Платонъ предпринялъ другое путешествіе въ Тарентъ, къ извѣстнѣйшимъ въ то время Пиѳагорейцамъ, — однакожь не для того, чтобы вступить въ ихъ школу, какъ думали древніе, но вѣроятно для возобновленія съ ними прежнихъ дружескихъ связей [2]. Что онъ не былъ ученикомъ Архита и другихъ Пиѳагорейцевъ, это ясно даже изъ его упрековъ [3] Эвдоксу и Архиту, которые, прилагая механику къ стратегіи, по его мнѣнію, унижали геометрію, потому что отъ предметовъ умственныхъ переводили ее къ матеріальнымъ.

Изъ Тарента и Великой Греціи Платонъ отправился въ Сицилію — по мнѣнію однихъ [4] для того, чтобы видѣть изверженіе Этны; по словамъ сочинителя седьмаго письма — для того, чтобы собрать опыты, относящіеся къ законодательству и политикѣ; нѣкоторые же [5] говорятъ, что Діонъ, благородный юноша [6], побуждаемый громкою славою Платона, упросилъ своего государя и родственника пригласить его въ Сиракузы. Платоновы наставленія, продолжаютъ они, сдѣлали на Діона столь сильное впечатлѣніе, что, возненавидѣвъ развратную жизнь изнѣженныхъ Сиракузянъ, онъ вознамѣрился со временемъ освободить своихъ согражданъ отъ ига деспотиче-

---

[1] Такъ повѣствуетъ Плутархъ De daem. Socr. p. 579. B.

[2] См. Phaedon. p. 61. D. E. *Wittenb.* p. 130.

[3] *Plut.* vitae paralellae illustt. imperat. v. Marcellus.

[4] *Diod. Syc.* XV. 7. *Athenag.* XI 507. *Apulei* p. 3. *Diog. Laert.* III. 18. *Olympiod.* p. 79.

[5] *Corn. Nepot.* X. 2.

[6] Epist. VII. 324. A. 326. A. *Cicer.* de orat. III. 34. *Plut.* Dion.

ской власти и осчастливить ихъ постановленіемъ новыхъ, мудрыхъ законовъ. Но Діонисію бесѣды Платоновы не были такъ пріятны, какъ Діону: напротивъ, онѣ возбудили въ немъ мысль посягнуть даже на жизнь Аѳинскаго мудреца; и только покровительство Аристомена и Діона могло спасти его отъ смерти. Впрочемъ Діонисій успѣлъ уговорить Спартанскаго посланника Полиса взять Платона на свой корабль и продать его на островѣ Эгинѣ, который въ то время велъ войну съ Аѳинянами. Такимъ образомъ Платонъ былъ проданъ; но Киринеянинъ Аннихерисъ [1], выкупивъ его за 20 или за 30 минъ, препроводилъ въ Аѳины.

Возвратившись въ отечество, Платонъ открылъ философскую каѳедру въ Академіи [2], находящейся въ предмѣстіи Аѳинъ, гдѣ былъ и собственный его садъ [3]. О методѣ его ученія и правилахъ школы дошло до насъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Олимпіодоръ говоритъ, что почитая математику наукою, необходимою для философа, Платонъ надъ дверьми своей аудиторіи сдѣлалъ слѣдующую надпись: *ουδεὶς ἀγεομέτρητος εἰσίτω* [4]. Уроки его, также какъ и Пиѳагоровы, говорятъ, раздѣлялись на эсотерическіе и эксотерическіе: но достовѣрно ли это мнѣніе, — увидимъ ниже. Ученіе Платона было столь увлекательно, что его слушали соотечественники и иностранцы, юноши и старики, полководцы и политики. Изъ безчисленнаго множества Платоновыхъ слушателей, исторія сохранила знаменитыя имена Тимоѳея, Фокіона, Иперида, Димосѳена и другихъ.

---

[1] *Diog. Laert.* III. 20. *Plut.* 960. A.

[2] *Diog. Laert.* III. 9. *τὸ δ' ἐστι γυμνάσιον προάστειον ἀλσῶδες, ἀπό τινος ἥρωος ὀνομασθὲν Ἑκαδήμου.*

[3] По словамъ Діогена Лаерція (III. 20), Платонъ возвратилъ Аннихерису деньги, заплаченныя имъ за его свободу; но Аннихерисъ купилъ на нихъ усадьбу, или загородную мызу близь Академіи, и подарилъ ее Платону.

[4] Безъ знанія геометріи, никто не входи.

Чрезъ 20 лѣтъ отъ основанія Академіи (103. 1 ол.), Діонисій Старшій умеръ, и на престолъ Сициліи вступилъ сынъ его Діонисій Младшій. Говорятъ, что Діонъ, не теряя изъ виду политическаго своего плана, просилъ юнаго государя пригласить къ себѣ Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ самому философу, чтобы онъ не отказался отъ приглашенія [1]. Діонисій дѣйствительно сдѣлалъ по желанію своего родственника, — и Платонъ, сдавъ на время академическую каѳедру Гераклиту Понтійскому, отправился съ Спевзиппомъ въ Сиракузы. Государь принялъ его очень милостиво, даже съ отличною честію [2]: однакожь надежда Діона не исполнилась; потому что въ его дѣло вмѣшалась другая политическая партія, управлявшаяся историкомъ Филистомъ. Она навела на Діона подозрѣніе въ томъ, что онъ, подъ предлогомъ попеченія о образованіи Діонисія, скрывалъ намѣреніе овладѣть его престоломъ. По этому Діонъ былъ изгнанъ изъ Сициліи, а Платонъ съ трудомъ получилъ позволеніе возвратиться въ Грецію. Впрочемъ, не смотря на столь враждебныя чувствованія къ Платону, Діонисій вскорѣ снова и не однократно звалъ его въ Сиракузы, прислалъ за нимъ корабль и обѣщался исполнить всѣ его желанія касательно Діона. Въ тоже время Діонъ, Архитъ и другіе Пиѳагорейцы извѣщали его, что Діонисій совершенно посвятилъ себя философіи и настоятельно просили не отвергать его приглашенія. Убѣжденный этими просьбами, Платонъ, въ четвертомъ году 104 олимпіады, предпринялъ третіе путешествіе въ Сицилію [3]; но, по пріѣздѣ туда, скоро замѣтилъ, что друзья представляли ему надежды несбыточныя. Разсмотрѣвъ дѣло вблизи, онъ

---

[1] Epist. VII. 329. C.

[2] *Svidas* Heracl. Epist. II. 73. Aelian. IV. II. V. 18. Plin. H. N VII. 30. *Menz* in Aristippi vita (Hal. M. 173 9) p. 25.

[3] *Corsini* de dic nat. p. 107. 113. *Bartelemy* voyage du jeune Anach. примѣч. къ главѣ xxxiii. T. IV. p. 278. spp. Платонъ былъ тогда 69 лѣтъ отъ роду. Epist. VII. 338 C. ἀποκρινάμενος, ὅτι γέρων τε εἴη.

нашелъ въ Діонисіѣ, вмѣсто искренняго расположенія къ философіи, одно тщеславіе: поэтому началъ опять приготовляться къ отъѣзду; а Діонисій старался удержать его. Между тѣмъ, въ отношеніи къ Діону, приняты были мѣры еще строжайшія. Діонисій, будучи, по праву родственника, опекуномъ сына Діонова, объявилъ за послѣднимъ половину имущества, принадлежавшаго отцу, и продалъ все недвижимое его имѣніе. Въ тоже самое время подвергся великой опасности и Платонъ, принявъ къ себѣ Гераклида, друга Діонова, котораго обвиняли въ возмущеніи Діонисіева войска, а разговоръ Платона съ Ѳеодотомъ, другимъ другомъ Діоновымъ, еще болѣе раздражилъ Діонисія; такъ, что Аѳинскій философъ отданъ былъ подъ стражу и со дня на день ожидалъ смерти. Узнавъ о столь бѣдственномъ положеніи своего друга, Архитъ, подъ видомъ посольства, отправилъ къ Діонисію Ламиска, который наконецъ упросилъ его отпустить Платона и выдать ему путевыя деньги. На возвратномъ пути Платонъ узналъ, что Діонъ, во время Олимпійскихъ игръ, готовился къ войнѣ противъ Діонисія; а потому послѣдній отъѣздъ его изъ Сициліи былъ въ первомъ году 105 олимпіады.

Вотъ краткое обозрѣніе разсказовъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго міра, о путешествіяхъ Платона въ Сицилію и объ обстоятельствахъ его тамъ пребыванія. Судя по историческому достоинству тѣхъ источниковъ, откуда онѣ почерпнуты, ихъ нельзя почитать несомнѣнными. Усвояемыя Платону письма, изъ которыхъ Плутархъ, Діогенъ Л. и другіе заимствовали изложенные нами факты, суть произведенія вѣроятно одного изъ учениковъ, или почитателей Платона; слѣдовательно, всѣ сказанія о намѣреніяхъ нашего философа, о его пребываніи въ Сиракузахъ, о его отношеніяхъ къ Діону и Діонисію, совершенной достовѣрности не имѣютъ. Несомнѣннымъ здѣсь можно почитать только то, что Платонъ изъ Тарента при-

былъ въ Сиракузы по приглашенію Діона, который, находясь въ связяхъ съ Тарентскими Пиѳагорейцами, узналъ чрезъ нихъ о славномъ мудрецѣ Аѳинскомъ; что по смерти Діонисія Старшаго, Діонъ пригласилъ его въ другой разъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Платонъ преподалъ юному государю истинно благія правила, отклонилъ его отъ привычекъ порочной жизни и своимъ вліяніемъ расположилъ его сердце къ дядѣ, который никогда не пользовался его любовію. Принявъ это за вѣрное, должно согласиться, что путешествуя въ Сицилію, Платонъ не имѣлъ ни философской, ни политической цѣли, не замышлялъ государя сдѣлать философомъ, а его государство—республикою, и осуществить свою политическую идею: одно только чувство дружбы къ Діону и надежда быть полезнымъ Діонисію, заставили его подвергаться опасностямъ пути и превратностямъ политической жизни. Справедливость этой мысли особенно подтверждается тѣмъ мѣстомъ въ четвертомъ разговорѣ Платона о законахъ, гдѣ онъ монархическое правленіе предпочитаетъ всѣмъ прочимъ, и для мудраго законодательства требуетъ государя мудраго, юнаго, одареннаго хорошими способностями ума, образованнаго, мужественнаго и съ возвышенными чувствованіями. Это мѣсто всегда можетъ быть апологіею Платона и въ отношеніи къ Діонисію [1].

Хотя сочиненія и философія Платона гораздо болѣе знакомятъ насъ съ его характеромъ, нежели самыя свидѣтельства современниковъ; однако скажемъ нѣсколько словъ и о его ха-

[1] Въ письмахъ, усвояемыхъ Платону и его друзьямъ, есть намеки, по которымъ можно думать, что онъ находился въ тѣсной связи съ сильными въ то время аристократами, разсѣявшимися по Сициліи, Италіи и Греціи, и что эта связь прикрывалась завѣсою тайны и образовала Пиѳагорейскій союзъ. Но сомнительно, чтобы Платонъ былъ членомъ этого братства; потому что онъ вообще не любилъ тайныхъ обществъ и мало цѣнилъ дружбу людей соединенныхъ для какой бы то ни было сокровенной цѣли. См. Письмо VII р., 333. D. Платону не приписываютъ никакихъ политическихъ замысловъ во время пребыванія его въ Сиракузахъ, но приписываютъ ихъ Спевзиппу. См. *Plutarch.* Vit. Dion.

рактерѣ. Платонъ, говорятъ [1], небылъ такъ веселъ, откровененъ и любезенъ, какъ Сократъ, но казался скрытнымъ и угрюмымъ, и, по тогдашней пословицѣ, совершенно изгналъ изъ Академіи бога веселости и смѣха. Но изгнаніе смѣха и веселости могло казаться недостаткомъ только для людей легкомысленныхъ, и въ такомъ вѣкѣ, когда училъ Платонъ, то есть, когда Греки искали во всемъ болѣе развлеченія и блеска, нежели наставленій и пользы. Говорятъ также, что онъ питалъ тайную вражду къ прочимъ ученикамъ Сократа, или по крайней мѣрѣ презиралъ ихъ [2]. Это конечно могло быть: онъ не имѣлъ хорошаго понятія о философіи Антисѳена, Аристиппа и Эвклида. Слава академіи, всеобщее удивленіе, приносимое въ жертву ея основателю, внутреннее сознаніе преимущества предъ современными мыслителями,—все это легко могло расположить Платона къ нѣкоторому самомнѣнію и гордости. Но если, по пословицѣ, и Гомеръ иногда дремалъ; то почемужь не дремать Платону! За то, по свидѣтельству Плутарха [3], онъ самъ себя строже наказывалъ за гордость, нежели враги его. Къ числу враговъ и завистниковъ Платона Діогенъ Л. (III. 34. 35) относитъ преимущественно Ксенофонта, который, какъ бы состязаясь съ Платономъ, старался писать въ томъ же родѣ и о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Поводомъ къ этой неизвѣстной у насъ прагматической полемикѣ, говорятъ, послужилъ невыгодный отзывъ Платона о Ксенофонтовой киропедіи, выраженный въ его государствѣ [4]. Наконецъ упрекаютъ Платона и въ томъ, что онъ вносилъ въ свои тво-

---

[1] *Diog. L.* III. 26. *Aelian* III. 35. см. *Meiner's* Geschichte des Ursprungs, Fortgangs und Verfalls der Wissenschaften. Th. II. B. VIII. Cap. 3.

[2] Diog. L. III. 34, 35.

[3] *Plutarch.* VIII. 178.

[4] Книга: *περὶ παλαιᾶς τρυφῆς*, приписываемая Аристиппу, и эпиграммы у Діог. Л., будто бы написанныя Платономъ, обвиняютъ нашего философа въ худой нравственности: но эти документы столь сомнительны, что ни сколько не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ обвиненій. *Diog. L.* III. 29. *Athen.* XIII. p. 589. О враждѣ Платона съ Ксенофонтомъ чит. *Böckh.* de Simultate, quam Plato cum Xenophonte exercuisse fertur.

ренія чужія мысли, даже чужія сочиненія [1], что всѣ его разговоры суть просто компиляціи [2], что его Тимей есть списокъ съ древней рукописи Тимея [3], что его государство — не что иное, какъ переработка Протагоровыхъ антилогій [4], что онъ весьма много заимствовалъ у комика Эпихарма и для той же цѣли купилъ три книги Пиѳагоровы. Но если Платонъ и пользовался чужими мыслями, то пользовался какъ геній, который, собирая матеріалы, даетъ имъ собственную форму и творитъ новое, оригинальное, неподражаемое. Вотъ что говоритъ объ этомъ Thiersch [5]: Platoni vero illud non est opprobrio vertendum. Nam quod erat profundum ejus ingenium et infinita mentis capacitas, omnia, quæ ab aliis aut inventa aut disputata erant, intento studio recolebat secum atque fovebat, ut divino ipsius lumine illustrata miraque arte efformata novo tum splendore tum cultu in conspectum hominum emitterentur. Licet igitur vel centum Timones et Athenaei, magnorum ingeniorum humiles ipsi osores, loca nobis monstrarent, in quibus multiplicis eruditionis fontes ante stagnaverint, quam Platonis afflatu in limpidos liquores mutata profluerent, nihil tamen ejus laudi derogare possent. Quæ enim Platonis studio retractantur, ea Platonis propria fiunt, cujusque tandem antea fuisse perhibeantur.

Платонъ умеръ, какъ сказано выше, въ первомъ году 108 ол., и при томъ въ мѣсяцѣ Экатомвеонѣ (а не въ день своего рожденія, въ Таргеліонѣ, какъ полагаетъ Сенека [6]. Онъ прожилъ 81 годъ и, кажется, до послѣдней минуты своей жизни, то писалъ, то исправлялъ написанное [7]. По смерти этого великаго мужа, на восковой его доскѣ нашли

---

[1] *Diog. L.* VI. 27.
[2] *Athen.* XI p. 15.
[3] *Timon.* Aul. Gell. III. 17.
[4] *Diog. L.* III. 37.
[5] Diatrib. de Aristobulo 1806. p. 65.
[6] Epist. L. VIII. § 27.
[7] *Cicer.* de Senect. 5.

прологъ его государства со множествомъ перемарокъ и поправокъ [1]. Аѳиняне воздвигли ему памятникъ съ надписью, не въ дальнемъ разстояніи отъ Академіи, въ которой онъ былъ погребенъ; а Митридатъ, по свидѣтельству Фаворина [2], приказалъ Силаніану сдѣлать статую Платона и поставилъ ее въ Академіи.

---

[1] *Dionys. Halicarn.* de comp. verb. c. 25. *Quint.* inst. orat. VIII. 6. *Muret.* var. lect, XVIII. 8.

[2] Diog. L. III. 25. На пьедесталѣ этой статуи была надпись: Μιτριδάτης ὁ Ῥοδοβάτου Πέρσης Μούσαις εἰκόνα ἀνέθετο Πλάτωνος, ἣν Σιλανίων εποίησεν

О СОЧИНЕНІЯХЪ ПЛАТОНА.

Общій, предварительный взглядъ на сочиненія Платона, по нашему предположенію, долженъ руководствовать читателя къ пріобрѣтенію вѣрнаго о нихъ понятія, и служить ему предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію ихъ духа и характера. Если какая книга имѣетъ нужду въ подобномъ введеніи, то безъ сомнѣнія сочиненія Платона; потому что ни древній, ни новый міръ не представляютъ писателя, который бы имѣлъ большее право жаловаться на позднѣйшихъ ученыхъ, какъ Платонъ, котораго бы такъ немилосердо переиначивали и перетолковывали, какъ его. Сократъ, выслушавъ написаннаго Платономъ Лизиса, сказалъ [1]: «Безсмертные боги! чего не выдумаетъ на меня этотъ молодой человѣкъ!» Но что сказалъ бы Платонъ, прочитавши всѣ изложенія своей философіи, всѣхъ своихъ комментаторовъ и историковъ, отъ Аристотеля и Плутарха до Теннемана и Риттера? Какъ часто и разнообразно они измѣняли его ученіе! Сколько приписывали ему и сколько отнимали у него произвольно! Самыя сочиненія Платона

[1] Diog. L. III. 35.

то увеличивались, то уменьшались въ своемъ объемѣ, смотря потому, сколько кому угодно было отдѣлить подложныхъ отъ подлинныхъ его разговоровъ. Платонъ, своимъ твореніямъ какъ будто завѣщалъ даръ Протея — скрывать въ однихъ и тѣхъ же формахъ всѣ идеи и обнаруживать ту или другую, сообразно съ желаніемъ и духомъ читателя. Но между тѣмъ все это происходило отъ недостатка строгой и отчетливой критики, и отъ того, что на нихъ смотрѣли большею частію, какъ на памятникъ просто литтературы, а не философіи, которая въ этомъ случаѣ была по крайней мѣрѣ дѣломъ второстепеннымъ. Риттеръ справедливо замѣтилъ [1], что великаго мыслителя рѣдко понимаютъ современники, что только время и потомство выясняютъ его идеи. Потомки окружаютъ его, какъ своего учителя; потому что вѣка грядущіе суть ученики протекшихъ.

Но чтобы составить вѣрное понятіе о сочиненіяхъ Платона, надлежало бы прежде обратить вниманіе на современное Платону состояніе Греціи, на главное направленіе тогдашней философіи, на духъ ученыхъ произведеній, принадлежавшихъ той эпохѣ, на степень ихъ распространенія, на нравственный характеръ соотечественниковъ нашего философа и пр. Все это безъ сомнѣнія было условіемъ, подъ которымъ сочиненія Платона должны были получить такія или другія свойства; слѣдовательно все это могло бы объяснить многое, что въ нихъ темно, подвергнуть сомнѣнію то, что теперь кажется несомнѣннымъ, и вообще—привести къ такимъ результатамъ, которыхъ до сихъ поръ мы, можетъ быть, и не представляемъ. Но эти изслѣдованія увлекли бы насъ далеко за предѣлы нашего плана и заставили бы повторять то, что изложено во всякой исторіи литтературы, политики и философіи. Переводя сочиненія Платона, мы, гдѣ нужно, будемъ обращаться къ этимъ пособіямъ и ими подтверждать, или отвергать мнѣнія о смыслѣ и значеніи частныхъ мѣстъ въ его разгово-

---

[1] Gesch. der Phil. alter. Zeit. Th. 2. B. VIII. c. 6.

рахъ: а теперь, для достиженія предположенной цѣли, считаемъ нужнымъ говорить о языкѣ, формѣ, методѣ (философствованія), составѣ и порядкѣ Платоновыхъ сочиненій.

Мнѣнія древнихъ о языкѣ Платона весьма различны. Одни превозносятъ его съ энтузіасмомъ, какъ явленіе, небывалое ни въ какую эпоху Греческаго образованія; другіе напротивъ унижаютъ его достоинство до послѣдней крайности.

Остроумные современники Платона часто шутили надъ языкомъ его сочиненій. Діогенъ Лаерцій [1] сохранилъ нѣсколько такихъ шутокъ и приписываетъ ихъ преимущественно тогдашнимъ Аѳинскимъ комикамъ—Ѳеопомпу, Тимону, Алексису и другимъ. Впрочемъ все, что они говорили, направлено болѣе противъ мнимой странности и темноты нѣкоторыхъ Платоновыхъ мыслей, нежели противъ чистоты выраженій. Другіе, смотря на сочиненія Платона со стороны языка, почитали ихъ только памятникомъ софистическаго тщеславія и не находили въ нихъ ничего кромѣ нарядности и суетнаго щегольства фразы, въ которой болѣе громкихъ словъ, нежели основательной мысли [2]. Говорили, что плодовитость Платонова языка нерѣдко перерождается въ роскошь, несовмѣстную съ свойствомъ философскихъ изслѣдованій, что монологи Платоновыхъ разговоровъ, то несносно растянуты, то непостижимо темны, что въ сочиненіяхъ Платона много странныхъ оборотовъ, а въ языкѣ много солецизмовъ [3].

Читая эти обвинительные пункты, невольно представляешь себѣ отзывы критики и о философской литтературѣ нашего времени. Чего требуютъ отъ ней? — Общепонятности, легкости въ языкѣ, ясности въ мысляхъ, изящества

---

[1] *Diog. L.* III. 21, 29.

[2] *Meiners* Gesch. d. Wissensch. in. Griechenl. und. Rom. T. 2. B. VIII. cap. 3.

[3] *Dionys.* VI. 957—64. 972. 1032—34. 1038. 1043. Также Лонгинъ, περὶ ὕψους passim. У Діонисія собраны примѣры ошибокъ противъ языка изъ всѣхъ сочиненій Платона.

въ обработкѣ. Поверхностное сужденіе хотѣло бы подстроить ее подъ тонъ эфемерныхъ фельетоновъ, забывая, что языкъ философскій есть нарѣчіе кабинетное, необходимое для выраженія высокихъ идей ума, что оно никогда не можетъ быть перелито въ формы болѣе простыя и общеупотребительныя въ обыкновенныхъ сношеніяхъ людей въ свѣтѣ. Съ другой стороны, языкъ свѣта, легкая оболочка летучихъ мыслей, вовсе недостаточенъ для выраженія высокихъ идей философіи. Онѣ, жительницы міра духовнаго, бываютъ только минутными гостьями земли: озаривъ душу философа свѣтомъ, постигаемымъ только во глубинѣ ума, онѣ темнѣютъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ обыкновенныхъ формъ человѣческой мысли, а еще темнѣе становятся, облекаясь въ человѣческое слово. Можно ли опредѣленно обрисовать предметъ, неуловимый вполнѣ никакими формами не только языка, но и самаго мышленія? Есть слово для выраженія; но оно не выражаетъ предмета: оно идетъ за идеею только издали и формуетъ одну тѣнь ея, одинъ слѣдъ, оставленный ею земному мыслителю. Вотъ основаніе, на которомъ зиждется и развивается наука, никогда неоканчивающая своего развитія! И вотъ вмѣстѣ причина, по которой философъ принужденъ выходить за предѣлы обыкновенныхъ формъ народнаго выраженія и изъ общественнаго языка образовать частное, кабинетное нарѣчіе!

Съ этимъ-то нарѣчіемъ восходилъ на свою каѳедру и Платонъ. Его окружало общество людей образованныхъ, но съ образованіемъ тогдашняго вѣка, привыкшаго къ пріятнымъ и легкимъ впечатлѣніямъ изящнаго. Эти люди были не мудрецы, углублявшіеся въ истину, а питомцы софистовъ, требовавшіе игры въ словахъ, парадности и декламаціи въ дѣйствіи: избалованные роскошью и нѣгою въ домашней жизни, они приносили тотъ же вкусъ и въ Академію, и жаждали роскоши въ самой рѣчи. Удивительно ли, что Платонъ, съ своими новыми идеями, требовавшими на-

турально и новаго языка, не всегда удовлетворялъ ихъ ожиданіямъ? Глубокій взглядъ его на свойства ума, высприннія понятія его о природѣ, славная теорія его идей, высокое ученіе его о законахъ и организмѣ политическаго тѣла, созерцаніе Бога, изображеніе любви, красоты, высочайшаго блага и проч.,—все это созрѣло и образовалось въ душѣ Платона прежде, чѣмъ готовы были формы слова и выраженія для воплощенія его идей. По этой причинѣ онъ долженъ былъ дополнять языкъ соотечественниковъ новыми терминами, устанавливать ихъ значеніе, объяснять ихъ слушателямъ, и для объясненія прибѣгать къ аллегоріямъ, вымышлять образы, принимать пареніе поэта. Этимъ легко объясняется растянутость нѣкоторыхъ его монологовъ, темнота нѣкоторыхъ мыслей и высокость тона, требовавшая соотвѣтственной нарядности языка. При томъ должно замѣтить, что Платонъ училъ и писалъ въ такое время, когда процвѣтали софистика и діалектика, что ему надлежало имѣть дѣло съ людьми, дѣйствительно искусными въ словѣ; слѣдовательно, надобно было и самому утончать свои понятія, обработывать языкъ, чтобы распутывать софизмы, которыхъ узелъ скрывался большею частію въ неопредѣленномъ значеніи словъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, происходитъ та заботливость, съ которою Платонъ при всякомъ случаѣ старается опредѣлять смыслъ въ рѣчахъ своихъ собесѣдниковъ и соединять съ извѣстными словами извѣстныя понятія, такъ чтобы въ нихъ не оставалось ничего двузнаменательнаго и темнаго. Но стараясь объ этомъ, не всегда можно было избѣжать сухости и утомительности въ рѣчи.

Такимъ образомъ, находясь между двумя сильными и почти противуположными движителями, —между высокими идеями ума, требовавшими новаго философскаго языка, и между вкусомъ своего времени, желавшимъ пріобрѣтать мудрость подъ легкими и общенародными формами слова, Платонъ только силою своего генія могъ примирить и со-

четать эти крайности. Онъ создалъ изящный языкъ высшаго стиля,—такой языкъ, который годился и для выраженія его идей и для увлеченія слушателей, былъ и новъ и ясенъ, и ученъ и роскошенъ, и точенъ и блистателенъ. Древніе называли его языкомъ боговъ, такъ какъ самаго Платона—царемъ философовъ, [1] и говорили, что самъ Юпитеръ, если бы онъ захотѣлъ объясняться словомъ человѣческимъ, употребилъ бы слово Платона [2]. Другіе, не столь восторженные цѣнители Платонова языка, слышали въ немъ по крайней мѣрѣ гармонію музыки [3]. Пока Платонъ, какъ свидѣтельствуетъ Діонисій [4], подражая своему учителю, говорилъ безъ натяжекъ и изысканности, простая рѣчь его была невыразимо пріятна и увлекательна: тогда она казалась чище и правильнѣе нарочито обработанной рѣчи другихъ; тогда она была ясна, какъ день, и не заключала въ себѣ ни одного лишняго слова. Но, говоря о языкѣ Платона, мы имѣемъ особенное право положиться въ этомъ отношеніи на судъ Цицерона, какъ отличнаго между Римлянами эллиниста и знаменитаго оратора. Онъ признается [5], что своею славою и успѣхами на каѳедрѣ ораторской обязанъ не наставленіямъ риторовъ, а изученію Платоновыхъ сочиненій, и думаетъ, что изъ того же источника почерпнулъ свое краснорѣчіе и Димосѳенъ, бывшій, какъ сказано выше, усерднымъ слушателемъ Платона. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Платонъ писалъ прозою; но его проза, будучи

---

[1] *Cic.* de orat. 1. II.

[2] *Dionys.* de admirab. vi dicendi in Demosth. VI. p. 1024.

[3] De compr. verb. VI. 101. *Diog. L.* III. 37, 38.

[4] De admirab. vi dicendi in Dem. VI. p. 965. et. sq de Platone ad Cn. Pomp. 758 et sq.

[5] *Cicer.* orat. V. 3. 4. Fateor. me oratorem, si modo sim, aut etiam quicunque sim, non ex rhetorum officinis, sed ex academiae spatiis extitisse. Illa enim sunt curricula multiplicium uberiorumque sermonum, in quibus Platonis primum sunt impressa vestigia; sed et hujus, et aliorum philosophorum disputationibus, et exagitatus maxime orator est et adjutus. Omnis enim ubertas et puasi silva dicendi, ducta ab illis est. Quod idem de Demosthene existimari potest, cujus ex epistolis intelligi licet, quam frequens fuerit Platonis auditor.

выраженіемъ высокихъ идей, отпечатлѣна характеромъ поэзіи: прозаическому языку Платона, кажется, недоставало только стихотворнаго такта, чтобы превратиться въ оды Пиндара, ut mihi non hominis, sed quodam Delphico videatur oraculo instinctus (sermo ejus) говоритъ Квинтиліанъ[1].

Платонъ изложилъ свое ученіе въ формѣ разговорной. Впрочемъ, разговорная форма сочиненій, — не его изобрѣтеніе. Аристотель[2] первымъ діалогистомъ почитаетъ Алексамена Ѳеоскаго: но вѣроятно Эпихармъ[3] и Зенонъ Элейскій[4] употребляли туже самую форму еще прежде Алексамена. Покрайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться, что философскій разговоръ подъ перомъ Платона получилъ неслыханную дотолѣ искусственность, всесторонность и діалектическую гибкость. Владѣя имъ вполнѣ, Платонъ нечувствительно измѣняетъ направленіе рѣчи, ловко изворачивается при столкновеніи противорѣчущихъ мыслей, постепенно приводитъ въ ясность самыя запутанныя понятія, искусно соединяетъ результаты отдаленные, кстати сводитъ мысли собесѣдниковъ, нечаянно дѣлаетъ такія заключенія, которыя поставляютъ оппонента въ крайнее затрудненіе. Однимъ словомъ: въ Платоновомъ разговорѣ приводятся въ дѣйствіе всѣ способы искусной стратегіи. Онъ, то принимаетъ высокопренній полетъ диѳирамба, то переходитъ въ холодную и спокойную прозу, то сыплетъ колкости сатиры, то дѣлается шутливымъ, какъ комедія. Посредствомъ столь изворотливаго разговора, Платонъ разсматриваетъ каждый предметъ со всѣхъ сторонъ, поставляетъ его во всѣ возможныя отношенія, и такимъ образомъ мало по малу разоблачаетъ внутреннія его свойства.

Съ этою гибкостію разговора у Платона въ совершенной гармоніи ловкость и оригинальность эротематической

---

[1] *Quint.* X. I. p. m. 578.
[2] *Arist.* Athen. X. 378.
[3] *Diog. L.* III. 14. sq.
[4] *Diog. L.* III. 47. sq. *Arist.* de sophist elench. 10.

методы. Слѣдуя ей со всею строгостію, Платонъ не обнаруживаетъ и тѣни догматизма. Истина у него независима, не принадлежитъ никому, не есть достояніе какого-нибудь одного лица, но является сама собою, чрезъ сравниваніе и оцѣнку противуположныхъ взглядовъ. Правда, Сократъ — лице, въ Платоновыхъ разговорахъ оцѣнивающее достоинство мнѣній, кажется жрецомъ истины: его сужденія носятъ печать высшаго вѣроятія и убѣдительности; но онъ выслушиваетъ, какъ ученикъ, изслѣдываетъ, какъ человѣкъ любознательный, а не рѣшаетъ какъ оракулъ, не проповѣдуетъ, какъ безотчетная мудрость, не вливаетъ истины въ умы собесѣдниковъ, какъ въ пустой сосудъ[1]. Однимъ словомъ, Сократъ въ Платоновыхъ сочиненіяхъ точно таковъ, какимъ онъ былъ на площадяхъ и въ портикахъ Аѳинскихъ. Единственное различіе между Сократомъ, сыномъ Софрониска, и Сократомъ Платоновымъ, есть то, что первый эротематическую методу направлялъ къ обнаженію злоупотребленій практической жизни и дѣятельности своихъ современниковъ, а послѣдній туже самую методу примѣнилъ къ обличенію заблужденій современной философіи и къ основательнѣйшему изслѣдованію истинъ метафизическихъ. Вообще Платоновъ разговоръ можно назвать литтературною копіею тогдашнихъ ученыхъ Аѳинъ: въ Аѳины все стекалось и разсуждало; въ Платоновомъ разговорѣ всѣ разсужденія записывались и приводились въ порядокъ.

Впрочемъ, сдѣланныя нами замѣчанія относятся болѣе къ наружной сторонѣ Платоновой методы; и мы не разсмотрѣли бы даже половины дѣла, еслибы упустили изъ вида внутренній ея характеръ. Упомянуть о немъ тѣмъ нужнѣе, что онъ можетъ служить надежнымъ указателемъ истиннаго смысла и цѣли частныхъ бесѣдъ Платона. Существенное, внутреннее свойство Платоновыхъ разговоровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти никогда не выводятся и

---

[1] *Plat.* Protag. p. 314.

ясно не высказываются послѣднiе результаты изслѣдованiя, что они въ философскомъ отношенiи не имѣютъ ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца [1]. Платонъ вводитъ Сократа въ бесѣду съ любителями философiи и истины. Какое нибудь маловажное обстоятельство изъ жизни домашней или общественной подаетъ поводъ къ разговору, и разговоръ мало по малу принимаетъ направленiе философское. Сократъ прикрывается завѣсою совершеннаго невѣденiя того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь: другiе напротивъ излагаютъ свои мнѣнiя почти всегда съ самоувѣренностiю и педантскимъ тщеславiемъ. Сократъ сомнѣвается и, предлагая своимъ собесѣдникамъ вопросъ за вопросомъ, кажется не имѣетъ при этомъ никакой особенной цѣли, кромѣ безотчетнаго желанiя узнать истину; въ самомъ же дѣлѣ, сообразуясь съ ихъ отвѣтами, онъ ведетъ ихъ къ какому-то результату, котораго они не предусматриваютъ. Наконецъ, изъ свойства ихъ отвѣтовъ, или изъ прежняго ихъ согласiя на положенiя Сократа, вытекаетъ заключенiе, ясно обнаруживающее ихъ заблужденiя. Такимъ образомъ истина освобождается отъ всѣхъ чуждыхъ ей покрововъ, выводится изъ предѣловъ и формъ всѣхъ школъ, становится какъ бы существомъ безплотнымъ, и—мгновенно, какъ существо безплотное, изчезаетъ. Сократъ разоблачилъ ее, приблизилъ къ ней умы собесѣдниковъ, далъ имъ почувствовать ея красоту, величiе и совершенство, но не показалъ ея лицемъ къ лицу, не назвалъ по имени, не выразилъ словомъ, и она осталась только предметомъ внутренняго, глубокаго ощущенiя, тайною бесѣдовавшихъ душъ, а не науки, изложенной въ книгѣ. Если же иногда надлежало дать о ней какое нибудь опредѣленное понятiе; то Сократъ собиралъ отдѣльныя черты ея, какъ разсѣянные обломки разбитаго зеркала, изъ тѣхъ мнѣнiй, которыя бы-

---

[1] *Cicer.* acad. quaest. I. B. *Tennem.* Syst. d. Platon. Phil. B. I. 5. 139. sbq.

ли уже опровергнуты, и торжественно сознавался, что онъ никакъ не можетъ соединить ихъ въ одно цѣлое.

Теперь видна причина, почему философія Платона во всѣ времена была понимаема различно и, не смотря ни на какое различіе понятій, постоянно увлекала умы: но невидно, гдѣ искать истинной Платоновой философіи. Она должна быть вся въ его сочиненіяхъ, а изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что ее, по крайней мѣрѣ вполнѣ, нѣтъ тамъ. Это явное противорѣчіе приводило критиковъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Спрашивали: существующія нынѣ сочиненія Платона не для того ли только написаны, чтобы ученики его по нимъ могли припоминать положительныя идеи своего учителя? Не содержится ли въ нихъ одна эксотерическая его философія? Всѣ ли его творенія дошли до насъ?

Прежде нежели будемъ отвѣчать на эти вопросы, мы должны изслѣдовать: какова была форма устныхъ уроковъ Платона, и направленіе его разговоровъ не указываетъ ли на какую нибудь опредѣленную цѣль ихъ?

Въ Платоновомъ Федрѣ мы находимъ нѣсколько намековъ на то, что разговорная метода устнаго преподаванія имѣетъ преимущество предъ методою, въ собственномъ смыслѣ догматическою [1]. Основываясь на этихъ замѣчаніяхъ, Шлейермахеръ доказываетъ, что извѣстные нынѣ разговоры Платона, по самой своей формѣ, суть списки съ устныхъ его бесѣдъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно бы еще указать на отзывъ Платона объ Аристотелѣ, какъ объ умѣ академіи, въ отсутствіе котораго, по его словамъ, она была глуха [2]. Но мы имѣемъ причины думать, что въ устномъ преподаваніи своего ученія Платонъ держался не исключительно разговорной формы. Въ Греціи

---

[1] Должно замѣтить, что въ этихъ мѣстахъ Платонъ говоритъ не исторически о своихъ устныхъ урокахъ, а только показываетъ, что эротематическая метода при наставленіи лучше софистической.

[2] *Ammon.* vit. Arist.

въ его время господствовалъ софистическій способъ наставленія; а извѣстно, что скептицизмъ софистовъ былъ самымъ строгимъ догматизмомъ. Они требовали отъ слушателей вѣры безусловной, которая, натурально, не давала мѣста возраженіямъ и не допускала разговорной формы ученія. Если Платонъ и не вполнѣ увлекался этимъ духомъ вѣка; то долженъ былъ ограничиваться обстоятельствами своей школы. Она имѣла опредѣленное мѣсто и состояла изъ множества слушателей: можно ли было удержать единство предмета и цѣли, и вести непрерывную нить разговора, когда въ изслѣдованіи участвовала цѣлая масса людей съ разными понятіями и частными взглядами? Впрочемъ мы не говоримъ, что бы Платонъ, при устномъ преподаваніи своего ученія, вовсе не употреблялъ разговорной формы; а только утверждаемъ, что въ этомъ случаѣ эротематическая метода была не всегдашнею его методою и прилагалась изрѣдка, развѣ къ приближеннѣйшимъ его ученикамъ. Слѣдовательно, разговоры Платона не могли быть настоящимъ спискомъ съ устныхъ бесѣдъ его. Это заключеніе найдетъ достаточныя основанія и въ рѣшеніи втораго вопроса.

Всматриваясь въ содержаніе и направленіе Платоновыхъ сочиненій, мы замѣчаемъ въ нихъ совмѣстное изложеніе идей, принадлежащихъ Платону, съ критикою прежнихъ и современныхъ умствованій. Въ древнемъ мірѣ философія излагаема была почти всегда прагматически: тогда еще не отдѣляли ея исторіи отъ ученія положительнаго; доказательство на это — почти всѣ памятники древней философской литературы, а особенно сочиненія Аристотеля и Цицерона. Того же способа, при изложеніи своихъ идей, держался и Платонъ, и держался едва ли не строже всѣхъ современныхъ и послѣдующихъ мыслителей; хотя должно согласиться, что такое совмѣщеніе философской догматики съ ея исторіею, вообще въ Греціи, и въ частности у Платона, происходило только отъ неполноты развитія наукъ,

а не являлось въ сознаніи, какъ достоинство методы. Такое стремленіе древнихъ мыслителей къ прагматическому изложенію наукъ, позволяетъ намъ угадывать причину, по которой Платонъ избралъ для своихъ сочиненій діалектическую форму. Нѣтъ сомнѣнія, что для прагматизма она гораздо удобнѣе всякой другой. Непрерывная рѣчь, какъ бы ясна ни была, никогда не въ состояніи выразить всѣхъ оттѣнковъ мысли, показать всѣ ея изгибы и отношенія. Употребляя ее, писатель невольно слѣдуетъ одному извѣстному взгляду и обращаетъ мало вниманія на другіе отъ него отличные; по этому часто упускаетъ изъ виду мнѣнія, болѣе или менѣе противорѣчущія основнымъ своимъ идеямъ; а отсюда проистекаетъ то неполнота, то неудовлетворительность изслѣдованій. Напротивъ, разговоръ представляетъ возможность обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, прояснить всѣ соприкосновенныя къ нему мысли и ввести его въ кругъ всѣхъ знаній, относящихся къ извѣстной наукѣ. Впрочемъ, болѣе частное и болѣе замѣтное направленіе Платоновыхъ разговоровъ мы видимъ въ діалектической ихъ полемикѣ съ софистами. Это живое изображеніе ихъ характеровъ, тщеславія, тѣхъ мѣстъ и обстоятельствъ, въ которыхъ они преподавали свое ученіе, тѣхъ пріемовъ, которыми увлекали за собою юношей, всѣ эти частные оттѣнки софистики, такъ вѣрно схваченные Платономъ, ясно указываютъ на особенную цѣль его разговоровъ, отличную отъ цѣли его философіи. Платонъ воскресилъ въ нихъ Сократа со всею тонкостію его ироніи, и преслѣдуетъ современныхъ себѣ враговъ здраваго смысла столь же сильно, сколь сильно преслѣдовалъ ихъ его учитель. Думать, что всѣ тѣ софисты и риторы, всѣ тѣ декламаторы и поэты, которые разсуждаютъ въ его разговорахъ, дѣйствительно разсуждали и въ его академіи, значило бы вовсе незнать хронологическихъ и біографическихъ подробностей, относящихся къ этимъ лицамъ. Нисколько несомнѣваясь въ историческомъ значеніи ихъ,

мы равно не сомнѣваемся и въ томъ, что у Платона не ученіе приводится для лицъ, а лица для ученія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что обличая заблужденія прежней и современной философіи, Платонъ тѣмъ удобнѣе и яснѣе раскрывалъ въ своихъ сочиненіяхъ и собственныя идеи. Такимъ образомъ онъ достигалъ троякой цѣли: завѣщалъ исторіи оригинальную методу Сократа, направленную имъ противъ софистовъ; показалъ хорошую и худую сторону древнихъ философскихъ ученій; и сдѣлалъ вразумительными для читателей собственныя свои умствованія.

Отсюда удовлетворительно рѣшается вопросъ: точно ли онъ писалъ свои сочиненія только для напоминанія ученикамъ о своихъ идеяхъ, раскрытыхъ устно? Ограничивать трудъ Платона, какъ писателя, одною этою цѣлію, значило бы навязывать ему средства выше цѣли. Чтобы напомнить слушателямъ о содержаніи академическаго ученія, нужно ли было Платону входить въ такія подробности при изложеніи своихъ мыслей, съ такою тщательностію обрабатывать свой языкъ и давать своимъ сочиненіямъ столь искусственную форму? Для этого безъ сомнѣнія было бы достаточно и краткихъ замѣчаній. При томъ, предположивъ исключительно эту цѣль Платоновыхъ разговоровъ, мы нашли бы въ нихъ весьма много разсужденій, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія. Къ чему, напримѣръ, служили бы тогда длинныя описанія домашней и общественной жизни нѣкоторыхъ лицъ и упоминаніе о множествѣ другихъ, вовсе не философскихъ предметовъ? И такъ, соглашаясь, что сочиненія Платона могли и должны были приводить на память слушателямъ идеи, преподанныя имъ устно, мы однакожь не почитаемъ этой цѣли исключительною.

Еще менѣе достовѣрною кажется намъ мысль, что въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Платона заключается только эксотерическое его ученіе. Эксотерическую и эсотери-

ческую философію древніе вообще различали, какъ такія ученія, которыя утверждаются на отдѣльныхъ началахъ и одно изъ другаго изъясняемы быть не могутъ: по этому онѣ могли имѣть мѣсто только въ извѣстныхъ философскихъ сектахъ, ограничивавшихся частными вѣрованіями, постановленіями и образомъ жизни; исторія не безъ основанія приписываетъ ихъ, напримѣръ, Пиѳагорейскому союзу. Но условія и обстоятельства Платоновой школы были вовсе не таковы, чтобы ея ученіе могло двоиться и противорѣчить самому себѣ: въ нее стекались слушатели свободно; она не подчиняла ихъ никакимъ формамъ; учениками Платона были всѣ, имѣвшіе охоту его слушать и способность понимать; его идеи были предметомъ разсужденій и внѣ школы — въ частныхъ собраніяхъ людей образованныхъ; изъ числа его учениковъ мы не знаемъ ни одного, о которомъ бы преданіе говорило, какъ объ эсотерикѣ своего учителя; напротивъ видимъ, что и Аристотель — умъ академіи, говоря объ ученіи Платона, ссылается на извѣстныя намъ его сочиненія. Самыя же сочиненія Платона еще менѣе допускаютъ мысль о существованіи эксотерической философіи въ его школѣ; потому что хотя Платонъ въ своихъ разговорахъ почти никогда не высказываетъ послѣднихъ результатовъ изслѣдованія, однакожь такъ приближаетъ къ нимъ читателя, что онъ легко можетъ замѣтить намѣреніе и цѣль его ученія. Слѣдовательно у Платона нѣтъ завѣтныхъ идей, которыхъ основаніе не скрывалось бы въ его твореніяхъ [1].

Впрочемъ можно думать, что устно Платонъ раскрывалъ свое ученіе опредѣленнѣе, нежели письменно. Гдѣ менѣе собесѣдованія, а болѣе догматизма и непрерывности въ рѣчи, тамъ преподаватель идетъ быстрѣе къ цѣли и,

---

[1] Шлейермахеръ эксотерическимъ ученіемъ Платона почитаетъ мысли, изложенныя въ его разговорахъ, а эсотерическимъ, — тѣ результаты, которые можно выводить изъ нихъ: но это значитъ давать новое значеніе словамъ: эксотерическая и эсотерическая философія.

не отвлекаясь отъ своего предмета столкновенiемъ противорѣчущихъ мнѣнiй, свободнѣе схватываетъ ее. Вѣроятно также, что раскрывая устно какой нибудь предметъ, Платонъ иногда прививалъ къ нему и такiя мысли, которыя, не подходя подъ частную цѣль разговора, не вошли въ его сочиненiя. Отсюда легко понять, что такое разумѣлъ Аристотель подъ именемъ неписаннаго ученiя (*ἄγραφα δόγματα*) и неписанныхъ раздѣленiй (*διαιρέσεις*) Платона [1]. Это были не эсотерическiя его мнѣнiя, не завѣтныя мысли его школы, но послѣднiе результаты тѣхъ самыхъ идей, которыя изложены въ его разговорахъ; это—свѣтлыя истины, мгновенно обнаруживающiяся въ минуты одушевленiя, и темнѣющiя подъ мертвою формою понятiй. По сему-то Платонъ свои *δόγματα ἄγραφα*, говорятъ, преподавалъ *αἰνιγματωδῶς*, гадательно, и содержанiемъ ихъ было ученiе о высочайшемъ благѣ [2]. Можетъ ли философъ, и не язычникъ, разсуждать о такомъ предметѣ не гадательно!

И такъ, мы смотримъ на сочиненiя Платона, какъ на полный репертуаръ его философiи, и полагаемъ, что въ нихъ можно найти, или по крайней мѣрѣ, изъ нихъ вывесть всю систему его ученiя.

Но дошедши до этого результата, мы видимъ передъ собою другую крайность: та же древность, которая доказываетъ намъ неполноту сборника Платоновыхъ сочиненiй, вмѣстѣ утверждаетъ, что между ними много разговоровъ, Платону не принадлежащихъ. Это заставляетъ насъ разсмотрѣть его сочиненiя со стороны ихъ подлинности и, если не отдѣлить подлинныя отъ подложныхъ, потому что такое отдѣленiе вполнѣ невозможно, то покрайней мѣрѣ отличить несомнѣнныя отъ сомнительныхъ.

Двухътысячелѣтнiй авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненiй, кажется, можно бы смѣло положить на вѣсы

---

[1] *Arist.* Phys. IV. 2; de gener. et corr. II. 3.

[2] *Arist.* de anima 1. 2. *Simpl.* phys. 32. b. 104. b.

съ стремленіемъ новѣйшей критики находить вездѣ подложное, и тѣмъ возможнѣе, что почти всѣ извѣстные нынѣ разговоры, носящіе имя Платона, исчислены еще Тразилломъ и Аристофаномъ Грамматикомъ [1]. Но съ другой стороны, можетъ ли статься, чтобы ученая посредственность древняго міра не пользовалась авторитетомъ столь знаменитаго философа, когда она охотно украшала свои сочиненія и именами умовъ второстепенныхъ, и когда, при недостаткѣ философской критики и средствъ къ быстрому распространенію твореній, дѣлать подобные подлоги было очень легко? При томъ мы находимъ, что и древняя критика уже не давала мѣста между твореніями Платона нѣкоторымъ небольшимъ, присвоеннымъ ему, разговорамъ. Вотъ каталогъ Платоновыхъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ Стефанова изданія:

1. Эвтифронъ.
2. Апологія Сократа.
3. Критонъ.
4. Федонъ.
5. Теагъ.
6. Соперники.
7. Теэтетъ.
8. Софистъ.
9. Эвтидемъ.
10. Протагоръ.
11. Иппіасъ меньшій.
12. Кратилъ.
13. Горгіасъ.
14. Іонъ.
15. Филебъ.
16. Менонъ.
17. Алкивіадъ 1.
18. Алкивіадъ 2.
19. Хармидъ.
20. Лахесъ.
21. Лизисъ.
22. Иппархъ.
23. Менексенъ.
24. Политикъ.
25. Миносъ.
26. Государство.
27. О законахъ.
28. Послѣзаконіе.
29. Тимей.
30. О душѣ міра.
31. Критіасъ.
32. Парменидъ.
33. Пиръ.
34. Федръ.

[1] *Diog. L.* III. 58—61. Тразиллъ, послѣдователь Платона, жилъ во времена Августа и Тиверія. (См. *Menagii* Comment. ad Diog. L. III. 1. p. 138), а Аристофанъ Грамматикъ—въ третьемъ вѣкѣ.

35. Иппіасъ старшій.
36. Письма.
37. Аксіохъ.
38. Праведникъ.
39. О добродѣтели.
40. Сизифъ.
41. Демодохъ.
42. Эриксіасъ.
43. Ктитофонъ.
44. Опредѣленія [1].

Но изъ числа этихъ разговоровъ, Демодохъ, Сизифъ, Аксіохъ и нѣкоторые другіе, не вошли въ списокъ Тразилловъ. Діогенъ Лаерцій, безъ всякаго изслѣдованія, называетъ ихъ подложными, и подводитъ подъ одну категорію съ Мидономъ, Алкіономъ, Хелидономъ, Кимономъ, Эпименидомъ и другими разговорами, которыхъ вовсе нѣтъ въ нашемъ сборникѣ, но которые въ древности приписывались также Платону [2]. Все это наводитъ сильное подозрѣніе на авторитетъ сборника Платоновыхъ сочиненій; такъ что для удостовѣренія въ подлинности каждаго изъ нихъ, мы необходимо должны оперется на двухъ основаніяхъ: 1) на единодушномъ согласіи всѣхъ критиковъ относительно подлинности извѣстныхъ разговоровъ Платона; 2) на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ Платоновыхъ учениковъ, а особенно Аристотеля, что извѣстные разговоры написаны дѣйствительно Платономъ.

Никто изъ критиковъ никогда не сомнѣвался и не сомнѣвается въ томъ, что разговоры: Федръ, Протагоръ, Парменидъ, Теэтетъ, Софистъ, Политикъ, Филебъ, Кратилъ, вышли изъ подъ пера Платонова; потому что въ этихъ сочиненіяхъ и ученіе, и метода, и языкъ — все характеризуется умомъ Платона.

Нельзя также сомнѣваться и въ подлинности Тимея, Государства, Федона, Пира, Законовъ, Менона, Горгіаса, Евтидема, Иппіаса меньшаго и Менексена; потому что

---

[1] Почти всѣмъ этимъ разговорамъ критика давала вторичныя названія, которыми хотѣла выразить ихъ содержаніе: но нѣкоторыя изъ этихъ названій столь мало соотвѣтствуютъ существу дѣла, что только вводятъ читателя въ заблужденіе.

[2] *Athen.* XI. p. 506. *Diog. L.* III. 62.

о подлинности этихъ разговоровъ свидѣтельствуетъ Аристотель, то называя ихъ по именамъ, то приводя изъ нихъ мысли и отрывки, какъ Платоновы [1].

И такъ несомнѣнно подлинными сочиненіями Платона надобно почитать слѣдующіе:

Федръ.	Менонъ.
Протагоръ.	Пиръ.
Парменидъ.	Эвтидемъ.
Теэтетъ.	Филебъ.
Софистъ.	Государство.
Политикъ.	Законы.
Федонъ.	Тимей.
Иппіасъ Мен.	Критіасъ.
Менексенъ.	Горгіасъ.

Смотря на эти разговоры, какъ на коренныя сочиненія Платона, какъ на типъ его мышленія и сообщенія мыслей, критика можетъ и между остальными вѣрно отличить подлинныя его произведенія отъ подложныхъ, или покрайней мѣрѣ, философскія отъ нефилософскихъ. Само собою разумѣется, что подлинность ихъ въ такомъ случаѣ будетъ только посредственная.

Характеръ литературно — философскаго произведенія обыкновенно слагается изъ трехъ свойствъ: изъ особенностей языка, изъ извѣстнаго свойства и направленія мыслей, и изъ частныхъ пріемовъ писателя, или обыкновенной его методы. Этими же чертами характеризуются и главные разговоры Платона. Но достаточны ли такіе признаки къ отличенію чуждыхъ элементовъ въ сборникѣ

---

[1] О Тимеѣ и Государствѣ Аристотель упоминаетъ Phys. IV, 8 Pol. II, 1 сл.; о Федонѣ—Meteor. II, 2; De gen. et corr. II, 3; о Пирѣ—Pol, II, 4; о законахъ—Pol. II, 6—8. 9; о Менонѣ—Anal. pr. 11, 21 Anal. post. I, 1; о Горгіасѣ—Soph. el. 12; о Евтидемѣ— Soph. el. 20; о Гиппіасѣ Мен. — Metaph. Δ 29; о Менексенѣ—Rhet. III, 14. Подробнѣйшее и ученѣйшее изслѣдованіе этого предмета см. *Trendclenburg* Platonis de ideis et numeris doctrina ex Arisstotelc illuse trata. Lyps. 1826 p. 13 sqq.

Платоновыхъ сочинсній? Что касается до языка, то всякій легко можетъ представить себѣ многихъ писателей, относящихся къ одной и тойже эпохѣ и обнаруживающихъ одинъ и тотъ же характеръ въ образѣ выраженія. Доказательства на это ежедневны: кто не видитъ, какъ иногда одинъ умъ, выступивъ за черту умовъ обыкновенныхъ, кладетъ печать своего слова на всю современную письменность? Слѣдовательно языкъ, самъ по себѣ, еще не можетъ быть порукою за подлинность нѣкоторыхъ Платоновыхъ сочиненій. При томъ, подмѣтить всѣ оттѣнки рѣчи, свойственной одному Платону, могъ бы развѣ непосредственный ученикъ его или ближайшій послѣдователь; а для нынѣшнихъ филологовъ, въ греческомъ словавыраженіи едва ли не все, кромѣ общаго родоваго различія греческихъ нарѣчій, подошло подъ одинъ уровень эллинскаго языка. Равнымъ образомъ и свойства идей въ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненіяхъ не могутъ быть прилагаемы съ несомнѣннымъ успѣхомъ къ показанію подлинности или подлога прочихъ. Этотъ признакъ былъ бы достаточенъ только тогда, когда бы другіе не могли раздѣлять съ Платономъ ни его мыслей, ни предметовъ его мышленія. Но древность представляетъ намъ цѣлое поколѣніе философовъ, которые съ энтузіазмомъ изучали и передавали устно или письменно каждую мысль своего учителя: почему же не предположить, что нѣкоторые изъ нихъ, желая придать своимъ ученическимъ идеямъ болѣе достоинства, внесли ихъ въ составъ его сочиненій? Съ другой стороны нельзя не допустить, что Платонъ могъ писать многое и не для философскихъ цѣлей, что между его твореніями возможны и случайныя, которыя, ни по намѣренію писателя, ни по содержанію, не могутъ назваться философскими. Но если философскую мысль мы возмемъ въ соединеніи съ обыкновенною методою подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ, и особенно сообразимъ, что Платонъ конечно не въ состояніи былъ философствовать и излагать свои мысли съ рав-

нымъ совершенствомъ во всѣхъ возрастахъ своей жизни; то этою чертою и при этой уступкѣ, гораздо вѣрнѣе опредѣлимъ все,—по крайней мѣрѣ, все философское, написанное именно Платономъ. Метода его разговоровъ столь сообразна съ ходомъ его мыслей и способомъ ихъ сообщенія, что вездѣ, и какъ бы необходимо слѣдуетъ за ними. Главныя ея свойства [1], какъ сказано выше, суть: стремленіе возбудить душу читателя къ развитію своихъ собственныхъ идей, частое измѣненіе точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, и умолчаніе о послѣднихъ результатахъ изслѣдованія. Сообразно съ этими признаками, ко второму разряду Платоновыхъ сочиненій могутъ быть отнесены слѣдующіе разговоры:

Лахесъ.
Лизисъ.
Хармидъ.
Кратилъ.
Апологія Сократа.
Критонъ.
Эвтифронъ.
Іонъ.
Алкивіадъ 1.
Иппіасъ большій.

Всѣ эти діалоги, по незатѣйливости плана, по неглубокости взгляда на предметъ и по простотѣ изложенія, конечно ниже прочихъ, несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Платона; но должно замѣтить, что Платонъ написалъ ихъ въ молодыхъ лѣтахъ, когда или еще былъ, или только что пересталъ быть ученикомъ Сократа: на нихъ надобно смотрѣть, какъ на первые опыты геніальнаго философа, въ которыхъ нѣтъ и намека на развитую впослѣдствіи теорію идей, и которые написаны большею частію съ цѣлію апологетическою, для оправданія Сократа въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. По этому непонятно, какъ такіе глубокіе критики, каковы—Астъ и Шлейермахеръ, не обративъ вниманія на то, что Платонъ не могъ же такъ глубоко мыслить и съ такимъ совершенствомъ излагать

[1] Древніе полагали за несомнѣнное, что разговоры, не имѣющіе пролога, не принадлежатъ Платону: но эта черта не существенна.

свои мысли въ молодости, какъ философствовалъ и писалъ въ возрастахъ позднѣйшихъ, почитаютъ означенные діалоги подложными.

Но что касается до остальныхъ сочиненій въ сборникѣ Платона, то они, частію по нефилософскому своему содержанію, частію по неловкой и вовсе не Платонической методѣ изложенія, частію по позднему образованію вошедшихъ въ нихъ словъ и выраженій, рѣшительно не могутъ быть приписаны Платону; хотя многія изъ нихъ, въ какомъ нибудь отношеніи, весьма важны и проливаютъ довольно свѣта на отдѣльныя истины въ подлинныхъ Платоновыхъ разговорахъ. Мы даемъ имъ третье мѣсто въ ряду сочиненій, носящихъ имя нашего философа.

Впрочемъ, этою классификаціею Платоновыхъ сочиненій оцѣнивается только относительное ихъ достоинство и подлинность, а не показывается порядокъ, въ которомъ онѣ должны слѣдовать одно за другимъ. О порядкѣ ихъ древніе и новѣйшіе критики говорили очень много и очень различно. Мы укажемъ на мнѣнія болѣе замѣчательныя.

Драматизмъ, усматриваемый въ большей части Платоновыхъ разговоровъ, подалъ древнимъ мысль раздѣлить ихъ на тетралогіи, какъ дѣлили свои сочиненія Греческіе трагики [1]. Діогенъ Лаерцій (III, 56) справедливо замѣчаетъ, что изложеніе философскихъ идей вначалѣ было просто и натурально: это доказывается характеромъ сочиненій, написанныхъ Іонійцами и Пиѳагорейцами. Но Сократъ къ этой естественной простотѣ юной философіи присоединилъ элементъ иѳическій, какъ Эсхилъ ввелъ другое дѣйствующее лице въ трагедію, а Платонъ дополнилъ философское изложеніе еще діалектикою, какъ Софоклъ дополнилъ трагедію своихъ предшественниковъ третьимъ дѣйствователемъ. При томъ, у Іонянъ философія явилась въ

[1] Древняя драма состояла изъ трехъ трагедій и одной сатиры. См. *Валх*. истор. лит. Т. 1. § 22.

простомъ догматическомъ разсказѣ о природѣ и уподоблялась эпопеѣ; потомъ у Пиѳагорейцевъ, отъ видимой природы переходя къ самосознанію, она приблизилась къ поэзіи лирической; наконецъ въ Платоновой Академіи, соединивъ міръ субъективный и объективный въ одно цѣлое, она естественно должна была принять характеръ драмы. Такимъ образомъ драматизмъ вошелъ не только въ форму, но и въ самый духъ Платоновыхъ разговоровъ; такъ что ихъ не несправедливо можно назвать философскими драмами [1]. Впрочемъ, это сравненіе мы простерли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли допустить съ Тразилломъ [2] и Деркалидомъ [3], что самъ Платонъ располагалъ всѣ свои разговоры по тетралогіямъ. Въ подтвержденіе Тразиллова мнѣнія могло бы служить свидѣтельство Теренція Варрона о Федонѣ [4]: Ptato *in quarto* de flumimibus apud inferos, quae sint, in heis unum Tartarum appellat: quare Tartari origo graeca. Но Клитофона, который сводится въ одну тетралогію съ Государствомъ, Тимеемъ и Критіасомъ, нѣтъ основанія почитать сочиненіемъ несомнѣнно подлиннымъ. Такое же смѣшеніе подлинныхъ Платоновыхъ разговоровъ съ подложными, или по крайней мѣрѣ сомнительными, допущено и въ нѣкоторыхъ другихъ тетралогіяхъ Тразилла. Отсюда можно заключить вообще, что если Платонъ дѣйствительно располагалъ свои разговоры по тетралогіямъ;

---

[1] *Wyttenb.* epist. ad Heusd. p. XLIV.

[2] Тразилловы тетралогіи идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: (Menag. ad Diog. L. III, 1. p. 133).

1) Эвтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ,
2) Кратилъ, Теэтетъ, Софистъ, Политикъ,
3) Парменидъ, Филебъ, Пиръ, Федръ,
4) Алкивіадъ 1, Алкивіадъ 2, Иппархъ, Соперники,
5) Теагъ, Хармидъ, Лахесъ, Лизисъ,
6) Эвтидемъ, Протагоръ, Горгіасъ, Менонъ,
7) Иппіасъ большій, Иппіасъ меньшій, Іонъ, Менексенъ,
8) Клитофонъ, Государство, Тимей, Критіасъ,
9) Миносъ, О законахъ, Послѣзаконіе, Письма.

[3] *Albin.* isagog. § 6. p. 129. Fisch.

[4] Въ шестой книгѣ de lingua latina. p. 88. T. 1. Bip.

то истинный тетралогическій порядокъ ихъ перепутанъ разговорами подложными. Еще неудачнѣе опытъ Аристофана Грамматика, который раздѣлилъ сочиненія Платона по *трилогіямъ* [1]; потому что его дѣленіе не только произвольно въ отношеніи къ содержанію разговоровъ, но и несообразно съ хронологическимъ послѣдованіемъ ихъ. Итакъ, нельзя ли расположить Платоновы сочиненія хронологически?

Преданіе древности и внимательное слѣдованіе за ходомъ отдѣльныхъ сочиненій Платона, безъ сомнѣнія, могли бы помочь намъ въ этомъ случаѣ. Такъ напримѣръ, по свидѣтельству Эвфоріона и Панеція, первымъ произведеніемъ Платона былъ Федръ: λόγος δὲ πρῶτον γράψαι αὐτὸν τὸν Φαῖδρον [2], что подтверждается и поэтическимъ или диѳирамбическимъ тономъ этого разговора. Равнымъ образомъ, печать юношеской живости Платона видна и въ его Парменидѣ. Нѣтъ также сомнѣнія, что Протагоръ, Горгіасъ и Лизисъ были написаны еще при жизни Сократа, а Теэтетъ—вскорѣ послѣ его смерти; что Государство, Филебъ, Тимей и Критіасъ суть зрѣлые плоды его старости. Но подвести всѣ эти и другія сочиненія подъ точную и опредѣленную хронологію—нѣтъ никакой возможности. Тутъ надобно искать истины въ едва замѣтныхъ оттѣнкахъ, которые являются и исчезаютъ съ быстротою неуловимыхъ переливовъ свѣта и тѣни; тутъ живость и важность, юность и старость, мѣняются почти съ каждою страницею творенія.

Такимъ образомъ, если мы, для расположенія Платоновыхъ разговоровъ, не имѣемъ достаточныхъ основаній ни въ исторіи, ни въ хронологіи; то остается дать имъ такой порядокъ, какой сообразнѣе съ общею ихъ цѣлію: — высказать, сколько можно яснѣе и вѣрнѣе, философію Пла-

---

[1] Это дѣленіе у *Diog. L.* III. 61.
[2] *Diog. L.* III. 38.

тона. Для достиженія этой цѣли, по нашему мнѣнію, надобно обратить особенное вниманіе — во первыхъ на сближеніе однозначущихъ и подобныхъ ученій, во вторыхъ на зависимость ихъ одного отъ другаго. Первое средство должно способствовать ко взаимному объясненію частныхъ истинъ; второе — къ утвержденію всѣхъ ихъ на основныхъ идеяхъ Платоновой философіи. Но этотъ общій взглядъ очевидно ближе къ ученію Платона, чѣмъ къ его разговорамъ; а потому раждается вопросъ: можно ли расположить разговоры его такъ, чтобы они выражали какой нибудь научный порядокъ? Jean de Serres, котораго латинскій переводъ припечатанъ къ греческому тексту Стефанова изданія Платона, дѣйствительно думалъ осуществить эту мысль и раздѣлилъ всѣ сочиненія нашего философа на нѣсколько сизигій, или сочетаній. Но изъ такого порядка произошелъ еще большій безпорядокъ; потому что у Платона часто въ одномъ и томъ же разговорѣ изслѣдываются предметы, относящіеся къ разнымъ частямъ философіи, между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ стоять въ которой нибудь одной сизигіи [1]. Такая несообразность произошла, кажется, отъ того, что Jean de Serres не искалъ основанія для своихъ сочетаній въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Платона, но установилъ ихъ, сообразно съ внѣшними требованіями схоластической методы. Слѣдова-

---

[1] Сизигіи Іоанна Серрскаго слѣдующія:

1) Апологическая (Эвтифронъ, Апологія, Критонъ и Федонъ).

2) Пропедевтическая (Теагъ, Соперники и Теэтетъ).

3) Антисофистическая (Софистъ, Эвтидемъ, Протагоръ и Иппіасъ меньшій).

4) Логическая (Кратилъ и Горгіасъ).

5) Иѳическая общая (Филебъ, Менонъ и Алкивіадъ 1).

6) Иѳическая частная (Алкивіадъ 2, Хармидъ, Лизіасъ и Иппархъ).

7) Политическая (Менексенъ, Политикъ, Миносъ, Государство, Законы и Послѣзаконіе).

8) Физическая и метафизическая, или ѳеологическая (Тимей, Критіасъ, Парменидъ, Пиръ, Федръ, и Иппіасъ большій).

9) Письма и неподлинные разговоры.

тельно, для избѣжанія подобной неправильности, мы прежде всего должны найти между разговорами Платона такіе, которые заключали бы въ себѣ основныя идеи всей его философіи, и потомъ, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, обставить ихъ прочими: чрезъ это истины зависимыя будутъ сближены съ коренными, и однѣ отъ другихъ получатъ болѣе ясности и опредѣленности. И такъ, сравнивая между собою отдѣльныя сочиненія Платона по объемлемости, плодовитости и важности содержащагося въ нихъ ученія, мы, вмѣстѣ съ Астомъ и Шлейермахеромъ, признаемъ основными разговорами: Парменидъ, Протагоръ и Федръ. Въ Протагорѣ излагаются посылки для метафизическихъ результатовъ Платона о высотѣ добродѣтели; въ Парменидѣ заключается ученіе его объ идеяхъ, или объ истинѣ самой въ себѣ; въ Федрѣ разсматривается вообще природа изящнаго, или прекраснаго. Если нашъ взглядъ на эти разговоры вѣренъ; то уже не трудно раздѣлить и прочіе: надобно только, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго, отнесть его къ тому коренному сочиненію Платона, изъ котораго онъ долженъ былъ развиться. Такимъ образомъ всѣ разговоры своего философа мы дѣлимъ на—

I. *Протагоровскіе*, въ которыхъ излагается преимущественно теорія добродѣтели въ смыслѣ нравственномъ и политическомъ. Сюда относятся разговоры: *Протигоръ*, *Эвтидемъ*, *Эвтифронъ*, *Лахесъ*, *Хармидъ*, *Менонъ*, *Апологія Сократа*, *Критонъ*, *Федонъ*, *Горгіасъ*, *Менексенъ Алкивіадъ*, *Государство*, *и Законы*, Внутренній характеръ всѣхъ этихъ разговоровъ—*діалектико-дидактическій*.

II. *Парменидовскіе*, въ которыхъ раскрывается особенно теоретическая сторона Платоновой философіи, или вообще истина въ разныхъ ея отношеніяхъ. Платонъ излагаетъ въ нихъ собственное ученіе большею частію въ связи съ ученіями прежнихъ философскихъ школъ и съ умствованіями софистовъ. Сюда относятся

разговоры: *Парменидъ*, *Теэтетъ*, *Тимей*, *Политикъ*, *Критіасъ*, *Софистъ*, *Кратилъ и Іонъ*. Внутренній характеръ ихъ—*критико-діалектическій*.

III. *Федровскіе*, въ которыхъ истина и добро разсматриваются подъ формами прекраснаго, и приводятся къ единству въ религіи, человѣкѣ и его произведеніяхъ. Сюда относятся разговоры: *Федръ*, *Пиръ*, *Филебъ*, *Лизисъ*, *Иппіасъ старшій и Иппіасъ младшій*. Внутренній характеръ всѣхъ ихъ — *дидактико-поэтическій*.

ПРОТАГОРЪ.

ПРОТАГОРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Во времена Сократа и Платона былъ въ большомъ ходу вопросъ: «Добродѣтель пріобрѣтается ли воспитаніемъ и наукою, или сообщается самою природою?» Греческіе умствователи рѣшали эту задачу не одинаково: одни доказывали, что не учась добродѣтели, нельзя быть добродѣтельнымъ; другіе, что безъ естественнаго расположенія человѣка къ добру, никакая наука не поможетъ сдѣлаться добрымъ [1]. О томъ же самомъ предметѣ, между прочимъ, разсуждалъ и Платонъ, и свои мысли о немъ изложилъ въ четырехъ разговорахъ: Протагорѣ, Эвтидемѣ, Менонѣ и Лахесѣ. Нѣкоторые критики, сравнивая содержаніе этихъ разговоровъ въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, находили, что Платонъ въ нихъ противорѣчитъ самъ себѣ, что будто, напримѣръ, въ Протагорѣ онъ основываетъ добродѣтель на знаніи, слѣдовательно поставляетъ ее въ зависимость отъ науки, а въ Менонѣ почитаетъ ее даромъ боговъ, слѣдовательно выводитъ изъ круга человѣческой воли. Но мы уже имѣли случай говорить, что истолкова-

[1] О писателяхъ, касавшихся этого предмета, и о мнѣніяхъ Греческихъ ученыхъ, разсматривавшихъ его, см. *Fischer*. ad Aeschin. Socrat. qui referuntur dialogg. p. 21 sqq. и *Fuelleborn*. Symbol. ad histor. philosoph. P. X. p. 143 sqq.

тели нашего философа нерѣдко навязывали ему такія положенія, о которыхъ онъ и не думалъ; потому что часто самую иронію его понимали какъ рѣчь серьезную, и такимъ образомъ, по пословицѣ, nubem pro Iunone amplexi sunt. Чтобы опредѣлить истинный смыслъ Платонова ученія объ источникѣ добродѣтели, надобно непрестанно имѣть въ виду показанный нами выше общій характеръ Платоновыхъ сочиненій. Съ этимъ именно указателемъ мы будемъ разсматривать содержаніе каждаго изъ четырехъ упомянутыхъ разговоровъ, и, кажется, не ошибемся въ своемъ заключеніи.

Протагоръ [1] начинается бесѣдою Сократа съ Иппократомъ, сыномъ Иппониковымъ, котораго пламенная и безотчетная жажда познаній влечетъ въ школу софиста Протагора. Предметъ этого, по отношенію къ цѣлой бесѣдѣ, вступительнаго разговора, состоитъ въ рѣшеніи вопроса: *что такое софистъ? и чему онъ учитъ?* Но предложенный вопросъ разрѣшается только вообще, т. е., Сократъ наводитъ Иппократа на мысль, что софисты, должно быть,—купцы, торгующіе съѣстными припасами для души; а при покупкѣ этой пищи, гораздо болѣе должно бояться обмана, чѣмъ при покупкѣ пищи для тѣла; потому что послѣдняя перекладывается въ другія хранилища, а первая принимается прямо въ души. 309—314 С. Это—прологъ діалога.

Удовлетворяя сильному желанію Иппократа, Сократъ приводитъ его въ собраніе софистовъ и представляетъ Протагору, ихъ корифею. Высокое мнѣніе Протагора о своей наукѣ располагаетъ Сократа тѣснѣе ограничить прежнее значеніе софиста и подаетъ поводъ къ вопросу: чему онъ

[1] Платоновъ разговоръ, носящій имя Протагора, у Діогена Лаерція (III, 59) называется Πρωταγόρας ἢ Σοφισταί. ἐνδεικτικός. Равнымъ образомъ и Фицинъ къ названію «Protagoras» прибавляетъ: vel Sophistae. Но еще Проклъ замѣтилъ (ad Plat. Polit. p. 350. 24) что ἢ Σοφισταί—позднѣйшая вставка, καθάπερ ἄλλοι τῶν ἐπιγραφῶν προσθέσεις οὖσαι τῶν νεωτέρων τῆς ἐξουσίας ἀπολαυόντων. Посему мы удерживаемъ только главное названіе разговора, данное ему самимъ Платономъ.

учитъ? Протагоръ отвѣчаетъ, что его предметъ—политика, а предметъ его политики—добродѣтель. Но Сократъ недоумѣваетъ, можно ли преподавать политику, разумѣя ее въ такомъ смыслѣ, и предлагаетъ новый вопросъ, составляющій главную задачу бесѣды: *можно ли учить добродѣтели?* 314, С. 319, В.

Желая доказать, что добродѣтели учить нельзя, Сократъ указываетъ сперва на Аѳинянъ, которые, когда дѣло касается художествъ, совѣтуются только съ художниками, а когда надобно разсуждать о политикѣ, принимаютъ мнѣнія отъ всѣхъ гражданъ, предполагая, что политическая добродѣтель, и безъ особенныхъ наставленій, должна быть всѣмъ извѣстна; потомъ подтверждаетъ свое мнѣніе примѣрами частныхъ лицъ, которые, будучи сами добродѣтельны, не передаютъ и не могутъ передать своихъ добродѣтелей даже собственнымъ дѣтямъ. Но Протагоръ доказательствамъ Сократа противуполагаетъ сперва приточныя, потомъ прямыя основанія, что добродѣтель бываетъ и должна быть предметомъ науки. Посредствомъ притчи объ Эпиметеѣ и Прометеѣ, онъ старается доказать, что небо дало добродѣтель всѣмъ людямъ, и для того Аѳиняне допускаютъ всѣхъ гражданъ къ совѣщаніямъ о политикѣ. А такъ какъ отсюда можно было заключить, что излишне было бы учить добродѣтели, если она есть даръ неба; то Протагоръ, какъ будто забывъ о своей притчѣ и, противорѣча самому себѣ, доказываетъ, что добродѣтель не врождена, а пріобрѣтается наукою. Что же касается до того, что у добродѣтельныхъ родителей часто бываютъ худыя дѣти, то объясняетъ это большими или меньшими способностями къ добродѣтели. 313, В. 328, D.

Говоря о добродѣтели, Протагоръ разумѣлъ ее, какъ одинъ общій союзъ гражданъ, а между тѣмъ упоминалъ о святости, о разсудительности, о правдѣ и проч. Это подало поводъ Сократу спросить Протагора: *различны ли добродѣтели, или не различны?* Софистъ, утверждавшій, что

добродѣтель пріобрѣтается наукою, и понимавшій ее, какъ внѣшнее стяжаніе, натурально долженъ былъ допустить многоразличіе ея видовъ, или частей, непохожихъ одна на другую. Но Сократъ, разумѣя добродѣтель, какъ одно безразличное и нераздѣльное существо, нечувствительно приводитъ Протагора къ заключенію—сперва, что правда свята и святость праведна, потомъ, что мудрость и разсудительность—одно и тоже, наконецъ, что правда и разсудительность—не различны. Такимъ образомъ эротематическая метода Сократова заставляетъ софиста перейти отъ многоразличія добродѣтелей юридическихъ, которыхъ преподавателемъ онъ почиталъ себя, къ единству добродѣтели нравственной или метафизической, которая, по ученію Платона, не можетъ быть предметомъ науки. 328, D. 334, C.

Но чтобы показать, сколь-слабо чувствуетъ софистъ величіе добродѣтели нравственной, безъ которой невозможно знаніе и юридической, Платонъ предоставляетъ Протагору изъяснить пѣснь Симонида о томъ: возможно ли быть добрымъ? Протагоръ изъясняетъ ее, но не понимаетъ, что *дѣлаться* и *пребывать*—не одно и тоже, а потому обвиняетъ Симонида въ противорѣчіи самому себѣ. Утверждая, что трудно дѣлаться добрымъ, Симонидъ, говоритъ онъ, за то же самое мнѣніе порицаетъ Питтака, который сказалъ, что трудно быть добрымъ. При томъ, вызвавшись изъяснить Симонидову пѣснь, софистъ самъ не замѣчаетъ, какъ сильно противорѣчитъ она собственному его положенію, что можно учить добродѣтели; потому что въ ней доказывается, что даже дѣлаться добрымъ по истинѣ трудно, а быть добрымъ вовсе невозможно, и свойственно одному Богу. Какъ же тутъ преподавать добродѣтель? 334, C. 347, A.

Этимъ, казалось бы, надлежало и окончить разговоръ; но Сократъ, подведши всѣ прочія добродѣтели подъ понятіе одной въ смыслѣ метафизическомъ, и посредствомъ Симонидовой пѣсни, сблизивши Протагора съ мыслію о томъ, что она не можетъ быть предметомъ науки, еще не изслѣ-

довалъ: должно ли и мужество почитать добродѣтелію нравственною? Спросятъ: для чего такой существенный моментъ задачи оторванъ отъ своего цѣлаго и отброшенъ къ концу разговора? Отвѣчаемъ, что онъ вовсе не оторванъ, но соединяется съ главными частями бесѣды эпизодомъ, или экзегетическимъ разсужденіемъ о Симонидовой пѣсни. Протагоръ уже соглашается, что мудрость, разсудительность, справедливость и святость имѣютъ значительное между собою сходство, но мужество отличаетъ отъ нихъ. Чтобы преодолѣть это послѣднее упорство, Сократъ требуетъ опредѣленія мужества; и такъ какъ Протагоръ за существенную черту его принялъ смѣлость, даже отважность, то спрашиваетъ: смѣлые знаютъ ли, на что отваживаются? — Знаютъ, отвѣчалъ недальновидный софистъ. А мужественные смѣлы?—Конечно.—Слѣдовательно мужественные знаютъ, на что отваживаются?—Протагоръ, замѣтивъ наконецъ, что мужество приводится къ тожеству съ знаніемъ или мудростію, ограничиваетъ первую свою посылку, говоря, что хотя всѣ мужественные смѣлы, но не всѣ смѣлые мужественны, то есть, не всѣ знаютъ, на что отваживаются. Тогда Сократъ, какъ будто оставивъ предметъ изслѣдованія, непримѣтно заходитъ къ нему съ другой стороны и спрашиваетъ Протагора: все пріятное добро ли? и само ли по себѣ добро? Софистъ недоумѣваетъ, и заманиваемый вопросами Сократа, допускаетъ, что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, ошибаются по недостатку знанія, что никто добровольно не стремится къ злому, или къ тому, что почитаетъ злымъ; если же стремится къ чему-нибудь, то это нѣчто разумѣетъ, какъ добро. Такимъ образомъ стремленіе къ добру происходитъ отъ знанія; но мужественные стремятся къ добру, зная, что оно добро; и по тому мужество основывается на знаніи. Слѣдовательно мужество есть мудрость. 347, A. 360, D.

Видя себя снова опровергнутымъ, Протагоръ такъ смѣшался, что не хотѣлъ болѣе отвѣчать и замолчалъ. Но

Сократъ сказалъ: Я спрашивалъ тебя для того только, *чтобы изслѣдовать все, относящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣтель. Знаю, что по раскрытіи этого, совершенно объяснилось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: — я, что учить добродѣтели невозможно, ты — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ челобитчика и насмѣшника, который, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому, стараясь доказать, что всѣ виды добродѣтели суть знаніе. А ты, Протагоръ, прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, теперь же соглашаешься называть ее чѣмъ угодно, лишь бы только не знаніемъ.* 360, С. 362.

Такое содержаніе Платонова Протагора показываетъ, что предположенная задача: можно ли учить добродѣтели? окончательно не рѣшена въ немъ. По этому Шлейермахеръ и Штальбомъ думаютъ, что цѣлію разсматриваемаго діалога Платонъ полагалъ не дѣйствительное изслѣдованіе предположеннаго вопроса, а обнаруженіе недостаточности софистическихъ умствованій для познанія истины, и показаніе того, какова должна быть достойная своего имени діалектика. Но не отвергая этой формальной, или методической цѣли, не трудно замѣтить въ Платоновомъ Протагорѣ и другую, болѣе реальную, имѣющую прямое отношеніе къ самому предмету бесѣды. Мы уже сказали, что Сократъ мало по малу отвлекъ вниманіе Протагора отъ разнообразія политическихъ добродѣтелей, и обратилъ его къ единству добродѣтели нравственной, сущность которой онъ всегда поставлялъ въ знаніи или мудрости [1]. Но если она состоитъ въ знаніи; то преподавать ее нельзя и ненужно:

---

[1] *Xenoph.* memor III. 6. 5.; IV. 6, 7.

потому что въ комъ она есть, тотъ уже знаетъ ее; а въ комъ нѣтъ, тотъ долженъ напередъ узнать ее, слѣдовательно имѣть добродѣтель прежде добродѣтели. Потому-то Платонъ истинную добродѣтель, т. е., знаніе и мудрость, приписываетъ одному Богу и производитъ ее отъ одного Бога. И такъ цѣлію разсматриваемаго разговора было — приблизить Протагора къ мысли, что

1. Добродѣтель сама по себѣ одна, и состоитъ въ знаніи [1].

2. На землѣ могутъ быть учители добродѣтелей (въ смыслѣ юридическомъ); но дать человѣку добродѣтель можетъ одинъ Богъ [2].

Считаемъ нужнымъ также замѣтить, что ученіе, излагаемое въ Протагорѣ, обнаруживаетъ характеръ болѣе философіи Сократовой, чѣмъ Платоновой. Это видно изъ того, что всѣ добродѣтели здѣсь приводятся къ одному знанію, что главныхъ добродѣтелей считается не четыре, какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона, а пять; то-есть, къ справедливости, разсудительности, благоразумію и мужеству, причисляется еще святость, или благочестіе [3], и что похвальное и пріятное принимаются за одно и тоже, то есть, предписывается такъ пользоваться удовольствіями, чтобы это было согласно съ мудростію.

Истолкователи Протагора представляютъ себѣ еще вопросъ: къ какому времени Платонъ относилъ свой разговоръ? Протагоръ въ немъ уже старикъ, Сократъ еще молодъ, Алкивіадъ *πρῶτον ὑπηνήτης*, Агатонъ *νέον ἔτι μηράκιον*. Но первый умеръ въ 1,94 ол.; третій былъ полководцемъ Аѳинянъ въ Пелопонесѣ въ 1,90 ол.; четвертый одержалъ побѣду въ качествѣ трагическаго поэта въ 90 ол. Притомъ, слушателями Протагора и Сократа представляются дѣти

---

[1] *Ritters* Gesch. d. alt. Z. Th. 2. B. VIII. *Plat.* de legg. XII. p. 963. C. Polit. p. 306. A.

[2] *Xenoph.* mem. IV. 8. 10. 21. Stäudl. Gesch. d. Moralphilosophie p. 94—99.

[3] *Plat.* de republ. VII. p. 519. Men. p. 97. A.

Перикла, которые умерли отъ заразы еще при началѣ пелопонезской войны, въ 3,87 ол. Слѣдовательно, разговоръ можно относить къ 1 или 2, 87 ол. Этому заключенію не противурѣчитъ то обстоятельство, что хозяиномъ дома, въ которомъ происходила бесѣда, представляется Калліасъ, слѣдовательно Иппоникъ какъ будто предполагается умершимъ; а онъ былъ убитъ въ делосскомъ сраженіи въ 1,89 ол. Въ разговорѣ вовсе не упоминается о смерти Иппоника, и Калліасъ могъ распоряжаться въ домѣ, просто за отсутствіемъ отца. Что же касается до того, что Ферекратовы ἄγριοι, по Протагору, представлены были на сценѣ въ прошедшемъ году (πέρυσι), а по Атенею, при преторѣ Аристіонѣ, въ 4,89 ол.; то въ справедливости послѣдняго показанія можно сомнѣваться, потому что мнѣнія Атенея о Платонѣ часто бываютъ вовсе неосновательны и отзываются какою-то странною ненавистію. Впрочемъ, еслибы въ Платоновомъ Протагорѣ и дѣйствительно найдены были какіе нибудь анахронизмы; то и тогда не слѣдовало бы обвинять Платона; потому что цѣлію его была истина не хронологическая, а философская. Онъ, какъ философъ и мимикъ, замѣчалъ только ученія и снималъ отличительныя черты съ предметовъ, ему представлявшихся, не заботясь о томъ, когда существовали эти ученія и были ли современны сводимыя имъ лица и обстоятельства.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, ДРУГЪ СОКРАТА, ИППОКРАТЪ, ПРОТАГОРЪ, АКЛИВІАДЪ, КАЛЛІАСЪ, КРИТІАСЪ, ПРОДИКЪ, ИППІАСЪ.

Др. Откуда взялся ты, Сократъ?—Но что и спрашивать? вѣрно съ ловли Алкивіадовой красоты? Я недавно видѣлъ его и, признаюсь, онъ показался мнѣ очень красивымъ мужчиною,—да, Сократъ, мужчиною, который, между нами будь сказано, уже обрастаетъ и бородою. 309.

Сокр. Такъ чтожъ изъ этого? Развѣ ты не одобряешь Омира [1], по словамъ котораго, намъ особено нравится тотъ возрастъ, когда у юноши начинаетъ пробиваться пушокъ на бородѣ, какъ теперь у Алкивіада? B.

Др. Да что мнѣ въ томъ? Вѣдь правда, что ты сей-часъ отъ него? Каково же расположенъ къ тебѣ [2] этотъ молодой человѣкъ?

Сокр. Мнѣ-то показалось, хорошо, — особенно нынѣ, потому что онъ много за меня говорилъ и мнѣ помогалъ. Я точно сей-часъ отъ него; но вотъ что странное хочу сказать тебѣ: находясь вмѣстѣ съ нимъ, я не обращалъ на него и вниманія, даже забылъ, что онъ со мною.

Др. Чтожъ бы это сдѣлалось съ вами? Ужь не встрѣтилъ ли ты въ нашемъ городѣ кого-нибудь прекраснѣе Алкивіада [3]. C.

---

[1] Иліад. XX, 348 «Едва показался на юношѣ пріятный пушокъ».

[2] *Къ тебѣ*, πρὸς σέ, вмѣстѣ съ Гейндорфомъ, Беккеромъ, Штальбомомъ и Астомъ принимаю, вмѣсто Стефанова περὶ σὲ γήγεῖνον, что здѣсь вовсе неумѣстно.

[3] По свидѣтельству Корненія Непота (VII, 1), Alcibiades natus in amplissima civitate, summo genere, omnium aetatis suae multo formosissimus. Впрочемъ Сократъ здѣсь явно шутитъ надъ тѣлесною красотою, почитая ее ничтожною въ сравненіи съ красотою души, или мудростію.

Сокр. Да и много прекраснѣе.

Др. Что ты говоришь? Аѳинянина, или иностранца?

Сокр. Иностранца.

Др. Откуда онъ?

Сокр. Изъ Абдеры.

Др. И этотъ иностранецъ такъ красивъ, что показался тебѣ прекраснѣе сына Клиніасова?

Сокр. Почему же, добрый другъ мой, самому мудрому не казаться самымъ красивымъ?

Др. А! такъ ты встрѣтился у насъ съ какимъ-нибудь мудрецомъ?

D. *Сокр*. Даже съ мудрѣйшимъ человѣкомъ нашего времени, если почитаешь такимъ Протагора.

Др. Что ты говоришь? Протагоръ пріѣхалъ?

Сокр. Еще третьяго дня [1].

Др. И ты сей-часъ съ нимъ бесѣдовалъ?

310. *Сокр*. Да, очень много говорилъ и слушалъ.

Др. Перескажи же намъ вашу бесѣду [2], если ничто не препятствуетъ тебѣ. Вели встать этому мальчику [3], и садись на его мѣстѣ.

Сокр. Пожалуй, и останусь благодарнымъ, если будете меня слушать.

---

[1] Здѣсь говорится о второмъ прибытіи Протагора въ Аѳины (См. ниже р. 310), по изслѣдованію Аста (Platons. Leb. u. Schrift. p. 77 sq.), въ 389 ол. Сравн. *Macrob.* (Saturn. I, 1 p. 203, ed. Bip.): Paralus vero et. Xantippus, quibns Pericles pater fuit, cum Protagara disserunt secundo adventu Athenis morante, quos multo ante infamis illa pestilentia Atheniensis absumserat. Annos ergo coëuntium mitti in digitos, exemplo Platonis nobis suffragante, non convenit.

[2]. ***Перескажи же намъ вашу бесѣду***. Погречееки вопросительная рѣчь: *τί ον οὖν διηγήσω;*—формула учтивости, употреблявшаяся вмѣсто повелительнаго наклоненія. Подобн. обр. Conviv. init. *τί οὐ περιμενεῖς;* 175. B. *οὐκοῦν καλεῖς αὐτὸν καὶ μὴ ἀλήσειας;* и ниже 311. A. *ἀλλὰ τί οὐ βαδίζομεν παρ' αὐτόν;*

[3] Разумѣется одинъ изъ слугъ, *ἀκολούθος*. Беккъ замѣчаетъ, что слуга, на котораго здѣсь указывается, не могъ быть рабъ, потому что рабамъ не позволялось сидѣть въ присутствіи господъ. Но *ἀκολούθοι* были не рабы, а почетные слуги, составлявшіе свиту господина. Одни изъ нихъ шли впереди его, другіе позади, а иные сидѣли у его ногъ во время стола. Поэтому они назывались и разными именами. См. *Hoffmann*. Lexic. v. Pedisseqnus.

Др. А мы останемся благодарными, если раскажешь.

Сокр. Стало-быть — обоюдное одолженіе. Слушайте же.

Рано по утру въ прошлую ночь, крѣпко постучался
палкою въ дверь моей квартиры Иппократъ, сынъ Апол-
лодора, братъ Фасана; и когда отперли ему, — онъ тороп-
ливо вошелъ и громко вскричалъ: Сократъ! спишь ты, или B.
нѣтъ? Узнавъ его по голосу, я сказалъ: это Иппократъ;—
нѣтъ ли чего новаго [1]? — Ничего, кромѣ хорошаго, от-
вѣчалъ онъ. — Хорошо, если такъ; но что за причина
столь ранняго посѣщенія? — Протагоръ пріѣхалъ, отвѣ-
чалъ онъ, ставъ предо мною. — Еще третьяго дня; а ты
только сей-часъ узналъ? — Нѣтъ, ради боговъ, вчера ве-
черомъ, отвѣчалъ онъ, и схвативъ подножную скамейку,
сѣлъ у ногъ моихъ и продолжалъ: да, — уже вечеромъ, весь- C.
ма поздо возвратившись изъ Эноэ [2]. Видишь, у меня бѣ-
жалъ слуга мой, Сатиръ; и я-таки хотѣлъ было тогда
же сказать тебѣ, что ѣду отыскивать его, но почему-то
забылъ. Когда же возвратился домой, и мы, поужинавши,
собирались спать, — братъ извѣстилъ меня о пріѣздѣ Прота-
гора. Я хотѣлъ было въ туже минуту идти къ тебѣ, но
подумалъ, что уже слишкомъ поздо. За то, едва послѣ D.
усталости сонъ оставилъ меня, я немедленно всталъ и по-
бѣжалъ сюда. — Зная рвеніе и пылкость Иппократа, я
спросилъ его: такъ чтожъ тебѣ до того? Развѣ Протагоръ
обидѣлъ тебя какъ-нибудь?—Да, клянусь богами, Сократъ,
сказалъ онъ съ улыбкою, обидѣлъ; потому что самъ-то
единственный мудрецъ, а меня такимъ не дѣлаетъ. — О,
клянусь Зевсомъ, сдѣлаетъ и тебя мудрецомъ, лишь бы
ты заплатилъ ему деньги и убѣдилъ ими. — Деньги? Зевсъ

---

[1] *Нѣтъ ли чего новаго?* *μή τι νεώτερον*; вм. *μή τι νέον*. Греки о новости обыкновенно спрашивали въ степени сравнительной, отрѣшенно, тогда какъ мы, не сравнивая опредѣленно двухъ предметовъ, употребляемъ—положительную. Подобнымъ образомъ Phaedon. 105. A. *οὐ γὰρ χεῖρον πολλάκις ἀκούειν*.

[2] Въ Аттикѣ извѣстны были двѣ деревни подъ именемъ Эноэ: одна близъ Элевѳеріи, а другая подлѣ Мараѳона См. Interpr. ad Thucid. II, 18. *Wesseling*. ad Diod. IV, 60.

и боги! воскликнулъ Иппократъ. Если бы отъ этого зави-
E. сѣло;—ихъ не осталось бы ни у меня, ни у друзей моихъ. Для того-то я теперь и пришелъ къ тебѣ, Сократъ, чтобы ты поговорилъ ему обо мнѣ. Самъ я еще молодъ, притомъ, никогда не видѣлъ и не слушалъ Протагора. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ первый разъ, я былъ еще ребенкомъ [1]. Но Сократъ, всѣ превозносятъ этого человѣка и почитаютъ его чрезвычайно мудрымъ въ словѣ. Пой-
311. демъ къ нему сей часъ, чтобы застать его дома. Я слышалъ, что онъ остановился у Калліаса, сына Иппоникова [2]; пойдемъ, сдѣлай милость. — Нѣтъ, добрый другъ мой, сказалъ я, туда еще не пойдемъ, потому что слишкомъ рано. Давай-ка встанемъ, да выдемъ на галлерею [3] и прогуляемся, пока не разсвѣнетъ; а потомъ отправимся къ Протагору. Онъ по большей части бываетъ дома; а потому не бойся,—мы, по всей вѣроятности, застанемъ его.

Итакъ мы встали, вышли на галлерею и начали про-
B. гуливаться. Желая испытать рѣшимость Иппократа, я пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ: послушай, Иппократъ, ты намѣренъ теперь идти къ Протагору и заплатить ему за себя деньги: но знаешь ли, къ какому человѣку идешь, и чѣмъ желаешь сдѣлаться? Вотъ. если бы вздумалъ ты, напримѣръ, идти къ твоему тескѣ Иппократу кооскому, принадлежащему къ кастѣ Асклепіадовъ, съ намѣреніемъ платить ему за себя; и кто нибудь спро-

---

[1] *Я былъ еще ребенкомъ*, παῖς ἦ, пр. нес. средн. вмѣсто ἦμην. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто ἦ стоитъ ἦν.

[2] Калліасъ, сынъ Иппоника, по свидѣтельству Перизонія (ad Aelian. V. H. XIV, 16), былъ слѣпымъ почитателемъ софистовъ и своими деньгами много способствовалъ ихъ славѣ.

[3] *Встанемъ, да выдемъ на галлерею*, ἐξαναστῶμεν εἰς τὴν αὐλήν, выраженіе сжатое, заключающее въ себѣ два понятія: — встать и пойти. Αὐλή соотвѣтствуетъ латинскимъ словамъ aula и aulaeum. Древніе съ особеннымъ удобствомъ устрояли надворную часть домовъ или галлерею, и украшали ее различнымъ образомъ, а особенно коврами и статуями. Это мѣсто назначалось для прогулки и называлось αὐλή. Такія же aula или aulaea устрояемы были въ греческихъ театрахъ и дали начало декораціямъ. *Hoffm.* Lex. v. aulaeum.

силъ бы себя: какому человѣку, въ лицѣ Иппократа, хочешь ты платить деньги? Что отвѣчалъ бы ты?—Врачу, сказалъ бы я. — А чѣмъ думаешь сдѣлаться самъ? — Врачемъ. — Еслибы равнымъ образомъ ты шелъ къ Поли- C.
клету аргосскому, или Фидіасу аѳинскому, желая платить имъ за себя; и кто-нибудь спросилъ бы тебя: какимъ людямъ, въ лицѣ Поликлета и Фидіаса, намѣренъ ты платить деньги? Какъ слѣдовало бы отвѣчать тебѣ? — Ваятелямъ, отвѣчалъ бы я. — А чѣмъ надѣешься сдѣлаться самъ? — Разумѣется, ваятелемъ. — Пусть такъ, сказалъ я; теперь оба мы пойдемъ къ Протагору, будучи готовы предложить ему за наставленіе тебя плату, лишь бы толь- D.
ко достало нашихъ денегъ, и мы могли бы ими убѣдить его; въ случаѣ же недостатка, прибавимъ еще деньги друзей своихъ. Но что, если кто-нибудь, замѣтивъ въ насъ столь сильную заботливость въ этомъ отношеніи, спроситъ: скажите мнѣ, Сократъ и Иппократъ, какому человѣку, въ лицѣ Протагора, собираетесь вы платить деньги? Что будемъ отвѣчать? Какимъ еще именемъ, по слу- E.
хамъ, называютъ Протагора? Фидіасъ называется ваятелемъ, Омиръ — поэтомъ, а Протагоръ чѣмъ? — Протагора-то, видишь, называютъ софистомъ, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно мы идемъ платить деньги Протагору, какъ софисту? — Конечно. — А если кто-нибудь спроситъ тебя далѣе: отправляясь къ Протагору, какимъ же человѣкомъ надѣешься ты сдѣлаться самъ? — Иппократъ покраснѣлъ (это можно было замѣтить, потому что уже начинало разсвѣтать) и сказалъ: если мой отвѣтъ долженъ быть сообразенъ съ предыдущими; то я конечно буду отвѣчать, что хочу быть софистомъ. — Но, ради боговъ, Иппократъ, не стыдно ли тебѣ явиться между Гре- 312.
ками софистомъ? — Божусь Зевсомъ, Сократъ, стыдно, если ужъ надобно говорить, что думаю. — Впрочемъ, можетъ быть, на науку, которой намѣреваешься учиться у Протагора, ты смотришь такъ же, какъ смотрѣлъ на нау-

B. ки грамматика, цитриста и гимнастика [1], которымъ ты учился не для науки, что бы то-есть, самому быть общественнымъ наставникомъ [2], а для того, чтобы получить воспитаніе, приличное частному и свободному человѣку?— Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я не иначе смотрю на науку Протагора. — Но понимаешь ли ты, что хочешь дѣлать, спросилъ я его, или не понимаешь? — А что? — Ты на-
C. мѣреваешься ввѣрить попеченіе о душѣ своей, какъ говоришь, софисту; а удивительно, если знаешь, что такое софистъ. Когда же не знаешь; то, ввѣряя ему свою душу, равнымъ образомъ не можешь знать, доброму или худому человѣку [3] ввѣряешь ее.—Это-то, кажется, я знаю, сказалъ онъ. — Отвѣчай же, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Софистъ, какъ самое имя показываетъ [4], есть знатокъ мудрыхъ вещей. — Но то же можно сказать и о живописцахъ, и объ архитекторахъ, возразилъ я; потому что и они—знатоки мудрыхъ вещей. Такъ, если кто-ни-
E. будь спроситъ насъ: какія именно мудрыя вещи извѣстны

---

[1] Изъ многихъ мѣстъ Платона (Alcib. I. 106. Theag. 122), Ксенофонта (de republ. Laced. II. 1), Исократа (Paneg. II, 195) и Аристотеля (Polit. VII, 3) видно, что обыкновенный курсъ воспитанія дѣтей въ Греціи состоялъ изъ грамматики, музыки и гимнастики. Но подъ общимъ названіемъ грамматики разумѣлись, кажется, всѣ отрасли словесныхъ наукъ, а подъ именемъ музыки—преимущественно τὸ κιθαρίζειν — игра на цитрѣ.

[2] *Общественнымъ наставникомъ*—δημιουργός. Это слово, когда оно прилагается къ людямъ, означаетъ *мастера*, или такого художника-спеціалиста, къ которому народъ въ требуемыхъ случаяхъ обращался, какъ къ знатоку, аккредитованному обществомъ. Въ этомъ смыслѣ τῷ δημιουργῷ противуполагался ἰδιώτης.

[3] *Доброму или худому человѣку*, οὔτ' εἰ ἀγαθῷ οὔτ' εἰ κακῷ πράγματι. Подъ словомъ πρᾶγμα Греки большею частію разумѣли вещь въ смыслѣ неопредѣленномъ, нѣчто, а иногда — лицо, даже цѣлый народъ; напр. Gorg. 520. B. μέμφεσθαι τούτῳ τῷ πράγματι (т. е. народу); Krit. 53. D. καὶ οὐκ οἴει ἄσχημον φανεῖσθαι τὸ τοῦ Σωκράτους πρᾶγμα. Поэтому я перевожу: доброму или худому человѣку.

[4] Слово *софистъ* у Грековъ значило то же, что у насъ знатокъ чего-нибудь, только софистовъ сверхъ того почитали еще учителями своего искуства и этою чертою отличали ихъ отъ мудрецовъ. Впослѣдствіи Греки словами τὰ σοφά, ὡς τῶν σοφιστῶν πράγματα стали означать уже словесныя хитрости, уловки, обманы.

живописцамъ? мы вѣроятно скажемъ: тѣ, которыя относятся къ рисованью картинъ. Такъ будемъ отвѣчать и на другіе подобные вопросы. Но когда спросятъ: какія мудрыя вещи знаетъ софистъ? что сказать? чего знатокъ онъ? — Чего болѣе, Сократъ, какъ не искуства убѣдительно говорить?—Да, можетъ быть, мы сказали бы и справедливо, только недостаточно, продолжалъ я; потому что изъ этого отвѣта вытекаетъ новый вопросъ: о чемъ именно софистъ учитъ убѣдительно говорить? Вотъ напримѣръ, цитристъ E.
учитъ убѣдительно говорить о томъ, что онъ знаетъ, то-есть, объ игрѣ на цитрѣ: не правда ли, Иппократъ? — Правда. — Ну, а софистъ-то о чемъ учитъ убѣдительно говорить? конечно о томъ, что онъ знаетъ? — Вѣроятно такъ. — Скажи же теперь, въ чемъ состоитъ то знаніе, которое и самъ онъ имѣетъ, и ученику передаетъ?—Право не знаю, что сказать тебѣ на это, отвѣчалъ онъ.—Какъ? спросилъ я потомъ: но развѣ не видишь, какой опасности 372.
подвергаешь свою душу? Если бы ты долженъ былъ ввѣрить кому нибудь свое тѣло и недоумѣвалъ, хорошо ли это будетъ, или худо; то долго думалъ бы, ввѣрять его или нѣтъ: ты призвалъ бы на совѣтъ друзей и родныхъ, и проводилъ бы цѣлые дни въ размышленіи. А душу-то ставишь ты выше тѣла; въ ней все твое, — и счастіе и несчастіе, смотря потому, хороша она будетъ, или худа: и вотъ, не посовѣтовался ты ни съ отцомъ, ни съ братомъ, B.
ни съ однимъ изъ насъ, друзей твоихъ: ввѣрять ли ее, или нѣтъ, пріѣхавшему иностранцу? Но узнавъ о его прибытіи, какъ говоришь, вчера вечеромъ, и пришедши ко мнѣ сегодня до свѣта, ни однимъ словомъ не попросилъ моего совѣта: должно ли ввѣриться ему, или нѣтъ? а вознамѣрился истощить деньги и у себя и у друзей своихъ, какъ будто уже рѣшено, что надобно слушать Протагора котораго ты, по собственнымъ твоимъ словамъ, нисколько не знаешь, съ которымъ никогда не говаривалъ, и котораго называешь софистомъ, не понимая, что такое софистъ, ко- C

ему хочешь ввѣриться.—Выслушавъ это, Иппократъ сказалъ: судя по твоимъ словамъ, Сократъ, это правда.— Но, какъ тебѣ кажется? продолжалъ я: софистовъ нельзя ли назвать разнощиками, или рыночными торговцами [1], которые торгуютъ на площади съѣстными припасами для души? Вѣдь софистъ мнѣ кажется чѣмъ-то похожимъ на это.
D. —Но чѣмъ питается душа [2], Сократъ?—Должно быть, познаніями [3], отвѣчалъ я; только смотри, добрый другъ мой, чтобы софистъ, выхваляя свой товаръ, не обманулъ насъ такъ же, какъ разнощикъ, или рыночный торговецъ, торгующій съѣстными припасами для тѣла. Привозя свой товаръ, купцы обыкновенно хвалятъ его, хотя сами не знаютъ, полезенъ ли онъ тѣлу, или вреденъ; да и покупатели, кромѣ врача и гимнастика, не болѣе разумѣютъ это

---

[1] ***Разнощиками или рыночными торговцами,*** *ἔμπορός τις ἢ κάπηλος.* Ἔμποροι (собст. peregrinatores) *πλανῆται ἐπὶ τὰς πόλεις* (Polit. II, 371). Καπήλυς Платонъ описываетъ въ томъ же мѣстѣ, какъ *τοὺς πρὸς ὠνήν τε καὶ πρᾶσιν διακονοῦντας, ἱδρυμένυς ἐν ἀγορᾷ,* или, по описанію Цицерона (de offic. 1, 42), qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant. У насъ: разнощики и рыночные торговцы.

[2] ***Мнѣ кажется***, ***чѣмъ-то похожимъ на это. Но чѣмъ питается....*** *φαίνεται γάρ ἔμοιγε τοιοῦτός τις. Τρέφεται δὲ* и пр. Такъ читается въ Ald. et Bas. I. 2. И это чтеніе вѣрнѣе того, по которому *φαίνεται γάρ ἔμοιγε τοιοῦτός τις* влагается въ уста Иппократа. Фицинъ переводитъ: ***Hipp***. Talis mihi sane videtur; verum quibus alitur animus? Но Иппократъ не могъ сказать *φαίνεταί γάρ ἔμοιγε*. Ему, какъ любителю софистовъ, это было неприлично.

[3] ***Должно быть***, ***познаніями***, *μαθήμασι δήπυ.* Подъ словомъ *μαθήματα* я разумѣю познанія, а не науки. Науки и искуства у Грековъ назывались *τέχναι*, которыми положительно, сообразно съ принятыми формами, занимались такъ называемые *δημιουργοί*, общественные мастера и художники. Къ числу такихъ мастеровъ относились и народные ораторы. Но высшее разсматриваніе науки и искуства, художественное, или творческое разработываніе ихъ, а особенно изслѣдованіе связи между ними, почиталось дѣломъ мудрости, философіи, или гармоніи. Платонъ постоянно приписываетъ софистамъ искуство (*τέχνη*) учить юношество за деньги: но такъ какъ софисты выдавали себя за людей знающихъ все, и потому брались сообщать своимъ слушателямъ познанія (*μαθήματα*) о всемъ; то Платонъ нерѣдко называетъ ихъ иронически и мудрецами, *σοφοί* Итакъ *μαθήματα* суть рывочныя познанія изъ области различныхъ наукъ и искуствъ, не имѣющія въ своемъ основаніи одной идеи, но измѣняющія свой характеръ, смотря по направленію преподавателя и требованію слушателей.

дѣло. Подобнымъ образомъ поступаютъ и софисты, раз-
возящіе по городамъ познанія [1]: барышничая ими и про-
давая ихъ охотникамъ, они выхваляютъ все, что продаютъ,
хотя нѣкоторые изъ нихъ сами не знаютъ, полезенъ ли
душѣ товаръ ихъ; да и покупатели, кромѣ врача души, E.
столь же мало понимаютъ это. И такъ, если ты умѣешь
отличать полезное отъ вреднаго; то можешь безопасно по-
купать познанія и у Протагора и у всякаго другаго: а
когда не умѣешь, — смотри, добрый другъ мой, чтобы не
подвергнуть гибели самое драгоцѣнное свое сокровище.
При покупкѣ познаній можно вѣдь впасть въ гораздо боль- 373.
шую опасность, чѣмъ при покупкѣ пищи. Купивъ у раз-
нощчика, или рыночнаго торговца, съѣстные припасы и
напитки, ты имѣешь возможность переложить ихъ въ дру-
гія хранилища и, еще не принимая въ свое тѣло, въ видѣ
пищи или питья, сохранить ихъ дома и, призвавъ къ себѣ
опытнаго человѣка, посовѣтоваться съ нимъ, что можно
ѣсть или пить, и чего нельзя, когда что употреблять и
сколько. При этой покупкѣ вообще — не много бѣды. Но B.
познанія нельзя перелагать въ другое хранилище: запла-
тивъ за урокъ [2], ты принимаешь его прямо въ свою душу
и, научившись, выходишь непремѣнно или со вредомъ, или
съ пользою. По этому познанія надобно подвергать изслѣ-
дованію, и при томъ подъ руководствомъ старшихъ; по-
тому что сами мы еще молоды для оцѣнки подобныхъ ве-
щей. Теперь, утолимъ нашу жажду, Иппократъ: пойдемъ
и послушаемъ Протагора, а послушавши, поговоримъ и съ

---

[1] О путешествіяхъ софистовъ съ этою цѣлію говоритъ Платонъ, Tim. 19. E. *τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος — ἅτε πλανητὸν ὂν κατὰ πόλεις, οἰκήσεις τε ἰδίας οὐδαμῆ διωκηκός.* **Lucian** Hermot, § 58. *καὶ φιλόσοφοι ἀποδίδονται τὰ μαθήματα, ὥσπερ οἱ κάπηλοι, κερασάμενοί γε οἱ πολλοὶ καὶ δολώσαντες καὶ κακομετροῦντες.*

[2] ***Заплативъ за урокъ***, *καταθέντα τὴν τιμήν.* Софисты брали съ своихъ слушателей, по условію, деньги послѣ каждаго урока. Отсюда *Aristoph.* Nub. 246. *μισθὸν δ', ὅντιν' ἂν πράττῃς μ', ὀμοῦμαί σοι καταθήσειν τοὺς θεούς.* Сравн. ниже 328 C.

другими; потому что Протагоръ тамъ не одинъ: мы най-
C. демъ съ нимъ также Иппіаса элейскаго [1], а можетъ быть и Продика хіосскаго, и многихъ иныхъ мудрецовъ.

Съ этими мыслями [2] мы отправились и, пришедши къ подъѣзду, продолжали какой-то разговоръ, начатый дорогою. Чтобы не прервать его и войти не окончивши, мы остановились у подъѣзда и до тѣхъ поръ разсуждали, пока не согласились другъ съ другомъ. Привратникъ евнухъ [3],
D. кажется, подслушивалъ насъ и, такъ какъ софисты часто обезпокоивали его, вѣроятно былъ сердитъ на приходящихъ. Поэтому, когда мы постучались въ дверь, онъ отворилъ ее и, видя насъ, сказалъ: ну вотъ! еще какіе-то софисты! Недосугъ самому! [4]—и вдругъ, взявшись за дверь обѣими руками, захлопнулъ ее изо всей силы. Однакожъ мы опять постучались, и привратникъ сквозь запертую дверь закричалъ: ахъ какіе люди! развѣ вы не слышали,

---

[1] Атеней (V. 310. T. II. Сравн. *Casaub.* p. 240. T. III) обвиняетъ Платона въ анахронизмѣ, говоря, что Иппіасъ элейскій никакъ не могъ быть въ Аѳинахъ въ одно время съ Протагоромъ; потому что Протагоръ въ другой разъ приходилъ въ Аѳины во время пелопонезской войны. Но Платонъ вѣроятно и не заботился о хронологической истинѣ, а сводилъ современныхъ себѣ софистовъ произвольно и излагалъ ихъ мнѣнія, какъ мимикъ. Иппіасъ описывается, какъ самый тщеславный педантъ своего времени. См. *Groen. van. Prinsterer.* Prosopograph. Plat. p. 91 sq. Тамъ же о Продикѣ хіоскомъ p. 87. sq.

[2] *Съ этими мыслями*, δόξαν ἡμῖν ταῦτα, — аттицизмъ, нерѣдко встрѣчающійся и у другихъ писателей; такъ *Xenoph.* Anab. IV. I. 13. δόξαν δὲ ταῦτα ἐκήρυξαν οὕτω ποιεῖν. *Lucian.* Ver. Host. 1, 7. δόξαν δέ μοι καὶ ὅθεν ἄρχεται ὁ ποταμὸς καταμαθεῖν, и проч. Значеніе его можно видѣть изъ слѣдующаго необходимаго дополненія: δόξαν ἡμῶν ἐχόντων περὶ ταῦτα.

[3] Богатые Греки, каковъ былъ и Калліасъ, начиная оставлять національный образъ жизни и подражая въ роскоши Персамъ, имѣли въ домахъ своихъ евнуховъ. Тѣже обычаи мало по-малу приняты были и Римлянами. Terent. Eun. 1, 2. 28. De janitoribus. seu pueris ab janua. см. *Pignor.* de serv. p. 214 sq.

[4] *Недосугъ самому.* Οὐ σχολὴ αὐτῷ, то-есть, господину. Такимъ же образомъ Римляне употребляли мѣстоим. ipse См. *Bach.* ad Xenoph. Oecon. III, 5. *Spanheim.* ad Aristoph. Nub. v. 219. *Burmann.* ad Virgil. Georg. IV. 82. Такъ употребляется оно и у насъ — въ простонародьѣ, гдѣ этимъ мѣстоименіемъ указывается не только на господина, но и на хозяина или хозяйку дома.

что самому недосугъ? — Но, любезный, сказалъ я, мы идемъ не къ Калліасу, да мы и не софисты; не бойся, намъ нужно видѣть Протагора: доложи ему. — Тогда слуга едва E.
согласился отворить намъ дверь [1].

Какъ скоро мы вошли,—тотчасъ увидѣли, что Протагоръ расхаживалъ взадъ и впередъ вдоль перистиля залы [2]. Рядомъ съ нимъ ходили, съ одной стороны, Калліасъ сынъ Иппо- 315.
ника, Паралосъ сынъ Перикла, братъ Калліаса по матери, и Хармидъ сынъ Главковъ [3]; съ другой—Ксантиппъ, второй сынъ Перикла, Филиппидъ, сынъ Филомела, и Антимеросъ изъ Мендеи [4], отличнѣйшій между учениками Протагора, учащійся для науки, съ цѣлію быть софистомъ. Позади ихъ [5] шли слушатели уроковъ, большею частію иностранцы, которыхъ Протагоръ беретъ изъ всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ, увлекая ихъ своимъ краснорѣчіемъ, какъ Орфей, и которые слѣдуютъ за нимъ, какъ очарованные. Въ этомъ послѣднемъ сонмѣ было нѣсколько чело- B.

---

[1] *Тогда слуга едва согласился отворить намъ дверь.* Μόγις οὖν ποτε ἡμῖν ἄνθρωπος ἀνέωξε τὴν θύραν: Ἄνθρωπος почти во всѣхъ изданіяхъ безъ члена. Астъ заключаетъ отсюда, что Греки, говоря о комъ-нибудь съ униженіемъ, произносили нарицательное его имя безъ члена. Догадка остроумная и вѣроятная—тѣмъ болѣе, что она подтверждается подобнымъ употребленіемъ именъ въ новыхъ языкахъ; отсюда конечно обычай и въ Россіи называть слугу человѣкомъ, ἄνθρωπος?

[2] *Вдоль перистиля залы*, ἐν τῷ προστόῳ. Προστόον, зала, непосредственно слѣдовавшая за переднею (atrium) и отличавшаяся отъ нашихъ залъ тѣмъ, что вдоль всѣхъ стѣнъ ея устроялся портикъ (peristylum), назначавшійся для прогулки, и потому называвшійся также περίπατον. См. *Vitruv.* V, 2. VI, 7. 10. Περιπατεῖν значило ходить вдоль и вокругъ перестиля залы.

[3] Упоминаемый здѣсь Хармидъ есть тотъ самый, именемъ котораго названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ.

[4] Мендея, одинъ изъ Ѳракійскихъ городовъ. См. *Pomp. Mel.* II, 2.

[5] *Позади ихъ*, τούτων δὲ οἱ ὄπισθεν. Οἱ нѣтъ во многихъ лучшихъ спискахъ, и оно, очевидно, лишнее; потому что выраженіе οἱ ὄπισθεν должно бы указывать на извѣстныхъ уже слѣдователей; но объ нихъ не было говорено. Притомъ τούτων здѣсь зависитъ отъ предлога, а не отъ глагола; слѣдовательно ὄπισθεν не можетъ быть обращено въ прилагательное. Конструкція такова: τούτων δὲ ὄπισθεν ἠκολούθουν ἐπακούοντες τῶν λεγομένων. За ними, т. е., почетными слушателями, которые формально не принадлежали къ школѣ, шли дѣйствительные ученики.

вѣкъ и нашихъ соотечественниковъ. Я особенно любовался на эту заднюю шеренгу, смотря, какъ всѣ, ее составлявшіе, остерегались, чтобъ не опередить Протагора и не помѣшать его шествію, какъ чинно разступались они на право и на лѣво, когда онъ и его фланги дѣлали поворотъ назадъ, какъ стройно раздѣлялись они и всякій разъ красиво замыкали кругъ позади своего учителя.

Потомъ *я узрѣлъ*, сказалъ бы Омиръ [1], Иппіаса Элей-
C. скаго. Онъ возсѣдалъ на высокомъ престолѣ [2] на противуположной сторонѣ перистиля. Вокругъ его на скамьяхъ помѣщались, Эриксимахъ [3] сынъ Акумена, Федръ Мирринузскій, Андронъ сынъ Андротіона [4], а изъ иностранцевъ, нѣкоторые соотечественники Иппіаса и другіе. Они, какъ мнѣ казалось, вопрошали своего учителя о природѣ и предметахъ астрономическихъ; а онъ, возсѣдая на своемъ престолѣ, давалъ каждому отвѣтъ и разрѣшалъ всѣ вопросы.

---

[1] ***Потомъ я узрѣлъ, сказалъ бы Омиръ,*** τὸν δὲ μετ' εἰςενόησα, ἔφη Ὅμηρος (Odyss. XI, 601). Шлейермахеръ полагаетъ, что слова ἔφη Ὅμηρος внесены въ текстъ е margine, слѣдовательно въ переводѣ должны быть выпущены. Но у Платона много подобныхъ мѣстъ. Напр. Thaeet. 170 D. Νὴ τὸν Δία, ὦ Σώκρατες, μάλα μυρίοι δῆτα, φησὶν Ὅμηρος, οἵ γέ μοι τὰ ἐξ ἀνθρώπων πράγματα παρέχουσι, Menon. 76 D. ἐκ τούτων δὴ σύνες ὅ τι λέγω, ἔφη Πίνδαρος и проч. Grou приводитъ другую причину умѣстности словъ ἔφη Ὅμηρος. Platon donne ici finement à entendre, говоритъ онъ, que les sophistes ne sont que des ombres, des phantomes des sages, comme ceux, qu' Ulysse vit aux enfers; потому что при этомъ именно случаѣ сказаны слова τὸν δὲ μετ' εἰςενόησα. Но Платону нужны были вѣроятно не слова, а эпическій тонъ Омира, чтобы пошутить надъ важною осанкою, диктаторскимъ тономъ и педантствомъ софистовъ. Эта мысль оправдывается напыщенностію слѣдующихъ за тѣмъ выраженій: ἐν θρόνῳ καθήμενος—ἐφαίνοντο δὲ περὶ φύσεώς τε καὶ τῶν μετεώρον ἀστρονομικὰ ἄττα διερωτᾶν τὸν Ἱππιαν и проч. По этому мнѣ очень нравится замѣчаніе Стефана, что вмѣсто ἔφη Ὅμηρος, лучше бы (по крайней мѣрѣ сообразнѣе съ характеромъ подобной рѣчи въ русскомъ языкѣ) читать: φαίη ἂν Ὅμηρος.

[2] Подъ именемъ престола надобно разумѣть, по всей вѣроятности, нѣчто въ родѣ каѳедры, которая однакожъ тогда, какъ видно, не получила еще особаго названія.

[3] Эриксимахъ—врачь, часто упоминаемый въ сочиненіяхъ Платона, напр. въ Федрѣ и Пирѣ.

[4] Андротіонъ. См. разговоръ подъ именемъ Горгіаса 487 С.

Наконецъ вотъ *я увидѣлъ и Тантала* [1],—Продика хіосскаго. Онъ живетъ тамъ же, въ какомъ-то чуланѣ, кото- D.
рый Иппонику служилъ кладовою, а теперь, по множеству пріѣзжихъ, очищенъ Калліасомъ и отданъ для жительства иностранцамъ. Продикъ былъ еще въ постелѣ, окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами [2]. Подлѣ него, на ближнихъ диванахъ, возлежали — Павзаній керамисскій [3], а съ Павзаніемъ молодой человѣкъ, еще мальчикъ, имѣвшій, по моему замѣчанію, отличныя способности и весьма пріятную наружность. Его называли, какъ E.
мнѣ послышалось, Агатономъ [4]; и не удивительно, если Павзаній любитъ его. И такъ, здѣсь находились — этотъ мальчикъ, оба Адиманты [5], дѣти Кипида и Левколофида, и еще нѣсколько человѣкъ. Но о чемъ они говорили, изъ другой комнаты нельзя было слышать, хотя я сильно желалъ послушать Продика, потому что онъ кажется мнѣ человѣкомъ мудрѣйшимъ и божественнымъ. Басистый го- 316.
лосъ его производилъ такой гулъ въ его чуланѣ, что невозможно было разобрать ни одного слова.

Лишь только мы вошли, вдругъ въ слѣдъ за нами явились — прекрасный Алкивіадъ (какимъ ты называешь его, и въ чемъ я согласенъ съ тобою) и Критіасъ, сынъ Кал-

---

[1] ***Наконецъ я увидалъ и Тантала***, καὶ μὴν Τάνταλον εἰςεῖδον (***Hom.*** Odyss. XI, 581). Платонъ уподобляетъ Продика Танталу, котораго богатство вошло у Грековъ въ пословицу: Ταντάλου χρήματα, Ταντάλου τάλαντα (см. *Fischer.* ad. Euthyphr. 41. *Anacr.* 383). Поводъ къ этому уподобленію подало Платону необыкновенное корыстолюбіе Продика, котораго современники называли пятидесятидрахмовымъ хвастуномъ (см. Krat. 384. *Arist.* Rhet. III, 14 etc.); потому что онъ требовалъ отъ слушателей за свои уроки по пятидесяти драхмъ, около 115 р. серебр.

[2] ***Окутанный, какъ мнѣ казалось, многими мѣхами и одѣялами.*** Шутка надъ изнѣженностію Продика. См. *Casaub.* ad Sveton. II, 78. *Aristoph.* Nub. 10. ἐν πέντε σισύραις ἐγκεκορδυλημένος.

[3] Керамисъ, деревня въ трибѣ Акамантисъ.

[4] Этотъ Агатонъ впослѣдствіи извѣстенъ былъ какъ поэтъ, и поэзія его отличалась изнѣженностію. *Aristoph.* Thesmoph. 52, 58 sq.

[5] Адимантъ, сынъ Кипида, исторически неизвѣстенъ; а сынъ Левколофида былъ вождемъ Аѳинскаго войска во время пелопонесской войны. *Xenoph.* hist. Graec. I, 4. 21.

лесхра [1]. Вошедши, мы не много постояли, на все насмо-
B. трѣлись, потомъ подошли къ Протагору, и я сказалъ ему: Протагоръ! мы съ Иппократомъ пришли къ тебѣ. — Угодно ли вамъ говорить со мною наединѣ, спросилъ онъ, или при всѣхъ? — Для насъ все равно, отвѣчалъ я: узнавши, за чемъ мы пришли, ты самъ рѣшишь этотъ вопросъ. — За чемъ же вы пожаловали? — Представляю тебѣ Иппократа, здѣшняго уроженца, сына Аполлодорова, отрасль знатнаго и богатаго дома. По душевнымъ дарованіямъ, не уступая своимъ сверстникамъ, онъ, кажется,
C. желаетъ пріобрѣсть извѣстность въ городѣ, а для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли, ему, какъ онъ думаетъ, нужны твои наставленія. И такъ, теперь смотри самъ, надобно ли объ этомъ говорить съ нами наединѣ, или при другихъ? — Ты справедливо заботишься обо мнѣ, Сократъ, сказалъ онъ. Тотъ иностранецъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть остороженъ, который, посѣщая большіе города, убѣждаетъ знатныхъ юношей, оставивъ уроки другихъ, родныхъ и чужихъ, старшихъ и младшихъ, обращаться къ
D. его наставленіямъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться лучшими; потому что отсюда можетъ проистекать сильная зависть, ненависть и коварство. Между тѣмъ софистическое искуство я почитаю древнимъ; только въ древности люди, занимавшіеся имъ, боясь ненависти, старались прикрывать его и давали ему форму то поэзіи, какъ Омиръ, Исіодъ и Симонидъ, то таинствъ и священныхъ пѣснопѣ-

[1] Критіасъ, сынъ Каллесхра, сперва долго былъ въ связи съ софистами и Сократомъ, потомъ ушелъ въ Ѳессалію и тамъ, по свидѣтельству Ксенофонта (Memor. 1. 2. 12), сдѣлался однимъ изъ жесточайшихъ и корыстолюбивѣйшихъ олигарховъ.

[2] Аѳинское правительство разумѣло софистику, какъ нововведеніе, враждебное нравамъ и религіи. По этому Протагоръ, сказавъ, что софистика возбуждаетъ ненависть, старается теперь доказать несправедливость обвиненій мнимою древностію своей науки и опереться на авторитетѣ знаменитыхъ людей. Сверхъ сего это направленіе разговора ведетъ прямо къ изслѣдованію нерѣшеннаго прежде вопроса: чему учитъ софистъ и полезно ли для души его ученіе.

нiй [1], какъ Орфей и Музей; нѣкоторые же, знаю, препо-
давали его даже подъ видомъ гимнастики, какъ Иккосъ
тарентскiй [2] и никому въ наше время не уступающiй со-
фистъ, Иродикъ силиврiйскiй [3], уроженецъ мегарскiй; а E.
вашъ Агаѳоклъ [4], на самомъ дѣлѣ великiй софистъ, также
Питоклидъ хiосскiй [5] и многiе другiе, прикрывали его му-
зыкою. Всѣ эти люди, говорю, боясь зависти, только пря-
тались подъ искуствами; но я несогласенъ съ ними на та- 317.
кое средство. Они, мнѣ кажется, не достигали того, къ
чему стремились,—не могли утаиться отъ людей, имѣющихъ
въ городѣ власть; хотя для нихъ-то собственно и прибѣ-
гали къ скрытности: а чернь-то, просто сказать, ничего
не понимаетъ, и только превозноситъ, что объявляютъ ей
правители. Безразсудно предпрiятiе человѣка бѣжать, ког-
да онъ, не имѣя силъ уйти, только обнаружился бы, и
еще болѣе раздражилъ бы противъ себя людей; потому B.
что тогда сильно обвинили бы его за самое намѣренiе и
сочли бы лукавымъ въ отношенiи ко всему другому. Я
иду путемъ совершенно противуположнымъ: я признаю
себя софистомъ — учителемъ людей; и эта осторожность,
по моему мнѣнiю, превосходнѣе той. Лучше признаться,
чѣмъ запираться. Впрочемъ, я принималъ и другiя мѣры ос-

---

[1] Первыя приписываются Орфею: *Aristoph.* Ran. 1064. 'Ορφεὺς μὲν γὰρ τελετάς ἡμῖν κατέδειξε, а послѣднiя—Музею, о которомъ см. *Passow.* in Mus. p. 21. 26 sq.

[2] Иккосъ тарентскiй, славный атлетъ, процвѣтавшiй около 77 ол. Говорятъ, что, желая сохранить свои силы и на играхъ всегда оставаться побѣдителемъ, онъ отказался приносить жертвы Венерѣ. Legg. VIII, 838. E. *Astii.* annot. p. 58.

[3] Иродикъ силиврiйскiй родился, кажется, въ Мегарѣ, а потомъ переѣхалъ въ Силиврiю, одинъ изъ ѳракiйскихъ городовъ близь Пропонтиды (*Strab.* VIII, p. 437). Онъ былъ учителемъ гимнастики; а потомъ, сдѣлавшись больнымъ, съ гимнастикою соединилъ медицину — не для того, чтобъ выздоровѣть, а чтобъ протянуть болѣзнь и умереть. Polit. III. 406. *Arist.* Rhet. I, 5. 29.

[4] Агаѳоклъ, музыкантъ, учитель Дамона, который въ свою очередь училъ музыкѣ Перикла. *Lucret.* 108. D. *Plut.* vita Pericl. 153 E.

[5] Питоклидъ хiосскiй, музыкантъ и Пиѳагореецъ (Schol. comment. T. II, p. 387 Boeck.), былъ учителемъ Агаѳокла и Перикла (прежде Дамона).

торожности [1], и вотъ, выдавая себя за софиста, слава Богу, не потерпѣлъ ничего худаго, хотя уже много таки лѣтъ
C. преподаю свое искуство и вообще давно живу на свѣтѣ. Изъ всѣхъ васъ нѣтъ ни одного, кому бы я, по своимъ лѣтамъ, не годился въ отцы: По этому мнѣ будетъ весьма пріятно, Сократъ и Иппократъ, если объ этомъ вы согласитесь бесѣдовать со мною въ присутствіи всѣхъ моихъ посѣтителей.

Замѣтивъ, что Протагору хочется похвастаться и повеличаться предъ Продикомъ и Иппіасомъ нашею любовію къ его ученію, я сказалъ: А что? не пригласить ли намъ Продика, Иппіаса и собесѣдниковъ ихъ, въ число своихъ
D. слушателей? — Очень хорошо, отвѣчалъ Протагоръ. — А намъ не позволите ли устроить мѣста, сказалъ Калліасъ, чтобы вы бесѣдовали сидя? — Это также показалось нужнымъ. И мы, обрадовавшись, что будемъ слушать мудрецовъ, сами [2] схватили скамьи и диваны [3], и разставили ихъ подлѣ Иппіаса, гдѣ нѣсколько скамей было и прежде.
E. Между тѣмъ Калліасъ и Алкивіадъ подняли съ постели Продика и привели его къ намъ вмѣстѣ съ собесѣдниками.

---

[1] *Впрочемъ я принималъ и другія мѣры осторожности*, *καὶ ἄλλας πρὸς ταύτῃ ἔσκεμμαι, ὥςτε.* . Это выраженіе, кажется, повреждено, потому что *καὶ ἄλλας* (т. е. *εὐλαβείας*, какъ понимаютъ) *ἔσκεμμαι*, не имѣетъ связи съ другою половиною фразы: *ὥςτε, σὺν θεῷ εἰπεῖν, μηδὲν δεινὸν πάσχειν* и проч. По видимому, умѣстнѣе было бы: *καὶ ἄλλως τε πρὸς ταύτῃ ἔσκεμμαι, ὡς* и проч. такъ что *τε* отъ слѣдующаго *ὥςτε*, кажется, должно быть перенесено къ слову *ἄλλως*. Впрочемъ Штальбомъ замѣчаетъ (Adn. ad Gorg. 475. D), что *ἄλλος*, перемѣняясь по падежамъ, иногда тѣмъ не менѣе удерживаетъ значеніе нарѣчія praeterea, напр. *ζηλωτὸς ὢν καὶ εὐδαιμονιζόμενος ὑπὸ τῶν πολιτῶν καὶ τῶν ἄλλων ξένων.*

[2] *Сами*, *καὶ αὐτοί τε*, (т. е. не дожидаясь слугъ). Въ такомъ случаѣ вмѣсто *τε*, умѣстнѣе было бы *γε*; потому что послѣдняя частица усиливаетъ значеніе того слова, послѣ котораго поставляется. Напр. выше 309 C. *καὶ πολύ γε* 322 D. *καὶ νόμον γε θὲς παρ' ἐμοῦ.*

[3] *Схватили скамьи и диваны*, *ἀντιλαβόμενοι τῶν βάθρων καὶ τῶν κλινῶν.* Шлейермахеръ переводитъ: und machten Bänke und Polster. Но *κλίνη*—не подушка, не скамья, даже не кровать (*κράβατον*), а родъ дивана, на которомъ Греки и Римляне обыкновенно возлежали (отъ *κλίνω*). Слову *κλίνη* ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ французское couchette.

Когда всѣ мы заняли мѣста,—Протагоръ сказалъ: Сократъ! объяви-ка теперь и въ присутствіи этихъ людей, что ты недавно говорилъ мнѣ касательно молодаго человѣка. — У меня тоже будетъ начало, Протагоръ, какое бы- 318.
ло сей часъ, касательно того, зачѣмъ мы пришли, отвѣчалъ я. Этотъ Иппократъ имѣетъ сильное желаніе воспользоваться твоими наставленіями. Но ему пріятно было бы узнать, что изъ него выдетъ, если онъ будетъ твоимъ ученикомъ. Наша-то рѣчь въ этомъ и состояла. — Тогда Протагоръ, подхвативъ мое слово, сказалъ: Молодой человѣкъ! если ты будешь моимъ ученикомъ; то по прошествіи дня, проведеннаго со мною, возвратишься домой лучшимъ; тоже и на другой, тоже и каждый день, — все будешь лучше и лучше.—Выслушавъ это, я примолвилъ: Тутъ нѣтъ ничего B.
удивительнаго, Протагоръ; такъ и должно быть. Ты самъ, при всей своей старости и мудрости, учась чему нибудь такому, чего прежде не зналъ, становился бы лучшимъ. Но не о томъ рѣчь. Представимъ, что Иппократъ въ эту самую минуту перемѣняетъ свое намѣреніе и хочетъ брать уроки у молодаго человѣка, Зевгзиппа ираклейскаго, который недавно къ намъ пріѣхалъ. Онъ идетъ къ нему, какъ теперь пришелъ къ тебѣ, и, услышавъ отъ него тоже, что отъ тебя, то есть, что чрезъ его уроки онъ съ каждымъ C.
днемъ будетъ лучше и успѣшнѣе, спрашиваетъ его: въ чемъ же буду я лучше и успѣшнѣе? Зевгзиппъ скажетъ: въ живописи. Равнымъ образомъ представимъ, что Иппократъ учится у Ортагора ѳивскаго [1] и, слыша отъ него тоже, что отъ тебя, спрашиваетъ его: въ чемъ буду я съ каждымъ днемъ лучше, пользуясь твоими наставленіями? Тотъ скажетъ, что въ игрѣ на флейтѣ. Скажи же и ты, Протагоръ, что обѣщаешь этому юношѣ и мнѣ, спраши- D.
вающему тебя его именемъ? Въ чемъ, въ отношеніи къ

[1] Зевгзиппъ ираклейскій—вѣроятно тотъ самый, о которомъ упоминается въ Ксенофонтовомъ Симп. IV, 63, а Ортагоръ Ѳивскій—тотъ самый, который училъ музыкѣ Эпаминонда. *Athen.* V, 184. E.

чему возвратится Иппократъ домой лучшимъ и успѣш-
нѣйшимъ, по прошествіи перваго и каждаго, проведеннаго
съ тобою дня? — Выслушавъ это, Протагоръ отвѣчалъ: Ты
хорошо спрашиваешь, Сократъ; а на хорошіе вопросы пріятно и отвѣчать. Посѣщая меня, Иппократъ не потерпитъ
ничего такого, что могъ бы потерпѣть въ бесѣдѣ другихъ
софистовъ. Другіе портятъ юношей; потому что юноши бѣ-
E. гаютъ отъ наукъ, а они снова обременяютъ ихъ науками
и заставляютъ учиться ариѳметикѣ, астрономіи, геометріи,
музыкѣ (говоря это, онъ взглянулъ на Иппіаса): напро-
тивъ, приходящіе ко мнѣ учатся только тому, для чего
приходятъ. Я преподаю имъ науку благоразумія въ дѣлахъ
домашнихъ, то есть, какъ лучше управлять собственнымъ
319. домомъ, — и въ дѣлахъ общественныхъ, какъ искуснѣе дѣй-
ствовать и говорить о дѣлахъ города. — Правильно ли я
понимаю тебя? ты, кажется, говоришь о политикѣ и обѣ-
щаешь сдѣлать своихъ учениковъ добрыми гражданами. —
Это самое, Сократъ; таково мое объявленіе, отвѣчалъ онъ. —
Прекрасную же науку изучилъ ты, если только изучилъ.
Но позволь и тебѣ откровенно высказать, что я думаю.
Мнѣ кажется, этому учить нельзя [1] хотя, слыша отъ тебя
B. противное, незнаю какъ не вѣрить. А почему я думаю,
что этому учить нельзя, что этого люди не могутъ пере-
давать людямъ, — считаю нужнымъ сказать. Я, вмѣстѣ съ

---

[1] Платонъ приходитъ наконецъ къ главному вопросу разговора: можно ли учить добродѣтели? Этотъ вопросъ въ его время былъ особенно въ ходу. Люди, почитавшіеся учеными и мыслящими, толковали о немъ часто и рѣшали его различнымъ образомъ: одни доказывали, что добродѣтель пріобрѣтается воспитаніемъ и наукою; другіе, что она зависитъ отъ способностей, и слѣдовательно есть даръ природы. *Fischer*. ad Aesch. Socr. qui feruntur, dialogg. p. 21 sqq. *Fülleborn*. Symbol. ad histor. phil. P. X. p. 143 sqq. Протагоръ защищалъ первое мнѣніе, и потому выдавалъ себя за учителя добродѣтели; а Платонъ не держался исключительно ни того, ни другаго, но, разсматривая добродѣтель въ двухъ видахъ, юридическомъ и ѳеическомъ, первую почиталъ предметомъ науки, а вторую—даромъ боговъ. Этимъ только различеніемъ добродѣтели можно согласить кажущіяся противорѣчія Платоновыхъ положеній въ Менонѣ, Протагорѣ, Эвтидемѣ и Лахесѣ.

другими Эллинами, называютъ Аѳинянъ мудрыми [1]. Вотъ и смотрю, — въ народномъ собраніи, когда нужно разсуждать о какой нибудь постройкѣ, призываются архитекторы и требуется отъ нихъ совѣта касательно зданій; если же надобно строить корабли, то приглашаются корабельные мастера. Такъ бываетъ и во всемъ, чему, по мнѣнію C.
Аѳинянъ, можно учиться и учить. Но когда вздумаетъ совѣтовать имъ такой человѣкъ, который не почитается мастеромъ, — они, не смотря ни на красоту его, ни на богатство и благородство, никакъ не принимаютъ его совѣта, но смѣются надъ нимъ и кричатъ до тѣхъ поръ, пока онъ, оглушенный крикомъ, или самъ не уйдетъ, или, по приказанію старѣйшинъ [2], не будетъ взятъ и выведенъ луконосцами [3]. Такъ дѣлаютъ Аѳиняне съ тѣми, кого они разумѣютъ, какъ художниковъ. Если же бываетъ нужно раз- D.
суждать о распорядкѣ политическомъ, то и плотникъ, и слѣсарь, и кожевникъ, и купецъ, и мореплаватель, и богатый, и бѣдный, и благородный, и неблагородный, — всѣ встаютъ и совѣтуютъ, и никто не запрещаетъ имъ, какъ прежде запрещали мѣшаться въ дѣла художниковъ, никто не говоритъ: какъ смѣетъ такой-то, ни гдѣ и ни у кого не учившись, подавать совѣты? Отсюда видно, что Аѳиняне не относятъ этого къ предметамъ науки. И нельзя сказать, что такъ думаетъ одна чернь: нѣтъ, даже мудрѣйшіе и превосходнѣйшіе изъ гражданъ не могутъ передать другимъ той добродѣтели, которую имѣютъ сами. Вотъ напримѣръ Периклъ [4], отецъ этихъ молодыхъ людей, далъ

---

[1] *Я называю Аѳинянъ мудрыми*, — похвала едвали не ироническая; потому что Платонъ въ другомъ мѣстѣ (Polit. VI, 492. B) называетъ народъ величайшимъ развратителемъ юношества (τοὺς πολλοὺς μεγίστους εἶναι σοφιστάς), особенно когда онъ—въ собраніи, въ судѣ, въ театрѣ.

[2] *Старѣйшинами*, πρυτάνεις, назывались сенаторы, или предсѣдатели народныхъ собраній. *Pollux*. VIII, 9 95. sq.

[3] *Луконосцы*, τοξόται, составляли городскую полицію, были вооружены луками и, вѣроятно по этой причинѣ, назывались также Скиѳами. *Pollux*. p. 408. sq.

[4] Въ древности Атеней, а въ наши времена Шнейдеръ и другіе, обвиняютъ Платона за то, что онъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ о Периклѣ еще

имъ прекрасное и успѣшное образованіе во всемъ, что за-
320. висѣло отъ учителей; а собственной своей мудрости не научилъ ихъ ни самъ, ни чрезъ другаго: они бродятъ и питаются, какъ безпастушные [1], не нападутъ ли гдѣ нибудь случайно на добродѣтель. Вотъ, если угодно, и еще примѣръ: тотъ же самый Периклъ, заботясь о Клиніасѣ, младшемъ братѣ Алкивіада [2], и опасаясь, чтобы онъ не развратился въ сообществѣ послѣдняго, удалилъ его и ввѣрилъ для воспитанія Арифрону. Но послѣ того не прошло
B. и шести мѣсяцевъ; какъ Арифронъ отослалъ его назадъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Могу наименовать тебѣ много и другихъ, которые, сами бывъ добродѣтельны, не могли сдѣлать лучшими никого, ни родныхъ, ни чужихъ. Смотря на такіе примѣры, я не думаю, Протагоръ, чтобы можно было учить добродѣтели. Впрочемъ, слыша отъ тебя противное, уступаю; потому что почитаю тебя такимъ человѣкомъ, который многое дознаъ опытомъ, многому учился, многое открылъ самъ. Итакъ, если можешь, до-
C. кажи яснѣе, что добродѣтель точно пріобрѣтается ученіемъ: не скрывай этого, сообщи намъ. — Не скрою, Сократъ, сказалъ онъ: но долженъ ли я, какъ старшій, объяснить это вамъ младшимъ, посредствомъ притчи [3], или обыкновенною рѣчью? — Какъ тебѣ угодно, отвѣчали многіе

живущемъ, между тѣмъ, какъ Периклъ умеръ уже въ 4,87 олимп. Но изъ подлинныхъ словъ Платона почти вовсе не видно, что онъ разумѣлъ его живущимъ. Одно только выраженіе: ἃ δὲ αὐτὸς σοφὸς ἐστιν, какъ будто указываетъ на время настоящее; но говоря о великихъ людяхъ, Греки часто употребляли настоящее вмѣсто прошедшаго.

[1] *Безпастушные*, ἄφετοι, т. е. оставленные безъ стражи. Эту аналогію Платонъ, кажется, беретъ отъ священныхъ животныхъ, которыя, какъ думали Греки, пасутся только подъ покровительствомъ Бога. *Plut.* Lucull. p. 507 sq. Crit. 119. D. ἀφέτων ὄντων ταύρων ἐν τῷ Ποσειδῶνος ἱερῷ.

[2] Клиніасъ и Алкивіадъ были дѣти Клиніаса, павшаго при Херонеѣ, и находились подъ опекою Перикла и Арифрона, брата его. *Plut.* Alcib. 191 F.

[3] На востокѣ былъ, а частію и теперь есть обычай объяснять извѣстный предметъ приточно. Ученые находили много причинъ, которыми могъ поддерживаться этотъ обычай,—и цѣлей, для которыхъ онъ существовалъ. Въ этомъ мѣстѣ Платонъ указываетъ на особенный и замѣчательный случай потребленія приточной рѣчи: ὡς πρεσβύτερος νεωτέροις, μῦθον λέγων ἐπιδείξω.

изъ присутствующихъ. — Для меня пріятнѣе предложить вамъ притчу.

Было время, когда боги существовали, а смертные роды еще нѣтъ [1]. Но какъ скоро и для нихъ наступило предназначенное время рожденія, боги образовали ихъ въ земной утробѣ, изъ смѣшенія огня и земли, и изъ того, что могло соединиться съ огнемъ и землею [2]. Потомъ, вознамѣрившись вывесть ихъ на свѣтъ, они приказали Прометею и Эпиметею [3] украсить ихъ и дать каждому приличныя силы. Но Эпиметей упросилъ Прометея, чтобы онъ позволилъ ему одному сдѣлать раздѣлъ; а когда я раздѣлю, сказалъ, тогда посмотришь. Уговоривъ его, Эпиметей началъ дѣлить, и при раздѣлѣ, однимъ далъ крѣпость безъ быстроты, а слабыхъ снабдилъ быстротою; другихъ вооружилъ, а для невооруженныхъ придумалъ иныя средства самосохраненія, то есть, имѣвшимъ малое

D.

E.

---

[1] Излагаемая здѣсь притча объ Эпиметеѣ и Прометеѣ есть подражаніе Гезіодовой о Прометеѣ и Пандорѣ (Theogon. v. 535. sqq.). Первая мысль въ ней, что люди, какъ αὐτόχθονες, произошли изъ земли (Empedocles natos homines ex terra ait, ut blutum. *Varr.* Fragm. T. I. p. 276. Ut merito maternum nomen adepta terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata. *Lucr.* V, 794), или изъ земли, смѣшанной съ водою, ἐκ πηγοῦ (*Ovid.* metam. I. 80), встрѣчается еще у самыхъ древнихъ философовъ. (*Ритт.* Ист. Фил. др. вр. Т. I. ст. 245). Но такъ какъ софисты, пересказывая древнія притчи, большею частію измѣняли ихъ въ подробностяхъ и принаровляли къ своей цѣли; то и Платонъ изложилъ притчу объ Эпиметеѣ и Прометеѣ совершенно въ духѣ софистическомъ, то-есть внесъ въ нее множество щеголеватыхъ фразъ и ненужныхъ повтореній, перепуталъ въ ней порядокъ разсказа и раскрылъ ее въ такомъ видѣ, что Протагоръ, доказывая ею изучимость добродѣтели, незамѣтно доказалъ и происхожденіе ея отъ боговъ, слѣдовательно поставилъ себя въ противорѣчіе съ самимъ собою и подалъ Сократу поводъ къ новому изслѣдованію вопроса. (См. *Arn. Eckert.* Specimen in Protagorae apud Platonem fabulam de Prom.).

[2] Подъ веществами, соединяемыми съ огнемъ и водою, древніе разумѣли воздухъ и землю. Огонь соединяется съ воздухомъ (Lucr. III, 235. nec calor est quisquam, cui non sit mistus et aër), а вода съ землею (Ovid. I. I.). Штальбомъ догадывается, что Протагоръ имѣлъ въ виду ученіе Пармснида, который стихіями всѣхъ вещей почиталъ землю, огонь и нѣчто третіе, смѣшанное изъ того и другаго. *Brand.* comment. eleat. I. p. 156. 165.

[3] Прометей и Эпиметей почитались сынами Япета и Климены (*Hesiod.* Theog. 513), или Азіи, дочери Океана (*Apollod.* 1. 2. 3. Сравн. *Heyne* Observ. p. 10.

тѣло [1] далъ возможность летать на крыльяхъ, или жить въ нѣдрахъ земли; а снабженныхъ огромностію должна
321. была спасать самая огромность ихъ. Съ такимъ же равновѣсіемъ раздѣлилъ онъ и все прочее, заботясь о томъ, чтобы какой нибудь родъ не уничтожился. Поставивъ ихъ въ состояніе безопасности другъ отъ друга, Эпиметей придумалъ для нихъ средства и противъ перемѣнъ воздуха, то есть, одѣлъ ихъ густыми волосами и твердою кожею, что бы это могло защищать ихъ отъ холода и зноя, а во время сна служить естественною, самородною постелью; ноги же обложилъ то копытами, то щет-
B. ками, или твердою и безкровною кожею. Наконецъ, различнымъ животнымъ назначилъ онъ и различную пищу: однимъ — растѣнія земли, другимъ — древесные плоды, инымъ — коренья, а нѣкоторымъ позволилъ пожирать животныхъ и, заботясь о сохраненіи родовъ, плотоядныхъ надѣлилъ меньшимъ плодородіемъ, а тѣхъ, которыхъ они должны были истреблять, большимъ. Но такъ какъ Эпи-
C. метей былъ не очень мудръ [2]; то забывшись, расточилъ всѣ дарованія (на животныхъ безсловесныхъ) [3].

---

[1] *Имѣвшимъ малое тѣло*, ἃ μὲν γὰρ αὐτῶν σμικρότητι ἤμπισχε, quæ parvitate obduxit,—выраженіе вовсе не въ характерѣ рѣчи Платоновой, но отличается страннымъ сочетаніемъ понятій, которымъ въ то время щеголяли второстепенные поэты и софисты, старавшіеся самую обыкновенную мысль выразить въ кудрявой фразѣ. Такъ всегда Платонъ даетъ каждому лицу въ разговорѣ языкъ, ему приличный и, въ угодность своей мимикѣ, даже иногда допускаетъ шероховатость рѣчи; напр. ниже: τῷ δὲ αὐτῷ αὐτὰ ἔσωζε.

[2] Эпиметей значитъ—непроницательный, непредусмотрительный (отъ ἐπιμηθεία): напротивъ Прометей — проницательный, предусмотрительный (отъ προμηθεία). Платонъ, заставивъ Протагора разсказывать миѳъ объ Эпиметеѣ и Прометеѣ, поставилъ его въ такое же отношеніе къ разсматриваемому въ разговорѣ вопросу, въ какомъ находился Эпиметей къ человѣческому роду послѣдній, по непредусмотрительности, обидѣлъ человѣка; а первый, также по непредусмотрительности, обидѣлъ собственное свое положеніе, что добродѣтели можно учить; ибо въ самомъ миѳѣ приписалъ ей божественное происхожденіе. По этому-то въ концѣ бесѣды, Сократъ, намѣкая на Протагора, говоритъ: «пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ, по твоимъ словамъ, обошелъ онъ насъ при раздѣлѣ.»

[3] *На животныхъ безсловесныхъ*, εἰς τὰ ἄλογα. Этихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Clark· и Vatic. Θ., и онѣ представляются въ самомъ дѣлѣ позднѣй-

Между тѣмъ родъ человѣческій оставался еще неодаренным. Что тутъ дѣлать? Онъ находился въ затрудненіи. Въ ту самую минуту приходитъ Прометей посмотрѣть на раздѣлъ, и видитъ, что прочія животныя заботливо снабжены всѣмъ, а человѣкъ — и безъ одежды, и безъ обуви, и безъ покрововъ, и безъ оружія: предназначенный же день, въ который надлежало и ему выйти изъ земли на свѣтъ, уже наступалъ. Находясь въ недоумѣніи, какое бы D.
спасеніе найти для человѣка, Прометей похитилъ у Ифеста и Аѳины мудрость искуства [1] съ огнемъ (потому что владѣть и пользоваться ею безъ огня никому невозможно), и даровалъ ее человѣку. Такимъ образомъ человѣкъ получилъ мудрость житейскую, но еще не имѣлъ мудрости политической, потому что она хранилась у Зевса; а въ укрѣпленное жилище его Прометею входить не такъ-то позволялось, да и стражи Зевсовы [2] были страшны. Онъ E.

шимъ дополненіемъ; потому что безъ нихъ была бы естественнѣе связь предъидущаго выраженія съ послѣдующимъ: λιπὸν δὲ (вмѣсто δὴ) ἀκόσμητον ἔτι...

[1] *Мудрость искуства*, τὴν ἔντεχνον σοφίαν, мудрость, проявляющую себя въ искуствахъ, или, по значенію слова τέχνη, въ искуствахъ и наукахъ. Протагоръ очевидно говоритъ здѣсь метонимически, то-есть, указываетъ на произведеніе вмѣсто производителя; такъ что похищеніе мудрости искуства есть не что иное, какъ похищеніе ума, дающаго бытіе наукамъ и искуствамъ (по изъясненію Эккерта in Prot. fab. .p. 57 sq,. Kunstuermögon, или Kunstsinn). Слѣдовательно древніе умъ или духъ почитали не твореніемъ, а пришельцемъ съ неба. Polit 274. C. ὅθεν δὴ τὰ πάλαι λεχθέντα παρὰ θεῶν δῶρα ἡμῖν δεδώρηται—πῦρ μὲν παρὰ Προμητέως, τέχναι δὲ παρ' Ἡφαίστου καὶ τῆς συντέχνου. Замѣчательно также, что Прометей мудровть искуства похитилъ съ огнемъ, который, по смыслу миѳа, выражаетъ пламенное стремленіе чувства, слѣдовательно не долженъ быть отдѣляемъ отъ мудрости; между тѣмъ у людей

Какъ часто мудрость безъ огня,
Огонь безъ мудрости бываетъ!
Тутъ только чадъ и головня;
Тамъ ледъ,—и никогда не таетъ!

[2] Стражи Зевса были Βία и Κράτος, Сила и Власть, дѣти Стикса, *Hesiod.* Theog. 385. *Callim.* hymn. iu Iov. 67. Политическое искуство, которое хранили они, по смыслу и цѣли миѳа, должно бы состоять въ святости закона, съ которымъ, согласно съ духомъ Сократова ученія, должна была приходить къ тожеству добродѣтель нравственная и юридическая. Но Протагоръ изъ подъ этой стражи Зевсова сокровища износитъ только стыдъ и правду.

вошелъ украдкою только въ общую рабочую Аѳины и Иѳеста[1] и, похитивъ у той одно, у другаго другое огненное искуство, далъ ихъ человѣку. Съ того времени
322. человѣческая жизнь протекаетъ въ довольствѣ; а Прометей за похищеніе, сдѣланное ради ошибки Эпиметеевой, понесъ, говорятъ, наказаніе. Получивъ же божескій жребій, человѣкъ, по сродству съ Богомъ, одинъ изъ всѣхъ животныхъ призналъ боговъ, началъ воздвигать имъ жертвенники и кумиры; потомъ вскорѣ сталъ искуственно приводить въ порядокъ звуки и слова; изобрѣлъ себѣ жилища, одежды, обувь и покровы, а изъ земли извлекъ пищу. Устроившись такимъ образомъ, люди сначала жили раздѣльно (городовъ еще не было) и, бу-
B. дучи во всемъ слабѣе звѣрей, погибали отъ нихъ. Мастерство достаточно помогало имъ снискивать себѣ пищу, а для веденія войны съ звѣрями было недостаточно; потому что люди еще не имѣли искуства политическаго[2], коего часть есть — воинское. По этому они старались собираться въ общества и спасались, строя города: одна-

[1] Въ миѳѣ Протагора разсказывается о двухъ похищеніяхъ, сдѣланныхъ однимъ и тѣмъ же похитителемъ у однихъ и тѣхъ же владѣтелей. Первое похищенное сокровище — мудрость искусства: это безъ сомнѣнія разумность человѣческой природы, источникъ всякой мудрости и науки, и основаніе Богопочтенія. Второе похищенное сокровище—огненное искуство: это конечно начало благоустроенія жизни частной и семейной, способность изобрѣтать способы къ самосохраненію и удовлетворенію необходимымъ потребностямъ.

[2] Доселѣ Протагоръ разсказывалъ свой миѳъ вѣрно, такъ какъ и всѣ въ древности разсказывали его; а теперь начинаетъ наклонять рѣчь къ своей цѣли и для того вноситъ въ разсказъ мнимую причину, по которой люди не могли защищаться отъ звѣрей: они не имѣли искуства политическаго (которое преподаютъ софисты), и потому начали строить города. Но и въ городахъ имъ не ужилось другъ съ другомъ, — опять по недостатку искуства политическаго. Послѣ этого надлежало бы сказать: «тогда-то софисты рѣшились помочь бѣдному человѣчеству и преподать ему добродѣтель». Но Протагоръ говоритъ не такъ, а слѣдующимъ образомъ: « тогда-то Зевсъ приказалъ Эрмію низвесть на землю стыдъ и правду и раздѣлить ихъ всѣмъ людямъ». Что же отсюда слѣдуетъ? во-первыхъ то, что политическое искуство есть стыдъ и правда; во-вторыхъ то, что оно есть даръ Зевса, а потому не можетъ бытъ предметомъ науки,— и Протагоръ самъ себѣ противурѣчитъ.

кожь собравшись по мѣстамъ и не имѣя политическаго искуства, обижали другъ друга до того, что снова разсѣявались и снова были истребляемы. Тогда Зевсъ, опа- C.
саясь, чтобы не погибъ весь родъ нашъ, приказалъ Эрмію низвесть къ людямъ стыдъ и правду [1], которыя бы, служа украшеніемъ и союзомъ обществъ, водворили въ нихъ дружество. Но Эрмій спросилъ Зевса: какимъ образомъ даровать людямъ стыдъ и правду? Такъ ли раздѣлить ихъ, какъ раздѣлены искуства? (а искуства раздѣлены такъ, что получившій знаніе врачеванія достаточенъ былъ для другихъ, не имѣвшихъ этого знанія. Тоже сдѣлано и касательно прочихъ искуствъ. Такимъ же ли образомъ сообщить людямъ стыдъ и правду, или дать ихъ всѣмъ? — Всѣмъ, D.
сказалъ Зевсъ; пусть всѣ получатъ ихъ; потому что небывать городамъ, если будутъ имѣть ихъ только нѣкоторые, какъ раздѣлены искуства. При томъ, постанови моимъ именемъ законъ, что не имѣющій стыда и правды долженъ быть убитъ, какъ зараза общества.

Такъ-то, Сократъ; вотъ потому Аѳиняне и другіе народы, разсуждая о добродѣтели плотнической, или о какомъ нибудь иномъ мастерствѣ, совѣтуются только съ немногими, и не терпятъ, какъ ты справедливо сказалъ, и какъ я E.
говорю, чтобы люди, не принадлежащіе къ числу тѣхъ немногихъ, подавали имъ совѣты. Но когда они приступаютъ 323
къ совѣщанію о добродѣтели политической, которая должна выражаться въ справедливости и разсудительности [2];

---

[1] Древніе поэты говорили, что когда люди до крайности развратились, стыдъ и правда оставили землю, — и этотъ миѳъ лучше; потому что бытіе добродѣтели въ человѣкѣ въ самомъ дѣлѣ несовмѣстно съ порчею человѣческаго сердца. Возвращеніе же стыда и правды на землю, что предполагаетъ Протагоръ, должно было бы означать обновленіе нашей природы силою божественною, а не софистическимъ ученіемъ. Впрочемъ см. *Ekker*. in Protag. fab. p. 31 sp.

[2] Выше — политическою добродѣтелію названы справедливость и стыдъ, теперь — справедливость и разсудительность, а далѣе говорится: всѣ люди причастны разсудительности и прочимъ политическимъ добродѣтелямъ. Такимъ образомъ софистъ подъ понятіе стыда и правды легкомысленно подводитъ всѣ нравственныя добродѣтели и называетъ ихъ политически-

тогда натурально допускаютъ каждаго подавать свой голосъ, потому что политическая добродѣтель должна быть достояніемъ всѣхъ,—а иначе не было бы и городовъ. Вотъ причина, Сократъ. А чтобы ты не подумалъ, будто я тебя обманываю, и убѣдился, что дѣйствительно всѣ люди почитаютъ каждаго человѣка причастнымъ разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей,—замѣть слѣдующій признакъ. Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ [1], если кто нибудь, какъ ты говоришь, выдаетъ себя за отличнаго игрока на флейтѣ, или за знатока въ иномъ подобномъ искуствѣ,
В. между тѣмъ какъ онъ невѣжда въ этомъ; то его или осмѣиваютъ, или бранятъ, а ближніе подходятъ и усовѣщиваютъ, какъ помѣшаннаго. Что же касается до разсудительности и прочихъ политическихъ добродѣтелей, то, хотя бы и извѣстно было, что такой-то несправедливъ; однакожь какъ скоро вздумалъ бы онъ предъ народомъ говорить о себѣ правду,—его правду, которая въ первомъ случаѣ [2] отнесена была бы къ разсудительности, теперь сочли бы сумасшествіемъ и сказали, что всѣ должны казаться правыми,—

ми; такъ что, не смотря на сродство человѣка съ богами, на божественное происхожденіе стыда и правды и на участіе всѣхъ людей въ нихъ,—въ человѣческой природѣ, по его мнѣнію, нѣтъ основанія нравственности, а есть только добродѣтели политическія. При этомъ должно замѣтить, что *разсудительность*, *σωφροσύνη*, на латинскій языкъ всегда переводилось словомъ temperantia. Но temperantia имѣетъ значеніе чисто практическое и при томъ отрицательное: по крайней мѣрѣ соотвѣтствующее ему у насъ слово *воздержаніе* употребляется только въ этомъ смыслѣ. Напротивъ греческое *σωφροσύνη*, по смыслу Сократа и Платона, не есть просто воздержаніе, напримѣръ отъ гнѣва, отъ пищи, вообще отъ страстей, и заключаетъ въ себѣ значеніе вовсе не отрицательное, но выражаетъ положительное состояніе души, или гармонію всѣхъ силъ ея,—то, что у насъ называется разсудительностію, а у Германцевъ Besonnenhein. Этимъ словомъ переводитъ *σωφροσύνη* и Шлейермахеръ. См. Харм. введ.

[1] *Вотъ въ другихъ добродѣтеляхъ*, *ἐν γὰρ ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς*, вмѣсто *τέχναις*. Софистъ называетъ всѣ искуства добродѣтелями и, какъ ниже увидимъ, почитаетъ ихъ врожденными; потому что онѣ были похищены Прометеемъ,—это —*ἡ σοφία ἔντεχνος*. Потому и слово *ἀγαθὸς* на языкѣ Протагора значитъ вообще: искусный, прославившійся своимъ искуствомъ.

[2] *Которая въ первомъ случаѣ*, *ὃ ἐκεῖ*, т. е. *ἐν ταῖς ἄλλαις ἀρεταῖς*, *а теперь*, *ἐνταῦτα* т. е. *ἐν δικαιοσύνῃ καὶ τῇ ἄλλῃ πολιτικῇ ἀρετῇ*.

таковы ли они на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ: тотъ сошелъ съ ума, кто не прикидывается справедливымъ; потому что справедливость, хоть отчасти, необходимо[1] есть въ каж- C.
домъ,—иначе человѣкъ не былъ бы и человѣкомъ.

Доселѣ я говорилъ, что каждый человѣкъ справедливо допускается къ совѣщанію о добродѣтели этого рода; потому что ей причастны всѣ: а теперь постараюсь доказать, что она не врождена[2] и является не сама собою, но всякій, въ комъ она есть, пріобрѣтаетъ ее наукою и упражненіемъ. Извѣстно, что люди не сердятся другъ на друга D.
за то зло, которое почитаютъ произшедшимъ отъ природы или случая, и подверженныхъ этому злу не усовѣщиваютъ, не наставляютъ и не наказываютъ, чтобы они не были такими, но жалѣютъ о нихъ. На примѣръ, какой безумецъ рѣшился бы подобнымъ образомъ поступать съ безобразными, малорослыми и слабосильными? Вѣрно всѣ знаютъ, что прекрасное и противуположное тому получается отъ природы и случая. Когда же дѣло идетъ о благахъ, пріобрѣтаемыхъ стараніемъ, упражненіемъ и наукою,—человѣкъ, имѣющій не эти добродѣтели, а противуположное E.
имъ зло, испытываетъ гнѣвъ, подвергается наказанію и слушаетъ наставленія. Къ числу такихъ золъ относятся—несправедливость, нечестіе и вообще все, противуположное политической добродѣтели. Но если ради этой добродѣте- 324.
ли[3] люди досадуютъ другъ на друга и другъ друга усовѣ-

---

[1] Явно, что справедливость—даръ боговъ, по понятію Протагора, есть чистая форма, безъ всякаго содержанія, одно пустое слово, получающее реальную значимость только подъ ограниченіями и законами гражданской жизни. Реально человѣкъ исполняетъ дѣло справедливости не по природѣ, а по закону.

[2] Начиная говорить о неврожденности добродѣтели, или пріобрѣтаемости ея, Протагоръ уже забываетъ о похищеніяхъ, упускаетъ изъ виду божественное происхожденіе справедливости; онъ смотритъ теперь на добродѣтель со стороны ея содержанія безъ всякой связи съ ея формою, и такимъ образомъ становится совершеннымъ эмпиристомъ, созерцающимъ жизнь въ состояніи хаотическаго ея броженія.

[3] *Но если ради этой добродѣтели* (т. е. политической) *люди досадуютъ другъ на друга и другъ друга усовѣщиваютъ*; а выше (323. B) было сказано напротивъ: какъ скоро кто-нибудь вздумалъ бы обвинять себя въ нару-

щиваютъ; то явно, что она достигается упражненіемъ и наукою. Размысли, Сократъ, къ чему клонятся наказанія преступниковъ,—и онѣ научатъ тебя, что люди почитаютъ
B. добродѣтель пріобрѣтаемою. Никто не наказываетъ виновныхъ съ тою мыслію, и для того, что они неправы [1], развѣ будутъ бить человѣка безразсудно, какъ животное. Рѣшаясь наказать кого нибудь по правиламъ благоразумія, наказываютъ не за прошедшее преступленіе—что сдѣлано, того не передѣлаешь—а ради будущаго, чтобы, то есть, и самъ виновный не совершилъ снова преступленія, и другой, видѣвшій примѣръ наказанія, не рѣшился совершить его. Но кто имѣетъ такую мысль, тотъ конечно думаетъ, что добродѣтели можно учить, и наказываетъ для отвра-
C. щенія отъ зла. Этою мыслію водятся всѣ наказывающіе и частно и публично. Всѣ люди преслѣдуютъ и наказываютъ того, кого почитаютъ виновнымъ; преслѣдуютъ и наказываютъ не менѣе и Аѳиняне, твои соотечественники; слѣдовательно и Аѳиняне принадлежатъ къ числу людей, увѣренныхъ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою. И такъ теперь, мнѣ кажется, достаточно доказано, что твои сограждане, Сократъ, справедливо допускаютъ къ политиче-
D. скимъ совѣщаніямъ и мѣдника, и кожевника, и почитаютъ добродѣтель изучимою и пріобрѣтаемою.

Остается еще разрѣшить твое недоумѣніе касательно добродѣтельныхъ людей, почему они учатъ сыновей своихъ всему, что могутъ преподать имъ учители, и воспитываютъ ихъ мудрецами, а въ добродѣтели, которою сами

шеніи политической добродѣтели, то его признаніе сочли бы сумасшествіемъ; потому что она, хоть отчасти, есть въ каждомъ. Такимъ образомъ софистъ противурѣчитъ самому себѣ; потому что въ первомъ случаѣ подъ политическою добродѣтелію разумѣлъ онъ только логическую форму, а теперь беретъ ее въ значеніи реальномъ.

[1] *Что они не правы*, ὅτι ἠδίκησεν. Такъ какъ этотъ глаголъ относится къ τοὺς ἀδικοῦντας; то надлежало бы сказать, ὅτι ἠδίκησαν: но такой переходъ отъ множественнаго къ единственному числу въ греческомъ языкѣ весьма не рѣдокъ. См. Gorg. p. 525. B. *Mathiae*. Gram. gr. p. 587. Въ подобныхъ случаяхъ глаголъ, поставленный въ единственномъ числѣ, лучше переводить безлично.

прославились, не дѣлаютъ ихъ лучше другихъ? На этотъ
разъ я буду говорить съ тобою не приточно, а прямою
рѣчью. Размысли о слѣдующемъ: одному ли чему нибудь, E.
или не одному должны быть причастны всѣ граждане, ког-
да основывается городъ? — ибо именно съ этой стороны
разрѣшается предложенное тобою недоумѣніе, а иначе ни
съ которой. Если одному, и это одно не есть ни плотни-
ческое, ни мѣдническое, ни гончарное искуство, а спра-
ведливость, разсудительность и святость, — что все я заклю- 325.
чаю подъ общимъ именемъ человѣческой добродѣтели; если
именно этому должны быть причастны всѣ люди, и съ
этимъ дѣлать всякое дѣло, чѣмъ бы кто ни занимался, че-
му бы ни учился, а безъ этого не дѣлать ничего; если и
дѣтей, и мужчинъ, и женщинъ, какъ скоро они [1] не имѣ-
ютъ этой добродѣтели, учатъ и наказываютъ, желая усо-
вершенствовать наказываемыхъ и наставляемыхъ, а кто,
не смотря на наказанія и наставленія, не слушается, того,
какъ неизлѣчимаго, изгоняютъ изъ городовъ, или убиваютъ; B.
если все это справедливо, и однакожъ, при такомъ поряд-
кѣ вещей, добродѣтельные люди учатъ своихъ дѣтей дру-
гому, а этому не учатъ: то смотри, какъ странны быва-
ютъ эти добряки [2]. Мы уже доказали, что политическую
добродѣтель они признаютъ изучимою частно и публично;
а между тѣмъ, будучи увѣрены, что ее можно преподавать

---

[1] Надобно замѣтить, что прежде (p. 323 A) добродѣтель политическую или человѣческую Протагоръ почиталъ принадлежностью всѣхъ, и этимъ объяснялъ, почему Аѳиняне принимаютъ голосъ каждаго, когда вступаютъ въ совѣщанія о справедливомъ или несправедливомъ: а теперь онъ представляетъ, что нѣкоторые не имѣютъ этой добродѣтели и за то бываютъ наказываемы. Явно, что тамъ смотрѣлъ онъ на добродѣтель со стороны ея формальной, а здѣсь имѣетъ въ виду ея содержаніе.

[2] *То смотри, какъ странны бываютъ эти добряки*, σκέψαι, ὡς θαυμασίως γίγνονται οἱ ἀγαθοί. Стефанъ (in marg.) considera, quam mirabiliter viri boni tales evadant. Гейндорфъ: quam miris modis boni in civitate existant. Шлейермахеръ: so sieh doch zu, wie wunderlich diese trefflichen Männer seyn mussen. Но θαυμασίως здѣсь имѣетъ значеніе въ соединеніи съ глаголомъ γίγνονται, какъ εὖ πράττειν или κακῶς πράττειν, а не отрѣшенно; потому что θαυμασίως γίγνεσθαι значитъ, бывать страннымъ, и словами, ὡς θαυμασίως γίγνονται οἱ γαθοί, указывается не на дѣтей, а на родителей.

и развивать, наставляютъ своихъ сыновей въ томъ, за что не положено смертной казни, хотя бы они того и не знаC. ли: напротивъ, что угрожаетъ ихъ дѣтямъ смертною казнію, ссылкою и, кромѣ смерти, конфискаціею имущества, или, какъ говорится, совершеннымъ разореніемъ семейства, когда они не будутъ учиться и успѣвать въ добродѣтели,— учатъ ли ихъ тому, и прилагаютъ ли къ тому всю свою заботливость? Извѣстно [1], Сократъ, что сыновей своихъ съ самаго ихъ малолѣтства, учатъ они и вразумляютъ до конца своей жизни: едва дитя начинаетъ понимать слова, какъ и кормилица, и мать, и педагогъ, и самъ отецъ, о томъ
D. только и хлопочутъ, чтобы оно было отличнымъ. Они учатъ и вразумляютъ его каждымъ дѣломъ и словомъ, что вотъ это справедливо, а то несправедливо, это похвально, а то постыдно, это свято, а то нечестиво, это дѣлай, а того не дѣлай: и если дитя охотно повинуется, — хорошо [2]; а когда не повинуется,—исправляютъ его угрозами и ферулою, какъ искривившееся и худое дерево. Потомъ отсылаютъ дѣтей въ школу [3] и убѣдительно просятъ учителей заботиться болѣе объ ихъ благонравіи, чѣмъ о грамотности и игрѣ на цит-
E. рѣ. Учители дѣйствительно заботятся объ этомъ, — и едва дѣти начинаютъ разбирать и понимать написанное, какъ прежде понимали звуки, — даютъ имъ читать на скамьяхъ

---

[1] ***Извѣстно***, *οἴεσθαί γε χρή*, формула принадлежащая исключительно Платону. Она обыкновенно поставляется послѣ вопроса и, когда вопросъ положительный,—подтверждаетъ, а отрицательный—отрицаетъ. Что бы удержать собственное значеніе словъ *οἴεσθαί γε*, надлежало бы перевесть ихъ нашимъ простонароднымъ: ***и вѣдомо***. Употребленіе см. *Gorg*. 522. A. *Phaedon*. 68. B. *Crit*. 53, C. 54. B. al.

[2] ***И если дитя охотно повинуется, — хорошо***, *καὶ ἐὰν μὲν ἑκὼν πείθηται*. Послѣ этого протазиса иногда слѣдуетъ апотазисъ: *εὖ ἔχει*, какъ у Θеофриста (charact, 9): *καὶ ἐὰν μὲν λάβῃ, εὖ ἔχει*; но большею частію апотазисъ только подразумѣвается. *Eustath*. ad Iliad. I. p. 50. *Casaub*. ad. Athen. V, 2. p. 43. *Matthiae* gramm. gr. p. 1248. not. V.

[3] ***Отсылаютъ дѣтей въ школу***, *εἰς διδασκάλων πέμποντες*, т. е. *εἰς δόμον* или *δόματα τῶν διδασκάλων*, какъ и ниже p. 326. B. *εἰς παιδοτρίβου*. *Matth*. gramm. gr. p. 701. 1147.

и заучивать поэмы лучшихъ писателей [1], въ которыхъ много наставительнаго, многое разсказывается о древнихъ до- 326.
бродѣтельныхъ мужахъ и прославляются ихъ подвиги, чтобы дитя изъ соревнованія подражало имъ и само старалось сдѣлаться такимъ же. Къ этой самой цѣли, между прочимъ, стремятся и цитристы, питая разсудительность юношей и устраняя ихъ отъ шалости. Сверхъ того, выучившись играть на цитрѣ, юноши тотчасъ затверживаютъ творенія другихъ добрыхъ поэтовъ, чтобы пѣть ихъ подъ зву- B.
ки инструмента и, пріучивъ свою душу къ риѳму и гармоніи, исполнить ее кротости, созвучія и согласія, а чрезъ то доставить ей пользу въ словѣ и дѣлѣ; потому что и вся жизнь человѣческая имѣетъ нужду въ риѳмѣ и гармоніи [2]. Послѣ того родители отправляютъ дѣтей въ гимназію, чтобы онѣ, развивъ свое тѣло, приготовили въ немъ лучшее орудіе для мысли, и чтобы на войнѣ, или въ другихъ дѣ- C.
лахъ, тѣлесная неповоротливость не наводила на нихъ робости. И такимъ образомъ поступаютъ особенно тѣ, которые могутъ; а могутъ особенно тѣ, которые богаты. Дѣти ихъ, по возрасту, раньше всѣхъ начинаютъ посѣщать школу и позднѣе всѣхъ оставляютъ ее. Наконецъ, какъ скоро юноши вышли изъ школы, городъ тотъ же часъ заставляетъ ихъ изучать законы и жить по ихъ предписанію, что- D.
бы они не дѣлали ничего сами собою, произвольно. Какъ

---

[1] О чтеніи и изученіи поэтовъ у Грековъ см. *Cicer.* Orat. 1. 42. *Quint.* Instit. I, 4. 1; также Legg. VII. 810. sqq.

[2] Въ жизни надобно обращать вниманіе на тоже, что имѣется въ виду при обращеніи съ музыкальными орудіями: и тамъ и тутъ не должно быть диссонансовъ,—и въ жизни еще менѣе; потому что гармонія дѣйствій гораздо важнѣе, чѣмъ гармонія звуковъ. Такъ говоритъ и Цицеронъ (de Offic. I, 40): sicut in fidibus aut in tibiis, — sic videndum est in vita, ne forte quid discrepet, vel multo etiam magis, quo major et melior actionum quam sonorum concentus est. Но не должно думать, что Платонъ серьёзно влагаетъ эти слова въ уста Протагора; Протагоръ былъ весьма далекъ отъ понятія объ истинной гармоничности духа (см. *Davis.* ad Max. Tyr. XII, 7. p. 543. *Wernsdorf.* ad Himer. p. 285. *Wyttenb.* ad Phæd. p. 127), и говоритъ это, только сообразуясь съ общимъ мнѣніемъ. Потому-то ниже p. 333. A. Сократъ шутитъ на его счетъ, говоря: οὗτοι γὰρ οἱ λόγοι ἀμφότεροι οὐ πάνυ μουσικῶς λέγονται.

дѣтямъ, еще не умѣющимъ писать, грамматисты [1] начертываютъ буквы карандашемъ [2] и приказываютъ выводить фигуры ихъ: такъ и юношамъ городъ, предписавъ законы— изобрѣтенiе добродѣтельныхъ законодателей древности [3], повелѣваетъ и управлять и управляться ими; а кто отъ нихъ уклоняется, того наказываетъ: — и это наказанiе, какъ у васъ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отъ
E. исправительнаго суда, называется исправленiемъ (εὐθῦναι). Обращая вниманiе на это частное и общественное попеченiе о добродѣтели, можешь ли удивляться, Сократъ, что добродѣтель изучима? Гораздо удивительнѣе было бы, когда бы она не относилась къ предметамъ науки.

Итакъ отъ чего же у хорошихъ отцовъ часто бываютъ

---

[1] *Какъ грамматисты*, ὥσπερ οἱ γραμματισταί, учители τῆς γραμματικῆς, учившiе читать и писать и преподававшiе имъ начала языка (*Horat.* ep. I, 20. 17) Римляне называли ихъ litteratores. *Fischer.* ad Weller. I, p. 2; порусски—почти тоже, что грамотеи.

[2] *Начертываютъ буквы карандашемъ*, ὑπογράψαντες γραμμάς. Γραμμαί, въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, фигуры буквъ, на которыя указываетъ Квинтилiанъ (Instit. Ort. I. 1. 27); Quum vero jam ductus sequi coeperit, non inutile erit eos tabellæ quam optime insculpi, ut per illos velut sulcos ducatur stylus; nam neque errabit, neque extra præscriptum poterit egredi, et celerius ac saepius sequendo certa vestigia formabit articulos, neque egebit adjutorio manum suam manu superimposita regentis. *Карандашемъ*, γραφῖδι, по Стефану, penicillo, по Катулу (XXII, 7), plumbo.

[3] Такъ учили греческiе софисты и свое ученiе завѣщали нѣкоторымъ англiйскимъ и французскимъ моралистамъ двухъ предшествующихъ столѣтiй. Эти мысли порождены, конечно, духомъ политическаго ултралиберализма и нравственнаго разврата. Напротивъ, какъ хорошо говоритъ Димосѳенъ (adv. Aristog. p. 77 4): ὅτι πᾶς ἐστὶ νόμος εὕρημα μὲν καὶ δῶρον θεοῦ, δόγμα δὲ ἀνθρώπων φρονίμων, ἐπανόρθωμα δὲ τῶν ἑκουσίων καὶ ἀκουσίων ἁμαρτημάτων, πόλεως δὲ συνθήκη κοινή, καθ' ἣν πᾶσι προσήκει ζῆν τοῖς ἐν τῇ πόλει. «Всякiй законъ есть открытiе и даръ Бога, догматъ человѣческой разумности, исправленiе вольныхъ и невольныхъ преступленiй, нераздѣльный завѣтъ общества, по которому должны жить всѣ граждане». А еще лучше Цицеронъ (de les I. 324): Iex est ratio summa, insita in natura, quæ jubet ea, quæ facienda sunt, prohibet que-contraria (II. 323), quæ non tum denique incipit lex esse, cum scripta est, sed tum, cnm orta est; orta auten simul est cum mente divina. Cp. Minos. 313. sq. Iegg. I. 644. D. Dcfinit. 415. B. «Законъ есть высочайшiй, положенный въ природѣ умъ, повелѣвающiй, что должно дѣлать, и возбраняющiй, чего не должно. Онъ не тогда получилъ начало, какъ законъ, когда написанъ, а тогда, когда произошелъ; произошелъ же онъ вмѣстѣ съ умомъ божественнымъ».

худыя дѣти?—Замѣть слѣдующее. Нѣтъ ничего удивительнаго, что прежде сказанное мною справедливо, то есть, что по отношенію къ добродѣтели, когда составляется городъ, частныхъ лицъ быть не должно [1]. Если же слова мои истин- 327.
ны, а истинность ихъ очевидна; то размысли теперь о всякомъ другомъ художествѣ и знаніи. Пусть городъ могъ бы существовать подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы всѣ, кто какъ умѣетъ, играли на флейтѣ: въ такомъ случаѣ одни, и частно и публично, учили бы этому искусству другихъ, бранили бы того, кто нехорошо играетъ, и въ этомъ отношеніи не завидовали бы ни кому, какъ нынѣ не завидуютъ справедливому и законному, и не скрываютъ ихъ, какъ прочія художества; ибо взаимная справедливость и добродѣтель полезны намъ, а по тому всякій всякому охотно говоритъ и B.
преподаетъ ихъ. Но если бы съ столь совершенною готовностію и безъ зависти мы учили другъ друга играть на флейтѣ; думаешь ли, Сократъ, что дѣти отличныхъ игроковъ были бы лучшими флейтистами, чѣмъ дѣти игроковъ худыхъ? Кажется, нѣтъ; но чей сынъ получилъ бы отъ природы большую способность къ этому искусству, тотъ сдѣлался бы и C.
знаменитѣе въ немъ; а чей не имѣлъ бы подобной способности, тотъ и не прославился бы. Такимъ образомъ у хорошихъ игроковъ часто случались бы худые флейтисты, а у худыхъ—хорошіе, хотя всѣ они въ сравненіи съ людьми, ко-

---

[4] *Οὐδένα δεῖ ἰδιωτεύειν*. Указывается на высшее: одному ли чему-нибудь, или не одному должны быть причастны всѣ граждане? — Если одному, то и пр. *ἰδιωτένσιν* съ родительнымъ значитъ: alicujus rei imperitum esse; но у Платона *ἰδιώτης* противуполагается слову *δημιουργός*, qui publice rem aliquam profitetur. Слѣдовательно смыслъ рѣчи такой: въ прочихъ искусствахъ, или ремеслахъ *δυνατόν μεν ἐστὶ δημιουργὸν εἶναι καὶ ἰδιωτεύειν*; а въ добродѣтели политической *οὐδένα δεῖ ἰδιωτεύειν, ἀλλὰ πάντας δημιουργοὺς ἀναγκαῖον εἶναι*, т. е., въ добродѣтели политической должны быть всѣ публично искусны. Разумѣется, что политическую добродѣтель Протагоръ понимаетъ здѣсь опять въ значеніи чисто формальномъ, какъ ens intellectus, и говоритъ, что она принадлежитъ всѣмъ; только не всѣ одинаково способны принять въ эту форму надлежащее содержаніе.Особенное умѣнье дѣлать юношей добродѣтельными въ реальномъ значеніи онъ приписываетъ себѣ, болѣе чѣмъ кому нибудь.

торые не знаютъ этого дѣла [1] и вовсе не играютъ на флейтѣ, были бы достаточны. Такъ думай и о самомъ несправедливомъ человѣкѣ, какого только можешь вообразить себѣ подъ закономъ и между людьми: онъ справедливъ и исполнитель справедливости, если смотришь на него въ сравне-
D. ніи съ тѣми, у которыхъ нѣтъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ, ни необходимости, заставляющей заботиться о добродѣтели, и которые походятъ на какихъ-то дикарей, представленныхъ въ прошломъ году въ праздникъ Діониса поэтомъ Ферекратомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ты жилъ между людьми, подобными мизантропамъ въ хорѣ Ферекратовомъ [2]; то былъ бы радъ встрѣтить хоть Эврибата и Фринонда [3] и со слезами искалъ бы развратности здѣшнихъ

---

[1] *Въ сравненіе съ людьми, которые не знаютъ этого дѣла*, *ὡς πρὸς τοὺς ἰδιώτας*. Ὡς πρὸς выражаетъ отношеніе или сравненіе одной вещи съ другою, напр. Polit. 303. A. *ὡς πρὸς τὰς ἄλλας*. Parmen. 146. B. *ἢ ὡς πρὸς μέρος ὅλον ἂν εἴη*. Alcib. 123. B. *καὶ τὰ μὲν Λακεδαιμονίων ὡς πρὸς ἑλληνικοὺς μὲν πλούτυς μεγάλα, ὡς δὲ πρὸς τοὺς περσικοὺς καὶ τοῦ ἐκείνων βασιλέως οὐδέν*.

[2] Этотъ праздникъ у Грековъ назывался *Λήναιον*, по имени площади, окруженной оградою, въ которой находился храмъ Діониса и давались зрѣлища въ честь его, *Ruhnk.* in auct. emendatt. ad Hesych. T. I. p. 999. *Boeck.* Abhandl, d. Acad. d. Wissensch. in Berl. a. 1817. p. 81. О Ферекратѣ, комическомъ писателѣ, *ἀττικωτάτῳ*, см. *Heinrich.* in libr. Epimen. p. 182. sq. 191. sq. Упоминаемое здѣсь сочиненіе его, по свидѣтельству Атенея (V. 59), издано при Архонтѣ Аристіонѣ (49,4 ол.). Глаголъ *ἐδίδαξεν*, кажется, указываетъ на мимическое искусствоФерекрата—представлять предметъ на сценѣ живо и естественно. *Подобными мизантропами въ хорѣ Ферекратовомъ*, *ὥσπερ οἱ ἐν ἐκείνῳ τῷ χορῷ μισάνθρωποι*. Нѣкоторые толкователи думаютъ, что словами *μισάνθρωποι ἐν τῷ χορῷ*, указывается на другое сочиненіе, а не на дикарей (*ἀγρίυς*) Ферекратовыхъ. Напротивъ *Groen. v. Prinster.* (Prosopogr. Plat. p. 182) полагаетъ, что сочиненіе—одно и тоже, только *ἄγριοι* были кентавры, а хоръ составляли мизантропы. Но Гейнрихъ l. l. p. 8. sq. опровергаетъ оба эти мнѣнія на основаніи изслѣдованій о Ферекратовой баснѣ (in appendice Epimenidis p. 188), и говоритъ, что хоръ составляли дѣйствительно *οἱ ἄγριοι*—кентавры, только къ нимъ нейдетъ *μισανθρωπία*, и потому онъ совѣтуетъ читать *ἡμιάνθρωποι*—получеловѣки, или какъ *Iacobsius* Anthol. Plat. T. III, P. II. p. 800) *μιξάνθρωποι*. Однакожъ выше сказано, что *ἄγριοι* походили на людей, незнающихъ ни воспитанія, ни суда, ни законовъ и пр.: почему же они не могли быть названы мизантропами?

[3] Эврибатъ и Фринондъ, говорятъ, были такъ развратны, что вошли въ пословицу. *Aeschin.* in Ctesiph. p. 527. *ἀλλ', οἶμαι, οὔτε Φρινώνδας οὔτε Εὐρύβατος οὔτ' ἄλλος οὐδεὶς πώποτε τῶν πάλαι πονηρῶν τοιοῦτος μάγος καὶ γόης ἐγένετο*.

гражданъ: но теперь, когда всѣ учатъ добродѣтели, кто какъ
можетъ, ты перебираешь и никѣмъ недоволенъ. Такимъ же E.
образомъ, попытайся сыскать себѣ учителя эллинскаго язы-
ка,—вѣрно ни одинъ не понравится; или спроси, кто могъ
бы далѣе учить сыновей ремесленника тому самому ремеслу, 328.
которому они по возможности учились у отца и друзей его,
занимающихся одинакимъ рукодѣльемъ, — не легко найти
учителя, Сократъ: а учителей въ другихъ безчисленныхъ
предметахъ, напримѣръ въ добродѣтели и тому подобныхъ,
найти весьма не трудно. Впрочемъ, тотъ конечно достоинъ
предъизбранія, кто хоть не много прямѣе можетъ весть насъ
къ добродѣтели. Изъ такихъ учителей я почитаю себя од-
нимъ, который лучше всѣхъ умѣетъ расположить къ по- B.
хвальному и доброму, и котораго наставленія стоютъ тре-
буемой имъ цѣны [1], а по мнѣнію самаго ученика, стоютъ и
большей. По этому я опредѣлилъ и образъ уплаты денегъ за
свои уроки: кто у меня учится; тотъ, если хочетъ, платитъ
сумму, которой я требую; а когда не хочетъ,—идетъ въ
храмъ и, показавъ клятвенно, чего стоютъ мои наставленія,
представляетъ за нихъ такую и плату. Вотъ и приточное, и
прямое доказательство, Сократъ, что добродѣтели учить
можно, что и Аѳиняне такъ думаютъ о ней, и что нѣтъ ни- C.
чего удивительнаго, когда у хорошихъ родителей бываютъ
худыя, а у худыхъ хорошія дѣти. Положимъ, что сыновья
Поликлета, сверстники моихъ слушателей, Паралоса и Ксан-
типпа, вовсе не равняются съ отцемъ своимъ; пусть тоже
можно сказать о дѣтяхъ и другихъ отличныхъ людей: но не
надобно обвинять ихъ; они еще подаютъ надежду, потому
что молоды.

Высказавъ столько и такихъ вещей, Протагоръ замол- D.
чалъ; а я, обвороженный на долгое время, не переставалъ

[1] Протагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаерція, *ηρῶτος μισθὸν οἰςεπράξατο μνᾶς ἐκατόν*, что составляетъ почти 2275 р. серебр. Замѣчательно, что по Казавбону (in Diog. L. IX), Демокритъ у Абдеритянъ назывался *φιλοσοφία*, а Протагоръ—*λόγος ἔμμισθος*, продажный умъ.

смотрѣть на него и все еще желалъ слушать, какъ будто бы онъ продолжалъ свою рѣчь. Но когда открылось, что Протагоръ въ самомъ дѣлѣ кончилъ, — я, едва собравшись съ духомъ, обратился къ Иппократу и сказалъ: О, какъ я благодаренъ тебѣ, сынъ Аполлодора, что ты уговорилъ меня прійти сюда; ибо дорого цѣню то, что теперь слышалъ отъ Протагора. Прежде мнѣ не вѣрилось, что добрые бываютъ бодрыми отъ человѣческаго попеченія, а теперь убѣдился. Оста-
E. лось только небольшое недоумѣніе, которое Протагоръ, объяснившій уже столь многое, конечно легко разрѣшитъ. Правда, случается, что когда разсуждаешь объ этомъ предметѣ съ однимъ изъ народныхъ ораторовъ,—вдругъ слышишь отъ него такія же рѣчи, какія услышалъ бы отъ Перикла, или
329. другаго краснорѣчиваго мужа: а если спросишь его о чемъ нибудь кромѣ того; то онъ, какъ книга, не въ состояніи ни отвѣчать, ни говорить. Потомъ, хоть слегка наведи рѣчь на сказанное имъ; — онъ какъ мѣдь зазвучитъ, и дотолѣ не умолкнетъ, пока кто нибудь не прерветъ его. Такъ бываетъ съ ораторами: вы спросили ихъ слегка, а они растянули вамъ рѣчь стадій на двѣнадцать. Но Протагоръ не таковъ: онъ можетъ говорить долго и прекрасно, какъ мы это теперь
B. испытали; можетъ также отвѣчать на вопросъ и коротко, когда краткость рѣчи бываетъ достаточна, и спрашивая самъ, умѣетъ останавливаться и выслушивать отвѣты другихъ. Въ настоящемъ случаѣ, Протагоръ, мнѣ нужно немногое, чтобъ удовлетвориться во всемъ, если только согласишься отвѣчать. Ты говоришь, что добродѣтели учить можно,—въ чемъ я, если кому, то тебѣ вѣрю: но въ твоихъ словахъ нѣчто удивило меня; и потому восполни этотъ недостатокъ въ душѣ моей. Ты сказалъ, что Зевсъ послалъ людямъ правду и
C. стыдъ; потомъ, въ продолженіе своей рѣчи, часто упоминалъ о правдѣ, о разсудительности, о святости и о всѣхъ подобныхъ вещахъ, какъ объ одномъ, — какъ объ одной добродѣтели. Объясни мнѣ точнѣе: думаешь ли ты, что добродѣтель одна, а правда, разсудительность и святость суть ея части?

или, что всѣ упомянутыя мною добродѣтели надобно почитать только разными названіями одной и той же? Вотъ чего я хочу.—Легко отвѣчать, Сократъ, сказалъ онъ: всѣ исчи- D.
сленныя тобою добродѣтели суть части одной.—Но части въ такомъ ли значеніи, спросилъ я, какъ уста, носъ, глаза и уши суть части лица, или въ такомъ, какъ части золота, отличающіяся однѣ отъ другихъ и отъ цѣлаго только величиною и малостію? — Мнѣ кажется, въ первомъ значеніи, Сократъ, какъ части лица относятся къ цѣлому лицу.—Итакъ, сказалъ я, люди пріобрѣтаютъ ли эти части добродѣтели, одинъ одну, другой другую, или, кто получилъ одну изъ E.
нихъ, тотъ по необходимости имѣетъ и всѣ?—Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ: есть много людей мужественныхъ безъ правды, а иные и справедливы, но не мудры. — Слѣдовательно, мудрость и мужество суть также части добродѣтели? спросилъ я.—Безъ всякаго сомнѣнія; отвѣчалъ онъ и превосход- 330.
нѣйшая изъ всѣхъ частей есть мудрость.—Между тѣмъ одна изъ нихъ—одно, а другая—другое?спросилъ я.—Да.—И каждая имѣетъ свое особенное значеніе, какъ часть лица? Извѣстно, что глазъ не походитъ на ухо, и значеніе ихъ не одно и тоже. Вообще, ни одна изъ частей лица не походитъ на другую, ни по значенію, ни по чему иному. Такъ ли и части добродѣтели не сходны между собою, ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ? Точно ли въ нихъ все соотвѣтствуетъ приведенному нами подобію? — Точно все соотвѣтствуетъ, Сократъ; я уже сказалъ.—Тогда я продолжалъ: по этому ни B.
одна часть добродѣтели не такова, какъ или знаніе, или правда, или мужество, или разсудительность, или святость? — Не такова, отвѣчалъ онъ.—Давай же разсмотримъ вообще, сказалъ я, какова каждая изъ нихъ;—и во первыхъ: правда есть ли нѣчто, или ничто? Мнѣ кажется, нѣчто; а тебѣ?—И мнѣ, отвѣчалъ онъ.—Но если бы кто нибудь спросилъ меня и тебя: Протагоръ и Сократъ! скажите мнѣ,—то самое нѣ- C.
что, которое вы сей часъ назвали правдою, справедливо или несправедливо? Я отвѣчалъ бы: справедливо; а ты какое

подалъ бы мнѣніе? одинакое со мною, или не одинакое? — Одинакое, сказалъ онъ. — По этому, я отвѣчалъ бы вопрошающему, что правда есть—быть справедливымъ: вѣрно и ты сказалъ бы тоже?—Да.—Потомъ, если бы онъ спросилъ насъ: вы такъ же думаете и о святости? мы сказали бы, что
D. такъ же?—Конечно.—То есть, вы называете и ее чѣмъ-то? продолжалъ бы онъ. Что отвѣчали бы мы: да, или нѣтъ?— Да, сказалъ Протагоръ.—Но это самое нѣчто, по своей природѣ, свято или не свято? Такой вопросъ возбудилъ бы во мнѣ досаду, и я отвѣчалъ бы вопрошателю: скажи лучше, добрый человѣкъ, что едва-ли что нибудь можетъ быть свято, если не свята самая святость. А ты что сказалъ бы ему?
E. не то же ли самое? — Безъ сомнѣнія, то самое.—Но представь, что послѣ этого онъ дѣлаетъ намъ новый вопросъ: какъ же вы недавно говорили?—впрочемъ, можетъ быть, я не разслушалъ?—Вы, кажется, говорили, будто части добродѣтели такъ относятся [1] между собою, что одна изъ нихъ не такова, какъ другая?—Я отвѣчалъ бы, что онъ все разслушалъ, кромѣ того, что будто и я утверждалъ тоже самое: утверждалъ Протагоръ, а я только спрашивалъ. И такъ, справедливо ли бы сказалъ онъ это, Протагоръ? Ты вѣдь го-
331. ворилъ, что одна часть добродѣтели не такова, какъ другая?

[1] Опроверженіе Протагорова мнѣнія объ особенности и несходствѣ добродѣтелей производится, очевидно, чрезъ подведеніе ихъ подъ обыкновенный законъ математическаго уравненія, на томъ основаніи, что всякая добродѣтель тожественна сама съ собою. P—p. S—s. Какъ скоро Протагоръ допустилъ каждое изъ этихъ тожественныхъ отношеній, чего не допустить конечно было невозможно,—Сократъ тотчасъ поставляетъ ихъ въ пропорцію P—p = S—s, и такимъ образомъ полагаетъ основаніе для заключенія, что P—S = p—s, и такъ далѣе, то есть, что правда свята, а святость праведна, и что слѣдовательно ни одна добродѣтель не бываетъ безъ другой. Очевидно что этотъ способъ опроверженія—тоже формальный, и Сократъ, говоря противъ Протагора, пользуется собственнымъ его оружіемъ. Разсуждая объ отношеніи добродѣтели, Протагоръ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ. Но его противорѣчіе состоитъ въ томъ, что сперва всѣ добродѣтели понялъ онъ, какъ части одной, (р. 329 C), а потомъ допустилъ, что ни одна изъ нихъ не такова, какъ другая (р. 330 B), и такимъ образомъ погрѣшилъ противъ аксіомы, что части, имѣющія отношеніе къ цѣлому, какъ части, необходимо должны быть въ отношеніи и между собою.

Кажется, это твоя мысль? Что же ты отвѣчалъ бы ему?— Необходимость требуетъ признанія, Сократъ.—Но признавшись въ этомъ, что скажемъ на слѣдующія его заключенія: стало быть святость не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то справедливымъ, и правда не такова, чтобы могла быть чѣмъ-то святымъ; но первая несправедлива, а послѣдняя не свята; или, первая неправедна, а послѣдняя нечестива? Что отвѣчать на это? За себя я сказалъ бы, что и правда свята, и святость праведна; да и за тебя, если позволишь, скажу тоже самое, то есть, что правда, или одно съ святостію, или B.
подобна ей, а особливо, что правда есть какъ святость, и святость—какъ правда. Смотри же, запрещаешь ты мнѣ отвѣчать такимъ образомъ, или этотъ отвѣтъ и тебѣ нравится?—Не совсѣмъ нравится, Сократъ, сказалъ онъ. Мнѣ кажется, нельзя согласиться безусловно, что правда свята, а святость праведна; тутъ есть нѣкоторое различіе. Впрочемъ C.
какая нужда? Если хочешь, прибавилъ онъ, пусть правда будетъ свята, а святость праведна. — О, нѣтъ, отвѣчалъ я; мнѣ нужно изслѣдовать не *если хочешь* и *если тебѣ кажется;* но чего хотимъ я и ты. Говорю, *я* и *ты*, и думаю, что дѣло рѣшится лучше, когда въ рѣшеніи его не будетъ *если*. — Такъ согласимся, что правда подобна святости, сказалъ онъ; ибо что нибудь непремѣнно подобно чему нибудь въ чемъ ни- D.
будь; даже бѣлое подобно въ чемъ нибудь черному, твердое мягкому, и все другое, по видимому противоположное. Стало быть и то, чему прежде мы приписывали особенныя значенія и говорили, что одно не таково, какъ другое, то-есть, и части лица въ чемъ нибудь также подобны, и одна изъ нихъ такова, какъ другая. Такимъ образомъ ты можешь, если угодно, доказать, что все подобно одно другому. Но и подобное по чему нибудь еще нельзя назвать подобнымъ, а непо- E.
добное по чему нибудь—не подобнымъ; хотя это подобіе и очень не велико [1].—Удивившись этому, я сказалъ: слѣдова-

---

[3] *Хотя это подобіе и очень не велико* κἂν πάνυ σμικρὸν ἔχει τὸ ὅμοιον, а по связи рѣчи нужно бы еще: καὶ τὸ ἀνόμοιον. По этому Гейн-

тельно справедливое и святое, по твоему мнѣнію, такъ от-
носятся одно къ другому, что между ими есть только малое
сходство?—Не такъ малое, отвѣчалъ онъ, и не такъ вели-
кое, какимъ оно тебѣ, по видимому, представляется. — Но,
кажется, ты затрудняешься этимъ предметомъ, примолвилъ
332. я; оставимъ же его и разсмотримъ нѣчто другое, тобою ска-
занное.

Ты называешь что нибудь безуміемъ?—Называю.—Не со-
вершенно ли противуположна ему мудрость?—Кажется, со-
вершенно, отвѣчалъ онъ.—Но когда люди поступаютъ спра-
ведливо и съ пользою; тогда, по твоему мнѣнію, разсуди-
тельны они, или неразсудительны?—Разсудительны, сказалъ
онъ. — А разсудительны они конечно разсудительностію? —
Необходимо.—Слѣдовательно поступающіе безумно поступа-
ютъ несправедливо, и дѣлая такимъ образомъ бываютъ не-
B. разсудительны?—Мнѣ кажется, такъ.—Стало быть дѣятель-
ность безумная противуположна дѣятельности разсудитель-
ной?—Конечно.—И такъ совершаемое безумно, совершается
безуміемъ, а разсудительно — разсудительностію? — Согла-
сенъ.—Значитъ, исполняемое силою, исполняется сильно, а
слабостію—слабо?—Кажется.—Съ скоростію—скоро, съ мед-
ленностію—медленно?—Дѣйствительно.—И что какъ дѣлает-
ся, то тѣмъ и дѣлается? а дѣлаемое напротивъ производится
противнымъ?—Подтверждаю. —Хорошо, сказалъ я: есть ли
C. что нибудь похвальное?—Есть.—Противуположно ли ему что
нибудь, кромѣ постыднаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь до-
брое?—Есть.—Противоположно ли ему что нибудь, кромѣ
худаго?—Ничто.—Есть ли что нибудь высокое въ звукѣ?—
Есть.—Противуположно ли ему что нибудь, кромѣ низкаго?—
Ничто.—И такъ, каждой изъ противуположностей противу-

дорфъ вноситъ въ текстъ *ἀνόμοιον* и читаетъ: *κἂν πάνυ σμικρὸν ἔχῃ τὸ ἀνόμοιον ἢ τὸ ὅμοιον*. Но *ὁμοιότης* здѣсь заключаетъ въ себѣ то и другое понятіе, т. е., подобіе и неподобіе, и означаетъ, какъ бы вообще, отношеніе подобныхъ и неподобныхъ предметовъ. Такъ p. 356. A. *τὸ ἡδὺ* стоитъ вмѣсто *τὸ ἡδύ καὶ τὸ λυπηρόν*.

положно только одно, а не многое? — Согласенъ. — Хорошо; сообразимъ же теперь все, въ чемъ мы согласились, сказалъ я. Мы согласились, что одному противуположно только одно, а не многое?—Согласились.—Что дѣлаемое напротивъ, со- D.
вершается противнымъ?—Да.—Согласились также, что дѣлать безумно, значитъ, дѣлать противное тому, что дѣлается разсудительно?—Конечно.—И что исполняемое разсудительно исполняется разсудительностію, а безумно—безуміемъ? — Точно такъ.—Но что дѣлается напротивъ, то производится противнымъ? — Да. — А дѣлается одно разсудительностію, другое—безуміемъ?—Конечно.—И напротивъ?—Безъ сомнѣ- E.
нія.—Тоже противнымъ?—Да.—Стало быть, безуміе и разсудительность противны?—Кажется.—Но помнишь ли, что сначала допущена противуположность между безуміемъ и мудростію? — Согласился. — И одно противуположно только одному?—Да.—Отъ чего же отказаться намъ, Протагоръ? отъ того ли, что одному противуположно только одно, или отъ того, что разсудительность есть иное, чѣмъ мудрость, что каждая изъ нихъ есть часть добродѣтели, что будучи 333.
иными, они не сходны ни сами по себѣ, ни по своимъ значеніямъ, какъ части лица? Отъ чего отказаться намъ? Вѣдь эти положенія не очень въ музыкальномъ отношеніи между собою: онѣ не ладятъ и не гармонируютъ одно съ другимъ; да и какъ имъ ладить, если одному по необходимости противуположно только одно, а не многое; между тѣмъ какъ безумію, которое—одно, противополагаются и мудрость и разсудительность? Такъ ли, Протагоръ, или не такъ? сказалъ B.
я.—Согласился, но очень неохотно.—Слѣдовательно разсудительность и мудрость должны быть одно? а прежде мы признали почти однимъ и тѣмъ же правду и святость. Но пусть такъ, продолжалъ я; не станемъ, Протагоръ, затруднять себя этимъ; изслѣдуемъ прочее. Кажется ли тебѣ, что человѣкъ, дѣлающій неправду, разсуждаетъ, когда дѣлаетъ ее?— Я стыдился бы, Сократъ, согласиться съ этимъ; однакожь многіе говорятъ такъ.—Но къ нимъ ли обратить мнѣ свою

C. рѣчь, или къ тебѣ?—Изслѣдуй, если угодно, сперва мнѣнія людей.—Все равно, лишь бы ты отвѣчалъ, такъ ли тебѣ кажется, или не такъ. Прямая цѣль моя—изслѣдовать самое дѣло; а между тѣмъ, можетъ быть случится испытать и вопрошателя и отвѣтчика.—Отъ этого предложенія Протагоръ сперва скромно уклонялся, жалуясь на трудность предмета;
D. но потомъ однакожь согласился отвѣчать.—И такъ, отвѣчай мнѣ сначала, сказалъ я: кажется ли тебѣ, что люди, поступающіе несправедливо, разсудительны?—Пусть такъ.—А дѣйствовать разсудительно—не тоже ли, по твоему, что дѣйствовать благоразумно?—Тоже.—Но дѣятельность благоразумная, когда поступаютъ несправедливо, не есть ли дѣятельность доброжелательная?—Положимъ.—Несправедливому лучше ли наслаждаться добромъ, или зломъ?—Лучше добромъ.—Но признаешь ли ты что нибудь за добро?—Признаю.—То ли есть добро, что полезно людямъ, спросилъ я?—Да, клянусь Зевсомъ; однакожь я называю добро добромъ, хотя бы оно и не было полезно людямъ. Мнѣ показалось, что
E. Протагоръ уже разсердился, горячится, и готовъ отказаться отвѣчать. Замѣтивъ это, я началъ спрашивать его осторожнѣе и тише. То ли почитаешь ты добромъ, Протагоръ, что никому не полезно, или то, что ни по чему не полезно?—
334. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я знаю многое, что людямъ не полезно; но пища, питье, лѣкарства и множество другихъ вещей, полезны имъ. Иное людямъ—ни то ни сё, а лошадямъ; иное однимъ быкамъ, иное собакамъ, а иное никому изъ животныхъ, но деревамъ,—и въ деревахъ иное хорошо для корня, но худо для ростковъ; напримѣръ, навозъ, когда обклады-
B. ваютъ имъ корень растеній, есть добро, а приложи его къ побѣгамъ и молодымъ вѣткамъ,—все пропадетъ. Равнымъ образомъ масло для всякаго растенія весьма вредно, даже враждебно и волосамъ животныхъ, кромѣ волосъ человѣческихъ, которымъ, какъ и всему тѣлу человѣка, оно помогаетъ. И такъ добро есть нѣчто различное и разнообразное: одно и тоже, по отношенію къ внѣшней сторонѣ тѣла—добро

для человѣка, а по отношенію къ внутренней—зло. Отъ то- C.
го-то всѣ врачи запрещаютъ больнымъ принимать масло, кромѣ самой малой мѣры во время стола, чтобы только заглушить непріятный запахъ пищи и питья, сообщающійся обонянію.

Когда Протагоръ кончилъ, — присутствующіе зашумѣли, въ знакъ того, что онъ хорошо говорилъ. А я сказалъ: Протагоръ! Ты видишь во мнѣ человѣка забывчиваго; такъ что
если кто нибудь долго бесѣдуетъ, — я забываю, о чемъ была D.
рѣчь. Если бы я былъ глухъ; то, желая разговаривать со мною, ты призналъ бы за необходимое говорить мнѣ громче, нежели другимъ: подобнымъ образомъ и теперь,—такъ какъ тебѣ пришлось имѣть дѣло съ безпамятнымъ, то раздѣляй отвѣты и сокращай ихъ, если хочешь, чтобы я слѣдовалъ за тобою. — Какъ же еще короче прикажешь отвѣчать? развѣ короче, чѣмъ нужно?—О нѣтъ, сказалъ я.—Значитъ столь-
ко, сколько нужно? — Да. — Но долженъ ли я отвѣчать E.
столько, сколько самъ считаю нужнымъ, или сколько ты?—Я слышалъ, что ты можешь, если захочешь, долго разсуждать объ одномъ и томъ же предметѣ, такъ что въ словахъ у тебя недостатка не будетъ, и готовъ научить другихъ
тому же: знаю, что ты въ состояніи говорить и кратко, такъ 335.
что въ краткости никто не превзойдетъ тебя. Употреби же другой способъ — краткословіе [1], если угодно тебѣ разговаривать со мною. — Сократъ! сказалъ онъ, я уже пускалъ свое слово въ борьбу со многими людьми и, если бы мнѣ дѣлать, что ты приказываешь, то не превзойти бы другихъ, и имени Протагора не было бы между Греками. — Видя, что прежніе отвѣты Протагора не нравятся самому ему, и что онъ не думаетъ разговаривать, отвѣчая на мои вопросы,

[1] Краткословіе и длиннословіе μακρολογία и βραχυλογία, было искусство говорить объ одномъ и томъ же предметѣ по произволу, какъ можно обширнѣе, или какъ можно короче, и почиталось изобрѣтеніемъ софистовъ. Phædr. 267. Б. Τίσιαν δὲ Γοργίαν τε ἐάσομεν εὕδειν, οἳ — συντομίαν λόγων καὶ ἄπειρα μήκη περὶ πάντων ἀνεῦρον.

B. я не считалъ своимъ дѣломъ присутствовать при его разсуж-
деніяхъ и сказалъ: Протагоръ! я не настаиваю, чтобы твоя
бесѣда была несообразна съ твоимъ обычаемъ, но если бы
тебѣ хотѣлось разговаривать такъ, что бы мнѣ можно было
за тобою слѣдовать, — я принялъ бы участіе въ разговорѣ.
Ты, какъ самъ говоришь, и какъ другіе говорятъ о тебѣ,
умѣешь сообщать свои мысли и обширно и коротко, потому
C. что ты мудрецъ: напротивъ я неспособенъ къ слушанію
длинныхъ рѣчей, хотя бы и желалъ имѣть такую способ-
ность. Что бы бесѣда наша продолжилась, тебѣ, какъ силь-
ному въ обоихъ родахъ, надлежало бы снизойти ко мнѣ.
Если же ты не хочешь того, а у меня есть дѣло, и мнѣ не
льзя выслушивать длинныхъ твоихъ рѣчей; то я и иду, хотя
бы, можетъ быть, слушалъ тебя не безъ удовольствія.

Сказавъ это, я всталъ, чтобъ уйти. Но когда поднялся,—
D. Калліасъ правою рукою схватилъ меня за руку, а лѣвою за
этотъ плащь, и сказалъ: мы не пустимъ тебя, Сократъ; если
ты уйдешь, то наша бесѣда будетъ не такова. Прошу же
тебя, останься съ нами. Мнѣ ни кого не слушать съ такимъ
удовольствіемъ, какъ тебя и Протагора, когда вы разгова-
риваете другъ съ другомъ: доставь же всѣмъ намъ это удо-
вольствіе. — Сынъ Иппоника! сказалъ я (въ эту минуту я
уже всталъ и хотѣлъ уйти), для меня и всегда пріятно было
E. твое любомудріе, и теперь хвалю его и люблю; по этому же-
лалъ бы я угодить тебѣ, если бы ты требовалъ отъ меня воз-
можнаго. Но въ настоящемъ случаѣ тебѣ какъ будто хо-
чется, чтобы я слѣдовалъ за сильнымъ скороходомъ, Крисо-
сономъ Имерейскимъ, или состязался съ тѣми, которые
336. могутъ пробѣгать двойное, либо цѣлодневное поприще [1].

---

[1] *Которые могутъ пробѣгать двойное, либо цѣлодневное поприще*, *δολιχοδρόμον*. *Schol.* *δολιχοδρόμοι εἰσὶν οἱ τὸν δόλιχνν τρέχοντες.* Такъ назывались скороходы, которые могли пробѣгать отъ семи до двадцати четырехъ стадій, или на Русскую мѣру, отъ 483 до 1656 саженей. *Schol.* Aristoph. ad Aves v. 292. Η*μεροδρόμοι*, по Схоліасту, *οἱ ταῖς βασιλικαῖς διατάξεσι ταχύτατα διακονούμενοι*, а по Ливію (XXX, 24), hemerodromos vocant Græci ingens die uno cursu emetientes spatium.

Говорю, что я болѣе тебя радъ бы слѣдовать за этими скороходами; но право не могу. Если же тебѣ угодно видѣть меня и Крисона въ равномъ бѣгѣ; то проси послѣдняго о снисхожденіи, потому что я-то не въ состояніи бѣжать скоро, а онъ можетъ — медленно. Равнымъ образомъ, если ты желаешь слышать меня и Протагора; то проси послѣдняго, чтобы онъ отвѣчалъ столь же кратко, какъ прежде, и прямо
на вопросъ: а иначе какой будетъ образъ разговора? Разго- B.
ворное собесѣдованіе, по моему мнѣнію, отлично отъ народной рѣчи. — Но видишь, Сократъ, сказалъ онъ, Протагору-то кажется справедливымъ разговаривать, какъ онъ хочетъ, а тебѣ, какъ ты хочешь.

Ты не такъ говоришь, Калліасъ, возразилъ Алкивіадъ:
Сократъ сознается, что онъ неспособенъ къ длиннословію, C.
и въ этомъ уступаетъ Протагору; но для меня было бы удивительно, если бы онъ уступилъ кому нибудь изъ людей въ умѣньи весть разговоръ, или давать и принимать вопросы. Если и Протагоръ признáется, что онъ ниже Сократа въ разговорѣ; то для послѣдняго и довольно: когда же онъ не согласится съ этимъ,—пусть разговариваетъ, вопрошая и отвѣчая, а не растягиваетъ рѣчи послѣ каждаго вопроса, какъ
бы уклоняясь отъ предмета и прямаго рѣшенія; пусть не D.
распложаетъ ея до того, пока многіе изъ слушателей забудутъ, о чемъ говорено было. Впрочемъ я ручаюсь, что Сократъ не забывчивъ, хоть шутя и говоритъ, будто не можетъ помнить. Итакъ, по мнѣ, онъ правъ: пусть каждый объявитъ свое мнѣніе.

Послѣ Алкивіада говорилъ, кажется, Критіасъ: Продикъ и Иппіасъ! сказалъ онъ, Калліасъ, по видимому, слишкомъ на сторонѣ Протагора, а Алкивіадъ всегда упоренъ въ сво-
ихъ мысляхъ: напротивъ мы, не присоединяясь ни къ Со- E.
крату, ни къ Протагору, должны просить обоихъ, чтобы они
не прекращали своей бесѣды на срединѣ. — На это Продикъ 337.
отвѣчалъ: Ты хорошо говоришь, Критіасъ. Слушатели, присутствующіе при такихъ разсужденіяхъ, должны быть, по отношенію къ обоимъ разговаривающимъ лицамъ, общими,

но не равными; потому что это—не одно и тоже. Надобно слушать *вообще* того и другаго, однакожъ не *равно* принимать мнѣніе каждаго, но съ мудрѣйшимъ соглашаться болѣе, а съ немудрымъ — менѣе. Я и самъ считаю нужнымъ согласиться, Протагоръ и Сократъ, что вы можете спорить, но не ссориться: *спорятъ* друзья съ друзьями и въ добромъ расположеніи; а *ссорятся* противники и враги. Такая бесѣда была бы для насъ весьма пріятна. Разговаривая подобнымъ образомъ, вы заслужили бы отъ насъ, слушателей, болѣе одобреніе, чѣмъ похвалу; ибо *одобреніе* происходитъ отъ души безпристрастной, а *похвала* заключается преимущественно въ словахъ, несообразныхъ съ убѣжденіемъ. И мы, слуша-
C. тели, чувствовали бы отъ того больше удовольствіе, чѣмъ наслажденіе; ибо *удовольствіе* свойственно учащемуся, когда бываетъ доволенъ умъ его, а *наслажденіе* прилично вкушающему нѣчто такое, что пріятно дѣйствуетъ на его тѣло. — Когда Продикъ сказалъ это, весьма многіе изъ присутствующихъ согласились съ нимъ [1].

Послѣ Продика началъ говорить мудрый Иппіасъ: Мужи, находящіеся здѣсь! сказалъ онъ, я думаю, что всѣ вы родственники, ближніе и граждане не по закону, а по приро-
D. дѣ [2]: ибо подобное по природѣ сродно подобному; а законъ—

---

[1] Платонъ въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, шутитъ надъ тщеславіемъ Продика, хваставшагося особеннымъ искусствомъ различать значенія синонимическихъ словъ. Charm. 163. D. Crat. I. 384. Euthyd. 277. E. и проч.

[2] Софисты не только отличали законъ отъ природы, но даже противуполагали первый послѣдней; между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, они не противуположны и взаимно не отдѣлимы. Что такое природа безъ закона?—Хаосъ, въ которомъ нельзя представить ни движенія ни покоя, ни постоянства, ни перемѣняемости, ни бытія, ни небытія. Что такое законъ безъ природы?—Логическое понятіе, форма безъ содержанія, чистый абстрактъ. Софистъ соглашается, что всѣ мы, какъ люди, не чужды другъ другу, всѣ мы родственники, ближніе и граждане міра: но то самое, что сродняетъ всѣхъ людей, и есть законъ, коего частныя выраженія суть законы положительные, разнообразные по мѣрѣ необходимаго оразноображиванія закона природы въ народныхъ субъектахъ, подъ вліяніемъ вѣка и мѣстныхъ условій.

тиранъ человѣковъ [1], онъ часто насилуетъ природу. И такъ,
постыдно намъ, вѣдающимъ свойство вещей, мудрѣйшимъ
изъ Эллиновъ, и потому стекшимся изъ цѣлой Эллады въ
этотъ пританіумъ мудрости [2], а изъ цѣлаго города въ этотъ
величайшій и благополучнѣйшій домъ, — постыдно намъ не
проявить ничего достойнаго такой чести, но, какъ худшимъ E.
изъ людей, разногласить другъ съ другомъ. Прошу и совѣ-
тую, Протагоръ и Сократъ, позволить намъ, какъ посредни-
камъ, которые сближаютъ противныя стороны, свесть васъ
на среднемъ пути: и ты, Сократъ, не требуй точно того 338.
рода слишкомъ краткихъ разговоровъ, какой не нравится
Протагору, но опусти и ослабь бразды слова, чтобы оно ка-
залось намъ величественнѣе и рисовалось; и Протагоръ не
долженъ поднимать всѣ паруса [3] и, при благопріятномъ вѣ-
трѣ пускаясь въ море рѣчи, терять изъ вида землю: обоимъ
вамъ надобно рѣзать середину. Если вы рѣшитесь дѣлать
такъ; то довѣрьте мнѣ избрать судію [4], распорядителя и на-
чальника, который будетъ стараться о посредственной длин- B.
нотѣ рѣчей того и другаго изъ васъ.

---

[1] Понимая законъ, какъ изобрѣтеніе и какъ внѣшніе узы, софисты натурально должны были прійти къ мысли, что онъ—тиранъ человѣковъ. Но какъ легко было, по видимому, отъ этого заключенія перейти къ слѣдующему: если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ тѣмъ, что́ ему противуположно; а закону противуположно беззаконіе; слѣдовательно, если законъ есть тиранъ, то онъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ. Потомъ: законъ тиранствуетъ надъ беззаконіемъ, и тотъ же законъ, по мнѣнію софистовъ, есть тиранъ человѣковъ; слѣдовательно, тѣ люди, надъ которыми онъ тиранствуетъ, беззаконны. А отсюда само собою слѣдовало бы, что истинный тиранъ человѣковъ есть не законъ, а беззаконіе.

[2] *Въ этотъ Пританіумъ мудрости*, т. е., въ Аѳины, въ городъ Минервы, въ средоточіе греческаго просвѣщенія. Πρυτάνειον было священное мѣсто въ храмѣ Весты, гдѣ хранились законы Солона и гдѣ ежедневно предлагаемъ былъ почетный столъ всѣмъ, оказавшимъ важныя услуги отечеству. *Cicer.* de orat. I. 54. *Liv.* XLI. 40.

[3] *Поднимать всѣ паруса*, въ подлинникѣ: *πάντα χάλων ἐκτείναντα,* натягивать всѣ канаты, выраженіе метонимическое, и кажется было пословицею, какъ и однозначущее съ нимъ: *πάντα λίθον κινεῖν.*

[4] *Судію*, *ῥαυδοῦχον.* Ραυδοῦχοι были въ Аѳинахъ представителями или вождями народа въ собраніяхъ, *οἱ κριταὶ τοῦ ἀγῶνος, οὓς ὁ ποιητὴς αἰσυμνήτας εἶπε* *Schol.* ad Aristoph. Pac. 733.

Это понравилось присутствующимъ; всѣ одобрили мнѣніе Иппіаса, и Калліасъ сказалъ, что онъ не отпуститъ меня, что надобно избрать распорядителя. Но я отвѣчалъ: стыдно избирать судію рѣчей; потому что если избранный будетъ хуже насъ, то покажется несправедливымъ худшему судить лучшихъ: а когда онъ будетъ равенъ намъ, то и въ этомъ не много правды; потому что равный намъ и выполнитъ равное, стало быть избраніе его будетъ дѣломъ
C. лишнимъ. Но вы изберете лучшаго, чѣмъ мы? Избрать кого нибудь мудрѣе Протагора, думаю, вамъ по истинѣ невозможно. Если же въ самомъ дѣлѣ не изберете лучшаго, а только укажете; то пристыдите Протагора, поставивъ надъ нимъ, какъ будто надъ пустымъ человѣкомъ, какого нибудь судію. Что же касается до меня, то мнѣ все равно. Чтобы наша бесѣда и разговоры, которыхъ вы желаете, могли состояться,
D. я готовъ поступить такъ: если Протагоръ не хочетъ давать отвѣтовъ, то пусть вопрошаетъ, а я буду отвѣчать и вмѣстѣ постараюсь показать ему, какимъ образомъ, по моему мнѣнію, отвѣчающій долженъ выполнять свое дѣло. Мои отвѣты будутъ продолжаться дотолѣ, пока онъ не перестанетъ предлагать вопросы; а потомъ пусть обѣщается передать мнѣ право вопрошателя, и если окажется неготовымъ отвѣчать, то и я, и вы, будемъ съобща просить его, какъ теперь про-
E. сите меня, чтобы онъ не разрушалъ нашей бесѣды. Для этого не нужно никакого распорядителя; всѣ вы будете распоряжаться. — Присутствующіе согласились со мною, и Протагоръ, хотя ему и очень не хотѣлось, принужденъ былъ принять на себя должность вопрошателя, съ тѣмъ, чтобы послѣ довольнаго количества вопросовъ, кратко отвѣчать и на мои вопросы. Онъ началъ свое дѣло почти слѣдующимъ образомъ.

Я думаю, Сократъ, сказалъ Протагоръ, что важная сто-
339. рона воспитанія человѣка есть знаніе поэмъ; а это должно состоять въ разумѣніи того, что поэты воспѣвали правильно и что нѣтъ, также въ умѣньи изъяснять ихъ сочиненія и

давать отчетъ вопрошающему. Возмемъ же и теперь вопросъ, близкій къ прежнему нашему предмету, то есть, къ добродѣтели, только добродѣтель перенесемъ въ поэзію. Въ этомъ вся разница. Симонидъ [1] гдѣ-то говоритъ Скопасу, сыну Θессалійца Креона, что *истинно трудно сдѣлаться* В.
человѣкомъ добрымъ, *совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ* [2], *человѣкомъ безъ недостатка*. Знаешь ли ты эту пѣснь, или

[1] Такъ какъ избираемая теперь для объясненія пѣснь Симонида нигдѣ отдѣльно и въ связи не изложена, а сохранилась только въ Платоновомъ Протагорѣ, въ которомъ однакожь стихи Симонида разсматриваются отрывочно; то *Гейне* (Opusc. I. 160. sq.) вознамѣрился привесть ихъ въ логическую и даже буквальную связь. Но Шлейермахеръ во многомъ не соглашается съ нимъ и излагаетъ пѣснь Симонида слѣдующимъ образомъ: *Ἄνδρα ἀγαθὸν μὲν ἀλαθέως γενέσθαι χαλεπόν, χερσί τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετράγωνον ἄνευ ψόγῳ τετυγμένον...... οὐδέ μοι ἐμμελέως τὸ Πιττάκειον νέμεται, καίτοι σοφοῦ παρὰ φῶτος εἰρημένον χαλεπὸν φάτο ἐσθλὸν ἔμμεναι... (ἀλλὰ) θεὸς ἂν μόνος ἔχοι (τὸ) γέρας. Ἄνδρα δὲ οὐκ ἔστι μὴ οὐ κακὸν ἔμμεναι, ὃν ἂν ἀμήχανος συμφορὰ καθέλη.... πράξας μὲν γὰρ εὖ πᾶς ἀνὴρ ἀγαθός· κακὸς δὲ κακῶς (— —?) ἐπιπλεῖστον (δὲ) καὶ ἄρισοί (ἔισιν) οὓς ἂν οἱ θεοὶ φιλῶσιν.... Ἔμοι γ' ἐξαρκεῖ ὃς ἂν μὴ κακὸς ᾖ μηδ' ἄγαν ἀπάλαμνος, εἰδώς γε ὀνήσει πόλιν δίκαν ὑγιὴς ἀνήρ. Οὐ μὴν (μιν?) ἐγὼ μωμήσομαι, οὐ γάρ εἰμι φιλόμωμος· τῶν γαρ ἠλιθίων ἄπειρα γενέθλα... πάντα τοι καλὰ τοῖσι τ' αἰσχρὰ μὴ μέμικται... Τοὔνεκεν οὐ ποτ' ἐγὼ τὸ μὴ γένέσθαι δυνατὸν διζήμενος κενεὰν εἰς ἄπρακτον ελπίδα μοῖραν αἰῶνος βαλέω, πανάμωμον ἄνθρωπον εὐρεδοῦς ὅσοι καρπὸν αἰνύμεθα χθόνος· ἔπειθ' ὔμῖν εὑρὼν ἀπαγγελέω. Πάντας δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἑκὼν ὅςις ἔρδη μηδὲν αἰσχρόν· ἀνήγκῃ δὲ οὐδὲ θεοὶ μάχονται.* «Трудно даже сдѣлаться человѣкомъ истинно «добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—человѣкомъ безъ недостат«ка.... И я не имѣю выгоднаго мнѣнія о Питтаковомъ изрѣченіи, хотя оно про«изнесено и мудрымъ мужемъ, что трудно быть добрымъ.... Это преимуще«ство принадлежитъ одному Богу; а человѣку нельзя не быть злымъ, когда «его увлекаетъ слѣпая судьба.... Всякій человѣкъ, поступающій хорошо, «добръ, а худо—золъ——. Болѣе же всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ «любятъ боги... Меня удовлетворилъ бы человѣкъ, только что не худой, но «и не совершенно несмысленный, а здравомыслящій, знающій законную поль«зу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ «порицанію. При томъ роды глупыхъ безчисленны..... все прекрасно, къ че«му не примѣшалось постыдное.... По этому я не предамъ своей жизни сует«ной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно,—совершенно непо«рочнаго человѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населен«ной земли: если же найду его, то возвѣщу вамъ. И такъ я хвалилъ бы и «любилъ всякаго охотно, кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго: а съ необ«ходимостію и боги не воюютъ».

[2] *Совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ*, въ подлин. *χερσί τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετράγωνον*, четвероугольнымъ по рукамъ, ногамъ и уму. Это—ясный типъ латинской поговорки: omnibus numeris, или omnibus partibus absolutum esse? *τετράγωνος* въ переносномъ смыслѣ, значило у Грековъ: совершенный, пол-

я долженъ прочитать ее всю?—Не нужно, отвѣчалъ я; знаю, и много размышлялъ о ней. — Дѣло; чтоже, каково она написана? хорошо, вѣрно или нѣтъ? — Да, отвѣчалъ я, по моему, и хорошо и вѣрно. — Но почитаешь ли ты сочиненіе хорошимъ, въ которомъ поэтъ противорѣчитъ самому себѣ? — Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Всмотрись же получше, ска-
C. залъ онъ. — Я довольно всматривался, добрый Протагоръ.— Стало быть знаешь, сказалъ онъ, что въ той же пѣсни говорится далѣе: *я имѣю невыгодное мнѣніе о Питтаковомъ изрѣченіи, хотя оно произнесено и мудрымъ мужемъ, — что трудно быть добрымъ* [1]. Знаешь ли, что эти слова сказаны тѣмъ же, кѣмъ и прежнія? — Знаю, отвѣчалъ я. — И тебѣ кажется, спросилъ онъ, что послѣднія согласны съ первыми? — Кажется; — и вдругъ опасаясь, чтобы онъ не началъ
D. разсуждать, я прибавилъ: а тебѣ не кажется? — Можетъ ли быть согласенъ самъ съ собою тотъ, кому принадлежатъ оба эти мнѣнія? кто сперва утверждалъ, что трудно сдѣлаться истинно добрымъ человѣкомъ, а потомъ, не много продолживъ свое сочиненіе, забылъ о прежней мысли и осуждаетъ Питтака, который говоритъ тоже самое, что трудно быть добрымъ, и не принимаетъ словъ его, хотя онѣ подтверждаются собственными его словами? Явно, что осуждая Питтаково мнѣніе, тожественное съ своимъ, Симонидъ осуждаетъ и самаго себя; такъ что если первое невѣрно, то не вѣрно и послѣднее. — Выслушавъ это разсужденіе, многіе произвели
E. одобрительный шумъ и похвалили Протагора: а у меня, отъ словъ его и отъ шума присутствующихъ, какъ будто отъ добраго удара кулачнаго бойца, сперва потемнѣло въ гла-

---

ный; *Arist. Rhet.* III. 11. τὸν ἀγαθὸν ἄνδρα φάναι εἶναι τετράγωνον μεταφορά· ἄμφω γὰρ τέλεια.

[1] Извѣстенъ случай, по которому Питтакъ сказалъ это. См. *Erasm.* Adag. Chil. II. Cent. I. 12. «Periander Corinthius initio populariter ac moderate gerebat imperium, postea versis moribus tyvannice agere cocpit. Id simul atque cognitum esset Pittaco Mitylenaeo, diffisum de sui ipsius animi constantia, magistratum deposuisse relictoque imperio in exilium abiisse. Percontantibus deinde quibusdam, qua gratia fugisset imperium, respondisse quod *admodum*

захъ и завертѣлось въ головѣ; но потомъ, если сказать тебѣ правду, желая выиграть время для размышленія о мнѣніяхъ поэта, я обратился къ Продику и вызвалъ его къ бесѣдѣ слѣдующею рѣчью: Продикъ! Симонидъ — твой согражда- 340.
нинъ; ты долженъ помочь ему. Я призываю тебя, почти какъ Скамандръ, осажденный Ахиллесомъ, по свидѣтельству Омира, призывалъ Симоиса:

«Воздвигнись, мой братъ, крѣпость мужа оба авось обуздаемъ» [1].

Да, призываю тебя; иначе Протагоръ разгромитъ нашего Симонида. Вѣдь, чтобы поставить его на ноги, нужна именно твоя симфонія [2], посредствомъ которой ты различаешь слова *хотѣть* и *желать*, какъ бы не тожественныя, и слѣдуя ко- B.
торой еще нынѣ говорилъ много прекраснаго. Смотри же, такъ ли и тебѣ кажется, какъ мнѣ: я думаю, что Симонидъ не противорѣчитъ самъ себѣ. Прежде всего объяви свое мнѣніе, Продикъ; тоже ли, по твоему, *дѣлаться* и *быть* [3], или не тоже? — О, свидѣтельствуюсь Зевсомъ, — не тоже, отвѣчалъ Продикъ. — Слѣдовательно въ первомъ мѣстѣ Симонидъ выражаетъ собственную свою мысль, что по истинѣ трудно дѣлаться добрымъ человѣкомъ? — Конечно. — А потомъ осуж- C.
даетъ Питтака не за одинаковое съ своимъ мнѣніе, какъ по-

---

esset arduum probum *esse* propter mutatum Periandrum. Quibus auditis Solonem addidisse suum apophthegma: χαλεπὰ τὰ καλά.

[1] Iliad. XXI. 308.

[2] *Твоя симфонія*, τῆς σῆς μουσικῆς. Подъ словомъ μουσική разумѣлась вообще наука, или искуство въ высшемъ значеніи. Phædr. 259. D. Phæedon. 60. E. 61. A. Polit. 288. C. Cratyl. 406. A. al. Впрочемъ это слово могло быть здѣсь употреблено и въ собственномъ значеніи; потому что искуство Продика, какъ извѣстно, состояло въ сличеніи названій; а такіе опыты сличенія и донынѣ сохранили имя симфоній.

[3] *Дѣлаться и быть*, τὸ γενέσθαι καὶ τὸ εἶναι, — извѣстное различеніе бытія условнаго и безусловнаго, которое, со временъ Платона, такъ часто и заботливо было раскрываемо философами, особенно въ Германіи. Бытіе безусловное (esse, das Seyn) — всегда одно и тоже, вѣчно, неизмѣнно и прилично одному Богу: бытіе условное, или бываніе (fieri, das Werden) имѣетъ начало и конецъ, раждается и изчезаетъ, восходитъ и низходитъ по степенямъ, и свойственно существамъ сотвореннымъ, или ихъ дѣйствіямъ. Такъ различаетъ Платонъ и разсматриваемыя здѣсь выраженія: дѣлаться добрымъ и быть добрымъ; равнымъ образомъ: дѣлаться добрымъ человѣку по истинѣ трудно,

лагаетъ Протагоръ, а за другое? ибо Питтакъ не сказалъ, какъ Симонидъ, что трудно дѣлаться, но—трудно быть добрымъ. И такъ видишь, Протагоръ; Продикъ говоритъ, что *быть* и *дѣлаться*—не одно и тоже: а если *быть* и *дѣлаться* не одно и тоже; то Симонидъ не противорѣчитъ самому себѣ.
D. Можетъ быть и Продикъ и многіе другіе готовы утверждать съ Исіодомъ, что трудно сдѣлаться добрымъ; потому что боги, прежде добродѣтели, требуютъ пота: но когда кто достигъ высоты ея, — бывъ трудною, она становится легка.

Выслушавъ это, Продикъ похвалилъ меня; а Протагоръ сказалъ: такою поправкою, Сократъ, ты больше испортилъ,
E. чѣмъ поправилъ дѣло.—Плохъ же видно я, Протагоръ, былъ мой отвѣтъ; я — тотъ смѣшной врачъ, который, врачуя болѣзнь, только усиливаетъ ее.—А вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ.—Какъ такъ? спросилъ я.—Поэтъ былъ бы не уменъ, если бы пріобрѣтеніе добродѣтели—дѣло, по признанію всѣхъ людей, самое трудное, почиталъ столь маловажнымъ [1]. — Клянусь Зевсомъ, сказалъ я, что Продикъ весьма кстати принялъ участіе въ нашемъ разговорѣ; божественная мудрость его, Протагоръ, едва ли не столь древня, что получила начало
341. отъ Симонида, а можетъ быть, и того древнѣе [2]: напротивъ ты знаешь много другаго, а этой мудрости, кажется, не знаешь,—не такъ какъ я, ученикъ Продика [3]. Ты, по видимому, не замѣтилъ, что и слово *трудно* Симонидъ, должно быть, понималъ не въ томъ значеніи [4], въ какомъ оно принимается

а быть добрымъ вовсе невозможно. Ниже Сократъ, ссылаясь на Исіода, разумѣетъ 284 стихъ его opp. et. dd.

[1] Указывается на преждеупомянутую мысль Исіода, что когда кто достигъ высоты добродѣтели, — она, бывъ трудною, становится легка. Но Платонъ, вмѣстѣ съ Исіодомъ, почиталъ добродѣтель легкою въ безусловномъ ея значеніи, поколику она выше всѣхъ человѣческихъ усилій и бываетъ сама себѣ закономъ. Такая добродѣтель принадлежитъ конечно не человѣку, а Богу.

[2] Платонъ здѣсь шутитъ надъ Протагоромъ, пародируя собственныя слова его (см. выше 316. B), что софистическое искуство весьма древне и происходитъ отъ Омира, Исіода и Симонида.

[3] Сократъ во многихъ мѣстахъ, шутя, называетъ себя ученикомъ Продика въ искуствѣ различать значенія словъ. См. Cratyl. 384. B. Menon. 96. D. Charm. 163. D.

[4] Χαλεπόν, трудно, Греки принимали въ двухъ смыслахъ: по одному, оно

тобою. Продикъ каждый разъ учитъ меня разумѣть его въ значеніи *ужаса*. Если, напримѣръ, я, хваля тебя, или кого другаго, говорю: Протагоръ человѣкъ ужасно мудрый, то онъ возражаетъ: не стыдно ли тебѣ доброе называть ужас- B.
нымъ? ужасное есть зло; а потому никто не говоритъ объ ужасномъ богатствѣ, объ ужасномъ мирѣ, объ ужасномъ здоровьѣ; но говорятъ объ ужасной болѣзни, объ ужасной войнѣ, объ ужасной бѣдности, потому что ужасное есть зло. Такимъ же образомъ, можетъ быть, и Хіосцы, и Симонидъ, подъ именемъ труднаго понимаютъ зло, или что другое, чего ты не знаешь. Спросимъ-ка лучше Продика; потому что съ нимъ приличнѣе совѣтоваться о языкѣ Симонида. Продикъ! C.
что разумѣетъ Симонидъ подъ именемъ труднаго? — Злое, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно за то и осуждаетъ онъ Питтака, сказалъ я, что въ его выраженіи: трудно быть добрымъ, видитъ мысль: худо быть добрымъ? — Что же другое, кромѣ этого, по твоему мнѣнію, Сократъ, можно бы разумѣть тутъ? Симонидъ порицаетъ Питтака за его неумѣнье правильно различать слова, такъ какъ онъ Лесбосецъ и воспитанъ былъ подъ вліяніемъ варварскаго нарѣчія [1]. — Слышишь Протагоръ, что говоритъ Продикъ? Можешь ли что D.
нибудь сказать противъ него? — Далеко не такъ, Продикъ,

соотвѣтствовало латинскому difficile и противополагалось греческому ῥᾴδιον, или ῥηΐδιήον; а по другому—было тоже, чго у Римлянъ molaestum, которому противополагалось τὸ ἡδύ. Въ послѣднемъ случаѣ χαλεπὸν было синонимическое съ словомъ δεινόν. Но и δεινὸν употребляемо было также въ хорошую и худую сторону, и въ первомъ приложеніи значило — *удивительное*, а вовторомъ—*ужасное*. Сократъ, разумѣя его здѣсь только въ одномъ значеніи, какъ ужасное, а ужасное какъ злое, явно смѣется — вопервыхъ надъ Продикомъ и надъ ничтожностію его искуства различать значенія названій, вовторыхъ надъ всѣми софистами, къ которымъ обыкновенно прилагалось слово δεινός, какъ противуположное τῷ σοφῷ;—напр. Phaedr. 245. C. ἡ δὲ δὴ ἀπόδειξις ἔσται δεινοῖς μὲν ἄπιστος, σοφοῖς δὲ πιστή. Впрочемъ у Платона σοφὸς и δεινὸς чаще прилагаются къ одному и тому же лицу, и первое принимается почти всегда иронически, а послѣднее—въ значеніи слова *сильный*, простон. *ужасный*, или нѣмецк. *gewaltig*.

[1] По свидѣтельству *Діодора Сицил.* (V, 81), первые жители Лесбоса были Пелазги; а потомъ Лесбосъ почитаетъ онъ ἔχοντα λαοὺς ἡδρυσμένυς (сильными) τοὺς μὲν ωνας, τοὺς δὲ ἐξ ἄλλων ἐθνῶν παντοδαπῶν συνεῤῥυηκότας.

отвѣчалъ онъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что Симонидъ, какъ и всѣ мы, подъ именемъ труднаго разумѣлъ не злое, а то, что не легко, и пріобрѣтается великими трудами. — И мнѣ равнымъ образомъ кажется, Протагоръ, что онъ разумѣлъ то самое; да и Продикъ это знаетъ, но только шутитъ, какъ будто желая испытать тебя, можешь ли ты защищать свое мнѣніе. А что труднымъ Симонидъ называлъ не злое, важ-
E. ный признакъ заключается въ слѣдующемъ же за тѣмъ выраженіи: тамъ говорится, что *это преимущество принадлежитъ одному Богу*. Если бы Симонидъ сказалъ, что худо быть добрымъ, и потомъ прибавилъ, что одинъ Богъ имѣетъ это зло, или что это преимущество принадлежитъ одному Богу; то Продикъ почелъ бы своего соотечественника человѣкомъ гибельнымъ и вовсе не Хіосцемъ [1]. Между тѣмъ угод-
342. но ли тебѣ знать мою опытность (или какъ ты называешь это) въ поэмахъ? Я, пожалуй, выскажу свое мнѣніе о смыслѣ Симонидовой пѣсни: а когда неугодно, готовъ слушать тебя. — На это предложеніе Протагоръ отвѣчалъ: какъ хочешь, Сократъ; а Продикъ, Иппіасъ и другіе настойчиво приказывали говорить.

И такъ попробуюсь объяснить вамъ, что именно я думаю объ этой пѣсни. Самая древняя [2] и особенно распространившаяся между Эллинами философія находится въ Критѣ и Ла-
B. кедемонѣ, и софистовъ тамъ множество. Но они притворяются и кажутся невѣждами, какъ и тѣ, о которыхъ говорилъ Протагоръ, чтобы не обнаружить своего превосходства въ мудрости предъ прочими Греками; напротивъ выставляютъ

---

[1] Хіосцы въ древности славились хорошею нравственностію и строгимъ соблюденіемъ законовъ. *Vindingii* Collectan. Thes. ant. gr. T. XI. p. 492. *Müller*, Geschichte der hellenischen Stämme. T. II. P. 2. p. 226.

[2] Вся эта рѣчь, по видимому, есть пародія рѣчи Протагоровой p. 316. D. sqq. и насмѣшка надъ тою мыслію, что софистическое искуство весьма древне. Сократъ самымъ древнимъ убѣжищемъ софистовъ почитаетъ Критъ и Лакедемонъ; между тѣмъ извѣстно, что Лакедемоняне чуждались софистическаго образованія. *Isocr.* panath. p. 272. *οὗτοι δὲ τοσοῦτον· ἀπολελειμμένον τῆς κοινῆς παιδείας καὶ φιλοσοφίας εἰσίν, ὥστ' οὐδὲ γράμματα μανθάνουσιν.* Hipp. mai. 285. C. *'Επεὶ οὐδ' ἀριθμεῖν ἐκείνων γε, ὡς ἔπος εἰπεῖν, πολλοὶ ἐπίστανται.*

себя предъ ними только въ военномъ искуствѣ и мужествѣ, съ тою мыслію, что узнавъ, на сколько въ самомъ дѣлѣ они лучше другихъ, всѣ примутся за ихъ дѣло. Такою скрытностію софисты обманываютъ жителей и иныхъ странъ, какъ скоро они, подражая Лакедемонянамъ [1], и прокалываютъ себѣ уши, и надѣваютъ на руки кожаныя перчатки, и упражняют- C.
ся въ гимнастикѣ, и носятъ короткіе плащи, какъ будто Лакедемоняне этимъ именно превосходятъ прочихъ Грековъ. А Лакедемоняне, если хотятъ свободно побесѣдовать съ своими софистами, и если наскучило имъ бесѣдовать скрытно, — тотчасъ предписываютъ выслать всѣхъ этихъ подражателей [2] и другихъ людей, прибывшихъ къ нимъ изъ-за границы, и сносятся съ своими софистами тайно отъ иностранцевъ. Сверхъ того, подобно Критянамъ, не позволяютъ они и своимъ юношамъ выѣзжать въ другія города, чтобы D.
ихъ юноши не забыли того, чему научились. Въ этихъ республикахъ не только мужчины, но и женщины получаютъ высокое воспитаніе. А что я говорю справедливо, то-есть, что Лакедемоняне въ самомъ дѣлѣ хорошо воспитаны въ философіи и искуствѣ слова, — можете узнать изъ слѣдующаго. Кто захочетъ поговорить хотя бы-то съ худшимъ изъ Лакедемонянъ; тотъ найдетъ его большею частію какъ будто сла- E.
бымъ въ рѣчи: но потомъ, при случаѣ, вдругъ вырывается у него, весьма кстати, изрѣченіе краткое и сжатое, подобное сильно пущенной стрѣлѣ; такъ что собесѣдникъ является предъ нимъ не лучше дитяти. Обращая вниманіе на это обстоятельство, многіе и изъ древнихъ и изъ современныхъ

---

[1] Въ древней Греціи Лакедемонъ былъ предметомъ слѣпаго подражанія прочихъ республикъ и частныхъ лицъ. Изъ Спарты, какъ нынѣ изъ Парижа, мода разсылала законы всѣмъ. Но удивляясь мужеству и мудрости Спартанцевъ, Эллины подражали имъ не въ томъ, а въ платьѣ и въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обычаяхъ.

[2] Иностранцамъ позволялось приходить въ Спарту и оставаться въ ней только на время общественныхъ праздниковъ. По прошествіи этого времени объявляема была ξενηλασία, высылка иностранцевъ изъ города. Это постановленіе приписываютъ Ликургу. *Crag.* de rep. Laced. III. 33 p. 210 sq. *Müller*, Gesch. d. hell. Stämme Tom. II. P II. p. 8.

намъ людей поняли, что подражать Лакедемонянамъ значитъ
болѣе любить мудрость, чѣмъ тѣлесныя упражненія; потому
что произносить подобныя изрѣченія можетъ только чело-
343. вѣкъ совершенно образованный. Такими почитаются Θалесъ
Милетскій, Питтакъ Митиленскій, Віасъ Пріенскій, нашъ
Солонъ, Клеовулъ Линдскій, Мисонъ Хинейскій [1] и седьмой,
причисляемый къ нимъ, Хилонъ Лакедемонскій. Всѣ они
были соревнователями, любителями и учениками Лакедемон-
скаго образованія, и каждый можетъ узнать, что именно въ
этомъ состояла ихъ мудрость, то-есть, въ краткихъ, досто-
B. памятныхъ изрѣченіяхъ. Съ общаго согласія, они посвятили
начатокъ своей мудрости Дельфійскому храму Аполлона, над-
писавъ на немъ всѣми прославляемыя мнѣнія [2]: *познай са-
маго себя* и *ничего слишкомъ*. Но для чего я говорю объ
этомъ? Для того, что у древнихъ философія состояла въ Ла-
кедемонскомъ краткословіи, и что самое выраженіе Питтака:
трудно быть добрымъ, переходило изъ устъ въ уста, какъ
C. выраженіе хвалимое мудрыми. Но Симонидъ, побуждаемый
страстію къ мудрости, подумалъ, что если онъ опровергнетъ
это изрѣченіе, какъ знаменитаго борца, и преодолѣетъ его;
то самъ прославится между современниками. Такимъ обра-
зомъ, именно противъ этого изрѣченія и съ умысломъ уро-
нить его, онъ, какъ мнѣ кажется, написалъ всю свою пѣснь.
Изслѣдуемъ общими силами, правду ли я говорю. Кто хотѣлъ
D. бы вдругъ съ самаго начала пѣсни произнесть: трудно сдѣ-
латься человѣкомъ добрымъ, и тутъ же прибавилъ бы час-
тицу μὲν; тотъ говорилъ бы безъ смысла: ибо эта частица
вовсе неумѣстна, если предположимъ, что Симонидъ не имѣлъ
намѣренія воставать на Питтаково изрѣченіе. Противъ словъ

---

[1] *Діодоръ* (Fragm. I; IX. Tom. IV, p. 42) называетъ его Меліенскимъ. По свидѣтельству *Плутарха* (de El delph. 385. E), Платонъ помѣстилъ его въ числѣ семи мудрецовъ вмѣсто Періандра, *ὡς ἀναξίῳ σοφίας διὰ τὸ τετυραννηκέναι*.

[2] По свидѣтельству *Плутарха* (de Garul. 511. B), первая надпись сдѣлана была Амфиктіонами, а вторая приписывается разнымъ лицамъ *Diog. L.* 1, 40. 44.

Питтака, что трудно быть добрымъ, Симонидъ возражаетъ: нѣтъ, Питтакъ, даже дѣлаться добрымъ человѣкомъ трудно по истинѣ. Онъ не говоритъ: истинно добрымъ,—не сюда относитъ истину, какъ бы предполагая однихъ истинно добрыми, а другихъ — хотя и добрыми, но не истинно; это было бы E.
нелѣпо и недостойно Симонида. Нѣтъ, въ его пѣсни слово *по истинѣ* надобно перестановить, какъ будто бы онъ подразумѣвалъ изрѣченіе Питтака, и какъ будто бы утверждалъ самъ Питтакъ, а Симонидъ отвѣчалъ ему. Напримѣръ, первый взывалъ бы: Люди! трудно быть добрымъ! а послѣдній въ отвѣтъ ему: несправедливо говоришь Питтакъ; не быть, 344.
а дѣлаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — человѣкомъ безъ порока, трудно по истинѣ. При такомъ смыслѣ рѣчи, и частица μὲν будетъ здѣсь не безъ причины, и слово *по истинѣ* въ концѣ выраженія—умѣстно. Это значеніе подтверждается также всѣмъ послѣдующимъ: ибо можно бы и чрезъ разсмотрѣніе отдѣльныхъ мыслей въ пѣсни Симонида показать, какъ хорошо она написана, какъ B.
она изящна и обработана; но разсматривать ихъ было бы долго. По этому мы раскроемъ только общій характеръ сочиненія и намѣреніе сочинителя — совершенно опровергнуть изрѣченіе Питтаково во всей его пѣсни. Немного ниже онъ какъ будто говоритъ, что сдѣлаться добрымъ человѣкомъ хотя по истинѣ трудно, однакожь все еще на нѣсколько времени возможно: напротивъ сдѣлавшись, оставаться въ этомъ C.
состояніи и быть добрымъ человѣкомъ, какъ ты утверждаешь, Питтакъ, есть дѣло невозможное и нечеловѣческое; ибо это преимущество принадлежитъ одному Богу, а *человѣку нельзя не быть злымъ, когда его увлекаетъ слѣпая судьба*. Но кого увлекаетъ слѣпая судьба при управленіи кораблемъ? Явно, что не неопытнаго; потому что неопытный всегда внизу: лежачаго никто не повергаетъ; повергнуть можно только стоячаго, чтобы онъ лежалъ, а не лежачаго. Подобнымъ образомъ и слѣпая судьба можетъ увлечь только D.
осмотрительнаго; а того, кто всегда неосмотрителенъ, она

не увлекаетъ. Такъ напримѣръ, сильная буря дѣлаетъ без-
сильнымъ только кормчаго, худая погода — только земледѣль-
ца; тоже и о врачѣ. Равно и злымъ свойственно дѣлаться
только доброму, какъ свидѣтельствуетъ другой поэтъ [1]:
E. «добрый человѣкъ — то золъ, то добръ». Напротивъ, злому
свойственно не дѣлаться, но всегда быть по необходимости.
По этому, и осмотрительный, и мудрый, и добрый, когда
увлекаетъ ихъ слѣпая судьба, не могутъ не быть злыми. А
ты говоришь, Питтакъ, что трудно быть добрымъ: дѣлаться
добрымъ конечно трудно, но возможно; напротивъ быть доб-
рымъ не возможно. *Всякій человѣкъ, поступающій хорошо,
добръ, а худо — золъ.* Но что называется добрымъ поступ-
345. комъ въ отношеніи къ грамотѣ? и что дѣлаетъ человѣка
добрымъ вразсужденіи ея? Разумѣется изученіе грамоты.
Какая добрая дѣятельность характеризуетъ добраго врача?
Разумѣется, умѣнье пользовать больныхъ. *А худо-золъ.* Но
кого назвали бы мы врачемъ худымъ? очевидно того, кому
прежде случалось носить имя врача, а потомъ — имя врача
хорошаго; слѣдовательно, который могъ бывать и худымъ.
Вотъ мы, невѣжды въ врачебномъ искуствѣ, не въ состояніи
дѣлать худо, ни какъ врачи, ни какъ плотники, ни какъ
B. другіе какіе нибудь люди въ этомъ родѣ. Кто, дѣлая худо,
не былъ бы врачемъ; того нельзя было бы назвать и худымъ
врачемъ. По этому добрый человѣкъ иногда можетъ сдѣ-
латься и худымъ, или отъ времени, или отъ скорби, или отъ
болѣзни, или отъ какого нибудь другаго несчастія; потому
что единственное худое дѣйствіе есть лишеніе знанія: на-
противъ человѣкъ худой никогда не сдѣлается худымъ; по-
тому что онъ всегда худъ. Чтобы сдѣлаться худымъ, ему
надлежало бы сперва сдѣлаться хорошимъ. Стало быть и то
C. выраженіе пѣсни указываетъ на прежнюю мысль, что добро-

[1] Кто былъ и какъ назывался этотъ поэтъ — неизвѣстно. Приведенный здѣсь стихъ встрѣчается также у *Ксенофонта* (Memorab. Socr. I, 2. 20) и вѣроятно принадлежитъ какому-нибудь гномическому поэту. См. *Hermann.* ad Sophocl. Antig. v. 364.

му человѣку невозможно постоянно быть добрымъ; но возможно одному и тому же дѣлаться и добрымъ и худымъ. *Болѣе же всѣхъ бываютъ добрыми тѣ, которыхъ любятъ боги.* Что все это было говорено противъ Питтака, еще болѣе подтверждается дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсни. Симонидъ говоритъ: *По этому я не предаю своей жизни суетной и несбыточной надеждѣ, ища того, что невозможно, — совершенно непорочнаго человѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ далеко населенной земли: если же найду его; то возвѣщу вамъ.* Такъ сильно и во всей своей пѣсни D.
нападаетъ онъ на изрѣченіе Питтака. *Я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно* [1], *кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго: а съ необходимостію и боги не воюютъ* [2]. Вотъ и это сказано для прежней цѣли: вѣдь Симонидъ не былъ столь простъ, чтобы вызывался хвалить человѣка, который охотно не сдѣлалъ ничего худаго, какъ будто есть люди, охотно дѣлающіе зло. Я думаю почти такъ, что ни одному мудрецу не приходило въ умъ, будто человѣкъ грѣшитъ охотно [3], и охотно совершаетъ постыдные, или худые поступки. Мудрые E.
люди знали, что всѣ, дѣлающіе постыдное и худое, дѣлаютъ

---

[1] *Я хвалилъ бы и любилъ всякаго охотно, кто не дѣлалъ бы*, и пр. Моментъ, къ которому Сократъ направляетъ свое объясненіе, въ русскомъ переводѣ удержанъ быть не можетъ. Погречески стоитъ: πάντας δὲ ἐπαίνημι καὶ φιλέω ἑκὼν ὅςτις ἔρδῃ и пр. Вопросъ о словѣ ἑκών: относить ли его къ глаголамъ ἐπαίνημι καὶ φιλέω, или къ глаголу ἔρδῃ; въ подобныхъ случаяхъ Греки не раздѣляютъ рѣчи запятою.

[2] Выраженіе: съ необходимостію и боги не воюютъ, ἀνάγκῃ δ' οὐδὲ θεοὶ μάχονται,—было у Грековъ пословицею Ср. Legg. VII. 818. A. *Liban.* Epist. 552. p. 269. καὶ θεῶν ἀνάγλη κρείττων, ὡς ὁ τῶν σοφῶν λόγος.

[3] Это ученіе Сократа, по видимому, ведетъ къ фатализму: но самая цѣль настоящаго разговора доказываетъ противное. Ниже говорится, что заблужденіе есть плодъ незнанія; а кто знаетъ и однакожъ грѣшитъ, для того грѣхъ есть уже не зло, а добро; слѣдовательно онъ въ сознаніи дѣлаетъ охотно не какъ первое, а какъ послѣднес. Само собою явствуетъ, что это усиліе ума согласить владычество грѣха съ свободою человѣка весьма слабо: но мудрецъ — язычникъ и не могъ сказать ничего лучше. Платонъ въ рѣшеніи этого вопроса простерся далѣе Сократа. Въ его ученіи по крайней мѣрѣ есть основаніе, накоторомъ можно было психологически изслѣдовать причину человѣческой на клонности къ грѣхамъ и заблужденіямъ. Необходимость грѣшить для человѣка мыслящаго во всѣ времена долженствовала быть урокомъ очень поучительнымъ.

это невольно. Стало быть и Симонидъ не говоритъ, что онъ хвалилъ бы того человѣка, который охотно не дѣлаетъ зла, но слово *охотно* относитъ къ самому себѣ, — въ той мысли, что прекрасный и добрый человѣкъ не рѣдко принуждаетъ
346. себя быть чьимъ-нибудь другомъ и хвалителемъ; равно какъ нерѣдко случается человѣку имѣть жестокихъ отца, мать, отечество, и другое тому подобное. Люди порочные, если случается съ ними что нибудь подобное, смотрятъ на это какъ бы съ удовольствіемъ, и своею хулою выказываютъ и обвиняютъ порочность родителей, или отечества, чтобы другіе не обвиняли и не порицали ихъ самихъ за нерадѣніе
B. о родителяхъ и отечествѣ; такъ что хулятъ ихъ еще болѣе и къ необходимой враждѣ присоединяютъ произвольную. Напротивъ добрые принуждаютъ себя скрывать многое и хвалить родителей и отечество: если же, бывъ оскорблены, и досадуютъ на нихъ; то заставляютъ себя одуматься и примириться съ ними, даже любить ихъ. Мнѣ кажется, нерѣдко и самъ Симонидъ не по охотѣ, а по неволѣ признавалъ нужнымъ хвалить и прославлять тирана [1], или другаго ему по-
C. добнаго. Потому-то онъ говоритъ и Питтаку: *Я не для того хулю тебя, что люблю хулить. Меня удовлетворилъ бы человѣкъ, только что не худой, но и не совершенно несмысленный, а здраво мыслящій, знающій законную пользу общества. Я не сталъ бы порицать его, потому что не расположенъ къ порицанію. Роды глупыхъ безчисленны*, и кто находилъ бы удовольствіе бранить ихъ, тотъ набранился бы досыта. *Все прекрасно, къ чему не примѣшалось постыдное.*
D. Эти слова имѣютъ не такой смыслъ, какъ будто бы онъ сказалъ: все бѣло, къ чему непримѣшалось черное; иначе это было бы очень смѣшно. Нѣтъ, для него довольно и средины, чтобы не хулить. Не ищу, говоритъ онъ, *совершенно непорочнаго человѣка между людьми, питающимися отъ плодовъ*

---

[1] Здѣсь указывается, можетъ быть, на Іерона, при дворѣ котораго Симонидъ нѣсколько времени находился, или на Скопаса, которому написалъ эту самую пѣснь. *Xenoph.* Hier. init.

далеко населенной земли: если же найду его; то возвѣщу вамъ. То-есть, мнѣ не придется никого хвалить за это: но чтобы имѣть причину любить и хвалить всѣхъ, для меня довольно было бы и одной средины, то-есть, недѣланія зла. Въ настоящемъ случаѣ Симонидъ употребляетъ нарѣчіе Митиленянъ, какъ бы говоря Питтаку: я готовъ любить и хвалить E.
всякаго охотно (здѣсь слово *охотно* надобно отдѣлить отъ дальнѣйшаго выраженія), кто не дѣлалъ бы ничего постыднаго; но есть и такіе, которыхъ я люблю и хвалю неохотно. И такъ я никогда не порицалъ бы тебя, если бы твои слова были хоть отчасти приличны и вѣрны: но такъ какъ ты при- 347.
нимаешь за истину явную ложь, да еще и вразсужденіи важнаго предмета; то я порицаю тебя. Вотъ какая мысль, Продикъ и Протагоръ, по моему мнѣнію, была въ умѣ Симонида, когда онъ писалъ свое сочиненіе!

Хорошо и ты, Сократъ, объяснилъ Симонидову пѣснь, сказалъ Иппіасъ; но у меня есть на тотъ же предметъ пре- B.
восходная рѣчь, которою, если хотите, я подѣлюсь съ вами.—Конечно, Иппіасъ, примолвилъ Алкивіадъ; но только послѣ: а теперь должны сдержать свое слово Протагоръ и Сократъ. Если Протагору угодно еще спрашивать; то Сократъ будетъ отвѣчать: а когда первый хочетъ отвѣчать,— послѣдній пусть предлагаетъ вопросы.—Предоставляю Протагору, сказалъ я, избрать, что ему пріятнѣе. Пожалуй, мы C.
оставимъ разсужденіе о пѣсняхъ и поэмахъ, и съ удовольствіемъ приведемъ къ концу изслѣдованіе того предмета, о которомъ я прежде спрашивалъ тебя, Протагоръ. При томъ, разговоръ о стихотвореніяхъ, мнѣ кажется, приличнѣе на пирахъ пустыхъ и площадныхъ людей, которые, не будучи въ состояніи бесѣдовать сами по себѣ отъ пьянства, а собственнымъ языкомъ и своими словами — отъ невѣжества, дорого платятъ флейщицамъ, высоко цѣнятъ чужіе звуки ин- D.
струментовъ и бесѣдуютъ другъ съ другомъ ихъ тонами. Напротивъ, когда собираются собесѣдники хорошіе, добрые и образованные; то у нихъ не увидишь ни флейщицъ, ни тан-

цовщицъ, ни пѣвицъ; потому что они, и безъ этихъ без дѣ-
локъ и ребячества могутъ бесѣдовать одинъ съ другимъ са-
ми по себѣ, собственнымъ голосомъ, то говоря, то слушая,—
и все это въ порядкѣ, хотя бы случилось имъ выпить и мно-
E. го вина. Это самое надобно сказать и о собраніяхъ подоб-
ныхъ настоящему, если въ нихъ находятся такіе люди, ка-
ковы теперь многіе изъ насъ: они не имѣютъ нужды въ чу-
жомъ голосѣ и въ поэтахъ, которыхъ нельзя спросить, о чемъ
у нихъ говорится, и которыхъ словамъ одни въ своихъ раз-
сужденіяхъ приписываютъ такой смыслъ, другіе—другой, а
все отъ того, что толкуютъ о предметѣ неразрѣшимомъ. Лю-
348. ди умные оставляютъ такія бесѣды и разговариваютъ сами
отъ себя, испытывая одинъ другаго и подвергаясь испыта-
нію посредствомъ собственныхъ своихъ словъ. Имъ-то, ка-
жется, особенно должны подражать я и ты, и, оставивъ поэ-
товъ, бесѣдовать сами отъ себя—съ намѣреніемъ найти ис-
тину и испытать другъ друга. Если хочешь, продолжай спра-
шивать,—я готовъ отвѣчать тебѣ: а не то,—отвѣчай мнѣ,
B. чтобы привесть къ концу прерванный разговоръ. Но выслу-
шавъ это и подобное этому, Протагоръ не обнаруживалъ же-
ланія избрать то или другое. Тогда Алкивіадъ, обратившись
къ Калліасу, сказалъ: думаешь ли ты, что Протагоръ и те-
перь хорошо дѣлаетъ, не объявляя, будетъ ли онъ отвѣчать,
или нѣтъ?—Я не думаю; пусть или разговариваетъ, или
скажетъ, что не хочетъ, мы должны знать это; потому что
въ послѣднемъ случаѣ, или Сократъ, или иной охотникъ бу-
C. детъ бесѣдовать съ кѣмъ нибудь другимъ.—Протагоръ, при-
стыженный, какъ мнѣ показалось, словами Алкивіада, прось-
бою Калліаса, да и другихъ присутствующихъ, согласился
наконецъ продолжать разговоръ и, изъявивъ желаніе отвѣ-
чать, приказалъ предлагать себѣ вопросы.

За тѣмъ я сказалъ: не думай, Протагоръ, что мои вопросы будутъ направлены къ какому нибудь предмету, кромѣ того, въ которомъ я всякій разъ сомнѣваюсь и который хочу

изслѣдовать. По моему мнѣнію, Омиръ весьма правильно D.
говоритъ, что

Какъ скоро двое идутъ, то одинъ предъ другимъ вымышляетъ;

потому что всѣ вмѣстѣ мы какъ-то способнѣе къ каждому дѣлу, слову и мысли:

Одинъ же хотя бы и мыслилъ, [1]—

тотчасъ идетъ и ищетъ пока не нападетъ, кому бы сообщить свою думу и съ кѣмъ бы разобрать дѣло. Такъ-то и я охотнѣе говорю съ тобою, нежели съ другимъ, въ той увѣренности, что ты гораздо лучше можешь изслѣдовать, какъ все вообще, подлежащее разсмотрѣнію порядочнаго человѣка,
такъ и самую добродѣтель. На кого положиться, какъ не на E.
тебя, когда ты думаешь, что не только самъ хорошъ и добръ, но можешь и другихъ сдѣлать хорошими и добрыми? Иные, сами по себѣ,—и порядочные люди, да не умѣютъ дѣлать другихъ такими же: а ты и самъ добръ, и другихъ можешь дѣлать добрыми. Ты столько увѣренъ въ себѣ, что, — между тѣмъ какъ прочіе скрываютъ это искусство,—въ слухъ всей
Греціи провозглашаешь себя софистомъ, преподавателемъ 349.
науки и добродѣтели, и первый требуешь за то награды. Какъ же не обратиться къ тебѣ для подобныхъ изслѣдованій? Какъ не спросить тебя, не сообщиться съ тобою? Не знаю, какъ. По этому мнѣ хотѣлось бы теперь, чтобъ изъ того, о чемъ я прежде спрашивалъ тебя, иное ты привелъ мнѣ на память, иное разсмотрѣлъ вмѣстѣ со мною. Вопросъ, кажется, былъ такой: мудрость, разсудительность, мужество, справедливость и святость, суть ли только пять названій одной вещи, или подъ каждымъ названіемъ разумѣется особенная сущность и вещь, имѣющая свое частное значеніе, и существующая особо, не какъ другая? Ты сказалъ тогда, что это названія не одной вещи, но что каждое изъ нихъ соот-

[1] *Какъ скоро двое идутъ, то....* и пр., извѣстное мѣсто Иліады X. 224. *Σὺν τε δύ' ἐρχομένω, καί τε πρὸ ὃ τῳ ἐνόησεν Ὅππως κέρδος ἔῃ· μοῦνος δ' εἴπερ τε νοήσῃ Ἀλλά τε οἱ βράσσων τε νόος, λεπτὴ δέ τε μῆτις.*

вѣтствуетъ отдѣльно своей собственной, и что всѣ эти вещи
C. суть части добродѣтели—не въ томъ смыслѣ, какъ части золота, подобныя однѣ другимъ и цѣлому, коего онѣ части; но какъ части лица, не похожія ни на цѣлое, коего онѣ части, ни одна на другую, но имѣющія особенныя свои значенія. Если ты и теперь думаешь такъ же, какъ прежде,—скажи; а когда иначе,—опредѣли. Я не поставлю тебѣ въ вину и дру-
D. гаго отвѣта; ибо не удивляюсь, что тогда ты, можетъ быть, хотѣлъ только испытать меня.—Я повторяю, Сократъ, отвѣчалъ онъ, что всѣ эти вещи суть части добродѣтели, и что четыре изъ нихъ дѣйствительно близки одна къ другой, но мужество есть нѣчто отличное. Въ вѣрности словъ моихъ ты можешь легко удостовѣриться; потому что найдешь много людей самыхъ несправедливыхъ, самыхъ нечестивыхъ, самыхъ безразсудныхъ и глупыхъ, которые однакожь отличаются мужествомъ.—Постой, сказалъ я, вотъ это-то и надоб-
E. но изслѣдовать [1]. Мужественными называешь ты смѣлыхъ, или кого другаго?—Да, и отважныхъ, отвѣчалъ онъ, которые смѣло приступаютъ къ тому, чего многіе боятся. — Пусть такъ; но добродѣтель почитаешь ты чѣмъ-то прекраснымъ? и не по тому ли выдаешь себя за наставника въ ней, что она есть нѣчто прекрасное?—Прекраснѣйшее, отвѣчалъ онъ, если я не сошелъ съ ума.—Однако все ли въ ней прекрасно, спросилъ я, или иное постыдно, а иное прекрасно?—Все до крайности прекрасно.—Знаешь ли, кто смѣло погру-
350. жается въ колодезь?—Разумѣется, водолазъ.—По тому ли, что умѣетъ, или по чему другому?—По тому, что умѣетъ.—Кто смѣло сражается на конѣ, конный или пѣшій?—Конный.—А кто съ короткимъ щитомъ, легко вооруженный, или

---

[1] Изслѣдованіе идетъ такъ: добродѣтель, говоритъ Сократъ Протагору, почитаешь ты дѣломъ прекраснѣйшимъ; а мужество называешь нѣкоторою самоувѣренностію и смѣлостію. Но самоувѣренность должна быть соединена съ знаніемъ, потому что иначе она была бы безразсудствомъ и изступленіемъ, слѣдовательно не стоила бы имени добродѣтели. Стало быть мужество, какъ добродѣтель, должно быть соединено съ знаніемъ, а потому содружественно со всѣми другими добродѣтелями.

нѣтъ?—Легко вооруженный. И, если угодно, сказалъ онъ, все
такимъ же образомъ.—Стало быть [1] знатоки смѣлѣе незна-
токовъ и смѣлѣе самихъ себя, когда выучились, чѣмъ были B.
прежде до ученья? Но видывалъ ли ты такихъ людей, спро-
силъ я, которые, не зная ничего этого, были однакожъ смѣлы
во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ?—Видывалъ, — даже слиш-
комъ смѣлыхъ.—И эти смѣльчаки то же мужественны?—О,
въ такомъ случаѣ мужество было бы дѣломъ постыднымъ,
отвѣчалъ онъ; потому что это люди изступленные.—Но что
сказалъ ты о мужественныхъ? спросилъ я; развѣ не то, что
они смѣлы?—Да; я и теперь говорю объ нихъ тоже самое
отвѣчалъ онъ.—И однакожъ эти смѣльчаки оказываются не C.
мужественными, а изступленными? между тѣмъ какъ прежде
самые мудрые названы самыми смѣлыми, а самые смѣлые—
самыми мужественными, откуда слѣдовало бы, что мужество
есть мудрость.—Не вѣрно припоминаешь, Сократъ, что я
говорилъ и отвѣчалъ тебѣ. Ты спросилъ: мужественные смѣ-
лы ли? Я отвѣчалъ: смѣлы. Но ты не спрашивалъ: смѣлые
мужественны ли? иначе на твой вопросъ было бы сказано, что
не всѣ. А что мужественныхъ я призналъ смѣлыми, этого D.
ты ни чѣмъ не опровергъ. Потомъ знатоковъ ты счелъ смѣ-
лѣе самихъ себя и тѣхъ, которые незнакомы съ извѣстнымъ
искусствомъ, и отсюда заключилъ, что мужество и муд-
рость—одно и тоже. Но продолжая идти этимъ путемъ, мо-
жно бы также вывесть слѣдствіе, что и крѣпость есть муд-
рость. Напримѣръ, положимъ, что ты сперва спросилъ бы
меня: крѣпкіе сильны ли? Я отвѣчалъ бы: да. Потомъ: умѣю-
щіе сражаться сильнѣе ли тѣхъ, которые не умѣютъ сра- E.
жаться, и сильнѣе ли самихъ себя, когда они выучились,
чѣмъ были до ученья? Я опять сказалъ бы: да. А какъ скоро

---

[1] *Стало быть знатоки....* эту рѣчь Штальбомъ влагаетъ въ уста Протагора. Но далѣе (D) Протагоръ явно приписываетъ эти слова Сократу. По этому *οἱ ἐπιστήμονες τῶν μὴ ἐπισταμένων-...* я читаю: *οἱ ἄρα ἐπιστήμονες....* и начинаю вопросъ Сократа (ибо это будетъ уже вопросительная рѣчь) словами: *Стало быть.*

я согласился бы въ томъ и другомъ; ты, основавшись на допущенныхъ мною положеніяхъ, могъ бы заключить, что, по моему сознанію, крѣпость есть мудрость. Между тѣмъ, допустивъ, что крѣпкіе сильны, я никакъ не могу допустить об-
351. ратнаго положенія, что сильные крѣпки: потому что сила и крѣпость — не одно и тоже; но первая, то-есть, сила, происходитъ и отъ знанія, и отъ изступленія, и отъ страсти, а крѣпость—отъ природы и хорошаго питанія тѣла. Равно и въ настоящемъ случаѣ, смѣлость и мужество—не одно и тоже. Естественно, что мужественные бываютъ смѣлы; но не всѣ смѣлые мужественны: потому что смѣлость происходитъ и отъ
B. искусства, и отъ гнѣва, и отъ изступленія, такъ же какъ и сила; а мужество—отъ природы и хорошаго питанія души.

Думаешь ли [1], Протагоръ, спросилъ я, что одни живутъ хорошо, а другіе худо?—Подтвердилъ.—Хорошо ли живетъ тотъ, кто проводитъ жизнь среди непріятностей и страданій?—Нѣтъ, сказалъ онъ.—А кто, проживши вѣкъ пріятно, наконецъ умеръ, тотъ хорошо ли жилъ, по твоему мнѣнію?—Хорошо, отвѣчалъ онъ.—Слѣдовательно жить пріятно, значитъ жить хорошо? а жить непріятно, значитъ жить не хо-
C. рошо?—Безъ сомнѣнія, если только жизнь находила удовольствіе въ прекрасномъ.—Какъ же, Протагоръ? Не почитаешь ли и ты, подобно многимъ другимъ, нѣкоторыхъ пріятностей зломъ, а нѣкоторыхъ непріятностей—добромъ? Я говорю вотъ что: отъ того ли нѣчто не добро, отъ чего пріятно, если отсюда не произойдетъ ничего другаго? И равнымъ образомъ, отъ того ли что нибудь не зло, отъ чего непріятно?—Не знаю, Сократъ, сказалъ онъ, такъ же ли прямо, какъ ты

---

[1] Начинающееся здѣсь разсужденіе направлено къ опроверженію Протагора, который на томъ основаніи, что мужество часто замѣчается въ людяхъ самыхъ глупыхъ и несправедливыхъ, почиталъ эту добродѣтель отличною отъ всѣхъ прочихъ. Сократъ учитъ, что никто по своей волѣ не стремится къ страшному и опасному; а потому мужество соединено съ знаніемъ, равно какъ трусость съ незнаніемъ. Если же мужество состоитъ въ знаніи, то этимъ, очевидно, отвергается мнѣніе тѣхъ, которые мужественныхъ находятъ и между невѣждами.

спрашиваешь, долженъ я и отвѣчать, что пріятности всѣ—
добро, а непріятности всѣ—зло. Кажется безопаснѣе будетъ D.
не только для отвѣта, но и для всей моей жизни, когда скажу, что вопервыхъ есть пріятности, которыхъ нельзя назвать добромъ, а непріятности, которыя—никакъ не зло; вовторыхъ, есть пріятности—добро, а непріятности—зло;[1] въ третьихъ, есть нѣчто ни то ни сё—ни добро ни зло.—Пріятное, по твоему мнѣнію, спросилъ я, само ли причастно удовольствію, или производитъ его?—Само причастно, отвѣчалъ
онъ.—Такъ вотъ я и спрашиваю: нѣчто, какъ пріятное, есть E.
ли недобро? разумѣю: самое удовольствіе — есть ли недобро?—Изслѣдуемъ, Сократъ, какъ ты всегда говоришь: если изслѣдованіе приведетъ къ дѣлу и откроется, что пріятное и доброе—одно и тоже, согласимся; а если нѣтъ, то позволимъ себѣ сомнѣваться.—Но хочешь ли самъ давать направленіе изслѣдованію, или предоставляешь это мнѣ?—По праву те-
бѣ, отвѣчалъ онъ; потому что ты ведешь рѣчь.—Не такъ ли 352.
какъ-то, спросилъ я, можетъ быть это открыто? Кто, напримѣръ, хотѣлъ бы разсмотрѣть человѣка въ отношеніи къ его здоровью, или другимъ свойствамъ тѣла, а видѣлъ бы только его лице и оконечности рукъ; тотъ сказалъ бы: открой-ка и покажи мнѣ грудь и спину, чтобы я могъ разсмотрѣть тебя яснѣе. Того же и я хочу въ отношеніи къ изслѣдованію. Узнавъ твое мнѣніе о добромъ и пріятномъ, я считаю нужнымъ предложить тебѣ еще слѣдующій во-
просъ: открой-ка, Протагоръ, свою мысль; какъ ты ду- B.
маешь о знаніи? такъ ли, какъ многіе люди, или иначе? А люди большею частію понимаютъ его, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ ни силы, ни водительства, ни власти: не приписывая же ему ничего этого, полагаютъ, что человѣкъ, обладающій знаніемъ, управляется не имъ, но иными движителями,—то страстію, то удовольствіемъ, то скорбію, иногда лю-

---

[1] *Есть пріятности—добро, а непріятности—зло.* По гречески это — въ формѣ весьма сжатой: *ἔστι δ' ἃ ἔστι*—есть, что есть; но такой переводъ былъ бы теменъ.

бовію, а чаще страхомъ; слѣдовательно, знаніе почитаютъ
C. какъ бы рабомъ, котораго увлекаетъ все другое. Такъ ли и
ты думаешь о немъ, или признаешь его чѣмъ-то прекрас-
нымъ, и приписываешь ему силу управлять человѣкомъ? То
есть, кто узналъ бы добро и зло; тотъ не поддался бы дру-
гому внушенію и дѣлалъ бы только то, что приказываетъ зна-
ніе, почитая одинъ умъ достаточнымъ помощникомъ человѣ-
ка?—Кажется, надобно понимать такъ, какъ ты говоришь,
D. Сократъ, отвѣчалъ онъ. При томъ мнѣ болѣе, чѣмъ кому ни-
будь, было бы стыдно не поставлять мудрости и знанія выше
всѣхъ человѣческихъ дѣйствій.—Хорошо и справедливо,
Протагоръ, примолвилъ я. Но знаешь ли? многіе, невѣря мнѣ
и тебѣ, говорятъ, что часто люди свѣдущіе не хотятъ оправ-
дывать своихъ свѣденій самымъ дѣломъ и поступаютъ ина-
че; а когда я спросилъ бы ихъ: отъ чегожь это такъ? они
сказали бы: отъ того, что этими людьми управляетъ или
удовольствіе, или скорбь, или какая-нибудь другая изъ тѣхъ
E. причинъ, о которыхъ я недавно упоминалъ, и дѣлаютъ это
дѣятели, управляемые тою или другою изъ нихъ.—Мало ли,
Сократъ, и кромѣ того, неправды на языкѣ человѣческомъ!
сказалъ онъ.—Давай же убѣдимъ людей и научимъ ихъ, что
значитъ то состояніе, которое они называютъ служеніемъ
353. удовольствіямъ и недѣланіемъ лучшаго, хотя бы оно и по-
знано было. Правда, когда мы скажемъ: люди! вы неспра-
ведливо говорите, вы обманываетесь,—они, можетъ быть,
спросятъ насъ: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не
есть служеніе удовольствіямъ; то что же оно? скажите намъ,
какъ вы его называете?—Для чего, Сократъ, разсматривать
мнѣнія народа, который говоритъ, какъ случится?—Я ду-
B. маю, что это поможетъ намъ найти отношеніе мужества къ
другимъ частямъ добродѣтели. И если, по силѣ условія, мнѣ
будетъ позволено давать направленіе рѣчи; то слѣдуй за
мною и смотри, какъ прояснится предметъ нашего разгово-
ра: а когда тебѣ не угодно, пожалуй, оставимъ его.—Нѣтъ,
ты говоришь правду, сказалъ онъ, продолжай, какъ на-

чалъ.—И такъ, если бы спросили насъ, продолжалъ я, что C.
значитъ у васъ повиноваться удовольствіямъ? то мнѣ на-
длежало бы отвѣчать: слушайте, вотъ я и Протагоръ поста-
раемся объяснить вамъ это. Не то ли самое, люди, бываетъ
и съ вами, въ разсматриваемомъ состояніи, что не рѣдко
случается съ тѣми, которые, прельщаясь приманками пищи,
пьянства и сладострастія, и зная, что это худо, тѣмъ не ме-
нѣе предаются имъ?—Они подтвердили бы.—Потомъ я и ты
конечно опять спросили бы ихъ: Но по чему эти дѣйствія вы
называете худыми? по тому ли, что онѣ доставляютъ удо- D.
вольствіе минутное, слѣдовательно пріятны сами по себѣ?
или по тому, что влекутъ за собою болѣзни, нищету и дру-
гое тому подобное? или наконецъ по тому, что, хотя и не
приготовляютъ ничего худаго въ будущемъ, а только раду-
ютъ, однакоже радуютъ такого человѣка, который разумѣетъ
ихъ, какъ худое?[1] Можемъ ли мы, Протагоръ, ожидать отъ
нихъ другаго отвѣта, кромѣ того, что худое въ вышеупомя-
нутыхъ дѣйствіяхъ есть не минутное удовольствіе, а его
слѣдствія, то-есть, болѣзни и прочее?—Я думаю, что они от- E.
вѣчали бы не иначе, сказалъ онъ. — Но причина болѣзни
есть вмѣстѣ причина страданія, и причина нищеты есть
также причина страданія. Они, думаю, согласились бы?—
Протагоръ подтвердилъ.—Изъ этого не видите ли вы, люди,
что удовольствія, какъ я и Протагоръ говоримъ, почитают-
ся худымъ только по тому, что оканчиваются страданіемъ и
лишаютъ человѣка другихъ удовольствій? Они согласились
бы.—И намъ обоимъ показалось тоже самое.—Теперь спро- 354.
симъ ихъ о противуположномъ: Люди! когда вы утверждаете,

---

[1] *Однакожь радуютъ такого человѣка, который разумѣетъ ихъ, какъ худое*, *ὅμως δ' ἂν κακὰ ᾖν, ὅτι μαθόντα χαίρειν ποιεῖ καὶ ὁπῃοῦν*. Это мѣсто переводятъ весьма различно, и переводчики особенно затрудняются словомъ *μαθόντα*, а потому нѣкоторые читаютъ *παθόντα*, или еще *ἀμαρθόντα*. Но показанное выраженіе надобно понимать такъ, какъ бы стояло: *ὅμως δ' ἂν γινώσκοντα (μαθόντα), ὅτι πονηρόν ἐστι (κακὰ ᾖν) τὸ χαίρειν*. Подобнымъ образомъ выше. E. *ὑπὸ σίτων καὶ ποτῶν, καὶ ἀφροδισίων ἡδέων ὄντων, γινώσκοντες ὅτι πονηρά ἐστιν, ὅμως αὐτὰ πράττειν*.

что страданіе есть добро, не разумѣете ли подъ этимъ напримѣръ, тѣлесныхъ упражненій, воинскихъ подвиговъ, медицинскаго врачеванія посредствомъ выжиганій, вырѣзываній, принятія лѣкарствъ и пощенія? по тому что все это хотя и хорошо, однакожь болѣзненно. Они согласились бы.—
B. Конечно.—Но по тому ли вы называете эти бѣдствія добрыми, что онѣ производятъ крайнее страданіе и скорбь только въ настоящемъ, или по тому, что отъ нихъ зависитъ здоровье, благосостояніе тѣла, спасеніе городовъ, власть надъ другими городами и богатство въ будущемъ времени? Они вѣроятно допустили бы послѣднее.—Безъ сомнѣнія.—Слѣдовательно, эти дѣйствія суть блага не по другой какой причинѣ, а только по тому, что онѣ оканчиваются удовольствіями,
C. что ими прекращаются и отвращаются страданія? Или вы разумѣете другую цѣль, кромѣ удовольствій и страданій, по отношенію къ которой называете ихъ добрыми? Я не думаю, чтобы они подтвердили послѣднее.—И я также, сказалъ Протагоръ.—По этому вы гонитесь за удовольствіемъ, какъ за добромъ, и бѣгаете страданія, какъ зла? Они согласились бы.—Конечно.—И такъ, вы почитаете страданіе зломъ, а удовольствіе добромъ; между тѣмъ какъ прежде, и удовольствіе называли зломъ, если оно лишаетъ васъ удовольствій большихъ, чѣмъ само, или приготовляетъ страданія важнѣе
D. представляемыхъ имъ наслажденій. Впрочемъ, можетъ быть, вы по чему другому, для какой-нибудь иной цѣли называли удовольствіе зломъ? Въ такомъ случаѣ скажите намъ. Но вы не можете сказать.—И мнѣ кажется, что не могутъ отвѣчалъ Протагоръ.—Не такъ же ли опять надобно думать и о самомъ страданіи? Прежде не говорили ли вы, что страданіе—добро, по тому что имъ замѣняются страданія болѣе тѣхъ, какія есть въ немъ, или приготовляются удовольствія важнѣе настоящаго страданія? Впрочемъ, можетъ быть, у
E. васъ въ виду другая цѣль, по которой страданіе называется добромъ, а не та, о которой я говорю? въ такомъ случаѣ укажите намъ ее. Но вы не укажете.—Ты правъ, сказалъ Про-

тагоръ.—Далѣе, положимъ, вы спросите меня: къ чему же ты такъ много и съ разныхъ сторонъ разсматриваешь это? Прошу снисхожденія, отвѣчалъ бы я. Во-первыхъ: не легко показать, что значитъ то состояніе, въ которомъ, по вашему выраженію, человѣкъ служитъ удовольствіямъ; во-вторыхъ, въ этомъ именно и сосредоточивается вся сила доказательствъ. Я считаю нужнымъ и еще сказать вамъ: смотрите, называете ли вы добро чѣмъ-то отличнымъ отъ удовольствія, а зло—чѣмъ-то отличнымъ отъ страданія? или для васъ до- 355.
статочно прожить вѣкъ пріятно, безъ страданій? Если достаточно, и вы не знаете другаго добра или зла, которое не оканчивалось бы этимъ; то слушайте далѣе. Когда вы говорите, что нерѣдко человѣкъ, понимающій извѣстное дѣйствіе, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, хотя бы и могъ не совершать, потому что бываетъ побѣжденъ и возбуждается удовольствіями; когда вы говорите также, что че- B.
ловѣкъ, знающій добро, не хочетъ дѣлать его, повинуясь минутному удовольствію: то ваши слова я нахожу смѣшными. А что онѣ смѣшны, тотчасъ будетъ видно, какъ скоро мы перестанемъ называть предметы различными именами, напримѣръ, и пріятнымъ и непріятнымъ, и добромъ и зломъ; но, такъ какъ этихъ предметовъ найдено только два, будемъ означать ихъ и двумя названіями, то-есть, или всегда добромъ и зломъ, или всегда пріятнымъ и непріятнымъ. Усло- C
вившись такимъ образомъ, мы говоримъ, что человѣкъ, понимающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе совершаетъ его. Но пусть спросятъ насъ: по чему? По тому, скажемъ, что онъ побѣждается.—Чѣмъ побѣждается? спросятъ еще.—На это уже нельзя отвѣчать: удовольствіемъ; потому что вмѣсто слова «удовольствіе» мы приняли слово «добро». И такъ, остается только повторять: по тому что побѣждается.—Да чѣмъ же побѣждается? скажутъ намъ.—Ахъ, ради Зевса, добромъ.—Тогда, вопрошатель, если онъ любитъ уколоть, засмѣется и примолвитъ: забавныя вещи разсказываете вы! Человѣкъ, зная что зло есть зло, и что не должно дѣлать его, D.

увлекается къ совершенію зла добромъ! Но это добро стóитъ, или не стóитъ того, чтобъ имъ побѣждено было зло? спроситъ онъ. — Мы конечно будемъ отвѣчать: не стоитъ; по тому что иначе тотъ не погрѣшилъ бы, кто повиновался бы удовольствіямъ. — По чему же именно; спроситъ онъ, добро не стоитъ зла, или зло — добра? По тому ли, что одно больше, а другое меньше, одного много, а другаго не много?
E. Вѣдь намъ нечего сказать, кромѣ этого[1]. Стало быть явно, скажетъ онъ, что быть побѣжденнымъ, по вашему, значитъ принимать большее зло вмѣсто меньшаго добра? — Выходитъ такъ. — Теперь, перемѣнимъ имена, то-есть, означимъ тѣже предметы словами: пріятное и непріятное, и скажемъ: человѣкъ, знающій, что (прежде говорили: зло, а въ настоящемъ случаѣ пусть будетъ: непріятное) непріятное непріятно, тѣмъ не менѣе совершаетъ его, потому что побѣждается удовольствіями, хотя удовольствія очевидно не стоютъ быть по-
356. бѣдителями. И чѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствія[2] въ сравненіи съ страданіемъ, какъ не избыткомъ, или недостаткомъ котораго нибудь изъ нихъ, то-есть, тѣмъ, что одно больше, а другое меньше; одного много, другаго немного, одно выше, другое ниже? Положимъ, что кто нибудь скажетъ: Сократъ! настоящая пріятность и непріятность весьма от-

---

[1] ***Вѣдь намъ нечего сказать, кромѣ этого....*** Соотвѣтствующій этимъ словамъ греческій текстъ нѣсколько испорченъ Шлейермахеромъ и другими, подражавшими ему переводчиками, которые, вопреки авторитету лучшихъ списковъ, измѣнили интерпункцію Платоновой рѣчи. Надобно читать такъ: *ἢ ὅταν τὰ μὲν μείζω, τὰ δὲ σμικρότερα ᾖ, ἢ πλείω, τὰ δὲ ἐλάττω;*— *ᾗ* (переводимъ вѣдь) *οὐχ' ἔξομεν εἰπεῖν ἄλλο ἢ τοῦτο.*

[2] ***И чѣмъ опредѣляется цѣнность удовольствія.....*** погречески стоитъ: *καὶ τίς ἄλλη ἀναξία ἡδονή.....* Въ словѣ *ἀναξία*, не смотря на сомнѣніе Штальбома, который измѣняетъ его въ *ἀξία*, и Гейндорфа, по мнѣнію коего, надобно писать *ἀπαξία*, я не встрѣчаю никакого затрудненія, имѣя въ виду то, что Греки въ одномъ словѣ часто заключали два противоположныхъ понятія и въ такомъ случаѣ принимали его просто за выраженіе отношенія. См. примѣч. 119 и ниже: *τὸ παραχρῆμα ἡδύ*, гдѣ подъ словомъ *ἡδὺ* разумѣется *ἡδύ τε καὶ λυπηρόν*. Такимъ образомъ *ἀναξία* надобно разумѣть такъ: *ἀξία τε και ἀναξία*—цѣнность. Но вмѣсто *ἡδονή*, лучше читать *ἡδονῆς*; потому что прилагательное *ἀναξία* съ предшествующимъ *τίς ἄλλη* имѣетъ силу имени существительнаго.

лична отъ слѣдующей за тѣмъ пріятности и страданія. Я спрошу: въ чемъ же состоитъ это различіе, какъ не въ удовольствіи и страданіи? Инаго различія нѣтъ. Человѣкъ, умѣ- B.
ющій взвѣшивать, на одну тарелку вѣсовъ складываетъ пріятности, а на другую страданія, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и взвѣшивая ихъ, видитъ, что̀ перетягиваетъ. Если, то-есть, сравниваешь пріятности съ пріятностями, то избирай значительнѣйшія и бо̀льшія; если же — страданія съ страданіями, то—маловажныя и меньшія; а когда поставляешь въ сравненіе пріятное съ непріятнымъ,—поступай слѣдующимъ образомъ: какъ скоро пріятное выше непріятнаго, дальнѣйшее выше ближайшаго, или ближайшее выше дальнѣйшаго,—дѣлай его; напротивъ, какъ скоро пріятное пере- C.
силивается непріятнымъ,—не дѣлай его. Не таково ли отношеніе между ими, люди, сказалъ бы я? И они конечно согласились бы со мною?—Согласился и Протагоръ.—А если такъ, продолжалъ бы я, то отвѣчайте мнѣ: одна и таже величина кажется ли вашему взору вблизи бо̀льшею, а вдали мѐньшею, или не кажется?—Подтвердятъ.—Не тоже ли скажете вы о широкомъ и многочисленномъ? не тоже ли—о голосахъ, которые, будучи равны одинъ другому, вблизи представляются громкими, а вдали тихими? — И это подтвердили бы. — Но D.
если счастіе наше состоитъ съ одной стороны въ производствѣ и полученіи великихъ массъ, а съ другой, въ избѣжаніи и недѣланіи малыхъ; то гдѣ искать спасенія жизни? Въ искусствѣ ли измѣрять, или въ значеніи явленія? Послѣднее очевидно обманываетъ насъ, нерѣдко заставляя понимать одно и тоже различнымъ образомъ и колебаться въ дѣйствіяхъ и избраніи вещей великихъ и малыхъ. Однимъ только искусствомъ измѣрять обличается этотъ обманъ E.
чувствъ; одно оно, открывая истину, доставляетъ душѣ спокойствіе, устанавливаетъ ее въ истинѣ и спасаетъ жизнь. И такъ, искусство ли измѣрять, или какое другое искусство почли бы люди спасеніемъ жизни?—Искусство измѣрять, отвѣчалъ Протагоръ.—Положимъ же, что спасеніе нашей жи-

зни зависитъ отъ избранія того, что равно и неравно: но какъ скоро надлежало бы рѣшить, когда должно избрать большее, и когда меньшее, надобно ли разсматривать то и другое само по себѣ, или въ сравненіи съ иными вещами, надобно ли предпочесть близкое или отдаленное; то въ этомъ случаѣ, что спасло бы жизнь? не знаніе ли, не мѣра ли, какъ средство опредѣлять избытокъ и недостатокъ? И такъ какъ
357. это искусство имѣетъ дѣло съ равнымъ и неравнымъ; то не ариѳметика ли? Люди вѣроятно подтвердили бы это, или нѣтъ? — Конечно подтвердили бы, отвѣчалъ Протагоръ. — Хорошо, люди. Но если спасеніе жизни состоитъ въ правильномъ избраніи удовольствія и страданія, многаго и немногаго, большаго и меньшаго, дальнѣйшаго и ближайшаго; то подобное изслѣдованіе избытка, недостатка и взаимнаго равенства не представляется ли съ перваго взгляда мѣрою? — Необходимо. — А когда оно есть мѣра, то непремѣнно—искусство и знаніе?—Такъ, скажутъ они.—Опредѣлимъ же теперь значеніе этого искусства и знанія. Что оно есть знаніе, это достаточно видно изъ тѣхъ самыхъ отвѣтовъ,
C. которые я и Протагоръ давали на ваши вопросы. Помните, вы спрашивали: по чему оба мы согласны въ томъ, что нѣтъ ничего лучше знанія, что оно всегда господствуетъ и надъ удовольствіями и надъ всѣмъ другимъ, до чего касается, а сами утверждали, что удовольствіе часто владычествуетъ и надъ знающимъ человѣкомъ? Помните, когда мы не соглашались съ вами, вы спросили: Протагоръ и Сократъ! если это состояніе не есть служеніе удовольствіямъ; то что же
D. оно? Скажите намъ, какъ вы это называете? Мы конечно могли бы тогда же отвѣчать вамъ, что это просто незнаніе: но вы посмѣялись бы надъ нами; а теперь, пожалуй, смѣйтесь, — вы будете смѣяться и надъ самими собою, ибо сознались, что люди, ошибающіеся въ выборѣ удовольствій и страданій, — а это — добро и зло, — ошибаются по недостатку знанія, — и не просто знанія, но еще, какъ прежде
E. допущено вами, по недостатку науки измѣрять; дѣйствіе же

погрѣшительное, безъ знанія, какъ вамъ самимъ извѣстно, производится невѣжествомъ. И такъ, служить удовольствіямъ, значитъ находиться въ крайнемъ невѣжествѣ, коего врачами признаютъ себя Протагоръ, Продикъ и Иппіасъ. Между тѣмъ, думая, что это происходитъ отъ другой причины, а не отъ невѣжества, вы и сами не приходите, и дѣтей не присылаете къ этимъ учителямъ знанія. Вы заботитесь о деньгахъ; но не давая ихъ софистамъ, дѣлаете зло частное и общественное.—Вотъ что отвѣчали бы мы людямъ!

Теперь, послѣ Протагора, обращаюсь къ вамъ, Иппіасъ
и Продикъ, — пусть наше дѣло будетъ общимъ. — Скажите, 358.
правду ли я говорилъ, или неправду? — Всѣ совершенно согласились, что мои слова были справедливы. — Стало-быть вы допускаете, сказалъ я, что пріятное есть добро, а непріятное—зло. Мнѣ нѣтъ болѣе нужды въ Продиковомъ различеніи именъ. Назови это, почтеннѣйшій Продикъ, пріятнымъ, радостнымъ, веселымъ, или какъ тебѣ угодно иначе;
только въ отвѣтѣ давай своему названію такой смыслъ, B.
какого я хочу. — Продикъ, улыбнувшись, согласился, и другіе съ нимъ. — Такъ чтоже это, почтеннѣйшіе, спросилъ я? всѣ наши дѣйствія, клонящіяся къ безбѣдной и пріятной жизни, нельзя ли почесть прекрасными? А прекрасное дѣло не есть ли доброе и полезное? — Такъ. — Если же пріятное есть доброе, продолжалъ я; то человѣкъ, зная или думая,
что другое нѣчто — лучше того, что онъ дѣлаетъ, и воз- C.
можно для него, конечно не будетъ дѣлать того дѣла, когда въ своей власти имѣетъ лучшее? И не правда ли, что быть ниже самаго себя въ этомъ случаѣ, есть невѣжество, а выше самаго себя, — мудрость? — Всѣ согласились. — Чтожъ? По этому находиться въ невѣжествѣ, значитъ имѣть ложное мнѣніе и обманываться касательно дѣлъ великой важности? — И на это всѣ согласились. — Не справедливо ли также, сказалъ я, что никто добровольно не стремится къ злому, или къ тому, что почитаетъ злымъ? Да и неестественно,
кажется, человѣку, вмѣсто добра, желать того, что при- D.

знаетъ онъ худымъ. Если же кто-нибудь и поставляется въ необходимость избрать изъ двухъ золъ одно; то вѣрно не изберетъ бо̀льшаго, когда возможно мѐньшее. — Это также всѣмъ намъ показалось. — Чтожъ? допускаете ли вы боязнь и страхъ? и такъ же ли, какъ я (это къ тебѣ относится, Продикъ), почитаете это какимъ-то ожиданіемъ зла? — называйте его боязнію или страхомъ, все равно. — Протагоръ и Иппіасъ согласились, что боязнь и страхъ это самое; но Продикъ сказалъ, что такимъ образомъ надлежало опредѣ-
E. лить боязнь, а не страхъ. — Ничего, Продикъ, возразилъ я; дѣло въ томъ, справедливо ли сказанное прежде? то-есть, захочетъ ли человѣкъ идти къ тому, чего боится, когда отъ него зависитъ стремиться къ предмету, не внушающему страха? или, послѣ того, съ чѣмъ мы согласились, это невозможно? Прежде было допущено, что чего мы боимся, то почитаемъ зломъ; а что почитаемъ зломъ, того не ищемъ и
359. добровольно не получаемъ. — Это показалось всѣмъ.

Но когда такъ, Продикъ и Иппіасъ; то пусть теперь Протагоръ защищаетъ справедливость первыхъ своихъ отвѣтовъ, — не самыхъ первыхъ, которыми допускалось пять частей добродѣтели, не похожихъ одна на другую и имѣющихъ свои особенныя значенія; нѣтъ, я разумѣю не тѣ, а послѣдующія. Въ послѣдствіи онъ говорилъ, что четыре добродѣтели дѣйствительно близки одна къ другой; но пятая,
B. то-есть мужество, весьма отлична отъ нихъ. Ты можешь, Сократъ, видѣть это изъ того, сказалъ онъ, что есть люди самые нечестивые, самые несправедливые, самые безразсудные и глупые, которые однакожъ очень мужественны, и отсюда заключить, что мужество весьма отлично отъ прочихъ частей добродѣтели. Я тогда же былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ (а еще болѣе удивился, изслѣдовавъ его вмѣстѣ съ вами) и по тому спросилъ Протагора: не смѣлыхъ ли называетъ онъ мужественными? даже отважныхъ, отвѣчалъ
C. онъ. Помнишь ли ты это, Протагоръ? — Помню. — Скажи же намъ, спросилъ я, предъ чѣмъ отважны мужественные?

предъ тѣмъ ли, предъ чѣмъ и трусы? — Нѣтъ, отвѣчалъ
онъ. — Значитъ, предъ инымъ чѣмъ-нибудь? — Да, сказалъ
онъ. — Можетъ быть трусы отважны предъ тѣмъ, что тре-
буетъ смѣлости, а мужественные предъ тѣмъ, что страш-
но? — Люди такъ говорятъ, Сократъ. — Правда, примолвилъ D.
я; но не о томъ рѣчь: мнѣ нужно знать, предъ чѣмъ отваж-
ны мужественные, именно по твоему мнѣнію? предъ тѣмъ
ли, что страшно, и что почитаютъ они страшнымъ, или
предъ тѣмъ, что нестрашно? — Но это-то, сказалъ онъ, по
смыслу недавнихъ твоихъ доказательствъ, невозможно. —
И то правда: если же слова мои вѣрны, то никто не захочетъ
приближаться къ тому, что почитаетъ страшнымъ, развѣ
невѣжество заставитъ кого нибудь быть ниже себя. — Со-
гласился. — Но, всѣ трусы и мужественные отваживаются
на то, что требуетъ смѣлости; слѣдовательно, и трусы и му-
жественные стремятся къ одному. — Нѣтъ, Сократъ, совер- E.
шенно напротивъ: трусы стремятся вовсе не къ тому, къ
чему мужественные: напримѣръ, одни хотятъ идти на войну,
а другіе не хотятъ. — Но прекрасно ли идти на войну, или
постыдно? — Прекрасно, отвѣчалъ онъ. — А прежде мы со-
гласились, что прекрасное есть вмѣстѣ и доброе; ибо всѣ
прекрасныя дѣйствія, сказали мы, суть также и добрыя дѣй-
ствія. — Справедливо; я всегда такъ думаю. — Хорошо, 360.
примолвилъ я; которые же, по твоему мнѣнію, не хотятъ
идти на войну, когда это дѣло прекрасное и доброе? — Тру-
сы, отвѣчалъ онъ. — Но прекрасное и доброе есть вмѣстѣ
и пріятное? спросилъ я. — Согласенъ, сказалъ онъ. — Чтожъ,
трусы съ сознаніемъ ли не хотятъ того, что находятъ пре-
краснымъ, добрымъ и пріятнымъ. — Если мы согласимся
на это, сказалъ онъ, то поставимъ себя въ противорѣчіе съ
прежде допущенными положеніями. — А мужественный? не
къ тому ли идетъ онъ, что находитъ прекраснымъ, добрымъ
и пріятнымъ. — Необходимо согласиться, отвѣчалъ онъ. —
По этому мужественные, боясь чего нибудь, боятся не по- B.
стыднаго страха, и обнаруживаютъ смѣлость не постыдною

отвагою? — Правда, сказалъ онъ. — Если же то и другое не
постыдно, — значитъ прекрасно? — Согласенъ. — А когда
это дѣло прекрасное, то и доброе? — Такъ. — Слѣдовательно
и трусы, и смѣльчаки, и изступленные, боятся постыднаго
страха и оказываютъ постыдную смѣлость? — Согласенъ. —
Но отваживаются они на постыдное и злое по другой ли
какой причинѣ, или по незнанію и невѣжеству? — По незна-
C. нію и невѣжеству, отвѣчалъ онъ. — Чтожь теперь? То, по
чему трусы — трусы, называешь ты трусостію, или муже-
ствомъ? — Трусостію, отвѣчалъ онъ. — А трусовъ не потому
ли назвали мы трусами, что они не знаютъ, что страшно? —
Конечно по тому, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, трусы быва-
ютъ трусами отъ невѣжества? — Согласенъ. — Но трусостію
ты согласился назвать то, отчего трусы—трусы? — Подтвер-
дилъ. — Именно, трусость есть незнаніе того, что страшно
D. и не страшно? — Одобрилъ. — А трусости противно муже-
ство? — Такъ. — Слѣдовательно, мудрость касательно того,
что страшно и нестрашно, противно незнанію этихъ ве-
щей? — И это еще одобрилъ. — Незнаніе же ихъ есть тру-
сость?— На это уже едва отвѣчалъ. — Стало-быть, мудрость
относительно того, что страшно и нестрашно, есть муже-
ство, такъ какъ оно противуположно незнанію этихъ ве-
щей? — Тутъ Протагоръ не хотѣлъ даже подать знакъ со-
гласія и замолчалъ. А я продолжалъ: Что же, Протагоръ?
и не подтверждаешь и не отвергаешь? — Самъ кончи, ска-
E. залъ онъ. — Позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ, примол-
вилъ я: не думаешь ли ты и теперь, какъ думалъ прежде,
что между людьми есть величайшіе невѣжды, которые одна-
кожь очень мужественны? — Тебѣ, сказалъ онъ, кажется,
сильно хочется, чтобы я отвѣчалъ: изволь, признаюсь, что
прежде допущенныя мною положенія не позволяютъ мнѣ от-
вѣчать на это положительно.— Но я спрашивалъ тебя не для
чего инаго, а только для того, чтобы изслѣдовать все, отно-
сящееся къ добродѣтели, и въ чемъ состоитъ самая добродѣ-
361. тель. Знаю, что по раскрытіи этого, совершенно объясни-

лось бы и то, о чемъ мы оба такъ долго разсуждали: я, — что учить добродѣтели невозможно; ты, — что она изучима. А теперь результатъ нашего разговора представляется мнѣ въ видѣ доносчика, или насмѣшника; онъ, если бы могъ говорить, сказалъ бы: какъ вы странны, Сократъ и Протагоръ! Ты, Сократъ, прежде утверждалъ, что добродѣтели учить нельзя, а теперь хочешь противнаго тому,—усиливаешься доказать, что всѣ виды добродѣтели,—и справедливость, и разсудительность, и мужество, суть знаніе; но вѣдь отсюда слѣдуетъ, что всѣ онѣ могутъ быть предметомъ науки. Если бы добродѣтель была не знаніе, а что-нибудь другое, какъ доказывалъ Протагоръ; то она, очевидно, не могла бы быть изучимою: но такъ какъ, соотвѣтственно твоему домогательству, Сократъ, она — знаніе; то странно, отъ чего бы ей не быть предметомъ науки. Равнымъ образомъ, Протагоръ прежде полагалъ, что добродѣтель изучима, а теперь домогается, по видимому, противнаго, и лучше соглашается называть ее почти всѣмъ, лишь бы только не знаніемъ. Но C.
подъ этимъ условіемъ она никакъ не можетъ быть предметомъ науки. Обозрѣвая такимъ образомъ все съ начала до конца, и встрѣчая ужасныя противорѣчія, я сильно желаю распутать ихъ, и хотѣлъ бы, послѣ прежнихъ нашихъ изслѣдованій, опредѣлить: что такое добродѣтель? а потомъ опять разсмотрѣть: изучима ли она, или нѣтъ? Пусть тотъ Эпиметей не вводитъ насъ въ обманъ при изслѣдованіи, какъ D.
онъ, по твоимъ словамъ, обошелъ насъ при раздѣлѣ. Мнѣ, и въ притчѣ, Прометей нравится больше Эпиметея. Руководствуясь имъ и желая быть предусмотрительнымъ [1] въ цѣлой своей жизни, я располагаю всѣми своими дѣлами и, если хочешь, съ удовольствіемъ буду изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою предметъ нашего разсужденія, какъ обѣщался сначала.—Твое усердіе, Сократъ, и искуство весть разговоръ— похвальны, отвѣчалъ Протагоръ. Впрочемъ и я, думаю,—че- E.

[1] Предусмотрительнымъ—Προμηθούμενος. Здѣсь очевидно аллюзія къ слову Προμηθεύς; но по русски выдержать ее нельзя.

ловѣкъ нехудой, а особенно независтливъ: говорю многимъ, что изъ всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаюсь, и преимущественно изъ сверстниковъ твоихъ, болѣе уважаю тебя, и не удивляюсь, что ты будешь принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ мужей по своей мудрости. Что же касается до предлагаемаго тобою предмета, то изслѣдуемъ его, если хочешь, послѣ: а
362. теперь время обратиться къ чему нибудь другому. — Пусть будетъ такъ, какъ тебѣ угодно, сказалъ я: при томъ, и мнѣ давно уже пора идти, и только благодаря любезному Калліасу, я доселѣ оставался здѣсь. — Послѣ этихъ обоюдныхъ объясненій, мы разстались.

ЭВТИДЕМЪ.

ЭВТИДЕМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Платоновыхъ сочиненіяхъ можно различать два главные рода софистовъ. Одни изъ нихъ любили блистать краснорѣчіемъ и часто увлекали имъ слушателей. Обыкновеннымъ дѣломъ такихъ ораторовъ было — изысканною пышностію выраженій возвышать въ глазахъ толпы самые низкіе предметы и придавать имъ видъ чего-то важнаго. Въ обиліи и неистощимости своего слова они были такъ увѣрены, что смѣло вызывались говорить сколько угодно и о какомъ угодно предметѣ, запросто являлись на площади, или въ народныхъ собраніяхъ, и требовали себѣ темы для рѣчи. Этимъ ремесломъ особенно отличались Горгіасъ, Иппіасъ и другіе. Но были и такіе софисты, которые, не отказываясь отъ способности говорить краснорѣчиво, преимущественно однакожь вдавались въ діалектическія умствованія и чрезъ нихъ-то думали проложить себѣ путь къ славѣ. Вождемъ этихъ умствователей былъ Протагоръ Абдерскій [1]. Его искуство, въ самомъ началѣ почти шутовское, получило большой вѣсъ, когда онъ вышелъ съ нимъ на площадь, сталъ управлять народнымъ мнѣніемъ и сво-

[1] По свидѣтельству *Діогена Лаерція* (IX, 52), онъ первый ввелъ въ обыкновеніе ученыя состязанія и охотниковъ до спора познакомилъ съ софизмами. Онъ же, на зло здравому смыслу, началъ извращать значеніе словъ и былъ отцемъ эристики. См. Svid. v. Πρωτ.

имъ примѣромъ сдѣлалъ то, что многіе начали смотрѣть на діалектику, какъ на сильнѣйшую подручницу политики [1]. Съ того времени во всей Греціи, а особенно въ Аѳинахъ, появилось множество людей, которые и жизнь и труды свои посвящали исключительно волшебному искуству властвовать надъ умами посредствомъ діалектическихъ тонкостей. Это бы конечно еще не бѣда, если бы цѣлію подобныхъ упражненій было направлять сердца къ благу, распространять и укоренять въ народѣ правила хорошей нравственности и повиновенія властямъ: но, къ сожалѣнію, діалектика, наука сама по себѣ полезная, въ рукахъ легкомыслія и невѣжества вскорѣ превратилась въ презрѣнное орудіе тщеславія, скептицизма и шарлатанства. Мѣсто тихихъ и спокойныхъ изслѣдованій заступили жаркія пренія и споры; съ каждымъ днемъ проповѣдывались новыя нелѣпости, доказывалась новая ложная мысль; и даже между наставниками здравой философіи, стали появляться такіе люди, которые, отложивъ въ сторону всякое сочувствіе къ истинѣ, заботились единственно о рукоплесканіяхъ черни и въ злоупотребленіи мудрости дошли до того, что рѣшались опровергать каждое чужое положеніе и защищать каждый парадоксъ, вопреки здравому смыслу [2]. Успѣхамъ ихъ способствовало самое начало, изъ котораго большею частію вытекали ихъ заключенія, и которое весьма хорошо соотвѣтствовало тогдашнему умственному направленію Грековъ. Оно состояло въ томъ, что о всѣхъ вещахъ, падающихъ подъ обманчивое чувство, какъ не-

---

[1] *Cicer.* Brut. 12. *Quint.* instit. III. 1. 12. Протагоръ равнымъ образомъ успѣвалъ и въ знаменитомъ ремеслѣ: *τὰ ἥττω κρείττω ποιεῖν* — особенно посредствомъ искусной діалектики. *Gell.* Noct. Att. V. 3. 7.

[2] Отъ софистической діалектики надобно отличать особенный родъ умствованій Мегарской школы. Правда и Мегарцы иногда любили вдаваться въ парадоксы, строить ложные силлогизмы и выводить нелѣпыя заключенія: но цѣль ихъ была всегда благородная — прояснить вопросы существенно философскіе.

надежное мѣрило личнаго опыта, можно съ одинаковою вѣрностію говорить и да и нѣтъ [1].

Такихъ-то софистовъ Платонъ изображаетъ въ своемъ Эвтидемѣ и преслѣдуетъ всею колкостію сатиры. Въ этомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену двухъ братьевъ, Эвтидема и Діонисіодора, и изъ примѣра ихъ позволяетъ видѣть читателю, что значили люди, выдававшіе себя у Грековъ за учителей мудрости и добродѣтели. Впрочемъ, прежде нежели войдемъ въ подробности касательно содержанія и цѣли Эвтидема, полезно будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о разговаривающихъ въ немъ лицахъ, и показать, что раскрытіе ихъ мнѣній важно не только для оцѣнки софистовъ, но и для поясненія Протагоровой эристики.

О жизни и занятіяхъ Эвтидема и Діонисіодора извѣстно изъ многихъ источниковъ [2]. Отечествомъ ихъ былъ островъ Хіосъ; изъ Хіоса они переселились въ Туріосъ, а потомъ пришли въ Аттику и проживали то въ Аѳинахъ, то въ другихъ городахъ ея. Въ Аттикѣ они сперва преподавали искуство фехтованья, сдѣлавшееся у Грековъ необходимою принадлежностію воспитанія со временъ Персидской войны; но вѣроятно замѣтивъ, что это занятіе представляло мало пищи ихъ тщеславію и корыстолюбію, рѣшились, уже въ старости, объявить себя наставниками въ мудрости и добродѣтели, которая, по смыслу тогдашняго общества, состояла въ умѣньѣ вести ученыя пренія (*ἀντιλογική*) и прилагать ихъ къ политикѣ. На это поприще Эвтидемъ и Діонисіодоръ вступили съ такимъ мужествомъ,

---

[1] Theaet. p. 152. A. p. 177. C. гдѣ Протагоръ говоритъ: *τοὺς τὴν φερομένην οὐσίαν λέγοντας καὶ τὸ ἀεὶ δοκοῦν ἑκάστῳ τοῦτο καὶ εἶναι τούτῳ ᾧ δοκεῖ*. Cratyl. p. 386. D.

[2] Объ Эвтидемахъ см. *Fabricii* bibl. graec. II. 81. 18. III. 11. VI. 9. 4 *Sext. Empir.* adv. math. VII. 13. p. 372. seq. *Schneider* ad Xenoph. memor. I. 2. 29. *Фишеръ* (ad Cratyl. part. XI. p. 12) несправедливо смѣшиваетъ нашего Хіосца съ сыномъ Діокла, о которомъ упоминается въ *Plat.* symp. p. 222. B. Надобно также отличать его и отъ Эвтидема, сына Кефалова, брата Лизіасова, о которомъ говорится въ Государствѣ. I. p. 328. B.

что смѣло рѣшались доказывать всякую ложь и, не смотря на то, что у нихъ было много сѣдыхъ волосъ и мало зубовъ, съ дѣтскимъ легкомысліемъ занимали встрѣчнаго и поперечнаго своими софизмами. Они не находили столь явной нелѣпости, которой, посредствомъ хитросплетенныхъ силлогизмовъ, нельзя было бы представить въ видѣ истины, и такой аксіомы, которой, чрезъ діалектическія тонкости, не возможно было бы подрыть и опровергнуть. Эвтидемъ взялъ себѣ за основаніе: *πᾶσι πάντα ὁμοίως εἶναι ἅμα καὶ ἀεί*, *все для всѣхъ вмѣстѣ и всегда одинаково* [1]. Доказывая и опровергая на этомъ основаніи каждое положеніе, онъ и братъ его вскорѣ пріобрѣли значительность даже между сверстниками, и обратили на себя вниманіе современныхъ философовъ. Изъ числа тѣхъ силлогизмовъ, которые Платонъ влагаетъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора, многіе внимательно разбираются самимъ Аристотелемъ [2]; а Стагирскій мудрецъ едвали бы и упомянулъ о нихъ, если бы они не имѣли вліянія на тогдашнее общество. Впрочемъ могло статься, что Платонъ, вводя въ свой разговоръ именно этихъ софистовъ, имѣлъ въ виду не столько лица, сколько ученіе ихъ. При избраніи лицъ онъ ограничивался развѣ большею или меньшею связію ихъ съ Протагоромъ, которому они обязаны были своими началами. Чтобы увѣриться въ этомъ, разсмотримъ слѣдующія обстоятельства.

Въ разбираемомъ нами разговорѣ конечно не безъ причины упоминается, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ пришли въ Аѳины изъ Туріоса. По свидѣтельству Гераклида понтійскаго [3], въ Туріосѣ долго жилъ и писалъ для него законы Протагоръ. Притомъ Платонъ ясно говоритъ, что

---

[1] *Plat.* Cratyl. p. 386. D. гдѣ безъ всякаго сомнѣнія надобно разумѣть того самаго Эвтидема, котораго Платонъ обезсмертилъ, поставивъ въ заглавіи разсматриваемаго нами разговора.

[2] De sophistarum elenchis, гдѣ онъ занимается этими софизмами въ продолженіе всей статьи, а особенно с. 9 и 10.

[3] *Diog. L.* IX. 50.

главнымъ мѣстопребываніемъ Протагора была Сицилія [1], гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Иппіасомъ, преподавалъ софистику: а въ Сициліи хіосскіе выходцы наши легко могли съ нимъ познакомиться и оттуда плоды своей науки принести въ Аѳины. Но когда все это случилось, съ точностію опредѣлить нельзя. Есть и другія причины, заставляющія подозрѣвать Эвтидема и Діонисіодора въ близкихъ отношеніяхъ къ Протагору. По словамъ Діогена Лаерція [2], Протагоръ написалъ книгу о битвѣ (περὶ πάλης); а Эвтидемъ и Діонисіодоръ преподавали искуство фехтованья (ὁπλομαχία). Можно догадываться, что и въ этомъ искуствѣ послѣдніе были учениками перваго. Принимать заглавіе Протагоровой книги περὶ πάλης въ переносномъ смыслѣ, не позволяетъ слѣдующее мѣсто въ Платоновомъ софистѣ (p. 232. D.): «*Иностр*. А объ искуствахъ порознь, то-есть, какъ на«добно спорить противъ каждаго мастера, написано для «всѣхъ, и всякій можетъ знать это. *Теэт*. Ты, кажется, «говоришь о Протагоровомъ сочиненіи περὶ πάλης καὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν.» Здѣсь изъ словъ: «противъ каждаго мастера» видно, что подъ выраженіемъ περὶ πάλης нельзя разумѣть съ Шлейермахеромъ состязаніе посредствомъ силлогизмовъ. Впрочемъ и безъ того очень вѣроятно, что Протагоръ былъ способенъ къ тѣлесной борьбѣ, надобно только вспомнить повѣствованіе Геллія о встрѣчѣ его съ Димокритомъ [3]. Мы согласны видѣть въ этомъ мѣстѣ Платона и остроумную игру словъ, или обоюдную мысль, что софисты опытны и совершенны во всякомъ родѣ борьбы; только не сомнѣваемся, что ὁπλομαχία Эвтидема и Діонисіодора есть намекъ на учителя ихъ Протагора. Наконецъ вотъ и еще доказательство, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ были Протагорейцы. По свидѣтельству Платона, оба эти братья имѣли обыкновеніе вносить тонкости діалектики въ политиче-

[1] Hipp. maj. p. 281. D. E.
[2] *Diog. L.* IX. 55.
[3] *Aul. Gell.* Noct. Att. V. 3.

скія рѣчи; а это совершенно въ духѣ Протагора, который, какъ выше сказано, любилъ отличаться софизмами въ народныхъ собраніяхъ. Допустивъ связь между первыми и послѣднимъ, мы легко понимаемъ цѣль Сократова вопроса (p. 293. A.): ужь не царское ли искуство есть то знаніе, которымъ можно усвоить себѣ добродѣтель? Предложивъ этотъ вопросъ софистамъ, Сократъ очевидно имѣлъ въ виду ученіе Протагора, и хотѣлъ внушить имъ, что они давно бы должны были оставить заблужденія своего учителя и посвятить себя безпристрастному изслѣдованію истины. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ стр. 286 до 288), онъ съ настойчивостію опровергаетъ софизмъ Эвтидема и Діонисіодора, что никто не можетъ лгать и противорѣчить другому: но этотъ софизмъ, какъ извѣстно, приписывается и Протагору [1].

Для подтвержденія всего, доселѣ сказаннаго, изслѣдуемъ, какую цѣль предположилъ себѣ Платонъ въ разсматриваемомъ нами разговорѣ.

Давно уже говорили, что при изложеніи Эвтидема цѣлію его было — показать во множествѣ примѣровъ смѣшную и жалкую сторону софистической діалектики. Но если бы онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду не болѣе этого; то мы безъ труда согласились бы съ Фридрихомъ Астомъ признавать этотъ разговоръ недостойнымъ Платонова генія; потому что заключающійся здѣсь сборъ діалектическихъ хитросплетеній съ одной стороны весьма мало проясняетъ силу и свойство эристики, съ другой обнимаетъ не цѣлое сочиненіе. Какая тогда была бы связь между отдѣленіями бесѣды? и для чего бы Сократу такъ долго разсуждать съ Критономъ? Шлейермахеръ справедливо замѣтилъ, что при опредѣленіи цѣли Платонова Эвтидема, надобно обратить вниманіе и на ту часть разговора, въ которой Сократъ бесѣдуетъ съ Клиніасомъ, и которая дѣлаетъ честь свѣтлому и здравому уму Платонова учителя. Но онъ неправильно воспользовался сво-

---

[1] *Diog. L.* IX. 53.

имъ замѣчаніемъ; ибо заключилъ, что въ этомъ отдѣленіи бесѣды Платонъ старается развить мысли о свойствахъ истинной добродѣтели и знанія, частію изложенныя еще въ Горгіасѣ, Теэтетѣ и Менонѣ, и такимъ образомъ приготовляетъ читателя къ высшимъ взглядамъ философіи [1]. Въ Менонѣ ученіе о добродѣтели, въ Горгіасѣ вопросъ о взаимномъ отношеніи честности и пользы, въ Теэтэтѣ задача о природѣ знанія, раскрыты обстоятельнѣе и положительнѣе, чѣмъ въ Эвтидемѣ; по этому послѣдняго разговора нельзя почитать объясненіемъ первыхъ. Мнѣнія Шлейермахера не раздѣляютъ ни Зохеръ, ни Винкельманъ. По словамъ Зохера, Платонъ хотѣлъ своимъ Эвтидемомъ оправдать и защитить философію Сократа отъ того нареканія, какое навлекали на нее софисты [2]; а Винкельманъ утверждаетъ, что намѣреніе Платона было—въ яснѣйшихъ примѣрахъ представить, какое безмѣрное разстояніе раздѣляетъ эристику софистовъ отъ здравой діалектики Сократа, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какихъ плодовъ можно ожидать отъ той и другой [3]. Эти два мнѣнія конечно уже не то, что предыдущія: по крайней мѣрѣ онѣ гораздо ближе къ истинѣ. Но все еще нельзя сказать, чтобы цѣль разговора была опредѣлена вполнѣ и вѣрно. Въ сужденіи Винкельмана особенно бросается въ глаза, что онъ не показываетъ, какимъ образомъ послѣдняя часть Эвтидема связывается съ предыдущими и относится къ главной найденной имъ цѣли; а этого нельзя не требовать, если не хотимъ обвинять Платона въ несоблюденіи единства плана и содержанія. Зохеръ поступилъ въ этомъ случаѣ гораздо лучше: онъ опредѣлилъ взаимное отношеніе всѣхъ частей разговора и, что касается до сущности его содержанія, можно сказать, попалъ на прямую дорогу. Но у него нѣтъ объясненія, къ чему все это направлено, какую силу и важность все это имѣетъ для читателей. Отъ того онъ оставилъ много не-

[1] Opp. Plat. Vol. II. P. 1. p. 400. sq.
[2] De script. Plat. p. 212.
[3] Proleg. ad. Euthyd. p. XXXIII.

рѣшенныхъ возраженій, неудовлетворенныхъ сомнѣній, непримиренныхъ противорѣчій. По этому намъ не мѣшаетъ снова заняться тѣмъ же предметомъ и, если можно, опредѣлить удовлетворительнѣе какъ содержаніе, такъ и цѣль Эвтидема.

Опредѣлимъ сначала главную тему разговора, потомъ подтвердимъ свое опредѣленіе разборомъ его содержанія и заключимъ нужными замѣчаніями о нѣкоторыхъ предметахъ, имѣющихъ близкое къ нему отношеніе. Желаніе придать хоть сколько нибудь ясности этому загадочному произведенію Платона, дѣлаетъ въ глазахъ нашихъ подобное изслѣдованіе стоющимъ труда и вниманія.

И такъ, что составляетъ главный предметъ Эвтидема? — Мы, кажется, не удалимся отъ истины, если скажемъ, что въ немъ Платонъ предположилъ себѣ слѣдующую тему: Хитрая и любопретельная діалектика софистовъ, которую такъ высоко цѣнятъ Протагорейцы,—какъ бы хвастливо ни выдавала она себя за учительницу добродѣтели и мудрости, — на самомъ дѣлѣ есть только пустословіе, а потому не имѣетъ ничего общаго съ зрѣлымъ и основательнымъ философствованіемъ Сократа, и даже совершенно противна его ученію, направленному къ пользѣ истинной мудрости и добродѣтели. Не смотря на то, многіе легкомысленные люди, особенно площадные ораторы и комическіе писатели, принимаютъ ее въ смыслѣ истинной философіи, а настоящую мудрость вообще, и въ частности ученіе Сократа, дѣлаютъ предметомъ презрѣнія, и единственнаго мудреца Греціи относятъ къ числу послѣднихъ софистовъ.

Выдержалъ ли Платонъ эту тему, увидимъ послѣ, когда будемъ разбирать содержаніе и ходъ разговора. Теперь замѣчаемъ только, что съ раскрытіемъ духа и достоинства Сократовой философіи, въ Эвтидемѣ тѣснѣйшимъ образомъ связываются два вопроса: одинъ, о достоинствѣ и честности самаго Сократа; другой, о суетности и ничтожности софистическаго ученія. Всѣ эти три предмета существенно входятъ въ

составъ разсматриваемаго сочиненія и какъ бы опредѣляютъ главный чертежъ его. Сократъ иронически удивляется мудрости Эвтидема и Діонисіодора и, для примѣра, какимъ образомъ они должны бы преподавать добродѣтель, вступаетъ съ Клиніасомъ въ бесѣду. Цѣль этой части разговора очевидно состоитъ въ показаніи превосходства Сократовой методы и въ намекѣ на высоту результатовъ, къ которымъ ведетъ она. Напротивъ софисты, не слѣдуя ни какой методѣ и не имѣя въ виду положительной истины, которая должна была бы увѣнчать ихъ изысканія, строятъ софизмъ за софизмомъ, противорѣчатъ здравому смыслу, извращаютъ самыя ясныя понятія и оскорбляютъ чувство нравственное. Цѣль этихъ эристическихъ разсужденій конечно состоитъ въ томъ, чтобы обличить безплодность софистики, нелѣпость ея заключеній и жалкое состояніе тѣхъ юношей, которые ввѣряются ея преподавателямъ. Наконецъ Сократъ бесѣдуетъ съ Критономъ, который пересказываетъ ему обидныя мнѣнія логографовъ о связяхъ и діалектическихъ преніяхъ Сократа съ софистами. Цѣлію этого окончательнаго разговора надобно почитать, бозспорно, оправданіе истинной философіи и самаго Сократа, на основаніи двухъ предыдущихъ частей сочиненія, то-есть, что Сократъ, ни по методѣ, ни по духу ученія, не принадлежитъ къ числу людей, развращающихъ юношество. Такимъ образомъ цѣль Платонова Эвтидема слагается изъ трехъ цѣлей, и всѣ онѣ имѣютъ одна къ другой ближайшее отношеніе.

Отсюда уже само собою вытекаетъ и раздѣленіе разсматриваемаго разговора: тройствомъ его цѣли опредѣляется и тройство частей, составляющихъ одно цѣлое. Эти части суть: 1). Бесѣда Сократа съ Клиніасомъ, указывающая надлежащую методу изслѣдованія добродѣтели и мудрости. 2). Бесѣда двухъ софистовъ, раскрывающая свойство софистической діалектики, и 3). Бесѣда Критона съ Сократомъ, защищающая послѣдняго отъ нареканія логографовъ. Касательно связи этихъ частей надобно замѣтить, что онѣ излагаются не от-

дѣльно, но какъ бы сопроникаются, или входятъ одна въ другую, и такимъ образомъ составляютъ нѣчто органическое. Это можно сказать особенно о взаимномъ отношеніи бесѣдъ Сократа съ Клиніасомъ и софистовъ съ Сократомъ. Впрочемъ связь частей Эвтидема откроется яснѣе и сама собою, когда мы изложимъ его содержаніе.

Разговоръ начинается съ слѣдующаго обстоятельства. Критонъ, прогуливаясь въ Ликеѣ, увидѣлъ друга своего Сократа въ бесѣдѣ съ какими-то иностранцами, и такъ какъ вокругъ ихъ столпилось много народа, ни какъ не могъ разслушать, о чемъ они говорили; по этому теперь, при личномъ свиданіи съ Сократомъ, онъ спрашиваетъ его, кто съ нимъ разговаривалъ. Сократъ отвѣчаетъ и въ своемъ отвѣтѣ, съ тонкою ироніею, описываетъ занятія двухъ софистовъ и знакомитъ читателя съ Ктизиппомъ и Клиніасомъ[1]. Это — прологъ разговора, имѣющій ближайшее отношеніе къ его эпилогу; потому что въ прологѣ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, между прочимъ, изображаются, какъ мастера писать и произносить рѣчи, а въ эпилогѣ подобный имъ логографъ относитъ Сократа къ числу софистовъ. Послѣ этого Платону слѣдовало только въ продолженіи разговора показать, какъ нелѣпа діалектика двухъ братьевъ въ сравненіи съ методою Сократа, чтобы въ заключеніи само собою пало мнѣніе неизвѣстнаго писателя рѣчей.

---

[1] Не льзя не удивляться искуству Платона въ выборѣ лицъ для своихъ разговоровъ. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ произвольнаго; все необходимо и истинно. Для чего напримѣръ въ Эвтидемѣ выведены на сцену не одинъ, а два софиста? Очевидно для того, что всѣ излагаемые здѣсь софизмы основываются большею частію на двузнаменательности словъ; слѣдовательно, для изложенія ихъ, требовалось и два лица, изъ которыхъ одно принимало бы извѣстное слово въ одномъ смыслѣ, а другое въ другомъ. При томъ, какое разнообразіе и вѣрность характеровъ! Эвтидемъ постоянно хитръ и увертливъ; Діонисіодоръ безстыденъ и дерзокъ; Ктизиппъ пылокъ и веселъ; Клиніасъ невиненъ и кротокъ. Для чего такіе, а не другіе характеры? Клиніасовъ — конечно для того, чтобы понять и оцѣнить достоинство Сократова ученія; Ктизипповъ—для того, чтобы посмѣяться надъ нелѣпыми заключеніями хвастовства; Діонисіодоровъ и Эвтидемовъ — для того, чтобы обнаружить не только умственное, но и нравственное направленіе софистики.

Далѣе, по просьбѣ Критона, Сократъ начинаетъ пересказывать ему содержаніе своей бесѣды съ софистами и указываетъ ея завязку: *какъ бы воспламенить въ Клиніасѣ любовь къ добродѣтели?* — Эвтидемъ и Діонисіодоръ смѣло утверждаютъ, что они могутъ преподать ему добродѣтель не только лучше, но и скорѣе всѣхъ, и тотчасъ же предлагаютъ образцы своихъ наставленій. Въ этихъ образцахъ не надобно искать ни послѣдовательности, ни порядка. Фридрикъ Астъ напрасно требовалъ этого, упуская изъ вида намѣреніе Платона — представить путаницу софистическихъ умствованій во всемъ ихъ хаосѣ и безобразіи. Но послушаемъ, какимъ образомъ софисты учатъ добродѣтели.

Урокъ начинается вопросомъ Эвтидема, обращеннымъ къ Клиніасу: Какъ онъ думаетъ, кто учится? умный или невѣжда?—Конечно умный, отвѣчалъ Клиніасъ.—Но Эвтидемъ опровергаетъ его слѣдующимъ софизмомъ: Кто учится, тотъ перенимаетъ что-нибудь; а кто учитъ, тотъ старается сдѣлать своего ученика умнымъ человѣкомъ; слѣдовательно учиться свойственно не умному, а невѣждѣ. — Это заключеніе тотчасъ подхватываетъ Діонисіодоръ и доказываетъ противное: Когда учитель грамматики читаетъ урокъ дѣтямъ, то научаетъ только тѣхъ изъ нихъ, которые умѣютъ понимать его; а что бы умѣть понимать, надобно имѣть умъ; поэтому учатся умные, а не невѣжды. — Вслѣдъ за такимъ опроверженіемъ, награжденнымъ общею похвалою слушателей, Эвтидемъ возражаетъ: Тѣ, которые учатся, не тому ли учатся, чего не знаютъ? — Клиніасъ отвѣчаетъ утвердительно. — А онъ говоритъ: Не правда, если учитель даетъ урокъ ученикамъ, то конечно дѣлаетъ не что иное, какъ произноситъ слова и буквы; а слова и буквы и безъ того уже были извѣстны имъ; слѣдовательно, слушая учителя, слушаетъ онъ то, что и прежде зналъ.—Но Діонисіодоръ берется доказать и противное: Знать, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ имѣть знаніе; а знаніе пріобрѣтаетъ тотъ, кто

прежде ничего не смыслилъ: стало быть и учится тотъ, кто прежде ничего не зналъ.

Вотъ первый опытъ софистическихъ уроковъ въ добродѣтели! Сократъ, боясь, что эти мудрецы никогда не кончатъ дивныхъ своихъ силлогизмовъ, вѣжливо прерываетъ ихъ, и убѣждаетъ Клиніаса не смущаться такими шутками. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что Эвтидемъ и Діонисіодоръ отъ шутокъ скоро перейдутъ къ настоящему дѣлу и введутъ насъ въ таинства своей науки. Потомъ, отвлекая софистовъ отъ пустословія, учтиво напоминаетъ имъ о данномъ обѣщаніи преподать юношѣ добродѣтель: а такъ какъ они уже уклонились отъ своей темы; то вызывается представить образецъ, какъ бы, по его мнѣнію, надлежало вести разговоръ объ избранномъ предметѣ.

Такимъ образомъ, за нелѣпыми умозаключеніями софистовъ, весьма кстати слѣдуетъ примѣръ Сократовой логики. Сократъ начинаетъ разсуждать дѣйствительно о добродѣтели, и ведетъ рѣчь, уклоняясь отъ всякаго щегольства діалектическими тонкостями. Онъ заботится только о томъ, какъ бы точнѣе и проще опредѣлить понятія о вещахъ, свойственныя всѣмъ умнымъ людямъ. Сущность его бесѣды состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ мы, говоритъ онъ, ищемъ счастія и всѣ полагаемъ его въ обладаніи благами: а что благо, и что зло, — о томъ мнѣнія людей весьма различны. Обыкновенно благами почитаются: богатство, здоровье, красота тѣла, знаменитость происхожденія, власть, могущество. Но къ благамъ безъ сомнѣнія должны быть причислены также: умѣренность, справедливость, мужество, мудрость. А точнѣе сказать, такъ счастіе наше состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ одной мудрости. Чья душа украшается ею, тому конечно нельзя отказать въ имени счастливца. Богатство, почести и все другое, что люди обыкновенно почитаютъ благомъ, не тогда ли только составляютъ наше счастіе, когда мы умѣемъ справедливо употреблять ихъ? А это зависитъ опять отъ мудрости. Отсюда Сократъ заключаетъ,

что мудрость, или знаніе, есть истинное благо, а невѣжество — настоящее зло. Но такъ какъ всѣ люди ищутъ счастія, то всякій долженъ прежде заботиться о пріобрѣтеніи мудрости. При этомъ однакожъ раждается вопросъ: можно ли пріобрѣтать ее? — Если можно, то мы должны всѣми силами стараться образовать свой умъ и украсить его мудростію.

Такъ говорилъ Сократъ Клиніасу и съ намѣреніемъ раскрылъ мысль, что счастіе состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель — въ мудрости или знаніи. Онъ предупредилъ этимъ мнѣніе софистовъ, которые, пользуясь многознаменательностію слова «добродѣтель», оцѣнивали ее, по примѣру Протагора, одними выгодами и поставляли въ удачномъ дѣйствованіи, εὐτυχία. Кто у насъ поучится, говорили они, тотъ будетъ искуснымъ политикомъ, превосходнымъ дипломатомъ, публичнымъ ораторомъ, — вообще, не то чтобы честнымъ, но полезнымъ членомъ республики. Напротивъ Сократъ ничего не называлъ добродѣтелію, кромѣ мудрости, обнаруживающейся, какъ онъ намекаетъ, честностію, справедливостію и другими видами [1]. Должно замѣтить, что въ Эвтидемѣ излагается именно его, а не Платоново понятіе о добродѣтели. Платонъ, и по свидѣтельству самаго Аристотеля [2], впослѣдствіи значительно уклонился отъ ѳеической теоріи своего учителя, когда, сообразно тремъ способностямъ человѣка, — уму, чувству и вожделѣнію, указалъ и троякую добродѣтель. По ученію Платона, она состоитъ уже не въ знаніи, но въ нѣкоторомъ могуществѣ и крѣпости души, что мы подробно раскроемъ въ своихъ введеніяхъ къ Федру и Государству.

Предложивъ образецъ разговора о добродѣтели, Сократъ скромно проситъ своихъ собесѣдниковъ раскрыть его мысли съ большимъ искуствомъ. Но софисты начинаютъ пустосло-

---

[1] Эта мысль прекрасно раскрыта *Брандисомъ* Mus. Rhen. Vol. 1. p. 130. *Stalbaum*, prolegg. ad Lachetem et Charmidem.

[2] Eth. magn. I. 1.

вить еще безстыднѣе прежняго. Вамъ угодно, говоритъ Діонисіодоръ, чтобы Клиніасъ сдѣлался мудрымъ? то-есть, вы хотите, чтобы онъ пересталъ быть тѣмъ, что есть? слѣдовательно вы хотите, чтобы онъ бѣдненькой погибъ? по тому что перестать быть тѣмъ, что есть, значитъ погибнуть. Это заключеніе выводитъ изъ терпѣнія Ктизиппа, друга Клиніасова, — и онъ упрекаетъ софиста въ безсовѣстной лжи. Но Эвтидемъ подхватываетъ слова его и начинаетъ доказывать, что лгать невозможно. Кто лжетъ, тотъ говоритъ то, чего вовсе нѣтъ, о чемъ нельзя и помыслить; слѣдовательно ложь есть дѣло невозможное.—Ктизиппъ просто, но справедливо замѣчаетъ, что лжецъ говоритъ о существующихъ же предметахъ, только не такъ изображаетъ ихъ, какъ они существуютъ. — Стало быть, возражаетъ Діонисіодоръ, по твоему, надобно изображать всѣ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ, то-есть, дурныя дурно, хорошія хорошо, теплыя тепло, холодныя холодно? Но посуди самъ, что изъ этого выдетъ. — Сократъ, желая скорѣе потушить разгарающуюся распрю между Ктизиппомъ и Діонисіодоромъ, прерываетъ ихъ разговоръ и насмѣшливо говоритъ Клиніасу: подожди, другъ мой, пусть они погорячатся, поспорятъ о пустякахъ; пусть губятъ людей, лишь бы погибающій изъ глупаго сдѣлался мудрымъ. Но Ктизиппъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ горячиться; жаль только, примолвилъ онъ, что противникъ его не можетъ сносить противорѣчій — Какъ? быть не можетъ, утверждаетъ софистъ, что бы кто-нибудь не соглашался съ другимъ, или противорѣчилъ другому, и свое положеніе доказываетъ слѣдующимъ образомъ: Если справедливо, что нельзя ничего отрицать; то вѣрно и то, что нельзя никому противорѣчить. Тѣ, которые хорошо понимаютъ свой предметъ, не разнятся въ своихъ мнѣніяхъ о немъ: напротивъ, кто не понимаетъ его; тотъ, говоря иначе, говоритъ о другомъ, а не о томъ, о чемъ говорятъ первые, слѣдовательно не противорѣчитъ имъ. — Ктизиппъ на это уже ничего не отвѣчаетъ; а Сократъ, замѣтивъ софистамъ,

что ихъ умозаключенія заимствованы у Протагора и подобныхъ ему мудрецовъ, предостерегаетъ ихъ, что бы они не попались въ собственныя свои сѣти. Если, сказалъ онъ, никому нельзя лгать; то никому нельзя и ошибаться въ мнѣніяхъ. А какъ скоро никому нельзя ошибочно судить о вещахъ; то не можетъ быть ни глупцовъ, ни невѣждъ. Когда же нѣтъ ни глупости, ни невѣжества; то вѣрно всѣ умны, и никто не уклоняется отъ истины. Но если никто не уклоняется отъ истины; то къ какой же стати вы беретесь преподавать мудрость и добродѣтель? Кого вамъ учить, когда всѣ мудры? Почувствовавъ ѣдкость этого вопроса, софисты хотятъ отмстить Сократу: но Сократъ изъ ихъ же основаній выводитъ заключеніе, что ни онъ и ни кто другой не можетъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ.

Эти обличенія подаютъ поводъ Ктизиппу преслѣдовать Эвтидема и Діонисіодора колкими остротами и насмѣшками, а Сократу — случай дать имъ новый урокъ, какъ лучше разсуждать о добродѣтели. Мы, кажется, остановились на томъ, говоритъ онъ Клиніасу, что надобно заботиться о пріобрѣтеніи мудрости, то-есть, философствовать. Теперь вотъ вопросъ: какой мудрости, какого знанія долженъ искать философъ? Вѣроятно такого, которое принесло бы ему пользу? Но не все, что можетъ принести пользу, должно быть предметомъ нашихъ исканій. Есть знанія и искуства, доставляющія намъ хорошіе плоды, но не показывающія, какъ употреблять ихъ, и по тому недостаточныя для истиннаго счастія. Надобно желать такого знанія, которое давало бы намъ полезныя орудія и научало благоразумному употребленію ихъ. Столь важное знаніе, строго судя, не есть ни игра на цитрѣ, ни искуство писать рѣчи, ни военная наука. Но нельзя ли разумѣть его подъ именемъ искуства царскаго, или политическаго? — Обнимая собою всѣ части государства, оно конечно представляется знаніемъ высокимъ, и однакожъ едвали заключаетъ въ себѣ то, чего мы ищемъ.

Изъясняя эти мысли, Сократъ съ намѣреніемъ показы-

ваетъ нѣкоторую нерѣшительность въ своихъ сужденіяхъ и тотчасъ проситъ собесѣдниковъ высказать свое мнѣніе о томъ же предметѣ. Онъ довольно ясно намекнулъ, что знаніе, составляющее истинную добродѣтель, поколику оно умѣетъ правильно употреблять блага, есть знаніе честнаго и твердое убѣжденіе въ справедливости нравственнаго долга. Но это ученіе было не въ духѣ вѣка, и потому современники не могли понять великой мысли философа. Что за знаніе, думали они, которое Сократъ почиталъ необходимымъ условіемъ добродѣтели? Общимъ потокомъ мнѣній, кажется, увлекался и Ксенофонтъ, одинъ изъ приближенныхъ слушателей сына Софронискова, когда подъ именемъ его знанія понималъ даръ отличать полезное отъ безполезнаго [1]. Платонъ разумѣлъ это вѣрнѣе, и вотъ по чему такъ часто заставляетъ Сократа разсуждать о знаніи и добродѣтели. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ въ Протагорѣ, такъ и въ Эвтидемѣ, начала его философіи вполнѣ отнюдь не раскрываются. Сократъ большею частію, начиная отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ софистики, идетъ къ своей цѣли мало по малу и, не достигая до послѣднихъ результатовъ, вдругъ прекращаетъ изслѣдованія, или заключаетъ ихъ ироніею. Такъ, на примѣръ, въ настоящей своей бесѣдѣ съ Клиніасомъ, онъ сперва, въ угодность софистамъ, опредѣляетъ понятіе о добродѣтели пользою; потомъ взвѣшиваетъ разные роды пользъ и подъ эту мѣру подводитъ каждое искуство порознь, на примѣръ, воинское, которымъ такъ много занимались наши ὁπλομάχοι, риторское, которое до того было возвышено въ глазахъ современниковъ, что философія предъ нимъ ничего не значила и находилась въ презрѣніи, и царское или политическое, которымъ по видимому особенно любилъ хвастаться Протагоръ. Удивительно, что никто изъ комментаторовъ Платона не обращалъ должнаго вниманія

---

[1] Объ этомъ весьма хорошо судитъ *Dissenius* de philosophia morali in Xenophontis de Socrate commentariis tradita. Gōtting. 1812. 4. сравн. ***Brandis***. Mus. Rhen. Vol. 1. p. 123. sqq. p. 134. sqq.

на то важнѣйшее мѣсто Эвтидема, гдѣ говорится о царскомъ искуствѣ. Давно надлежало бы спросить и изслѣдовать: для чего Сократъ такъ пространно разсуждаетъ о томъ, что политика или нисколько не относится, или весьма мало относится къ добродѣтели? Мы не сомнѣваемся, что весь этотъ отдѣлъ разговора направленъ противъ Протагора, по мнѣнію котораго, вся наука о добродѣтели была, кажется, *πολιτική* или *βασιλική τέχνη*. Твердымъ основаніемъ нашей увѣренности въ этой мысли служатъ тѣ мѣста въ Платоновомъ Протагорѣ, гдѣ этотъ софистъ поставляетъ добродѣтель въ умѣньи устроять домашнюю и общественную свою жизнь, и производитъ ее отъ боговъ, чтобы упрочить благоденствіе общества [1]. Если же наше мнѣніе справедливо; то къ какой бы стати Платону, въ разсматриваемомъ разговорѣ, нападать на Протагора, если бы Эвтидемъ и Діонисіодоръ не были его учениками? Но послѣдуемъ за ходомъ бесѣды.

Сколько ни старался Сократъ навесть софистовъ на надлежащій путь изысканій и отвлечь отъ пустословія, — ничто не помогало. Едва онъ договорилъ послѣднія слова объ искомомъ предметѣ, какъ вдругъ Эвтидемъ спрашиваетъ его: Хочешь ли, Сократъ, я научу тебя тому знанію, котораго ты такъ сильно добиваешься? или лучше, не угодно ли, я докажу тебѣ, что ты давно уже обладаешь имъ?—Кто знаетъ, продолжалъ онъ, тотъ имѣетъ знаніе; кто имѣетъ знаніе, тотъ, въ силу аксіомы, что одно и тоже не можетъ вмѣстѣ быть и не быть, одаренъ знаніемъ; а кто одаренъ знаніемъ, тотъ непремѣнно знаетъ все, потому что, не зная чего-нибудь, онъ былъ бы лишенъ знанія, что противно допущенному выше. Если же, Сократъ, ты знаешь все; то знаешь и то, что желалъ знать.

Не безъ особенной цѣли Платонъ влагаетъ и этотъ софизмъ въ уста Эвтидема и Діонисіодора. Здѣсь, какъ мы думаемъ,—новое указаніе на близкія отношенія ихъ къ Про-

[1] Protag. p. 318. E. sqq. p. 322. sqq.

тагору. Извѣстно, что Протагоръ признавалъ человѣка мѣриломъ всего [1] и думалъ, что вещи такъ существуютъ, какъ кому представляются. На этомъ основаніи, естественно, не могло быть мѣста незнанію; всякій непремѣнно зналъ все. Напрасно Сократъ увѣряетъ софистовъ, что онъ не все знаетъ;—не хотятъ слушать и, чтобы легче изумить его своими заключеніями, предписываютъ ему не заговариваться, а отвѣчать на ихъ вопросы коротко: да, или нѣтъ. Послѣ этого Сократу ничего не оставалось болѣе, какъ ловить ихъ въ ихъ же западню, отложивъ въ сторону начала собственной философіи. И вотъ онъ спрашиваетъ: не ужели они, зная нѣчто, будутъ утверждать, что все знаютъ? — Положительный отвѣтъ софистовъ мгновенно представилъ Ктизиппу тьму нелѣпыхъ заключеній, и этотъ пылкій молодой человѣкъ начинаетъ колко шутить надъ мудрецами. Между тѣмъ Эвтидемъ, привязавшись къ словамъ Сократа, что онъ не все знаетъ, строитъ новый софизмъ. Кто знаетъ что-нибудь, говоритъ онъ, тотъ знаетъ это тѣмъ же, а не другимъ; а кто знаетъ что-нибудь тѣмъ же, тотъ знаетъ все и всегда. — Сократъ отвѣчаетъ, что умъ его конечно одаренъ знаніемъ, но въ этомъ знаніи содержится не все, а только то, что онъ знаетъ; потомъ предлагаетъ вопросъ Діонисіодору: знаю ли я, что добрые люди бываютъ несправедливы? — Діонисіодоръ, думая, что Сократъ не одобряетъ этой мысли, говоритъ: не знаешь, — и такимъ образомъ противорѣчитъ прежнему своему положенію, что всѣ и все знаютъ. Тогда Сократъ, обращаясь къ Эвтидему, спрашиваетъ его: какъ тебѣ кажется, Эвтидемъ? справедливо ли судитъ братъ твой? — Но Діонисіодоръ, чтобы вывести его и себя изъ затрудненія и дать разговору новое направленіе, вдругъ предлагаетъ вопросъ и съ своей стороны: что? развѣ я братъ Эвтидему? — Однакожъ Сократъ не отвѣчаетъ ему, и на упрекъ софиста, что онъ избѣгаетъ отвѣтовъ, говоритъ:

---

[1] *Menag.* ad Diog. L. IX. 51.

васъ двое, а я одинъ: вотъ, еслибъ и со мною былъ братъ мой Патроклъ; то дѣло пошло бы иначе. — Такъ Патроклъ братъ тебѣ? спрашиваетъ Эвтидемъ. — Вопросъ, очевидно, прежній, только перемѣнены лица. — Да, мы съ нимъ отъ одной матери, но отъ разныхъ отцовъ, говоритъ Сократъ: отецъ Патрокловъ былъ Херѳдемъ, а мой Софронискъ. — Значитъ Софронискъ, подхватилъ софистъ, есть другой въ разсужденіи отца? слѣдовательно онъ не отецъ? и у тебя, Сократъ, нѣтъ отца?

Послѣдній софизмъ построенъ, очевидно, на томъ положеніи древней діалектики, которымъ утверждалось, что одно сказуемое не можетъ приличествовать многимъ вещамъ или лицамъ, что каждый предметъ имѣетъ свои особенныя свойства. По свидѣтельству Плутарха [1], это положеніе было развито преимущественно Стильпономъ; но еще гораздо ранѣе знали его софисты, какъ видно изъ словъ Платона [2]: «Такъ, пожалуй, мы дадимъ возможность спорить и дѣтямъ, «и запоздалымъ умникамъ; ибо всякій тотчасъ возразитъ, «что одно не есть многое, и многое не есть одно. Иные еще «будутъ рады не называть человѣка добрымъ, а только добро «называть добромъ, человѣка — человѣкомъ». Шлейермахеръ въ этихъ словахъ видитъ упрекъ Антисѳену; но по нашему мнѣнію, онѣ ближе относятся къ Эвтидему и Діонисіодору, особенно когда сообразимъ указаніе на нихъ Цицерона [3]: ὀψιμαθεῖς (запоздалые умники) autem homines scis quam insolentes sint. — Въ слѣдъ за обиднымъ для Сократа заключеніемъ софистовъ, Ктизиппъ дѣлаетъ столь же обидный вопросъ самимъ софистамъ: но и вашъ отецъ, говоритъ онъ, отличенъ ли отъ моего? — Нѣтъ не отличенъ, отвѣчаютъ они, потому что иначе остались бы безъ отца. — Какъ же такъ? продолжаетъ Ктизиппъ: вашъ отецъ есть ли отецъ и

---

[1] Adv. Colot. p. 1119. C. s. 22, p. 573. Vol. V. Сн. *Deyks*, de Megaricorum doctrina p. 83. sq.

[2] Sophist. p. 251. C. сравн. 260. A. B. Phileb. p. 14. C.

[3] Epist. famil. IX. 20.

другихъ?—И другихъ, говорятъ они. — Отсюда противникъ тотчасъ выводитъ заключеніе, что отецъ ихъ есть отецъ всѣхъ, и мать ихъ есть мать не только людей, но и животныхъ, — и софисты не смѣютъ отвергать этого невыгоднаго для себя заключенія; потому что въ противномъ случаѣ имъ надлежало бы остаться безъ отца и матери. Такъ-то ничтожна софистическая діалектика! Не только Сократъ, но и неопытный юноша, едва вступившій на поприще эристики, опутываетъ Эвтидема и Діонисіодора собственными ихъ словами, и основное положеніе ихъ, что одного и того же сказуемаго нельзя приписать многимъ подлежащимъ, уничтожаетъ самою легкою выходкою.

Слѣдующіе далѣе софизмы двухъ братьевъ суть не болѣе какъ грамматическія уловки, что опять напоминаетъ Протагора. Протагоръ, какъ извѣстно, очень любилъ играть формами языка и составлялъ ихъ такъ, чтобы въ нихъ заключались различныя мысли [1]. Это искуство вѣроятно прилагалъ онъ и къ діалектическимъ преніямъ. Другой цѣли грамматическія его упражненія, кажется, не имѣли и не могутъ идти въ сравненіе съ благонамѣреннымъ разборомъ словъ и выраженій, которымъ такъ усердно занимался Продикъ [2]. Но что далѣе?

Одно слово, случайно вырвавшееся у Сократа, даетъ софистамъ поводъ къ новымъ лжеумствованіямъ. Сократъ совѣтуетъ Клиніасу не шутить такими прекрасными вещами, каковы парадоксы мудрецовъ, — и у Діонисіодора вдругъ готовъ силлогизмъ. Прекрасныя вещи, говоритъ онъ, будучи отличны отъ самаго прекраснаго, тѣмъ не менѣе имѣютъ въ себѣ красоту: по этому и твой быкъ, Сократъ, будучи отличенъ отъ тебя, тѣмъ не менѣе есть ты; ибо нѣтъ невозможнаго, чтобы то, что отлично отъ другаго, было тѣмъ самымъ, отъ чего оно отлично.

---

[1] *Spengel.* Artium Scriptorr. p. 40. sqq. *Classen.* de grammaticae graecae primordiis. p. 31. sqq.

[2] *Welker.* въ Mus. Rhen. Nov. Vol. 1. P. 1. p. 461. sqq.

Этотъ софизмъ очевидно направленъ противъ Сократова ученія объ общихъ понятіяхъ и тѣснѣйшей связи ихъ съ вещами недѣлимыми, откуда потомъ Платонъ вывелъ свое заключеніе, что сущность вещей содержится въ идеяхъ. Все различіе между Сократовою и Платоновою мыслію состояло въ томъ, что первая имѣла характеръ логическій, а послѣдняя — метафизическій: это замѣтилъ еще Аристотель [1]. Извѣстно, что между эристами и послѣдователями Сократа были большіе споры и разногласія объ отношеніи родовыхъ и индивидуальныхъ понятій. Послѣдніе утверждали, что можно соединять понятія частныя, и подводить ихъ подъ одно родовое, или умственное: а первые доказывали, что частныхъ понятій соединять нельзя; ибо сказуемыя, усвояемыя какой нибудь вещи, не содержатся въ ея сущности, но приписываются ей отвнѣ (то-есть отъ нашего ума), какъ нѣчто чуждое. Нѣкоторые же это положеніе простирали еще далѣе, отрицая вообще возможность утверждать — что бы то ни было о каждомъ предметѣ [2]. Къ такимъ-то эристамъ надобно отнесть и нашихъ софистовъ.

Вотъ та часть разговора, въ которой Платонъ съ неподражаемымъ искуствомъ связалъ въ одно цѣлое почти всѣ, славившіеся въ его время софизмы! Здѣсь каждое отдѣленіе носитъ печать его генія: не возможно было лучше изобразить и опровергнуть бѣдность, пустоту и пошлость эристики; нельзя было также яснѣе раскрыть достоинство Сократовой методы и показать, въ какой степени она способна къ распутыванію самыхъ затѣйливыхъ хитросплетеній. Здѣсь даже длинное и нѣсколько утомительное пустословіе софистовъ допущено не безъ основанія. Въ Греціи діалектика, въ извѣстный періодъ времени, была всеобщею заразою: многіе по цѣлымъ днямъ находились въ сообществѣ говоруновъ, щеголявшихъ гибкимъ умомъ и смѣшившихъ слабоуміе и

[1] Metaph. XIII. 4. сн. 1. 6.

[2] См. Soph. p. 251. C. Phileb. p. 14. C. *Arist.* Metaph. IV. 19. p. 119. VII. 3. p. 169.

невѣжество необыкновенными силлогизмами; такъ что не только Платонъ, но и Аристотель почелъ нужнымъ подвергнуть строжайшей критикѣ всѣ умствованія тогдашнихъ Эвтидемовъ и Діонисіодоровъ.

Выше сказано, что одною изъ главныхъ цѣлей, которыя Платонъ имѣлъ въ виду при сочиненіи Эвтидема, было также защитить истинную философію своего учителя отъ несправедливаго нареканія современниковъ. Такимъ апологетическимъ мыслямъ посвящена послѣдняя часть этого разговора. Пересказавъ Критону свою бесѣду съ двумя софистами, Сократъ совѣтуетъ и ему поучиться у столь мудрыхъ людей: но Критонъ, не понявъ шутки, простодушно сознается, что такой совѣтъ ему не нравится, даже упрекаетъ Сократа за короткое обращеніе съ этими ничтожными спорщиками, и разсказываетъ, что одинъ логографъ, слышавшій ихъ бесѣду, преважно рѣшилъ, что всѣ философы занимаются пустяками и вся философія — вздоръ. Между тѣмъ Критонъ съ своей стороны отдаетъ ей полную справедливость и дружески совѣтуетъ Сократу держаться подалѣе отъ подобныхъ учителей, что бы не подавать людямъ причины презирать и поносить превосходную науку. На этотъ совѣтъ Критона Сократъ отвѣчаетъ во-первыхъ — описаніемъ тѣхъ логографовъ, изъ которыхъ одинъ разговаривалъ съ нимъ, во-вторыхъ — замѣчаніемъ, что по всѣмъ отраслямъ искуствъ есть и хорошіе и худые преподаватели, и что отъ дурныхъ качествъ учителя несправедливо было бы заключать о ничтожествѣ и вздорности науки.

Этимъ оканчивается Платоновъ Эвтидемъ. Упустивъ изъ вида послѣднюю бесѣду Сократа съ Критономъ, мы рѣшительно не могли бы понять, къ чему клонились первыя двѣ части разговора: но теперь ясно видимъ, что онѣ направлены къ оправданію истинной философіи вообще, и Сократова лица въ частности. Платонъ хотѣлъ доказать, что враги Сократа несправедливо относятъ его къ числу софистовъ и уничижаютъ достоинство мудрости.

Но кого надобно почитать главными его врагами? По прямымъ указаніямъ Платонова Эвтидема, то были логографы, образовавшіеся подъ вліяніемъ Антифона и Горгіаса. Извѣстно, что Антифонъ Рамнузійскій первый началъ писать судебныя рѣчи и продавать ихъ людямъ, имѣвшимъ какое нибудь тяжебное дѣло [1]. Логографы обладали поверхностными понятіями о философіи, но гордились своимъ ремесломъ: они почитали себя важными политическими мужами, а ученіе Сократа, великаго философа своего времени, смѣшивали съ пустыми, утонченными умствованіями софистовъ. Изъ такихъ-то логографовъ одинъ разговаривалъ съ Критономъ и произносилъ нелѣпые отзывы о философіи вообще, и въ частности—о лучшемъ преподавателѣ ея, Сократѣ. Ученые многократно изслѣдывали, на кого именно изъ логографовъ Платонъ мѣтитъ въ своемъ Эвтидемѣ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ думаютъ видѣть здѣсь Исократа: но онъ совсѣмъ не былъ противникомъ Сократовой философіи; по крайней мѣрѣ Платонъ въ своемъ Федрѣ [2] отзывается о немъ съ похвалою. Равно нельзя разумѣть тутъ и Лизіаса, какъ полагаетъ Grön van Prinsterer [3]. Платонъ, правда, замѣчаетъ въ немъ недостатокъ философскаго образованія; но отнюдь не обвиняетъ его въ клеветѣ на Сократа. По мнѣнію Винкельмана [4], то былъ Тразимахъ Халкидонскій: но и онъ, судя по изображенію его въ первой книгѣ Государства, не презиралъ философіи, подобно выставленному въ Эвтидемѣ логографу. Наконецъ Саупій [5], упоминаемымъ здѣсь логографомъ почитаетъ Ѳеодора Византійскаго, который въ Федрѣ (p. 266. E.) называется *λογοδαίδαλος*, а по Эвтидему (p. 305. E.), будто бы имѣетъ въ виду *τὰ εἰκότα τοῦ λόγȣ*, свойства

---

[1] См. *Quintil.* instit. III. 1, 11. *Ammian. Marcell.* 30. 4. personatus Plutarch. *Vitt.* decem oratorr. p. 307. ed. Reisk.

[2] Phaedr. p. 279. D.

[3] Prosopogr. Plat. p. 117.

[4] Prolegg. p. XXXIV. sqq.

[5] *Zimmerm.* Mus. stud. antiquitt. a 1835. № 50.

рѣчи, сообразныя съ требованіями времени и моды [1]. Но τὰ εἰκότα характеризовало занятіе всѣхъ вообще риторовъ, начиная съ Тизіаса до Коракса [2]. Намъ кажется, что Платонъ не указываетъ здѣсь ни на одно частное лице, иначе онъ не забылъ бы оттѣнить его какими-нибудь характеристическими чертами; но подъ однимъ логографомъ разумѣетъ всѣхъ. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что ему и слѣдовало опровергнуть не частное, неблагопріятное мнѣніе о Сократѣ, а то, которое господствовало въ цѣломъ классѣ риторовъ.

Но какое отношеніе между софистами и логографами? почему Платонъ, обличивъ нелѣпыя умствованія первыхъ, въ одномъ и томъ же сочиненіи отзывается невыгодно и о послѣднихъ? — Логографы, подобно ораторамъ, никакъ не хотѣли равняться съ софистами, не смотря на то, что пользовались ихъ наставленіями и методою состязанія. Извѣстно, что Горгіасъ боялся прослыть въ народномъ мнѣніи ихъ единомышленникомъ [3]. Писатели рѣчей почитали себя важными политическими особами; а мы знаемъ, что политики были весьма немилостивы къ софистамъ. Въ одномъ разговорѣ [4] Сократъ спрашиваетъ Анита: прилично ли Менону слѣдовать наставленіямъ софистовъ? — и Анитъ проклинаетъ ихъ, какъ язву общества. Почти въ томъ же смыслѣ называются они τῶν πολιτικῶν ἀντιτέχνοι [5]. Презирая ихъ съ ихъ діалектикою, логографы были непримиримыми врагами и философіи. Необразованные, полуученые, они не находили въ ней ничего добраго и не умѣли отличить ее отъ пустой эристики; къ томужъ терпѣть не могли и самаго Сократа за его наивные, но почти всегда мѣткіе вопросы, заставлявшіе ихъ молчать и ронявшіе ихъ значительность въ глазахъ толпы. Послѣ этого неудивительно, что Платонъ, любитель фило-

---

[1] *Spengel*. Synagog. p. 98. sqq.
[2] Phaedr. p. 267. A. p. 272. D. E.
[3] *Fossius* de Gorgia Leont. p. 41.
[4] Menon. p. 31. A.
[5] de Rep. VI. p. 493. A.

софіи и почитатель сына Софронискова, вооружился на нихъ всею силою ироніи и старался доказать, что они не должны смѣшивать — ни Сократа съ софистами, ни истинной мудрости съ пустыми діалектическими тонкостями.

Нельзя также оставить безъ изслѣдованія довольно важнаго вопроса: почему Платонъ видѣлъ враговъ Сократа только въ логографахъ, а не упомянулъ о комикахъ, напримѣръ, объ Аристофанѣ, Амипсіасѣ и Эвполисѣ, которые не выводили его на сцену въ каррикатурномъ видѣ?

Въ то время, когда Платоновы сочиненія начинали выходить въ свѣтъ, Аристофанъ уже понялъ всю свою несправедливость въ отношеніи къ Сократу: за это ручаются многіе факты изъ литературной его жизни. Замѣчательно, что послѣ комедіи «Облака», поставленной на сцену 1,89 олимп., ни въ одной Аристофановой пьесѣ нѣтъ выходокъ, оскорбительныхъ для Сократовой личности. Въ «Птицахъ», появившихся въ 2,91 олимп., поэтъ коснулся только цинической внѣшности нашего философа, и-то мимоходомъ (vers. 1271, 1541 ed. Dindorf); а въ «Лягушкахъ»—сочиненіи, относящемся къ 3,93 олимп., онъ уже упоминаетъ о дружбѣ Сократа съ Эврипидомъ (vers. 1491). Замѣчательно еще, что въ 4,89 олимп. [1], пересмотрѣвъ свои «Облака», Аристофанъ рѣшился совершенно передѣлать ихъ и первое изданіе предалъ забвенію. Какая могла быть причина столь скорой перемѣны мыслей въ ихъ сочинителѣ? — Безъ сомнѣнія онъ узналъ теперь въ Сократѣ человѣка съ прекрасною душою, благороднымъ характеромъ, высокою нравственностію, пламенною любовію къ отечеству, — и не хотѣлъ, вопреки своему убѣжденію, забавлять Аѳинскую чернь сценическими насмѣшками надъ истиннымъ мудрецомъ. Неудивительно, что послѣ такого благороднаго поступка со стороны Аристофана, Платонъ не коснулся его личности въ Эвтидемѣ.

Напрасно нѣкоторые критики предполагаютъ, что въ «Облакахъ» перваго изданія были осмѣяны одни софисты, а роль

[1] *Hermann.* praefat. ad Nubb. p. XIII. sqq. *Palmerius* exercitt. p. 723.

Сократа вставлена уже во второе. Послѣ умныхъ изслѣдованій Германа и Пальмерія, эта догадка оказалась вовсе неосновательною. Самъ Аристофанъ (in Parabasi secundae recensionis vers. 513 et Vespar. v. 1050—60), отзывается объ «Облакахъ», какъ объ одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, и жалуется на Аѳинянъ, не умѣвшихъ должнымъ образомъ оцѣнить ее. Можно ли думать, что бы послѣ этого онъ рѣшился поставить ее на сцену съ разными перемѣнами и прибавками? Невѣроятно также, чтобы Платонъ въ своей Апологіи, упоминая о комедіи Аристофана, указывалъ на ея передѣлку. По самому существу цѣли, онъ долженъ былъ опираться на сочиненіе, уже знакомое публикѣ. Схоліасты дѣйствительно упоминаютъ о второй рецензіи «Облаковъ»; но Германъ доказалъ, что эта рецензія не была докончена, и что дошедшія до насъ «Облака» составлены по обоимъ ихъ изданіямъ [1].

И такъ, Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ оставилъ Аристофана въ покоѣ не по тому, что въ «Облакахъ» перваго изданія Сократъ не былъ выведенъ на сцену въ ролѣ софиста, а по тому что первый въ то время былъ уже другомъ послѣдняго, и эти дружескія ихъ отношенія живо изображаются потомъ въ Платоновомъ Пирѣ. Нашего мнѣнія не опровергаютъ слова Сократа въ Апологіи (p. 19. B. C.), что комедія Аристофанова не мало содѣйствовала къ распространенію несправедливыхъ о немъ сужденій. Сократъ, не покидавшій ироніи и въ присутствіи своихъ судей, указалъ здѣсь не на писателя «Облаковъ», а на тѣхъ, которые въ комедіи, давно забытой самимъ сочинителемъ, не переставали искать пищи для своей клеветы.

Почти въ одно время съ «Облаками» явился на сценѣ и «Коннъ» Анипсіаса. Эта комедія написана была, кажется, не для того, чтобы осмѣять Сократа, а просто для потѣхи зрителей, любившихъ вообще пошутить надъ философами. Кто

[1] См. *Wolf.* praef. ad nubb. p. IV. *Böckh.* de Gracae Traged. princip. p. 21.

былъ этотъ Коннъ? — Отъ Цицерона до Винкельмана его считали отличнымъ виртуозомъ и лучшимъ въ свое время учителемъ музыки [1]. Но возможно ли, чтобы въ Греціи, отечествѣ изящныхъ искуствъ, славный виртуозъ влачилъ нищенскую жизнь, добивался куска хлѣба воспитаніемъ дѣтей и былъ игрушкою комическихъ писателей? Между тѣмъ несомнѣнно, что Коннъ, изображаемый Аристофаномъ [2] и Кратиномъ [3], — тотъ самый, о которомъ говоритъ Платонъ. А изъ словъ ихъ видно, что этотъ знаменитый артистъ былъ не болѣе, какъ смѣшной, пьяный и обжорливый старикъ. Всѣ достоинства, какими могъ онъ гордиться, ограничивались давними музыкальными побѣдами, которыя глубоко врѣзались въ его душу, и въ воспоминаніе которыхъ онъ, не смотря на крайнюю бѣдность, всегда носилъ вѣнокъ на головѣ. На старости лѣтъ занятіе его состояло въ преподаваніи дѣтямъ музыки: а гдѣ дѣти, тамъ любилъ бывать и Сократъ, и по этой причинѣ, вѣроятно, посѣщалъ Конна. Можетъ быть ихъ не менѣе сближало сходство обстоятельствъ и характеровъ. Сынъ Софрониска, подобно Конну, терпѣлъ горькую нужду и въ простонародьѣ назывался бѣднякомъ, ὁ πένης [4]; а Коннъ, подобно Сократу, не былъ равнодушенъ къ философскимъ умозрѣніямъ и иногда любилъ дѣлить время съ софистами. По свидѣтельству Атенея (V. p. 218. C.), Амипсіасъ въ своемъ «Коннѣ» вывелъ на сцену хоръ созерцателей, φροντιστῶν, чего конечно не сдѣлалъ бы онъ, если бы Аѳиняне не знали Конна, какъ большаго охотника до ученыхъ бесѣдъ. Притомъ у нашего учителя музыки была пре-

---

[1] *Cicer.* epist. famil IX. 21. *Max. Tyr.* p. 225. T. II. et al. *Winkelm.* praef. p. XL. sq. *Schleierm.* Opp. Plat. T. II. Vol. III. p. 532.

[2] *Aristoph.* Equitt. vers. 534. «Это разваливающійся старикъ, Коннъ, съ засохшимъ вѣнкомъ на головѣ, который умираетъ отъ жажды, и котораго, за прежнія побѣды, надлежало бы поить въРитаніумѣ».

[3] Схоліастъ, ad Equitt. v. 531, приводитъ слѣдующія слова Кратина: «Кушай и благодари брюхо, пока не одолѣлъ тебя голодъ; да любитъ тебя вѣнцелюбецъ Коннъ». — Явный намекъ на Гезіода (Opp. et dier. v. 299): φιλέῃ δὲ ἐυστέφανος Δημήτηρ.

[4] *Xenoph.* oecon. II. 3. сн. *Plat.* Apolog. p. 23. B.

смѣшная физіогномія и самыя странныя ухватки. Случалось, онъ гулялъ по улицамъ съ преважнымъ видомъ, украшенный вѣнкомъ; а иногда бродилъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Сократу ли было не сблизиться съ такимъ оригиналомъ? Философъ могъ придумать предлогъ, будто хочетъ брать у него уроки, и такимъ образомъ войти съ нимъ въ короткое знакомство. По крайней мѣрѣ въ комедіи Амипсіаса Сократъ, въ изношенномъ своемъ плащѣ, занимаетъ самое видное мѣсто между собесѣдниками Конна [1]. Это сборище софистовъ вѣроятно казалось очень забавнымъ, по тому что комедія «Коннъ» нравилась публикѣ больше другихъ [2]. Можетъ быть Амипсіасъ, для эффекта, заставлялъ Конна въ потѣ лица толковать подобнымъ ему старикамъ музыкальную гамму, и чрезъ это ввелъ его въ пословицу, какъ учителя стариковъ, γεροντοδιδάσκαλον. — И такъ, по чему же Платонъ въ своемъ Эвтидемѣ не говоритъ прямо объ Амипсіасѣ?—Безъ сомнѣнія по тому, что этотъ комикъ представилъ Сократа, не какъ софиста, а какъ болтливаго и мелочнаго старика, за что онъ не только не сердился, но еще самъ шутилъ надъ собою въ томъ же отношеніи.

О комедіи Эвполиса, который въ угодность современному вкусу и легкомыслію, выводилъ также на сцену сына Софронискова, почти не стоитъ и говорить; по тому что эта комедія не имѣла успѣха, а слѣдовательно и не могла быть обидною для нашего философа. При томъ Эвполисъ изображалъ Сократа, не какъ софиста, а какъ жалкаго изслѣдователя небесныхъ вещей, или что-то похожее на это. По крайней

---

[1] На это указываютъ нѣсколько стиховъ изъ комедіи Амипсіасѣ, сохраненныхъ *Діогеномъ Лаерціемъ* (II. 23): «И ты, Сократъ, мужъ лучшій изъ немногихъ, и пустѣйшій изъ многихъ, — и ты страдалецъ, пришелъ къ намъ! Откуда у тебя такой плащъ? Это безъ сомнѣнія—злой умыселъ кожевниковъ?»

[2] Полное содержаніе Амипсіасова «Конна» намъ неизвѣстно. *Meineke*. quaest. scen. spec. secund. 43. *Ranke* in Seebod bibl. crit. a. 1828 n. 31. p. 247.

мѣрѣ такъ позволяютъ думать отрывки Эвполисова сочиненія у Рункенія (p. 175 sq.) [1].

Остается еще опредѣлить время, когда написанъ Эвтидемъ. Въ самомъ разговорѣ почти нѣтъ ни какихъ признаковъ, по которымъ можно было бы угадать годъ его выхода изъ подъ пера Платонова. Шлейермахеръ, основываясь на словахъ (271 C): «изъ Туріоса ушли въ нашу сторону» заключаетъ, что бѣгство двухъ братьевъ случилось вмѣстѣ съ Лизіасомъ, слѣдовательно въ 2,92 олимпіады. Но въ Туріосѣ не разъ возникали народныя тревоги, враждебныя софистамъ. Не болѣе справедлива и мысль Пинзгера [2], который изъ словъ Платона на страницѣ 275 выводитъ догадку, что сочиненіе разговора произошло будто бы прежде изгнанія Алкивіада, а именно въ 4,91 олимпіады. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Винкельмана, что Эвтидемъ написанъ послѣ смерти Протагора: по крайней мѣрѣ это подтверждается выраженіемъ Платона (p. 286. C.): «оно (умозаключеніе) было въ большомъ ходу у учениковъ Протагоровыхъ и еще прежде ихъ». Но такъ какъ Протагоръ, по изслѣдованію *Фререта* [3] и *Геелія* [4], умеръ за 410 лѣтъ до Р. Х., то время написанія Эвтидема надобно относить къ 3,92 олимпіады. Впрочемъ и этого еще мало: разсматриваемый разговоръ изданъ, кажется, не ранѣе, какъ въ началѣ 94 олимп., когда Аристофанъ уже успѣлъ примириться съ Сократомъ, то есть, въ послѣдніе годы Сократовой жизни. Нашу мысль оправдываютъ—и содержаніе и духъ всего сочиненія. По апологитическому своему характеру, оно могло имѣть особенную важность тогда, какъ враги Сократа уже успѣли распространить въ народѣ самые невыгодные отзывы и о немъ и о его философіи, и такимъ образомъ приготовляли ему тюремное заключеніе и смерть: одна-

[1] *Fritsch.* quaest. Aristoph. P. 1. p. 217.

[2] *Pinzgeri*, specim. nov. edit. Euthydemi p. 10.

[3] Memoir. de l'Academ. d. inscript. T. 47. p. 277—282.

[4] Histor. Sophistar. p. 70.

кожъ, въ разговорѣ еще ни слова не говорится о тѣхъ людяхъ, которые оклеветали его предъ судьями уже по формѣ.

Сказавъ все, что, по нашему мнѣнію, нужно было сказать для поясненія Эвтидема, мы смѣло можемъ повторить прежнюю свою мысль, что въ этомъ сочиненіи, отъ начала до конца, живо отражаются—геніальный умъ и художническое чувство Платона. Всѣ части его, прекрасно обработанныя порознь, сведены въ одно гармоническое цѣлое и направлены къ одной общей цѣли, указанной въ началѣ нашего разсужденія. Тѣмъ непріятнѣе встрѣчать сомнѣнія нѣкоторыхъ критиковъ въ подлинности этого разговора. И на чемъ основываются ихъ сомнѣнія? Во-первыхъ на томъ, что въ Эвтидемѣ не видно самаго Платона, а только раскрыты мысли Сократовой философіи; во-вторыхъ на томъ, что этотъ разговоръ заключаетъ въ себѣ много шутовскихъ выраженій и пословицъ. Но вспомнимъ, что Платонъ писалъ его въ молодыхъ лѣтахъ, еще не успѣвъ развить оригинальной своей идеи, и излагалъ, думая не о себѣ, не о своемъ ученіи, а единственно о чести учителя, сильно колеблемой въ народномъ мнѣніи. Вспомнимъ и то, что онъ былъ превосходный мимикъ и, когда надлежало ввести въ свою бесѣду софистовъ, вводилъ ихъ съ свойственными имъ ухватками, поговорками, вкусомъ и нравами; а софисты, какъ извѣстно, были не слишкомъ разборчивы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. При томъ должно замѣтить, что во всякомъ сочиненіи непремѣнно бываютъ такія стороны, которыми оно поставляется въ ближайшую и исключительную связь съ характеромъ современной жизни; такъ что потомство ошиблось бы, если бы съ этихъ сторонъ вздумало оцѣнивать его собственнымъ своимъ взглядомъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КРИТОНЪ, СОКРАТЪ, ЭВТИДЕМЪ, ДІОНИСІОДОРЪ, КЛИНІАСЪ И КТИЗИППЪ.

Крит. Съ кѣмъ это, Сократъ, разговаривалъ ты вчера въ 271.
Ликеѣ? Вы окружены были такою толпою народа, что, подошедши послушать васъ, я никакъ не могъ вслушаться въ предметъ вашего разсужденія; а когда приподнялся на пальцы, — мнѣ показалось, что съ тобою бесѣдовалъ какой-то иностранецъ. Кто онъ такой?

Сокр. О которомъ иностранцѣ спрашиваешь ты, Критонъ? Тамъ былъ не одинъ, а два.

Крит. Тотъ, котораго я разумѣю, сидѣлъ третій по правую твою руку, а между вами—маленькой сынъ Аксіоха ([1]), в.
который на мой взглядъ, очень подросъ, такъ что, по возрасту, какъ будто не многимъ отстаетъ отъ нашего Критовула, только тотъ сухощавъ, а этотъ полонъ, красивъ и хорошъ лицемъ.

Сокр. Иностранецъ, о которомъ ты спрашиваешь, Критонъ, былъ Эвтидемъ, а по лѣвую руку возлѣ меня сидѣлъ братъ его, Діонисіодоръ, и также участвовалъ въ разговорѣ.

Крит. Я не знаю ни того ни другаго, Сократъ.

---

[1] *Сынъ Аксіоха*, Ἀξιόχου μειράκιον, то-есть Клиніасъ, внукъ Аксіоха перваго. τοῦ ἡμετέρου..... Κριτοβούλου. Критовулъ, сынъ Критона, красавецъ и любимецъ Сократа, *Diog.* L. 11. 13, 121. *Plat.* Apol. p. 38. 13. Phæd. p. 59, тщеславившійся своею красотою. *Xenoph.* symp. III. 7. IV. 10. V. 1. sqq. Поэтому ἐκεῖνος μὲν σκληφρὸς надобно относить къ Клиніасу, а не къ Критовулу. Значеніе словъ σκληφρὸς и προφερὴς хорошо опредѣляетъ Схоліастъ: σκληφρός, говоритъ онъ, ὁ τῷ μὲν χρόνῳ πρεσβύτερος, τῇ δὲ ὄψει νεώτερος δοκῶν (это Клиніасъ) προφερὴς δέ, τῷ μὲν χρόνῳ νεώτερος, τῇ δὲ ὄψει πρεσβύτερος (это Критовулъ).

C. *Сокр.* Видно, какіе-то новые софисты [1].

Крит. Откуда они? и въ чемъ состоитъ ихъ мудрость?

Сокр. Родомъ они, думаю, оттуда же, гдѣ и были, то-есть изъ Хіоса [2]; потомъ переселились въ Туріосъ, а изъ Туріоса ушли въ нашу сторону и проживаютъ здѣсь уже много лѣтъ. Что же касается до мудрости, о которой ты спрашиваешь, то чудеса, Критонъ; они все знаютъ! До сихъ поръ я не понималъ, что такое всезнайка, а теперь—вотъ дивные атлеты! Это уже не акарнанскіе братья [3]: тѣ были могучи только тѣлесными
D. силами; а эти во-первыхъ — люди сильные и по тѣлу, въ такомъ родѣ боя, въ которомъ можно побѣждать всѣхъ [4], потому что мастера не только сами владѣть оружіемъ, но за
272. извѣстную плату—научить и другихъ тому же; люди сильные ходить и по судамъ, гдѣ лично подвизаются и наставляютъ охотниковъ говорить и писать судебныя рѣчи. Донынѣ они были искусны только въ этомъ, а теперь уже вполнѣ увѣнчали свое всепобѣдительное искуство: донынѣ по крайней мѣрѣ

---

[1] Слова: *видно, какіе-то новые софисты*, καινοί τινες.... σοφισταί, по нѣкоторымъ спискамъ влагаются въ уста Критона, и Штальбомъ находитъ это правдоподобнымъ, по выраженію, ὡς ἔοικε: но это выраженіе не только не препятствуетъ, а напротивъ заставляетъ относить ихъ къ Сократу; потому что оно значитъ: *какъ видно*, или *вѣроятно*. Гейндорфъ и Шлейермахеръ не близко переводятъ его: ut facile conjici potest, wie du leicht denken kannst.

[2] Эти Хіосскіе выходцы, кажется, присоединились къ тѣмъ Аѳинянамъ, которые въ 2,84 ол. подъ предводительствомъ Лампона и Ксенократа переселились изъ Туріоса. *Diodor.* XI. 90. XII. 7. 10. Впрочемъ эмиграціи жителей изъ Туріоса происходили нѣсколько разъ, и причинами ихъ были враждебныя столкновенія турійскихъ партій.

[3] Акарнанскіе братья, вѣроятно, были какіе-нибудь странствующіе геркулесы, какихъ много является и нынѣ. Въ древности славились и, по необыкновенной силѣ, высоко цѣнились акарнанскія лошади. Hoffman. Lex. v. Acarnania.

[4] *Въ такомъ родѣ боя, въ которомъ....*, καὶ μάχῃ, ᾗ.... Фицинъ правильно переводитъ: et eo genere pugnæ, quo omnia superantur. Но подъ этимъ боемъ должно разумѣть не діалектическую изворотливость, а ὁπλομαχίαν, фехтованье, въ которомъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, по преданіямъ, были весьма искусны. *Haase* ad Xenoph. de rep. Lacedaem. p. 218 seqq. Сократъ, упоминая объ ихъ искуствѣ фехтовать, дѣлаетъ только аллюзію на искуство софистическое, и ὁπλομαχίαν соединяетъ подъ однимъ родомъ: παγκράτιον εἶναι.

одинъ родъ борьбы оставался у нихъ не испробованнымъ; а
теперь и это такъ усовершено ими, что никто не въ состояніи
противъ нихъ и заикнуться. Вотъ какъ сильными сдѣлались
они въ устныхъ состязаніяхъ и въ опроверженіи всякой
мысли, ложная ли она, или истинная! И такъ я думаю, B.
Критонъ, ввѣрить себя этимъ мужамъ; потому что они обѣщаются
въ короткое время сдѣлать и всякаго столь же сильнымъ.

Крит. Какъ, Сократъ! развѣ не пугаютъ тебя лѣта? Вѣдь ты уже старъ.

Сокр. Нисколько не пугаютъ, Критонъ. Я имѣю доста-
точную и утѣшительную причину не бояться ихъ. Сами Эв-
тидемъ и Діонисіодоръ, можно сказать, уже въ старости на-
чали учиться этой мудрости, этому вожделѣнному для меня
искуству состязаться. За годъ, или за два, они не были му- C.
дрецами. Одного только боюсь: не подать бы повода издѣ-
ваться надъ этими иностранцами, какъ надъ Конномъ
Митровійскимъ, цитристомъ, который до нынѣ продол-
жаетъ учить меня на цитрѣ. Дѣти, сотоварищи мои въ его
школѣ, смотря на насъ, и меня осмѣиваютъ, и Конна назы-
ваютъ учителемъ стариковъ: какъ бы не подвергнуть и ихъ
такому же поношенію. Да можетъ быть они и сами того
же боятся, и не вдругъ соглашаются принять меня. Я уже
подговорилъ, Критонъ, нѣкоторыхъ стариковъ ходить вмѣ- D.
стѣ со мною на уроки Конна: другихъ подговорю посѣщать
уроки Эвтидема и Діонисіодора. Да почему бы и тебѣ, Критонъ, не быть моимъ товарищемъ? [1] А для приманки, поведемъ дѣтей твоихъ: принимая ихъ, они, знаю, будутъ учить и насъ.

Крит. Не мѣшаетъ, если тебѣ угодно, Сократъ. Но пре-

---

[1] ***Почему бы и тебѣ не быть моимъ товарищемъ***, *καὶ σύ τι που συμφοῖτα*,— выраженіе, очевидно поврежденное. По догадкѣ Аста, надобно бы читать: *καὶ σὺ δήπου συμφοιτᾷς*; или лучше *καὶ σύ τί οὐ συμφοιτᾷς*; посѣщай пожалуйста и ты. См. примѣч. къ Протагору р. 310 А.

жде скажи о мудрости этихъ людей, что бы знать, чему мы будемъ учиться у нихъ.

Сокр. Подожди, услышишь. Будто я и не могу сказать, какъ бы не понялъ ихъ? нѣтъ, я очень понялъ, помню и по-
E. стараюсь пересказать тебѣ все съ начала. По внушенію какого-то бога, тамъ, гдѣ ты видѣлъ меня, то-есть въ раздѣвальницѣ [1], сидѣлъ я одинъ и уже хотѣлъ встать; но вотъ
273. вдругъ—обычное мнѣ знаменіе, геній [2], и я опять сѣлъ. Вскорѣ послѣ того вошли Эвтидемъ и Діонисіодоръ со множествомъ, какъ мнѣ показалось, учениковъ своихъ. Вошедши, они начали прохаживаться въ крытой галлереѣ, и еще не сдѣлали двухъ-трехъ поворотовъ, какъ вошелъ Клиніасъ, который дѣйствительно очень подросъ, твое замѣчаніе справедливо, а за нимъ толпа пріятелей его и, между прочими, нѣкто Ктизиппъ Пеанійскій, прекрасный и добрый юноша по
B. природѣ, но задорный по молодости. Клиніасъ, замѣтивъ при самомъ входѣ, что я сижу одинъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сѣлъ по правую мою руку, какъ самъ ты сказалъ. Діонисіодоръ и Эвтидемъ, увидѣвъ его, сперва остановились и разговаривали другъ съ другомъ, время отъ времени поглядывая на насъ, — а я внимательно наблюдалъ за ними; потомъ подошли къ намъ, и одинъ изъ нихъ, Эвтидемъ, сѣлъ подлѣ мальчика, а другой подлѣ меня съ лѣвой руки, прочіе же — кому гдѣ случилось. Я поклонился имъ, такъ какъ и прежде по временамъ видался съ ними; потомъ, обратившись
C. къ Клиніасу, сказалъ: Клиніасъ! представляю тебѣ Эвтидема и Діонисіодора, мудрецовъ въ вещахъ не маловажныхъ, а великихъ. Они знаютъ все, относящееся къ войнѣ, — все,

[1] Эта бесѣда, какъ видно изъ самаго діалога, происходила въ Ликеѣ. Поэтому Сократъ сидѣлъ въ той комнатѣ, въ которой люди, приходившіе въ Ликей, снимали свои плащи.

[2] О значеніи Сократова генія мы будемъ имѣть случай говорить при разборѣ Федра и другихъ Платоновыхъ бесѣдъ; а здѣсь замѣчаемъ только, что Шлейермахеръ, Гейндорфъ и Кузенъ напрасно утверждаютъ, будто Сократъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ о своемъ геніѣ иронически. Кто потрудится сравнить тонъ настоящей его рѣчи съ тономъ Сократова обращенія къ генію—напримѣръ въ Федрѣ; тотъ не найдетъ между ними никакого различія.

что нужно знать человѣку, желающему сдѣлаться искуснымъ полководцемъ, то-есть, какъ располагать и весть войско, какъ сражаться оружіемъ; они могутъ также научить, какъ помогать самому себѣ въ судахъ, въ случаѣ какой-нибудь обиды.—Когда я сказалъ это, Эвтидемъ и Діонисіодоръ обнаружили свое неудовольствіе; потому что, посмотрѣвъ другъ D.
на друга, улыбнулись. Потомъ первый изъ нихъ примолвилъ: не этимъ уже мы серьёзно занимаемся, Сократъ; такое занятіе у насъ только между дѣломъ.—Тутъ я изумился и сказалъ: значитъ, ваше дѣло, должно быть, прекрасно, если подобное занятіе для васъ только бездѣлка. Скажите же, ради боговъ, въ чемъ состоитъ это прекрасное упражненіе?—Мы признаемъ себя способными, Сократъ, отвѣчалъ онъ, превосходнѣе и скорѣе всѣхъ преподать добродѣтель.—О Зевсъ! вскричалъ E.
я, какое великое дѣло! Да гдѣ нашли вы это сокровище? [1] А я, думалъ о васъ такъ, какъ сей часъ же говорилъ, что вы то-есть съ особеннымъ искуствомъ дѣйствуете оружіемъ, да такъ и разсказывалъ о васъ. Помнится даже, что и сами вы, въ первое время прибытія къ намъ, объявляли о себѣ тоже. Но если теперь по истинѣ обладаете и этою наукою; то умилосердитесь [2]: отъ души привѣтствую васъ, какъ боговъ, и прошу у васъ прощенія въ прежнихъ словахъ своихъ. 274.
Впрочемъ смотрите, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, правду ли вы сказали? Вѣдь не удивительно не вѣрить, когда обѣщаете такъ много.—Будь увѣренъ, Сократъ, что правду, отвѣчали они. — Поздравляю же васъ съ такимъ пріобрѣтеніемъ гораздо болѣе, чѣмъ великаго царя съ владычествомъ. Однакожъ

---

[1] *Сокровище*, *τὸ ἕρμαιον*. Извѣстно, что Эрмій почитался божествомъ путей. Поэтому всякая находка на дорогѣ, принимаема была какъ даръ Эрмія. Теперь Сократъ нечаянно, какъ бы на дорогѣ нашелъ учителей добродѣтели, и потому ученіе ихъ называетъ *τὸ ἕρμαιον*. Понимая *τὸ ἕρμαιον* въ этомъ смыслѣ, легко замѣтить всю тонкость Сократовой ироніи.

[2] *Умилосердитесь*, *ἵλεω εἴητον*. Такъ какъ добродѣтель, по внутреннему убѣжденію Сократа, можетъ быть преподаваема только богами, то онъ обращается къ софистамъ, учителямъ добродѣтели, съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ Греки обращались только къ богамъ, когда умоляли ихъ о прощеніи грѣховъ.

скажите мнѣ: намѣрены ли вы объявить всѣмъ объ этой мудрости, или думаете какъ иначе?—Для того-то мы и пріѣхали сюда, Сократъ, чтобы объявить о себѣ и учить, кто пожелаетъ учиться. — О, ручаюсь, что всѣ пожелаютъ, кто не
B. знаетъ вашего искусства! Вотъ я первый, потомъ Клиніасъ, а тамъ Ктизиппъ и всѣ эти, сказалъ я, указывая на друзей Клиніаса. А они уже очутились вокругъ насъ: Ктизиппъ сперва сидѣлъ, кажется, далеко отъ Клиніаса; но когда Эвтидемъ, разговаривая со мною, наклонялся впередъ, потому что между нами былъ Клиніасъ, и заслонялъ его отъ Ктизиппа,
C. онъ, желая смотрѣть на своего друга и вмѣстѣ слушать разговоръ, первый вскочилъ съ своего мѣста и сталъ противъ насъ. Потомъ его примѣру послѣдовали и другіе, обычные пріятели Клиніаса и друзья Эвтидема и Діонисіодора. На нихъ-то указалъ я Эвтидему и примолвилъ, что всѣ они готовы учиться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ктизиппъ, такъ и прочіе изъявили сильное желаніе и въ одинъ голосъ просили его
D. показать опытъ своей мудрости.

Тогда я сказалъ: Эвтидемъ и Діонисіодоръ! какъ хотите, а надобно и ихъ удовлетворить, и для меня сдѣлать это. Показать себя во многомъ дѣло конечно не малое; но скажите мнѣ по крайней мѣрѣ: того ли только, кто убѣжденъ, что должно у васъ учиться, можете вы сдѣлать добрымъ человѣкомъ, или и того, кто еще не убѣжденъ, потому что вовсе не
E. почитаетъ добродѣтели предметомъ науки, а васъ ея учителями? то-есть, къ вашему ли искусству, или къ иному какому-нибудь, относится также знаніе убѣдить человѣка, что добродѣтель изучима и что вы именно тѣ люди, у которыхъ можно научиться ей самымъ лучшимъ образомъ? — Точно къ нашему, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — По этому вы лучше, нежели кто-либо изъ современниковъ, можете располо-
275. ложить къ философіи и добродѣтели? [1]—Думаемъ-таки, Со-

---

[1] Надобно замѣтить, что Сократъ не допускалъ различія между философіею и добродѣтелію: любить мудрость, по его мнѣнію, значило любить добродѣтель; — теорія и практика у него должны были сливаться въ одну жизнь

кратъ.—Отложите же всѣ прочія разсужденія до другаго вре-
мени, сказалъ я; а теперь покажите себя только въ слѣдую-
щемъ: доставьте мнѣ и всѣмъ присутствующимъ удоволь-
ствіе; убѣдите этого мальчика, что должно философствовать
и любить добродѣтель; это къ нему, по его возрасту, идетъ.
Я и прочіе, здѣсь находящіеся, сильно желаемъ, чтобы онъ
былъ самымъ лучшимъ человѣкомъ. Передъ вами сынъ Ак-
сіоха, слѣдовательно внукъ Алкивіада старшаго, и племян- B.
никъ того, который нынѣ здравствуетъ; имя его Клиніасъ [1].
Такъ какъ онъ молодъ, то мы опасаемся, чтобы кто нибудь,
предупредивъ насъ, не развратилъ его и, пользуясь его мо-
лодостью,не наклонилъ мыслей его къ какимъ-нибудь другимъ
предметамъ. По этому вы пришли весьма кстати. Если для
васъ не составитъ это труда, испытайте нашего мальчика,
побесѣдуйте съ нимъ въ нашемъ присутствіи. — Почти такъ
говорилъ я.—На это Эвтидемъ рѣшительно и смѣло сказалъ:
какой трудъ, Сократъ; лишь бы юноша согласился отвѣ- C.
чать.—О, къ этому-то именно онъ и привыкъ, замѣтилъ я:
друзья, то и дѣло, обращаются съ нимъ, часто спрашиваютъ
его и заставляютъ разговаривать; слѣдовательно въ отвѣтахъ
онъ будетъ вѣроятно смѣлъ.

Но какъ бы лучше разсказать тебѣ, Критонъ, что за этимъ
послѣдовало? Дѣло не маловажное — умѣть, при повтореніи,
удержать такую необыкновенную мудрость. Приступая къ раз- D.
сказу, не призвать ли и мнѣ на помощь Музъ и Мнимосину,
какъ призываютъ ихъ поэты?—Началъ Эвтидемъ и, помнится,
слѣдующимъ вопросомъ: Клиніасъ! Какіе люди обыкновенно
учатся: умные, или невѣжды? — Ребенокъ, такъ какъ задача

человѣка. Отсюда бытіе и явленіе бытія въ области нравовъ почиталъ онъ такими крайностями, которыя уничтожаютъ сами себя и годятся только для софистическаго тщеславія. См. Харм. введ.

[1] ***Племянникъ того, который нынѣ здравствуетъ***, αὐτανεψιὸς τοῦ νῦν ὄντος Ἀλκιβιάδου. Изъ этихъ словъ Пинзгеръ заключаетъ, что Платоновъ Эвтидемъ написанъ до изгнанія Алкивіада; но греческій текстъ показываетъ только то, что, когда Платонъ писалъ своего Эвтидема, Алкивіадъ былъ еще живъ.

была трудна [1], покраснѣлъ и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня; а я, видя, что онъ смѣшался, сказалъ: не робѣй, Кли-
E. ніасъ, отвѣчай смѣло: то или другое тебѣ кажется? можетъ быть чрезъ это получишь великую пользу.—Въ ту же минуту Діонисіодоръ наклонился ко мнѣ почти на ухо съ комическою улыбкою, и молвилъ: предсказываю тебѣ, Сократъ, что какъ ни отвѣтитъ дитя, во всякомъ случаѣ будетъ обличено въ ошибкѣ [2]. — Между тѣмъ Клиніасъ уже отвѣчалъ; такъ что мнѣ болѣе не нужно было возбуждать его къ смѣлости:
276. онъ отвѣчалъ, что учатся умные. — А называешь ли ты кого-нибудь учителями, спросилъ Эвтидемъ, или не называешь?—Называю. — Но учители не суть ли учители тѣхъ, которые учатся, какъ напримѣръ, цитристъ и грамматистъ были твоими и другихъ дѣтей учителями, а вы ихъ учениками?—Согласился. — А учась чему-нибудь, вы конечно прежде не знали того, чему учились?—Не знали, сказалъ онъ.—
B. И однакожъ, не зная того, были умны? — Не такъ-то, отвѣчалъ онъ.—А если не умны, то невѣжды?—Правда.—И такъ, учась тому, чего не знали, вы учились невѣждами? — Мальчикъ согласился. — Значитъ, умные учатся невѣждами, а не умными, какъ ты думалъ, Клиніасъ.—Лишь только онъ сказалъ это, какъ всѣ послѣдователи Діонисіодора и Эвтидема дружно, будто хоръ, по знаку капельмейстера [3], зарукопле-

---

[1] *Такъ какъ вопросъ былъ труденъ*, *ἅτε μεγάλȣ ὄντος....* Μεγάλȣ здѣсь тоже что *χαλεποῦ*, равно какъ латинское magna quæstio есть difficilis quæstio. См. Hipp. mai. p. 287. B. *οὐ μέγα ἐστὶ τὸ ἐρώτημα, ἀλλὰ καὶ πολὺ τούτȣ χαλεπώτερα ἂν ἀποκρίνασθαι ἐγώ σε διδάξαιμι.*

[2] Этотъ софизмъ основывается на двузнаменательности всѣхъ трехъ словъ, заключающихся въ вопросѣ, т. е., *σοφοί*, *ἀμαθεῖς* и *μανθάνειν*. Подъ словомъ *σοφοὶ* сперва разумѣются люди, преданные мудрости и добродѣтели, а потомъ тѣ, у которыхъ есть способность учиться. Равнымъ образомъ *ἀμαθεῖς* сперва только незнающіе, а потомъ глупые, или невѣжды. Тоже и *μανθάνειν*— сперва означаетъ учиться, а потомъ знать. Впрочемъ на двузнаменательность послѣдняго слова далѣе указываетъ и самъ Сократъ. См. *Arist.* de Sophist. elench. c. 4. § 3. p. 526. ed. Bipont. Сравн. Ethic. Nic. I. 10.

[3] Замѣчательно, что между послѣдователями софистовъ рукоплесканія были въ большомъ употребленіи. Рукоплесканіями они сопровождали каждую остроумную выходку своихъ учителей. Доказательства встрѣчаются во мно-

скали и подняли смѣхъ. Потомъ, прежде чѣмъ ребенокъ C.
успѣлъ порядочно вздохнуть, Діонисіодоръ обратился къ нему и сказалъ: а что, Клиніасъ? какъ скоро грамматистъ говоритъ что нибудь, которые дѣти разумѣютъ слова его: умные или невѣжды? — Умные, отвѣчалъ Клиніасъ. — Слѣдовательно учатся умные, а не невѣжды, и ты неправильно сей-часъ отвѣчалъ Эвтидему. — Послѣ это-
го-то почитатели софистовъ, сорадуясь ихъ мудрости, D.
уже слишкомъ много смѣялись и шумѣли; а мы, какъ оглушенные, молчали. Замѣтивъ наше смущеніе, Эвтидемъ, чтобы еще болѣе удивить насъ, не давалъ ребенку отдыха, продолжалъ спрашивать, и какъ хорошій орхистъ, предлагалъ ему объ одномъ и томъ же предметѣ [1] сугубые вопросы.—А что, Клиніасъ, сказалъ онъ: учащіеся тому ли учатся, что знаютъ, или тому, чего не знаютъ? — Въ ту же минуту Діо-
нисіодоръ опять прошепталъ мнѣ: Сократъ! вѣдь и это такая E.
же штука, какъ прежняя. — О Зевсъ! отвѣчалъ я, да и первый-то вопросъ дѣлаетъ вамъ много чести.—У насъ всѣ равно неизбѣжны, сказалъ онъ.—По этому вы, думаю, пользуетесь высокимъ мнѣніемъ у своихъ учениковъ?—Между тѣмъ Клиніасъ отвѣчалъ Эвтидему, что учащіеся учатся тому, чего не знаютъ. — А Эвтидемъ спросилъ его опять, какъ и прежде спрашивалъ: какъ же такъ? знаешь ли ты буквы? —
Знаю, сказалъ онъ.—Всѣ знаешь?—Всѣ.—Но когда человѣкъ 277.
говоритъ что нибудь, развѣ не буквы онъ говоритъ? — Согласился.—А такъ какъ ты знаешь всѣ буквы, то онъ говоритъ то, что ты знаешь? — И въ этомъ согласился. — Чтожь теперь? сказалъ онъ; значитъ, не ты учишься, когда что-ни-

---

гихъ разговорахъ Платона. Говоря о такихъ знакахъ одобренія, Платонъ, кажется, имѣлъ мысль показать, что они недостойны философской школы и могутъ быть терпимы только въ театрахъ и обществахъ декламаторовъ.

[1] Сила сравненія Эвтидема съ орхистами состоитъ здѣсь безъ сомнѣнія въ слѣдующемъ: какъ хорошіе орхисты во время пляски повторяютъ тѣже самыя движенія и, для разнообразія, только слегка измѣняютъ ихъ; такъ и Эвтидемъ въ разговорѣ дѣлаетъ Клиніасу тѣже самые вопросы и едва-едва разнообразитъ ихъ.

будь говорятъ, а тотъ, кто не знаетъ буквъ? — Такъ; однакожь я учусь, сказалъ онъ. — Но ты учишься тому, что зна-
B. ешь, если только знаешь всѣ буквы. — Правда. — Слѣдовательно ты неправильно отвѣчалъ, сказалъ онъ. — Эвтидемъ еще не успѣлъ порядочно кончить своего заключенія, какъ Діонисіодоръ перехватилъ рѣчь его, будто мячь, и опять напалъ на дитя.—Клиніасъ! сказалъ онъ, Эвтидемъ обманываетъ тебя. Скажи мнѣ: учиться не значитъ ли пріобрѣтать познаніе о томъ, чему кто учится?—Клиніасъ согласился.— А познать, не тоже ли, что имѣть уже познаніе? — Подтвер-
C. дилъ. — Слѣдовательно, не знать, все равно, что не имѣть познанія? — Конечно. — Но кто получаетъ что-нибудь? тотъ ли, кто имѣетъ, или кто не имѣетъ?—Кто не имѣетъ.—А ты согласился , что незнающіе принадлежатъ къ числу людей неимѣющихъ?—Согласился.—По этому, учащіеся принадлежатъ къ числу людей получающихъ, а не тѣхъ, которые имѣютъ?—Такъ.—Слѣдовательно учатся, Клиніасъ, не тѣ, которые знаютъ, а тѣ, которые не знаютъ.

Послѣ этого Эвтидемъ стремился было, какъ борецъ, и
D. въ третій разъ низпровергнуть мальчика [1]: но я, замѣтивъ, что ребенокъ совсѣмъ погибаетъ, и боясь, какъ бы онъ вовсе не оробѣлъ, рѣшился успокоить его утѣшеніемъ. Не удивляйся, Клиніасъ, сказалъ я, если такой разговоръ кажется тебѣ необычайнымъ. Можетъ быть ты не замѣчаешь, что дѣлаютъ съ тобою эти иностранцы. Они дѣлаютъ то самое, что бываетъ въ таинствахъ Коривантовъ, которые, приступая къ посвященію адепта, сажаютъ его на престолъ [2]. Если ты

---

[1] По мнѣнію Викторія (Varr. lectt. XXI. 2.), сила сравненія здѣсь состоитъ въ томъ, что въ Греціи борцы объявляемы были побѣдителями только по троекратномъ преодолѣніи противника. *Fabri* agonist. I. 24. et 27. in *Gronovii* thesaur. gr. T. VII. p. 888. sqq. et p, 2261. *Spanhem.* ad Iulian. p. 261. sq.

[2] О таинствахъ Коривантовъ см. *Vales.* obss. critt. II. p. 53. *Wesseling.* ad Diodor. Sicul. Tom. II. annot. p. 493. *Alberti* ad Hesych. in. h. v. *Lobeck.* Aglaoph. T. 1. p. 116. sqq., который между прочимъ пишетъ: Eleusinia et corybantia dissimillima fuere. Eleusinia enim publica auctoritate celebrabantur loco augustissimo sanctissimoque, corybantia privatim in gurgustiis; illis

бывалъ посвящаемъ; то знаешь, что этотъ обрядъ начинается плясками и шутками: точно также теперь пляшутъ вокругъ Е. тебя и шутятъ, подобно орхистамъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, чтобы потомъ ты могъ быть посвященъ. И такъ въ эти минуты представляй себѣ, что слышишь начало софистическихъ церемоній. Сперва, какъ говоритъ Продикъ, надобно уразумѣть истинное значеніе именъ: вотъ иностранцы и показали тебѣ, что ты не знаешь, какъ люди употребляютъ слово учиться (μανθάνειν). Они называютъ этимъ словомъ во-первыхъ то, когда человѣкъ, не имѣвшій прежде никакого познанія объ извѣстномъ предметѣ, наконецъ узнаетъ его; во- 278.
вторыхъ то, когда онъ, уже получивъ познаніе о немъ, съ помощію его разсматриваетъ тотъ же самый предметъ, какъ скоро его дѣлаютъ, или о немъ разсуждаютъ. Хотя конечно въ этомъ случаѣ чаще употребляется глаголъ бесѣдовать (ξυνιέναι), чѣмъ учиться; однакожъ иногда говорятъ и учиться (μανθάνειν). Да, Клиніасъ, ты забылъ, какъ показали тебѣ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, что упомянутое названіе принимается у людей въ противорѣчущихъ значеніяхъ, то-есть, прилагается и къ знающему и къ незнающему. Почти тоже самое и во второмъ предложенномъ тебѣ вопросѣ: что познаютъ?—то ли, что знаютъ, или то, чего не знаютъ? Такіе-то уроки я называю шутками, и говорю, что съ тобою В.
дѣйствительно шутили. А шутки это по тому, что если бы кто-нибудь узналъ многія и даже всѣ подобныя вещи, все еще не зналъ бы, каково самое дѣло. Шутить можно съ людь-

---

magistratus præsidebant et sacerdotes populi Atheniensis, his ambubaiae et aeruscatorum. infimi; illis summus constabat apud omnes honos, decus, sanctitas, hæc prudentissimo cuique odio erant et contemptui. «Таинства Элевзинскія и таинства Коривантовъ были далеко не похожи одни на другія. Элевзинскія совершались торжественно и въ священномъ мѣстѣ; а Коривантскія отправлялись частно и въ погребахъ. При тѣхъ присутствовало правительство и жрецы Аѳинскаго народа, а при этихъ—флейщицы и низкіе выманиватели денегъ. На первыхъ господствовали почтительность, приличіе, святость; а послѣднія были предметомъ ненависти и презрѣнія для каждаго благоразумнаго человѣка». Обряды посвященія въ таинства Коривантовъ начинались пляскою вокругъ иниціата; послѣ того сажали его на престолъ. *Procl.* Theol. Plat. VI. 13. *Plat.* legg. VII. p. 780. D.

ми, подставляя имъ различныя значенія словъ, какъ ногу,
чтобы они споткнулись и упали, или, отдвигая сзади скамей-
C. ку, когда кто хочетъ сѣсть, чтобы позабавиться и посмѣяться,
какъ онъ опрокинется на спину. Думай же, что эти мудрецы
подобнымъ образомъ шутятъ теперь и съ тобою, но потомъ
они уже серьёзно раскроютъ тебѣ дѣло [1]; а я между тѣмъ
попрошу ихъ исполнить обѣщаніе: вѣдь они обѣщались по-
казать расположительную свою мудрость, но видно признали
D. нужнымъ начать шуткою. И такъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ,
до этой поры вы шутили и можетъ быть уже довольно нашу-
тились. Теперь, постарайтесь убѣдить мальчика, что должно
любить мудрость и добродѣтель. Впрочемъ, я сперва выска-
жу вамъ, какъ это понимаю, — чего хочу отъ васъ, и если
покажусь невѣждою въ этомъ отношеніи, и человѣкомъ
смѣшнымъ, вы не смѣйтесь надо мною; потому что одна жа-
жда вашей мудрости возбуждаетъ во мнѣ смѣлость лепетать
E. предъ вами. И такъ, слушая меня, удержитесь отъ смѣха вы
и ученики ваши; а ты, сынъ Аксіоха, отвѣчай.

Точно ли всѣ люди желаютъ себѣ счастія? — Но можетъ
быть это одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ вопросовъ, которыхъ
теперь я такъ боюсь? Можетъ быть глупо и спрашивать объ
этомъ? Въ самомъ дѣлѣ, кто не желаетъ себѣ счастія? — Ко-
279. нечно нѣтъ такихъ, отвѣчалъ Клиніасъ. — Положимъ, ска-
залъ я; но далѣе-то: желая себѣ счастія, какъ сдѣлаться
счастливымъ? не такъ ли, чтобъ получить много добра? Или
можетъ быть этотъ вопросъ еще глупѣе прежняго? вѣдь дѣло
и само по себѣ ясно. — Безъ сомнѣнія. — Пусть такъ; но меж-
ду всѣми вещами, что называется добромъ? Или можетъ
быть и это найти столь же легко, и не требуетъ усилій
порядочнаго человѣка? Можетъ быть всякій скажетъ, что до-
бро есть богатство. Не правда ли? — Правда, отвѣчалъ Кли-
ніасъ. — Что оно состоитъ также въ здоровьѣ, красотѣ и про-

---

[1] *Τούτωγέ σοι αὐτὼ τὰ σπουδαῖα ἐνδείξεσθον.* *Αὐτὼ* здѣсь очевидно не кстати. Гейндорфъ читаетъ *αὐτό*: но это несообразно съ характеромъ греческой фразы: вѣрнѣе Шлейермахеръ: *σὺ τὰ σπουδ....*

чихъ тѣлесныхъ совершенствахъ.—Согласился.—Но вѣдь и
благородство, и сила, и почести въ отечествѣ, не менѣе до- B.
бро.—Конечно.—А нѣтъ ли и еще чего-нибудь добраго? напри-
мѣръ: быть разсудительнымъ, справедливымъ, мужествен-
нымъ? Скажи, ради Зевса, Клиніасъ: тогда ли мы были бы пра-
вы, когда бы почитали это добромъ, или тогда, когда не почита-
ли бы? Можетъ быть иные недоумѣваютъ касательно этого
предмета; а ты какъ думаешь?—Я почитаю это добромъ, от-
вѣчалъ Клиніасъ. — Хорошо; но къ какому классу отнесть
мудрость? къ добру, или къ чему другому?—Къ добру.—По-
думай-ка, не забыли ли мы и еще о какомъ-нибудь добрѣ, C.
стоющемъ вниманія? —Кажется не забыли, отвѣчалъ Кли-
ніасъ. — Тогда я, какъ будто припоминая что-то, сказалъ:
охъ нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мы пропустили величайшее изъ
всѣхъ благъ.—Какое же это? спросилъ онъ.—Благополучіе [1],
Клиніасъ, которое всѣ, даже и самые плохіе люди, называ-
ютъ величайшимъ добромъ.—Ты правъ.—Потомъ опять оду-
мавшись, я сказалъ: а вѣдь мы, я и ты, сынъ Аксіоха, не-
много смѣшны въ глазахъ этихъ иностранцевъ. — По-чему D.
же? спросилъ онъ.—По тому, что, упомянувъ о благополучіи
прежде, теперь снова говоримъ о немъ. — Какъ же такъ? —
Да такъ, смѣшно полагать въ другой разъ то, что было уже

---

[1] Разговоръ свой съ Клиніасомъ Сократъ началъ вопросомъ о счастіи— εὖ πράττειν и, перечисливъ разные виды благъ, прибавляетъ къ нимъ наконецъ еще благополучіе — εὐτυχίαν. Явно стало быть, что εὐτυχίαν Платонъ отличалъ отъ εὐπραγίας; но въ чемъ видѣлъ онъ отличительную ихъ черту? Изъ того, что далѣе εὐτυχία поставляется у него въ непосредственную связь съ мудростію — σοφία, и въ зависимость отъ нея, можно подозрѣвать, что εὐτυχίαν —благополучіе, Греки понимали какъ удачу, или дѣло случая, и видѣли его въ какомъ нибудь *удачно совершившемся событіи:* напротивъ счастіе — εὐπραγία у Грековъ было обладаніе *вещественными*, *или внѣшними, предметно-понимаемыми благами.* Слѣдовательно Сократъ припоминаетъ здѣсь благополучіе — εὐτυχίαν съ тою только цѣлію, чтобы поправить народное мнѣніе объ удачѣ, вывесть ее изъ подъ вліянія случая, подчинить мудрости, и такимъ образомъ сдѣлать переходъ къ разсмотрѣнію высшаго блага. Впрочемъ, на это самое различіе между счастіемъ и благополучіемъ указывается и ниже p. 281 B. «знаніе (тоже что мудрость), при всякомъ *пріобрѣтеніи* и *дѣйствіи* доставляетъ людямъ не только благополучіе, но и счастіе».

положено [1], и говорить объ одномъ и томъже дважды.—Что
ты разумѣешь тутъ? — Послушай, сказалъ я: мудрость есть
благополучіе; это извѣстно и ребенку. — Клиніасъ удивился,
по тому что еще слишкомъ молодъ и несмышленъ; а я, за-
E. мѣтивъ его удивленіе, спросилъ: развѣ ты не знаешь, что
флейщики, въ отношеніи къ игрѣ на флейтѣ, люди самые
благополучные?—Знаю.—Тоже должно сказать и о грамма-
тистахъ въ отношеніи къ искуству читать и писать? — Безъ
сомнѣнія.—Чтожъ теперь? говоря вообще, почитаешь ли ты
кого-нибудь благополучнѣе кормчаго во время морской бу-
ри?—Нѣтъ.—А во время войны, съ кѣмъ бы ты охотнѣе со-
гласился раздѣлять судьбу: съ мудрымъ полководцемъ, или
280. съ немудрымъ? — Съ мудрымъ. — Во время болѣзни, кому
бы охотнѣе ввѣрился: мудрому врачу, или глупому? —
Мудрому. — Стало быть, гораздо благополучнѣе имѣть
дѣло съ мудрымъ, чѣмъ съ невѣждою? — Конечно. —
Слѣдовательно мудрость вездѣ дѣлаетъ людей благопо-
лучными; съ нею никто не ошибается, но всѣ посту-
паютъ правильно и удачно: иначе она не была бы и му-
B. дростію. Такимъ образомъ въ главномъ мы наконецъ, какъ-
то тамъ согласились, то-есть, заключили, что кто обладаетъ
мудростію, тотъ не имѣетъ нужды въ благополучіи. А когда
согласились въ этомъ, я спросилъ Клиніаса и о другихъ, пре-
жде допущенныхъ положеніяхъ. Мы допустили, сказалъ я, что
человѣкъ благоденствуетъ и бываетъ счастливъ, какъ ско-
ро у него много добра. — Допустили. — Но благоденствовать

---

[1] ***Полагать въ другой разъ***, πάλιν προτιθέναι. Не много выше этотъ глаголъ стоитъ въ дѣйствительномъ залогѣ, ἐὰν ταῦτα τιθῶμεν ὡς ἀγαθά, ***когда бы почитали это добромъ***, и по видимому имѣетъ смыслъ средняго. Штальбомъ весьма остроумно различаетъ значенія его залоговъ. Τιθέναι, говоритъ онъ, значитъ полагать что нибудь, не предусматривая слѣдствій, которыя должны выйти изъ положенія: напротивъ τίθεσθαι есть—полагать нѣчто, какъ истину, имѣющую привесть насъ къ такимъ, а не другимъ заключеніямъ. См. de Rep. X. p. 596. A. VII. p. 532. D. Theaet. p. 191. C. etc. Сравн. *Stalbaumii* opp. Plat. T. VI. sect. I. not. ad Euthyd. 279. D. Отсюда легко понять слова Сократа: смѣшно полагать въ другой разъ (τιθέναι) то, что было уже положено (ἐὰν προτιθῶμεν); то есть, смѣшно снова говорить о благополучіи, если прежде мы положили мудрость, какъ благополучіе.

при настоящихъ благахъ тогда ли можемъ мы, когда онѣ полезны намъ, или, когда не полезны? — Когда полезны, отвѣчалъ онъ. — Полезны ли онѣ, когда мы только имѣемъ ихъ, а не употребляемъ? На примѣръ, полезно ли имѣть много пищи и не ѣсть, много питья и не пить? — Вовсе нѣтъ, сказалъ онъ. — Вообрази же теперь, что художники пріобрѣли все нужное для каждаго изъ нихъ, и однакожь не употребляютъ пріобрѣтеннаго: счастливы ли они отъ того, что у нихъ есть все нужное для художника? Представь напримѣръ, что плотникъ пріобрѣлъ всѣ инструменты и нужныя деревья, а ничего не строитъ: полезно ли ему это пріобрѣтеніе? — Ни мало. — Чтожь теперь? кто пріобрѣлъ богатство и всѣ другія блага, о которыхъ мы недавно упоминали, а не употребляетъ ихъ; тотъ благоденствуетъ ли отъ пріобрѣтенія этихъ благъ? — Нѣтъ, Сократъ. — Слѣдовательно, кто хочетъ быть счастливымъ; тому надобно не только пріобрѣсть эти блага, но и употреблять ихъ, если одно пріобрѣтеніе не приноситъ никакой пользы. — Правда. — И такъ, для счастія человѣка, Клиніасъ, необходимо какъ пріобрѣтеніе благъ, такъ E.
и употребленіе ихъ. — Кажется. — Но употребленіе правильное, спросилъ я, или и неправильное? — Правильное. — Ты хорошо-таки отвѣчаешь; потому что употреблять ихъ неправильно, думаю, гораздо вреднѣе [1], чѣмъ вовсе не употреблять: первое худо, а послѣднее ни худо, ни хорошо. Не такъ 281.
ли скажемъ? — Подтвердилъ. — Чтоже? при обработкѣ деревьевъ, можетъ ли что другое содѣйствовать правильному употребленію ихъ, кромѣ знанія, свойственнаго плотнику? — Ничто, сказалъ онъ. — Не знаніе ли также содѣйствуетъ правильной выдѣлкѣ сосудовъ? — Подтвердилъ. — А для того, сказалъ я, чтобы правильно употребляемы были всѣ прежде упомянутыя нами блага, то есть, богатство, здоровье и красота, знаніе ли должно идти впередъ и сообщать направленіе дѣя-

[1] *Гораздо вреднѣе*, то-есть гораздо хуже—*πλέον γάρ πυ θάτερον ἐστιν*. Греческій идіотизмъ, какой и ниже p. 297 D. *θάτερον* часто употребляется вмѣсто *τὸ κακόν*.

B. тельности, или что другое?—Знаніе, отвѣчалъ онъ.—Слѣдо-
вательно знаніе, какъ видно, при всякомъ пріобрѣтеніи и
дѣйствіи, доставляетъ людямъ не только благополучіе, но и
счастіе?—Согласился.—И такъ скажи, ради Зевса, спросилъ
я: есть ли какая нибудь польза отъ всѣхъ пріобрѣтеній, безъ
разсудительности и мудрости? Полезно ли человѣку многое
пріобрѣтать и многое дѣлать, когда въ немъ нѣтъ ума, или
полезнѣе немногое съ умомъ? Смотри такъ: не тотъ ли ме-
C. нѣе грѣшитъ, кто менѣе дѣлаетъ? не тотъ ли менѣе несчас-
тенъ, кто менѣе грѣшитъ? не тотъ ли менѣе бѣдствуетъ,
кто менѣе несчастенъ? — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. — Но
кто преимущественно менѣе можетъ дѣлать: бѣдный или бо-
гатый? — Бѣдный, отвѣчалъ онъ. — Слабый или сильный? —
Слабый.—Въ честяхъ, или безъ честей?—Безъ честей.—Му-
жественный и разсудительный, или робкій?—Робкій.—Слѣ-
довательно, менѣе[1] также — лѣнивый, чѣмъ дѣятельный? —
Допустилъ. — Менѣе медленный, чѣмъ быстрый? и менѣе
D. тотъ, кто имѣетъ тупое зрѣніе и слухъ, чѣмъ тотъ, у кого
чувства остры?—Во всемъ этомъ мы согласились.—Значитъ,
всѣ вообще блага, о которыхъ мы говорили, Клиніасъ, про-
должалъ я, надобно понимать не такъ, что онѣ блага сами
по себѣ, но, какъ видно, слѣдующимъ образомъ: если управ-
ляетъ ими невѣжество; то онѣ бываютъ большимъ зломъ,
чѣмъ противоположное имъ, потому что могутъ успѣшнѣе
служить злому началу, которое управляетъ ими. Если же, на-
противъ, онѣ находятся подъ властію разсудительности и му-
дрости; то становятся тѣмъ большимъ добромъ: а сами по
E. себѣ не стоютъ ни того ни другаго названія. — Кажется въ
самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь. — Что же теперь
остается заключить изъ нашихъ словъ? Не то ли, что нѣтъ
ничего ни добраго ни злаго, что одна мудрость—добро, и одно
невѣжество—зло?—Согласился.—Разсмотримъ же остальное,
282. сказалъ я. Всѣ мы сильно желаемъ быть счастливыми; а сча-

[1] По гречески μᾶλλον, разумѣется μᾶλλον ἐλάττω, какъ выше, и какъ въ слѣдующихъ далѣе выраженіяхъ.

стіе для насъ возможно, какъ видно, подъ условіемъ не только употребленія, но еще вѣрнаго употребленія вещей; вѣрное же употребленіе ихъ и благополучіе доставляются знаніемъ; слѣдовательно каждый человѣкъ необходимо долженъ всѣми силами приготовлять себя къ тому, чтобы быть мудрѣйшимъ. Не такъ ли?—Такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, кто думаетъ, что гораздо выгоднѣе, чѣмъ деньги, получать мудрость—и отъ отца, и отъ наставниковъ, и отъ друзей вообще, B.
и отъ тѣхъ, которые свидѣтельствуютъ намъ любовь свою, и отъ иностранцевъ, и отъ гражданъ; кто проситъ, умоляетъ надѣлить себя мудростію: для того не стыдно и не безчестно, Клиніасъ, ради такого пріобрѣтенія, повиноваться и служить—какъ любящему его человѣку, такъ и другимъ, и быть готовымъ ко всякой прекрасной услугѣ, лишь бы кто усердно желалъ сдѣлать его мудрымъ. Или, можетъ быть, тебѣ не такъ кажется, спросилъ я?—Нѣтъ, мнѣ кажется, что ты говоришь хорошо, отвѣчалъ онъ.—Да, Клиніасъ, продолжалъ я,—если только можно учить мудрости, если она не сама собою C.
достается людямъ; ибо это еще требуетъ изслѣдованія, и наши мнѣнія въ этомъ отношеніи пока неизвѣстны.—Но мнѣ думается, Сократъ, что мудрости учить можно, примолвилъ онъ.—Прекрасно сказано, лучшій изъ мужей [1], отвѣчалъ я обрадовавшись; ты хорошо дѣлаешь, что избавляешь меня отъ долгихъ изслѣдованій вопроса: можно ли учить мудрости, или нельзя? Если же она, по твоему мнѣнію, изучима, и одна въ состояніи доставить человѣку счастіе и благополучіе; то не почтешь ли ты нужнымъ пофилософствовать о ней? и не D.
устремишься ли своею мыслію къ пріобрѣтенію ея?—Конечно, Сократъ, отвѣчалъ онъ, и сколько возможно болѣе.

Выслушавъ это съ радостію, я сказалъ: вотъ образецъ расположительной бесѣды, какой мнѣ хочется, Діонисіодоръ

---

[1] *Лучшій изъ мужей, ὦ ἄριστε ἀνδρῶν.* Сократъ называетъ Клиніаса мужемъ, разумѣется, иронически, и причина ироніи здѣсь та, что Клиніасъ произноситъ свое мнѣніе о такомъ положеніи, о которомъ судить не легко было и мудрецамъ, посѣдѣвшимъ въ изслѣдованіи истины.

и Эвтидемъ. Онъ конечно не искуственъ и съ трудомъ развитъ: но пусть кто нибудь изъ васъ постарается изложить его по правиламъ искуства. А когда вамъ не угодно, раскройте этому ребенку по крайней мѣрѣ то, что я оставилъ
E. безъ изслѣдованія, то есть, долженъ ли онъ стараться пріобрѣсть всякое знаніе, или какое нибудь одно, которое сдѣлало бы его человѣкомъ счастливымъ и добрымъ, и въ чемъ состоитъ оно; вѣдь я съ самаго начала говорилъ вамъ, что для насъ весьма важно видѣть этого юношу мудрымъ и доб-
283. рымъ. Сказавъ это, Критонъ, я сильно напрягъ свое вниманіе и изготовился понять, какимъ образомъ они приступятъ къ слову и съ чего начнутъ свои наставленія, долженствовавшія расположить юношу къ мудрости и добродѣтели. Вотъ старшій изъ нихъ, Діонисіодоръ, первый открылъ бесѣду; а мы смотрѣли на него съ надеждою тотчасъ услышать какую нибудь дивную рѣчь. Такъ и вышло: этотъ человѣкъ началъ
B. въ самомъ дѣлѣ удивительное слово, и тебѣ, Критонъ, стоитъ выслушать его, чтобы судить, какъ оно возбуждаетъ къ добродѣтели.

Діонисіодоръ сказалъ: отвѣчайте мнѣ, Сократъ и всѣ другіе, желающіе, чтобы этотъ юноша сдѣлался мудрымъ: шутя вы говорите это, или желанія ваши истинны, серьёзны? — Тутъ мнѣ пришло на мысль, что прежнія наши слова, которыми мы просили ихъ разговаривать съ юношею, вѣроятно, приняли они за шутку, а потому и сами шутили, нисколько
C. не заботясь о рѣчи серьёзной. Подумавъ это, я отвѣчалъ еще рѣшительнѣе прежняго, что мы нисколько не шутимъ.—Смотри, Сократъ, продолжалъ Діонисіодоръ, чтобъ послѣ не отказываться отъ теперешнихъ своихъ словъ.— Смотрѣлъ уже, сказалъ я, и вѣрно не откажусь. — Что же? вы сказали, что хотите видѣть Клиніаса мудрымъ, спросилъ онъ? — И очень. — А теперь онъ мудръ, или нѣтъ? спросилъ Діонисіодоръ. — Говоритъ, что еще нѣтъ: видишь, онъ нехвастливъ. — Значитъ, вамъ угодно, чтобъ онъ сдѣлался мудрымъ, а невѣж-
D. дою не былъ?—Мы согласились.—Слѣдовательно, вы желае-

те, чтобъ онъ сдѣлался тѣмъ, что теперь не есть [1], и не былъ тѣмъ, что теперь есть? — Услышавъ это, я смѣшался; а Діонисіодоръ, замѣтивъ мое смущеніе, продолжалъ: — но желая, чтобъ онъ не былъ тѣмъ, что теперь есть, вы, кажется, хотите, чтобъ онъ погибъ. О, тѣ друзья и пріятели весьма драгоцѣнны, которые больше всего желаютъ погибели любимому своему юношѣ. — Услышавъ это, Ктизиппъ разсердился E.
за своего друга и вскричалъ: турійскій иностранецъ! Если бы не было невѣжливо, я сказалъ бы тебѣ: возьми на свою голову [2] то дѣло, которое ты вздумалъ налгать на меня и на другихъ. Объ этомъ и говорить преступно: ну, могу ли я желать Клиніасу погибели? — Какъ, Ктизиппъ? возразилъ Эвтидемъ: развѣ, по твоему мнѣнію, можно лгать? [3]—Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, если только я не сошелъ съ ума.—Но кому же можно: тому ли, кто говоритъ о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, или тому, кто не говоритъ? — Тому, кто говоритъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь говорящій о дѣлѣ 284.
конечно говоритъ не о другомъ какомъ-нибудь сущемъ, а о томъ, что онъ говоритъ. — Да какъ же иначе? сказалъ Ктизиппъ. — И дѣло, о которомъ говорится, вѣроятно, есть сущее особое, отличное отъ другаго?—Безъ сомнѣнія.—Стало быть, говорящій о немъ, говоритъ о сущемъ? — Да. — Но говорящій о сущемъ, говоритъ сущую истину. Слѣдовательно,

---

[1] *Что теперь не есть*, ὃς μὲν οὐκ ἔστι. Софизмъ основывается очевидно на словѣ ὅς, которое употреблено софистомъ вмѣсто οἷος. Вопросъ былъ о качествѣ Клиніаса, а не о бытіи его.

[2] *Возми на свою голову*, σοὶ εἰς κεφαλήν, то есть, погибни ты самъ. См. *Küster*. ad Aristoph. *Plut*. v. 525. 659. et Schol. ad Pac. v. 1063.

[3] *Развѣ, по твоему мнѣнію, можно лгать?* ἢ δοκεῖ σοὶ οἷόντ᾽ εἶναι ψεύδεσθαι, — извѣстное въ древности умозаключеніе софистовъ, которымъ доказывалось, что нельзя говорить о томъ, чего нѣтъ, слѣдовательно и нельзя лгать. Ниже Платонъ приписываетъ этотъ софизмъ Протагору и предшествовавшимъ ему мудрецамъ, а въ своемъ Софистѣ (p. 237) — Пармениду. Основаніе и въ этомъ софизмѣ — то же, какое въ прежнемъ, то-есть, смѣшеніе бытія вещи съ ея качествами. Качествъ въ вещи много; слѣдовательно можно приписывать ей одни вмѣсто другихъ, не уничтожая ея бытія, то-есть, можно лгать: напротивъ, бытіе логически—только одно, замѣнить его нечѣмъ; слѣдовательно въ этомъ отношеніи ложь невозможна.

и Діонисіодоръ, поколику онъ говоритъ о сущемъ, говоритъ
B. истину и нисколько не лжетъ на тебя? — Такъ, сказалъ Ктизиппъ; но кто говоритъ объ этомъ, Эвтидемъ, тотъ говоритъ не о сущемъ. — Да не сущее развѣ не то, чего нѣтъ? спросилъ Эвтидемъ.—Конечно то, чего нѣтъ.—И не въ томъ ли состоитъ не сущее, что оно нигдѣ не существуетъ? — Въ томъ, что нигдѣ. — А можно ли совершать что нибудь съ тѣмъ, что не существуетъ? напримѣръ, могъ ли бы кто нибудь сдѣлать Клиніасу то, чего нигдѣ нѣтъ? — Не думаю, отвѣчалъ Ктизиппъ. — Что же? ораторы, говоря къ народу, ничего не совершаютъ? — Совершаютъ, отвѣчалъ онъ. — А
C. если совершаютъ, то и дѣлаютъ? — Конечно. — По этому говорить, значитъ совершать и дѣлать? — Согласился. — Стало быть никто не говоритъ о томъ, чего нѣтъ; ибо иначе можно было бы и дѣлать то, чего нѣтъ. А ты уступилъ, что не сущаго дѣлать нельзя; значитъ, по твоимъ же словамъ, и лгать нельзя. И такъ все, что говоритъ Діонисіодоръ, есть истинное и сущее.—Но ради Зевса, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ: положимъ, онъ говоритъ о сущемъ; да говоритъ-то не такъ, какъ оно есть.—Что ты, Ктизиппъ? возразилъ Діонисіодоръ: развѣ можно найти кого нибудь, кто говорилъ бы о вещахъ,
D. какъ онѣ есть? — Конечно; таковы всѣ честные, добрые и правдивые люди. — Какъ? спросилъ онъ, вѣдь хорошее хорошо, а худое худо? — Уступилъ. — И ты соглашаешься, что честные и добрые люди говорятъ о вещахъ, какъ онѣ есть? —Соглашаюсь.—Но если добрые люди, Ктизиппъ, говорятъ о вещахъ, какъ онѣ есть: то о худомъ говорятъ они безъ сомнѣнія худо? [1]—Да, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, то есть о худыхъ людяхъ, къ которымъ ты, если хочешь меня послушать, берегись присоединяться, чтобы добрые, говорящіе,

---

[1] Здѣсь «худо» софистъ относитъ не къ предикату, не къ худымъ людямъ, какъ бы слѣдовало, а къ субьекту, то-есть къ тѣмъ, которые говорятъ. По этому Ктизиппъ далѣе поправляетъ его. Основаніе софизма здѣсь въ двоякомъ значеніи выраженія: «худо говорить, κακῶς λέγειν». Въ одномъ смыслѣ оно значитъ prave dicere, въ другомъ — male dicere, то-есть, худо говорить значитъ, или дурно выражаться, или дурно отзываться.

какъ тебѣ извѣстно, о худыхъ худо, не заговорили и на твой E.
счетъ такъ же. — По этому о великихъ людяхъ, продолжалъ
Эвтидемъ, говорятъ они величественно, а о горячихъ горя-
чо? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ктизиппъ, равно какъ о хо-
лодныхъ говорятъ и велятъ говорить холодно [1]. — А! ты бра-
нишься, Ктизиппъ, сказалъ Діонисіодоръ, ты уже бранишь-
ся! — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ: я люблю тебя,
Діонисіодоръ; но прошу, какъ друга, и убѣждаю никогда не
говорить при мнѣ подобныхъ грубостей, будто я хочу поги- 285.
бели тѣхъ людей, которые для меня весьма дороги.

Замѣчая, что они болѣе и болѣе раздражаются другъ
противъ друга, я обратился къ Ктизиппу и шутливымъ то-
номъ сказалъ: Ктизиппъ! кажется, мы должны принять отъ
иностранцевъ все, что они говорятъ, лишь бы только имъ
угодно было сообщить намъ свое знаніе. Не будемъ спорить
о словахъ. Если они умѣютъ губить людей такъ, что изъ ху-
дыхъ и неразумныхъ дѣлаютъ ихъ хорошими и благоразум-
ными — какая нужда, сами ли они изобрѣли, или у кого дру- B.
гаго изучили это разрушительное и губительное искуство,
посредствомъ котораго человѣкъ умираетъ худымъ, а возраж-
дается хорошимъ, — если они обладаютъ такимъ искуствомъ
(а безъ сомнѣнія обладаютъ, ибо сами объявили, что недавно
открыто ими средство дѣлать людей добрыми изъ худыхъ);
то согласимся съ ними. Пусть погубятъ они намъ это дитя и
чрезъ то сдѣлаютъ его благоразумнымъ; пусть погубятъ и
всѣхъ насъ. Но можетъ быть вы, люди молодые, пугаетесь?
Въ такомъ случаѣ пусть они сдѣлаютъ свой опытъ надо C.
мною, будто надъ Карійцемъ [2]: я уже старъ, готовъ отважить-

---

[1] *Холодные говорятъ холодно*, — насмѣшка Ктизиппа надъ тупыми остротами и недальновидною діалектикою софистовъ. Потому-то софистъ и находитъ это выраженіе оскорбительнымъ для себя и похожимъ на брань.

[2] Карійцы въ древности славились неустрашимостію въ сраженіяхъ, но при всемъ томъ были презираемы; потому что продавали свою жизнь всякому, кто, для какой бы то ни было цѣли, желалъ купить ее. Греки нанимали ихъ въ свои войска и всегда помѣщали въ передовыхъ линіяхъ отрядовъ для удержанія перваго натиска непріятелей. Отсюда произошла пословица: сдѣлать пробу на Карійцѣ, *ἐν τῷ Κάρι κινδυνεύειν*. *Hoffmanni* Lexicon, v. Caria.

ся и ввѣриться Діонисіодору, будто колхидской Медеѣ [1]. Пусть они погубятъ меня, даже, если угодно, сварятъ и дѣлаютъ все, что хотятъ, лишь бы мнѣ переродиться въ человѣка добраго. — На мои слова Ктизиппъ отвѣчалъ: и я также, Сократъ, готовъ отдаться въ волю иностранцевъ: пусть они, если угодно, дерутъ съ меня кожу больнѣе, чѣмъ теперь,
D. лишь бы только изъ ней вышелъ не мѣхъ, какъ изъ Марсіасовой [2], а добродѣтель. Діонисіодоръ, кажется, думаетъ, что я сержусь на него: нѣтъ, я не сержусь, а только противорѣчу тому, что, по моему мнѣнію, не хорошо сказалъ онъ на меня. Противорѣчія, благороднѣйшій Діонисіодоръ, ты не называй бранью; брань есть нѣчто другое.

А развѣ словами, Ктизиппъ, возразилъ Діонисіодоръ, въ самомъ дѣлѣ можно противорѣчить? — Конечно, отвѣчалъ онъ; и очень можно: а тебѣ кажется, что противорѣчій не
E. бываетъ? — Но ты, думаю, не докажешь, что когда нибудь слыхалъ, какъ одинъ противорѣчитъ другому. — Правда, отвѣчалъ онъ: однако ты слышишь теперь же, какъ я доказываю, что Ктизиппъ противорѣчитъ Діонисіодору. — И ты представишь мнѣ основаніе противорѣчія? — Конечно. — Какое же? продолжалъ онъ: вѣдь можно говорить о всякой вещи? — Можно. — Какъ она есть, или какъ не есть? — Какъ
286. есть. — А помнишь, Ктизиппъ, мы недавно доказали, что никто не говоритъ о не сущемъ: о *нѣтъ* и рѣчи нѣтъ. — Такъ чтожь? сказалъ Ктизиппъ: развѣ чрезъ это мы менѣе противорѣчимъ другъ другу? — Но противорѣчимъ ли мы другъ другу, спросилъ онъ, когда оба отчетливо говоримъ либо объ одномъ и томъ же, либо одно и тоже? — Согласился, что нѣтъ.

---

[1] Платонъ очевидно указываетъ здѣсь на то баснословное сказаніе, что Медея уговорила Пелеевыхъ дочерей сварить своего отца, чтобы онъ сдѣлался опять молодымъ. См. *Palephat.* incred. hist. 44. *Fischer* interprr. ad. Ovid. metam. VII. v. 283.

[2] Марсіасъ, великій музыкантъ, по миѳологическому сказанію, вздумалъ состязаться съ Аполлономъ. Но Аполлонъ побѣдилъ его и, въ наказаніе за дерзость, содралъ съ него кожу. Изъ этой кожи, повѣшенной имъ на деревѣ, вышелъ мѣхъ и, во времена Иродота, какъ онъ самъ говоритъ, находился въ Фригійскомъ городѣ Цемнахъ. *Herod.* VII. 26.

—А когда ни который изъ насъ не можетъ отчетливо говорить о дѣлѣ, — станемъ ли мы въ отношеніи къ нему взаимно себѣ противорѣчить, или, можетъ быть, ни тотъ ни другой и не вспомнитъ о немъ? — Ктизиппъ и съ этимъ согласился. B.
— Наконецъ, когда бы я дѣльно говорилъ объ одной вещи, а ты о другой; было ли бы между нами противорѣчіе? Или, когда я говорилъ бы о какой нибудь вещи, а ты вовсе не говорилъ бы о ней: не говорящій противорѣчитъ ли говорящему? — Ктизиппъ замолчалъ; а я, удивившись рѣчи Діонисіодора, спросилъ его: какъ это, Діонисіодоръ? Я уже отъ мно- C.
гихъ и часто слыхалъ твое умозаключеніе, но не перестаю удивляться. Оно было въ большомъ ходу у учениковъ Протагора [1] и еще прежде ихъ [2], но мнѣ всегда представлялось страннымъ, потому что какъ будто опровергало—и другія положенія, и само себя. Надѣюсь, что ты, любезнѣйшій, получше раскроешь мнѣ истину. Точно ли невозможно говорить ложь? Вѣдь въ этомъ, кажется, сила рѣчи? не такъ ли? то-есть, говорящій или говоритъ правду, или вовсе не говоритъ? — Согласился.—Но можетъ быть нельзя только говорить ложь, D.
а думать можно?—И думать нельзя, сказалъ онъ.—Значитъ, вовсе не бываетъ ложнаго мнѣнія? — Не бываетъ. — Стало быть нѣтъ ни невѣжества, ни невѣждъ? потому что невѣжество, если бы оно было, то состояло бы во лжи относительно вещей. — Конечно, сказалъ онъ. — Но этого нѣтъ, спросилъ я? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Однакожь, Діонисіодоръ, ты говоришь для того ли только, чтобы говорить и сказать нѣчто необыкновенное, или въ самомъ дѣлѣ думаешь, что между людьми нѣтъ ни одного невѣжды? — Твое дѣло опровергнуть E.

---

[1] Протагоръ до такой степени вѣрилъ чувствамъ, что почиталъ истиннымъ все, представлявшееся имъ. А такъ какъ чувства одного человѣка нерѣдко постигаютъ вещи иначе, нежели чувства другаго; то, софистъ не видѣлъ никакого основанія для опроверженій или разногласій, и говорилъ, что у всякаго истина своя. Theæt. p. 161. E. sqq. *Tennem.* Geschichte der Philos. T. I. p. 507. ed. 2.

[2] Объ этихъ прежнихъ мудрецахъ Платонъ говоритъ въ Kratyl. p. 429. D. Sophist. p. 260. C.

меня, отвѣчалъ онъ. — А развѣ, по твоему мнѣнію, можно
опровергать, когда никто не лжетъ?—Нельзя, сказалъ Эвти-
демъ.—Я и не требовалъ опроверженія, примолвилъ Діони-
сіодоръ: какъ требовать того, чего нѣтъ? — Такія мудрыя и
прекрасныя вещи, Эвтидемъ, для меня недовольно понятны
сказалъ я; вниманіе мое какъ-то тупо въ этомъ отношеніи.
Поэтому я предложу тебѣ такой вопросъ, который можетъ
287. быть покажется оскорбительнымъ; но ты извини меня. Смо-
три-ка: нельзя ни лгать, ни ложно мыслить, ни быть невѣж-
дою, а потому ни ошибаться, когда что дѣлаешь; вѣдь кто дѣ-
лаетъ, тотъ не можетъ ошибиться въ томъ, что дѣлаетъ. Не
такъ ли говорите вы?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Вотъ же оскор-
бительный вопросъ, сказалъ я: если мы не ошибаемся ни въ
дѣлахъ, ни въ словахъ, ни въ мысляхъ, если все это справе-
дливо; то, ради Зевса, кого пришли вы учить? Развѣ не объ-
явили вы недавно, что лучше всякаго человѣка преподаете
B. добродѣтель каждому, кто хочетъ учиться? — Ты, Сократъ,
настоящій Кроносъ [1], подхватилъ Діонисіодоръ, если при-
поминаешь, что говорили мы прежде; ты повторилъ бы все,
что сказалъ я за годъ, а не знаешь, какъ взяться за то, что
говорится теперь. — Да теперешнее-то, видишь, трудно [2],
отвѣчалъ я, конечно потому, что сказано мудрецами; вотъ
и въ послѣднихъ словахъ твоихъ очень трудно взяться за те-
бя. Не самъ ли ты говоришь, Діонисіодоръ, что *я не могу
взяться за твои слова?* а это не значитъ ли, что мнѣ не опро-
C. вергнуть ихъ? Скажи, иначе ли какъ нибудь понимаешь ты
выраженіе: *я не знаю, какъ взяться за твои слова?*—Но вѣдь
и за то, что говоришь ты, тоже трудно взяться. Однакожь,

---

[1] Слово Κρόνος здѣсь весьма умѣстно: софисты приписываютъ Сократу только способность помнить прошедшее и упрекаютъ его въ недостаткѣ вниманія къ настоящему. См. *Aristoph.* Nubb. v. 926. Vesp. v. 1458. *Plut.* v. 581. Въ томъ же смыслѣ употребляется ἀρχαῖος, Nubb. v. 823. 908. *Plut.* v. 319. al. Посему напрасно нѣкоторые филологи замѣняютъ его словомъ κενός.

[2] *Видишь, теперешнее-то очень трудно*, καὶ γὰρ χαλεποί εἰσιν. Χαλεποί т. е. λόγοι, очевидно относится къ предъидущему τοῖς λεγομένοις, и поставлено во множественномъ числѣ κατὰ σύνεσιν, потому что τοῖς λεγομένοις тоже что τοῖς λόγοις.

отвѣчай мнѣ. —Какъ? не дождавшись твоего отвѣта, Діони-
сіодоръ? сказалъ я.—Ты не отвѣчаешь? — Такъ и должно
быть.—Конечно такъ должно быть, прибавилъ онъ.—А по-
чему? спросилъ я: видно по тому, что ты пришелъ къ намъ,
какъ всесвѣтный мудрецъ въ словѣ; ты знаешь, когда дол-
жно отвѣчать, когда нѣтъ; и теперь не отвѣчаешь, зная, что D.
отвѣчать не должно?—Ты оскорбляешь, а не думаешь объ от-
вѣтахъ, сказалъ онъ. Послушайся, добрый человѣкъ, и от-
вѣчай: вѣдь самъ же соглашаешься, что я мудрецъ.—Кажет-
ся, необходимость велитъ послушаться; потому что ты упра-
вляешь бесѣдою. Спрашивай.—Что мыслитъ, спросилъ онъ:
то ли, въ чемъ есть душа, или то, что бездушно? — То, въ
чемъ есть душа.—А знаешь ли ты какое-нибудь выраженіе,
въ которомъ была бы душа? — Клянусь Зевсомъ, что не
знаю. — По чему же ты недавно спрашивалъ, какой смыслъ
имѣетъ (*νοεῖ*) [1] мое выраженіе? — Конечно по тому только, E.
отвѣчалъ я, что слабость ума заставила меня ошибиться.
Или, можетъ быть, я не ошибся? можетъ быть и правда, что
выраженія мыслятъ? Какъ ты думаешь: ошибся я или нѣтъ?
Если не ошибся; то ты не опровергнешь меня и, не смотря
на свою мудрость, не сумѣешь взяться за слово: а если ошиб-
ся, то ты неправду утверждалъ, будто нельзя ошибаться.
И это относится уже не къ тому, что сказано было тобою за 288.
годъ. Такъ-то, Діонисіодоръ и Эвтидемъ, продолжалъ я, ваша
мудрость, видно, всегда въ одномъ состояніи: она и теперь
еще, какъ въ древности, низвергая другое, падаетъ сама; и
ваше искуство, не смотря на столь дивный подборъ словъ,
донынѣ не нашло средства выйти изъ этого состоянія. — По-
слѣ того Ктизиппъ сказалъ: что за странныя вещи говорите
вы, мужи турійскіе, хіосскіе, или какіе еще,—какимъ име- B.
немъ угодно вамъ называться, — вы, которымъ сумасброд-

---

[1] Выше Сократъ сказалъ: *какой другой смыслъ имѣетъ твое выраженіе*, и употребилъ слово ἐννοεῖ: *τί σοι ἄλλο ἐννοεῖ τοῦτο τὸ ῥῆμα*, т. е. какую мысль внушаетъ твое выраженіе? Но софистъ ἐννοεῖ замѣняетъ глаголомъ νοεῖ и даетъ словамъ Сократа совсѣмъ другое значеніе: *какой смыслъ имѣетъ* (т. е. мыслитъ) *мое выраженіе? ὅ τί μοι νοεῖ* (или по лучшимъ спискамъ νοοῖ) *τὸ ῥῆμα*.

ствовать ничего не стоитъ!—Опасаясь, чтобы между ими не произошло ссоры, я снова остановилъ Ктизиппа и сказалъ: Ктизиппъ! считаю нужнымъ и тебѣ напомнить тоже самое, что напоминалъ Клиніасу. Ты не знаешь, какъ удивительна мудрость этихъ иностранцевъ; только они не хотятъ серьёзно раскрыть ее намъ, а подражаютъ Протею, египетскому со-
C. фисту, и чаруютъ насъ. Будемъ же и мы подражать Менелаю [1] и не отстанемъ отъ этихъ мужей, пока не обнаружится серьёзная сторона ихъ знанія. Я надѣюсь, что они откроютъ нѣчто превосходное, когда начнутъ говорить не-шутя. И такъ попросимъ ихъ, убѣдимъ, умолимъ быть откровенными. Между тѣмъ мнѣ хочется снова показать имъ, какого бы объ-
D. ясненія просилъ я отъ нихъ; а потому попытаюсь, какъ могу, повести свою бесѣду далѣе отъ той точки, на которой прежде остановился. Можетъ быть, чрезъ это мнѣ удастся вызвать ихъ къ дѣлу; можетъ быть изъ участія и жалости къ моимъ серьёзнымъ усиліямъ, они и сами заговорятъ серьёзнѣе.

И такъ Клиніасъ, сказалъ я, напомни мнѣ, на чемъ мы остановились. Кажется, мы наконецъ какъ-то тамъ согласились, что должно философствовать. Такъ ли? — Такъ, отвѣчалъ онъ.—А философія есть пріобрѣтеніе знанія. Не правда ли? — Правда, сказалъ онъ. — Но какое знаніе можно пріо-
E. брѣтать, чтобы пріобрѣсть его справедливо? не то ли, обыкновенно, которое обѣщаетъ намъ пользу? — Конечно то. — Было ли бы для насъ полезно ходить и узнавать, гдѣ въ землѣ зарыто много золота? —Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.— Однакожь, прежде мы доказали, возразилъ я, что нѣтъ ника-

---

[1] Здѣсь Платонъ дѣлаетъ аллюзію на извѣстное мѣсто Омировой Одиссеи. L. IV. v. 354. sqq. Менелай, задерживаемый вѣтрами на морѣ, долго не могъ попасть въ свое отечество и рѣшился вопросить Протея о причинѣ медленнаго плаванія. Идотея, дочь Протеева, научила его, какъ удержать бога—прорицателя, когда онъ вынырнетъ изъ моря, и заставить его удовлетворить вопрошателя. Слѣдуя ея наставленію, Менелай схватилъ Протея и, не смотря ни на какія его превращенія, не выпускалъ его изъ рукъ своихъ, пока тотъ, принявъ прежній свой образъ, не произнесъ пророчества.

кой пользы собрать себѣ все золото, даже безъ труда и безъ
раскапыванія земли; вѣдь, если бы мы умѣли и камни
превращать въ золото, наше умѣнье еще не имѣло бы никa- 289.
кой цѣны; ибо кто не знаетъ, какъ пользоваться золотомъ,
тому оно вовсе безполезно. Помнишь ли ты это, спросилъ
я? — Какъ же; помню. — Такимъ же образомъ нѣтъ никакой
пользы и въ прочихъ знаніяхъ, напримѣръ, въ промышлен-
номъ, врачебномъ и другихъ, которыя, наставляя, что дол-
жно дѣлать, не употребляютъ сдѣланнаго. Правда ли?—Под-
твердилъ.—Еслибы даже было знаніе дѣлать безсмертными, B.
да не научало пользоваться безсмертіемъ; то и оно, по вы-
шепринятымъ основаніямъ, не приносило бы, какъ видно,
никакой пользы.—Во всемъ этомъ мы согласились.—И такъ,
любезное дитя, сказалъ я, намъ нужно такое знаніе, въ ко-
торомъ совпадали бы и дѣланіе, и умѣнье пользоваться тѣмъ,
что дѣлается.—Явно, примолвилъ онъ.—Далеко до того одна-
кожъ, чтобы мы, умѣя дѣлать лиру, были мастера и играть
на ней; потому что здѣсь иное — дѣлать, а иное — пользо- C.
ваться: эти искуства отдѣльны одно отъ другаго, то-есть, дѣ-
ланіе лиры и игра на лирѣ взаимно различаются. Не такъ
ли? — Подтвердилъ. — Не нужно намъ разумѣется, и
искуство играть на флейтѣ [1]; потому что и оно отлично отъ
дѣланія флейты.—Согласился. — Но ради боговъ! сказалъ я:
когда мы изучаемъ искуство сочинять рѣчи; то оно ли то,
которое изучивши, мы должны быть счастливыми? — Не ду- D.
маю, отвѣчалъ Клиніасъ.—А на какомъ основаніи, спросилъ
я? — Мнѣ извѣстны нѣкоторые писатели рѣчей [2], отвѣчалъ
онъ, не умѣющіе пользоваться написанными рѣчами, подобно
тому, какъ дѣлатели лиръ не пользуются своими лирами, то-

---

[1] Эти слова Сократа надобно представлять въ связи не съ тѣми, за которыми онѣ непосредственно слѣдуютъ, а съ главнымъ предметомъ рѣчи: *нѣтъ никакой пользы и въ прочихъ знаніяхъ, напримѣръ, промышленномъ, врачебномъ и другихъ*. p. 289 A.

[2] *Писатели рѣчей*, λογοποιοί, суть тѣ самые, которые въ концѣ этого разговора называются λογογράφοι, то-есть, люди сочиняющіе рѣчи по заказу, для защищенія какого-нибудь судебнаго дѣла. *Pierson* ad Mœr. p. 244.

гда какъ другіе весьма хорошо пользуются ими, хотя сами не въ состояніи сочинять рѣчи. А отсюда видно, что и относительно рѣчей, искуство сочинять ихъ и искуство пользоваться ими—отдѣльны.—Ты привелъ, кажется, достаточное основаніе, что искуство сочинять рѣчи не есть то пріобрѣтеніе, которое сдѣлало бы насъ счастливыми: а я изъ него то именно и думалъ было произвесть такъ давно искомое нами зна-
E. ніе. Вѣдь люди, сочиняющіе рѣчи, когда случается встрѣтиться съ ними, кажутся, Клиніасъ, чрезвычайно мудрыми, а самое искуство ихъ — божественнымъ, высокимъ: и не удивительно; потому что оно есть часть искуства обаятелей и въ не многомъ уступаетъ ему. Обаятели заговариваютъ змѣй,
290. пауковъ, скорпіоновъ и другихъ животныхъ, или болѣзни; а сочинители рѣчей, заговариваютъ и укрощаютъ судей, депутатовъ и народную толпу. Или ты, можетъ быть, иначе представляешь? спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ кажется такъ, какъ ты говоришь.—Къ чему же еще обратимся мы? къ какому искуству? [1]—Не придумаю, сказалъ онъ.—А я, кажет-
B. ся, нашелъ.—Какое же? спросилъ Клиніасъ.—По видимому воинское, отвѣчалъ я: пріобрѣтеніе его, скорѣе всѣхъ другихъ можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ.—О, не думаю.—Какъ? сказалъ я.—Вѣдь оно есть искуство охотиться за людьми.—Такъ чтожъ? спросилъ я.—Никакая охота, отвѣчалъ онъ, не простирается далѣе цѣли поймать и схватить. Но схвативъ, что ловили, охотники не могутъ пользоваться своею добычею: напротивъ, псари и рыболовы отдаютъ ее пова-
C. рамъ; геометры, астрономы и счетчики (ибо и они охотники, потому что не сами дѣлаютъ фигуры [2], а находятъ уже готовыя), по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ нихъ, умѣя не употреблять, а только ловить, довѣряютъ пользоваться

---

[1] Которое бы, то-есть, приносило пользу,— предписывало правила и исполняло ихъ самымъ дѣломъ, слѣдовательно дѣлало человѣка счастливымъ.

[2] *Не сами дѣлаютъ фигуры*, *οὐ γὰρ ποιοῦσι τὰ διαγράμματα*; то-есть, ихъ искуство не есть *ποιητική τις*, не изобрѣтаетъ, не творитъ чего-нибудь новаго, но разсматриваетъ уже данное, слѣдовательно по справедливости должно быть названо *θηρευτική*. Имѣть дѣло съ фигурами, то-есть, очертаніями вещей, *δια-*

своими открытіями діалектикамъ [1]. — Такъ, прекраснѣйшій и мудрѣйшій Клиніасъ, сказалъ я, истинно такъ.—Конечно, продолжалъ онъ, даже и полководцы, взявъ какой нибудь городъ, или лагерь, передаютъ его политикамъ [2], какъ ловцы D.
переполовъ, которые сдаютъ свою добычу перепелопитателямъ, потому что сами не могутъ пользоваться тѣмъ, что взяли. По этому, если намъ нужно такое искуство, сказалъ онъ, которое, научая дѣлать или ловить, равно научало бы и пользоваться дѣломъ или добычею, и чрезъ то доставляло бы намъ счастіе; то, вмѣсто воинскаго, надобно поискать какого-нибудь другаго.

Крит. Что ты говоришь, Сократъ? Не уже ли этотъ E.
мальчикъ въ самомъ дѣлѣ такъ разсуждалъ?

Сокр. А ты не вѣришь, Критонъ?

Крит. Да, клянусь Зевсомъ. Если онъ это говорилъ; то ему, кажется, не нужно учиться ни у Эвтидема, ни у другаго какого бы то ни было человѣка.

Сокр. Но въ самомъ дѣлѣ, ради Зевса, не Ктизиппъ ли ужъ говорилъ это? не смѣшалъ ли я?

Крит. Какой Ктизиппъ! 291.

Сокр. По крайней мѣрѣ мнѣ хорошо помнится, что это говорено не Эвтидемомъ и не Діонисіодоромъ. Но, любезнѣйшій Критонъ, не разсуждалъ ли такимъ образомъ кто-ни-

---

γράμματα, по видимому свойственно только геометрамъ и астрономамъ, а не счетчикамъ, или по нынѣшнему, алгебристамъ: но подъ словомъ διαγράμματα надобно разумѣть какъ пространственное, такъ и численное выраженіе предметовъ, вообще — природу въ явленіяхъ.

[1] *Довѣряютъ пользоваться своими открытіями діалектикамъ;* потому что подъ именемъ діалектики Греки разумѣли науку, изслѣдывающую внутреннія свойства вещей, что нынѣ философія, и въ этомъ отношеніи противополагали ее наукамъ опытнымъ, которыя занимаются явленіями природы. См. de Rep. VII. p. 531. B. — 536. C.

[2] *Политикамъ, πολιτικοῖς ἀνδράσι,* то-есть, дипломатамъ, которые разсуждаютъ о сдачѣ взятыхъ лагерей или городовъ, объ условіяхъ мира или перемирія, объ управленіи завоеванными странами и проч. Сравненіе полководцевъ съ ловцами перепеловъ, кажется, есть намекъ на отношеніе сильнѣйшихъ греческихъ республикъ къ слабѣйшимъ, и походитъ на колкую укоризну, хотя Сократъ, какъ извѣстно, былъ и великій патріотъ.

будь превосходнѣйшій изъ бывшихъ тамъ? А что я дѣйствительно слышалъ это, нельзя сомнѣваться.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что вѣрно кто-нибудь превосходнѣйшій [1] и гораздо лучшій. Но какого же потомъ искали вы искуства? и нашли ли, или не нашли, чего искали?

B. *Сокр*. Гдѣ найти, другъ мой! Мы только сдѣлались смѣшными, какъ дѣти, гонящіяся за жаворонками [2]: мы готовы были тотчасъ схватить то одно, то другое знаніе; но онѣ всегда ускользали отъ насъ. Впрочемъ, что много говорить? Когда мы дошли даже и до царскаго искуства, съ намѣреніемъ разсмотрѣть, не оно ли доставляетъ намъ счастіе и бываетъ его причиною; то и тутъ попали какъ будто въ лабиринтъ и, думая, что уже конецъ розысканіямъ, очутились снова среди недоумѣній, колебавшихъ насъ при самомъ началѣ изслѣдованія, и увидѣли, что намъ все столько же не-
C. достаетъ, сколько недоставало прежде.

Крит. Какъ же это случилось, Сократъ?

Сокр. Я разскажу. Намъ, видишь, представилось, что политическое и царское искуство—одно и тоже.

Крит. Такъ чтожь тутъ?

Сокр. Этому искуству, такъ какъ оно одно только знаетъ употребленіе всего, передаютъ власть надъ дѣлами, и воинское и прочія производительныя искуства. Такъ ясно, что оно показалось намъ тѣмъ самымъ, чего мы искали, то-есть,

---

[1] *Вѣрно кто-нибудь превосходнѣйшій*, τῶν κρειττόνων μέντοι τις ἐμοὶ δοκεῖ. Не объявляя прямо, кто сказалъ это, Сократъ однакожъ утверждаетъ, что онъ слышалъ эти мысли, и такимъ образомъ какъ будто указываетъ на внушеніе божественное; ибо подъ словомъ κρείττονες Греки иногда разумѣли боговъ. См. *Schaefer*. melett. p. 31. *Dissen*. ad Pindar. p. 132. Между тѣмъ Критонъ κρείττονες относитъ къ кому-нибудь изъ отличнѣйшихъ собесѣдниковъ Сократовыхъ.

[2] *Какъ дѣти, гонящіяся за жаворонками*, ὥςπερ τὰ παιδία τὰ τοὺς κορυδοὺς διώκοντα. Это выраженіе, кажется, имѣло силу пословицы: но его нельзя почитать однозначительнымъ съ нашею поговоркою: дѣти, гонящіяся за бабочкой; потому что оно указываетъ на дѣйствіе невыполнимое, на предпріятіе выше силъ человѣческихъ, и чрезъ то намекаетъ, что искомое знаніе, или истинная мудрость и добродѣтель — даются небомъ, а не землею.

причиною правильной дѣятельности въ городѣ, которая, какъ
говорится въ ямбахъ Эсхиловыхъ [1], одна возсѣдаетъ у госу-
дарственнаго кормила, одна, всѣмъ управляя, и надъ всѣмъ
начальствуя, на все разливаетъ пользу. D.

Крит. Чтожь? вѣдь вамъ хорошо показалось, Сократъ?

Сокр. А вотъ самъ разсудишь, Критонъ, когда захочешь
послушать, что было послѣ этого. Мы тотчасъ начали раз-
сматривать предметъ слѣдующимъ образомъ: Пусть такъ; но
господствующее надъ всѣмъ царское искуство производитъ
ли для насъ что-нибудь, или не производитъ? — Конечно про-
изводитъ что-нибудь, сказали мы другъ другу. И ты, Кри- E.
тонъ, сказалъ бы это?

Крит. И я.

Сокр. Но какое дѣло ты приписалъ бы ему? Положимъ, я спросилъ бы тебя: что производитъ врачебное искуство, поколику начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ начальствуетъ? — Ты конечно отвѣчалъ бы: здоровье?

Крит. Да.

Сокр. Потомъ, что производитъ ваше искуство землед
лія [2], поколику оно начальствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ
начальствуетъ?—Не сказалъ ли бы ты, что оно произращаетъ 292.
изъ земли пищу?

Крит. Да.

Сокр. Но что производитъ царское искуство, поколику оно господствуетъ надъ всѣмъ, надъ чѣмъ господствуетъ? Можетъ быть, при этомъ ты не вдругъ найдешься.

Крит. Не вдругъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Равно и мы, Критонъ. Да и то еще знай, что если

---

[1] См. Трагедію Эсхила *ἑπτὰ ἐπὶ Θήβαις*. v. I. *Κάδμȣ πολῖται, χρὴ λέγειν τὰ καίρια ὅστις φυλάσσει πρᾶγος ἐν πρύμνῃ πόλεως Οἴακα νωμῶν, βλέφαρα μὴ κοιμῶν ὕπνῳ.*

[2] *Ваше искуство, земледѣліе*. Многіе Аѳиняне, имѣвшіе въ Аттикѣ помѣстья, сами обработывали поля свои. Сравн. *Boeckh*. Oeconom. Athen. T. I. 44. sq. Ниже (p. 304. C.) Платонъ относитъ Критона къ классу *τῶν χρηματιστῶν*.

есть такое искуство, какого мы ищемъ, то оно должно быть полезно.

Крит. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, оно должно подавать намъ какое-нибудь благо?

Крит. Необходимо, Сократъ.

B. *Сокр.* А благо, по обоюдному нашему согласію съ Кліасомъ, есть не что иное, какъ нѣкоторое знаніе.

Крит. Да, ты говорилъ такъ.

Сокр. По этому всѣ дѣла, приписываемыя политикѣ — а такихъ дѣлъ много: напримѣръ, доставлять гражданамъ богатство, свободу, спокойствіе — всѣ онѣ, по видимому, ни худы, ни хороши. Политика должна сдѣлать насъ мудрыми и преподать намъ знаніе, если она обязана облагодѣтельствовать и счастливить насъ.

C. *Крит.* Правда; и вы тогда конечно согласились въ этомъ заключеніи, какъ ты разсказывалъ о вашей бесѣдѣ.

Сокр. Но царское искуство дѣлаетъ ли людей мудрыми и добрыми?

Крит. Что же можетъ препятствовать, Сократъ?

Сокр. Дѣлаетъ добрыми всѣхъ и во всемъ? сообщаетъ всякое знаніе, — и кожевенное и плотническое и всѣ другія?

Крит. Не думаю, Сократъ.

D. *Сокр.* И такъ, какое же знаніе? Какимъ знаніемъ пользуемся мы отъ этого искуства? Само оно, изъ всѣхъ худыхъ и добрыхъ дѣлъ, не производитъ ни одного; а знаніе не даетъ никакого знанія, кромѣ самаго себя. По этому спрашивается: въ чемъ состоитъ то, чѣмъ мы пользуемся отъ него? Хочешь ли, Критонъ, мы назовемъ его искуствомъ дѣлать людей добрыми?

Крит. Конечно.

Сокр. Но чѣмъ будутъ у насъ добрые? и въ чемъ они полезны? Пожалуй, мы скажемъ еще, что добрые сдѣлаютъ добрыми другихъ, а другіе опять другихъ: все однакоже не
E. откроется, что такое добрые, когда мы не изслѣдовали дѣла,

приписываемаго политикѣ. Такимъ образомъ, по простой пословицѣ, остается вѣчное тоже (ὁ Διὸς Κόρινθος) [1] и, какъ я говорилъ, намъ недостаетъ столько же, или еще болѣе, нежели прежде, для отъисканія такого знанія, которое сдѣлало бы насъ счастливыми.

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, вы, какъ видно, запутались въ большія недоумѣнія.

Сокр. Запутавшись въ такія недоумѣнія, Критонъ, я и 293.
самъ уже закричалъ изо всей силы, прося иностранцевъ и призывая ихъ, какъ Діоскуровъ [1], спасти насъ—меня и дитя—отъ этого треволненнаго разговора, позаботиться и нешутя показать, въ чемъ состоитъ то знаніе, съ помощію котораго могли бы мы хорошо провести остальную свою жизнь.

Крит. Чтожь? согласился ли Эвтидемъ сказать вамъ это?

Сокр. Какъ же, другъ мой; онъ дѣйствительно началъ очень свысока слѣдующее слово.

Хочешь ли, Сократъ, чтобъ я преподалъ тебѣ то знаніе, въ разсужденіи котораго вы такъ давно недоумѣваете, или до- B.
казалъ, что ты уже имѣешь его?—О счастливецъ! воскликнулъ я; неужели оно у тебя?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Такъ покажи мнѣ его и докажи, ради Зевса, что оно есть и у меня; вѣдь это легче, чѣмъ учиться такому старику, какъ я.—Изволь. Отвѣчай мнѣ: знаешь ли ты что-нибудь?—Да, многое отвѣчалъ я, только все мелочи.—Достаточно, сказалъ онъ. Почитаешь ли ты возможнымъ, чтобы того самаго сущаго которое есть, не было?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не почитаю.—Но не сказалъ ли ты, что кое-что знаешь?—Ска- C.

---

[1] *Вѣчное тоже*, или Зевсовъ Коринѳъ, ὁ Διὸς Κόρινθος,—пословица, выражавшая вѣчное вращаніе въ сферѣ извѣстнаго понятія, и прилагавшаяся къ такимъ доказательствамъ, въ которыхъ первое доказывается вторымъ, а второе первымъ. Происхожденіе этой пословицы объясняли *Müller*. Doriens. I. p. 88 9. *Dissen*. ad Pindar. p. 467. *Wachsmuth* Hellen. Alterthumsk. II. 2. p. 188.

[1] Діоскурами Греки называли созвѣздіе Кастора и Поллукса, къ которымъ они обращались съ молитвами при кораблекрушеніяхъ. По сему упомянувъ о треволненномъ разговорѣ, Сократъ здѣсь очень кстати уподобляетъ Эвтидема и Діонисіодора Діоскурамъ.

залъ. — И такъ ты знатокъ, когда знаешь? — Конечно, знатокъ того именно, что знаю. — Все равно. Развѣ не необходимо, что знатокъ знаетъ все? — Нѣтъ, ради Зевса, вѣдь я многаго не знаю. — А если чего-нибудь не знаешь, то и незнатокъ?—Незнатокъ того именно, чего не знаю, другъ мой, сказалъ я. — По этому, продолжалъ онъ, ты не меньше незнатокъ? между тѣмъ самъ же сейчасъ говорилъ, что знатокъ. Стало быть ты то, что есть, и вмѣстѣ-не то, что есть. — По-
D. ложимъ, Эвтидемъ, сказалъ я: ты-таки, по пословицѣ, прекрасно трещишь (*καλὰ δὴ παταγέις*) [1]. Но какъ же мнѣ попасть на то знаніе, котораго мы искали? Выходитъ, что такъ какъ нельзя, чтобы одно и тоже было и не было; то, если я знаю одно, знаю и все,—ибо невозможно быть вмѣстѣ знатокомъ и незнатокомъ. А когда я знаю все; тогда обладаю и тѣмъ знаніемъ, котораго мы искали. Не это ли твоя мысль, мудрое твое открытіе? —Ты уже и самъ себя опровергаешь, Со-
E. кратъ, сказалъ онъ.—Какъ? Эвтидемъ, возразилъ я; а тебѣ не тоже приключилось? Я не досадую, что раздѣляю равную участь съ тобой и Діонисіодоромъ, этою любезною головою. Скажи, не правда ли, что оба вы одно сущее знаете, а другаго не знаете?—Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ, отвѣчалъ Діонисіодоръ. — Что вы говорите? сказалъ я; развѣ вы ничего не
294. знаете?—Конечно [2]. — А когда нѣчто знаете, то знаете и

---

[1] *Ты-таки, по пословицѣ, прекрасно трещишь*, *τὸ γὰρ λεγόμενον, καλὰ δὴ παταγεῖς*. Во всѣхъ почти изданіяхъ стоитъ: *καλὰ δη πάντα λέγεις*, а по Схоліасту, *καλὰ δὴ πάντ' ἄγεις*. Но въ этихъ выраженіяхъ не видно никакой пословицы; слѣдовательно здѣсь текстъ поврежденъ. Штальбомъ, основываясь на замѣчаніяхъ *Abreschii* ad Hesychium et *Dindorfii* fragm. Aristoph. p. 100 поправляетъ его такъ: *καλὰ δὴ παταγεῖς*; и эта поправка весьма нравится, потому что у Исзихія Vol. II. p. 117. *καλὰ δη παταγεῖς*, дѣйствительно называется пословицею.

[2] *Конечно*, *καὶ μάλα*. Штальбомъ говоритъ, что здѣсь надобно подразумѣвать *ἐπιστάμεθά τι*; какъ будто бы то-есть Діонисіодоръ отвѣчаетъ отрицательно: *нѣтъ*, *мы нѣчто знаемъ*. Но это дополненіе вовсе не нужно; софистъ только подтверждаетъ мысль Сократа и соглашается, что они ничего не знаютъ. Сила софизма — въ слѣдующемъ: каждый человѣкъ или знатокъ, или незнатокъ: знатокъ—потому, что зная нѣчто, знаетъ все; незнатокъ потому, что не зная чего-нибудь, не знаетъ ничего. По этому софисты могли доказывать, что они и все знаютъ, и ничего не знаютъ.

все? — Все, отвѣчалъ онъ, такъ же какъ и ты, зная одно,
знаешь все. — О Зевсъ! сказалъ я, какія дивныя слова, и
сколько открывается въ нихъ добраго! А прочіе люди знаютъ
все, или ничего?—О, прочіе-то люди, примолвилъ онъ, одно
знаютъ, а другаго не знаютъ; они вмѣстѣ знатоки и незна-
токи [1]. — Но какъ же это? спросилъ я.—Такъ, Сократъ, от-
вѣчалъ онъ, что всѣ знаютъ все, если знаютъ одно. — О,
ради боговъ, Діонисіодоръ! вскричалъ я: теперь ясно, что вы B.
говорите не шутя; насилу я вызвалъ васъ къ серьёзной бе-
сѣдѣ. И такъ вы въ самомъ дѣлѣ все умѣете? и плотничать
и кожевничать?—Конечно.—И чинить башмаки?—Да, су-
дарь, и подшивать подметки [2]. — Умѣете также сосчитать,
сколько звѣздъ и песку?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. А
ты думалъ, что мы не подтвердимъ этого?—Тутъ Ктизиппъ
прервалъ нашъ разговоръ и сказалъ: представьте же, ради
Зевса, Діонисіодоръ, какое нибудь доказательство, изъ кото- C.
раго бы видно было, что вы говорите правду. — Что я пред-
ставлю тебѣ? отвѣчалъ онъ.—Знаешь ли ты, сколько зубовъ
у Эвтидема? и знаетъ ли Эвтидемъ, сколько ихъ у тебя? —
А развѣ тебѣ не довольно было слышать, что мы все зна-
емъ?—Отнюдь не довольно отвѣчалъ онъ. Скажите намъ еще
это одно, и тѣмъ докажите, что говорите правду. Когда вы
скажете, сколько у каждаго изъ васъ зубовъ, и когда, сосчи-
тавъ ихъ, мы увидимъ, что число ихъ дѣйствительно таково;
тогда повѣримъ вамъ и во всемъ другомъ. — Подумавъ, что
Ктизиппъ смѣется надъ ними, они не захотѣли говорить, и D.
на каждый вопросъ его отвѣчали только, что все знаютъ; —
ибо кажется ничего уже не оставалось, о чемъ бы Ктизиппъ

---

[1] Очевидно, что Діонисіодоръ говоритъ это иронически: но какъ велико различіе между ироніею Сократовою и софистическою! Сократъ тонокъ и вѣжливъ; внѣшнею стороною его рѣчи нельзя оскорбиться: напротивъ софисты грубы и дерзки; ихъ выраженія носятъ характеръ ребяческаго своенравія.

[2] *Да, сударь, и подшивать подметки*, καὶ ναὶ μὰ Δία καττύειν. Такъ объясняетъ слово καττύειν *Casaub.* ad Theophr. Char. IV. p. 58. Формула καὶ ναὶ μὰ Δία, или ἢ καὶ νὴ Δία соотвѣтствуетъ латинской: et mehercule, и входитъ въ рѣчь, какъ выраженіе досады, или насмѣшки. *Schaefer.* Melett. Critt. p. 62. *Fritsch.* Quaest. Lucian. p. 155. sqq.

весьма откровенно не спрашивалъ ихъ, даже о вещахъ самыхъ постыдныхъ: а они, какъ дикіе кабаны на ударъ, смѣло и дружно шли на вопросы, повторяя, что все знаютъ. Наконецъ и я, Критонъ, побуждаемый невѣріемъ, спросилъ
E. Эвтидема: не умѣетъ ли Діонисіодоръ и плясать?—Конечно умѣетъ, отвѣчалъ онъ.—Но ужь вѣрно не пляшетъ на головѣ по ножамъ и, будучи въ такихъ лѣтахъ, не вертится на колесѣ? [1] Вѣрно его мудрость не простирается столь далеко?—Для него нѣтъ ничего невозможнаго, сказалъ онъ. — Однакожь, теперь ли только вы все знаете, или и всегда знали? спросилъ я. — И всегда, отвѣчалъ Эвтидемъ.—Знали, когда были дѣтьми и едва родились? — Все, сказали оба вмѣстѣ. —
295. Намъ показалось это невѣроятнымъ, и Эвтидемъ спросилъ: что? не вѣришь, Сократъ?—Да, кромѣ того только, примолвилъ я, что вы, должно быть, люди мудрые. — Но если хочешь отвѣчать, сказалъ онъ, я докажу, что и ты обладаешь столь же дивными вещами. — О, съ удовольствіемъ готовъ быть обличенъ въ этомъ, сказалъ я. Вѣдь если я мудръ, самъ того не сознавая, и ты докажешь, что мнѣ все и всегда было извѣстно; то найду ли въ цѣлой жизни сокровище болѣе этого?—Отвѣчай же, сказалъ онъ.—Спрашивай, буду отвѣ-
B. чать. — Знатокъ ли ты чего-нибудь, Сократъ, или незнатокъ? спросилъ онъ. — Знатокъ.—Но тѣмъ ли ты и знаешь, чѣмъ знатокъ, или не тѣмъ? — Чѣмъ знатокъ, то-есть, душею, сколько я понимаю тебя. Впрочемъ можетъ быть ты иное разумѣешь?—Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, на вопросъ отвѣчалъ вопросомъ? — Пусть стыдно, сказалъ я; но какъ же мнѣ поступить? Пожалуй, буду дѣлать, что приказываешь: только приказываешь ли ты мнѣ не спрашивать, а отвѣчать, даже и тогда, когда я не знаю, о чемъ ты спраши-
C. ваешь?—Однакожь ты понимаешь что-нибудь въ моихъ вопросахъ? сказалъ онъ.— Понимаю. —Такъ на то и отвѣчай, что понимаешь.—Какъ? если ты съ своимъ вопросомъ соеди-

---

[1] Объ этомъ искуствѣ греческихъ балансёровъ см. *Xenoph*. symp. II. 11. и *Wittenb*. примѣч. къ означенному мѣсту Ксенофонтова Пира.

няешь одинъ смыслъ, а я приписываю ему другой и, сообразно своему понятію, отвѣчаю; то мой отвѣтъ, нисколько не относящійся къ дѣлу, не ужели можетъ удовлетворить тебя?—Меня-то можетъ удовлетворить, сказалъ онъ: а тебя, не думаю.—О такъ, ради Зевса, я не буду отвѣчать, не увѣрившись въ смыслѣ вопроса. — Ты не будешь отвѣчать на вопросы, сообразно своему понятію, конечно по тому, что тебѣ хочется быть болтуномъ и упрямѣе обыкновеннаго. —
Замѣтивъ, что онъ сердится за различеніе словъ, которыми D.
хотѣлъ бы обойти и поймать меня, я вспомнилъ, что и Коннъ всякой разъ досадуетъ, какъ скоро я не соглашаюсь съ нимъ, и тогда уже гораздо менѣе заботится обо мнѣ, потому что почитаетъ меня неучемъ. А такъ какъ во мнѣ родилась мысль брать уроки и у Эвтидема; то я призналъ за лучшее согласиться съ нимъ, чтобы послѣ онъ не отвергъ меня, какъ негоднаго слушателя, и для того сказалъ: если, по твоему мнѣнію, Эвтидемъ, такъ надобно дѣлать, то дѣлай; по- E.
тому что ты безъ сомнѣнія лучше умѣешь вести разговоръ, чѣмъ я, человѣкъ неученый. Спрашивай же сначала. — Хорошо, сказалъ онъ, отвѣчай опять: знаешь ли ты то, что
знаешь, или нѣтъ? — Знаю, и при томъ душею. — Но вотъ 296.
ужъ въ отвѣтѣ этого человѣка и больше, чѣмъ въ моемъ вопросѣ: вѣдь я спрашиваю тебя не о томъ, чѣмъ ты знаешь, а о томъ, знаешь ли чѣмъ бы то ни было?—Излишекъ моего отвѣта произошелъ отъ моей необразованности, сказалъ я; извини меня: я уже готовъ отвѣчать просто, что всегда знаю, чѣмъ бы то ни было, то, что знаю.—Но всегда знаешь, продолжалъ онъ, тѣмъ же ли, или иногда тѣмъ, а иногда другимъ?—Всегда, когда знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же.—Да неужели не перестанешь прибавлять?[1] сказалъ онъ.—Боюсь,
чтобы не обмануло насъ это *всегда*. — Насъ не обманетъ; B.

---

[1] ***Да неужели не перестанешь ты прибавлять***, οὐκ αὖ παύει.... Софисту стало досадно, что Сократъ прибавилъ: ***когда знаю***, ὅταν ἐπίσταμαι, ограничивъ этимъ значеніе слова ***всегда***, ἀεί, которое можетъ быть принимаемо въ двухъ смыслахъ, — какъ ***всегда*** и какъ ***всякій разъ***, и этою двузнаменательностію его Эвтидемъ хотѣлъ воспользоваться.

развѣ тебя? Однакожъ отвѣчай. Ты знаешь тѣмъ же всегда? — Всегда, сказалъ я, за исключеніемъ *когда.* — Хорошо, ты знаешь тѣмъ же всегда; но зная всегда, одно знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, а другое другимъ, или все тѣмъ же? — Все вмѣстѣ, что только знаю, отвѣчалъ я, знаю тѣмъ же. — Опять прежнее прибавленіе, сказалъ онъ. — Ну, пожалуй,
C. прочь это: *что только знаю.* — Какая нужда! не устраняй ничего, а только отвѣчай. Можешь ли ты знать все вмѣстѣ, если не все знаешь? — Это было бы чудо, сказалъ я.—Прибавляй же теперь, что хочешь, подхватилъ онъ; ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ [1]. — Конечно, если прежнія слова мои: *все знаю, что только знаю*, не имѣютъ никакой силы. — Но ты равно согласился и въ томъ, что всегда знаешь тѣмъ, чѣмъ знаешь, *когда* ли зналъ бы ты, или какъ иначе; ибо, по твоимъ же словамъ, ты знаешь всегда и все
D. вмѣстѣ; слѣдовательно, ты зналъ все вмѣстѣ и во время дѣтства, и по рожденіи, и въ минуту рожденія, и до рожденія, и до существованія земли и неба. Да ты, клянусь Зевсомъ, всегда, все вмѣстѣ и будешь знать [2], если только я пожелаю того. — О пожелай, высокопочтенный Эвтидемъ, сказалъ я, если въ самомъ дѣлѣ говоришь правду! Но я не очень вѣрю, чтобы тебя достало для того, пока съ твоимъ желаніемъ не соединитъ своего и братъ твой, Діонисіодоръ. Въ противномъ случаѣ, могло бы быть [3].

---

[1] ***Ты согласился, что знаешь все вмѣстѣ,*** ἅπαντα γὰρ ὁμολογεῖς ἐπίστασθαι. Ἅπας есть сокращеніе словъ ἅμα и πᾶς. Сократъ говоритъ: странно было бы, если бы я, незная всего, πάντα, зналъ все вмѣстѣ, ἅπαντα; я знаю все вмѣстѣ только то, что знаю. Но софистъ, не обращая вниманія на это послѣднее ограниченіе, навязываетъ Сократу признаніе, что онъ зная все вмѣстѣ, знаетъ все, и такимъ образомъ ἅπαντα принимаетъ въ значеніи πάντα.

[2] ***Да ты всегда все вмѣстѣ и будешь знать,*** αὐτὸς ἀεὶ ἐπίστησει καὶ ἅπαντα. Филологи въ этомъ выраженіи почитаютъ неумѣстнымъ αὐτὸς и замѣняютъ его то αὖθις, то εὐθὺς: но по моему мнѣнію, здѣсь и должно стоять слово αὐτὸς; потому что въ этомъ мѣстѣ оно употреблено вмѣсто σύ γε и почти однозначительно съ слѣдующимъ: αὐτός τε φεύξει πάντα τὰ ἐπιτηδεύματα. Euthyd. p. 307. B. Ἐγὼ οὖν μοὶ δοκῶ καὶ αὐτὸς πάλιν ὑφηγήτασθαι. Euthyd. p. 288. C.

[3] ***Въ противномъ случаѣ, могло бы быть.*** См. ***Hoogween.*** οὕτω δὲ τάχ' ἄν. δὲ стоитъ во всѣхъ спискахъ Платона: но филологи, не понимая Платоновой мысли, исключаютъ эту частицу, какъ глоссему. Между тѣмъ обыкновенное

Скажите (впрочемъ какъ бы мнѣ и недоумѣвать, когда E.
вы, люди чудно мудрые, говорите, что я все знаю), —
скажи, Эвтидемъ, какъ я могу знать подобное тому, что
люди добрые несправедливы? Скажи, знаю ли я это, или не
знаю?—Знаешь, отвѣчалъ онъ.—Что знаю? спросилъ я.—
Что люди добрые не несправедливы. — Да, конечно, и давно 297.
уже; но вопросъ не о томъ: я говорилъ, что люди добрые
несправедливы. Откуда бы мнѣ знать это? — Ни откуда, отвѣчалъ
Діонисіодоръ. — Слѣдовательно, я не знаю этого?—
Ты портишь разговоръ, сказалъ Эвтидемъ Діонисіодору.
Если бы Сократъ не зналъ этого; то былъ бы вмѣстѣ знатокъ
и незнатокъ. — Діонисіодоръ покраснѣлъ. — А ты-то,
Эвтидемъ, что говоришь? возразилъ я. Твой братъ утверж- B.
даетъ, думаешь, несправедливо: но вѣдь онъ все знаетъ?—
Я братъ Эвтидема? быстро подхватилъ Діонисіодоръ. — Подожди,
любезный, сказалъ я, пока Эвтидемъ не научитъ меня,
какимъ образомъ я знаю, что люди добрые бываютъ несправедливы,
и не позавидуй моей наукѣ. — Бѣжишь, Сократъ,
сказалъ Діонисіодоръ, отвѣчать не хочешь. — Естественно;
потому что я слабѣе васъ и по одиначкѣ: какъ же не бѣжать C.
отъ двоихъ-то? Мнѣ далеко до Иракла: но и онъ не могъ сражаться
въ тоже время и противъ гидры, этой софистки, у
которой, по причинѣ ея мудрости, вмѣсто одной отсѣченной
словесной головы, раждались многія; и противъ рака, другаго
софиста, повидимому, только что вышедшаго изъ моря.
Когда этотъ послѣдній досаждалъ ему своими словами и кусалъ
его слѣва; Ираклъ позвалъ на помощь племянника своего
Іолея, который дѣйствительно помогъ ему [1]. Если бы и D.

чтеніе намъ кажется весьма вѣрнымъ, и δὲ въ настоящемъ выраженіи необходимо; потому что οὕτω δὲ указываетъ на противную мысль: εἰ συμβληθείη ὁ ἀδελφός; а слѣдующее τάχ' ἂν есть эллипсисъ и мысленно должно быть пополнено словомъ ἐπιστήσωμαι.

[1] Басня о сраженіи Иракла съ Гидрою и ракомъ, весьма хорошо выражаетъ діалектическій споръ Сократа съ софистами: въ ней каждое обстоятельство имѣетъ ближайшее приложеніе къ настоящему дѣлу — даже и то, что ракъ, надоѣвшій Иракլу, недавно выплылъ изъ моря и кусалъ его

ко мнѣ пришелъ сюда Іолей, мой Патроклъ [1]; то поступилъ
бы еще не такъ. — Полно тебѣ пѣть-то, сказалъ Діонисіо-
доръ? отвѣчай-ка: Іолей болѣе ли былъ племянникомъ Ира-
кла, чѣмъ твоимъ?—Ты, Діонисіодоръ, насильно заставляешь
меня отвѣчать тебѣ по тому, что непрестанно спрашива-
ешь, сколько могу замѣчать, отъ зависти, чтобы помѣ-
шать Эвтидему преподать мнѣ ту мудрую вещь. — Отвѣ-
чай же, сказалъ онъ. — Отвѣчаю, что Іолей былъ племян-
никомъ Иракла, а моимъ, какъ мнѣ кажется, отнюдь не
E. былъ; потому что отецъ его—не Патроклъ, братъ мой, а
Ификлъ, братъ Иракла, сходный съ нимъ по имени [2]. — Но
Патроклъ, сказалъ онъ, твой ли? — Конечно, мы съ нимъ
отъ одной матери, хотя и не отъ одного отца. — Слѣдова-
тельно, онъ и братъ тебѣ и не братъ? — Ты слышалъ, другъ
мой, что мы только не отъ одного отца: его отецъ былъ Хе-
редемъ, а мой Софронискъ. — И такъ, отецъ былъ Софро-
нискъ и Хер态демъ, спросилъ онъ? — Да, отвѣчалъ я, одинъ
298. мой, другой его. — Но Хер態демъ не былъ ли другой въ раз-
сужденіи отца? — Да, въ разсужденіи моего отца, сказалъ
я.—Однакожь, бывъ другимъ въ разсужденіи отца, онъ былъ

слѣва; ибо это весьма идетъ къ Діонисіодору, который за нѣсколько времени пріѣхалъ въ Аѳины изъ за моря и сидѣлъ по лѣвую сторону Сократа.

[1] О Патроклѣ, братѣ Сократа, Платонъ не упоминаетъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ своихъ разговоровъ; да и изъ прочихъ писателей никто не говоритъ о немъ. Одинъ только Гемстергузій (ad Lucian. som. § 12), предлагаетъ догадку, будто этотъ Патроклъ былъ ваятель, процвѣтавшій въ 95 олимп. и упоминаемый Пливіемъ (Hist. natur. 37. 8.), что впрочемъ едвали справедливо. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ говоритъ о своемъ братѣ, что онъ *πλέον ἂν θάτερον ποιήσειεν*. Это выраженіе филологи объясняютъ слѣдующимъ образомъ: malam rem etiam peiorem redderet. Но такое объясненіе, по нашему мнѣнію, вовсе не вѣрно. Во-первыхъ здѣсь нѣтъ и мысли о худомъ дѣлѣ; во вторыхъ *θάτερον* значитъ не *хуже*, а *иначе*, отъ *τὸ ἕτερον*. По этому я перевожу: *онъ поступилъ бы еще не такъ*, то-есть, онъ помогъ бы мнѣ еще болѣе, чѣмъ Іолей Ираклу. Впрочемъ это сказано иронически, а не въ собственномъ смыслѣ.

[2] *Сходный съ нимъ по имени.* Здѣсь говорится о сходствѣ именъ Πατροκλῆς и Ἰφικλῆς. Сократъ, очевидно шутитъ надъ стараніемъ софистовъ отыскивать въ каждомъ словѣ основаніе для какого-нибудь новаго софизма. Онъ какъ бы такъ говоритъ: чего стоитъ вамъ Іолеевымъ отцемъ сдѣлать, вмѣсто Ификла, Патрокла; вѣдь имена-то ихъ сходны.

отецъ? Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень ?[1]— Боюсь, сказалъ я, какъ бы у тебя въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться камнемъ, что однакожъ мнѣ не нравится.—А развѣ ты другой въ разсужденіи камня? — Конечно другой.—Но если ты другой въ разсужденіи камня, то ты не камень? И если другой въ разсужденіи золота, то ты не золото? — Правда. — А по тому, если Хередемъ другой въ разсужденіи отца, то онъ не B.
отецъ. — Должно быть не отецъ, отвѣчалъ я. — Когда же Хередемъ—отецъ, перехватилъ Эвтидемъ, такъ Софронискъ, какъ другой въ разсужденіи отца, уже не отецъ, и по тому у тебя, Сократъ, нѣтъ отца [2]. — Тутъ вмѣшался въ разговоръ Ктизиппъ и сказалъ: но развѣ не одинаковое заключеніе и о вашемъ отцѣ? Не правда ли, что онъ другой въ разсужденіи моего отца?—Далеко до этого [3], отвѣчалъ Эвтидемъ. — Какъ! по вашему мнѣнію онъ тотъ же? — Конечно тотъ же, сказалъ онъ.—Ну, мнѣ не хотѣлось бы. Однакожъ, C.
Эвтидемъ, мой отецъ есть ли только мой, или и другихъ людей?—И другихъ, отвѣчалъ онъ. Да развѣ ты думаешь, что одинъ и тотъ же отецъ не есть отецъ? — Я дѣйствительно такъ думалъ, сказалъ Ктизиппъ. — Что? по твоему, золото не есть золото? человѣкъ не есть человѣкъ? спросилъ Эвтидемъ. — Не то, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ: ты, по пословицѣ, не вяжешь нитки съ ниткой [4]; ты говоришь что-то

---

[1] *Впрочемъ можетъ быть ты самъ тоже, что камень;* то-есть, можетъ быть, ты самъ не другой вразсужденіи камня. Софистъ видимо досадуетъ на Сократа за то, что онъ ограничиваетъ своими оговорками каждый вопросъ его и чрезъ то мѣшаетъ ему идти къ заключенію. Камнемъ Греки метафорически называли глупца; тотъ же смыслъ въ настоящемъ случаѣ соединилъ съ этимъ словомъ и Діонисіодоръ: но Сократъ, по мнѣнію Штальбома, принимаетъ его въ значеніи молчанія и отвѣчаетъ: боюсь, что бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ не превратиться въ камень. Сравн. Symp. p. 198. C. Съ такимъ изъясненіемъ можно согласиться, если слѣдующія за тѣмъ слова *οὐ μέντοι μοὶ δοκῶ*, переводить: *а этого мнѣ не хочется*, какъ выше p. 288. C.

[2] Весь этотъ софизмъ разобранъ Аристотелемъ. De Sophist. elench. V. 2. 3. XXIV. 1. 2.

[3] *Слишкомъ далеко*, *πολλοῦ γ᾽, ἔφει, δεῖ*. Софистъ не хочетъ сказать прямо: *πολλοῦ διαφέρει*; ибо прежде самъ доказывалъ, что противорѣчить не возможно.

[4] *Ты, по пословицѣ, не вяжешь нитки съ ниткой*, *τὸ λεγόμενον, οὐ λίνον λίνῳ*

странное, будто твой отецъ есть отецъ и другихъ. — Однакожь такъ. — Но только ли другихъ людей, спросилъ Ктизиппъ, или также и лошадей и всѣхъ прочихъ животныхъ?—
D. Всѣхъ, отвѣчалъ онъ.—И мать равнымъ образомъ есть мать всѣхъ?—Да, и мать.—По этому твоя мать есть вмѣстѣ мать морскихъ змѣй?—И твоя также, сказалъ онъ.—Слѣдовательно ты братъ пискарей, щенятъ и поросятъ? — И ты также, отвѣчалъ онъ.—А сверхъ того, твой отецъ собака?—И твой также. —Ты самъ тотчасъ согласишься въ этомъ, Ктизиппъ, подхватилъ Діонисіодоръ, только отвѣчай мнѣ. Скажи-ка, есть ли у тебя собака?—И очень злая, отвѣчалъ Ктизиппъ.—
E. А есть ли у ней щенята?—Да, тоже злые.—И ихъ отецъ конечно собака же? —Я даже видѣлъ, какъ онъ занимался съ самкою. — Чтожь? вѣдь эта собака твоя? — Конечно. — Значитъ, этотъ отецъ—твой; слѣдовательно твой отецъ собака, и ты братъ щенятъ. — Потомъ Діонисіодоръ, чтобы не дать Ктизиппу времени говорить, вдругъ перехватилъ рѣчь, и сказалъ: отвѣчай-ка еще не много: ты бьешь эту собаку? — Ктизиппъ засмѣялся и отвѣчалъ: жаль, право, что не могу
299. побить тебя. — Такъ бьешь ли ты своего отца? — Гораздо справедливѣе было бы поколотить вашего, за то, что онъ произвелъ на свѣтъ такихъ мудрыхъ дѣтей. Не правда ли, Эвтидемъ, продолжалъ Ктизиппъ, что вашъ отецъ, который вмѣстѣ и отецъ щенятъ, получилъ много добраго отъ вашей мудрости? — Но вѣдь ни ему, ни тебѣ, Ктизиппъ, нѣтъ надобности во многомъ добрѣ.— Какъ? и ты также, Эвтидемъ, не имѣешь въ немъ нужды? спросилъ Ктизиппъ.—Да, и никто изъ людей. Скажи мнѣ, Ктизиппъ, добро ли, по твоему
B. мнѣнію, больному принимать лекарство, когда онъ имѣетъ въ немъ нужду, или не добро? Равнымъ образомъ, когда че-

---

συνάπτεις. Эта пословица у Грековъ была въ большомъ употребленіи. См. *Schol.* III. 6. 9. *Hemsterh.* ad Arist. *Plut.* v. 470. *Symplic.* ad Aristot. Phys. p. 117. *Suidas* οὐ λίνον λίνῳ συνάπτεις: ἐπὶ τῶν τὰ αὐτὰ μὴ διὰ τῶν αὐτῶν πραττόντων. Смыслъ ея слѣдующій: ты не соединяешь того, что должно быть соединяемо: ты говоришь, что отецъ есть отецъ, а не обращаешь вниманія на то, чей онъ отецъ.

ловѣкъ идетъ на войну, лучше ли ему вооружиться, или быть невооруженнымъ? — Я говорю утвердительно, хотя напередъ знаю, что ты выведешь отсюда какое-нибудь удивительное заключеніе. — А вотъ увидишь, только отвѣчай. Соглашаясь, что добро человѣку принимать лекарство, когда нужно, не то ли ты утверждаешь, что онъ долженъ принимать этого добра, сколько можно болѣе, и что было бы хорошо, если бы кто истеръ и положилъ ему въ сосудъ цѣлый возъ чемерицы? — Безъ всякаго сомнѣнія, Эвтидемъ, сказалъ Ктизиппъ; лишь бы принимающій, величиною, равнялся дельфійской статуѣ. — Не тоже ли и касательно войны? продол- C.
жалъ Эвтидемъ. Если добро быть вооруженнымъ, то конечно надобно имѣть этого добра, то-есть, копій и щитовъ, сколько можно болѣе? — Конечно, отвѣчалъ Ктизиппъ: а ты, Эвтидемъ, вѣроятно другаго мнѣнія? по твоему, нужны только одинъ щитъ и одно копье? [1] — По моему, такъ. — Даже когда надлежало бы вооружить Геріона и Бріарея? [2] Вѣдь я почиталъ васъ — тебя и друга твоего, — какъ мастеровъ въ фехтованьи, людьми, гораздо болѣе свѣдущими въ этомъ отношеніи? — Эвтидемъ замолчалъ, а Діонисіодоръ, по поводу прежняго Ктизиппова отвѣта, спросилъ: Думаешь ли ты, что и D.
золото имѣть есть добро? — Конечно, отвѣчалъ Ктизиппъ, при томъ какъ можно болѣе. — Но добрыя вещи, по твоему мнѣнію, надобно имѣть всегда и вездѣ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А ты согласился, что золото есть добро? — Согласился, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, его должно имѣть всегда, вездѣ, особенно же въ себѣ, и тотъ былъ бы самымъ счастливымъ человѣкомъ, у кого таланта три золота было E.
бы въ брюхѣ, съ талантъ въ черепѣ и по статиру въ каждомъ глазѣ? — Но вѣдь говорятъ же, Эвтидемъ, отвѣчалъ Ктизиппъ, что между Скиѳами признаются преимущественно счастливыми и почтенными именно тѣ, которые въ томъ же

[1] *Только одинъ щитъ и одно копье*, ἀλλὰ μίαν καὶ ἓν δόρυ. Здѣсь послѣ μίαν очевидно пропущено переписчиками ἀσπίδα.

[2] Геріонъ и Бріарей, по миѳологическимъ сказаніямъ, сторукіе титаны. Сравн. legg. VII. p. 759. C. См. Энциклоп. Лекс. сл. *Бріарей*.

смыслѣ на *своихъ* черепахъ [1], въ какомъ ты недавно собаку назвалъ *своимъ* отцомъ, имѣютъ много золота. И что всего удивительнѣе, — Скиѳы даже пьютъ изъ своихъ вызолочен-
300. ныхъ череповъ и, положивъ ихъ верхушкою на ладонь руки, видятъ ихъ внутренность.—А что? спросилъ Эвтидемъ, Скиѳы и вообще люди, то ли видятъ, что могутъ видѣть, или и то, чего не могутъ?—Вѣроятно, то, что могутъ.—И ты равнымъ образомъ? — И я. — Но видишь ли ты наши платья?—Вижу.—Слѣдовательно наши платья могутъ видѣть? [2]—Чудно! отвѣчалъ Ктизиппъ.—А что? сказалъ Эвтидемъ.—Ничего: ты, по своей простотѣ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онѣ видятъ. У тебя, Эвтидемъ, кажется, на яву грезы и, если можно говоря не говорить, то въ этомъ имен-
B. но твое дѣло. — По развѣ нельзя, подхватилъ Діонисіодоръ, говорить тому, кто молчитъ?—Никакъ нельзя, отвѣчалъ Ктизиппъ.—Равнымъ образомъ, и молчать тому, кто говоритъ?—Еще менѣе. — Однакожъ, когда ты говоришь: вотъ камни, деревья, желѣзо; не то ли говоришь, что молчитъ? [3] — Совсѣмъ нѣтъ; когда я иду по кузницѣ, то желѣзныя вещи говорятъ, издавая столь сильный звукъ и визгъ, если къ нимъ прикасаются, что заглушаемая ими велерѣчивость твоя ни-

---

[1] По свидѣтельству Иродота (IV, 26), Скиѳы, вмѣсто стакановъ, употребляли вызолоченные черепы убитыхъ ими непріятелей. Ктизиппъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что извѣстный непріятельскій черепъ принадлежалъ извѣстному Скиѳу, принялъ слово *свой* въ значеніи не собственности, а принадлежности, подобно тому, какъ прежде принималъ его Эвтидемъ (собака — твоя; собака есть отецъ; слѣдовательно собака — отецъ есть отецъ твой).

[2] Этотъ софизмъ основывается на двузнаменательности греческаго выраженія: *δυνατὰ οὖν ὁρᾶν ἐςὶ ταῦτα.* Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія два смысла: 1) Итакъ ихъ можно видѣть? 2) Итакъ онѣ могутъ видѣть?

[3] *Не то ли говоришь, что молчитъ? οὐ σιγῶντα λέγεις*; порусски надлежало бы сказать: не о томъ ли говоришь, что молчитъ? Но такимъ образомъ мы упустили бы изъ вида основаніе софизма. Въ выраженіи *οὐ σιγῶντα λέγειν* заключается два смысла: молча говорить, и говорить о томъ, что молчитъ. Такъ объясняется этотъ софизмъ и у Аристотеля de elenchis Sophist. C. IV. 6. Сравн. X. 8. Тоже и далѣе: желѣзныя вещи говорятъ какъ издающія — и проч. *φθεγγόμενα καὶ βοῶντα μέγιστον τὰ σιδήρια λέγεται.* Иначе: о желѣзныхъ вещахъ говорятъ, что онѣ издаютъ и проч.

чего не говоритъ. Теперь, скажи-ка, какимъ образомъ можно молчать тому, кто говоритъ? — Ктизиппъ, мнѣ казалось, все C.
еще горячился за своего друга. — Когда ты молчишь, спросилъ его Эвтидемъ, то не все ли молчишь? [1] — Да, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, молчишь и то, что говоришь? потому что въ числѣ всего заключается и говорящее.—Такъ чтожъ? сказалъ Ктизиппъ; значитъ, не все молчитъ?—Отнюдь нѣтъ, возразилъ Эвтидемъ. — Такъ видно, любезный, все говоритъ? — Да, — все говорящее. — Но я не о томъ спрашиваю: все молчитъ, или говоритъ? — Ни то ни се, и то и другое, подхватилъ Діонисіодоръ: къ этому отвѣту, знаю, не привя- D.
жешься. — Тогда Ктизиппъ, по своей привычкѣ, громко захохоталъ и сказалъ: ну, Эвтидемъ! твой братъ, обобоюдилъ положеніе [2] и пропалъ, — совсѣмъ побѣжденъ! — При этомъ Клиніасъ обрадовался и засмѣялся, а Ктизиппъ какъ будто сталъ въ десять разъ выше. — Мнѣ показалось, что этотъ хитрецъ — Ктизиппъ у нихъ же перенялъ способъ опроверженія; потому что ни у кого, кромѣ ихъ, не найти такой мудрости. И я сказалъ: что ты смѣешься, Клиніасъ, надъ та- E.
кими важными и прекрасными вещами? — А ты, Сократъ, знаешь что-нибудь прекрасное? подхватилъ Діонисіодоръ.— Какъ же, отвѣчалъ я, и много кое-чего.—Это кое-что отлично отъ прекраснаго, или одно и тоже съ нимъ? [3] — Тутъ я

---

[1] *То не все ли молчишь? οὐ πάντα σιγᾷς*; основаніе софизма опять въ двоякомъ значеніи выраженія *πάντα σιγᾶν*; ибо оно значитъ: во-первыхъ всему молчать, во-вторыхъ о всемъ молчать. Ходъ умозаключенія таковъ: когда ты молчишь, все молчишь; но въ понятіи *все* заключается и то, что говоритъ; слѣдовательно, когда ты молчишь, молчитъ и то, что говоритъ.

[2] *Обобоюдилъ положеніе*, *ἐξημφοτέρικε τὸν λόγον*, то-есть, вывелъ заключеніе, что о предметѣ нашего разговора можно сказать и да и нѣтъ. Чтобы понять причину Ктизипповой радости, надобно вспомнить объ упрекѣ, который выше (p. 297. A) сдѣланъ Эвтидемомъ Діонисіодору: *διαφθείρεις τὸν λόγον, καὶ ἀνήσεται οὗτοσὶ οὐκ ἐπιστάμενος καὶ ἐπιστήμων ἅμα ὢν καὶ ἀνεπιστήμων.*

[3] Софистъ хочетъ сказать, что нѣтъ ничего прекраснаго и, ухватившись за слова Сократа, что красота присуща всякой вещи, строитъ слѣдующій софизмъ: если ты прекрасенъ, поколику тебѣ присуща красота; то равнымъ образомъ ты быкъ, поколику тебѣ присущъ быкъ; или также, ты Діонисіодоръ, поколику тебѣ присущъ Діонисіодоръ.

301. впалъ въ крайнее недоумѣніе и подумалъ: по дѣламъ мнѣ; за чѣмъ было разѣвать ротъ; однакожь отвѣчалъ: отлично, потому что красота присуща всякой вещи.—И такъ, если тебѣ присущъ быкъ, то ты быкъ? и если, какъ теперь, тебѣ присущъ Діонисіодоръ, то ты Діонисіодоръ?—Говори-ка лучше, сказалъ я.—Однакожь какимъ бы образомъ, продолжалъ онъ, одно могло быть другимъ, когда одно присуще дру-
B. гому? — А развѣ ты сомнѣваешься? спросилъ я, рѣшившись подражать этимъ мужамъ въ вожделенной для меня мудрости ихъ. — Какъ же не сомнѣваться и мнѣ, и всѣмъ людямъ, въ томъ, чего нѣтъ! — Что ты, Діонисіодоръ? развѣ прекрасное не прекрасно, и безобразное не безобразно? — А если бы я и такъ думалъ?—Въ самомъ дѣлѣ?—Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ онъ.—По этому, тоже не есть то же, другое не есть другое? Но вѣдь другое конечно не то же. Я думаю, и дитя не будетъ
C. сомнѣваться, что другое есть другое. Ты, Діонисіодоръ, вѣрно съ намѣреніемъ не обратилъ вниманія на это, между тѣмъ какъ прочее въ вашемъ разговорѣ разобрано превосходно, съ искуствомъ мастеровъ, къ которымъ относится изслѣдывать все порознь. — А развѣ ты знаешь, спросилъ онъ, что свойственно каждому изъ мастеровъ? Во первыхъ знаешь ли, кому свойственно ковать? [1] — Знаю; кузнецу. — И обжигать глину?—Да, гончару.—И закалывать, снимать кожу, разрѣ-
D. зывать мясо на мелкіе куски, варить и жарить? — Конечно, повару. — По этому, кто дѣлаетъ, что кому свойственно, тотъ дѣлаетъ правильно?—Безъ сомнѣнія.— А ты согласился, что разрѣзывать на части и снимать кожу свойственно повару? Согласился или нѣтъ?—Согласился, сказалъ я; но извини меня.—Слѣдовательно, кто закалываетъ повара и разрѣзавъ его на части, варитъ и жаритъ, тотъ дѣлаетъ, что кому свойственно (*τά προσήκοντα*)? и кто куетъ кузнеца, обжи-

---

[1] Этотъ софизмъ основанъ опять на двузнаменательности греческаго выраженія: *τίνα προσήκει χαλκέυειν, κεραμέυειν* etc. Оно означаетъ во первыхъ, кому должно ковать, лѣпить и проч., во вторыхъ кого должно ковать, лѣпить и проч.

гаетъ гончара, тотъ равнымъ образомъ дѣлаетъ, что кому свойственно. — О Посидонъ! вскричалъ я, вотъ вѣнецъ муд- E.
рости! Что, еслибъ она принадлежала мнѣ, какъ будто моя собственная! — А узналъ ли бы ты ее, Сократъ, спросилъ онъ, если бы она была твоя собственная? — Разумѣется, отвѣчалъ я, лишь бы только тебѣ это было угодно.—Но развѣ ты думаешь, что свое можно знать? — Да, лишь бы ты понималъ не иное что нибудь; потому что начинать-то приходится съ тобою, а оканчивать съ Эвтидемомъ [1].— Что почитаешь ты своимъ? не то ли, чѣмъ владѣешь и можешь пользоваться, когда хочешь? Напримѣръ быка, или овцу, ты почитаешь 302.
своими не потому ли, что въ твоей власти продать ихъ, подарить, или принести въ жертву какому угодно богу? А на что не имѣешь подобной власти, то и не твое? — Замѣтивъ, что отсюда выйдетъ какой-то чудесный результатъ, и желая скорѣе услышать его, я отвѣчалъ: именно такъ, Діонисіодоръ, только это и мое. — Но что, по твоему мнѣнію, называется животнымъ? не то ли, въ чемъ есть душа? — Конечно то, сказалъ я.—И ты соглашаешься, что изъ животныхъ тѣ только твои, съ которыми властно тебѣ дѣлать все, что B.
прежде говорено было?—Соглашаюсь.—Тутъ онъ умышленно пріостановился, какъ бы думая о чемъ-то высокомъ, и потомъ продолжалъ: скажи мнѣ, Сократъ, есть ли у тебя отечественный Зевсъ?—А я, опасаясь, чтобы этотъ вопросъ не привелъ насъ къ такому же заключенію, какое было недавно выведено [2], старался избѣгнуть его по крайней мѣрѣ скрытою уверткою, бросался туда и сюда и наконецъ, будто опутанный сѣтью, отвѣчалъ: нѣтъ, Діонисіодоръ [3]. — О,

---

[1] *Лишь бы понималъ.... а оканчивать съ Эвтидемомъ.* Связь этихъ мыслей та, что предложенный вопросъ Діонисіодоръ могъ принимать въ одномъ значеніи, а Эвтидемъ—въ другомъ. Сократъ хочетъ сказать: смотри, Діонисіодоръ, такъ ли ты разумѣешь это положеніе, какъ разумѣетъ его братъ твой; потому что начинать-то приходится съ тобою, а оканчивать съ нимъ.

[2] Указывается на предъидущее заключеніе, то-есть: заколоть повара, и проч. значитъ, дѣлать то, что къ кому относится.

[3] Этотъ отвѣтъ Сократа произвелъ много споровъ и недоумѣній между комментаторами. Нельзя сомнѣваться, что Аѳиняне дѣйствительно покланя-

C. такъ ты человѣкъ жалкій и вовсе не Аѳинянинъ, когда у тебя нѣтъ ни отечественныхъ боговъ, ни храмовъ, ни прекраснаго, ни добраго. — Удержись, Діонисіодоръ, сказалъ я, говори лучше, учи меня безъ брани. Есть у меня и жертвенники, и храмы, какъ домашніе, такъ и отечественные, есть въ этомъ родѣ все, что имѣютъ другіе Аѳиняне.—Стало быть и у другихъ Аѳинянъ нѣтъ отечественнаго Зевса? — Конечно, отвѣчалъ я; это названіе неизвѣстно никому изъ Іонянъ: ни тѣмъ, которые выселились изъ нашей республи-
D. ки, ни намъ самимъ. Мы признаемъ отечественнымъ божествомъ Аполлона, такъ какъ отъ него родился Іонъ [1]; а Зевсъ называется у насъ божествомъ не отечественнымъ, но блюстительнымъ (ἕρκειος) и братскимъ (φράτριος), подобно Аѳинѣ, которая также носитъ имя братской. — Довольно! сказалъ Діонисіодоръ: теперь видно, что у тебя есть Аполлонъ, Зевсъ и Аѳина.—Конечно.—И не правда ли, что они твои боги?— Да, прародители и владыки, отвѣчалъ я.—Но вѣдь они твои? или, можетъ быть, ты не признаешь ихъ своими? — Что дѣ-
E лать! признаю. — Слѣдовательно, эти боги суть животныя? вѣдь ты согласился, что существо, одаренное душою, есть животное. Впрочемъ у этихъ боговъ, можетъ быть, и нѣтъ души? — Есть, отвѣчалъ я. — Ну такъ они животныя?—Животныя, сказалъ я. — Потомъ ты равнымъ образомъ согласился, что изъ животныхъ тѣ принадлежатъ тебѣ, которыхъ
303. въ твоей волѣ подарить, продать и принести въ жертву какому угодно богу?—Согласился, не могу ускользнуть, Эвти-

---

лись отечественному Зевсу. Свидѣтельства объ этомъ собраны Албертомъ ad Hesychium v. Πατρῷος Ζεύς. Какимъ же образомъ Сократъ могъ сказать о себѣ, что онъ не признаетъ отечественнаго Зевса? По нашему мнѣнію, сынъ Софрониска здѣсь обращаетъ противъ софистовъ собственное ихъ оружіе, то-есть, опровергаетъ ихъ тѣми же двусмысленностями, которыя составляли всю ихъ мудрость. Извѣстно, что подъ именемъ отечественнаго Зевса Аѳиняне разумѣли бога—покровителя любви къ родителямъ: но Сократъ принимаетъ это названіе въ томъ значеніи, что отечественный Зевсъ есть родоначальникъ Аѳинскаго народа и такимъ образомъ отклоняетъ софизмъ Діонисіодора.

[1] Аѳиняне и Іонійцы почитали родоначальникомъ своимъ Аполлона, потому что отъ него и Креузы родился Іонъ, давшій свое имя Іонійцамъ. См. *Chr. Fel. Baehr.* de Apolline patricio 1829. *Müller.* Vol. 1. p. 244. sq.

демъ. — Теперь послушай же, продолжалъ онъ: если Зевсъ и другіе боги—твои; то не въ твоей ли власти продать ихъ, подарить, и вообще дѣлать съ ними, что угодно, какъ съ прочими животными? — Пораженный этимъ словомъ, Критонъ, я палъ безгласнымъ. Ктизиппъ хотѣлъ было помочь мнѣ и сказалъ: о ужасъ, Ираклъ! какое прекрасное заключеніе! — Но Діонисіодоръ подхватилъ: что? ужасъ Ираклъ, или Ираклъ ужасъ?—Тогда Ктизиппъ воскликнулъ: о Посидонъ! страшное слово! Я отступаю; эти люди непобѣдимы. B.

Тутъ уже, любезный Критонъ, не осталось ни одного человѣка между присутствующими, который не превознесъ бы и этой мудрости, и этихъ мудрецовъ; а они почти разрывались отъ смѣха, рукоплесканій и радости. Во всѣ прежніе разы препорядочно шумѣли только друзья Эвтидема; теперь же едва ли не подняли шума въ честь мужей и не обрадовались даже колонны Ликея. Я и самъ, по тогдашнему расположенію духа, готовъ былъ признаться, что никогда не встрѣчалъ такихъ C. мудрыхъ людей и, будучи увлеченъ ихъ мудростію къ похваламъ и прославленію, обратился къ нимъ и сказалъ: о какъ вы счастливы, обладая столь дивнымъ даромъ, — вы, которые раскрыли важнѣйшій предметъ такъ скоро и въ такое короткое время! Въ вашихъ умствованіяхъ много прекрасныхъ качествъ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ; но между этими качествами особенно великолѣпно то, что вы не обращаете вниманія на людей почтенныхъ и кое-что значущихъ, а D. только смотрите на подобныхъ вамъ. Вѣдь я хорошо знаю, что такія умствованія могутъ нравиться весьма не большому числу подобныхъ вамъ, а прочіе приписываютъ имъ такъ мало достоинства, что скорѣе постыдились бы опровергать ими другихъ, чѣмъ быть самимъ опровергнутыми чрезъ нихъ. Да и тó въ вашихъ разсужденіяхъ представляется чѣмъ-то народнымъ и добросовѣстнымъ, что, не допуская ни прекраснаго, ни добраго, ни бѣлаго, и ничего въ этомъ родѣ, не признавая никакого различія между однимъ и другимъ, вы, по вашимъ же словамъ, просто заграждаете людямъ уста. А E.

что, заграждая уста другимъ, вмѣстѣ связываете, кажется, и свой собственный языкъ, то это дѣлаетъ васъ любезными и избавляетъ ваши умствованія отъ зависти. Но выше всего въ вашемъ дѣлѣ—та искуственность, по которой каждый человѣкъ можетъ изучить его въ самое короткое время. Я замѣтилъ это, между прочимъ, обращая вниманіе на Ктизип-
304. па,—какъ онъ могъ вдругъ подражать вамъ. Такая сторона вашего занятія конечно хороша для скораго преподаванія, но для разговора съ людьми негодится. Если вамъ угодно послушаться меня, то берегитесь говорить подобнымъ образомъ въ присутствіи многихъ; потому что скоро изученная наука не принесетъ вамъ благодарности. Лучше бесѣдуйте только между собою. Когда же вздумаете разговаривать съ кѣмъ нибудь другимъ, то говорите развѣ съ тѣмъ, кто заплатитъ вамъ
B. деньги. Это самое вы будете совѣтовать и ученикамъ своимъ, если хотите быть благоразумными: пусть они никогда и ни съ кѣмъ не разговариваютъ, а бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Что рѣдко, Эвтидемъ, то и дорого; вода и высоко цѣнится, да дешево продается, говоритъ Пиндаръ. Однакожь смотрите, прибавилъ я, чтобы меня и Клиніаса принять также въ число вашихъ учениковъ.

Высказавъ это и еще нѣсколько краткихъ замѣчаній, мы ушли. Теперь разсуди, Критонъ, не нужно ли и тебѣ вмѣстѣ съ нами посѣщать этихъ двухъ мужей, если они, по ихъ же словамъ, могутъ учить всякаго, кто захочетъ заплатить
C. имъ, не различая ни дарованій, ни возраста, и если — что особенно ты долженъ знать — они никому, говорятъ, не препятствуютъ пріобрѣтать выгоды торговли, но каждому удобно передаютъ свою мудрость.

Крит. Да, Сократъ, я конечно люблю слушать, и съ удовольствіемъ учился бы чему нибудь; но боюсь, что принадлежу къ числу не тѣхъ, которые подобны Эвтидему, а тѣхъ, которые, какъ ты говоришь, охотнѣе желали бы быть опровергаемыми посредствомъ такихъ умствованій, чѣмъ
D. опровергать ими. Я показался бы смѣшнымъ, если бы взду-

малъ вразумлять тебя; однакожь хочу разсказать, что слышалъ. Знай, что во время моей прогулки, одинъ изъ тѣхъ, которые оставили ваше собраніе, подошелъ ко мнѣ. Это былъ человѣкъ, почитающійся умнымъ и отличнымъ писателемъ судебныхъ рѣчей. Критонъ! сказалъ онъ мнѣ, ты не слушаешь этихъ мудрецовъ? — Нѣтъ, ради Зевса, отвѣчалъ я; тамъ, за множествомъ народа, ничего не разслушать. — А стоило бы послушать. — Для чего? спросилъ я.— Чтобы узнать разговоръ тѣхъ людей, которые нынѣ принадлежатъ къ числу мудрѣйшихъ въ извѣстномъ родѣ рѣ- E.
чей. — Чтожь тебѣ показалось? — Что больше, отвѣчалъ онъ, кромѣ того, что можно слышать отъ всѣхъ подобныхъ болтуновъ, которые о пустыхъ вещахъ разсуждаютъ съ неумѣстною важностію. Это собственныя его слова. — Но вѣдь философія, сказалъ я, дѣло прекрасное. — Что за прекрасное, добрякъ? ничего не стоитъ. Вотъ если бы теперь ты былъ 305.
тамъ, то вѣрно стыдился бы за своего друга. Какой чудакъ! Онъ хочетъ ввѣриться этимъ людямъ; а они, не думая о томъ, что говорятъ, только противорѣчатъ каждому слову. Ихъ, какъ я уже сказалъ, почитаютъ отличными мудрецами нашего времени; между тѣмъ, и самое дѣло, Критонъ, и люди, занимающіеся имъ, весьма низки и достойны смѣха.— А мнѣ кажется, Сократъ, что дѣло-то не заслуживаетъ порицанія, и что ни мой знакомецъ, ни кто другой не долженъ B.
порицать его: напротивъ справедливо, думаю, бранятъ тѣхъ, которые въ присутствіи многихъ вступаютъ въ разговоръ съ подобными учителями.

Сокр. Нѣтъ, Критонъ; это удивительные люди! Впрочемъ, я еще не знаю, что сказать. Къ какому роду людей относится тотъ, кто подошелъ къ тебѣ и порицалъ философію? Риторъ ли онъ, то-есть, одинъ изъ тѣхъ, которые сами умѣютъ подвизаться въ судилищахъ, или сочинитель рѣчей, только высылающій риторовъ въ борьбу и вооружающій ихъ своими рѣчами?

Крит. О, менѣе всего риторъ, клянусь Зевсомъ. Я не C.

думаю даже, чтобы онъ когда-нибудь приходилъ въ судилище; однакожъ слыветъ, говорятъ, человѣкомъ сильнымъ въ этомъ дѣлѣ и сочинителемъ сильнымъ рѣчей [1].

Сокр. Теперь понимаю. О такихъ-то именно людяхъ и самъ я хотѣлъ говорить. Это тѣ, Критонъ, которые, по словамъ Продика, стоятъ на срединѣ между философомъ и политикомъ, и почитаютъ себя мудрѣе всѣхъ, чтобъ быть и казаться мудрецами особенно въ глазахъ народа; такъ что, по ихъ мнѣнію, никто, кромѣ философовъ, не мѣшаетъ имъ
D. пользоваться всеобщими похвалами. Они думаютъ, что еслибъ послѣднихъ выставить, какъ людей, ничего нестоющихъ; то побѣда и вѣнецъ мудрости уже безъ всякаго сомнѣнія принадлежали бы имъ. Пусть они и въ самомъ дѣлѣ мудры; но захваченные въ частныхъ разсужденіяхъ, вѣрно будутъ ощипаны (*κολούεσθαι*) Эвтидемами. Впрочемъ эти люди и справедливо называются мудрецами: они заимствуютъ нѣчто отъ философіи, нѣчто отъ политики, и какъ то, такъ
E. и другое — не безъ основанія: а заимствуя, сколько нужно, изъ обѣихъ областей, наслаждаются плодами мудрости безъ труда и опасности.

Крит. Но вѣдь они говорятъ же что-нибудь, Сократъ?

Сокр. Ничего не говорятъ.

Крит. Однакожъ рѣчь ихъ имѣетъ какую-то нарядность.

---

[1] Подъ именемъ риторовъ Греки разумѣли такихъ людей, которые лично подвизались въ судахъ и говорили въ защиту, или противъ разсматриваемаго дѣла. *Svid*. s. v. *Ρήτωρ τὸ παλαιὸν ἐκαλεῖτο ὁ δήμῳ συμβυλέυων καὶ ὁ ἐν δήμῳ ἀγορέυων, εἴτε ἱκανὸς εἴη λέγειν εἴτε καὶ ἀδύνατος*. По сему у Ксенофонта (memor. II. 6) *ῥήτορες καὶ δημηγόροι* — названія синонимическія. Если же кто-нибудь изъ риторовъ пользовался особенною довѣренностію народа; то его называли *δημαγωγός*. См. *Schömann*. de Com. Athen. p. 106. *Valckenar*. diatrib. C. XXIII. p. 251. sqq. Впослѣдствіи къ риторамъ присоединился классъ ораторовъ, которые говорили рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ, *ἐν ταῖς πανηγύρεσι*, по побужденію тщеславія. Такимъ ораторомъ, между прочими, былъ и Горгіасъ, коего именемъ названъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. Но кромѣ риторовъ и ораторовъ, въ Греціи были еще такъ называемые логографы. Они лично не присутствовали въ судѣ, а только писали рѣчи для защищенія или опроверженія судебныхъ дѣлъ. Ихъ-то особенно не любилъ Сократъ, какъ людей поверхностныхъ, не имѣвшихъ основательнаго образованія и презиравшихъ истинную науку.

Сокр. Правда, Критонъ; въ ней болѣе нарядности, чѣмъ 306.
истины. Этихъ людей трудно убѣдить, что и человѣкъ и все прочее, находясь въ срединѣ между зломъ и добромъ и заимствуя нѣчто отъ того и другаго, бываетъ лучше перваго и хуже послѣдняго. Но если заимствованное взято изъ двухъ благъ, заключающихся не въ одной вещи; то оно должно быть хуже обоихъ, поколику каждое изъ началъ, давшихъ ему бытіе, есть уже добро. А что составлено изъ двухъ золъ, относящихся къ различнымъ вещамъ, и находится въ срединѣ между ими; то, и только то одно, лучше всякаго B.
изъ цѣлыхъ, коихъ части вошли въ составъ его. И такъ предположимъ, что философія и политика, та и другая въ своемъ родѣ — добро: въ такомъ случаѣ сочинители рѣчей, заимствуя нѣчто изъ первой и послѣдней, и занимая средину между ими, ничего не говорятъ, потому что хуже обѣихъ. Но если одна изъ нихъ — добро, а другая — зло; то они въ томъ отношеніи будутъ хуже, а въ этомъ лучше. Словамъ ихъ тогда бы только можно было приписать нѣкоторую истинность, когда бы оба упомянутыя искуства были зло. Но я не думаю, что сочинители рѣчей признаютъ — или оба C.
зломъ, или одно зломъ, а другое добромъ. По этому, заимствуя нѣчто изъ обоихъ, они дѣйствительно ниже каждаго порознь. Политика и философія цѣнны сами по себѣ; а они — третье звѣно въ отношеніи къ истинѣ, стараются казаться первыми. Впрочемъ, видно ужъ простить имъ это удовольствіе; не будемъ досадовать на нихъ, но постараемся почитать ихъ тѣмъ, что они есть. Мы должны быть довольны всякимъ, кто говоритъ хоть что-нибудь, носящее характеръ ума, и усердно трудится надъ поясненіемъ истины. D.

Крит. Однакожь, Сократъ, я все еще въ недоумѣніи касательно своихъ сыновей и, какъ всегда говорилъ тебѣ, не знаю, что съ ними дѣлать. Младшій конечно еще малъ; но Критовулъ уже на возрастѣ и имѣетъ нужду въ чьемъ-нибудь руководствѣ [1]. Всякій разъ, разговаривая съ тобою, я

[1] Діогенъ Лаерцій (II. 13. 121) упоминаетъ о четырехъ сыновьяхъ Кри-

убѣждаюсь, что безумно заботиться о многихъ вещахъ касательно дѣтей, напримѣръ, о своей женидьбѣ, чтобы родить
E. ихъ отъ благородной матери, о деньгахъ, чтобы оставить имъ богатство, а нерадѣть объ ихъ воспитаніи. Но когда смотрю на тѣхъ, которые берутся учить людей, то ужасаюсь: мои наблюденія доказываютъ мнѣ, что всякій изъ нихъ весьма далекъ отъ своего дѣла. По этому, если сказать тебѣ
307. правду, я не знаю, совѣтовать ли сыну заниматься философіею.

Сокр. Ты не знаешь, любезный Критонъ, что по всякой наукѣ есть много людей пустыхъ, которые ничего не стоятъ, и нѣсколько дѣльныхъ, которые дороже всего. Не ужели ни гимнастика, ни экономія, ни риторика, ни стратегія, не кажутся тебѣ науками прекрасными?

Крит. По моему, онѣ весьма хороши.

Сокр. Чтожъ? не видишь ли, что каждая изъ этихъ наукъ
B. питаетъ много людей смѣшныхъ и неспособныхъ ни къ какому дѣлу?

Крит. Да, клянусь Зевсомъ, ты говоришь правду.

Сокр. Но неужели по этой причинѣ и самъ ты будешь бѣгать отъ всѣхъ наукъ, и дѣтей своихъ не образуешь ими?

Крит. Это было бы несправедливо, Сократъ.

Сокр. Итакъ не дѣлай, Критонъ, чего не должно. Хороши люди, или худы, — пусть себѣ занимаются философіею. Ты только основательнѣе изслѣдывай самое дѣло; и если оно покажется тебѣ худымъ, устраняй отъ него не только дѣтей,
C. но и всякаго человѣка: а когда, напротивъ, найдешь его такимъ, какимъ оно кажется мнѣ; то иди за нимъ смѣло, трудись, — иди самъ и, какъ говорится, веди за собою дѣтей.

тона: Критовулѣ, Гермогенѣ, Эпигенѣ и Ктизиппѣ. Здѣсь, по мнѣнію Гейндорфа, Критонъ говоритъ о Гермогенѣ и Критовулѣ. А такъ какъ въ Эвтидемѣ Критовулъ представляется возрастнымъ; то видно, что Платонъ написалъ этотъ разговоръ незадолго до осужденія Сократа; потому что Критовулъ, сынъ Критоновъ, находился въ числѣ тѣхъ Сократовыхъ учениковъ, которые готовы были взять своего учителя на поруки и внести за него штрафныя деньги.

ЛАХЕСЪ.

ЛАХЕСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Протагорѣ и Эвтидемѣ Платонъ разсуждалъ *вообще* о добродѣтели: въ первомъ изслѣдывалъ онъ, можно ли преподавать ее; во второмъ показалъ, какъ понимаютъ и преподаютъ ее софисты. Тѣ же вопросы рѣшаются и въ другихъ иѳическихъ разговорахъ; только тамъ, для большаго и подробнѣйшаго раскрытія предмета, добродѣтель разсматривается уже не вообще, а *въ частяхъ* или *видахъ*: въ Лахесѣ, какъ мужество, въ Хармидѣ, какъ разсудительность, въ Эвтифронѣ, какъ святость, въ Иппіасѣ Меньшемъ, какъ справедливость, или противоположное ей — ложь. Недостаетъ конечно отдѣльной бесѣды о мудрости: но мы замѣтили еще въ своемъ введеніи къ Эвтидему, что мудрость у Сократа отнюдь не входила въ рядъ частныхъ добродѣтелей, а почиталась категорическимъ свойствомъ, или отличительнымъ признакомъ всѣхъ, поколику онѣ должны быть выведены изъ круга познаній опытныхъ и утверждены на началѣ всеобщемъ, метафизическомъ [1]. Всякая добродѣтель, училъ Сократъ, въ существѣ своемъ зависитъ отъ твердаго и постояннаго знанія. Хотите ли воспитать дѣтей, обогащайте ихъ умъ различными теоретическими (техническими) свѣдѣніями,

[1] О природѣ знанія и мудрости Платонъ разсуждаетъ во многихъ разговорахъ, особенно же въ Теэтетѣ, Софистѣ и Парменидѣ: но тамъ знаніе не есть добродѣтель въ смыслѣ Сократовомъ.

питайте ихъ душу какими угодно науками, соображаясь съ частною цѣлію разцвѣтающей жизни: однакожь помните, что всѣ свѣденія и науки надобно увѣнчивать одною общею добродѣтелію и соединять у одной общей цѣли. Эта добродѣтель — мудрость, эта цѣль — знаніе добра и зла. Такимъ образомъ всѣ показанные разговоры Платона суть истолкованія одного Протагора: въ нихъ предметъ его раздробляется на части и каждая часть, посредствомъ подробнѣйшаго анализа, возводится къ значенію высшему, благороднѣйшему.

Рядъ частныхъ иѳическихъ бесѣдъ я начинаю Лахесомъ, не потому, что будто бы Лахесъ, какъ утверждаетъ Шлейермахеръ, есть дополненіе къ Протагору, но потому, что онъ болѣе другихъ сходенъ съ послѣднимъ въ характерѣ изслѣдыванія предмета.

Предметъ этого разговора есть мужество. Лизимахъ и Мелисіасъ, сыновья великихъ мужей на воинскомъ поприщѣ, признаются, что воспитаніе ихъ было упущено, что они далеко отстали отъ родителей и, чувствуя это, хотятъ доставить своимъ дѣтямъ самое лучшее образованіе, только не знаютъ, въ чемъ должно состоять оно, недоумѣваютъ, полезно ли въ этомъ отношеніи искуство сражаться въ полномъ вооруженіи, и для того просятъ совѣта у Никіаса и Лахеса. Никіасъ и Лахесъ начинаютъ совѣтовать, но, не имѣя въ основаніи своихъ мнѣній никакого твердаго, положительнаго начала, вступаютъ въ безполезный, ни къ чему неведущій споръ. Наконецъ въ бесѣдѣ ихъ принимаетъ участіе Сократъ и сообщаетъ ей философскій характеръ. «Если дѣло идетъ о воспитаніи дѣтей, говоритъ онъ; то надобно разсуждать не объ искуствѣ сражаться въ полномъ вооруженіи, а объ образованіи душъ, и прежде изслѣдовать, способенъ ли кто нибудь образовать ихъ». Такъ какъ съ понятіемъ о дѣйствованіи оружіемъ, стоитъ въ ближайшей связи понятіе о мужествѣ; то должно напередъ разсмотрѣть, «разумѣемъ ли мы, что такое мужество, и знаемъ ли какъ оно пріобрѣтается?» Сократъ предполагаетъ рѣшить оба эти вопроса одинъ

за другимъ; но, такъ какъ въ продолженіи всей бесѣды, совѣтники Лизимаха и Мелисіаса не разрѣшаютъ и перваго изъ нихъ, то послѣдній остается вовсе безъ отвѣта.

Цѣль этого разговора высказана въ самомъ разговорѣ. Доведши своихъ собесѣдниковъ до искренняго убѣжденія, что они не понимаютъ значенія мужества, Сократъ заключаетъ: «Я говорю — и мое слово не съ площади — что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя,—ибо имѣемъ въ немъ нужду,—потомъ и для дѣтей. Воспитаніе юношества есть дѣло крайней важности: только глубокое знаніе и живое чувствованіе добродѣтели могли бы сдѣлать человѣка воспитателемъ, достойнымъ своего имени. Но кто обладаетъ подобнымъ знаніемъ? кто постигъ эту мудрость? кто согрѣтъ и проникнутъ этимъ чувствомъ? Ты хочешь быть врачемъ душъ? — Уврачуй-ка прежде самаго себя.

Сообразуясь съ такимъ предметомъ и цѣлью бесѣды, Платонъ избралъ собесѣдниками Сократа двухъ знаменитыхъ полководцевъ, Лахеса и Никіаса, и придалъ имъ не только разные характеры, но и разносторонніе взгляды на мужество. Можно думать, что черты, которыми у Платона изображены эти лица, были общими типами всѣхъ людей военнаго званія въ Греціи и, по свойству своему, раздѣляли ихъ на два класса. Одни изъ нихъ поставляли мужество въ личной храбрости и, питая свое самолюбіе этимъ преимуществомъ, пренебрегали всякою наукою. Наука въ военномъ дѣлѣ казалась имъ безполезною; знаніе представлялось лишнею ношею солдата; добродѣтель почитали они стихіею, чуждою той атмосферы, въ которой надобно жить и дѣйствовать воину. Сила, неустрашимость, твердость, — вотъ единственныя его качества: человѣку, со всѣми прекрасными принадлежностями существа разумнаго, не нужно быть тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ бой дикихъ звѣрей. Такимъ-то воиномъ-полководцемъ Платонъ изображаетъ Лахеса, и только природное остроуміе, прямота души, сердечная откровенность,

рѣшительный тонъ, а особенно готовность слушать истину, какъ будто показываютъ его расположеніе къ наукѣ. Напротивъ другіе поставляли мужество болѣе въ зависимости отъ искуства и знанія, чѣмъ отъ личной неустрашимости. Къ этому разряду военныхъ людей относились особенно тѣ, которые съ молодыхъ лѣтъ находились въ обществѣ софистовъ и философовъ, возрастали подъ вліяніемъ ихъ наставленій, любили теорію стратегіи и въ ея теоріи видѣли все превосходство воина. Получивъ кое-какія начала, наслышавшись частныхъ мнѣній, но не усвоивъ ихъ собственнымъ размышленіемъ, они довольствовались простымъ, безплоднымъ знаніемъ, не думали вводить его въ сферу жизни, и не умѣли прилагать его къ дѣлу. Такимъ-то ученымъ полководцемъ въ разсматриваемомъ разговорѣ представляется Никіасъ. Щегольство мнѣніями мудрецовъ, стараніе выказать свою любовь къ наукѣ и обращеніе съ людьми, славившимися умомъ и познаніями, суть отличительныя черты его характера.

Главные моменты содержанія бесѣды, носящей имя Лахеса, суть слѣдующіе:

1. Прологъ. Личныя отношенія разговаривающихъ лицъ; поводъ, по которому онѣ сошлись, или совѣщаніе о томъ, нужно ли юношамъ умѣть сражаться въ полномъ вооруженіи.

2. Доказательства Никіаса, что знать это искуство дѣтямъ весьма полезно въ различныхъ случаяхъ.

3. Мысль Лахеса, что искуство сражаться всякимъ оружіемъ едва ли можно назвать искуствомъ, или наукою.

4. Сократъ избирается посредникомъ между двумя спорющими сторонами, но уклоняется отъ посредничества и предлагаетъ избрать того, кому болѣе извѣстенъ предметъ изслѣдованія.

5. Потомъ онъ замѣчаетъ превратное направленіе дѣла и говоритъ, что надобно разсуждать не объ искуствѣ сражаться всякимъ оружіемъ, а о душахъ юношей, и разсужденіе предоставить тому, кто опытнѣе въ образованіи душъ.

6. Никіасъ объявляетъ, что когда давать направленіе разговору поручается Сократу; то испытанію подвергнуты будутъ не юноши, а собесѣдники.

7. Установленіе дѣйствительнаго предмета бесѣды (понятіе о мужествѣ). Если мы хотимъ сдѣлать кого-нибудь лучшимъ; то прежде сами должны знать, въ чемъ состоитъ существо добра.

8. Если мы хотимъ сдѣлать юношей лучшими въ добродѣтели; то необходимо разсмотрѣть, что такое добродѣтель, или по крайней мѣрѣ, что такое часть ея, мужество.

9. Рѣшеніе Лахеса, что добродѣтель есть твердость, или непоколебимость души, запутывается въ противорѣчія и опровергается.

10. Рѣшеніе Никіаса, что добродѣтель есть знаніе, чего должно бояться и на что отваживаться.

11. Опроверженіе Никіасова мнѣнія. Всякое знаніе обнимаетъ свой предметъ въ трехъ временахъ, а Никіасово понятіе о мужествѣ указываетъ только на время будущее. Если же распространить его на всѣ времена; то подъ именемъ мужества надобно будетъ разумѣть добродѣтель вообще.

12. Эпилогъ. Всѣ признаютъ себя неспособными разрѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ мужество, и Сократъ заключаетъ, что надобно прежде образовать самихъ себя, а потомъ уже приступить къ образованію дѣтей.

Вникая въ ходъ разсматриваемаго разговора и обращая вниманіе на характеръ частныхъ, содержащихся въ немъ мыслей, мы нигдѣ не видимъ достаточнаго основанія согласиться съ Астомъ, что эту бесѣду надобно почитать подложною, и что она будто бы есть отвѣтъ на упрекъ: для чего Платонъ въ Протагорѣ заставилъ Сократа говорить о мужествѣ, когда этотъ предметъ ему неизвѣстенъ и когда разсуждать о немъ приличнѣе полководцамъ? Астъ утверждаетъ, что содержаніе Лахеса взято изъ Протагора, и что Сократъ въ первомъ изъ этихъ разговоровъ противорѣчитъ собственнымъ положеніямъ во второмъ. Какъ понимать это? Въ Про-

тагорѣ дѣйствительно говорится между прочимъ о мужествѣ, и Сократъ приходитъ тамъ къ заключенію, что мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго. О томъ же идетъ рѣчь и въ Лахесѣ. Но мысль Сократа, что мужество есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться, становится здѣсь уже мыслію Никіаса и какъ будто опровергается Сократомъ, который, вопреки Никіасу, наконецъ заключаетъ, что если мужество есть знаніе, а знаніе обнимаетъ всѣ три времени, настоящее, прошедшее и будущее, то быть мужественнымъ, значитъ быть вообще добродѣтельнымъ. Чтожь? въ этомъ заключеніи я отнюдь не вижу противорѣчія съ заключеніемъ Сократа въ Протагорѣ. Въ немъ мужество подведено только подъ категорію знанія; а въ Лахесѣ Сократъ, не противорѣча прежнему, идетъ далѣе и подводитъ знаніе подъ категорію добродѣтели вообще; такъ что изъ заключеній этихъ двухъ разговоровъ составляется слѣдующій силлогизмъ: всякое знаніе — напр. страшнаго и нестрашнаго — есть добродѣтель вообще (по Лахесу); а мужество есть знаніе страшнаго и нестрашнаго (по Протагору); слѣдовательно мужество есть добродѣтель вообще (опять по Лахесу). Такимъ образомъ Лахесъ есть дальнѣйшее раскрытіе одного изъ ученій, содержащихся въ Протагорѣ.

Не болѣе справедливо замѣчаніе Аста, что въ Лахесѣ не кстати и, какъ будто слишкомъ унизительно, изображаются два знаменитые полководца Греціи. Зачѣмъ смотрѣть на жизнь и взаимныя отношенія Эллиновъ съ нашей, новоевропейской точки зрѣнія! То, что теперь кажется унизительнымъ и неприличнымъ, тогда, какъ видно, было въ обычаѣ и основывалось на внутренней организаціи народа. Исторія свидѣтельствуетъ, что сословія Эллинскихъ республикъ не были такъ далеки одно отъ другаго, какъ это представляется намъ, нерѣдко опирающимся не на личныхъ достоинствахъ, а на почетности того званія, къ которому принадлежимъ. При томъ, Никіасъ и Лахесъ бесѣдуютъ не на Аѳинской площади, не въ народномъ собраніи, а въ семейномъ кругу,

въ обществѣ друзей, гдѣ и у насъ не всегда идутъ въ расчетъ ранги, степени и политическія преимущества.

Болѣе уважительныя причины, заставляющія критиковъ сомнѣваться въ подлинности Лахеса, заключаются во внутреннемъ достоинствѣ этого разговора и въ его языкѣ. Лахесъ безъ сомнѣнія не столько искуственъ, тонокъ и оригиналенъ, сколько Протагоръ; въ немъ какъ-то болѣе простоты, менѣе драматизма и движенія. Но должно вспомнить, что Сократъ бесѣдуетъ здѣсь не съ софистами, а съ полководцами. Естественно ли было бы, когда бы Платонъ заставилъ Никіаса и Лахеса распутывать хитросплетенные узлы діалектики, или Сократа — говорить такимъ языкомъ, какой, по всей вѣроятности, не могъ быть понятенъ для людей военныхъ? Простое, безъискуственное развитіе разговора, а особливо непрерывный рядъ истинъ, собственно сократическихъ, скорѣе могутъ привести насъ къ заключенію, что Платонъ написалъ своего Лахеса еще въ молодости и даже прежде, нежели появился на свѣтѣ его Протагоръ. Нельзя также не замѣтить, что многія мысли и выраженія въ Лахесѣ какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, напр. формулы (181. C.) *χρῆν μὲν — μὴ ἄλλως ποίει, ἀλλὰ συνίσθι* — изъ Государства 328. C. D.; мысль о гармоніи въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ (188. D.) также изъ Государства 398. E. 591. C. D.; взглядъ на Лакедемонъ, какъ *ἄβατον ἱερὸν* (183. E.) приводитъ на память *ξενηλασίαν*, которая такъ обстоятельно описана въ Протагорѣ 342. C.; выраженія *μὴ ἄλλως ποίει* (181. C. 201. C.), *καὶ ἄλλως καὶ δὴ καὶ* (181. A.) встрѣчаются то въ Государствѣ 328. D. 338. A., то въ Федонѣ; отзывъ Лахеса о мужествѣ Сократа въ делоскомъ сраженіи (181. B.), по видимому, взятъ изъ Платонова Пира 221. A., гдѣ сказано: *ἀνεχώρει οὖν — αὐτός τε ἅμα καὶ Λάχης*, тогда какъ здѣсь говорится: *ἐν γὰρ τῇ ἀπὸ Δηλίου φυγῇ μετ᾽ ἐμοῦ συνανεχώρει*; метафоры, заимствованныя отъ охоты и ловли, какъ напр. *διέφυγεν, κυνηγέτην μεταθεῖν* (194. B.) указываютъ на нѣкоторыя мѣста въ Парменидѣ 128. C, Софистѣ 226. B, Государствѣ 301. E. и Эвти-

демѣ 290. B. C. D; равнымъ образомъ, *χειμαζομένοις ἐν λόγῳ καὶ ἀποροῦσι* (194. B.) встрѣчается въ Филебѣ 29. B. *χειμαζόμεθα γὰρ ὄντως ὑπ᾿ ἀπορίας ἐν τοῖς νῦν λόγοις*. Такихъ выраженій, которыя какъ будто взяты изъ другихъ разговоровъ Платона, въ Лахесѣ вообще весьма много. Основываясь на этомъ, Астъ заключаетъ, что Лахесъ есть произведеніе одного изъ Платоновыхъ подражателей. Но подобная мнительность, по нашему мнѣнію, выходитъ за предѣлы самой строгой критики. Можно ли требовать, чтобы писатель въ одномъ и томъ же родѣ, въ одной и той же формѣ своихъ сочиненій не повторилъ нѣсколько разъ одной и той же фразы, поговорки, пословицы? Сродство языка въ извѣстныхъ сочиненіяхъ, кажется, болѣе должно ручаться за ихъ подлинность и происхожденіе отъ одного лица, чѣмъ вести къ мысли о подложности котораго нибудь изъ нихъ. Подражаніе узнать не трудно: соблюдая внѣшія черты подлинника, оно всегда ниже его по внутреннему своему характеру. Удачно подражать можно только тому, что поверхностно и пусто въ содержаніи.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЛИЗИМАХЪ, МЕЛИСІАСЪ, НИКІАСЪ, ЛАХЕСЪ, СЫНОВЬЯ ЛИЗИМАХА И МЕЛИСІАСА И СОКРАТЪ.

Лиз. Вы, Никіасъ и Лахесъ, видѣли того человѣка, ко- 178.
торый сражается въ полномъ вооруженіи [1]: но я и Мели-
сіасъ еще не сказали вамъ, для чего пригласили васъ съ
собою посмотрѣть на него; а теперь скажемъ. Мы, думаю,
можемъ откровенно бесѣдовать съ вами. Вѣдь иные смѣются
надъ подобными вещами, и когда кто нибудь проситъ у нихъ
совѣта, не открываютъ своихъ мыслей, но стараясь уга-
дать, что мыслитъ совѣтующійся, говорятъ противъ соб- B.
ственнаго убѣжденія: напротивъ вы, по нашему мнѣнію,
способны и понять, и понявъ, откровенно высказать, что
думаете. По тому-то мы и пригласили васъ на совѣтъ объ

---

[1] *Который сражается въ полномъ вооруженіи*, μαχόμενον ἐν ὅπλοις. Что это за искуство сражаться въ полномъ вооруженіи? и правильно ли перевели мы выраженіе: ἐν ὅπλοις μάχεσθαι? Въ Эвтидемѣ ὁπλομαχία переведено словомъ фехтованье: но фехтовать у Грековъ значило не то, что у насъ; потому что Греки употребляли въ сраженіи не такое оружіе, какое употребляемъ мы. По свидѣтельству *Казавбона* (*Fischer*. ad Charm. p. 79), ὁπλομάχοι были во первыхъ тѣ, которые, подъ руководствомъ военнаго офицера, учились сражаться дѣйствительнымъ оружіемъ (veris armis), во вторыхъ тѣ, которые преподавали это искуство. Но Казавбоново показаніе неопредѣленно и, кажется, только вполовину справедливо; потому что греческое юношество ἐν ὁπλομαχίᾳ, какъ извѣстно, дѣйствовало не настоящимъ оружіемъ, а тупыми или закругленными копьями (pila præpilata), которыя назывались ἐσφαιρωμένα ἀκόντια. Намекъ на другое значеніе слова ὁπλομαχία мы находимъ у Ксенофонта (Ἀναβάσ. L. II. 1. 7). Упоминая о какомъ-то Фалинѣ, онъ говоритъ: προςεποιεῖτο ἐπιστήμων εἶναι τῶν περὶ τὰς τάξεις καὶ ὁπλομαχίαν. Основавшись на этомъ выраженіи, Винкельманъ (prolegg. ad Euthyd. p. XXXVIII) утверждаетъ, что

одномъ предметѣ, о которомъ тотчасъ объявимъ вамъ. Дѣло, начинаемое мною такъ издалека, состоитъ въ слѣдующемъ.
379. Здѣсь съ нами сыновья наши: вотъ этотъ—его, называющійся, по имени своего дѣда, Өукидидомъ; а этотъ — мой, носящій также дѣдовское имя отца моего, названіе его— Аристидъ. На насъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ сколько можно болѣе, а не поступать подобно многимъ, которые, какъ скоро дѣти подросли, позволяютъ имъ дѣ-
B. лать, что хотятъ. Потому мы теперь же намѣрены начать свое посильное о нихъ попеченіе. Зная, что и у васъ есть сыновья, вы конечно болѣе, чѣмъ кто нибудь, безпокоились, какъ бы дать имъ воспитаніе и сдѣлать ихъ отличными. Если же въ вашемъ умѣ часто не было и мысли объ этомъ; то напоминая вамъ, что нерадѣніе въ этомъ отношеніи противорѣчитъ долгу, мы просимъ васъ приложить, вмѣстѣ съ нами, нѣкоторое стараніе къ пользѣ дѣтей. А откуда это пришло намъ въ голову, послушайте, Никіасъ и Лахесъ, хотя рѣчь будетъ и немного длинна. Я и Мели-
C. сіасъ, видите, имѣемъ общій столъ; съ нами кушаютъ и дѣти. Мы будемъ, какъ я уже сказалъ, бесѣдовать съ вами откровенно. Каждый изъ насъ можетъ этимъ юношамъ разсказывать о своемъ родителѣ много прекрасныхъ дѣлъ, которыя онъ совершилъ частію въ военное, частію въ мирное время, заботясь о пользѣ то союзниковъ, то сограж-

---

подъ словомъ ὁπλομαχία надобно разумѣть вообще военную тактику. Но этому мнѣнію противурѣчитъ разсужденіе Никіаса въ Лахесѣ (p. 182. B). То же мѣсто въ Ксенофонтовомъ отступленіи Шнейдеръ и Борнеманъ объясняютъ иначе и, кажется, удовлетворительнѣе, нежели Винкельманъ. Они говорятъ, что Персы употребляли такое оружіе, которымъ можно было бы сражаться издали, потому что ничѣмъ, кромѣ щита, не закрывали своего тѣла: напротивъ Греки вступали въ битву, вооружившись мечемъ, защитивъ грудь латами, голову шлемомъ, ноги сапогами. Такимъ-то родомъ битвы особенно гордился Фалинъ и въ этомъ искуствѣ былъ учителемъ варваровъ. Если это замѣчаніе справедливо; то ὁπλομαχίαν προςομολογεῖν, или ἐν ὅπλοις μάχεσθαι значило: быть вооруженнымъ съ головы до ногъ и сражаться, употребляя всякое оружіе. По Атенею (IV. 13. p. 154. E), этому искуству прежде всѣхъ училъ нѣкто Демеасъ, мантинейскій фехтмейстеръ; но потомъ преподавали его и софисты. *Plat.* Euthyd. p. 271. E. *Xenoph.* memor. III. 1.

данъ [1]: о собственныхъ же своихъ дѣлахъ ни ему ни мнѣ
разсказать нечего. По этому мы теперь стыдимся своихъ
дѣтей и обвиняемъ отцовъ, что намъ, во время нашего D.
дѣтства, они позволяли баловаться [2], а дѣла чужія испол-
няли. Это-то слышатъ отъ насъ и наши юноши. Если вы
не будете радѣть о себѣ и повиноваться намъ, говоримъ мы
имъ, то останетесь безславными; а когда позаботитесь, то
скоро окажетесь достойными тѣхъ именъ, которыя носите.
Вотъ они и готовы повиноваться; но мы все-таки изслѣ-
дываемъ, чему учась и чѣмъ занимаясь, можно бы имъ
сдѣлаться людьми отличными. Нѣкто одобрялъ намъ и эту E.
науку, что то-есть хорошо юношѣ умѣть сражаться въ пол-
номъ вооруженіи, хвалилъ того человѣка, который нынѣ
показывалъ вамъ себя, и предлагалъ посмотрѣть его. По
тому-то мы признали нужнымъ и сами пойти на это зрѣ-
лище, и васъ пригласить, вмѣстѣ какъ зрителей и совѣт-
никовъ, или, когда угодно, участниковъ въ попеченіи о
нашихъ сыновьяхъ. Вотъ что хотѣли мы сообщить вамъ.
Теперь ваше дѣло дать свой совѣтъ и объ этой наукѣ, 180.
должно ли заниматься ею, или нѣтъ, и о другихъ, которыя
найдете полезными для юноши, и, можетъ быть, о самомъ
сообществѣ [3].

---

[1] Извѣстно, что Аристидъ былъ первымъ генералъ-провіантмейстеромъ и казначеемъ союзныхъ войскъ. Заботливость о пользѣ союзниковъ къ нему-то здѣсь преимущественно и относится.

[2] Позволяли баловаться, *εἴων τρυφᾶν*. Этому признанію, повидимому, противорѣчатъ слова Платона въ Менонѣ p. 94. A: *ἄλλον δὲ δὴ σκεψώμεθα, Ἀριστείδην τὸν Λυσιμάχου.—Οὐκοῦν καὶ οὗτος τὸν υἱὸν τὸν αὐτοῦ Λυσίμαχον, ὅσα μὲν διδασκάλων εἴχετο, κάλλιστα Ἀθηναίων ἐπαίδευσεν.* Но Платонъ какъ въ Менонѣ, такъ и въ Лахесѣ имѣетъ въ виду нравственную цѣль воспитанія. По его ученію, всякое знаніе тогда только цѣнно, когда оно содѣйствуетъ къ улучшенію нравственной стороны человѣка. Лизимахъ конечно могъ быть наученъ всему, что обыкновенно преподаютъ учители, и не смотря на то, оставаться съ самымъ дурнымъ сердцемъ. Есть и въ наше время много людей чрезвычайно образованныхъ, въ которыхъ однакожъ Сократъ не нашелъ бы и тѣни добродѣтели. Вотъ этого-то дара ни отцы, ни учители не въ состояніи были передать имъ. Одни только врачи душъ могли бы сообщить его.

[3] *О самомъ сообществѣ*, *περὶ τῆς κοινωνίας*, то-есть о томъ, кому посовѣтуете вы ввѣрить нашихъ дѣтей, — съ какими учителями должны они обращаться.

Ник. Я одобряю вашу мысль, Лизимахъ и Мелисіасъ, и готовъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Думаю, что и Лахесъ не откажется.

B. *Лах.* И справедливо думаешь, Никіасъ. Что Лизимахъ говорилъ о родителяхъ—своемъ и Мелисіасовомъ, то весьма кстати можно сказать не только о нихъ, но и о насъ, и о всѣхъ, на комъ лежатъ общественныя должности. Со всѣми ими бываетъ почти тоже, что мы отъ него слышали: то-есть, они не радятъ, не заботятся о дѣтяхъ и частныхъ
C. своихъ дѣлахъ [1]. Это хорошо сказано, Лизамахъ. Но я удивляюсь, почему, приглашая насъ на совѣтъ о воспитаніи юношей, ты не приглашаешь Сократа. Во-первыхъ, онъ землякъ твой [2]; во-вторыхъ, онъ всегда участвуетъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ разсуждаютъ о предметахъ, подобныхъ твоему, то-есть о наукахъ и занятіяхъ, свойственныхъ дѣтямъ.

Лиз. Что ты говоришь, Лахесъ? Сократу ли думать о такихъ вещахъ?

Лах. Конечно, Лизимахъ.

Ник. Объ этомъ-то и я могу сказать тебѣ не хуже Ла-
D. хеса. Сократъ недавно познакомилъ со мною Агаѳокла [3], ученика Дамонова, учителя музыки для моего сына, — и чтожъ? Агаѳоклъ оказался не только пріятнымъ музыкантомъ [4], но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнымъ собесѣдникомъ юношей.

---

[1] Обращая вниманіе на семейную жизнь Сократа, не льзя не обвинять и его въ тѣхъ же самыхъ слабостяхъ. Извѣстно, что онъ весьма мало заботился о женѣ и дѣтяхъ (*Xenoph.* Symp. II. 10. *Plat.* Phædon. p. 60) и, живя только для философіи, пренебрегалъ домашними обстоятельствами (*Plat.* Apol. p. 23). Сократъ тѣмъ менѣе извинителенъ, что онъ даже не несъ и общественной службы. Впрочемъ, что касается до нравственнаго воспитанія дѣтей, то въ упущеніи его бываетъ виновата не служба, а личныя качества родителей, ихъ частныя понятія о добрѣ и злѣ, приличіи и неприличіи, пользѣ и вредѣ, — вообще собственныя ихъ нравственныя и религіозныя свойства.

[2] *Онъ землякъ твой*, ὄντα δημότην. По свидѣтельству Плутарха (v. Pericl. p. 68. B.), Сократъ, Аристидъ и Ѳукидидъ были изъ демы Алопекской.

[3] Объ Агаѳоклѣ см. прим. къ Протаг. p. 316 E.

[4] *Пріятный музыкантъ*, ἀνδρῶν χαριέστατον οὐ μόνον τὴν μουσικήν. Χαρίεντες

Лиз. Но такіе старики, каковъ я, Сократъ, Никіасъ и Лахесъ, не знаютъ молодыхъ людей; потому что, за старостію, сидятъ большею частію дома. Если же и ты, сынъ Софрониска, можешь дать своему земляку добрый совѣтъ, E.
то посовѣтуй: да и слѣдуетъ; вѣдь ты мой родовой другъ; я и отецъ твой всегда были пріятелями и друзьями, и онъ умеръ прежде, чѣмъ между нами произошла какая-нибудь размолвка. Кстати теперь мнѣ пришли на память нѣкоторыя слова: ребята мои, разговаривая между собою дома, часто упоминаютъ о Сократѣ и очень хвалятъ его; но мнѣ никогда не случалось спросить ихъ, не о сынѣ ли Софронисковомъ говорятъ они. Скажите-ка, дѣти, не это ли тотъ 181.
Сократъ, о которомъ вы всякій разъ упоминаете?

Сынъ. Это онъ и есть, батюшка.

Лиз. О, прекрасно, клянусь Ирою, Сократъ, что ты вообще оправдываешь своего отца, отличнѣйшаго изъ людей, и особенно оправдаешь его, когда будешь обращаться съ нами, а мы съ тобою, по домашнему.

Лах. То-то, Лизимахъ; не отпускай-ка этого человѣка: я, да и многіе видѣли, что онъ оправдываетъ не только отца, но и отечество. Во время бѣгства отъ Делоса, мнѣ B.
случилось путешествовать вмѣстѣ съ нимъ,—и говорю тебѣ, что еслибъ и другіе хотѣли быть подобными ему, наша республика была бы права, на нее не пало бы тогда столь позорное пятно.

Лиз. Хороша похвала, Сократъ, когда хвалятъ тебя люди, достойные вѣроятія, и за такое дѣло, какъ это. Знай же, что я радуюсь, слыша о заслуженномъ тобою мнѣніи, и будь увѣренъ въ моемъ расположеніи къ тебѣ. Тебѣ и прежде C.
надлежало бы посѣщать насъ и по праву считать своими домашними; а теперь, съ этого дня возобновленія стариннаго нашего знакомства, не иначе поступай, но будь съ нами

вообще — люди пріятные въ обществѣ, а въ отношеніи къ музыкѣ, ихъ можно назвать такими артистами, въ игрѣ которыхъ не столько оригинальности и изобрѣтательности, сколько легкости и пріятности въ исполненіи.

коротокъ, сблизься и со мною, и съ этими юношами, чтобы сохранить родовую нашу дружбу. Если такъ будешь дѣлать, то мы станемъ еще чаще вспоминать о тебѣ. Что же
D. скажете вы о томъ, съ чего было начато? какъ думаете? годится ли дѣтямъ, или нѣтъ, наука сражаться въ полномъ вооруженіи?

Сокр. Попытаюсь, Лизимахъ, дать совѣтъ, какой могу, о предложенномъ предметѣ, и сдѣлать все, къ чему меня приглашаешь. Но такъ какъ я моложе этихъ мужей и не столько опытенъ, какъ они; то мнѣ, думаю, приличнѣе сперва послушать, что они скажутъ, и поучиться у нихъ, а потомъ, если представится нѣчто отличное отъ ихъ словъ, предложить собственное мнѣніе и сообщить его тебѣ и дѣтямъ твоимъ. Итакъ не угодно ли, Никіасъ, начать кому нибудь
E. изъ васъ [1].

Ник. Ничто не мѣшаетъ, Сократъ. Изучать юношамъ эту науку, кажется, полезно во многихъ отношеніяхъ. Имъ хорошо свободное время проводить не въ другихъ занятіяхъ,
182. до которыхъ они бываютъ охотники, а въ этомъ: чрезъ такое занятіе они непремѣнно укрѣпятъ свое тѣло; потому, что тутъ нуженъ трудъ не слабѣе и не менѣе всякаго гимнастическаго упражненія. При томъ, это движеніе и верховая ѣзда особенно приличны свободному человѣку; потому что мы бываемъ атлетами только на томъ поприщѣ, и только то поприще намъ указывается, съ военными орудіями коего ознакомились посредствомъ прежнихъ гимнастическихъ
B. упражненій. Сверхъ того, эта наука будетъ полезна и во время самой битвы, когда въ ширенгѣ понадобится сражаться со многими; а особенно должно ожидать отъ ней пользы, когда ряды разстроятся и уже нужно будетъ драться одинъ на одинъ, или преслѣдуя защищающагося непріятеля, или защищая себя въ бѣгствѣ отъ его преслѣдованія.

---

[1] *Не угодно ли начать..... кому-нибудь изъ васъ*, τί οὐ λέγει πότερος ὑμῶν; Πότερος, по свидѣтельству Исихія, часто употребляется вмѣсто ἓν ἐκ δυοῖν, см. Sophist. p. 264. D. Legg. XI. p. 914. C. et al. О вопросительной рѣчи, вмѣсто повелительной, см. примѣч. къ Протагору.

Кому извѣстно это знаніе, тотъ ничего не потерпитъ не только отъ одного, но, можетъ быть, и отъ многихъ; напротивъ, съ помощію его всегда будетъ брать верхъ. Наконецъ, оно можетъ возбудить расположеніе и къ другимъ похвальнымъ знаніямъ; ибо кто умѣетъ сражаться въ полномъ вооруженіи, тотъ захочетъ знать и прочее, относящееся къ строю; а перенявъ это и гордясь своимъ искусствомъ, успѣетъ и во всемъ, что входитъ въ должность вое- C.
начальника. Теперь ясно, что дѣти, обладающіе этою наукою, изучатъ и усвоятъ себѣ всѣ прочія, все похвальное и достойное человѣка пытливаго, все, къ чему ведетъ означенная наука. Прибавимъ къ этому еще одно не маловажное обстоятельство, что такое знаніе каждому во время войны вдохнетъ болѣе смѣлости и мужества, чѣмъ сколько кто имѣлъ прежде. Да и тѣмъ нельзя пренебрегать, — хотя иному это кажется и бездѣлицею, — что она сообщаетъ D.
человѣку хорошую выправку, гдѣ надобно показаться молодцомъ, а непріятелямъ тою же самою выправкою внушаетъ страхъ. И такъ, по моему мнѣнію, Лизимахъ, юноши должны учиться этому, и причины уже извѣстны. Теперь я съ удовольствіемъ послушалъ бы Лахеса, если онъ имѣетъ сказать нѣчто кромѣ этого.

Лах. Трудно найти искуство, Никіасъ, которому не слѣдовало бы учиться; потому что хорошо знать все. Надобно конечно знать и то, какъ сражаться въ полномъ вооруженіи, E.
если только это, по словамъ учителей и Никіаса, есть дѣйствительно наука: а когда не наука, когда выдающіе себя за ея преподавателей обманываютъ насъ, или когда это и наука, но нестоющая вниманія; то къ чему изучать ее? Я говорю такъ, основываясь на слѣдующемъ. Если бы умѣнье сражаться въ полномъ вооруженіи походило на науку; то оно, мнѣ кажется, не скрылось бы отъ Лакедемонянъ, которые во всю свою жизнь заботятся единственно объ отысканіи и пріобрѣ- 183.
теніи того, чѣмъ воспользовавшись, могли бы побѣждать другихъ на войнѣ. Но какъ скоро Лакедемоняне не знаютъ

этой науки; то преподавателямъ ея должно бы знать, что они, гораздо болѣе прочихъ Эллиновъ, любятъ подобныя занятія, и что оцѣненный ими въ этомъ отношеніи, какъ и трагикъ, оцѣненный нами, собралъ бы много денегъ и у другихъ Гре-
B. ковъ. По этому, кто почитаетъ себя хорошимъ писателемъ трагедій; тотъ не странствуетъ за предѣлами Аттики, чтобы показать свое искуство въ другихъ городахъ, но тотчасъ идетъ сюда и здѣсь даетъ свои представленія: такъ и должно быть [1]. Напротивъ для людей, сражающихся въ полномъ вооруженіи, Лакедемонъ, какъ видно, есть недоступное святилище, куда они не смѣютъ занесть и ногу, а только ходятъ вокругъ его границъ, показывая свою науку каждому и даже тѣмъ, которые сами сознаются, что между ими многіе, въ знаніи военнаго дѣла, превосходнѣе этихъ учителей. При
C. томъ, мнѣ случалось, Лизимахъ, быть съ нѣкоторыми изъ такихъ людей на самомъ дѣлѣ,—и вижу, что они значатъ. Да можно судить и по тому, что изъ всѣхъ искусниковъ сражаться въ полномъ вооруженіи, будто нарочно, ни одинъ не прославился на войнѣ; между тѣмъ какъ по прочимъ наукамъ, которыя входили въ кругъ ихъ занятій, иные сдѣлались извѣстными. Эти-то искусники, кажется, болѣе другихъ и терпятъ неудачи. Вотъ хоть бы тотъ Стезилай, котораго
D. вы со мною видѣли въ толпѣ, и который такъ хвастался и

---

[1] Науки и искуства во всѣ времена свидѣтельствовали объ извѣстномъ характерѣ и направленіи обществъ. Въ этомъ отношеніи о каждомъ государствѣ можно утверждать тоже, что говорятъ объ одномъ человѣкѣ: скажите мнѣ, съ кѣмъ онъ знакомъ, — я скажу вамъ, каковъ онъ. Разсмотрите общественныя занятія и удовольствія народа; — вамъ не трудно будетъ опредѣлить нравственное его состояніе и понять, какова его жизнь въ настоящемъ и судьба въ будущемъ. Вникните, чѣмъ любуется народный геній, — вы уразумѣете его достоинства и слабости, его здоровье и болѣзни. Смѣли ли сбѣгаться въ Лакедемонъ всесвѣтные скоморохи, гдѣ не терпѣлось ничего чуждаго, гдѣ строгость жизни простиралась даже до суровости нравовъ и смягчалась только пламенною любовію къ отечеству? Тамъ не было блеска и роскоши; но за то тамъ царствовали довольство, спокойствіе и слава. Напротивъ Аѳиняне принимали безъ разбора всѣхъ иностранцевъ, стекались на зрѣлища, жаждали новостей, жили воображеніемъ, но теряли чувство народности, трепетали предъ призраками, боялись самихъ себя и ранѣе всѣхъ другихъ Грековъ изгладили въ себѣ характеръ Эллинизма.

столько дивнаго, какъ слышали, говорилъ о себѣ. Разъ я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на него, когда онъ, правда нехотя, но точно показалъ истинное искуство. Случилось, что корабль, на которомъ онъ плылъ, столкнулся съ однимъ ластовымь судномъ. Въ то время Стезилай съ тѣмъ судномъ дѣлалъ видъ сраженія серповиднымъ копьемъ,—оружіе конечно отличное, какъ и самъ владѣтель его. Впрочемъ, о другихъ качествахъ этого человѣка говорить не стоитъ; а что вышло изъ его затѣи придѣлать къ копью серпъ, разскажу вамъ. Когда онъ такимъ образомъ сражался, копье его какъ- E.
то запуталось въ снастяхъ ластоваго корабля и зацѣпилось за нихъ. Онъ потянулъ свое оружіе, съ намѣреніемъ высвободить его, но не могъ. Между тѣмъ тотъ корабль начиналъ двигаться мимо другаго. Стезилай, пока могъ, слѣдовалъ за нимъ, не выпуская изъ рукъ копья. Но когда судно уже совсѣмъ проходило и тянуло его, державшагося за копье,—онъ началъ, рука чрезъ руку, перехватывать древко своего ору- 184.
жія до самаго конца. На ластовомъ кораблѣ, смотря на положеніе Стезилая подняли смѣхъ и рукоплесканія; а когда кто-то бросилъ на палубу подъ ноги къ нему камень, и онъ выпустилъ копье, тогда, при видѣ серповиднаго его оружія, повисшаго на снастяхъ грузоваго корабля, не могли уже и на триремѣ удержаться отъ смѣха. Итакъ, въ этой наукѣ, можетъ, и есть что-нибудь, какъ говоритъ Никіасъ: но что я видѣлъ, то видѣлъ; а потому повторяю сказанное прежде, что эта B.
наука или мало полезна, или вовсе не наука, и что называемая и прикрываемая однимъ только именемъ, она не стоитъ изученія. При томъ, если бы вздумалъ заниматься ею человѣкъ трусливый; то, мнѣ кажется, его трусость былабы еще замѣтнѣе: а если—мужественный, на котораго обращается вниманіе всѣхъ; то и малѣйшая его ошибка подверглась бы великимъ пересудамъ; потому что выдавать себя за знатока въ этой наукѣ, значитъ возбуждать къ себѣ зависть; такъ что, хвалясь ею, но не отличаясь отъ другихъ какою-нибудь C.
чрезвычайною добродѣтелію, нельзя избѣжать насмѣшекъ.

Вотъ мои мысли, Лизимахъ, о занятіи этою наукою. Теперь, какъ я сказалъ съ самаго начала, что не должно отпускать Сократа, пусть и онъ объявитъ свое мнѣніе о предложенномъ предметѣ.

D. *Лиз.* Да, прошу тебя, Сократъ, тѣмъ болѣе, что наше совѣщаніе, по видимому, имѣетъ нужду въ посредникѣ. Если бы эти мужи были согласны въ своихъ мнѣніяхъ; то посредничество казалось бы еще менѣе необходимымъ: но вотъ Лахесъ, видишь, противорѣчитъ Никіасу; по этому хорошо послушать тебя, къ которому изъ нихъ ты присоединишь свой голосъ.

Сокр. Какъ, Лизимахъ? ты думаешь ухватиться за то мнѣніе, на сторонѣ котораго будетъ болѣе нашихъ голосовъ?

Лиз. А чтожъ иное и дѣлаютъ, Сократъ?

E. *Сокр.* Не ужели и ты поступишь такъ же, Мелисіасъ? Если бы, напримѣръ, у тебя происходило совѣщаніе о тѣлесныхъ упражненіяхъ твоего сына, какого рода они должны быть; то намъ ли многимъ повѣрилъ бы ты, или тому, кто гимнастическія свои способности развилъ и употреблялъ подъ руководствомъ хорошаго наставника?

Мел. Натурально тому, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты охотнѣе повѣрилъ бы ему одному, чѣмъ намъ четверымъ?

Мел. Можетъ быть.

Сокр. Такъ какъ желающій хорошо судить долженъ основываться, думаю, на знаніи, а не на множествѣ.

Мел. Какъ же не на знаніи!

185. *Сокр.* По этому, прежде должно изслѣдывать, искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ томъ, о чемъ совѣтуемся, или нѣтъ. Если искусенъ,—повѣримъ ему одному, а прочихъ оставимъ; если же нѣтъ,—будемъ искать другаго. Развѣ вы—ты и Лизимахъ, приступаете теперь къ маловажному дѣлу, а не къ такому пріобрѣтенію, которое выше всѣхъ вашихъ пріобрѣтеній? Вѣдь смотря по тому, хороши бываютъ сыновья,

или напротивъ, весь родительскій домъ, въ отношеніи къ жизни, подстроается подъ ладъ дѣтей.

Мел. Твоя правда.

Сокр. Итакъ объ этомъ надобно подумать да подумать.

Мел. Конечно.

Сокр. Какимъ же бы образомъ, какъ я сейчасъ сказалъ, B.
изслѣдовать (если хотимъ изслѣдывать), кто изъ насъ самый искусный въ упражненіи тѣла? Не тотъ ли, кого учили и занимали этимъ, и у кого, по этому предмету, были хорошіе наставники?

Мел. Мнѣ кажется, тотъ.

Сокр. А еще прежде не изслѣдовать ли намъ, что такое было бы, въ отношеніи къ чему мы ищемъ учителей.

Мел. Какъ ты говоришь?

Сокр. Можетъ быть яснѣе будетъ такъ: кажется, мы еще не условились, что такое было бы, о чемъ у насъ совѣщаніе и разсужденіе, и касательно чего предложенъ вопросъ: кто изъ насъ самый искусный, поколику имѣлъ наставниковъ, и кто нѣтъ? C.

Ник. Но развѣ не извѣстно, Сократъ, что мы разсуждаемъ о сраженіи въ полномъ вооруженіи,—должно ли учить этому юношей, или не должно?

Сокр. Конечно такъ, Никіасъ: но если бы дѣло шло о лекарствѣ для глазъ, должно ли употребить его или нѣтъ; то что тогда было бы предметомъ совѣщанія: лекарство, или глаза?

Ник. Глаза.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы разсуждали: должно D.
ли надѣть на лошадь узду, или нѣтъ, и когда? то совѣщались бы о лошади, а не объ уздѣ?

Ник. Конечно.

Сокр. Однимъ словомъ: когда кто разсуждаетъ о чемъ-нибудь для чего-нибудь; то совѣщаніе идетъ о томъ, для чего разсуждается, а не о томъ, что требуется для другаго.

Ник. Необходимо.

Сокр. Итакъ вопервыхъ, надобно изслѣдовать самаго совѣтника, искусенъ ли онъ въ врачеванiи того, для чего происходитъ изслѣдованiе.

Ник. Конечно.

Сокр. А мы теперь разсуждаемъ о наукѣ для души юношеской.

E. *Ник*. Да.

Сокр. И такъ надобно опредѣлить: искусенъ ли кто-нибудь изъ насъ въ врачеванiи души? можетъ ли хорошо врачевать ее? и былъ ли онъ руководимъ хорошими учителями?

Лах. Но какъ же, Сократъ? развѣ ты невидывалъ, что иногда безъ учителей бываютъ искуснѣе въ чемъ-нибудь, нежели съ учителями?

Сокр. Положимъ, Лахесъ; но такимъ-то людямъ ты не захотѣлъ бы повѣрить, пока они, называя себя отличными мастерами, не подтвердили бы своего показанiя какимъ-ни-
186. будь хорошо выполненнымъ дѣломъ—одинъ, или нѣсколько разъ.

Лах. Это правда.

Сокр. Стало быть и мы, Лахесъ и Никiасъ, когда Лизимахъ и Мелисiасъ, пригласили насъ на совѣщанiе о своихъ сыновьяхъ, стараясь о добротѣ ихъ душъ,—и мы должны, если имѣли, указать имъ своихъ учителей, которые, бывъ сами добрыми и воспитавъ души многихъ юношей, потомъ научи-
B. ли и насъ. Когда же кто изъ насъ скажетъ, что у него не было учителя, что онъ совершилъ дѣла свои самъ собою; то пусть укажетъ на какихъ-нибудь Аѳинянъ или иностранцевъ, на рабовъ или свободныхъ, которые подъ его руководствомъ сдѣлались добрыми. Если же мы не представимъ ни того ни другаго; то велимъ искать иныхъ совѣтниковъ, а не подвергаться опасности испортить дѣтей, принадлежащихъ нашимъ друзьямъ, и быть крайне виновными въ отношенiи къ ближнимъ. Итакъ, Лизимахъ и Мелисiасъ, я первый го-

ворю, что по этому предмету у меня не было учителя, сколько я съ раннихъ лѣтъ ни старался о томъ. Софистамъ, которые одни берутся сдѣлать меня честнымъ и добрымъ, не могу платить; а самъ найти это искуство и донынѣ не въ состояніи. Что же касается до Никіаса и Лахеса, то не удивительно, что они нашли его или выучились ему; потому что у нихъ больше денегъ, чтобъ учиться, и лѣтъ, чтобы уже найти. Да мнѣ-таки и кажется, что они сильны въ образованіи людей; потому что не столь бы безстрашно заклю- D.
чали о полезныхъ и вредныхъ для юношества наукахъ, если бы не были увѣрены въ своемъ знаніи. Въ этомъ-то я не сомнѣваюсь; удивляюсь только тому, что они несогласны другъ съ другомъ. По тому, какъ прежде Лахесъ приказывалъ тебѣ не отпускать меня, но спрашивать: такъ и я теперь на оборотъ прошу тебя не отпускать Лахеса и Никіаса, но спросить ихъ о слѣдующемъ: Сократъ признается, что онъ не разумѣетъ этого дѣла и не можетъ разобрать, кто E.
изъ васъ говоритъ правду; потому что не былъ ни открытелемъ такого искуства, ни чьимъ нибудь ученикомъ по этому предмету. Пусть же теперь, Лахесъ и Никіасъ, каждый изъ васъ скажетъ, у какого мудреца учились вы воспитывать юношей, и ваше знаніе есть ли плодъ науки, или собственное открытіе. Если плодъ науки, то кто были вашими учителями, и гдѣ ваши товарищи по этому ученію?— что бы мы, если вамъ самимъ, по причинѣ общественныхъ 187.
должностей, недосугъ, могли обратиться къ нимъ и, либо подарками, либо просьбами, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, убѣдить ихъ позаботиться о нашихъ и вашихъ дѣтяхъ и не допустить, чтобъ они сдѣлались худыми и стыдились своихъ предковъ: а когда собственное открытіе, — представьте примѣръ, какіе люди уже были предметомъ вашихъ попеченій, и кто вами изъ худаго превращенъ въ честнаго и добраго. Если же вы только начинаете воспитывать; то замѣтьте, что дѣлаете опытъ не надъ Карійцемъ, а надъ сы- B.
новьями и дѣтьми своихъ друзей. Смотрите, чтобы и у васъ,

по простой пословицѣ, гончарни не было въ бочкѣ [1]. И такъ скажите, что въ этомъ отношеніи вы имѣете и приписываете себѣ, и чего нѣтъ. Спроси-ка такъ, Лизимахъ, этихъ мужей и не отпускай ихъ.

Лиз. Мнѣ кажется, почтеннѣйшіе, Сократъ говоритъ хорошо. Впрочемъ вы, Никіасъ и Лахесъ, должны сами знать,
C. угодно ли вамъ выслушать такой вопросъ и отвѣчать на него. Для меня и Мелисіаса конечно было бы пріятно, если бы вы захотѣли раскрыть все, о чемъ Сократъ спрашивалъ; потому что мы, какъ сказано мною съ самаго начала, для того и пригласили васъ на совѣтъ, что вообще предполагаемъ въ васъ надлежащую заботливость объ этомъ предметѣ, и что равнымъ образомъ вашимъ дѣтямъ, почти такъ же, какъ и нашимъ, настало время получить воспи-
D. таніе. Итакъ, если вамъ ничто не мѣшаетъ, говорите и, вмѣстѣ съ Сократомъ, изслѣдуйте дѣло, предлагая и принимая доказательства другъ отъ друга. Вѣдь и то хорошо сказалъ онъ, что вы теперь разсуждаете о важнѣйшемъ нашемъ дѣлѣ: смотрите же, думаете ли вы, что надобно поступить такимъ образомъ.

Ник. Изъ всего видно, Лизимахъ, что ты знаешь Сократа только по отцу, а съ нимъ самимъ обращался не
E. позже, какъ въ его дѣтствѣ, когда онъ на своей родинѣ, ходя за отцемъ, видался съ тобою или въ храмѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ собраніи твоихъ земляковъ. Да, явно, что сдѣлавшись постарѣе, онъ не встрѣчался съ тобою.

Миз. Такъ чтожъ, Никіасъ?

Ник. Ты, кажется, не знаешь, что кто слишкомъ близко подходитъ къ Сократу съ своимъ словомъ, какъ съ родиною, и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ; тотъ, съ чего бы ни началъ разговаривать, не перестанетъ спутываться
188. собственною рѣчью, пока не впадетъ въ необходимость дать

[1] Объ этой пословицѣ см. Schol. ad h. l. Пословица: *въ бочкѣ гончарня*— указываетъ на тѣхъ, которые приступаютъ только еще къ началамъ науки, а уже говорятъ свысока, какъ будто получили познаніе совершеннѣйшее.

отчетъ, какъ онъ живетъ теперь и какъ жилъ прежде; а
когда впадетъ,—Сократъ дотолѣ не отпуститъ его, пока не
вымучитъ всѣхъ подробностей. Напротивъ, я привыкъ къ
нему и знаю, что надобно будетъ испытать это,—знаю, что
испытать тоже придется и мнѣ: однакожъ все-таки радъ встрѣ-
чаться съ нимъ и не нахожу ни какого зла въ припоминаніи
того, что мы сдѣлали, или дѣлаемъ нехорошо; даже увѣренъ,
что кто не будетъ избѣгать этого, тотъ необходимо позабо- B.
тится о послѣдующей жизни, или, по словамъ Солона [1],
захочетъ и сочтетъ нужнымъ учиться, какъ жить, а не бу-
детъ думать, что старость сама придетъ къ нему съ умомъ.
И такъ мнѣ не непривычно и не непріятно подвергнуться
испытанію со стороны Сократа; я давно замѣтилъ, что въ
его присутствіи рѣчь будетъ у насъ не о дѣтяхъ, а о насъ
самихъ. Еще повторяю, что мнѣ ничто не мѣшаетъ бесѣ- C.
довать съ Сократомъ, какъ ему угодно: но смотри, что ду-
маетъ объ этомъ Лахесъ.

Лах. Моя мысль о бесѣдѣ проста, Никіасъ, или, если
угодно, и не проста, а двояка. Я могу иному показаться
любителемъ и вмѣстѣ ненавистникомъ бесѣдъ. Когда я слу-
шаю рѣчь о добродѣтели, или о какой нибудь мудрости,
отъ такого человѣка, который дѣйствительно стоитъ своей
рѣчи; тогда бываю весьма радъ говорящему и его слову, D.
такъ какъ между ими есть соотвѣтствіе и гармонія: такой
человѣкъ кажется мнѣ въ самомъ дѣлѣ музыкантомъ, про-
являющимъ прекраснѣйшую гармонію не на лирѣ, не на
музыкальныхъ инструментахъ, а въ жизни, въ которой
у него слова созвучны съ дѣлами — не іонически, не фри-
гійски и не лидійски, а прямо дорически, то-есть, выра-
жаютъ единственную эллинскую гармонію [2]. Разговоръ та-

[1] Извѣстный стихъ Солона: γηράσκω δ' ἀεὶ πολλὰ διδασκόμενος. Онъ сохраненъ Плутархомъ v. Solon. p. 96. E. и Схоліастомъ ad Sophocl. Antig. v. 711.

[2] Изъ многихъ мѣстъ Ксенофонтовыхъ и Платоновыхъ сочиненій видно, что послѣдователи Сократа, и особенно Платонъ, болѣе одобряли дорійскій образъ жизни, такъ какъ Доряне отличались какою-то важностію и прямоду-

кого человѣка доставляетъ мнѣ отраду, и я тогда кажусь
E. любителемъ бесѣдъ, я съ жадностію принимаю, что говорится. Но кто дѣлаетъ противное тому; тотъ, какъ хорошо ни говори, —огорчаетъ меня и заставляетъ ненавидѣть бесѣду. Сократъ, по своимъ разговорамъ, мнѣ конечно неизвѣстенъ; однакожъ нѣкогда я, какъ слѣдовало, испыталъ
189. самыя дѣла его и изъ нихъ узналъ, что онъ стоитъ прекрасныхъ рѣчей и можетъ смѣло говорить ихъ. Если же онъ таковъ, то я буду бесѣдовать съ нимъ, весьма охотно подвергнусь его испытанію, не поскучаю урокомъ, соглашаюсь и съ Солономъ, но къ его словамъ прибавляю только одно: хочу учиться до старости не иначе, какъ у добрыхъ. Признайтесь: надобно предположить отличнаго учителя, чтобъ, учась безъ удовольствія, не показаться ему
B. неучемъ. А что наставникъ молодъ, не пользуется извѣстностію, и тому подобное, объ этомъ я не забочусь. Итакъ объявляю тебѣ, Сократъ: учи и обличай меня, въ чемъ хочешь; готовъ учиться даже тому, что уже знаю. Я расположенъ къ тебѣ съ того дня, въ который ты раздѣлялъ со мною опасности и показалъ опытъ добродѣтели, свойственный только тому, кто истинно хочетъ показать его. Говори же, что тебѣ любо, не обращая вниманія на нашъ возрастъ.

C. *Сокр*. Такъ видно мы уже не будемъ обвинять васъ за неготовность подавать совѣты и изслѣдывать.

Лиз. Но вѣдь это наше дѣло, Сократъ; потому что я почитаю тебя однимъ изъ своихъ. Смотри же и вмѣсто меня, о чемъ мы, ради юношей, должны спрашивать ихъ, и совѣтуйся съ ними посредствомъ разговора. Я, по своей старости, уже многое и забываю, что думалъ было сказать и что недавно слышалъ; а если къ тому еще входятъ и

шіемъ, и въ этомъ отношеніи совершенно противуполагались легкомысленнымъ жителямъ Аттики и изнѣженнымъ Іонянамъ. Посему Лахесъ, требуя искренности въ разговорѣ, хочетъ, чтобъ онъ шелъ дорически, то-есть, чтобы въ немъ слова гармонировали съ мыслями, а мысли съ дѣлами. Сравн. сужденіе Платона въ его Государствѣ. L. III. p. 398. sqq.

другія рѣчи; то совсѣмъ не припоминаю. Итакъ говорите D. и разсматривайте предметъ сами между собою; а я буду слушать и, выслушавши, мы съ Мелисіасомъ сдѣлаемъ то, что вамъ понравится.

Сокр. Надобно послушаться Лизамаха и Мелисіаса, Никіасъ и Лахесъ. Можетъ быть, намъ въ самомъ дѣлѣ не худо испытать самихъ себя въ томъ, что мы предпринимали изслѣдовать теперь же, то-есть, какіе учители были у насъ по разсматриваемой наукѣ, и кого сдѣлали мы лучшимъ. Но это изслѣдованіе поведетъ насъ, думаю, къ то- E.
му же, — пойдетъ то-есть едвали не къ началу дѣла: вѣдь если мы знаемъ, что принадлежащая кому-нибудь вещь улучшаетъ того, кому принадлежитъ, и если, сверхъ того, можетъ сдѣлать, чтобы она ему принадлежала; то конечно знаемъ и предметъ своего совѣщанія, то-есть, кому и какъ легче и успѣшнѣе пріобрѣсть ее. Впрочемъ, можетъ быть, вы не понимаете, что я говорю? такъ вотъ какъ скорѣе поймете. Если мы знаемъ, что зрѣніе, принадлежа глазамъ, 190.
улучшаетъ то, чему принадлежитъ, и сверхъ того умѣемъ сдѣлать, чтобы оно глазамъ принадлежало; то конечно знаемъ и самое зрѣніе, что такое оно, какъ предметъ нашего совѣщанія, и какъ легче и успѣшнѣе пріобрѣсть его: а когда не знаемъ, что зрѣніе, что слухъ,—едва ли можемъ быть совѣтниками, стоющими слова, и врачами глазъ и ушей,—едва ли скажемъ, какъ лучше пріобрѣсти слухъ и зрѣніе.

Лах. Ты правду говоришь, Сократъ. B.

Сокр. Не за тѣмъ ли, Лахесъ, эти люди нынѣ призвали насъ, чтобы мы подали совѣтъ: какимъ образомъ душамъ ихъ сыновей сообщить добродѣтель и чрезъ то сдѣлать ихъ лучшими?

Лах. Конечно.

Сокр. Такъ напередъ не нужно ли знать, что такое добродѣтель? ибо вовсе не зная, что она, можно ли намъ совѣтоваться, какъ лучше пріобрѣсть ее?

C. *Лах*. Мнѣ кажется, нельзя, Сократъ.

Сокр. Мы конечно приписываемъ себѣ знаніе добродѣтели?

Лах. Да, приписываемъ.

Сокр. А что знаемъ, можемъ какъ-нибудь выразить?

Лах. Почему не такъ?

Сокр. Однакожъ, почтеннѣйшій, не станемъ съ перваго раза разсматривать добродѣтель вообще,—можетъ быть, это довольно трудно: возмемъ сперва какой нибудь видъ ея и посмотримъ, въ силахъ ли мы знать его. Такое изслѣдованіе будетъ для насъ вѣроятно легче.

D. *Лах*. Сдѣлаемъ и такъ, Сократъ, если угодно.

Сокр. Какой же бы видъ добродѣтели избрать намъ? Не явно ли впрочемъ, что изберемъ тотъ, къ которому имѣетъ отношеніе наука сражаться всякимъ оружіемъ? а она, по мнѣнію многихъ, относится къ мужеству. Не такъ ли?

Лах. Кажется, въ самомъ дѣлѣ такъ.

Сокр. Давай же, Лахесъ, прежде всего скажемъ, что такое мужество, а потомъ разсмотримъ, какимъ образомъ
E. оно можетъ быть пріобрѣтено юношами, сколько это зависитъ отъ наукъ и упражненія. Итакъ, сообразно съ моимъ предначертаніемъ, попытайся сказать, что такое мужество.

Лах. Это, клянусь Зевсомъ, не трудно. Кто рѣшился удерживать свое мѣсто въ строю, отражать непріятеля и не бѣжать; тотъ вѣрно мужественъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь, Лахесъ; но, можетъ быть, моя вина, что твой отвѣтъ неясенъ и заключаетъ въ себѣ не ту мысль, которую я соединялъ съ своимъ вопросомъ, а другую.

191. *Лах*. Что ты хочешь сказать, Сократъ?

Сокр. Объяснюсь, сколько могу. По твоему, мужественъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, удерживая свое мѣсто въ строю.

Лах. Это именно мои слова.

Сокр. Равно и мои. Но что будетъ тотъ, кто сражается съ непріятелями, не удерживая своего мѣста, а убѣгая?

Лах. Какъ убѣгая?

Сокр. На примѣръ, какъ Скиѳы [1], которые, говорятъ, не менѣе сражаются въ бѣгствѣ, какъ и въ погонѣ, или, какъ хваленые Энеевы кони, которые, по словамъ Омира, могли весьма быстро летать туда и сюда, то убѣгая, то B.
преслѣдуя. Да Омиръ превозноситъ и самаго Энея за умѣнье бояться, и называетъ его совѣтникомъ страха [2].

Лах. Хорошо, Сократъ, но вѣдь онъ говоритъ о колесницахъ, а ты о скиѳскихъ всадникахъ. Скиѳы-то на коняхъ сражаются конечно такъ; но греческая пѣхота — по моему.

Сокр. Можетъ быть,—кромѣ Лакедемонянъ, Лахесъ; потому что Лакедемоняне, при Платеѣ, встрѣтившись съ щи- C.
тоносцами [3], не хотѣли, говорятъ, сражаться съ ними на одномъ мѣстѣ, а побѣжали. Когда же чрезъ это персидскія линіи разстроились,—они, подобно всадникамъ, вдругъ возвратились и, сразившись, одержали побѣду.

Лах. Твоя правда.

Сокр. Такъ вотъ и причина, почему ты не хорошо отвѣчалъ: я виноватъ, что не хорошо спрашивалъ. У меня

---

[1] На образъ сраженія Скиѳовъ указываетъ Горацій (Od. I. 19. 11) nec patitur Scythas et versis animosum equis Parthum dicere. Этимъ также объясняется Гораціево выраженіе: profugi Scythæ. Od. I. 35, 9.

[2] Слова Омира, которыя Платонъ приводитъ здѣсь, находятся въ Иліадѣ V. 223. Сн. VIII. 105. sqq. Въ послѣднемъ мѣстѣ Энеевы кони уже въ рукахъ Діомида, который говоритъ: *οὕς ποτ' ἀπ' Αἰνείαν ἑλόμην μήστωρε φόβοιο* (другое чтеніе: *μήστωρα*, которому слѣдуетъ и Платонъ). Сократъ, по обычаю, играя словами, подъ выраженіемъ *μήστωρα φόβοιο* разумѣетъ того, кто замышляетъ бѣгство, такъ какъ бы *μήστωρ* происходило отъ *μήδεσθαι*. Посему тотъ ошибется, кто будетъ искать здѣсь серьёзнаго истолкованія словъ Омировыхъ.

[3] *Съ щитоносцами*, *πρὸς τοῖς γεῤῥοφόροις*. Γέῤῥα, по свидѣтельству Схоліаста, были ивовые щиты, употреблявшіеся Греками для всякаго огражденія во время сраженія. Но иногда, говоритъ онъ, подъ словомъ *γέῤῥα* разумѣлись и щиты персидскіе, сдѣланные изъ кожи, даже палатки. Снес. *Herod.* VII. 61.

D. была мысль спросить о мужественныхъ не только въ пѣхотѣ, но и въ конницѣ, и вообще во всякомъ родѣ войны; да и не о воинахъ только говорю я, но и о тѣхъ, которые мужественно подвергаются опасностямъ на морѣ, мужественны противъ болѣзней, бѣдности, или и политики, которые храбро также сражаются не съ одними скорбями и страхомъ, но и съ страстями, или удовольствіями, то
E. удерживая свое мѣсто, то отступая; такъ какъ во всемъ этомъ, Лахесъ, не менѣе возможно мужество.

Лах. И очень, Сократъ.

Сокр. Итакъ всѣ эти мужественны; только одни оказываютъ мужество въ удовольствіяхъ, другіе въ скорбяхъ, иные въ страстяхъ, а нѣкоторые въ страхѣ. Напротивъ, немужественные во всемъ этомъ обнаруживаютъ боязнь.

Лах. Конечно.

Сокр. Такъ я спрашивалъ тебя: что это такое въ обоихъ случаяхъ? Попытайся же опять сначала сказать, что такое мужество, какъ одно и тоже во всемъ. Но можетъ быть ты не понимаешь словъ моихъ?

Лах. Что-то не очень.

192. *Сокр.* Я говорю такъ. Пусть будетъ предложенъ вопросъ: что такое скорость, проявляющаяся и въ бѣганіи, и въ музыкѣ, и въ разговорѣ, и въ ученіи, и во многомъ другомъ,— та скорость, которую, можно сказать, мы пріобрѣтаемъ въ дѣятельности рукъ, ногъ, языка, голоса и мысли? [1] Не спросилъ ли бы и ты такимъ образомъ?

Лах. Конечно спросилъ бы.

Сокр. Итакъ положимъ, что съ этимъ вопросомъ кто нибудь обратился бы ко мнѣ и сказалъ: Сократъ! что называ-
B. ешь ты скоростію во всемъ? Я отвѣчалъ бы: называю спо-

---

[1] Вотъ способъ, которымъ Платонъ ищетъ общихъ понятій о вещахъ. Онъ требуетъ родоваго признака, который былъ бы признакомъ всѣхъ предметовъ одного рода. Подобнымъ образомъ и въ Менонѣ (p. 74. A) устанавливается общее понятіе о добродѣтели: *τὴν δὲ μίαν (ἀρετὴν) ἣ διὰ πάντων τούτων ἐςίν, οὐ δυνάμεϑα ἀνευρεῖν*. Сравн. *Heindorf* ad Sophist. p. 240. A.

собность въ короткое время дѣлать много и голосомъ, и бѣганіемъ, и всѣмъ другимъ.

Лах. И отвѣчалъ бы въ самомъ дѣлѣ правильно.

Сокр. Попытайся же, Лахесъ, подобнымъ образомъ опредѣлить и мужество: что такое оно, какъ одна и та же способность и въ удовольствіи, и въ страданіи, и во всемъ, въ чемъ мы недавно находили его?

Лах. По моему мнѣнію, мужествомъ, если только надобно опредѣлять его общимъ признакомъ, называется какая-то твердость души.

Сокр. Конечно такъ надобно опредѣлять, когда хочешь C.
отвѣчать на вопросъ. Однако, мнѣ кажется, что не всякая же твердость, если не обманываюсь, представляется тебѣ мужествомъ. Заключаю изъ того, что мужество ты относишь, вѣроятно, къ вещамъ весьма хорошимъ.

Лах. Да, безъ сомнѣнія, къ прекраснымъ.

Сокр. Слѣдовательно, твердость хороша и похвальна, когда соединяется съ благоразуміемъ?

Лах. Конечно.

Сокр. Какова же она будетъ безъ разсудительности? вѣ- D.
роятно противуположная, то-есть, дурная и зловредная?

Лах. Да.

Сокр. Итакъ, назовешь ли ты ее хорошею, когда она зловредна и дурна?

Лах. Не слѣдуетъ, Сократъ.

Сокр. Стало-быть, такой твердости ты не признаешь и мужествомъ, если мужество есть дѣло хорошее, а эта не хороша.

Лах. Правда.

Сокр. Итакъ, по твоимъ словамъ, мужество есть благоразумная твердость.

Лах. Выходитъ.

Сокр. Посмотримъ же, въ чемъ она благоразумна: во E.
всемъ ли, какъ въ великомъ, такъ и въ маловажномъ? Напримѣръ, назовешь ли ты мужественнымъ того, кто съ благо-

разумною твердостію расточаетъ деньги, зная, что расточивши ихъ, онъ пріобрѣтетъ болѣе?

Лах. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А врача, который не смягчается, но остается твердымъ, когда сынъ его, либо кто другой, страдая воспаленіемъ въ легкихъ, проситъ пить или ѣсть?

193. *Лах.* Нѣтъ, и это не такое мужество.

Сокр. А человѣка твердаго на войнѣ, который хочетъ сразиться, благоразумно расчитывая и зная, что ему помогутъ другіе, что онъ вступитъ въ дѣло съ непріятелемъ не столь многочисленнымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ собственный его отрядъ, и что при томъ самая позиція его лучше,—человѣка, твердо опирающагося на такіе расчеты и способы, назовешь ли ты мужественнѣе того, который рѣшился оставаться и быть твердымъ въ противуположныхъ обстоятельствахъ своего лагеря?

B. *Лах.* Мнѣ кажется, Сократъ, что при противуположныхъ обстоятельствахъ лагеря болѣе мужества.

Сокр. И однакожъ мужество послѣдняго будетъ не такъ разсудительно, какъ перваго?

Лах. Правда.

Сокр. Равнымъ образомъ и въ конномъ сраженіи, твердый съ знаніемъ, по твоему мнѣнію, не столь мужественъ, какъ твердый безъ знанія?

Лах. Мнѣ кажется.

Сокр. Тоже утверждаешь ты о твердости и пращниковъ, и луконосцевъ, и другихъ воиновъ?

C. *Лах.* Конечно.

Сокр. А тѣ люди, которые, вздумавъ сойти въ колодезь и, хоть неумѣютъ, захотѣвши плавать, твердо рѣшались бы на это, или иное подобное дѣло, — тѣ, по твоему мнѣнію, мужественнѣе ли другихъ, опытныхъ въ этомъ искуствѣ?

Лах. Кто же бы сказалъ иначе, Сократъ?

Сокр. Конечно никто, у кого подобныя мысли.

Лах. Да и я такихъ же мыслей.

Сокр. Однакожь, Лахесъ, эти люди, подвергаются опасностямъ и бываютъ тверды безразсуднѣе, чѣмъ тѣ, которые дѣлаютъ тоже съ искуствомъ.

Лах. Кажется.

Сокр. Но безразсудная дерзость и твердость не казалась D.
ли намъ прежде постыдною и дурною?

Лих. Конечно.

Сокр. А мужество мы признали чѣмъ-то хорошимъ.

Лах. Да, признали.

Сокр. И вотъ теперь опять постыдное, то-есть, безразсудную твердость называемъ мужествомъ.

Лах. Видно такъ.

Сокр. Чтожь? хорошо ли мы говоримъ?

Лах. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, по моему, нехорошо.

Сокр. Стало быть, какъ ты говорилъ, Лахесъ, я и ты E.
гармонируемъ не дорически; потому что дѣла у насъ несогласны съ словами. Если бы кто-нибудь слышалъ нашъ разговоръ, то сказалъ бы, что на дѣлѣ-то мы, кажется, храбры, а на словахъ—не совсѣмъ.

Лах. Весьма справедливо.

Сокр. Чтожь? хорошо ли быть такими?

Лах. Вовсе не хорошо.

Сокр. Хочешь ли долѣе оставаться при томъ, что мы говорили?

Лах. При чемъ и какъ долѣе?

Сокр. При томъ мнѣніи, которое велитъ быть твердымъ. 194.
Если угодно, мы тоже удержимся и будемъ тверды въ изслѣдованіи своего предмета, чтобы мужество не смѣялось надъ нами, будто мы не мужественно разсматриваемъ его, когда оно, по нашимъ же словамъ, состоитъ въ твердости.

Лах. Я готовъ, Сократъ; не отстану, хоть и не привыкъ къ такому роду рѣчей. Во мнѣ есть охота разсуждать; но досадно, что не умѣю выразить своихъ мыслей. Мнѣ кажет-

ся, я понимаю, что такое мужество; только у меня какъ-то ускользаетъ собственное понятіе, такъ что я не могу заключить его въ слово и сказать, что оно такое.

Сокр. Но порядочный ловчій долженъ преслѣдовать свою добычу, другъ мой, а не оставлять ее.

Лах. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не угодно ли, пригласимъ на ловлю и Никіаса? Можетъ, онъ будетъ успѣшнѣе насъ.

Лах. Согласенъ; почему не такъ?

C. *Сокр.* Поспѣши же, Никіасъ, къ друзьямъ своимъ, обуреваемымъ словами, и, если имѣешь силу, помоги имъ въ ихъ недоумѣніи. Ты видишь, какъ плохо наше дѣло: скажи, что почитаешь ты мужествомъ, разрѣши наше сомнѣніе, вырази словомъ мысль твою.

Ник. Да я давно вижу, Сократъ, что вы нехорошо опредѣляете мужество: вы не воспользовались тѣмъ, что когда-то самъ ты прекрасно говаривалъ.

Сокр. Чѣмъ же это, Никіасъ?

D. *Ник.* Я часто слыхалъ, какъ ты утверждалъ, что каждый изъ насъ добръ въ томъ, въ чемъ мудръ, а не добръ въ томъ, въ чемъ невѣжда.

Сокр. О, клянусь Зевсомъ, Никіасъ, ты говоришь правду.

Ник. По этому, если мужественный добръ; то явно, что онъ мудръ.

Сокр. Слышишь, Лахесъ?

Лах. Слышу, только не совсѣмъ понимаю слова его.

Сокр. А я кажется, понимаю; мнѣ кажется мужество, по его мнѣнію, есть мудрость.

Лах. Какая же мудрость, Сократъ?

Сокр. А почему ты его-то не спросишь объ этомъ?

E. *Лах.* Спрашиваю и его.

Сокр. Такъ скажи ему, Никіасъ, какая мудрость, по твоему мнѣнію, есть мужество. Ужь конечно не игра на флейтѣ?

Ник. Нѣтъ.

Сокр. И не игра на цитрѣ?

Ник. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Что же она? какое знаніе?

Лах. Ты ладно спрашиваешь его, Сократъ; пусть-ка скажетъ, что разумѣетъ онъ подъ именемъ мудрости.

Ник. Я разумѣю, Лахесъ, знаніе того, чего должно стра- 195.
шиться и на что отваживаться, какъ на войнѣ, такъ и во всемъ другомъ.

Лах. Какія нелѣпости говоритъ онъ, Сократъ!

Сокр. Чтоже называешь ты тутъ нелѣпымъ, Лахесъ?

Лах. Что называю?—Мудрость вѣдь отлична отъ мужества.

Сокр. Но Никіасъ съ этимъ несогласенъ.

Лах. Конечно, клянусь Зевсомъ; потому-то слова его и вздоръ.

Сокр. Такъ лучше намъ научить его, чѣмъ бранить.

Ник. Нѣтъ, Сократъ; Лахесу, кажется, по тому не угодно ничего видѣть въ моихъ словахъ, что самъ онъ ничего не сказалъ.

Лах. Да, да, Никіасъ; я еще постараюсь доказать, что B.
ты дѣйствительно ничего не сказалъ. Вотъ напримѣръ, въ болѣзняхъ—не врачи ли знаютъ чего должно боятся? Но зная это, мужественны ли они? Врачей называешь ли ты мужественными?

Ник. Нѣтъ.

Лах. Конечно и земледѣльцевъ также, — хотя они и знаютъ, чего надобно бояться въ земледѣліи. Равнымъ образомъ знаютъ и другіе мастера, что опасно и неопасно въ ихъ мастерствахъ, и однакожъ отъ того нисколько не мужественны.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Никіасъ? Лахесъ говоритъ что-то.

Ник. Да, говоритъ, только неправду.

Сокр. Какъ же?

Ник. Онъ думаетъ, будто врачи знаютъ о больныхъ больше, чѣмъ могутъ сказать: это здорово, а это нездорово. Вѣдь

имъ только это и извѣстно. А знаютъ ли они, по твоему мнѣнію, Лахесъ, кому опаснѣе быть здоровымъ, нежели больнымъ? Развѣ ты не вѣришь, что многимъ лучше не выздоравливать отъ болѣзни, чѣмъ выздоравливать? Скажи-ка:
D. лучше ли, думаешь ты, всѣмъ жить, или нѣкоторымъ умереть?

Лах. Я допускаю послѣднее.

Ник. Но человѣкъ, находящій свою выгоду въ смерти, того ли долженъ бояться, чего другой, которому выгоднѣе жить?

Лах. Не думаю.

Ник. А такое знаніе приписываешь ли ты врачамъ, или другому мастеру, кромѣ того, который знаетъ, что опасно и неопасно, и котораго я называю мужественнымъ?

Сокр. Понимаешь ли, Лахесъ, что онъ говоритъ?

E. *Лах*. Какъ же! мужественными называетъ онъ гадателей; ибо кто другой знаетъ, кому лучше жить или умереть? Но себя, Никіасъ, признаешь ли ты гадателемъ, или не признаешь ни гадателемъ, ни мужественнымъ?

Ник. Какъ? да ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что знать, чего бояться и на что отваживаться, свойственно гадателю?

Лах. Разумѣется; кому же иному?

Ник. Гораздо свойственнѣе тому, другъ мой, кого я разумѣю. Гадателю-то должны быть извѣстны только признаки будущаго, на примѣръ, кому угрожаетъ или смерть, или бо-
196. лѣзнь, или лишеніе денегъ, или побѣда, или пораженіе, какъ на войнѣ, такъ и во всякой другой борьбѣ: а кто потерпитъ, или не потерпитъ что-нибудь лучше этого, о томъ гадатель ли можетъ судить, или другой, подобный ему?

Лах. Ну, такъ я не знаю, Сократъ, что у него на мысли. Сколько видно, онъ не признаетъ мужественнымъ, ни гадателя, ни врача, ни кого инаго. Чтожъ? развѣ приписываетъ это свойство какому богу? Никіасъ, мнѣ кажется, не хочетъ
B. искренно сознаться, что онъ ничего не говоритъ, а только вертится туда и сюда, стараясь скрыть свое недоумѣніе. Да

такъ-то вертѣться могли бы и мы, когда бы не захотѣли показать, что противорѣчимъ сами себѣ. Пусть бы намъ пришлось говорить въ судѣ,—можно бъ еще позволить себѣ такія рѣчи: но теперь, въ домашней бесѣдѣ, за чѣмъ по пустому огораживать себя словами ничего незначущими?

Сокр. И я также, Лахесъ, ничего тутъ не вижу; однакожъ посмотримъ, не думаетъ ли Никіасъ что-нибудь сказать, а не то что просто говоритъ, лишь бы говорить. Испытаемъ же его яснѣе, что онъ мыслитъ, и когда скажетъ нѣчто, согласимся, а не скажетъ, наставимъ. C.

Лах. Испытывай ты, Сократъ, если хочешь; а я уже, кажется, довольно испытывалъ.

Сокр. Ничто не мѣшаетъ; потому что испытаніе будетъ общее съ моей и твоей стороны.

Лах. Конечно.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, или лучше намъ, Никіасъ,—ибо мы оба, я и Лахесъ, обращаемся къ тебѣ: ты называешь мужество знаніемъ того, чего должно боятся и на что отваживаться?

Ник. Да. D.

Сокр. Однако это знаніе принадлежитъ безъ сомнѣнія не всякому, если даже и врачь, и гадатель, не получивъ его, не будутъ обладать имъ и не могутъ быть названы мужественными [1]. Такъ ли говорилъ ты?

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, по пословицѣ, не каждая же свинья въ самомъ дѣлѣ можетъ знать это [2] и быть мужественною.

---

[1] *Если даже и врачь и гадатель..... быть названы мужественными*, *ὁπότε γε μήτε ἰατρὸς μήτε μάντις αὐτὸ γνώσεται, μηδὲ ἀνδρῖος ἔσται.* Здѣсь должно замѣтить употребленіе частицъ *μήτε* и *μηδέ*. Различіе между ими тоже, какое между *δὲ* и *τε*. Частица *μήτε* употребляется для соединенія, а *μηδὲ*—для раздѣленія словъ. Посему *οὔτε* или *μήτε* полагается, когда какое-нибудь общее понятіе объясняется частными; а *μηδὲ* имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ къ рѣчи присоединяется нѣчто новое, отъ значенія прежнихъ словъ отличное. Точно такое значеніе имѣютъ эти частицы и въ настоящемъ случаѣ.

[2] Эта пословица приводится и изъясняется Схоліастомъ: *κἂν κύων κἂν ὗς*

Ник. Кажется.

Е. *Сокр.* Значитъ, ты не почитаешь мужественною даже и свиньи Кромміонской [1]. Это говорю я не шутя, а въ самомъ дѣлѣ думаю, что люди, держащіеся твоей мысли, необходимо должны или отказать въ мужествѣ всякому животному или согласиться, что и животное обладаетъ такою мудростію, какая доступна только не многимъ людямъ: трудно въ самомъ дѣлѣ человѣку знать это такъ, какъ знаютъ левъ, барсъ, дикій кабанъ. Принявъ такое понятіе о мужествѣ, какое сдѣлалъ ты, необходимо вѣдь допустить, что и левъ, и коршунъ, и быкъ, и обезьяна, раждаются съ одинакимъ мужествомъ.

197. *Лах.* Клянусь богами, ты прекрасно говоришь, Сократъ. Отвѣчай-ка въ самомъ дѣлѣ, Никіасъ, мудрѣе ли насъ эти животныя: а вѣдь мы всѣ соглашаемся, что онѣ мужественны. Или, можетъ быть, ты, вопреки всеобщему убѣжденію, осмѣлишься отказать имъ въ этомъ свойствѣ?

Ник. Я не называю мужественнымъ, Лахесъ, ни животнаго, ни другаго существа, которое, не зная, чего надобно бояться, не знаетъ и боязни, но воодушевлено безстрашіемъ

В. и неистовствомъ. Почитаешь ли ты мужественными дѣтей, которыя, по невѣденію, ничего не боятся? Мнѣ кажется, безстрашіе и мужество — не одно и тоже. Мужество и осмотрительность, по моему мнѣнію, есть достояніе немногихъ, а безразсудство и дерзость свойственны многимъ — и мужчинамъ и женщинамъ, и дѣтямъ и животнымъ. Итакъ, что ты съ другими называешь мужествомъ; то, по моему, безразсудство: напротивъ мужество, о которомъ я говорю, бываетъ разумно.

γνοίη. Она означаетъ то, что легко познается и доступно даже для безсмысленнаго животнаго.

[1] *И свиньи Кромміонской*, *οὐδὲ τὴν κρομμυωνίαν ὗν*. По свидѣтельству Страбона VIII. p. 583 и Павзанія Corinth. I., Кромміонъ была деревня Коринөскаго округа. Имя этой деревни сдѣлалось историческимъ, благодаря одной свиньѣ, которая опустошала ту страну и наконецъ была убита Тезеемъ. *Ovid.* metamorph. VII. 435. Quod que suis securus arat Cromyona colonus, Munus opusque tuum est.

Лах. Смотри-ка, Сократъ, какъ онъ, подумаешь, себя-то C.
огораживаетъ рѣчью, а тѣхъ, кого всѣ признаютъ мужественными, старается лишить этой чести.

Ник. Совсѣмъ нѣтъ, Лахесъ; будь спокоенъ. Я почитаю мудрымъ и тебя, и Ламаха [1], если вы мужественны, и многихъ другихъ Аѳинянъ.

Лах. Я ничего не говорю на это, хотя бы и надлежало сказать, что бы ты въ самомъ дѣлѣ не назвалъ меня Эксонцемъ [2].

Сокр. И не говори-таки, Лахесъ; ты, кажется, не понялъ, D.
что эту мудрость онъ заимствовалъ у нашего друга Дамона; а Дамонъ очень коротокъ съ Продикомъ, который, по видимому, лучше всѣхъ софистовъ различаетъ такія названія.

Лах. Да софисту, Сократъ, и приличнѣе этимъ хвастаться, чѣмъ мужу, которому городъ ввѣрилъ власть надъ собою.

Сокр. Однакожь, Лахесъ, кто располагаетъ великими дѣ- E.
лами, тому прилично имѣть и великій умъ. Мнѣ кажется, Никіасъ не безъ нужды изслѣдываетъ, въ какомъ смыслѣ надобно принимать слово мужество.

Лах. Смотри же самъ, Сократъ.

Сокр. Буду смотрѣть, почтеннѣйшій. Впрочемъ не думай, что я устраню тебя отъ разговора; нѣтъ, слушай внимательно и слѣди за словами.

Лах. Пусть такъ, если это, по твоему, нужно.

Сокр. Да, нужно. А ты, Никіасъ, говори намъ опять сна- 198.

---

[1] Ламахъ — Аѳинскій полководецъ, участвовалъ въ сиракузской войнѣ и, не смотря на старость, почитался человѣкомъ хитрымъ. *Plutarch*. Vit. Nic. C. 15. sqq. Vit. Alcib. C. 18. *καὶ γὰρ ὁ τρίτος ὁ στρατηγὸς Λάμαχος, ἡλικίᾳ προήκων, ὅμως ἐδόκει μηδὲν ἧττον εἶναι τοῦ Ἀλκιβιάδȣ διάπυρος καὶ φιλοκίνδυνος.* Никіасъ упоминаетъ о немъ и соединяетъ его имя съ именемъ Лахеса, очевидно, желая укольнуть послѣдняго.

[2] Лахесъ, кажется, былъ родомъ изъ Эксонской демы. Намеки на это есть у Свиды, Стефана Византійскаго и Гарпократіона. Anecd. Becker. T. I. p. 358. Жители этой страны почитались людьми безстыдно злоязычными. Schol. ad. h. l. *Αἰξωνὶς δῆμος Κεκρόπιδος, καὶ Αἰξωνεῖς οἱ ἐκεῖθεν, οἳ καὶ βλάσφημοι ἐκωμῳδοῦντο εἶναι· παρ' ὃ καὶ αἰξωνεύεσθαί φασι τὸ βλασφημεῖν· ὃ καὶ ἡ Πλατωνικὴ ῥῆσις δηλοῖ.*

чала. Помнишь ли, что мужество, при самомъ вступленіи въ разговоръ, мы понимали, какъ часть добродѣтели?

Ник. Конечно.

Сокр. Но въ своихъ отвѣтахъ разумѣлъ ли ты ее, какъ часть, какъ одну изъ другихъ частей, которыя всѣ вмѣстѣ называются добродѣтелію?

Ник. Не иначе.

Сокр. Слѣдовательно ты говоришь то же, что я? А я къ мужеству причисляю разсудительность, справедливость и другое тому подобное: такъ ли и ты?

Ник. Конечно.

B. *Сокр.* Помни же, что въ этомъ мы согласились. Теперь разсмотримъ: чего надобно бояться, и на что отваживаться? можетъ быть въ этомъ отношеніи ты думаешь одно, а мы— другое. Итакъ, выслушай наше мнѣніе, и потомъ, если не примешь его, предложи свое. Мы думаемъ, что вещь которой надобно бояться, внушаетъ страхъ, а та, на которую дóлжно отваживаться, не внушаетъ страха. Но что внушаетъ страхъ, то угрожаетъ не прошедшимъ и не настоящимъ, а будущимъ зломъ; потому что страхъ есть чаяніе будущаго зла. Не такъ ли и тебѣ кажется, Лахесъ?

Лах. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

C. *Сокр.* Вотъ же наше мнѣніе, Никіасъ: то, чего должно бояться, по нашему, есть будущее зло; напротивъ то, на что надобно отваживаться, мы понимаемъ, какъ будущее не-зло, или добро. А ты такъ, или иначе думаешь?

Ник. Такъ.

Сокр. И знаніе это называешь мужествомъ?

Ник. Непремѣнно.

Сокр. Разсмотримъ еще третье обстоятельство [1]: согласимся ли и въ немъ?

---

[1] *Третье обстоятельство.* Первое было то, что мужество есть часть добродѣтели; второе то, что достойное страха есть будущее зло, а не страшное—будущее добро; третье то, что знаніе каждой вещи относится ко всѣмъ временамъ.

Ник. Въ чемъ же состоитъ оно? D.

Сокр. А вотъ скажу. Мнѣ и Лахесу кажется, что знаніе чего бы то ни было, не есть иное знаніе прошедшаго, какъ что произошло, иное знаніе настоящаго, какъ что происходитъ, иное знаніе будущаго, какъ что лучше могло бы быть произведено, или произойти, хотя еще не произошло,— но это самое. Напримѣръ, по отношенію къ здоровью, во всѣ времена нѣтъ другой врачебной науки, кромѣ одной, которая наблюдаетъ и настоящее и прошедшее и будущее, какъ, что будетъ. Тоже дѣлаетъ и земледѣліе по отношенію къ E. произведеніямъ земли. Что же касается до войны, то сами можете свидѣтельствовать, что воеводство превосходно заботится и о прочемъ, и о будущемъ: оно знаетъ, что надобно руководствоваться не гаданіемъ [1], а управлять; ибо ему самому лучше извѣстно все, относящееся къ войнѣ, — и настоящее и будущее. Да и законъ повелѣваетъ—не гадателю на- 199.
чальствовать надъ воеводою, а воеводѣ надъ гадателемъ. Скажемъ ли это, Лахесъ?

Лах. Скажемъ.

Сокр. Чтожь? а ты, Никіасъ, согласенъ ли, что одно и тоже знаніе занимается и будущимъ и настоящимъ и прошедшимъ состояніемъ всякаго дѣла?

Ник. Да, Сократъ, мнѣ такъ кажется.

Сокр. Но мужество, почтеннѣйшій, по твоимъ словамъ, есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться. Не правда ли?

Ник. Правда. B.

Сокр. А мы согласились въ значеніи того, чего должно бояться и начто отваживаться; то-есть, первое надобно понимать, какъ будущее зло, а послѣднее, какъ будущее добро.

Ник. Конечно.

---

[1] Это сказано, кажется, въ насмѣшку Никіасу, который подверженъ былъ страннымъ предразсудкамъ. По крайней мѣрѣ Плутархъ (Vit. Nic. C. 13 et 24) приписываетъ ему δεισιδαιμονίαν.

Сокр. Между тѣмъ, одно и тоже знаніе имѣетъ въ виду и будущее, и все другое.

Ник. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, мужество есть знаніе не того только, чего должно бояться и на что отваживаться; потому что оно, подобно другимъ знаніямъ, знаетъ не одно будущее касательно добра и зла, но и настоящеее, и прошедшее, и всякое.

C. *Ник*. Выходитъ.

Сокр. И такъ, Никіасъ, ты опредѣлилъ намъ какъ бы только третью часть мужества; а мы спрашивали у тебя, что такое оно всецѣло. Видишь, мужество есть уже знаніе не только того, чего должно бояться и на что отваживаться, какъ сказано тобою прежде, но и всѣхъ вообще благъ и золъ, какъ говоришь теперь. Такъ, или иначе, Никіасъ, измѣнилъ
D. ты свою мысль?

Ник. Кажется, такъ, Сократъ.

Сокр. Но думаешь ли, любезнѣйшій, что тотъ сколько нибудь недостаточенъ въ добродѣтели, кто знаетъ всякое добро и зло и всякимъ образомъ, какъ оно есть и было? Думаешь ли, что тому человѣку недостаетъ разсудительности, справедливости и святости, кто одинъ можетъ быть осторожнымъ въ отношеніи къ богамъ и людямъ, кто, зная какъ
E. обращаться съ ними, умѣетъ различать опасное отъ неопаснаго и пріобрѣтать блага?

Ник. Кажется, ты говоришь дѣло, Сократъ.

Сокр. И такъ, сказанное тобою, видно, есть не часть добродѣтели, а вся добродѣтель.

Ник. Выходитъ.

Сокр. А мы вѣдь назвали мужество частію добродѣтели?

Ник. Да, назвали.

Сокр. Между тѣмъ настоящее-то наше положеніе не то показываетъ.

Ник. Видно, что не то.

Сокр. Слѣдовательно мы не нашли, Никіасъ, что такое мужество.

Ник. Кажется, не нашли.

Лах. А я думалъ, любезный Никіасъ, что ты найдешь, когда такъ пренебрегъ моими отвѣтами на вопросы Сократа. 200.
Да, я очень надѣялся, что мудрость, заимствованная тобою у Дамона, поможетъ тебѣ найти это.

Ник. Хорошо, Лахесъ, что ты нисколько не думаешь объ этомъ дѣлѣ и, какъ недавно обнаружилось, вовсе не разумѣешь мужества; а что и я оказался такимъ же,—это видишь. Вѣдь тебѣ конечно будетъ не легче не знать вмѣстѣ со мною того,что прилично знать всякому, кто нѣсколько занимается собою. Ты, кажется, дѣйствуешь истинно почеловѣчески: смотришь не на себя, а на другихъ. Напротивъ, я думаю, какимъ бы образомъ то,о чемъ нынѣ мы довольно разсуждали, и чего достаточно не раскрыли, послѣ обдумать—или съ по- B.
мощію Дамона, надъ которымъ ты позволяешь себѣ смѣяться, никогда его невидавши, или съ помощію другихъ людей. Когда же обдумаю, то съ охотою поучу и тебя; потому что ты, на мой взглядъ, имѣешь великую нужду въ наукѣ.

Лах. О, ты очень мудръ, Никіасъ; однакожъ я совѣтую Лизимаху и Мелисіасу раскланяться съ тобою и со мною, когда надобно разсуждать о воспитаніи юношей, а Сократа C.
не отпускать. Таковъ былъ совѣтъ мой съ самаго начала; такъ поступилъ бы и я, еслибъ у меня были взрослыя дѣти.

Ник. Съ этимъ-то я согласенъ. Если Сократъ захочетъ принять на себя попеченіе о юношахъ, то не должно искать никого другаго. Вотъ и я съ большимъ удовольствіемъ ввѣрилъ бы ему своего Никерата [1]; да онъ, какъ скоро рѣчь зайдетъ объ этомъ, всегда рекомендуетъ D.
другаго, а самъ не соглашается. Смотри, Лизимахъ, послушается ли онъ и тебя-то.

---

[1] Никератъ, сынъ полководца Никіаса, по свидѣтельству Ксенофонта, былъ весьма коротокъ съ Сократомъ и большой любитель Омира. Онъ находится въ числѣ лицъ, разговаривающихъ въ Платоновомъ Государствѣ; только тамъ болѣе держится, по видимому, стороны Тразимаха. См. L. I. p. 327. C. Никератъ убитъ тридцатью тираннами. *Xenoph.* Hellen. II. 3. 39. *Lysias* or. contra Poliuch. p. 602.

Лиз. Слѣдуетъ, Никіасъ; вѣдь и я охотно сдѣлалъ бы для него то, чего не захотѣлъ бы сдѣлать для многихъ другихъ. Что же ты скажешь, Сократъ? Послушаешься ли нѣсколько и примешь ли участіе въ попеченіи о юношахъ, чтобы они вышли самыми лучшими?

E. *Сокр.* Жестоко, Лизимахъ, не хотѣть принять участія въ попеченіи о комъ бы то ни было, чтобы онъ вышелъ самымъ лучшимъ. И если бы въ теперешнемъ разговорѣ я оказался знающимъ, а они незнающими, то на это дѣло конечно надлежало бы пригласить меня: но видишь, всѣ мы равно въ недоумѣніи; на какомъ же основаніи одного изъ насъ предпочесть другому? По моему мнѣнію, никто не заслуживаетъ предпочтенія. Если же такъ;
201. то смотрите, не пригодится ли мой совѣтъ. Я говорю — и мое слово не съ площади — что всѣ мы вообще должны искать самаго лучшаго учителя особенно для себя, ибо имѣемъ въ немъ нужду, потомъ и для дѣтей, не щадя на то ни денегъ, ни всего другаго; а оставаться такими, каковы мы теперь, не совѣтую. Если же кто-нибудь вздумаетъ смѣяться надъ нами, что мы въ такомъ возрастѣ посѣщаемъ
B. учителей, то укажемъ ему на Омира [1], который говоритъ: нехорошо стыдиться человѣку нуждающемуся,—и не обращая вниманія на возраженія, на пересуды другихъ, позаботимся съобща какъ о себѣ самихъ, такъ и о дѣтяхъ.

Лиз. Мнѣ нравятся твои слова, Сократъ—и я, какъ ни старъ, готовъ со всею ревностію учиться вмѣстѣ съ юношами. Смотри же, сдѣлай такъ: завтра рано приходи ко мнѣ,
C. да непремѣнно; мы посовѣтуемся объ этомъ. А теперь кончимъ свою бесѣду.

Сокр. Сдѣлаю, Лизимахъ; приду къ тебѣ по утру, если будетъ угодно Богу.

---

[1] Это мѣсто находится въ Одиссеѣ XVII. 347. Платонъ приводитъ его также въ Хармидѣ p. 161. A.

ХАРМИДЪ.

ХАРМИДЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Разговоръ, озаглавленный именемъ Хармида, Платонъ посвятилъ изслѣдованію разсудительности, одной изъ коренныхъ добродѣтелей въ нравственной философіи Грековъ. Разсудительность (σωφροσύνη) въ древней Греціи, какъ у насъ здравый смыслъ (sensus communis, mens sana), или еще больше,—благоразуміе (prudentia), принимаема была въ различныхъ значеніяхъ: это видно не только изъ содержанія разсматриваемаго теперь разговора, но и изъ того, что двѣ родственныя и по времени близкія одна къ другой философскія школы, Сократова и Аристотелева, составляли объ ней едва не противуположныя понятія. По мнѣнію Аристотеля [1], разсудительность не имѣетъ мѣста въ области собственно душевныхъ дѣйствій: ея поприще—сфера чувственныхъ пожеланій и страстей; здѣсь, между этими движителями сердца, то возмутительными и дикими, то тихими и обаятельными, человѣкъ долженъ утвердить масштабъ, которымъ опредѣлялась бы золотая средина въ радостяхъ и печаляхъ, въ наслажденіяхъ и страданіяхъ. И этотъ масштабъ, эта мѣра удовольствій, это Делфійское μηδὲν ἄγαν (ничего слишкомъ) есть не что иное, какъ σωφροσύνη. Такое понятіе Аристотеля о разсудительности заставило римскихъ ученыхъ разумѣть ее уже

[1] Eth. Nicom. III. 13. 14.

не какъ разсудительность, но какъ воздержаніе, или умѣренность; а потому греческое *σωφροσύνη* они переводили словомъ temperantia. Въ послѣдующія же времена, когда философы разсматривали мнѣнія древнихъ болѣе по латинскимъ переводамъ, нежели по оригиналамъ, слово temperantia получило значеніе обширнѣйшее и почиталось тожественнымъ греческому *σωφροσύνη* не только въ смыслѣ Аристотелевомъ, но и Сократовомъ. Между тѣмъ Сократъ понималъ эту добродѣтель совсѣмъ иначе: подъ словомъ *σωφροσύνη* онъ разумѣлъ практическій разсудокъ, или такое нравственное состояніе человѣка, въ которомъ всѣ силы его дѣйствуютъ по законнымъ своимъ нормамъ, не пересиливая одна другой и не измѣняя взаимнаго отношенія. Нѣкогда спросили Сократа: что такое разсудокъ (*φρόνησις*)? — Благозвучіе души, отвѣчалъ онъ. Потомъ—на другой вопросъ: кто имѣетъ разсудокъ? — Тѣ, сказалъ онъ, которые не легко погрѣшаютъ [1]. Такимъ образомъ разсудокъ, разсудительность, или здравомысліе (*σῶς* и *φρόνησις*), по его мнѣнію, есть красота души, гармонія ея силъ и согласіе внѣшней дѣятельности человѣка съ душевными силами [2]. Что Сократъ и Платонъ имѣли точно такое понятіе о разсудительности, видно и изъ значенія объяснительныхъ выраженій, нерѣдко стоящихъ въ связи съ словомъ *σωφροσύνη*, или замѣняющихъ его. Такъ напримѣръ, *σωφροσύνη* часто представляется однозначущимъ съ словами *ἡ αἰδημοσύνη καί ἡ κοσμιότης*; въ Федонѣ (р. 83. E), Прота-

---

[1] *Stob.* serm. III. p. 96. *Σωκράτης ἐρωτηθεὶς, τὶ φρόνησις; εὐαρμοστία, εἶπε, ψυχῆς Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς, τίνες φρόνημοι; οἱ μὴ ῥᾳδίως, εἶπεν, ἐξαμαρτάνοντες.* Сравн. *Xenoph.* mem. III. 9. 4—5.

[2] Астъ неправильно думаетъ, будто Сократъ почитаетъ разсудительность добродѣтелію опытною, противуположною мудрости, или наукѣ. Слова Платона (Phædon. 82. A. B.) *οἱ τὴν δημοτικήν τε καὶ πολιτικὴν ἀρετὴν ἐπιτετηδευκότες, ἣν δὴ καλοῦσι σωφροσύνην τε καὶ δικαιοσύνην, ἐξ ἔθυς τε καὶ μελέτης γεγονυῖαν ἄνευ φιλοσοφίας τε καὶ νοῦ.* Также слова symp. 209. A. *πολὺ δὲ μεγίστη, ἔφει, καὶ κάλλιστη τῆς φρονήσεως ἡ περὶ τὰς τῶν πόλεων τε καὶ οἰκήσεων διακόσμησις, ᾗ δὴ ὄνομά ἐστι σωφροσύνη τε καὶ δικαιοσύνη*, подтверждаютъ только ту мысль, что разсудительность не зависитъ отъ теоретическаго знанія и не можетъ быть предметомъ науки, но проистекаетъ изъ нравственнаго настроенія души и обнаруживается особенно въ жизни практической.

горѣ (p. 322. (C. D.) и Горгіасѣ (p. 506 E. sqq.) говорится: *οἱ κόσμιοι καὶ σώφρονες*; а у Ксенофонта (Mem. III. 9. 4. IV, 5. *Plat.* legg. p. 710. Phaedon. p. 69. E.) вмѣсто *σωφροσύνη* стоитъ *ἡ εὐταξία καὶ ἡ ἐγκράτεια*. Въ подобномъ значеніи Сократъ понималъ разсудительность и въ Хармидѣ.

Но должно замѣтить, что въ этомъ разговорѣ Платонъ, слѣдуя обыкновенной сократической методѣ, не высказываетъ ясно и опредѣленно Сократовыхъ мыслей о разсудительности, а только приближаетъ читателя къ вѣрному о ней заключенію. Онъ имѣетъ въ виду два обстоятельства, существенно вредившихъ правильному и полному раскрытію этой добродѣтели въ греческомъ обществѣ: первое—то, что понятія о ней въ народѣ вообще были различны, неосновательны и произвольны; второе—то, что многіе поставляли ее въ одной способности разсуждать о всемъ, не зная и не дѣлая ничего. Обращая вниманіе на эти обстоятельства, Платонъ предположилъ себѣ цѣлію въ Хармидѣ—во первыхъ обнаружить шаткость и ложность людскихъ мнѣній о той добродѣтели, которую называли словомъ *σωφροσύνη*; во вторыхъ обличить хвастовство софистовъ, которые, будучи готовы разсуждать о всемъ и въ этомъ смыслѣ приписывая себѣ разсудительность, отнюдь не имѣли разсудительности, какъ добродѣтели, потому что она не есть чистая теорія. Истинное знаніе должно обнаруживаться жизнію, а иначе оно не было бы и истиннымъ; общее не можетъ ни существовать, ни приносить пользу, ни быть дѣйствительною добродѣтелію, не проявляясь въ частностяхъ. На это-то кажется мѣтитъ и Ксенофонтъ, когда говоритъ, что Сократъ не опредѣлилъ мудрости и разсудительности, а только сказалъ, что зная похвальное и честное, надобно пользоваться имъ, а зная постыдное, должно удаляться отъ него [1].

Что именно такова цѣль Платонова Хармида, въ томъ увѣрится всякій, кто захочетъ безъ предубѣжденій вникнуть

[1] *Xenoph.* mem. III. 9. 4. *Σοφίαν δὲ καὶ σωφροσύνην οὐ διώριζεν, ἀλλὰ τὸν μὲν καλά τε καὶ ἀγαθὰ γιγνώσκοντα χρῆσθαι αὐτοῖς, καὶ τὸν τὰ αἰσχρὰ εἰδότα εὐλαβεῖσθαι,*

въ содержаніе, ходъ и направленіе разговора. Въ приступѣ къ нему (p. 153—158) Платонъ аллегорически показываетъ, какъ надобно понимать разсудительность въ смыслѣ добродѣтели; въ первой части (p. 159—164) опровергаетъ понятія о разсудительности, составляемыя легкомысліемъ и невѣжествомъ народа; во второй (p. 165—175) изслѣдываетъ, можно ли понимать разсудительность, какъ чисто теоретическое знаніе, или способность разсуждать о себѣ и о всѣхъ вообще знаніяхъ, безъ приложенія разсужденій къ самому дѣлу, и полезна ли она въ этомъ смыслѣ; наконецъ въ заключеніи (p. 176) говоритъ, что изслѣдованія собесѣдниковъ не открыли, какъ надобно понимать разсудительность, и Сократъ признаетъ себя неспособнымъ опредѣлить ее. Разсмотримъ всѣ эти отдѣленія подробнѣе и, кстати, обратимъ вниманіе на основанія Аста, по которымъ онъ не даетъ мѣста Хармиду въ числѣ подлинныхъ разговоровъ Платона.

Главныя мысли вступленія таковы: Сократъ, по возвращеніи изъ Потидеи, приходитъ въ палестру и спрашиваетъ у встрѣтившихся съ нимъ знакомыхъ, въ какомъ состояніи теперь философія и кто изъ юношей въ настоящее время отличается мудростію и красотою. Критіасъ указываетъ ему на двоюроднаго своего брата Хармида, какъ перваго красавца; а Сократъ говоритъ: если у Хармида и душа въ красотѣ не уступаетъ тѣлу, то онъ непобѣдимъ; поэтому предлагаетъ разсмотрѣть ее. Зовутъ Хармида, который тогда жаловался на головную боль,—къ Сократу, который принялъ на себя роль врача. Послѣдній берется лечить голову какимъ-то листомъ и приговоромъ, безъ котораго листъ не можетъ имѣть дѣйствія; при томъ говоритъ, что этимъ средствомъ нельзя врачевать одинъ членъ, не врачуя цѣлаго тѣла, и нельзя также врачевать цѣлое тѣло, не врачуя души; а потому считаетъ необходимымъ начать пользованіе Хармида съ души его. Но Критіасъ увѣряетъ, что Хармидъ столь же разсудителенъ по душѣ, сколь прекрасенъ по тѣлу. Сократъ признаетъ это весьма естественнымъ, потому что, про-

исходя отъ Солона и Критіаса, юноша могъ по наслѣдству получить высокія качества души и склонность къ поэзіи: однакожъ, чтобы узнать, нужно ли пользовать Хармида, или нѣтъ, онъ спрашиваетъ его, что такое разсудительность?

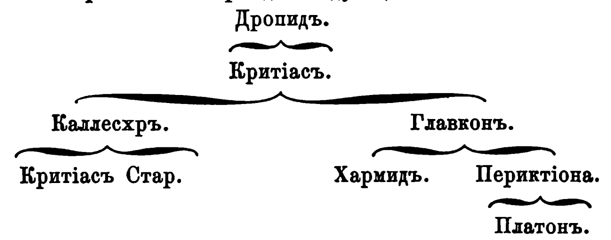
Въ этомъ вступленіи, сказано, заключается положительное понятіе Сократа о разсудительности. Мы открываемъ его здѣсь слѣдующимъ образомъ: Сократу рекомендуютъ Хармида, какъ юношу, одареннаго красотою и получившаго отличное воспитаніе; но Сократъ признаетъ нужнымъ изслѣдовать, таковъ ли Хармидъ и по душѣ, каковъ по тѣлу, и это внутреннее состояніе души, долженствующее соотвѣтствовать внѣшнимъ свойствамъ его тѣла, называетъ разсудительностію. Значитъ, разсудительность, по его мнѣнію, есть здоровье, красота и гармонія души. Потомъ Сократъ берется врачевать Хармида посредствомъ приговоровъ, или полезныхъ бесѣдъ, и цѣлію такого врачеванія поставляетъ пріобрѣтеніе разсудительности. Но мое лекарство, говоритъ онъ, можетъ быть полезно только въ томъ случаѣ, когда пользованіе будетъ начато съ души; по выздоровленіи же души, тѣло выздоровѣетъ само собою. Значитъ разсудительность есть не какое-нибудь познаніе, или богатство познаній, а нравственное состояніе, которое необходимо должно выразиться внѣшнею жизнію, правильною дѣятельностію и даже истиннымъ понятіемъ о разсудительности (p. 159. A). Не смотря на такую ловкость и дѣйствительно сократическій характеръ вступленія, Астъ находитъ въ немъ много несообразностей. По его мнѣнію, сочинитель Хармида, говоря здѣсь о родствѣ Солона съ Дропидомъ [1], противорѣчитъ словамъ Платона въ Тимеѣ

[1] Въ родственной связи Дропида съ Солономъ сомнѣваться нельзя: но что они, по показанію Прокла (ad Tim. p. 25), были родные братья, дѣти Экзекестида, и жили въ одно время, что Дропидъ, по изслѣдованію Корсина (Fast. Att. T. III. pag. 78) и Меурсія (de Archont. Athen. I. 38), былъ архонтомъ за 593 года до Р. Хр. — это довольно сомнительно; потому что въ Хармидѣ говорится: «домъ вашего предка по мужескому колѣну, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ извѣстно, и Анакреономъ, и Солономъ,

(р. 20. Е): *ἦν μὲν οὖν Σόλων οἰκεῖος καὶ σφόδρα φίλος ἡμῖν Δρωπίδȣ τοῦ προπάππȣ, καθάπερ λέγει πολλαχοῦ καὶ αὐτὸς ἐν τῇ ποιήσει.* Но слово *οἰκεῖος*, по Схоліасту, означаетъ не только ближняго вообще, но и родственника: *Λέγονται γάρ οἰκεῖοι καὶ οἱ συγγενεῖς.* Hesyshius: *οἰκεῖοι οἱ κατ᾽ ἐπιγαμίαν ἠλλήλοις προςήκοντες καὶ ἴδιοι, καὶ οἱ κατ᾽ οἰκίαν πάντες.* Асту кажется также, что Платонъ, происходя самъ отъ Солона и Дропида, не сталъ бы такъ тщеславно говорить о предкахъ Хармида и Критіаса (р. 157. Е) [1]. Но я не вижу, почему бы потомку не превозносить своихъ предковъ, если имена ихъ слились съ славою отечества и составляютъ украшеніе его исторіи. Притомъ должно замѣтить, что Хармидъ написанъ Платономъ еще въ школѣ Сократа, въ молодыхъ лѣтахъ, на 24 или 25 году отъ роду, когда юношеское самомнѣніе, опиравшееся на знаменитости предковъ, но незнакомое съ ферулою опыта, манило его на поприще общественной службы и обѣщало ему въ будущемъ блистательные успѣхи [2]. О столь раннемъ выходѣ Хармида можно заключать изъ того, что въ этомъ разговорѣ Критіасъ находится въ тѣсной связи съ Сократомъ, значитъ еще не принадлежитъ къ числу тридцати

и многими другими поэтами, отличается» и проч. Значитъ Солонъ жилъ нѣсколько послѣ Дропида и едвали не былъ тестемъ Критіаса старшаго.

[1] Родословная Критіаса и Хармида слѣдующая:

[2] *Plat.* epist. VII. p. 324. B. C. *Νέος ἐγώ ποτε ὢν πολλοῖς δὴ ταυτὸν ἔπαθον. ᾠήθην, εἰ θᾶττον ἐμαυτοῦ γενοίμην κύριος, ἐπὶ τὰ κοινὰ τῆς πόλεως εὐθὺς ἰέναι. Καί μοι τύχαι τινὲς τῶν πόλεως πραγμάτων τοιαίδε παρέπεσον· ὑπὸ πολλῶν γὰρ τῆς τότε πολιτείας λοιδορȣμένης μεταβολὴ γίγνεται, καὶ τῆς μεταβολῆς εἷς καὶ πεντήκοντά τινες ἄνδρες προὔστησαν ἄρχοντες, ἕνδεκα μὲν ἐν ἄστει, δέκα δ᾽ ἐν Πειραιεῖ, περί τε ἀγορὰν ἑκάτεροι τούτων ὅσα τε ἐν τοῖς ἄστεσι διοικεῖν ἔδει, τριάκοντα δὲ πάντων ἄρχοντες κατέστησαν αὐτοκράτορες· τούτων δή τινες οἰκεῖοί τε ὄντες* (то-есть, Критіасъ и самъ Хармидъ, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Hellen. II. 4. 19) принадлежалъ къ числу десяти архонтовъ Пирея.

аѳинскихъ тиранновъ, и потому Аѳиняне еще не имѣютъ причины обвинять Сократа за этого самовластителя [1]. Наконецъ Асту особенно не нравится здѣсь то, что Сократъ какъ будто увлекается вовсе не философическою любовію къ Хармиду, въ чемъ Атеней (L. V. p. 187) укоряетъ и самаго Платона. Но если всѣ подобныя выраженія въ Платоновыхъ сочиненіяхъ понимать серьёзно, въ значеніи буквальномъ; то надобно почесть подложными и тѣ разговоры, которые самъ Астъ признаетъ несомнѣнными. Гдѣ больше толковъ о педерастіи какъ не въ Федрѣ и Пирѣ? однакожъ эти бесѣды не только подлинныя, но еще въ составѣ Платоновыхъ сочиненій занимаютъ почетное мѣсто. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что эротическія выходки Сократа вездѣ прикрыты ироніею и имѣютъ смыслъ болѣе благородный. Ксенофонтъ справедливо замѣчаетъ: *πολλάκις γάρ* (*Σωκράτης*) *ἔφη μὲν ἄν τινὸς ἐρᾶν, φανερὸς δ' ἦν οὐ τῶν τὰ σώματα πρὸς ὥραν, ἀλλὰ τῶν τὰς ψυχὰς πρὸς ἀρετὴν εὖ πεφυκότων ἐφιέμενος*. Притомъ Сократъ въ Хармидѣ говоритъ (p. 174. B): «мною, другъ мой, ничего не опредѣлишь: въ отношеніи къ красавцамъ, я—просто бѣлый шнуръ; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся красивыми».

Въ первой части разговора Сократъ бесѣдуетъ съ однимъ Хармидомъ, который на вопросъ Сократа, что такое разсудительность, произноситъ три различныя понятія объ этой добродѣтели. Сперва онъ называетъ ее благопристойною дѣятельностію и тихостію, *τὸ κοσμίως πράττειν καὶ ἡσυχῇ*. Но Сократъ, не говоря ничего о благопристойности, *ἡ κοσμιότης*, такъ какъ она дѣйствительно есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ разсудительности, отвергаетъ только тихость, *τὴν ἡσυχίαν*. Тихость, говоритъ онъ, всегда и

---

[1] *Aeschin.* adv. Timarch. p. 169. ed. Reisk.—Судъ надъ Сократомъ между прочимъ ставилъ ему въ вину и то, что изъ его школы вышелъ Критіасъ, одинъ изъ жесточайшихъ Аѳинскихъ тиранновъ, убѣжавшій потомъ въ Ѳессалію. Этотъ самый Критіасъ извѣстенъ былъ и какъ поэтъ. Отрывки его стихотвореній дошли до насъ. См. *Critiæ tyranni* fragm. ed. V. Bach. Lips. 1827. 8.

во всемъ хуже скорости, слѣдовательно не можетъ быть чертою похвальною и достойною разсматриваемой нами добродѣтели. Потомъ Хармидъ поставляетъ разсудительность въ стыдливости. Но такъ какъ стыдливость сама по себѣ имѣетъ значеніе неопредѣленное и не всегда одобряется, напримѣръ, по словамъ Омира, стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемся; то Сократъ находитъ и это понятіе недостаточнымъ. Наконецъ юноша предлагаетъ третье опредѣленіе разсудительности. Я слыхалъ, говоритъ онъ, что быть разсудительнымъ, значитъ дѣлать свое, *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*. Это мнѣніе въ самомъ дѣлѣ было въ ходу у тогдашнихъ философовъ [1], и Платонъ не безъ основанія заставилъ Хармида сказать, что оно заимствовано имъ отъ другихъ. Не безъ причины также Сократъ догадывается, что Хармидъ слышалъ его отъ Критіаса; потому что Критіасъ вообще любилъ науки и, кажется, охотнѣе слушалъ знаменитыхъ софистовъ того времени, чѣмъ Сократа [2]. Впрочемъ Сократова догадка оправдывается и тѣмъ, что сынъ Каллесхра съ жаромъ вступился за истинность этого положенія. Но дѣйствительно ли оно истинно?—Надобно замѣтить, что Сократъ опровергаетъ его не какъ ложное, а какъ неопредѣленное, или неточное. Слова: дѣлать свое, говоритъ онъ, походятъ на загадку, то-есть буквально выражаютъ не тотъ смыслъ, который вѣроятно былъ въ умѣ человѣка, произнесшаго ихъ [3]. Держась буквальнаго значенія этихъ словъ, Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: кто дѣлаетъ свое, тотъ дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается; разсудительный дѣлаетъ свое; слѣдовательно разсудительный дѣлаетъ то, что ему принадлежитъ, или его касается, значитъ, ткетъ себѣ платье, шьетъ себѣ башмаки и проч.,—и все только себѣ, а не другимъ. Когда это

---

[1] *Plat.* Tim. p. 72. A.

[2] *Plat.* Tim. 20. A. Protag. p. 316. A. 336. D. E.

[3] Выраженіе: дѣлать свое, имѣетъ различныя значенія: 1) дѣлать то, что меня касается, или мнѣ принадлежитъ; 2) жить для себя, а не для общества; 3) жить, какъ мнѣ хочется; 4) исполнять возложенныя на меня обязанности.

третье, предложенное Хармидомъ мнѣніе привело собесѣдниковъ къ столь нелѣпому заключенію; тогда Критіасъ поспѣшилъ поправить дѣло. Между словами *дѣлать* и *производить*, говоритъ онъ, есть различіе. Я согласенъ, что разсудительный можетъ заниматься и чужимъ; но въ такомъ случаѣ онъ производитъ, а не дѣлаетъ. Производительность иногда бываетъ безчестна, если относится къ предметамъ неизящнымъ: напротивъ дѣло, по словамъ Исіода, всегда честно. Притомъ, произведенное хорошо и съ пользою есть не *чужое произведеніе*, а *своя работа*. Соединяя эти мысли, Сократъ заключаетъ, что подъ именемъ *собственнаго* и *своего*, Критіасъ разумѣетъ *добро*, и дѣлами называетъ *произведенія людей добрыхъ;* а потому предлагаетъ вопросъ: точно ли разсудительность есть дѣланіе добра? и такимъ образомъ переходитъ ко второй части разговора.

Въ этой части Критіасъ сперва утверждаетъ, что человѣкъ разсудительный дѣлаетъ доброе и полезное: но чрезъ такое понятіе, разсудительность очевидно лишается отличительныхъ своихъ признаковъ, сливается со всѣми другими добродѣтелями, становится внѣ отношеній къ чувствованіямъ сердца, вводится въ міръ опыта и дѣлается игрушкою софистики. Поэтому Сократъ, желая обратить вниманіе собесѣдника на связь ея съ знаніемъ, какъ внутреннею, или духовною принадлежностію каждой добродѣтели, спрашиваетъ его: знаетъ ли дѣлающій доброе и полезное, что онъ разсудителенъ? — и когда тотъ отвѣчалъ положительно, продолжаетъ: а знаетъ ли врачь, что, пользуя кого-нибудь, онъ дѣйствительно исцѣлитъ его, или—художникъ, что его работа непремѣнно доставитъ ему выгоду? — На этотъ вопросъ, разумѣется, можно было отвѣчать только словомъ *иногда;* — и Сократъ заключаетъ: слѣдовательно человѣкъ разсудительный иногда не знаетъ своего, то-есть, того, что онъ разсудителенъ. Явно, что это заключеніе стоитъ въ связи съ предъидущимъ положеніемъ Критіаса. Выше было допущено, что разсудительный дѣлаетъ свое; но кто

хочетъ дѣлать свое, тотъ непремѣнно долженъ знать его. Теперь Сократъ доказалъ, что разсудительный не всегда знаетъ свое; слѣдовательно онъ не всегда можетъ и дѣлать свое.

Опровергнутый такимъ образомъ, Критіасъ превращаетъ Сократово слѣдствіе и говоритъ: кто не знаетъ своего, тотъ и неразсудителенъ; истинно разсудительный необходимо знаетъ себя, то-есть, дѣлаетъ доброе и полезное не иначе, какъ съ сознаніемъ, и это мнѣніе подтверждаетъ значеніемъ делфійской надписи. Но Сократъ, предположивъ умственно троякій смыслъ знанія, а именно: 1) знаніе, какъ форму, 2) знаніе, какъ матерію, или содержаніе и 3) знаніе, какъ произведеніе, или сочетаніе матеріи съ формою, хочетъ изслѣдовать, въ какомъ смыслѣ Критіасъ понимаетъ самознаніе, свойственное человѣку разсудительному, и спрашиваетъ: какое благо доставляетъ намъ разсудительность, какъ знаніе себя? Явно, что этотъ вопросъ клонится къ опредѣленію произведенія, или плодовъ, приносимыхъ самознаніемъ. Критіасу надлежало оправдать свое мнѣніе чрезъ приложеніе его къ наукамъ, искуствамъ и практической жизни. Но онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи знанія—не одинаковы: однѣ изъ нихъ производятъ нѣчто осязательное, постигаемое чувствами; а другія дѣлаютъ то, на что, какъ на произведеніе ихъ, указать невозможно. Къ послѣднему роду знаній, по его понятію, относится и разсудительность. Эта мысль конечно справедлива, но не довольно ясна и заключаетъ въ себѣ болѣе формы, чѣмъ содержанія. Посему Сократъ требуетъ, чтобы Критіасъ опредѣленнѣе указалъ на матерію, или предметъ самознанія. Искусства считать и взвѣшивать, говоритъ онъ, не приносятъ плодовъ осязательныхъ; однакожъ числа и тяжести, которыми онѣ занимаются, суть нѣчто отличное отъ нихъ. Скажи же, Критіасъ, что бы такое было отличное отъ разсудительности, съ чѣмъ она имѣетъ дѣло? Этимъ вопросомъ сынъ Каллесхра поставленъ былъ въ необходимость найти послѣдній и частнѣйшій признакъ раз-

сматриваемой добродѣтели въ самомъ предметѣ. Но вотъ отвѣтъ его: прочія искуства, говоритъ онъ, суть знанія не себя, а чего-нибудь другаго; одна только разсудительность есть знаніе самой разсудительности и прочихъ знаній. Кто не замѣтитъ съ перваго взгляда, что предметъ разсудительности, какъ самознанія, является здѣсь логическимъ понятіемъ и есть не болѣе, какъ чистая форма, — скелетъ науки, которую Фихте называлъ философіею? И какъ искусно Платонъ обличаетъ заблужденія Сократовыхъ учениковъ, которые, искажая мнѣнія своего учителя, бросали ихъ для потѣхи въ толпу софистовъ! Извѣстно, что Сократъ основалъ свою философію также на самопознаніи, слѣдовательно почиталъ ее знаніемъ знаній, то-есть, наукою человѣческой жизни и дѣятельности въ природѣ внутренней и внѣшней. Но этого знанія онъ не отдѣлялъ отъ предметовъ реальныхъ, этой науки не ограничивалъ предѣлами логическихъ понятій: его философія была практическою, его мудрость—аскетикою сердца, его умствованія—душею всѣхъ занятій даже въ самыхъ низшихъ слояхъ опыта. По сему, разсматривая послѣднее, чисто формальное положеніе Критіаса, сынъ Софрониска поставляетъ его въ совершенную противуположность съ своимъ ученіемъ и ищетъ въ немъ именно того, чего ни въ какомъ формализмѣ быть не можетъ, то-есть, возможна ли разсудительность, какъ знаніе разсудительности и другихъ знаній, и какую пользу она принесетъ намъ, когда мы будемъ имѣть о ней такое понятіе?

Приступая къ рѣшенію перваго вопроса, Сократъ предварительно условливается съ Критіасомъ понимать разсудительность не только какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, но и какъ знаніе незнанія, потомъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ ниодной душевной силы и ниодной человѣческой дѣятельности, которая не направлялась бы къ извѣстному, отличному отъ себя предмету, а занималась бы собою. Какъ же возможно, чтобы разсудительность, если она есть знаніе знанія и прочихъ знаній, обращалась только къ

себѣ и имѣла предметомъ только себя? Обращаясь къ себѣ, она должна быть больше себя; потому что подлежитъ знанію, которое познаетъ ее: съ другой стороны, имѣя предметомъ знаніе, она конечно менѣе себя; ибо въ такомъ случаѣ знаніе подчинено ей [1]. Притомъ, если бы разсудительность, какъ знаніе знанія, была возможна; то она видѣла бы себя подъ какими-нибудь частными чертами, значитъ, отличала бы себя отъ себя. Такъ напримѣръ, если бы зрѣніе видѣло само себя; то безъ сомнѣнія имѣло бы свой цвѣтъ, какъ необходимое условіе зрѣнія: но это противорѣчитъ принятому положенію, которое, не выходя изъ предѣловъ логической формы, не приписываетъ разсудительности ничего реальнаго. Между тѣмъ надобно быть великимъ человѣкомъ, говоритъ Сократъ, чтобы найти въ вещи такія свойства, которыя служили бы ей для нея самой; да и тогда еще осталось бы нерѣшеннымъ, это ли должно назвать разсудительностію.

Приведенный такими изслѣдованіями въ недоумѣніе, Критіасъ не можетъ сказать ничего дѣльнаго и только словами старается прикрыть свое безсиліе въ рѣшеніи Сократовой задачи. Посему Сократъ обращается къ другому вопросу: полезна ли разсудительность, какъ знаніе знанія и прочихъ знаній, даже самаго незнанія? Предположивъ, что это понятіе справедливо, онъ приписываетъ разсудительному знаніе того, чтó кто знаетъ и чего кто не знаетъ. Критіасъ, не давъ надлежащаго вѣса словамъ: *что* знаетъ и *чего* не знаетъ, охотно соглашается на его заключеніе: обладающій знаніемъ, говоритъ онъ, разумѣется, знающъ. Побуждаемый такимъ недоразумѣніемъ Критіаса, Сократъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: знаніе, спрашиваетъ онъ, будучи

---

[1] Для объясненія этого умозаключенія, мы подвергаемъ такой же критикѣ нравственное начало самоусовершенія: perfice te ipsum. Кто стремится усовершить себя; тотъ долженъ быть уже совершенъ (болѣе себя); потому что видитъ свои недостатки и умѣетъ исправить ихъ. Съ другой стороны, кто стремится усовершить себя; тотъ очевидно несовершенъ (менѣе себя); ибо находитъ, что его качества ниже сознаваемой имъ мѣры совершенства.

знаніемъ знанія, можетъ ли различать что-нибудь кромѣ того, что это—знаніе, а то—незнаніе? и изъ отрицательнаго отвѣта Критіасова мало-по-малу выводитъ слѣдствіе, что человѣку разсудительному, поколику онъ имѣетъ только знаніе знаній, а незнакомъ коротко съ самымъ содержаніемъ ихъ, не можетъ быть извѣстно, кто и что именно знаетъ, также, кто и чего именно не знаетъ; а потому для человѣка разсудительнаго всѣ знанія сливаются въ одно безразличное, логическое знаніе, и всѣ знатоки стоятъ на одной общей степени научности съ незнатоками. Къ чему же ведетъ такая разсудительность? Что въ ней добраго и полезнаго, спрашиваетъ Сократъ? Она приносила бы великую пользу только въ такомъ случаѣ, когда бы знала, кто и что именно знаетъ, кто и чего именно не знаетъ; ибо тогда, съ ея помощію, мы поручали бы исполненіе дѣлъ только людямъ знающимъ, и потому у насъ все исполнялось бы превосходно.

Впрочемъ положимъ, продолжаетъ Сократъ, что разсудительность, какъ знаніе знаній, дѣйствительно знаетъ, о чемъ кто-нибудь имѣетъ познаніе и о чемъ—нѣтъ: но и въ такомъ случаѣ она не сдѣлаетъ насъ счастливыми. Не спорю, что подъ ея руководствомъ, люди пользовались бы здоровьемъ, спасались бы отъ опасностей, носили бы хорошую одежду, обувь и проч.: но все еще они не были бы счастливы; да и опытъ показываетъ, что нѣкоторые художники, хотя и обладаютъ знаніемъ своего искуства, однакожъ не наслаждаются благополучіемъ. Скажи же, Критіасъ, спрашиваетъ Сократъ, которое именно знаніе доставляетъ людямъ счастіе.—Но Критіасъ не нашелъ ни одного, годнаго для этой цѣли. По крайней мѣрѣ то, о которомъ я спрашиваю, имѣетъ ли какой-нибудь предметъ?—Имѣетъ, отвѣчалъ Критіасъ,—добро и зло. Пришедши къ этой мысли, Сократъ заключаетъ, что благополучіе человѣка зависитъ отъ знанія добра и зла, и что прочія знанія тогда только могутъ быть полезны, когда будутъ развиваться подъ его условіемъ. Если же всѣ люди и во всѣхъ родахъ знаній получаютъ пользу только отъ знанія

добра и зла; то разсудительность, какъ знаніе знаній, вовсе безполезна. Замѣчаешь ли, Критіасъ, слабость моихъ изслѣдованій? прибавляетъ Сократъ. Я не умѣлъ найти пользу даже въ разсудительности, которая безъ сомнѣнія должна быть чѣмъ-то весьма полезнымъ. Явно, что знаніе добра и зла, поставленное Сократомъ выше всякаго знанія, есть то самое здравіе души, та самая гармонія душевныхъ силъ и нравственной дѣятельности человѣка, на которую, какъ на истинную разсудительность, онъ указывалъ еще въ приступѣ къ Хармиду. Это подтверждаетъ и Ксенофонтъ [1]. Когда спросили Сократа, говоритъ онъ, должно ли почесть мудрыми и разсудительными тѣхъ, которые, зная, что надобно дѣлать, дѣлаютъ противное, — онъ отвѣчалъ, что такіе люди отнюдь не мудры и не разсудительны; ибо изъ дѣлъ возможныхъ, по моему мнѣнію, всѣ охотнѣе совершаютъ дѣла, признаваемыя особенно полезными. Здѣсь понятіе пользы Сократъ не отличаетъ отъ понятія добра, что справедливо замѣтилъ и Штейдлинъ (Gesch. d. Moralphilosophie p. 84 sqq.). Въ заключеніе разговора Сократъ снова обращается къ Хармиду и жалѣетъ, что отъ Критіасовой разсудительности онъ не получитъ ничего полезнаго; всего же болѣе жалѣю о томъ, говоритъ онъ, что и Ѳракійскій приговоръ оказался пустымъ дѣломъ, или лучше самъ я — плохимъ изслѣдователемъ. По этому, если ты, Хармидъ, дѣйствительно разсудителенъ, то меня почитай болтуномъ, а себя человѣкомъ счастливѣйшимъ. Но Хармидъ не знаетъ, разсудителенъ онъ, или нѣтъ, и рѣшается подвергнуться дѣйствію Сократова приговора.

---

[1] *Xenoph.* mem. III. 9. 4.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, ХЕРЕФОНЪ, КРИТІАСЪ, ХАРМИДЪ.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ изъ потидейскаго ла- 353.
геря, я, послѣ долговременной отлучки, весело спѣшилъ въ
обычныя мѣста собранія собесѣдниковъ [1] и, между прочимъ,
зашелъ въ Тавреову палестру, что противъ царскаго храма.
Тутъ встрѣтилось мнѣ очень много незнакомыхъ людей, а
еще больше знакомыхъ. Увидѣвъ меня, неожиданно вошед-
шаго, они тотчасъ, кто откуда, раскланивались со мною B.
издали; а Херефонъ, какъ человѣкъ пылкій [2], выскочивъ
изъ толпы, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руку,
сказалъ: ахъ, Сократъ! какъ это спасся ты въ сраженіи?
Вѣдь едва мы ушли, при Потидеѣ произошла битва, — и
находящіеся здѣсь только сейчасъ узнали о ней. — Какъ
видишь, отвѣчалъ я.—Здѣсь, продолжалъ онъ, объявляютъ,
что сраженіе было жаркое и что въ немъ пало много зна- C.

---

[1] *Въ обычныя мѣста собранія собесѣдниковъ*, ἐπὶ τὰς ξυνήτεις διατριβάς. Διατριβὴ означаетъ и мѣсто, въ которое люди сходятся для препровожденія времени, и самый образъ провождать его, особенно разговоръ (Gorg. p. 484. E. Apol. Socr. p. 178. 41. A.). Къ мѣстамъ этого рода въ Аѳинахъ относились, между прочимъ, гимназіи и палестры, или такія заведенія, въ которыя юноши стекались для упражненія тѣлесныхъ силъ, а пожилые для развлеченія и бесѣдъ. Одна изъ такихъ палестръ называлась Тавреевою, по имени ея основателя Interprett. ad Lucian. de parasit. § 43), и находилась близь храма Διὸς Σωτῆρος, или Ἐλευθερίυ, при которомъ, по словамъ Меурсія (Lectt. Att. VI. 17), устроенъ былъ царскій портикъ, βασιλικὴ στοά. См. Euthyphr. p. 2. A.

[2] *Какъ человѣкъ пылкій*, ἅτε καὶ μανικὸς ὤν. Значеніе слова μανικὸς и характеръ Херефона ясно опредѣляются въ апологіи Сократа p. 21. A. ἴστε δὴ οἷος ἦν Χαιρεφῶν, ὡς σφοδρὸς ἐφ᾽ ὅ τι ὁρμήσειε, то-есть живой, быстрый, пылкій.

комыхъ.—И справедливо объявляютъ, отвѣчалъ я. — Такъ ты участвовалъ въ битвѣ [1]? спросилъ онъ.—Участвовалъ.— А! сюда же! садись и разсказывай намъ; потому что мы еще не все ясно знаемъ.—Тутъ онъ привелъ меня къ Критіасу, сыну Каллесхрову, и посадилъ. Сѣвши подлѣ Критіаса, я привѣтствовалъ какъ его, такъ и другихъ, и началъ разсказывать имъ о событіяхъ въ лагерѣ, отвѣчая на вопросы каждаго; а спрашивалъ кто что.

Когда же любопытство ихъ было удовлетворено; тогда и я съ своей стороны спросилъ о новостяхъ въ городѣ, о философіи, въ какомъ она теперь состояніи, и о юношахъ, кто изъ нихъ отличается мудростію, красотою, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. При этомъ вопросѣ Критіасъ, взглянувъ
154. на дверь и замѣтивъ какихъ-то юношей, входившихъ въ палестру и ссорившихся между собою, а по слѣдамъ ихъ другую толпу, сказалъ: что касается до красавцевъ, Сократъ, то ты, кажется, сейчасъ увидишь ихъ. Вотъ эти вошедшіе—передовые и угодники того, который почитается красивѣйшимъ. Вѣроятно и самъ онъ скоро войдетъ.—Да кто же и чей онъ? спросилъ я.—Ты безъ сомнѣнія зналъ его; только до твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ [2]: это—
B. двоюродный братъ мой, Хармидъ, сынъ нашего дяди, Главкона.—А! дѣйствительно зналъ. Онъ былъ не дуренъ и тогда—въ дѣтствѣ, а теперь — въ отрочествѣ, думаю, сталъ еще

---

[1] *Такъ ты участвовалъ въ битвѣ*, παρεγένου μὲν, — τῇ μάχῃ! Частицу μὲν Стефанъ напрасно замѣняетъ другою μὴν: μὲν часто употребляется и въ рѣчи вопросительной. (*Heindorf*. ad Theæt. § 49. *Elmsleius* ad Eurip. Med. v. 1098); только вопросъ въ такомъ случаѣ не предполагаетъ отвѣта либо положительнаго либо отрицательнаго, но предшествуетъ непремѣнно положительному. Напр. ὑγιαίνεις μέν; не значитъ: *здоровъ ли ты, или нѣтъ? но — ты конечно здоровъ?* Въ такомъ же смыслѣ употребляется при вопросахъ частица που, съ тѣмъ только различіемъ, что увѣренность лица вопрошающаго въ положительномъ отвѣтѣ, частицею που нѣсколько ограничивается; напр. ὑγιαίνεις που, ты вѣроятно здоровъ?

[2] *До твоего отъѣзда онъ не былъ еще на возрастѣ.* Потидея отложилась отъ Аѳинской республики за 432 года, а здалась за 429 лѣтъ до Р. Х., и находилась въ осадѣ болѣе двухъ лѣтъ. *Thucyd.* 11, 70. Въ продолженіе этого времени Хармидъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

лучше.—Вотъ увидишь и возрастъ его и качества, сказалъ онъ. Лишь только Критіасъ произнесъ это, какъ вошелъ и Хармидъ.

Мною, другъ мой, ничего не означишь: въ отношеніи къ красавцамъ, я просто бѣлый шнуръ [1]; мнѣ почти всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся прекрасными. Потому-то я толь- C.
ко удивился росту и дородству Хармида; а другіе, по видимому, любили его, такъ какъ появленіемъ его были поражены и смѣшались; большая же часть угодниковъ шли за нимъ. Впрочемъ въ насъ—мужчинахъ удивленіе было еще не такъ удивительно: я обратилъ вниманіе на дѣтей и замѣтилъ, что и изъ нихъ никто, даже самый меньшій, не глядѣлъ ни на какой другой предметъ, но всѣ смотрѣли на Хармида, будто на статую.

Ну что, Сократъ, какъ тебѣ кажется молодецъ? спросилъ D.
меня Херефонъ; не правда ли хорошъ лицемъ?—Чрезвычайно, отвѣчалъ я.—А если бы онъ захотѣлъ раздѣться [2]; то ты забылъ бы и о его лицѣ: такъ онъ статенъ!—Это мнѣніе Херефона подтвердили и другіе.—О Ираклъ! воскликнулъ я, да такой человѣкъ, судя по вашимъ словамъ, непреодолимъ, если обладаетъ еще одною бездѣлицею.—Какою? спросилъ Критіасъ.—Если онъ благороденъ по душѣ, сказалъ я. Вѣдь кто—изъ вашего дома, Критіасъ; тому, можетъ быть, E.
и прилично быть такимъ.—О, въ этомъ отношеніи онъ тоже весьма хорошъ и добръ, былъ отвѣтъ.—А что, не раздѣть

---

[1] *Въ отношеніи къ красавцамъ, я просто бѣлый шнуръ*, ἀτεχνῶς γὰρ λευκὴ στάθμη εἰμὶ πρὸς τοὺς καλούς. Сократъ уподобляетъ себя шнуру отвѣса, употребляемаго плотниками. Когда шнуръ бѣлъ, не натертъ никакимъ цвѣтнымъ веществомъ, — напрасно стали бы отбивать имъ черту на бѣломъ камнѣ; она не будетъ замѣтна. По свидѣтельству Схоліаста, выраженіе ἐν λευκῷ λευκὴ στάθμη было пословицею, которая употреблялась тогда, когда кто-нибудь одно неизвѣстное хотѣлъ опредѣлить другимъ неизвѣстнымъ. Сравн. *Eustath.* ad Iliad. p. 1022 sq. ed. Rom.

[2] *А еслибы онъ захотѣлъ раздѣться.* Надобно замѣтить, что разговоръ идетъ въ палестрѣ, гдѣ юноши, для гимнастическихъ упражненій, снимали съ себя одежду. Къ этому же обстоятельству принаровлены и слѣдующія слова Сократа: *такой человѣкъ, по вашимъ словамъ, непреодолимъ*, ἄμαχος, то-есть, такого человѣка никто въ палестрѣ преодолѣть не можетъ.

ли намъ ее [1], сказалъ я, и не посмотрѣть ли на нее прежде,
чѣмъ на статность? Вѣдь находясь въ такомъ возрастѣ, Хар-
мидъ, можетъ быть, охотно уже разговариваетъ.—И очень,
155. отвѣчалъ Критіасъ; къ томужъ онъ и философъ, да еще,
какъ инымъ и ему самому кажется, весьма поэтическій [2].—
Вотъ эта-то красота, любезный Критіасъ, сказалъ я, пе-
решла къ вамъ издалека, отъ родства съ Солономъ. Такъ
потрудись же позвать и покажи юношу; вѣдь ему, хотя бы
B. онъ былъ и моложе, не стыдно бесѣдовать съ нами при тебѣ,
его надзирателѣ и двоюродномъ братѣ.—Ты хорошо гово-
ришь; позовемъ.—Мальчикъ! крикнулъ онъ слугѣ: позови
сюда Хармида, и скажи ему, что я хочу представить его
врачу, по случаю болѣзни, на которую онъ недавно жало-
вался.—Потомъ обратившись ко мнѣ, примолвилъ: Хармидъ,
недавно вставши съ постели, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ
тяжесть въ головѣ, и тебѣ ничто не мѣшаетъ показать
видъ, будто ты знаешь лѣкарство для головы. — Конечно
ничто не мѣшаетъ, только приди онъ.—Придетъ, сказалъ
Критіасъ.—Такъ и вышло. Онъ пришелъ и возбудилъ силь-
ный смѣхъ; потому что каждый изъ насъ, которые тутъ
сидѣли, усердно тѣснилъ своего сосѣда, съ намѣреніемъ
очистить возлѣ себя мѣсто, пока съ концевъ скамьи одинъ
не всталъ, а другой не свалился на полъ. Пришедшій сѣлъ
между мною и Критіасомъ. Вотъ тутъ-то, другъ мой, и я

[1] *Не раздѣть ли намъ ее?* τί οὖν — οὐκ ἀπεδύσαμεν αὐτὸ τοῦτο; то-есть τὴν ψυχήν. Такое словосочиненіе у Платона очень обыкновенно. Прилагательное или мѣстоименіе часто поставляетъ онъ отрѣшенно, въ среднемъ родѣ, не согласуя его съ подразумѣваемымъ существительнымъ. См. Prot. p. 360 E. Τί ποτ' ἐστὶν αὐτό, ἡ ἀρετή; и во многихъ мѣстахъ.

[2] *Къ томужъ онъ философъ, да еще и очень поэтическій*, φιλόσοφος—πάνυ ποιητικός. Подъ именемъ философа поэтическаго Платонъ, кажется, разумѣлъ такого умствователя, который философскія свои понятія обыкновенно облекаетъ въ поэтическія формы, или котораго умъ, не вдаваясь въ глубокія изслѣдованія и утомительный анализъ истинъ, ограничивается однимъ схематизмомъ ихъ и даетъ волю воображенію. Тонъ и направленіе рѣчи ясно показываютъ, что Критіасъ самъ не замѣчая, смѣется надъ Хармидомъ, или вообще надъ молодыми людьми, у которыхъ въ головѣ философія, по греческой пословицѣ, какъ гончарня въ бочкѣ. Они какъ будто умствуютъ очень серьезно; а на дѣлѣ выходятъ чистыя мечты.

уже смѣшался; куда дѣвалась прежняя смѣлость, предста-
влявшая мнѣ бесѣду съ нимъ весьма легкою! А когда Кри-
тіасъ сказалъ, что я именно тотъ, который знаетъ лѣкар-
ство, и когда Хармидъ какъ-то неизъяснимо посмотрѣлъ
на меня и будто хотѣлъ что-то спросить, цѣлая же палес- D.
тра волновалась около насъ большимъ кругомъ; тогда-то
уже, почтеннѣйшій, я увидѣлъ его безъ платья, сгорѣлъ,
вышелъ изъ себя [1], и къ числу мудрѣйшихъ въ любви от-
несъ Кидіаса [2], который о прекрасномъ мальчикѣ сказалъ:
*смотри, чтобъ олень, попавшись на встрѣчу льву, не сдѣ-
лался его добычею.* Казалось, будто и меня увлекало это жи-
вотное. На вопросъ Хармида, точно ли мнѣ извѣстно лѣ- E.
карство для головы, я едва могъ отвѣчать, что извѣстно.—
Какое же это? спросилъ онъ. — Это одинъ листъ, сказалъ
я: но къ моему лѣкарству надобно еще присоединить при-
говоръ; и кто употребляетъ его съ приговоромъ, для того
оно дѣйствительно, а безъ приговора не приноситъ никакой 156.
пользы.—Такъ я спишу у тебя этотъ приговоръ, сказалъ
онъ.—Потому ли, что попросишь меня, или и не прося?—
Потому, что попрошу, Сократъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.—
Пусть такъ; но ты уже знаешь и мое имя?—Иначе я оби-
дѣлъ бы тебя: между моими сверстниками бываетъ о тебѣ
не мало разговоровъ; притомъ я еще съ дѣтства помню
твое знакомство съ Критіасомъ.—Хорошо же дѣлаешь ты,
сказалъ я: за то тѣмъ смѣлѣе буду говорить, въ чемъ со- B.
стоитъ мой приговоръ; только затрудняюсь, какимъ бы об-
разомъ объяснить его силу. Видишь, онъ—таковъ, Хармидъ
что не исцѣляетъ одной головы, но дѣйствуетъ, подобно
хорошимъ врачамъ, которые, какъ и ты, можетъ быть, слы-
халъ, когда приходитъ къ нимъ кто-нибудь, страдающій
глазами, говорятъ ему, что они не могутъ пользовать одни

[1] *Вышелъ изъ себя*, οὐκετ' ἐν ἐμαυτοῦ ἦν, то-есть οἴκῳ; nondum mentis compos fui, или, какъ говорятъ Германцы: ich war ganz aus dem Häuschen.

[2] Кидіасъ былъ поэтъ; но его стихотворенія не дошли до насъ. Кромѣ настоящихъ словъ, приписываемыхъ ему Платономъ, Плутархъ (de facie in orbe lunæ p. 931.) упоминаетъ о его сочиненіи по случаю солнечнаго затмѣнія.

глаза, что для приведенія ихъ въ здоровое состояніе, дол-
C. жно лѣчить и голову; а лѣчить голову — опять одну, саму по себѣ, безъ всего тѣла, было бы крайне неблагоразумно. По этой причинѣ, они предписываютъ діэту цѣлому тѣлу и въ цѣломъ стараются уврачевать часть его. Или ты, можетъ быть, не знаешь, что такъ говорятъ и такъ бываетъ? — Нѣтъ, знаю. — А одобряешь ли это сужденіе и принимаешь ли его? — Всего болѣе, отвѣчалъ онъ.

D. Слыша, что онъ хвалитъ меня, я сдѣлался бодрѣе, мало по малу возвратилъ прежнюю свою смѣлость и воодушевившись, сказалъ: Такъ вотъ въ чемъ состоитъ мой приговоръ, Хармидъ. Я узналъ его въ лагерѣ отъ Ѳракійца, — одного изъ врачей Замолксисовыхъ [1], которые будто бы дѣлаютъ людей безсмертными. Этотъ Ѳракіецъ говорилъ, что греческіе врачи хотя и правы въ томъ, о чемъ я сей-
E. часъ сказалъ: но Замолксисъ, царь и богъ нашъ, прибавлялъ онъ, возвѣщаетъ, что какъ глаза не должно лѣчить безъ головы, а голову безъ тѣла; такъ и тѣло не надобно лѣчить безъ души. Потому-то отъ вниманія эллинскихъ врачей и ускользаютъ многія болѣзни, что они не знаютъ цѣлаго, о которомъ надобно имѣть стараніе, и которое пока нехорошо, не можетъ быть хороша и часть. Все — и добро и зло, какъ для тѣла, такъ и вообще для человѣка, по

---

[1] Замолксисъ, родомъ Готѳъ или Скиѳъ, по свидѣтельству Діогена Л. (in vita Pythag.), былъ ученикомъ Пиѳагора, путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Египетъ, изучилъ египетскіе обряды и, возвратившись въ свое отечество, пользовался такимъ уваженіемъ, что по смерти былъ обоготворенъ. Скиѳы или Ѳракійцы приносили ему въ жертву людей и называли это посольствомъ къ Богу. *Hesich.* v. Ζάμολξις. Порфирій и Ямблихъ говорятъ о двухъ Замолксисахъ, и существованіе одного, основываясь на свидѣтельствѣ Геродота L. IV, возводятъ выше Пиѳагора, а другаго называютъ его слугою. Съ этимъ показаніемъ вѣроятно стоитъ въ связи и показаніе Гермиппа, что Пиѳагоръ въ своей философіи многое заимствовалъ у Ѳракіянъ. *Vossius* de sect. phil. c. 3. § 1. 199. Врачи Замолксисовы, по крайней мѣрѣ по мнѣнію древнихъ Грековъ, составляли касту, подобную греческой кастѣ Асклепіадовъ, и, говорятъ, могли дѣлать людей безсмертными, ἀπαθανατίζειν; то-есть не только исцѣляли тѣлесныя болѣзни, но и душѣ сообщали безсмертіе, уча, что она не умираетъ, и посылая ее къ своему Замолксису, для наслѣдованія вѣчной жизни.

его словамъ, идетъ изъ души и оттуда притекаетъ, будто 157.
отъ головы къ глазамъ. Итакъ, кто хочетъ привести въ
хорошее состояніе головные и другіе органы, тотъ дол-
женъ прежде и болѣе всего врачевать душу: но врачевать
ее, другъ мой, надобно нѣкоторыми приговорами, продол-
жалъ онъ; а эти приговоры — прекрасныя рѣчи [1]. Дѣйст-
віемъ ихъ вселяется въ душу разсудительность: а когда она
вселена въ нее и присуща ей; тогда уже легко бываетъ до-
ставить здоровье и головѣ, и другимъ частямъ тѣла. От- B.
крывъ мнѣ такое лѣкарство и приговоры, онъ сказалъ: смо-
три же, да не убѣдитъ тебя никто врачевать этимъ голо-
ву, пока не рѣшится сперва лѣчить твоими приговорами
свою душу; потому что нынѣшнее заблужденіе людей въ
томъ и состоитъ, что нѣкоторые хотятъ быть врачами, не
употребляя одного изъ этихъ средствъ. Тутъ онъ очень
строго наказалъ мнѣ не слушать ни богатаго, ни благо-
роднаго, ни красиваго, и ни кого, кто сталъ бы убѣждать
меня дѣлать иначе. Вотъ я и буду вѣренъ его приказанію, C.
да и поклялся,—нельзя не быть вѣрнымъ. Пожалуй, предпи-
шу лѣкарство и для твоей головы, если, по наставленію
иностранца, согласишься сперва подчинить свою душу дѣй-
ствію ѳракійкких приговоровъ: а когда не согласишься,—
я уже и не знаю, что съ тобою дѣлать, любезный Хармидъ.

Выслушавъ мои слова, Критіасъ сказалъ: значитъ, голо-
вная боль была бы для нашего юноши Эрміевымъ [2] сокрови-
щемъ, если бы, благодаря головѣ, онъ принужденъ былъ сдѣ- D.
латься лучшимъ по уму. Впрочемъ увѣряю тебя, что Хар-
мидъ превосходитъ своихъ сверстниковъ не только видомъ,
но и тѣмъ самымъ, касательно чего у тебя есть приговоръ.
Вѣдь ты, кажется, назвалъ это разсудительностію: не прав-
да ли?—Точно такъ, сказалъ я.—Знай же, что онъ гораздо раз-

[1] Подобнымъ образомъ *Eurip*. Hippolyt. v. 480: εἰσὶν δ᾽ἐπῳδαὶ καὶ λόγοι θελκτήριοι. φανήσεταί τι τῆςδε φάρμακον λόγυ. На эти слова мѣтитъ, кажется, и Горацій, Epist. 1. 1, 34: sunt verba et voces, quibus hunc lenire dolorem dossis, et magnam morbi deponere partem.

[2] С. О значеніи слова ἕρμαιον см. примѣч. къ Эвтидему, р. 273 Е.

судительнѣе нынѣшнихъ юношей, да и по всему другому, что
сообразно съ его возрастомъ, никого нехуже.—Тебѣ и прилич-
но, Хармидъ, сказалъ я, въ этихъ отношеніяхъ быть превос-
E. ходнѣе прочихъ. Я не думаю, чтобы кто нибудь здѣсь легко
указалъ на такіе два аѳинскіе дома, которые, соединившись,
раждали бы дѣтей, повидимому, прекраснѣе и лучше, чѣмъ до-
мы, давшіе тебѣ бытіе. Домъ вашего предка по отцовскому
колѣну, Критіаса, сына Дропидова, прославленный, какъ из-
вѣстно, и Анакреономъ и Солономъ, и многими другими по-
этами, отличается красотою, добродѣтелью и такъ называе-
158. мымъ благоденствіемъ. То же должно сказать и о домѣ вашей
матери: на материкѣ [1], говорятъ, не было человѣка прекраснѣе
и виднѣе твоего дяди Перилампа, когда онъ находился тамъ
въ качествѣ посла—то при дворѣ великаго царя, то при ка-
комъ-нибудь иномъ. Взятый же въ цѣломъ, вашъ домъ ни въ
чемъ не уступаетъ другимъ. Имѣя такое-то происхожденіе,
тебѣ естественно быть по всему первымъ. И дѣйствительно, что
B. касается до наружности, любезный сынъ Главкона; то ты, ка-
жется, не стыдишь ни кого изъ своихъ предковъ: а если еще
и по всему другому не менѣе хорошъ; то мать твоя, любез-
ный Хармидъ, родила тебя счастливымъ. Теперь дѣло таково:
если ты уже разсудителенъ, какъ говоритъ Критіасъ, и до-
статочно благоразуменъ; то не имѣешь надобности въ приго-
C. ворахъ ни Замолксиса, ни Авариса иперборейца [2], —лѣкарство
для головы должно даться тебѣ само собою. Но когда ты какъ
будто еще чувствуешь въ немъ нужду; тогда прежде лѣкарства
требуются приговоры. Итакъ скажи мнѣ самъ: подтверждаешь

---

[1] *Ἐν τῇ ἠπείρῳ*. Подъ именемъ твердой земли Греки разумѣли Персію и вообще всю Азію. *Xenoph*. Hellen. I, 2, 11. III, 1, 3. *Isocr*. Panegyr. § 133 ed. Brem.

[2] Аварисъ—лицо миѳологическое. Родомъ онъ былъ Скиѳъ и, говорятъ, описалъ путешествіе Аполлона къ иперборейцамъ, за что получилъ отъ него золотую стрѣлу, на которой леталъ во всѣ страны свѣта съ чрезвычайною быстротою и чрезъ которую вездѣ предсказывалъ будущее. По этой причинѣ онъ получилъ названіе *αἰθροβάτης*, воздухолетателя. Ямблихъ почитаетъ его ученикомъ Пиѳагора, къ которому онъ будто бы прилеталъ на своей стрѣлѣ. См. *Woss*. de poët. gr. p. 16. 17.

ли прежнее? думаешь ли что у тебя достаточно разсудительности, или чувствуешь въ ней нужду? — Хармидъ сперва покраснѣлъ и сталъ еще лучше, такъ какъ стыдливость идетъ къ его возрасту; потомъ не безъ благородства отвѣчалъ, что въ настоящее время не легко ему сказать на вопросъ ни да ни нѣтъ. Если я непризнаю себя разсудительнымъ, говорилъ онъ; то, по- D.
давая мнѣніе, неблагопріятное самому себѣ, покажусь страннымъ и оболгу [1] какъ Критіаса, такъ и многихъ другихъ, которые, согласно съ его отзывомъ, почитаютъ меня разсудительнымъ: а когда признаю и начну хвалиться, — можетъ быть, покажется досаднымъ. Поэтому не нахожу, что отвѣчать тебѣ. — На это я сказалъ, что Хармидъ, повидимому, говоритъ дѣло: кажется, надобно разсмотрѣть съобща, другъ мой, пріобрѣлъ ли ты, или не пріобрѣлъ то, о чемъ спрашивается, чтобы и тебя E.
не неволить говорить, чего не хочешь, и мнѣ не прибѣгать къ лѣкарству неосмотрительно. Итакъ, если тебѣ пріятно, я готовъ изслѣдовать это вмѣстѣ съ тобою; а когда нѣтъ, — оставимъ. — Мнѣ всего пріятнѣе, отвѣчалъ онъ; это-то, какъ самъ лучше думаешь изслѣдовать, такъ изслѣдывай. — Приличнѣйшій образъ изслѣдованія такого предмета, сказалъ я, будетъ слѣдующій. Явно, что если есть у тебя разсудитель- 159.
ность, то есть и нѣкоторое понятіе о ней; потому что, находясь въ комъ нибудь, она необходимо внушаетъ извѣстное чувство; а изъ чувства развивается у тебя и понятіе, — что такое разсудительность и какова она. Или ты не думаешь? — Думаю, отвѣчалъ онъ. — Поэтому тебѣ, умѣя говорить по-гречески, хоть бы и выразить то самое, что думаешь, то-есть, что она такое? — Можетъ быть. — Такъ вотъ же мы и узнаемъ, есть ли у тебя разсудительность, или нѣтъ: скажи только, что она такое, по твоему мнѣнію? — Хармидъ сперва медлилъ и не B.
очень хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ, что разсудительность, кажется, есть благопристойная и тихая дѣятельность

[1] *И оболгу*, ψευδῆ ἐπιδείξω, надобно читать ἀποδείξω; подобное употребленіе этого глагола весьма обыкновенно. См. *Symp*. p. 179. C. Gorg. p. 516. C. Theaet. p. 164. D. 166. A. et al. См. *Stalbaum* ad Phædr. p. 278. C.

въ ходьбѣ по дорогамъ, въ разговорѣ и во всемъ другомъ. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, ты спрашиваешь вообще о нѣкоторой тихости.

Можетъ быть, ты и хорошо говоришь [1], сказалъ я; разсу-
C. дительныхъ, Хармидъ, въ самомъ дѣлѣ называютъ тихими:
однакожъ посмотримъ, дѣльно ли называютъ. Скажи мнѣ: разсудительность—не изъ хорошихъ ли дѣлъ? — Конечно изъ хорошихъ, отвѣчалъ онъ.—Но въ школѣ грамматиста весьма хорошо списывать буквы скоро, или тихо?—Скоро.—А читать скоро, или медленно? — Скоро. — Равно играть на цитрѣ и бороться— гораздо лучше быстро, чѣмъ тихо и медленно? — Да.—Ну, а состязаться на кулакахъ и подвизаться во всѣхъ
D. родахъ гимнастики—не такимъ же ли образомъ?—Конечно. —
И бѣгать, и прыгать, и дѣлать всѣ тѣлесныя движенія не почитается ли свойствомъ хорошимъ, когда это совершается быстро и скоро, а постыднымъ, когда—медленно, неповоротливо, тихо [2] ?—Кажется.—Стало быть, намъ кажется, сказалъ я, что, и въ отношеніи къ тѣлу, дѣло самое хорошее—не тихость, а скорость и быстрота. Не такъ ли?—Конечно.—Но вѣдь разсудительность есть нѣчто хорошее.—Да.—Если же хорошее,
E. то, въ отношеніи къ тѣлу, должна быть разсудительнѣе не ти-
хость, а скорость. — Выходитъ, отвѣчалъ онъ.—А что? спросилъ я: въ ученіи—лучше ли острота, или тупость?—Острота.— А не правда ли, что въ ученіи быть острымъ, значитъ, учиться скоро, а быть тупымъ,—учиться тихо и медленно?—Да. —И учить другаго не лучше ли скоро и сильно, чѣмъ тихо и мед-
160. ленно? —Да.—Что еще? припоминать и удерживать въ памя-

---

[1] *Можетъ быть, ты и хорошо говоришь*, ἆρ οὖν — εὖ λέγεις; Штальбомъ здѣсь пишетъ знакъ вопрошенія: но логическая связь понятій не позволяетъ принять его; а потому, кажется, надобно читать ἄρ οὖν.... Впрочемъ, см. *Hermann*. ad Sophocl. Antig. v. 628.

[2] *Когда медленно, не поворотливо и тихо*, τὰ δὲ βραδέως μόγις τε καὶ ἡσυχῇ. Этотъ текстъ очевидно поврежденъ; такъ что или βραδέως, или μόγις какъ будто лишнее. По сему Гейндорфъ совѣтуетъ выпустить βραδέως, Штальбомъ—μόγις. Но мнѣ кажется, то и другое слово можетъ здѣсь имѣть значеніе, надобно только читать текстъ слѣдующимъ образомъ: τὰ δὲ βραδέως τε καὶ μόγις καὶ ἡσυχῇ....

ти лучше ли тихо и медленно, или скоро и сильно?—Сильно и
скоро, сказалъ онъ.—Вѣдь остроуміе, безъ сомнѣнія, есть нѣко-
торая быстрота, а не тихость души?—Правда.—Слѣдовательно
весьма хорошо замѣчать наставленія грамматиста, цитриста и
всякаго другаго, какъ можно скорѣе, а не какъ можно тише.—
Да.—Поэтому и въ душевной дѣятельности, и въ совѣщаніи дос-
тоинъ похвалы, думаю, не тотъ, кто совѣтуетъ и изобрѣтаетъ
тихо, съ трудомъ, а тотъ, кто дѣлаетъ это легко и скоро.— B.
Точно такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, все, совершаемое скоро
и быстро, какъ въ отношеніи къ душѣ, такъ и въ отношеніи
къ тѣлу, кажется намъ, Хармидъ, гораздо лучше, чѣмъ то,
что совершается медленно и тихо?—Должно быть, отвѣчалъ
онъ.—А изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что разсудительность
нельзя назвать какою-то тихостію, и жизнь разсудительную—
жизнію тихою, какъ скоро, будучи разсудительною, она дол- C.
жна быть хороша. Тутъ—одно изъ двухъ: тихія дѣла или ни-
когда, или весьма рѣдко въ жизни выходятъ лучше скорыхъ
и сильныхъ. Да если бы, другъ мой, тихихъ, достойныхъ по-
хвалы, открылось и не менѣе, чѣмъ сильныхъ и скорыхъ: и
тогда неразсудительно было бы дѣятельность болѣе тихую
предпочитать дѣятельности скорой и сильной, въ ходьбѣ ли D.
то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ [1]; и тогда тихую жизнь
не слѣдовало бы представлять себѣ разсудительнѣе нети-
хой; потому что разсудительность мы причислили къ дѣламъ
хорошимъ, а скорое было бы не менѣе хорошо, какъ и тихое.—
Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы, сказалъ онъ.

Итакъ, размысли опять, Хармидъ, всмотрись въ самаго E.
себя, подумай, какимъ дѣлаетъ тебя твоя разсудительность,
и какова она, если такимъ тебя дѣлаетъ. Соединивъ въ умѣ

---

[1] *Въ ходьбѣ ли то, въ разговорѣ, или въ чемъ другомъ; и тогда тихую жизнь*... Это мѣсто я перевожу по тексту Штальбома: *οὔτε ἐν βαδισμῷ οὔτε ἐν λέξει οὔτε ἄλλοθι οὐδαμοῦ, οὐδὲ ὁ ἡσύχιος βίος*... Чтеніе у Гейндорфа, Шлейермахера и Беккера... *οὐδὲ ἄλλοθι οὐδαμοῦ οὐδὲν ὁ ἡσύχιος βίος*, очевидно не вѣрно; потому что *ἄλλοθι οὐδαμοῦ* не можетъ быть оторвано отъ предъидущихъ словъ: *οὔτε ἐν βαδισμῷ οὔτε ἐν λέξει*; а слѣдующее *οὐδὲν* явно есть *οὐδὲ* и соотвѣтствуетъ высшему *οὐδὲ ταύτῃ σωφροσύνη ἂν εἴη*....

все это, скажи прямо и смѣло, чѣмъ она тебѣ кажется.— Тутъ Хармидъ пріостановился и, мужественно вошедши въ себя, сказалъ: разсудительность, повидимому, заставляетъ стыдиться, дѣлаетъ человѣка стыдливымъ и есть то же, что стыдъ.—Пусть такъ, примолвилъ я; но недавно не призналъ ли ты ее чѣмъ-то хорошимъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.— Слѣдовательно люди разсудительные суть также и добрые?— Да. — А можетъ ли быть добромъ то, что дѣлаетъ недоб-
161. рымъ?—Отнюдь нѣтъ.—Стало быть разсудительность есть дѣло не только хорошее, но и доброе. — Кажется. — Что же? спросилъ я; значитъ, ты не вѣришь, что Омиръ говоритъ хорошо: *стыдъ не добро въ человѣкѣ нуждающемся?*—Нѣтъ, вѣрю, отвѣчалъ онъ.—Такъ, видно, стыдъ—добро и не добро? — Видно, такъ. — Но разсудительность вѣдь добро, если
B. она тѣхъ людей, которымъ присуща, дѣлаетъ добрыми, а не худыми.—Да и мнѣ такъ-то кажется, какъ ты говоришь.—Если же разсудительность—добро, а стыдъ—не болѣе добро, какъ и зло; то первую нельзя назвать послѣднимъ.—Все это, повидимому, справедливо, Сократъ; но разсмотри еще слѣдующее понятіе о разсудительности: какъ оно тебѣ кажется?

Я сей-часъ вспомнилъ чьи-то слова, что быть разсудительнымъ, значитъ, дѣлать свое. Разсмотри-ка, правильно ли
C. сказалъ это тотъ, кто сказалъ. — О лукавецъ! воскликнулъ я; ты вѣрно слышалъ отъ Критіаса, или отъ какого-нибудь другаго мудреца! — Развѣ отъ другаго, примолвилъ Критіасъ, а ужъ никакъ не отъ меня.—Да какая нужда, Сократъ, сказалъ Хармидъ, отъ кого бы я ни слышалъ.—Разумѣется, никакой; вѣдь не то, безъ сомнѣнія, надобно изслѣдовать, кто говорилъ, а то, справедливо, или нѣтъ, изреченіе.—Вотъ теперь твоя правда, сказалъ онъ. —Да, клянусь Зевсомъ. Однакожъ было бы удивительно, если бы мы открыли настоящій смыслъ этого мнѣнія; видишь, оно походитъ на загадку.—Почему же такъ? спросилъ онъ. — Потому, отвѣ-
D. чалъ я, что, произнося выраженіе: «разсудительность есть

[1] См. *Plat.* Lach. p. 201. B.

дѣланіе своего», то ли мыслилъ онъ, что означаютъ произнесенныя имъ слова? Думаешь ли, что грамматистъ ничего не дѣлаетъ, когда пишетъ, или читаетъ?—Думаю, дѣлаетъ, отвѣчалъ онъ.—А кажется ли тебѣ, что онъ пишетъ и читаетъ только свое имя и васъ дѣтей учитъ тому же [1]? Или вы не менѣе писали имена враговъ, сколько и имена друзей и свои собственныя?—Конечно не менѣе. — Но, дѣлая это, вы хва- E.
тались за многое и не были разсудительны? — Никакъ. — И однакожь дѣлали не свое-вѣдь, если только писать и читать, значитъ, что-нибудь дѣлать. — Безъ сомнѣнія. — Равнымъ образомъ, другъ мой, врачевать, строить, ткать, вообще— производить извѣстную вещь въ какомъ бы то ни было родѣ искуствъ, называется, вѣроятно, что-нибудь дѣлать.— Конечно.—Но что? хорошо ли, по твоему мнѣнію, управлялъ бы городомъ тотъ законъ, который предписывалъ бы каждому ткать и мыть для себя платье, шить себѣ башмаки, приготовлять масленые сосуды, головныя повязки, и другое тому подобное,—вообще чужаго не касаться, а дѣ- 162.
лать всякому свое? — Не думаю, отвѣчалъ онъ. — Однакожъ городъ, живя разсудительно-то, примолвилъ я, жилъ бы очень хорошо. — Какъ же иначе? сказалъ онъ. — Стало быть, подобное дѣланіе своего не можетъ быть названо разсудительностію.—Явно.—То-то и есть; я и прежде сказалъ, что слова «разсудительность есть дѣланіе своего» загадочны. Произнесшій ихъ видно былъ не такъ-то простъ. Или ты, Хармидъ, слышалъ ихъ отъ какого-нибудь простака?— Всего менѣе, былъ его отвѣтъ; онъ казался мнѣ даже очень B.

[1] ***И васъ дѣтей учитъ тому же,*** *ἢ ὑμᾶς τοὺς παῖδας διδάσκειν.* *ἢ* здѣсь совсѣмъ не кстати и, кажется, должно быть замѣнено словомъ *καί*. При томъ, въ концѣ выраженія надобно подразумѣвать *ὡσαύτως*, то-есть *τὰ ὑμέτερα ὀνόματα μόνον γράφειν καὶ ἀναγιγνώσκειν*. Далѣе: ***вы хватались за многое,*** *ἐπολυπραγμονεῖτε*. — Πολυπραγμονεῖν, in aliena re curiosum esse, очевидно противуполагается выраженію *τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*, слѣдовательно *σωφρονεῖν*. Такъ Gorg. p. 526. C. *φιλοσόφου τὰ αὑτοῦ πράξαντος καὶ μὴ πολυπραγμονήσαντος ἐν τῷ βίῳ*. ***Cicero*** de offic. 1. 34. 125. peregrini autem atque incolæ officium est nihil præte suum negotium agere, nihil de alieno anquirere minimeque esse in aliena re publica curiosum. Сравн. ***Beier***. ad libr. 1. 9. 29.

мудрымъ. — Слѣдовательно тѣмъ вѣроятнѣе, что его изреченіе, какъ я думаю, загадка; потому-то и трудно понять, что значитъ «дѣлать свое.»—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Такъ что же бы значило «дѣлать свое»? Въ состояніи ли ты объяснить?—Не умѣю, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, можетъ быть (что мудренаго!), и тотъ не понималъ этихъ словъ, кто сказалъ ихъ.—Выговоривъ это, онъ улыбнулся и взглянулъ на Критіаса.

Между тѣмъ явно было, что Критіасъ давно уже борется съ самимъ собою и сильно желаетъ похвастаться предъ
C. Хармидомъ и присутствующими. Доселѣ онъ таки кое-какъ удерживался, но тутъ уже не вытерпѣлъ. Поэтому, мнѣ кажется весьма справедливымъ мое предположеніе, что тотъ отвѣтъ о разсудительности Хармидъ слышалъ отъ Критіаса. Не рѣшаясь самъ дать отчетъ въ изреченіи [1], онъ подстрекнулъ своего брата и указалъ на него, какъ на обличен-
D. наго. А этотъ не выдержалъ и, по видимому, досадовалъ на Хармида, будто поэтъ на актера, когда этотъ худо декламируетъ его стихотвореніе. Посему, взглянувъ на него значительно, Критіасъ сказалъ: тебѣ такъ кажется, Хармидъ, что если самъ ты не знаешь мысли человѣка, который разсудительность поставлялъ въ дѣланіи своего, то уже и онъ не знаетъ.—Но вѣдь ему въ такой молодости и не удивительно не знать этого, любезный Критіасъ, сказалъ я. Вотъ
E. тебѣ, и по возрасту, и по твоимъ занятіямъ, знать это, разумѣется естественно. Итакъ, если ты согласенъ, что разсудительность надобно разумѣть въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ опредѣлилъ ее; если ты принимаешь его слово: то я съ особеннымъ удовольствіемъ желалъ бы вмѣстѣ съ тобою изслѣдовать, вѣрно или нѣтъ это опредѣленіе. — Да, я очень согласенъ и принимаю, отвѣчалъ Критіасъ. — И хорошо дѣлаешь, примолвилъ я; скажи же мнѣ: согласенъ ли ты и

[1] *Не рѣшаясь самъ дать отчетъ въ изреченіи*, *βȣλόμενος μὴ αὐτὸς ὑπέχειν λόγον, ἀλλ' ἐκεῖνον, τῆς ἀποκρίσεως*. Здѣсь *ἀλλ' ἐκεῖνον* безъ сомнѣнія глоссема и въ переводѣ должно быть выпущено.

въ томъ, о чемъ я недавно спрашивалъ, что то-есть всѣ ху-
дожники производятъ нѣчто? — Согласенъ. — Но какъ тебѣ 163.
кажется: свое ли только производятъ они, или и чужое? — И
чужое. — По этому они разсудительны, производя не одно
свое? —Что же препятствуетъ, спросилъ онъ?—Мнѣ-то ничто,
сказалъ я; но смотри, не препятствуетъ ли что-нибудь тому,
кто, положивъ разсудительность въ дѣланіи своего, потомъ
говоритъ, что нѣтъ никакого препятствія быть разсудитель-
нымъ, дѣлая и чужое. — Да, можетъ быть, я призналъ раз-
судительными дѣлающихъ чужое, а признавалъ ли произво-
дящихъ?—Но развѣ, по твоему мнѣнію, спросилъ я, *произво-* B.
дить (ποιεῖν) и *дѣлать* (πράττειν) не одно и тоже? — Конечно;
равно какъ *работать* (ἐργάζεσθαι) *и производить* (ποιεῖν). Я
узналъ это у Исіода, который сказалъ: *никакая работа не
есть безчестіе* [1]. Думаешь ли, что онъ не почелъ бы ни
для кого безчестнымъ шить обувь, продавать соленую рыбу,
или сидѣть въ лавочкѣ [2], еслибы слова *работать* и *дѣ-*

---

[1] ***Никакая работа не есть безчестіе.*** Этотъ стихъ у Исіода (opp. et dd. v. 309.) читается слѣдующимъ образомъ: *ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δέ τ' ὄνειδος.* Слово *οὐδὲν* въ немъ относится не къ *ἔργον*, а къ *ὄνειδος*: напротивъ Критіасъ, слѣдуя уловкамъ софистовъ, соединяетъ его съ словомъ *ἔργον*, и для того, умолчавъ о второмъ полустишіи, послѣ *οὐδὲν* произноситъ *εἶναι*: *ἔργον δ' οὐδὲν εἶναι ὄνειδος.* По смыслу Исіода, надлежало бы сказать: работа— отнюдь не безчестіе; безчестна праздность. Напротивъ софистъ говоритъ: никакая работа не есть безчестіе.

[2] ***Шить обувь, продавать солонину, или сидѣть въ лавочкѣ***, *σκυτοτομοῦντι ἢ ταριχοπωλοῦντι ἢ ἐπ' οἰκήματος καθημένῳ.* *Σκυτοτομεῖν* у Грековъ почиталось самымъ низкимъ ремесломъ; такъ что *σκυτοτόμοι*, башмачники и вообще мастеровые, приготовлявшіе какія-нибудь вещи изъ кожи, вошли у нихъ въ пословицу. См. de Rep. p. 456. D. Theæt. p. 180. D. *Τάριχος*, солонина у Грековъ была обыкновенною пищею черни. *Athen*. p. 118. A. *Casaub*. ad Theophr. Char. 4 et 6 *Rader*. ad Martial. p. 116. При томъ, подъ именемъ солонины Греки разумѣли преимущественно соленую рыбу, которая приготовлялась у нихъ въ видѣ четвероугольныхъ кусковъ и, по различію рыбы, получала различныя названія, наприм. *τόμος θυριανὸς* кусокъ морскаго пса, *κύβιον* кусокъ тунца, или паламида. *Plin*. 9. c. 15. Palamides in apolectos (in frusta) et particulatim consectas in genera Cybiorum dispartiri. *Οἴκημα*, въ нарѣчіи аттическомъ, означало или тюрьму, или домъ блудодѣянія, lupanar. *Schol*. ad h. l. *ἐπ' οἰκήματος ἐπὶ τοῦ δεσμωτηρίου, ὡς Λυσίας, ἢ ἐπὶ πορνείου, ὡς Ἀττικοί.* *Pollux*. IX. 45. *ἰστέον δὲ ὅτι οὐ μόνον δεσμωτήριον οἴκημα παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς ἐστιν εἰρημένον, μηδὲ τὸ πορνεῖον, ἀλλὰ καὶ τὸ οἰκήσιμον.* Такъ и у Римлянъ

лать относилъ къ такимъ вещамъ, о которыхъ ты сей-часъ говорилъ? Вѣдомо не такъ Сократъ; производительность онъ
C. вѣроятно различалъ отъ дѣланія работы, и произведеніе почиталъ иногда безчестнымъ, какъ скоро оно относилось къ предметамъ нехорошимъ, а въ работѣ не видѣлъ ничего безчестнаго, и потому, что производимо было хорошо и съ пользою, называлъ работами, трудами и дѣлами. Только такія дѣла, по его мнѣнію, и надобно почитать своими, а всѣ вредныя чужими. И такъ, согласно съ Исіодомъ и другими благоразумными людьми, разсудительнымъ должно называть
D. того, кто дѣлаетъ свое.— О Критіасъ! сказалъ я: почти при самомъ началѣ твоей рѣчи можно было замѣтить, что подъ именемъ *собственнаго* и *своего* ты разумѣешь *добро*, и произведенія людей добрыхъ называешь *дѣлами*. О различеніи-то именъ я вѣдь слыхалъ отъ Продика много дивнаго. Впрочемъ уступаю тебѣ: понимай каждое изъ нихъ, какъ хочешь, только объявляй, въ какомъ смыслѣ принимаешь употребляемое тобою слово.

E. Теперь опредѣли сначала и яснѣе: точно ли, по твоему мнѣнію, разсудительность есть дѣланіе, или произведеніе (назови какъ угодно) добра? —Да, я такъ думаю, сказалъ онъ. — Слѣдовательно разсудителенъ не тотъ, кто дѣлаетъ зло, но тотъ, кто добро? — А тебѣ, любезный, развѣ иначе кажется, спросилъ онъ?—Постой, сказалъ я; рѣчь не о томъ, что кажется мнѣ, а о томъ, что говоришь ты. — Да того я не называю разсудительнымъ, кто дѣлаетъ не добро, а зло: по моему, разсудителенъ тотъ, кто дѣлаетъ не зло, а добро. Опредѣляю ясно: разсудительность есть дѣланіе добра.—
164. Можетъ быть, тебѣ въ самомъ дѣлѣ ничто не мѣшаетъ говорить правду; однакожь удивительно, если ты думаешь, что

lupanar нерѣдко тоже, что cella. Переводя οἴκημα словомъ «лавочка», я поставляю это слово въ связи съ lupanar и разумѣю постыдный обычай у древнихъ Грековъ — устроять торговыя мѣста для блудодѣянія, τέγη или στέγη, иначе κλισία, οἰκήματα и ἐργαστήρια. *Chrysost*. homil. de Babyla, et in Mathæum 31. In pergulis stare solilas (meretrices), multorum artificum more, ut in officinis, ex Plauto notum.

люди разсудительные не знаютъ того, что они разсудительны.—Но я такъ не думаю. — Между тѣмъ немного прежде, продолжалъ я, тобою было сказано, что художникамъ, хотя они производятъ и чужое, ничто не препятствуетъ быть разсудительными. — Да, было сказано; такъ чтожъ? — Ничего; говори : кажется ли тебѣ хоть отчасти, что врачь, исцѣляя кого-нибудь, приноситъ пользу и себѣ, и тому, кого исцѣляетъ? — Кажется. — Но дѣлающій это, дѣлаетъ, что дол- B.
жно?—Да.—А дѣлающій, что должно, не разсудителенъ ли?— Конечно разсудителенъ. — Не необходимо ли также врачу знать, когда онъ лѣчитъ съ пользою и когда нѣтъ, равно какъ и всякому художнику, — когда будетъ выгода отъ его работы и когда не будетъ? — Можетъ быть, необходимо. — Стало быть, иногда, дѣйствуя съ пользою или вредомъ, врачь не знаетъ себя, какъ онъ дѣлаетъ; хотя, дѣйствуя съ пользою, C.
поступаетъ, какъ ты сказалъ, разсудительно. Или не такъ говорилъ ты?—Такъ.—Слѣдовательно иногда, дѣйствуя съ пользою, онъ, при всей своей разсудительности, не знаетъ себя, не знаетъ то-есть, что онъ разсудителенъ.—Но этого, Сократъ, быть не можетъ, сказалъ Критіасъ. Если же ты пришелъ къ такому заключенію необходимо, на основаніи чего-нибудь въ прежде допущенныхъ мною положеніяхъ; то я скорѣе пересмотрю ихъ и не постыжусь признаться, что утверждалъ несправедливо, нежели соглашусь, что человѣкъ, незнаю- D.
щій самаго себя, разсудителенъ. Вѣдь моя мысль о разсудительности почти сходится съ мыслію о самопознаніи и не отличается отъ надписи, сдѣланной въ Дельфахъ. Эта надпись, мнѣ кажется, есть привѣтствіе бога къ приходящимъ, употребленное тамъ вмѣсто «здраствуй» (χαίρε); потому что E.
привѣтствіе «здраствуй» несправедливо,—не того надобно желать другъ другу, а разсудительности. Такимъ образомъ богъ совѣтуетъ входящимъ нѣчто отличное отъ совѣта человѣческаго. И эту-то мысль, по видимому, имѣлъ въ умѣ человѣкъ, посвятившій Дельфамъ свою надпись; то-есть, онъ всегда и всякому входящему говоритъ: будь разсудителенъ.

Его слова, какъ слова прорицателя, конечно загадочны: по-
знавай самаго себя и будь разсудителенъ, безъ сомнѣнія—одно
и то же. Итакъ, что утверждаетъ надпись, то утверждаю и
165. я. Уже впослѣдствіи нѣкоторые начали оразноображивать ея
значеніе, что, какъ видно, дѣлали и позднѣйшіе посвятители
надписей: *ничего слишкомъ* и *порука возлѣ измѣны* [1]; по-
тому что, слова «познавай самаго себя» принимая за совѣтъ,
а не за привѣтствіе бога входящимъ, они и сами написали,
и посвятили Дельфамъ не менѣе полезные совѣты. Все это
я говорю, Сократъ, вотъ для чего: въ прежнемъ уступаю
тебѣ; объ этомъ иное, можетъ быть, правильно сказалъ ты,
иное—я; но въ нашихъ словахъ не было надлежащей ясно-
B. сти. Теперь, если ты не согласенъ, что разсудительность есть
знаніе самаго себя,—я хочу тебѣ доказать это.

Но ты, Критіасъ, такъ относишься ко мнѣ, что будто я
приписываю себѣ знаніе того, о чемъ спрашиваю, и, если
захочу, могу согласиться съ тобою. Совсѣмъ не то: спра-
шивая тебя, я только изслѣдываю предметъ съобща, по-
C. тому что самъ не знаю его, и уже по изслѣдованіи объявлю,
принимаю ли его, или не принимаю. Подожди же, пока из-
слѣдую. — Такъ изслѣдывай, сказалъ онъ. — Конечно буду
изслѣдывать, примолвилъ я. Если быть разсудительнымъ зна-
читъ, дѣйствительно, познавать что-нибудь; то подъ разсу-
дительностію должно разумѣть, очевидно, нѣкоторое чего-
нибудь знаніе. Не такъ ли? — Да, и именно знаніе себя,
отвѣчалъ онъ.—Такимъ образомъ врачебное искуство есть
знаніе здоровья, сказалъ я.—Конечно.—Теперь, еслибы ты
спросилъ меня: врачебное искуство, какъ знаніе здоровья,
какую приноситъ намъ пользу и что дѣлаетъ?—я отвѣчалъ
D. бы, что оно оказываетъ не маловажную услугу: хорошій
плодъ его дѣятельности есть здоровье. Принимаешь ли это?—

---

[1] *Порука возлѣ измѣны*, ἐγγύη, πάρα δ᾽ ἄτη. Схоліастъ объясняетъ это изрѣченіе слѣдующимъ образомъ: παροιμία· ἐγγύα παρὰ δ᾽ ἄτα, ἐπὶ τῶν ῥαδίως ἐγγυωμένων καὶ κακῶς ἀπαλλαττόντων. Λέγουσι δ᾽ αὐτὸ ἐν Δέλφοις γεγράφθαι. Οἱ δ᾽ εἶπον αὐτὴν οὐχ οὕτως ἔχειν, ἀλλὰ μόνον ἐγγύη· καὶ παρέχουσι μάρτυρα τούτου Κρατῖνον νεώτερον, λέγοντα, κ. τ. λ.

Принимаю.—Потомъ, если бы ты спросилъ меня: искуство строительное, какъ знаніе строить, какимъ дѣломъ занимается? я отвѣчалъ бы: строеніемъ домовъ. Тоже и касательно прочихъ искуствъ. Отвѣчай же, Критіасъ, и ты на мой вопросъ о разсудительности. По твоему мнѣнію, разсудительность есть знаніе себя: но, какъ знаніе себя, что дѣлаетъ оно хорошаго и сообразнаго съ своимъ именемъ? Скажи-ка это. — Да ты, Сократъ, неправильно изслѣдываешь, возразилъ онъ. Разсудительность, по своей природѣ, не походитъ на прочія знанія; равно какъ и прочія знанія не сходны между собою: а ты спрашиваешь о нихъ, будто о подобныхъ. Говори мнѣ, продолжалъ онъ: работа искуства щетнаго, или геометрическаго,—такова ли, какъ домъ—строительнаго, одежда—ткацкаго, или другія подобныя работы? На послѣднія, сколько бы ихъ ни было по числу искуствъ, всякій можетъ указать; а укажешь ли на которую-нибудь изъ первыхъ? вѣрно не укажешь. — Правда, отвѣчалъ я; однакожъ могу указать, къ чему, отличному отъ самаго знанія, относится каждое изъ этихъ знаній. Такъ напримѣръ, щетное относится къ опредѣленію равныхъ и неравныхъ величинъ, то-есть, къ опредѣленію ихъ связи и взаимной зависимости. Не правда ли?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—А числа—неравное и равное, отличны вѣдь отъ искуства щетнаго?—Какъ же не отличны?—Такимъ же образомъ искуство взвѣшивать (στατική) есть знаніе тяжелаго и легкаго: но тяжелое и легкое отличны отъ искуства взвѣшивать. Согласенъ ли?—Согласенъ. — Скажи же: и разсудительность конечно есть знаніе чего-нибудь, что отлично отъ самой разсудительности? — Это такъ, Сократъ; твои изслѣдованія дѣйствительно привели тебя къ тому, чѣмъ отличается разсудительность отъ всѣхъ знаній. Но ты ищешь какого-то сходства между первою и послѣдними; а въ этомъ отношеніи уже не такъ. Прочія искуства суть знанія не себя, но чего-нибудь другаго: одна только разсудительность есть знаніе, какъ всѣхъ знаній, такъ и самой себя. И это от-

E.
166.
B.
C.

нюдь не могло скрыться отъ тебя: нѣтъ, ты, кажется, дѣлаешь то, чего недавно дѣлать не соглашался,—ты выпустилъ изъ вида содержаніе рѣчи, лишь бы опровергнуть меня.— Какъ тебѣ думать, былъ мой отвѣтъ, что я, хотя бы и дѣйствительно опровергалъ тебя, дѣлалъ это для какой-нибудь другой причины, а не для испытанія себя и словъ своихъ,
D. боясь, какъ бы, забывшись, не почесть себя знатокомъ того, что мнѣ неизвѣстно! Снова утверждаю, что дѣлаю это, то-есть, изслѣдываю предметъ, преимущественно для себя, можетъ быть,также—и для друзей своихъ. Развѣ ты не думаешь, что для всѣхъ людей—одно общее благо: имѣть ясное понятіе о каждой вещи, какова она?—О, въ этомъ я совершенно увѣренъ, Сократъ, сказалъ онъ.—Будь же смѣлѣе, почтеннѣйшій; отвѣчай на вопросы, какъ тебѣ кажется, не
E. заботясь о томъ, кто будетъ опровергнутъ,—Критіасъ или Сократъ; обращай вниманіе только на самую рѣчь и смотри, къ чему придетъ опровергнутый. — Хорошо, постараюсь, сказалъ онъ; потому что ты, кажется, говоришь дѣло.—

И такъ скажи, продолжалъ я: какъ ты думаешь о разсудительности?—Я говорю, отвѣчалъ онъ, что разсудительность есть такое знаніе, которое, одно изъ всѣхъ, знаетъ и себя и другія знанія.—Не есть ли она также знаніе и незнанія, спросилъ я, если ты называешь ее знаніемъ зна-
167. нія?—Конечно, сказалъ онъ.—По этому одинъ только разсудительный будетъ знать самъ себя и получитъ возможность испытать, что знаетъ онъ, и чего нѣтъ, и такимъ же образомъ станетъ изслѣдовать другихъ, кто чтó знаетъ и думаетъ, что знаетъ, и кто приписываетъ себѣ извѣстное знаніе, а на самомъ дѣлѣ не знаетъ; изъ прочихъ же людей—никто. То-есть, быть разсудительнымъ, или разсудительность есть самознаніе, или знаніе того, чтó знаешь, и того, чего не знаешь. Это ли говоришь ты?—Это, отвѣчалъ онъ.—Такъ изслѣдуемъ же опять сначала, въ третій и по-
B. слѣдній разъ [1]: — во первыхъ, возможно ли это, или нѣтъ?

[1] 167 A. *Въ третій и послѣдній разъ*, τὸ τρίτον τῷ Σωτῆρι. *Schol.* τὸ τρί-

то-есть, что-нибудь зная, или чего нибудь не зная, возможно ли знать, что одно знаешь, а другаго не знаешь? во вторыхъ, возможно ли особенно, чтобы это знаніе принесло намъ какую-нибудь пользу? — Да, надобно изслѣдовать, сказалъ онъ. — Изслѣдуй же Критіасъ, не способнѣе ли ты меня въ этомъ отношеніи? Я запутался и, сказать ли, какъ?— Скажи.

Не правда ли, спросилъ я, что все, о чемъ ты сей- C.
часъ упоминалъ, есть одно какое-то знаніе,—знаніе не то-
го или другаго, но себя и прочихъ знаній, даже самаго незна-
нія?—Конечно.—Смотри же, другъ мой, какую странность
намѣрены мы утверждать. Попытаемся приложить это самое
къ различнымъ вещамъ, и ты, думаю, встрѣтишь невоз-
можность.—Какую же и въ чемъ?—Вотъ въ чемъ: посуди
пожалуй, можешь ли ты представить себѣ зрѣніе, которое
не было бы зрѣніемъ вещей, доступныхъ прочимъ зрѣніямъ,
но было бы только зрѣніемъ себя и другихъ зрѣній, и даже D.
не зрѣній, которое не видѣло бы ни какихъ цвѣтовъ, но
видѣло бы только себя и другія зрѣнія? Можешь ли пред-
ставить такое?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—А слухъ, который
бы не слышалъ никакихъ звуковъ, но слышалъ бы себя и
другіе слухи, даже и не слухи?—И этого не могу.—Пере-
смотри всѣ вообще чувства: представляешь ли ты себѣ хоть
одно изъ нихъ, которое было бы чувствомъ себя и другихъ
чувствъ, а предметовъ, ощущаемыхъ прочими чувствами, E.
не чувствовало бы?—Не представляю.—Равнымъ образомъ,
допускаешь ли какое-нибудь желаніе сердца, которое не
было бы желаніемъ удовольствія, но было бы желаніемъ себя
и другихъ желаній?—Отнюдь нѣтъ.—Не допускаешь и хо-

τον τῷ Σωτῆρι ἐπὶ τῶν τελείως τι πραττόντων, τὰς γὰρ τρίτας σπονδὰς καὶ τὸν τρίτον κρατῆρα ἐκύρνων τῷ Διὶ τῷ Σωτῆρι. Срав. ***Aesch.*** Eumen. 756. *τοῦ πάντα κραίνοντος τρίτȣ Σωτῆρος.* Это выраженіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, Phileb. p. 66. de Rep. IX. p. 612. Epist. VII. p. 340. A. legg. p. 692. О обыкновеніи Грековъ на пирахъ посвящать третій бокалъ Зевсу Хранителю См. ***Pierson.*** ad mœr. p. 72. ***Spanh.*** ad Aristoph. Plut. v. 1176. ***Müller*** ad Aeschyl. Eumen. p. 187. sqq.

тѣнія, которое не хотѣло бы ничего добраго, но хотѣло бы себя и другихъ хотѣній? — Безъ сомнѣнія. — А можешь ли указать на какую-нибудь любовь, которая не любила бы ничего прекраснаго, но любила бы себя и всякую другую любовь? — Не могу. — Равно, воображалъ ли ты себѣ какой-
168. нибудь страхъ, который страшился бы себя и другихъ страховъ, а предметовъ страшныхъ не страшился бы?—Не воображалъ. — Также и мнѣнія о себѣ самомъ и о другихъ мнѣніяхъ, которое однакожъ не было бы мнѣніемъ о томъ, къ чему относятся другія мнѣнія?—Никакъ.—Между тѣмъ знаніе мы, кажется, назвали такимъ, которое, не будучи знаніемъ предметовъ познаваемыхъ, есть знаніе себя и другихъ знаній. — Да, назвали.—Но не странно ли, если оно таково? Вѣдь мы не должны утверждать, что оно не таково, а обя-
B. заны изслѣдовать, таково ли оно въ самомъ дѣлѣ.—Правда.—Смотри же: это знаніе есть знаніе чего-нибудь и заключаетъ въ себѣ свойство быть знаніемъ чего-нибудь. Не такъ ли? — Конечно. — Большему мы вѣдь приписываемъ такое свойство, по которому оно есть больше чего-нибудь. — Приписываемъ. — А если будетъ большее, то будетъ и меньшее?—Необходимо.—Итакъ, если бы мы нашли нѣчто большее, что было бы больше другаго большаго и себя, но не
C. больше того, въ отношеніи къ чему другое большее — больше; то безъ сомнѣнія вышло бы, что это нѣчто, будучи больше себя, оказалось бы также и меньше себя. Не правда ли? —Крайне необходимо, Сократъ, сказалъ онъ.—Равнымъ образомъ, если бы нѣчто было и двойное вразсужденіи другихъ двойныхъ вещей и себя; то,какъ двойное, оно составлялобы только половину себя и прочихъ предметовъ, потому что двойное возможно неиначе, какъ въ отношеніи къ половинѣ.—Правда.—Но что болѣе себя, то не будетъ ли и менѣе? что тяжелѣе, то не будетъ ли и легче? что старше, то не бу-
D. детъ ли и моложе, и такъ далѣе? При томъ, что имѣетъ извѣстное свойство для себя, то не будетъ ли имѣть и такой природы, къ которой относится это свойство? Разумѣю слѣ-

дующее: на примѣръ, мы называемъ слухъ—слухомъ не чего другаго, а звука. Не такъ ли? — Такъ. — Поэтому, если слухъ слышитъ себя, то надобно, чтобы онъ имѣлъ собственный свой звукъ; иначе онъ и не слышалъ бы.—Весьма необходимо.—Такимъ же образомъ и зрѣніе, почтеннѣйшій: если оно видитъ себя, то должно имѣть свой цвѣтъ; потому
что зрѣніе не можетъ видѣть ничего безцвѣтнаго. — Конеч- E.
но ничего.—И такъ смотри же, Критіасъ: все изслѣдованное теперь кажется намъ частію вовсе невозможнымъ, а частію весьма сомнительнымъ — въ томъ отношеніи, для себя ли что-нибудь одарено свойствами. Что касается до величинъ, чиселъ и тому подобнаго,—это рѣшительно не возможно[1]. Не правда ли? — Безъ сомнѣнія. — А слухъ и зрѣніе, также движеніе, которое будто бы само себя движетъ, теплота, которая, говорятъ, сама себя согрѣваетъ, и прочее того же рода, для однихъ кажется сомнительнымъ, а для
другихъ, можетъ быть, и нѣтъ. Надобно быть, другъ мой, 169.
великимъ человѣкомъ, чтобы удовлетворительно разобрать это со всѣхъ сторонъ, то-есть, дѣйствительно ли нѣтъ ни одной вещи, кромѣ знанія[2], которая бы заключала въ себѣ свойства не для себя самой, а для другихъ вещей, или напротивъ имѣютъ ихъ однѣ — для себя, а другія — для другихъ. И если есть предметы, одаренные свойствами для

---

[1] То-есть, невозможно, чтобы онѣ одарены были свойствами для себя. Сократъ во всей этой перикопѣ доказываетъ относительность вещей. Малое — мало по отношенію къ короткому; здоровое — здорово по отношенію къ больному и т. д. Но такая относительность непремѣнно требуетъ, чтобы вещи дѣйствовали на что-нибудь, отъ себя отличное, то-есть, чтобы каждая вещь была предметомъ не для себя самой, а для другой вещи.

[2] *Дѣйствительно ли нѣтъ ни одной вещи, кромѣ знанія* — πλὴν ἐπιστήμης. Это πλὴν ἐπιστημης Шлейермахеръ и Беккеръ признаютъ за глоссему: но ученые филологи не довольно хорошо вникли въ намѣреніе Сократа, высказываемое въ приведенныхъ словахъ. Критіасъ полагалъ, что разсудительность есть знаніе себя и другихъ знаній, а къ предметамъ познаваемымъ она отношенія не имѣетъ, и этимъ признакомъ отличалъ онъ разсудительность отъ прочихъ вещей. Но Сократъ говоритъ, что и другія вещи могутъ также имѣть нѣсколько свойствъ для себя, подобно тому, какъ знаніе есть знаніе для знанія.

себя; то не слѣдуетъ ли и имъ приписать знаніе, называемое разсудительностію? Я не нахожу себя способнымъ для такого различенія, и потому не утверждаю ни того, возможно ли знаніе знанія, ни того еще болѣе, согласиться ли мнѣ на
B. твое понятіе о разсудительности, пока не будетъ изслѣдовано, полезна ли она, или нѣтъ, поколику мы такъ ее понимаемъ; ибо я гадаю, что разсудительность должна быть чѣмъ-то полезнымъ и добрымъ. Итакъ, сынъ Каллесхра, положивъ, что она есть знаніе нетолько знанія, но и незнанія, и вызвавшись доказать свое положеніе, докажи сперва то, о чемъ я сей часъ говорилъ [1], то-есть, возможно ли это; а потомъ къ доказательству возможности присоедини и до-
C. казательство пользы: тогда вдругъ увѣришь меня, что слова твои о разсудительности,—что такое она, справедливы.

Слыша это и замѣтивъ, что я недоумѣваю, Критіасъ пришелъ въ состояніе тѣхъ людей, которые, видя предъ собою зѣвающихъ, сами дѣлаютъ тоже. Мнѣ показалось, что мое недоумѣніе заставило и его подвергнуться недоумѣнію. Однакожъ, привыкши къ похваламъ, онъ стыдился присутствующихъ и не хотѣлъ признаться, что не можетъ разрѣшить предложенныхъ мною вопросовъ, а между тѣмъ не говорилъ
D. ничего яснаго и только прикрывалъ свое недоумѣніе. По этому, чтобы продолжить нашъ разговоръ, я сказалъ: впрочемъ если угодно, Критіасъ, предположимъ пока, что знаніе знанія возможно, и будемъ разсматривать, такъ ли это, или нѣтъ. Давай же. Если это возможнѣе всего; то можно ли не знать, кто чтó знаетъ и чего не знаетъ? Вѣдь это, кажется, значитъ знать себя и быть разсудительнымъ. Не такъ ли?—Такъ, от-
E. вѣчалъ онъ; да и должно быть такъ, Сократъ: вѣдь кто обладаетъ знаніемъ, которое знаетъ само себя, тотъ конечно таковъ, каково то, чѣмъ онъ обладаетъ. Напримѣръ, кто обла-

[1] *Докажи сперва, о чемъ я сейчасъ говорилъ*, *πρῶτον μὲν τοῦτο ἐνδεῖξαι, ὅτι δυνατὸν ἀποδεῖξαί σε, ὃ νῦν δὴ ἔλεγον*. Слова *ἀποδεῖξαί σε*, вмѣстѣ съ Гейндорфомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ я признаю за глоссему; потому что здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, можетъ ли Критіасъ доказать положеніе, а о томъ, возможно ли оно.

даетъ скоростію, тотъ скоръ, кто красотою — красивъ, кто знаніемъ—знающь; и такъ какъ знаніе знаетъ само себя, то и знающій равнымъ образомъ будетъ знать самого себя.—Но мое сомнѣніе не въ томъ, сказалъ я, знающій это самое знаетъ ли самого себя, а въ слѣдующемъ: человѣку, обладающему этимъ самымъ, необходимо ли знать, чтó онъ знаетъ и чего не знаетъ?—Да это одно и то же Сократъ.—Можетъ быть; толь- 170.
ко вѣроятно и я всегда одинъ и тотъ же, то-есть, все еще не понимаю, какъ можно знать и то, чтó кто знаетъ, и то, чего кто не знаетъ.—Какая твоя мысль? спросилъ онъ.—А вотъ какая, отвѣчалъ я: знаніе, будучи знаніемъ знанія, можетъ ли различить что-нибудь болѣе, кромѣ того, что это—знаніе, а то — незнаніе?—Нѣтъ, именно столько.—Слѣдственно знать и не знать здравое, знать и не знать справедливое—будетъ одно и тоже?—Никакъ.—Но первое, думаю, относится къ искуству B.
врачебному, второе—къ политикѣ, а третье есть не иное что какъ знаніе.—Какъ же иначе?— Стало быть, кто не пріобрѣлъ знанія ни о здоровомъ, ни о справедливомъ, а знаетъ одно знаніе, поколику имѣетъ только знаніе знанія; тотъ, зная, что онъ знаетъ и имѣетъ нѣкоторое знаніе, все таки знаетъ и о себѣ и о другихъ. Неправда ли?—Да.—Но какъ этимъ знаніемъ узнаетъ онъ то, что знаетъ? Вотъ, напримѣръ, здравое онъ знаетъ вра- C.
чебнымъ искуствомъ, а неразсудительностію, гармоническое—музыкою, а не разсудительностію, домостроительное—наукою домостроительства, а не разсудительностію; такимъ же образомъ и все. Или нѣтъ?—Явно.—Разсудительностію же, если только подъ нею надобно разумѣть знаніе знаній, какъ узнать ему, здравое ли знаетъ онъ, или домостроительное? — Никакъ.—Между тѣмъ, кто не знаетъ этого, тотъ не будетъ знать, чтó именно онъ знаетъ, а только — что онъ знаетъ.— Выходитъ.—Слѣдовательно быть разсудительнымъ, или разсу- D.
дительность есть знаніе не того, что именно знаешь и чего не знаешь, а того, какъ видно, что знаешь и что не знаешь.— Должно быть. — Слѣдовательно, когда одинъ говоритъ, что онъ знаетъ нѣчто, — другой не можетъ изслѣдовать, дѣй-

ствительно ли знаетъ онъ то, что признаетъ себя знающимъ, или не знаетъ: изслѣдователь, повидимому, будетъ знать только то, что другой имѣетъ какое-то знаніе, а чего именно
E знаніе,—разсудительность не поможетъ ему знать.—Явно, что не поможетъ.—Значитъ, онъ не отличитъ врача, который только выдаетъ себя за врача, а въ самомъ дѣлѣ не врачь,—отъ того, который въ самомъ дѣлѣ врачь; равно какъ не отличитъ и другихъ знатоковъ отъ незнатоковъ. Мы разсмотримъ это на слѣдующемъ основаніи: если разсудительный, или кто другой, хочетъ отличить дѣйствительнаго врача отъ мнимаго, то не такъ ли поступитъ? о врачебной наукѣ онъ говорить съ нимъ не будетъ; потому что одинъ врачь, какъ сказано, знаетъ здоровое и больное. Не правда ли?—Конечно такъ.—А о знаніи и искусный врачь ничего не знаетъ; потому что знаніе мы при-
171. писали одной разсудительности.—Да.—То-есть, онъ не знаетъ и о врачебной наукѣ, поколику врачебная наука есть также знаніе.—Справедливо.—И такъ разсудительный хоть и знаетъ, что врачь имѣетъ нѣкоторое знаніе, однакожъ, вознамѣрившись испытать, въ чемъ состоитъ оно, не будетъ ли изслѣдывать, къ чему оно относится? Развѣ не тѣмъ опредѣляется каждое знаніе, что оно не только есть знаніе, но и въ чемъ состоитъ, къ чему относится?—Именно тѣмъ.—А врачебное-то искуство почитается знаніемъ, отличнымъ отъ прочихъ знаній—конечно потому, что опредѣляется понятіемъ о здоровьѣ и болѣзни.—Да.—По этому, желающій изслѣдовать врачебное искуство необходимо долженъ изслѣдовать его въ томъ, въ чемъ оно
B. состоитъ, а не въ иномъ внѣшнемъ, въ чемъ не состоитъ.—Безъ сомнѣнія.—Значитъ, надлежащій изслѣдователь будетъ разсматривать врача въ кругу здоровья и болѣзней, дѣйствительно ли онъ искусный врачь.—Выходитъ.—То-есть, будетъ разсматривать и слова и дѣла его именно въ этомъ отношеніи: слова,—вѣрны ли онѣ, дѣла—правильно ли совершаются?—Необходимо.—Итакъ, безъ врачебной науки нельзя испытывать никого изъ нихъ? — Конечно нельзя. — Нельзя, какъ видно, никому-таки, кромѣ врача,—даже и разсудительному?

иначе, при своей разсудительности, онъ былъ бы и врачемъ.— C.
Такъ.—Значитъ, нѣтъ сомнѣнія, что когда разсудительность есть только знаніе знанія и незнанія, то она не въ состояніи отличить ни врача, знающаго свою науку, отъ того, который не знаетъ ея, а думаетъ и приписываетъ себѣ знаніе,—ни всякаго другаго, что-нибудь знающаго: отличитъ она развѣ подобнаго себѣ разсудительнаго, какъ дѣлаютъ и прочіе мастера.—
Явно, сказалъ онъ.—Но какую пользу получили бы мы, Критіасъ, D.
отъ разсудительности, когда бы она была такова? Если бы разсудительный, какъ было положено сначала, зналъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ, зналъ, что первое ему извѣстно, а послѣднее неизвѣстно, и могъ бы изслѣдовать другаго въ тѣхъ же отношеніяхъ; то разсудительность, говоримъ, была бы намъ весьма полезна: тогда жили бы безгрѣшно и мы сами, потому что обладали бы ею, — и другіе, потому
что находились бы подъ нашимъ руководствомъ; тогда и E.
мы сами не брались бы дѣлать то, чего не знаемъ, а искали бы людей знающихъ и имъ ввѣряли бы исполненіе тѣхъ дѣлъ,—да и другимъ, которыми управляемъ, внушали бы дѣлать то, что дѣлая, они могли бы дѣлать правильно, а это значило бы дѣлать то, что знаешь. Такимъ образомь разсудительность хорошо устроила бы и домъ, хорошо управляла бы и городомъ, и всѣмъ другимъ, чѣмъ свойственно
ей управлять: потому что гдѣ нѣтъ грѣха, гдѣ каждое 172.
дѣло производится справедливо; тамъ люди, подобнымъ образомъ настроенные, безъ сомнѣнія, живутъ хорошо и благополучно; а живущіе благополучно, счастливы. Не то ли, Критіасъ, говорили мы о разсудительности, спросилъ я, ко-
гда утверждали, что весьма хорошо знать, чтó кто знаетъ, и че- B.
го не знаетъ?—Именно то, отвѣчалъ онъ.—А теперь видишь, такого знанія нигдѣ не оказывается. — Вижу, сказалъ онъ.—

Но добро, продолжалъ я, котораго мы ищемъ въ понятіи о разсудительности,—это знаніе знанія и незнанія, не состоитъ ли въ томъ, что человѣкъ, обладающій имъ, учась чему-ни-

будь иному, учится легче и на всякій предметъ смотритъ яснѣе, поколику кромѣ того, чему учится, видитъ еще знаніе? Равнымъ образомъ въ тѣхъ вещахъ, которымъ учится, не
C. лучше ли онъ испытываетъ и другихъ, между тѣмъ какъ, безъ этого условія, испытаніе производится слабѣе и хуже? Не такое-ли что-нибудь, другъ мой, доставляетъ намъ разсудительность, тогда какъ мы изслѣдываемъ и ищемъ въ ней чего-то больше, нежели сколько она въ себѣ заключаетъ?— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть, сказалъ я; а можетъ быть, мы и не нашли ничего полезнаго. Я замѣчаю, что разсудительность у меня—нѣчто странное, какъ скоро она такова.
D. Разсмотримъ, если угодно. Положимъ, что знанію можно знать; не отвергнемъ и прежняго положенія, что разсудительность есть знаніе того, что знаемъ, и того, чего не знаемъ; согласимся съ этимъ: но допустивъ все это, изслѣдуемъ обстоятельнѣе, принесетъ ли намъ такая разсудительность какую-нибудь пользу. Сказавъ недавно, что она была бы великимъ благомъ, если бы имѣла какое нибудь значеніе, если бы то-есть управляла и дѣлами и домомъ и городомъ, мы вѣдь, кажется, не хорошо сказали, Критіасъ. — Почему? спросилъ онъ.—Пото-
E. му, отвѣчалъ я, что легкомысленно признали великимъ благомъ для людей, если бы каждый изъ насъ дѣлалъ, что знаетъ, и предоставлялъ другимъ знающимъ дѣлать то, чего самъ не знаетъ.—Такъ это нехорошо? — Думаю, не хорошо, отвѣчалъ я.—Ты, Сократъ, говоришь по истинѣ странности.— Клянусь собакою, что и мнѣ тоже кажется. Вѣдь вотъ и недавній взглядъ мой на предметъ представилъ мнѣ его стран-
173. нымъ,—и я побоялся, какъ бы не ошибиться въ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсудительность дѣйствительно такова, то вовсе не видно, что могла бы она принесть намъ добраго.— Какъ же это? спросилъ онъ. Скажи, чтобъ и мы знали, что ты говоришь. — Кажется, я брежу; впрочемъ мои представленія необходимо изслѣдовать, а не оставлять безъ вниманія, если ты хоть немного заботишься о себѣ.—Хорошо, Сократъ.— Выслушай же сонъ мой, сказалъ я, изъ роговъ ли высыплется

онъ, или изъ слоновой кости [1]. Если бы нами управляла непремѣнно разсудительность, понимаемая такъ, какъ мы нынѣ опредѣлили ее; то она дѣйствовала бы вѣроятно, по знаніямъ: B.
тогда, то-есть, не обманулъ бы насъ ни кормчій, который только носитъ это имя, а не заслуживаетъ его, ни врачь, ни военачальникъ; тогда не укрылся бы отъ насъ никто, приписывающій себѣ такое знаніе, какого онъ не имѣетъ. А чрезъ это положеніе дѣлъ, наше тѣло пользовалось бы лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ нынѣ; мы спасались бы отъ опасности и на C.
морѣ и на войнѣ; у насъ и сосуды, и одежды, и обувь, и всѣ вещи были бы приготовлены искусно, потому что намъ служили бы истинные мастера. Даже, если бы ты захотѣлъ, чтобъ и прорицаніе мы почли также знаніемъ будущаго и поставили его подъ управленіе разсудительности; то и тутъ отъ хвастуновъ мы отвращались бы, а избрали бы себѣ прорицателей истинныхъ, которые дѣйствительно предъузнаютъ будущее. Представляя родъ человѣческій въ такомъ состояніи, я говорю, что онъ поступалъ бы и жилъ съ знаніемъ; по- D.
тому что разсудительность — наблюдательница не позволила бы въ наши занятія вмѣшиваться незнанію. Но все еще нельзя сказать, любезный Критіасъ, что, дѣйствуя съ знаніемъ, мы провождали бы жизнь благополучную и были бы счастливы.— Однакожъ, унизивъ знаніе, сказалъ онъ, не легко найти тебѣ иную полноту благополучія [2].—Но научи меня еще немно-

---

[1] *Изъ роговъ ли высыплется онъ, или изъ слоновой кости* — аллюзія къ словамъ Омира. Odyss. XIX. 562 sqq.

Странникъ! конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
Смысла нельзя намъ извлечь, и не всякій сбывается сонъ нашъ.
Создано двое воротъ, для вступленія снамъ, безтѣлесныхъ
Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновой.
Сны, приходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой,
Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ.
Тѣже, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
Вѣрны; сбываются всѣ принесенныя ими видѣнья.

[2] *Полноту благополучія*—*τέλος τοῦ εὖ πράττειν*, то-есть, совершенство счастливой жизни, или какъ бы завершеніе ея пріобрѣтеніемъ всѣхъ благъ, какими можетъ она украситься. Phaedon. p. 78. C.

гому, сказалъ я: о какомъ знаніи говоришь ты? не о томъ ли
Е. какъ шить обувь?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.—Или, какъ обрабатывать мѣдь? — Отнюдь нѣтъ. — Или, какъ обходиться съ шерстью и другими подобными вещами?—Вовсе не то.—Ну такъ мы не стоимъ въ своемъ словѣ, сказалъ я, что человѣкъ, живущій съ знаніемъ, счастливъ. Эти люди живутъ съ знаніемъ, и однакоже ты не признаешь ихъ счастливыми, а приписываешь счастіе, кажется, только нѣкоторымъ изъ людей, живущихъ съ знаніемъ. Можетъ быть, по твоему мнѣнію, счастливъ тотъ, о которомъ я недавно упоминалъ, то-есть, кто знаетъ все будущее? Такъ прорицателя, или кого
174. другаго называешь ты благополучнымъ?—И прорицателя, и другаго, отвѣчалъ онъ.—Кого же другаго? спросилъ я: не того ли, кто, кромѣ будущаго, знаетъ и прошедшее, и настоящее, для кого нѣтъ ничего неизвѣстнаго? Предположимъ, пожалуй, и такого человѣка. Ужъ конечно ты не укажешь на другаго, кто жилъ бы съ большимъ знаніемъ, чѣмъ этотъ? — Безъ сомнѣнія не укажу. — Но я желаю еще знать, которое изъ знаній дѣлаетъ его благополучнымъ: или, всѣ онѣ равномѣрно?—Отнюдь не равномѣрно, сказалъ онъ.—Которое
B. же больше? и что знаетъ оно изъ настоящаго, прошедшаго и будущаго? Ужъ не игра ли это въ кости?—Какая игра въ кости!— Такъ не искуство ли счисленія?—О, нѣтъ.—Или, не врачебная ли наука?—Далеко, сказалъ онъ. — Однакожъ то знаніе, о которомъ я спрашиваю, безъ сомнѣнія имѣетъ какой-нибудь предметъ?—Имѣетъ, отвѣчалъ онъ,—добро и зло.—О лукавецъ! сказалъ я, ты давно уже водишь меня въ кругу, скрывая, что жить благополучно и счастливо, значитъ, жить не съ знаніемъ вообще и не со всѣми другими знаніями, а
C. только съ тѣмъ, которое относится къ добру и злу. Но скажи, Критіасъ: если это знаніе ты отдѣлишь отъ прочихъ; то искуство врачебное менѣе ли будетъ врачевать, башмачное менѣе ли будетъ обувать, ткацкое менѣе ли будетъ ткать, также искуство кормчаго менѣе ли будетъ препятствовать намъ погибнуть на морѣ, а искуство полководца —

на войнѣ? — Не менѣе, отвѣчалъ онъ. — Между тѣмъ, D.
любезный Критіасъ, привести каждое изъ этихъ знаній въ хорошее состояніе, сдѣлать его полезнымъ,—неудастся намъ, пока не будетъ у насъ того перваго. — Твоя правда.—А первое-то, какъ видно, есть не та разсудительность, но другая, которая должна приносить намъ пользу; потому что она представляется уже не какъ знаніе знаній и незнаній, а какъ знаніе добра и зла; такъ что, если та послѣдняя полезна, то первая была бы чѣмъ-то отличнымъ отъ полезнаго.—Какъ? спросилъ онъ; развѣ она не можетъ быть полезною? Будучи
знаніемъ знаній, то-есть, господствуя надъ всѣми знаніями, E.
она имѣетъ въ своей власти и то знаніе, которое относится къ добру, слѣдовательно можетъ приносить намъ пользу.— Но она ли врачуетъ, или врачебная наука? спросилъ я. Равнымъ образомъ, она ли совершаетъ дѣла, входящія въ область всѣхъ другихъ искуствъ, или каждое изъ нихъ дѣлаетъ свое? Не согласились ли мы давно уже, что разсудительность есть только знаніе знанія и незнанія, не болѣе? Правда вѣдь?— Явно. — Слѣдовательно, не она причина здоровья. — Безъ
сомнѣнія.—То-есть, здоровье зависитъ отъ другаго искуства. 175.
Или нѣтъ? — Отъ другаго. — А потому она и не причина пользы, другъ мой; такъ какъ это дѣло мы теперь же приписали иному искуству. Не правда ли? — Конечно. — Какимъ же образомъ разсудительность будетъ полезна, не производя никакой пользы?—Кажется, никакимъ, Сократъ.

Видишь ли, Критіасъ? я давно имѣлъ причину безпокоиться и небезъ основанія обвинялъ себя, что не открываю ничего
дѣльнаго въ разсудительности. Если бы отъ меня была поль- B.
за для надлежащихъ изслѣдованій; то предметъ, почитающійся прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, не показался бы намъ безполезнымъ. А теперь мы потерялись, мы неможемъ опредѣлить, съ которою изъ вещей нарицатель именъ соединилъ имя разсудительности. Предположены были конечно многія: но наша бесѣда показала несообразность ихъ. Предположено

было, что разсудительность есть знаніе знанія: но изслѣдо-
C. ваніе не дозволило принять и утвердить это понятіе. Пред-
положено было также, что это знаніе знаетъ и дѣйствія дру-
гихъ знаній: но опять представилось невозможнымъ почи-
тать разсудительнаго знатокомъ того, чтó онъ знаетъ, что
знаетъ, и чего не знаетъ, что не знаетъ. Мы предположили это,
правда, очень великолѣпно, не замѣчая, что чего кто не-
знаетъ никакъ, того не знаетъ и какъ-нибудь; то есть,
наше мнѣніе приписывало разсудительному знаніе того,
что онъ не знаетъ; а это, мнѣ кажется, всего безразсу-
D. днѣе. Такимъ образомъ, хотя изслѣдованіе встрѣтило въ
насъ людей сговорчивыхъ [1], не упорныхъ, однакожъ не
могло открыть истину, а только непрестанно осмѣивало ее;
такъ что, допустивъ и вообразивъ какое-нибудь понятіе о раз-
судительности, оно тотъ-часъ же оскорбительно выводило
отсюда ея безполезность. Впрочемъ по отношенію ко мнѣ,
это еще не такъ досадно; я особенно досадую за тебя, Хар-
мидъ, что ты, такой хорошій по виду, и сверхъ того, самый
E. разсудительный по душѣ, ничего не выиграешь отъ этой
разсудительности, и въ жизни не получишь отъ ней никакой
пользы. Но всего досаднѣе приговоръ, перенятый мною у Ѳра-
кійца: я заучивалъ его съ большимъ стараніемъ; а изъ него
не вышло ничего стоющаго вниманія. Впрочемъ не думаю,
чтобъ это было такъ [2]: напротивъ, видно я-то плохой изслѣдо-
ватель; потому что разсудительность въ самомъ дѣлѣ—вели-
176. кое благо, и ты блаженъ, если только обладаешь ею. Но смо-

---

[1] *Людей сговорчивыхъ*, ἡμῶν εὐηθικῶν. Такъ εὐήθεια и εὐήθης нерѣдко употребляется въ значеніи уступчивости, и противуполагается τῷ σκληρῷ, упрямому, который упорно защищаетъ свое мнѣніе. Этимъ Сократъ косвенно указываетъ на несостоятельность положеній и доказательствъ Критіаса; потому что Критіасъ охотно допускалъ всѣ моменты наведенія, или частныя положенія, изъ которыхъ потомъ, какъ изъ посылокъ, необходимо уже вытекало общее заключеніе.

[2] ***Впрочемъ не думаю, чтобъ это было такъ***, ταῦτ᾽ οὖν πάνυ μὲν οὖν οὐκ οἴομαι οὕτως ἔχειν. Слова πάνυ μὲν οὖν, очевидно лишнія, а потому должны быть признаваемы за глоссему.

три, обладаешь ли? нечувствуешь ли нужды въ приговорѣ? Если дѣйствительно обладаешь, то тѣмъ болѣе совѣтую тебѣ почитать меня болтуномъ и человѣкомъ неспособнымъ къ изслѣдованію чего бы то ни было посредствомъ разговора, а себя—на сколько разсудительнѣйшимъ, на столько и счастливѣйшимъ.—Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ Хармидъ, B.
что не знаю, разсудителенъ ли я, или нѣтъ. И какъ мнѣ знать, когда, по твоимъ словамъ, и сами-то вы не можете опредѣлить, что такое разсудительность? Впрочемъ, я тутъ уже не очень вѣрю тебѣ, Сократъ, и живо чувствую, что мнѣ нуженъ приговоръ; да съ моей-то стороны и нѣтъ препятствія принимать его отъ тебя всякій день, пока не скажешь: довольно.— Пусть такъ и будетъ, сказалъ Критіасъ Хармиду: сдѣлавъ C.
это, то-есть, поручивъ Сократу приговаривать себя и не оставляя его ни на минуту, ты представишь мнѣ доказательство своей разсудительности. — Вѣрь, что буду слѣдовать за нимъ [1], не отстану отъ него, сказалъ онъ; притомъ съ моей стороны было бы грубо не послушаться тебя, моего попечителя, и не дѣлать того, что ты приказываешь. — Да, я именно приказываю.—А я съ этого же дня начну выполнять твое приказаніе. — Охъ эти! [2] что тамъ у васъ за совѣщаніе? спросилъ я.—Ничего, отвѣчалъ Хармидъ; уже рѣ- D.
шено.—Не хочешь ли употребить силу, не давая мнѣ права на обсужденіе [3]?—Если онъ прикажетъ, сказалъ Хармидъ, то употреблю и силу. Поэтому смотри самъ, что тебѣ лучше.—

---

[1] ***Вѣрь, что буду слѣдовать за нимъ***, *ὡς ἀκολουθήσοντος*. Надобно подразумѣвать *διανοοῦ*, или другой подобный глаголъ. Matth. Gr. § 568. 2.

[2] *Охъ эти!—οὗτοι!* Этотъ звательный падежъ въ формѣ именительнаго со всею точностію перешелъ въ разговорный нашъ языкъ и показываетъ иногда просто негодованіе, чаще же досаду, выражаемую тономъ шуточнымъ. См. Matth. Gr. § 312. 1. *οὗτος, τι δρᾷς*; ***Arist.*** Pl. 439. *αὕτη σύ, ποῦ στρέφει*; id. Thesm. 610.—Soph. Ai. 71. *οὗτος, σέ—πρόςμολεῖν καλῶ*. Sympos. ***Plat.*** p. 172. A. *ὁ Φαληρεὺς οὗτος Ἀπολλόδωρος, οὐ περιμενεῖς*.

[3] *οὐδ' ἀνάκρισίν μοι δώσεις. ἀνάκρισις* — слово судебное, по Гарпократіону, *ἐξέτασις ὑφ' ἑκάστης ἀρχῆς γενομένη πρὸ τῶν δικῶν περὶ τῶν συντεινόντων εἰς ἀγῶνα*.

Нечего уже смотрѣть, отвѣчалъ я: когда ты рѣшишься что-нибудь сдѣлать и употребить силу,—никто не будетъ въ состояніи противиться. — Не противься же и ты. — Не буду, сказалъ я.

ИППІАСЪ МЕНЬШІЙ.

ИППІАСЪ МЕНЬШІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Діалогъ Платона, въ Стефановомъ сборникѣ озаглавленный именемъ «Иппіаса меньшаго» (Ἱππίας ἐλάττων), принадлежитъ къ числу сочиненій весьма загадочныхъ и нелегко поддающихся философской критикѣ. Обоюдностію своего содержанія и цѣли онъ почти столько же затрудняетъ изслѣдователя, сколько «Федръ»—неопредѣленностію своей формы и кажущимся недостаткомъ единства. Поэтому нѣкоторые германскіе критики, вопреки ясному свидѣтельству Аристотеля (Metaph. V, 29, 1025 a. b), который «Иппіаса меньшаго» разсматривалъ, какъ сочиненіе Платоново, почитаютъ его подложнымъ.

Лицо, бесѣдующее съ Сократомъ въ «Иппіасѣ меньшемъ», есть тотъ-же самый элейскій софистъ Иппіасъ, который разговариваетъ съ нимъ и въ «Иппіасѣ большемъ». Этими эпитетами—большій и меньшій, — различилъ упомянутые діалоги, по всей вѣроятности, Стефанъ, и за основаніе бралъ, конечно, объемъ ихъ; потому-что «Иппіасъ меньшій», по объему, вдвое меньше большаго. Чтобы облегчить чтеніе и правильное пониманіе этого Платонова разговора, я считаю полезнымъ сперва показать содержаніе и главныя его части, а потомъ войти въ изслѣдованіе коренной его мысли и дѣйствительной цѣли.

Мѣсто собесѣдованія Сократа съ Иппіасомъ у Платона не обозначается; однакожъ видно, что разговоръ происхо-

дилъ въ одномъ изъ тѣхъ аѳинскихъ учрежденій, куда сходились люди всѣхъ сословій поговорить и послушать. Это могла быть палестра, гимназія, циркъ, портикъ, или что-нибудь подобное. Въ одномъ изъ такихъ-то мѣстъ Иппіасъ теперь показываетъ опыты своего многознанія и, между прочимъ, говоритъ о сочиненіяхъ Омира и прославленныхъ имъ герояхъ троянской войны. Слушатели, какъ видно, уже наслушались, и многіе изъ нихъ разошлись: остались только особенные любители прекрасныхъ рѣчей и философіи. Тогда нѣкто Евдикъ—третье собесѣдующее лице въ «Иппіасѣ меньшемъ»—вдругъ обращается къ Сократу съ вопросомъ: а ты-то что-же молчишь, Сократъ, — не хвалишь и не обличаешь софиста?—Этимъ начинается діалогъ. Сократъ, въ отвѣтъ, проситъ Евдика узнать отъ Иппіаса, угодно-ли ему будетъ объяснить, котораго изъ двухъ своихъ героевъ — Ахиллеса или Одиссея—Омиръ описываетъ, какъ лучшаго. Евдикъ удовлетворяетъ желанію Сократа; а Иппіасъ съ обыкновенною своею хвастливостію соглашается сдѣлать, чего требуютъ отъ него, и позволяетъ Сократу спрашивать себя. Это — вступленіе въ разговоръ (p. 363 A—364 B).

На вопросъ Сократа: который изъ двухъ Омировыхъ героевъ лучше?—Иппіасъ отвѣчаетъ, что самый бравый изъ нихъ—Ахиллесъ, самый мудрый—Несторъ, а самый изворотливый или хитрый—Одиссей. Но Сократъ, не касаясь Нестора, сравниваетъ только двухъ прочихъ и устанавливаетъ общее положеніе, что *правдивый и лживый— одинъ и тотъ-же*; потому-что и лжецу надобно приписать знаніе о томъ дѣлѣ, которое онъ совершаетъ, и только знающій и способный (ἀγαθὸς) въ состояніи хорошо говорить какъ правду, такъ и ложь: безъ ума и сплутовать невозможно. А потому Ахиллеса, сравнительно съ Одиссеемъ, если послѣдній былъ лжецъ, нельзя назвать лучшимъ (ἀμείνων). Къ этому заключенію Сократъ приходитъ длиннымъ путемъ наведенія, и частые примѣры указываетъ въ области тѣхъ самыхъ наукъ и искуствъ, которыхъ знаніемъ хвастался софистъ, ловко давая замѣтить,

что искуства и науки этого рода человѣку способному не препятствуютъ—какъ обогащаться справедливыми познаніями, такъ и отличаться ложью, и лжецъ отъ того, по своей способности, нисколько не хуже правдиваго, что онъ лжетъ. Такимъ-образомъ Улиссъ, какъ человѣкъ знающій и способный, не только лжецъ, но и правдивъ; и наоборотъ — Ахиллесъ, по тѣмъ-же самымъ свойствамъ, не только правдивъ, но и лжецъ. И это доказывается свидѣтельствами самаго Омира. Опутанный сѣтями Сократовой діалектики, Иппіасъ обращаетъ Сократу въ вину эту самую діалектику и укоряетъ его въ томъ, что онъ всегда беретъ частности и выводитъ изъ нихъ общее, а не разсматриваетъ предмета въ цѣломъ—конкретномъ его состояніи; желая-же поддержать прежнее свое положеніе, отличаетъ ложь умышленную отъ лжи неумышленной, и первую приписываетъ Одиссею, а послѣднюю—Ахиллесу. Эта новая, высказанная Иппіасомъ мысль служитъ заключеніемъ первой части діалога (р. 464 В—371 Е).

Но въ этой-же мысли содержится зерно и для дальнѣйшаго развитія бесѣды; ибо, выслушавъ ее, Сократъ тотчасъ предвидитъ возможность результата будущихъ изслѣдованій, что *если Улиссъ лжетъ умышленно, а Ахиллесъ—неумышленно, то первый долженъ быть лучше послѣдняго*, и къ этому результату направляетъ свою діалектику. Иппіасъ свое положеніе прежде всего ограждаетъ общественнымъ мнѣніемъ и гражданскимъ закономъ, опредѣляющимъ наказаніе гораздо снисходительнѣе лжецу неумышленному, чѣмъ умышленному,— и Сократъ, прямо не противорѣча этому, выставляетъ на видъ свое незнаніе въ-отношеніи къ разсматриваемому предмету,—свое колебаніе между противоположными понятіями. Въ настоящемъ случаѣ однакожъ онъ чувствуетъ себя подъ вліяніемъ какого-то припадка, который заставляетъ его думать, что согрѣшающіе добровольно лучше тѣхъ, которые согрѣшаютъ невольно; поэтому проситъ Иппіаса исцѣлить его отъ такого недуга краткими отвѣтами на вопросы, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ Евдику, чтобы къ его

просьбѣ онъ присоединилъ и собственныя убѣжденія. Такимъ образомъ Евдикъ, расположившій собесѣдниковъ къ рѣшенію перваго вопроса, теперь становится возбудителемъ ихъ къ разсмотрѣнію и втораго: это, какъ хорошо замѣтилъ Германъ, есть исихическій органъ Сократа, вызывающій Иппіаса къ разсмотрѣнію предлагаемаго предмета. Доказательство, что лжецъ по доброй волѣ лучше лжеца поневолѣ, идетъ опять путемъ наведенія. Худаго скорохода, бѣгущаго съ медленностію умышленно, говоритъ Сократъ, надобно предпочитать тому, кто медленъ неумышленно. Точно такъ же должно заключать и о всякой дѣятельности тѣла, — о борьбѣ, о пѣніи, о зрѣніи и проч. Подобнымъ образомъ и изъ орудій, и изъ животныхъ лучшими будутъ тѣ, которыми можно злоупотреблять добровольно, чѣмъ тѣ, которыми люди злоупотребляютъ поневолѣ. Да и врачи и музыканты лучше тогда, когда они худо лѣчатъ, или играютъ,—съ намѣреніемъ, чѣмъ тогда, когда дѣлаютъ это ненамѣренно. Тоже надобно думать и о справедливости. Справедливость состоитъ либо въ силѣ, либо въ знаніи, либо въ томъ и другомъ. Но во всякомъ случаѣ душа, умѣющая и могущая совершать какъ добро, такъ и зло, слѣдовательно согрѣшающая намѣренно, должна быть почитаема лучшею, чѣмъ та, которая дѣлаетъ зло безъ намѣренія. Иппіасъ, сперва подтвердившій всѣ частные члены наведенія, теперь логически не можетъ подвергать сомнѣнію этотъ общій выводъ, хотя остается все еще неубѣжденнымъ въ его справедливости (p. 371 E — 376 B).

Итакъ Сократъ въ заключеніе выражаетъ свою скорбь, что его недоумѣніе не рѣшено, и что онъ даже отъ мудреца Иппіаса не могъ ничему научиться касательно этого предмета (p. 376 C).

Изъ такого хода и заключенія діалога, кажется, ясно открывается цѣль, съ которою онъ написанъ, и коренная мысль, которую Платонъ старался въ немъ высказать. Цѣлію Платона было здѣсь обличить невѣжество и бездарность Иппіаса,

и показать, что онъ не въ-состояніи опровергнуть и самыхъ очевидныхъ парадоксовъ. Воспользовавшись ученіемъ Сократа, что добродѣтель состоитъ въ знаніи, и умышленно опустивъ важнѣйшее ея ограниченіе, что знаніе и дѣло въ добродѣтели нераздѣльны, Платонъ опредѣляетъ знаніе не какъ разумѣніе добра, но какъ добра и зла вмѣстѣ, и потомъ, нечувствительно перешедши къ дѣланію того и другаго, съ этой точки зрѣнія между правдивымъ и лжецомъ, равно-какъ между справедливымъ и несправедливымъ, устраняетъ всякое различіе. Софизмъ очевиденъ, и однакожъ Иппіасъ не можетъ распутать его. Слѣдовательно весь этотъ разговоръ есть не иное что, какъ *діалектическая насмѣшка надъ тупоуміемъ и хвастовствомъ софиста*. Точно такимъ-же образомъ Сократъ у Ксенофонта (Mem. IV, 2. 14 sqq) смѣется надъ заносчивостію юноши Евтидема, который слишкомъ рано началъ гордиться тѣмъ, что собралъ много свитковъ, написанныхъ пресловутыми мудрецами. Съ этимъ мѣстомъ Ксенофонтовыхъ «Записокъ» такъ сходенъ Платоновъ «Иппіасъ», что, излагая свой діалогъ, Платонъ едва-ли не подражалъ Сократу въ способѣ приводить въ стыдъ заносчивое юношество. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать текстъ Ксенофонта. Во-первыхъ, въ немъ замѣчаются почти тѣ-же части, какія различены нами въ Платоновомъ Иппіасѣ: именно, начиная отъ § 14, Сократъ доказываетъ Евтидему, что не видитъ различія между человѣкомъ правдивымъ и лжецомъ; а отъ § 19—убѣждаетъ юношу въ томъ, что человѣкъ, наносящій обиду сознательно и добровольно, лучше, даже справеливѣе того, кто обманываетъ невольно и безсознательно. Во-вторыхъ, и самое изложеніе Ксенофонтова отрывка весьма близко подходитъ къ изложенію Иппіаса. Разговоръ Сократа съ Евтидемомъ Ксенофонтъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Кто несправедливъ? спрашиваетъ Сократъ, — тотъ-ли, кто добровольно обманываетъ, или тотъ, кто не добровольно?»

«Я еще не могу, Сократъ, съ увѣренностію отвѣчать на это; потому-что все прежнее мнѣ иначе кажется теперь, чѣмъ

какъ я думалъ тогда. Впрочемъ, пожалуй, скажу, что обманывающій добровольно несправедливѣе того, кто обманываетъ невольно».

«А кажется-ли тебѣ, что изученіе и знаніе справедливаго походитъ на изученіе и знаніе грамоты?

«Да.

«Кого-же назовешь ты бо́льшимъ грамотѣемъ: того-ли, кто пишетъ и читаетъ невѣрно по доброй волѣ, или того, кто невольно?

«Кто по доброй волѣ.

«Потому-что, еслибы захотѣлъ, могъ-бы дѣлать это и вѣрно? Такъ неправда-ли, что кто пишетъ невѣрно по доброй волѣ, тотъ—грамотѣй, а кто невольно, тотъ—не грамотѣй?

«Какъ-же не такъ?

«Но справедливо-ли, что больше знаетъ тотъ, кто добровольно обманываетъ и лжетъ, чѣмъ тотъ, кто невольно?

«Явно, что больше тотъ, кто—добровольно.

«А не бо́льшимъ-ли грамотѣемъ назвалъ ты того, кто знаетъ грамоту, чѣмъ того, кто не знаетъ ея?

«Да.

«Слѣдовательно не больше-ли справедливымъ назовешь знающаго справедливое, чѣмъ того, кто не знаетъ?

«Явно, — хотя и тутъ опять я самъ не понимаю, что́ говорю».

Читая это мѣсто «Записокъ», нельзя не видѣть поразительнаго сходства его съ содержаніемъ «Иппіаса». Да и цѣль обоихъ разговоровъ—одна и та-же; ибо всею этою бесѣдою Ксенофонтъ старается показать, «какимъ-образомъ Сократъ вразумлялъ тѣхъ юношей, которые, думая, что получили отличное воспитаніе, слишкомъ гордились своею мудростію». Послѣ сего можно-ли сомнѣваться, что то-же самое имѣлъ въ виду и Платонъ?

Впрочемъ, кромѣ этой, собственно педагогической цѣли, аѳинскій мыслитель, безъ сомнѣнія, предполагалъ и философскую, на что слегка намѣкнулъ и Евдикъ, сказавъ въ началѣ

діалога: «мы остались одни, и можемъ больше выдавать себя за людей, занимающихся философіею». Въ самомъ дѣлѣ, не было, можетъ быть, времени въ аѳинской жизни, когда Аѳиняне съ такою жаждою стремились философствовать, какъ время Сократа. Тогда и риторы, и софисты, и демагоги, въ портикахъ, въ гимназіяхъ и на площадяхъ,—всѣ и вездѣ являлись философами, судили и рядили, и каждый думалъ, что онъ умѣлъ-бы лучше Перикла управиться съ аѳинскою республикою и гораздо достойнѣе сидѣлъ-бы на престолѣ персидскомъ, чѣмъ Ксерксъ. Тогда всѣ толковали о знаніи, какъ нынѣ толкуютъ о грамотности, образованіи и цивилизаціи, и полагали, что кто обладаетъ этимъ сокровищемъ, тотъ, какъ что ни дѣлай, все будетъ хорошо. Тогда въ знаніи, подобно Сократу, поставляли и добродѣтель, только почитали ее, не какъ Сократъ, знаніемъ иѳическимъ, а какъ Димокритъ, преимуществомъ гражданскимъ, и такимъ образомъ, оставивъ заботу о жизни нравственной, воздвигли идолъ добродѣтели юридической, которая столь-же прекрасно умѣла обижать, притѣснять, похищать и грабить, какъ и выполнять законы честности и правды. Противъ этого-то, односторонне-понимаемаго знанія Платонъ направлялъ разсматриваемый діалогъ и старался доказать, что истинное или иѳическое знаніе не можетъ быть орудіемъ обмана и злодѣйства. Но, излагая свое доказательство, онъ не столько имѣлъ въ виду дѣйствительную истину, сколько нелѣпость противоположнаго ей понятія, т. е. шелъ къ своей цѣли, какъ говорятъ въ школахъ, obliqua demonstrandi ratione, или косвенно, стороною, и пришелъ къ заключенію, что согрѣшающій добровольно лучше того, кто согрѣшаетъ не-хотя. Этого нелѣпаго заключенія, не смотря на то, что оно правильно выведено изъ предзанятаго понятія о знаніи, не могъ одобрить и самъ софистъ; слѣдовательно долженъ былъ отвергнуть и то знаніе, изъ котораго оно выведено. Теперь ему оставалось мыслить слѣдующимъ образомъ: добрый человѣкъ, знающій истинное и справедливое, хотя и можетъ лгать и совершать

несправедливости, но его знаніе такъ оживотворено чувствомъ нравственнымъ, что онъ не захочетъ погрѣшать противъ самаго себя, какъ будто бы то-есть не знаетъ того, что знаетъ. Вѣдь и лжецъ — не тотъ, кто можетъ обманывать и лгать, а тотъ, кто, по слабости природы, не слушаясь знанія, что не должно лгать, получилъ наклонность ко лжи. Отсюда-то вытекаетъ то высокое нравственное положеніе Сократа: «никто не грѣшитъ противъ воли»—положеніе, прямо противорѣчущее послѣднему, выведенному въ «Иппіасѣ» результату.

Что касается до формы и изложенія «Иппіаса меньшаго», то должно согласиться, что въ этомъ отношеніи онъ ниже многихъ подлинныхъ сочиненій Платона. Но это не даетъ намъ права почитать его сочиненіемъ подложнымъ, а только представляетъ основаніе къ заключенію, что Платонъ могъ написать его въ ранней молодости — даже тогда, когда не выходилъ еще изъ школы Сократа и не былъ мыслителемъ самостоятельнымъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЕВДИКЪ, СОКРАТЪ, ИППІАСЪ.

Евд. А ты-то что-же молчишь [1], Сократъ, тогда-какъ 363.
Иппіасъ столь во многомъ себя показываетъ, и не берешься
ни хвалить, вмѣстѣ съ другими, что-нибудь имъ сказанное, ни
обличать, если иное, кажется тебѣ, нехорошо сказано?—осо-
бенно когда мы остались уже одни [2], и можемъ больше вы-
давать себя за людей, занимающихся философіею.

Сокр. И дѣйствительно есть, Евдикъ, о чемъ можно бы
съ удовольствіемъ спросить Иппіаса касательно того, что
теперь говорилъ онъ объ Омирѣ. Вѣдь я слышалъ и отъ тво- B.
его отца Апиманта, что Иліада, поэма Омира, превосходнѣе
его Одиссеи,—настолько превосходнѣе, насколько Ахиллесъ
лучше Одиссея; ибо изъ этихъ двухъ поэмъ одна написана
на Одиссея, другая—на Ахиллеса. Такъ мнѣ пріятно было-бы,
еслибы позволилъ Иппіасъ спросить его о томъ, что ему ка-
жется относительно этихъ мужей: котораго почитаетъ онъ
лучшимъ?—тѣмъ пріятнѣе, что онъ высказывалъ намъ, какъ C.
иныя многоразличныя познанія, такъ и познанія о прочихъ
поэтахъ, и объ Омирѣ.

Евд. Что-жъ? вѣдь Иппіасъ, если ты спросишь его, ко-
нечно не поскупится на отвѣты. Не правда-ли, Иппіасъ, что

---

[1] Платонъ начинаетъ свой разговоръ такимъ вопросомъ, что прежде всего заставляетъ читателя нарисовать въ своемъ воображеніи сценическую картину Иппіасовой аудиторіи, въ которой элейскій мудрецъ изумляетъ слушателей разнородностію своихъ познаній. Между его слушателями находится и Сократъ; но онъ погрузился въ размышленіе и, противъ своего обыкновенія, не принимаетъ участія въ бесѣдѣ. Вотъ минута, въ которую Евдикъ обращается къ нему съ своимъ вопросомъ: Σὺ δὲ δὴ τί σιγᾷς, ὦ Σώκρατες. Поэтому частица δὴ, которой въ иныхъ спискахъ Платоновыхъ сочиненій нѣтъ, здѣсь почти необходима.

[2] *Остались одни*, въ подлинникѣ—αὐτοὶ λελείμμεθα,— выраженіе, замѣчательное по употребленію слова αὐτοὶ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно нерѣдко принимается въ нашемъ украинскомъ нарѣчіи: ми сами, то есть, одни.

ты, если Сократъ будетъ тебя спрашивать, станешь отвѣчать? Или какъ поступишь?

Ипп. Да, я сдѣлалъ-бы страшное [1] дѣло, Евдикъ, еслибы теперь бѣгалъ отъ вопросовъ Сократа, тогда какъ всякій разъ, возвращаясь изъ дома,—изъ Элеи въ Олимпію, въ собраніе всѣхъ Эллиновъ, когда тамъ бываютъ олимпійскія
D. игры [2], являюсь въ святилище и говорю: не угодно ли кому того,что приготовлено мною для показанія себя? Я буду отвѣчать желающему отвѣтовъ, о чемъ-бы кто ни спрашивалъ [3].

Сокр. Блаженное-же достоинство пріобрѣлъ ты, Иппіасъ,
364. если каждую олимпіаду вступаешь въ святилище съ такою довѣренностію къ твоей душѣ относительно ея мудрости! И я удивился-бы, еслибы кто изъ борцовъ тѣлесныхъ такъ безстрашно и самонадѣянно выходилъ подвизаться съ тѣломъ, какъ ты, говоришь,—съ душею.

Ипп. Дѣйствительно, я имѣю это достоинство, Сократъ; ибо съ того времени, какъ началъ подвизаться на олимпійскихъ играхъ, никогда и никого не встрѣчалъ лучше себя.

Сокр. Прекрасно въ самомъ дѣлѣ говоришь ты, Иппіасъ;
B. твоя слава есть жертва мудрости—и городу Элеѣ, и твоимъ родителямъ. Но что наконецъ скажешь ты намъ объ Ахиллесѣ и Одиссеѣ? который изъ нихъ, думаешь, и почему лучше? Вѣдь когда насъ здѣсь, внутри, было много, и ты показывалъ себя,—я оставлялъ тебя говорить и не хотѣлъ спрашивать. Такъ какъ внутри было много народу, то чтобы вопросами не помѣшать тебѣ въ показаніи себя: а теперь насъ немного, да вотъ и этотъ Евдикъ велитъ спрашивать;

---

[1] *Я сдѣлалъ бы страшное дѣло*, καὶ γὰρ ἂν δεινὰ ποιοίην. Слово δεινός, какъ здѣсь, такъ и ниже p. 365. C. Платонъ насмѣшливо употребляетъ въ томъ значеніи, въ какомъ любили употреблять его Продикъ и Иппіасъ. См. Protag. p. 341. A.

[2] Что софисты рѣдко не посѣщали олимпійскихъ игръ, свидѣтельствуетъ и *Филостратъ*. Vitt. Sophist. p. 493.

[3] Такъ объявляли о себѣ почти всѣ софисты. См. Gorg. p. 417 C. и легко удовлетворяли легкомысленному греческому юношеству хвастливыми своими рѣчами, хотя въ нихъ большею частію не было никакого дѣльнаго содержанія и основательныхъ знаній.

такъ скажи и научи насъ ясно: что говорилъ ты о тѣхъ C.
двухъ мужахъ? какъ различалъ ихъ?

Ипп. Готовъ раскрыть тебѣ, Сократъ, еще яснѣе, чѣмъ тогда, что говорю и объ этихъ, и о другихъ: утверждаю, что изъ мужей, отправившихся къ Троѣ, Омиръ изобразилъ самымъ бравымъ Ахиллеса, самымъ мудрымъ Нестора, самымъ изворотливымъ Одиссея.

Сокр. Увы, Иппіасъ! подаришь-ли ты меня чѣмъ-нибудь такимъ, чтобы не смѣяться надо мною, если я не пойму
тебя и буду часто спрашивать? Нѣтъ, постарайся отвѣчать D.
мнѣ спокойно и удобопонятно.

Ипп. Да вѣдь стыдно было бы, Сократъ, еслибы я, уча этому другихъ и получая за то деньги, самъ, по случаю твоихъ вопросовъ, не соглашался на то-же и не отвѣчалъ спокойно.

Сокр. Очень хорошо говоришь. Но вѣдь когда ты сказалъ, что Ахиллесъ изображенъ бравымъ, мнѣ показалось, что я понимаю твои слова; то же, когда Несторъ — мудрѣйшимъ: а какъ скоро ты произнесъ, что Одиссея поэтъ изобразилъ самымъ изворотливымъ,—этого, если сказать тебѣ
правду, я вовсе не понялъ. Скажи-ка мнѣ, не пойму-ли такъ: E.
Ахиллесъ изображенъ у Омира не изворотливымъ?

Ипп. Всего менѣе, Сократъ, самымъ прямымъ: такимъ представляетъ его Омиръ и въ молитвахъ[1] (ἐν Λιταῖς), когда вводитъ ихъ бесѣдующими другъ съ другомъ, и когда Ахил-
лесъ говоритъ Одиссею: 365.

Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
Долженъ я душу свою тебѣ объявить откровенно,
Какъ я и мыслю-таки, да и какъ совершить преднамѣренъ.
Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто въ душѣ скрываетъ одно, а вѣщаетъ другое: B.
Я-же вамъ прямо скажу, что будетъ исполнено нынѣ.

Въ этихъ стихахъ открывается нравъ того и другаго мужа;

---

[1] Софистъ указываетъ здѣсь на IX главу Иліады (V. 308), которую древніе называли книгою Λιτῶν Plat. Cratyl. p. 428 C.

такъ-что Ахиллесъ является человѣкомъ, любящимъ истину и прямымъ, а Одиссей—изворотливымъ и лживымъ: вѣдь произносить эти стихи заставляетъ онъ Ахиллеса объ Одиссеѣ.

Сокр. Теперь, Иппіасъ, я, должно быть, уже понимаю, что ты говоришь: ты изворотливымъ, какъ видно, называешь лжеца.

C. *Ипп.* Особенно, Сократъ; вѣдь Одиссея такимъ изобразилъ Омиръ во многихъ мѣстахъ и Иліады и Одиссеи.

Сокр. Такъ видно Омиру казалось, что любитъ истину одинъ, а лжецъ—другой, не тотъ же самый.

Ипп. Какъ же иначе было бы, Сократъ?

Сокр. И тебѣ самому кажется это, Иппіасъ?

Ипп. Всего болѣе; да и странно было-бы, еслибы не казалось.

Сокр. Такъ оставимъ Омира,—тѣмъ болѣе, что невозмож-
D. но спросить его, какую имѣлъ онъ мысль, когда писалъ эти стихи. Но такъ-какъ ты усвоилъ себѣ это мнѣніе и тебѣ нравится то, что, по твоимъ словамъ, говоритъ Омиръ; то отвѣчай вообще и за Омира и за себя.

Ипп. Такъ и будетъ. Но спрашивай, о чемъ тебѣ хочется, коротко [1].

Сокр. Лжецы, говоришь ты, дѣлаютъ нѣчто—потому ли, что не могутъ, какъ бы больные, дѣлать иначе, или могли бы?

Ипп. Могутъ отлично—и многое другое, и обманывать людей, говорю я.

E. *Сокр.* Значитъ, могутъ, какъ видно, по твоимъ словамъ, и изворотливые. Не правда-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Изворотливые же обманываютъ по глупости-ли и безумію, или по плутовству и нѣкоторой смышлености?

Ипп. Всего болѣе по плутовству и смышлености.

---

[1] Софисту угодно, чтобы Сократъ спрашивалъ коротко. Причиною этого могло быть желаніе Иппіаса скорѣе возвратиться къ софистическому своему разглагольствію. Посему Шлейермахеръ напрасно видитъ здѣсь неумѣстное подражаніе Платонову Протагору.

Сокр. Стало-быть, они, какъ видно, умны.

Ипп. Да, клянусь Зевсомъ, и очень.

Сокр. Будучи-же умными, не знаютъ, что дѣлаютъ, или знаютъ?

Ипп. И очень хорошо знаютъ; для того и замышляютъ злое.

Сокр. Зная-же то, что знаютъ, невѣжды-ли они, или мудрецы?

Ипп. Конечно, мудрецы—на то-то самое, обманывать. 366.

Сокр. Пусть же такъ: припомнимъ, что ты говорилъ. Лжецы, сказалъ ты, и сильны, и умны, и знающи, и мудры на ложь?

Ипп. Конечно сказалъ.

Сокр. А говорящіе правду и лжецы различаются между собою и противоположны другъ другу?

Ипп. Говорю.

Сокр. Пусть такъ: значитъ, нѣкоторые изъ сильныхъ и мудрыхъ, по твоимъ словамъ,—лжецы.

Ипп. Даже особенно.

Сокр. Когда-же сильны и мудры лжецы, говоришь, въ этомъ самомъ,—могутъ-ли они, думаешь, лгать, если захотятъ, или не могутъ въ томъ, въ чемъ лгутъ? B

Ипп. Могутъ, говорю я.

Сокр. Стало быть, чтобы сказать коротко, лжецы мудры и сильны на ложь.

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ, не имѣющій силы лгать, и невѣжда не можетъ быть лжецомъ?

Ипп. Такъ и есть.

Сокр. А силенъ-то, стало быть, каждый, кто чего-бы ни захотѣлъ, можетъ дѣлать это, когда захочетъ,—можетъ, C.
говорю, не по побужденію болѣзни или чего подобнаго, а такъ, какъ напримѣръ, ты можешь, когда захочешь, написать мое имя: такъ я понимаю. Не такого ли называешь ты сильнымъ?

Ипп. Да.

Сокр. Скажи-же мнѣ, Иппіасъ: не опытенъ ли ты дѣйствительно въ счисленіи и въ искуствѣ исчислять?

Ипп. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. И еслибы кто спросилъ тебя: велико-ли выдетъ число изъ трижды семьсотъ? —ты, когда-бы захотѣлъ, всего скорѣе и болѣе сказалъ-бы правду на этотъ вопросъ?

D. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Не потому-ли, что весьма силенъ и мудръ въ этомъ отношеніи?

Ипп. Да.

Сокр. Но только ли весьма силенъ, или и превосходнѣйшій въ томъ, въ чемъ весьма силенъ и мудръ, то есть, въ искуствѣ счисленія?

Ипп. Конечно, и превосходнѣйшій, Сократъ.

Сокр. Такъ ты весьма сильно можешь говорить объ этомъ истину. Не правда-ли?

Ипп. Думаю.

E. *Сокр.* Что-же, касательно этого самаго, будетъ ложь? Отвѣчай мнѣ, Иппіасъ, благородно и великодушно, какъ и прежде. Еслибы кто спросилъ тебя: сколько выдетъ — трижды семьсотъ? то ты-ли лучше-бы солгалъ и, касательно этого, всегда повторялъ-бы ту же самую ложь, желая лгать и никогда не отвѣчать правды, или невѣжда въ счисленіи могъ бы лучше солгать по невѣдѣнію, чѣмъ ты по
367. желанію? Впрочемъ, можетъ быть невѣжда, желая сказать ложь, часто нехотя, по случаю, сказалъ бы правду, потому что не знаетъ; а ты, мудрецъ, если уже хочешь лгать, лжешь всегда одинаково?

Ипп. Да, бываетъ такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но лгунъ, можетъ быть, лжетъ во всемъ другомъ, а никакъ не въ числѣ? въ числахъ онъ лгать не можетъ?

Ипп. О, клянусь Зевсомъ, и въ числѣ.

Сокр. Стало быть, положимъ и то, Иппіасъ, что лжи-
B. вый человѣкъ бываетъ также въ числѣ, и въ счисленіи?

Ипп. Да.

Сокр. Кто-же онъ могъ бы быть? Чтобы сдѣлаться ему лжецомъ, не долженъ-ли онъ имѣть силу солгать въ томъ, въ чемъ ты сейчасъ согласился? Вѣдь не имѣющій силы лгать, сказалъ ты, если помню, никогда не будетъ лжецомъ.

Ипп. Да, помню, было сказано.

Сокр. Не объявилъ ли ты себя сейчасъ самымъ силь- C.
нымъ лгать въ счисленіи?

Ипп. Да, и это тоже было сказано.

Сокр. А не самый-ли сильный ты и правду говорить въ счисленіи?

Ипп. Конечно.

Сокр. Стало быть, кто въ счисленіи можетъ говорить и ложь и правду, тотъ въ этомъ отношеніи—добрый счетчикъ [1].

Ипп. Да.

Сокр. Такъ кто же другой въ счисленіи бываетъ лжецомъ, Иппіасъ, кромѣ добраго? Вѣдь этотъ и силенъ, этотъ и правдивъ.

Ипп. Видимо.

Сокр. Такъ видишь, что въ отношеніи къ этому тотъже самый и лжетъ, и говоритъ правду,—и говорящій правду ничѣмъ не лучше лжеца; ибо это тотъ-же самый,—и противоположностей, какъ ты недавно думалъ, тутъ нѣтъ. D.

---

[1] *Добрый счетчикъ* — ὁ ἀγαθὸς (περὶ τούτων, т. е. ψευδῆ καὶ ἀληθῆ λέγων), ὁ λογιστικός. Явно, что слово ἀγαθὸς Сократъ употребляетъ здѣсь не въ смыслѣ нравственной добродѣтели, а въ значеніи естественной гибкости и способности ума. Отсюда и Свида замѣчаетъ: ἀγαθοὶ λέγονται καὶ οἱ ἐπιστήμονες и Цицеронъ ἀγαθοὺς называетъ bonos rationatores. Off. I. 18. Въ этомъ смыслѣ добрый можетъ, конечно, совершать и добро и зло, и отлично лгать и говорить правду. Но согласно ли было съ началами Платоновой иѳики понимать такимъ-образомъ слово ἀγαθός? Астъ это употребленіе его почитаетъ вовсе не платоническимъ, и потому подвергаетъ сомнѣнію самую подлинность излагаемаго сочиненія. Но онъ не обратилъ вниманія на цѣль бесѣды. Ему надлежало сравнить умственныя качества двухъ Омировыхъ героевъ и рѣшить, который изъ нихъ *лучше*—ἀμείνων ἐστι, слѣдовательно въ основаніи надлежало положить, что оба они хороши — ἀγαθοί. Впрочемъ, и у насъ, когда о вещахъ и лицахъ судятъ на основаніяхъ умственныхъ —rationaliter, едва-ли не также понимаютъ слово *добрый*.

Инп. Здѣсь-то, по видимому, нѣтъ.

Сокр. Хочешь ли, посмотримъ на это и иначе?

Ипп. И иначе, если только тебѣ угодно.

Сокр. Не опытенъ ли ты и въ геометріи?

E. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Что-же? не такъ ли бываетъ и въ геометріи? Не можетъ ли и въ чертежахъ тотъ-же самый геометръ — и лгать и говорить правду?

Ипп. Да.

Сокр. И въ этомъ отношеніи добръ иной ли кто, или этотъ?

Ипп. Не иной.

Сокр. Такъ добрый и мудрый геометръ не есть ли самый сильный въ томъ и другомъ? И если кто можетъ быть лжецомъ въ чертежахъ, то не этотъ ли — добрый? Вѣдь этотъ силенъ, а худой лгать не можетъ; такъ что не сильный во лжи, какъ было допущено, не будетъ и лжецомъ.

Ипп. Такъ.

Сокр. Разсмотримъ еще и третій примѣръ—астронома. Въ этомъ искуствѣ опять ты признаешь себя еще болѣе
368. свѣдущимъ, чѣмъ въ прежнихъ. Не правда ли, Иппіасъ?

Ипп. Да.

Сокр. Не бываетъ ли и въ астрономіи того же самаго?

Ипп. Вѣроятно, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно и въ астрономіи,—если кто иной лжецъ, то лжецомъ будетъ астрономъ добрый, имѣющій силу лгать. Вѣдь ужъ, конечно, не тотъ, кто не можетъ, потому что онъ—невѣжда.

Ипп. По видимому, такъ.

Сокр. Стало-быть, и въ астрономіи тотъ-же будетъ—и говорить правду и лгать.

Ипп. Выходитъ.

Сокр. Разсматривай-же, Иппіасъ, прямо такъ и всѣ
B. науки: иначе-ли въ нихъ бываетъ это, или такимъ-обра-

зомъ? Несомнѣнно, что въ весьма многихъ искуствахъ ты—самый мудрый изъ всѣхъ людей, какъ слышалъ я когда-то твою похвальбу, въ которой на площади у столовъ [1] раскрывалъ ты многоразличную и завидную свою мудрость. Ты говорилъ, что въ бытность твою когда-то въ Олимпіи, все, что находилось на твоемъ тѣлѣ, сдѣлано было твоими руками: во-первыхъ, имѣвшійся у тебя перстень—съ этого началъ—былъ твоей работы, что, то-есть, ты умѣешь вырѣзывать на перстняхъ; твоей-же работы C.
была и другая печать, и щетка, и масленица,—все это самъ ты сдѣлалъ; самимъ-же тобою шиты, говорилъ,—и бывшая на тебѣ обувь, и плащь, и кафтанъ [2]; но что показалось особенно страннымъ для всѣхъ и служило доказательствомъ величайшей мудрости, — это хитро сдѣланный тобою-же, какъ утверждалъ ты, поясъ [3] на твоемъ кафтанѣ,—такой поясъ, каковы бываютъ персидскіе на людяхъ роскошествующихъ. Кромѣ сего, ты пришелъ, имѣя при себѣ стихотворныя произведенія—и поэмы, и трагедіи, и диѳирамбы, и вообще множество различныхъ, написанныхъ тобою рѣ-

---

[1] Разумѣются столы мѣновщиковъ, о которыхъ упоминается также въ Apol. Socr. p. 17 C. Эти столы, вѣроятно, помѣщались въ окружавшихъ народную площадь портикахъ, въ которыхъ сходились и любили бесѣдовать люди богатые и благородные.

[2] Древніе Греки употребляли двѣ верхнія одежды: *χιτῶνα* — тунику, походившую покроемъ на кафтанъ русскаго мѣщанина, и *ἱμάτιων* или *περίβλημα* — pallium, плащь, покрывавшій тѣло по кафтану и покроемъ не походившій ни на какую русскую одежду, потому-что спускался съ плечь широкими складками и казался болѣе покрываломъ, чѣмъ шитымъ плащемъ. Aelian. Var. Hist. 1, 16. Впрочемъ, въ объясняемомъ теперь мѣстѣ кафтанъ названъ именемъ уменьшительнымъ *χιτωνίσκος*; а такая одежда должна была отличаться отъ обыкновенной туники тѣмъ, что не доходила и до колѣнъ. См. Demosthen. adv. Mid. p. 583. Ed. R. *καὶ σμικροῦ γυμνὸν ἐν τῷ χιτωνίσκῳ γενέσθαι.*

[3] Древніе Греки обыкновенно подпоясывались по кафтану, и щеголи между ними съ особенною заботливостію выбирали себѣ поясъ, вѣроятно потому, что обозначая и стягивая талію, онъ болѣе другихъ нарядовъ возвышалъ стройность и красоту стана. Къ поясу привѣшивались бутылочки съ масломъ (*λήκυθοι*). Безъ этихъ бутылочекъ Греки такъ-же рѣдко выходили изъ дому, такъ рѣдко наши современники выходятъ безъ папиросницъ. *Casaub.* ad. Theophr. p. 75. *Hemsterh.* ad. Polluc. p. 1226. *Vales.* ad Harpocrat, p. 255. Масло нужно было имъ и въ баняхъ, и въ палестрахъ, куда

D. чей; ты прибылъ, какъ знатокъ—болѣе, чѣмъ кто другой—
сейчасъ перечисленныхъ мною искуствъ, и риѳмовъ, и
гармоній, и грамматики, и сверхъ-того, весьма многихъ
иныхъ вещей, сколько могу припомнить. А вотъ я и за-
былъ было, какъ видно, о памятовательномъ-то твоемъ ис-
кустнѣ [1], которымъ ты всегда былъ знаменитъ; да полагаю,
забылъ и о многомъ иномъ. Но смотря и на твои искуства,—
E. а ихъ много,—и на искуства другихъ, скажи мнѣ, говорю
я, нашелъ ли бы ты гдѣ-нибудь, чтобы одинъ, какъ мы
согласились, говорилъ правду, а другой лгалъ, и чтобы
они были отдѣльны, а не тотъ-же самый? Разсматривай
это въ которой хочешь мудрости, или въ ремеслѣ, и подъ
369. какимъ угодно названіемъ. Но не найдешь, другъ мой, по-
тому что этого нѣтъ. Однакожъ говори самъ.

Ипп. Вдругъ, теперь-же не могу, Сократъ.

Сокр. Да не въ состояніи будешь, какъ думаю, и
послѣ. Если же я говорю правду; то вспомни, Иппіасъ,
чтó вытекаетъ изъ нашего разсужденія.

Ипп. Я не очень понимаю, Сократъ, что говоришь ты.

Сокр. Вѣдь теперь, можетъ быть, нѣтъ надобности въ па-
мятовательномъ искуствѣ; потому что ты, явно, не хочешь
воспользоваться имъ. Но я самъ напомню тебѣ: знаешь ли,
B. что Ахиллеса назвалъ ты правдивымъ, а Одиссея — лже-
цомъ и человѣкомъ изворотливымъ?

Ипп. Да.

заходить во всякое время было въ такомъ же обычаѣ, какъ нынѣ—въ cafés restaurants. А такъ-какъ тѣло отъ частаго натиранія его масломъ должно было задерживать испарину и вмѣстѣ съ тѣмъ слоиться, то съ масляницами къ поясу привѣшивались и щетки — *σπλεγγίδες* или *στελγίδες*, которыми въ баняхъ и въ палестрахъ счищали съ тѣла слой масла, смѣшаннаго съ пòтомъ. Этотъ обычай у Грековъ переняли и Римляне. Такъ у Персія (Satyr. V, v. 126) читаемъ: Puer, et strigiles Crispini ad balnea defer. Подробнѣе см. Eschenbach. de unctionibus veterum. p. 483. sqq.

[1] Нынѣ каждая изъ наукъ *формальной Психологіи*, какъ-то: Логика, Иѳика, Эстетика, получила отдѣльное свое развитіе: остаются еще не развитыми, какъ должно, законы и формы памятованія, или Мнемоника, хотя основаніе этой науки, по историческимъ памятникамъ, положено еще Иппіасомъ.

Сокр. А теперь замѣчаешь ли, что тотъ-же самый явился и лжецомъ и правдивымъ? такъ что, если Одиссей былъ лжецъ, то онъ становится и правдивымъ, и если Ахиллесъ правдивъ, то онъ и лжецъ; и оба эти мужа не различаются между собою и не противуположны одинъ другому, а подобны.

Ипп. Охъ, Сократъ! всегда ты плетешь такія какія-то рѣчи: берешь труднѣйшую сторону разсужденія и, держа C. ее, понемногу пощипываешь, а не подвизаешься противъ цѣлаго предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Между-тѣмъ, я и теперь, если хочешь, приведу тебѣ много удовлетворительныхъ доказательствъ, что Омиръ изобразилъ Ахиллеса лучшимъ, нежели Одиссей, и правдивымъ, а Одиссея—лукавымъ, во многихъ случаяхъ лживымъ и худшимъ, чѣмъ Ахиллесъ. Ты-же, если хочешь, противупоставь слово слову, что другой лучше того,—и тогда эти [1] узнаютъ, кто изъ насъ говоритъ справедливѣе.

Сокр. Ахъ, Иппіасъ! вѣдь я не сомнѣваюсь, что ты D. мудрѣе меня. Но у меня — всегдашняя привычка, когда кто говоритъ что-нибудь, быть внимательнымъ, особенно если говорящій кажется мнѣ мудрымъ. Тогда, сильно желая узнать, что онъ говоритъ, я спрашиваю, пересматриваю и свожу сказанное, чтобъ узнать. Если-же говорящій представляется мнѣ недалекимъ, я и не спрашиваю, и не забочусь о томъ, что онъ говоритъ. Изъ этого ты узнаешь, кого почитаю я мудрымъ: ты увидишь, что съ му- E. дрымъ я и веселъ, когда онъ говоритъ, и спрашиваю, чтобы, узнавъ что-нибудь, получить пользу. Вотъ и теперь, когда ты говорилъ, я подумалъ, что въ стихахъ, которые ты прочиталъ—съ намѣреніемъ выставить Ахиллеса говорящимъ объ Одиссеѣ, какъ о хвастунѣ, мнѣ, если ты говоришь правду, кажется страннымъ то, что Одиссей — человѣкъ изво-

[1] Эти, то есть, слушатели Иппіаса. Платонъ такимъ указаніемъ искусно намѣкаетъ, что софистъ думалъ болѣе объ одобреніи слушателей, чѣмъ о справедливости рѣчи.

370. ротливый, нигдѣ не является лжецомъ, а Ахиллесъ, по твоимъ словамъ, является изворотливымъ, потому что лжетъ. Сказавъ напередъ тѣ стихи, которые недавно произнесъ и ты:

Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
Кто въ душѣ скрываетъ одно, а вѣщаетъ другое,

немного послѣ онъ говоритъ [1], что убѣжденіями Одиссея и
B. Агамемнона не отвлечется отъ своей рѣшимости и вовсе не останется подъ Троею, но

Завтра, Зевесу воздавъ и другимъ небожителямъ жертвы,
Я нагружу корабли и не медля спущу ихъ на волны.
Узришь ты, если захочешь, и если тебя то заботитъ,
Съ ранней зарею плывущими вдаль по рыбному понту
C. Всѣ мои корабли подъ дружиною рьяно-гребущей.
Если счастливое плаванье дастъ Посидонъ знаменитый,
Въ третій-же день доплыву я конечно до Фѳіи холмистой.

А еще прежде этого, ссорясь съ Агамемнономъ, сказалъ [2]:

Нынѣ-же въ Фѳію иду; для меня несравненно пріятнѣй
Править домой на судахъ крутокормныхъ; тобой посрамленный,
Я не намѣренъ тебѣ собирать здѣсь добычь и сокровищъ.

D. Говоря это иногда ко всему войску, иногда къ своимъ друзьямъ, онъ нигдѣ однакожъ не показываетъ ни сборовъ, ни рѣшимости спустить корабли, какъ-бы съ намѣреніемъ плыть домой, но по особенному благородству считаетъ не важнымъ дѣломъ говорить правду. Такъ вотъ, Иппіасъ, я и спросилъ тебя сначала, недоумѣвая, котораго изъ этихъ двухъ мужей поэтъ изобразилъ лучшимъ, и думая, что оба
E. они превосходны, и что трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше и на ложь, и на правду, и на иную добродѣтель; ибо оба они въ этомъ отношеніи близки одинъ къ другому.

Ипп. И однакожъ ты не хорошо изслѣдываешь, Сократъ. Вѣдь что Ахиллесъ лжетъ,—это лжетъ онъ, явно, не по умыслу, а поневолѣ, принужденный грозить и кричать по причинѣ бѣдственнаго состоянія лагеря: напротивъ, Одиссей лжетъ произвольно и съ умысломъ.

---

[1] Сократъ, для подтвержденія своего мнѣнія, приводитъ слова изъ Иліады Омира IX, 357 sqq.

[2] Указывается на 1, 169 Иліады.

Сокр. Обманываешь ты меня, любезный Иппіасъ, и самъ подражаешь Одиссею.

Ипп. Отнюдь нѣтъ, Сократъ. Чѣмъ-же, скажешь ты, и 371.
въ-отношеніи къ чему?

Сокр. Тѣмъ, что Ахиллесъ, говоришь, лгалъ не по умыслу, тогда-какъ былъ такой чародѣй и, кромѣ хвастоства, — хитрецъ, сколько выразилъ это Омиръ, что онъ, по видимому, много превосходилъ замыслами и Одиссея; ибо, желая легче скрыть свое хвастовство, отважился въ его присутствіи говорить противное самому себѣ,—и тотъ не проникъ въ это, то-есть, ничего не сказалъ ему, изъ чего
было-бы видно, что онъ замѣтилъ ложь. B.

Ипп. Что-же это такое разумѣешь ты, Сократъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что, говоря съ Одиссеемъ когда-то позднѣе, онъ сказалъ, что отправится вмѣстѣ съ зарею, а Аяксу сообщилъ, что не отправится, но высказалъ иное?

Ипп. Гдѣ-же это?

Сокр. Въ слѣдующихъ стихахъ [1]:

Я не прежде помыслю о битвѣ кровавой,
Какъ когда Пріамидъ бранноносный, божественный Гекторъ, C.
Къ сѣнямъ уже и широкимъ судамъ придетъ мирмидонскимъ,
Рати Аргивянъ разбивъ, и когда зажжетъ корабли ихъ.
Здѣсь-же у сѣни моей, предъ моимъ кораблемъ чернобокимъ,
Гекторъ, какъ ни неистовъ, отъ брани уймется, надѣюсь.

Думаешь-ли, Иппіасъ, что сынъ Ѳетиды и воспитанникъ мудрѣйшаго Хирона такъ забывчивъ, что немного прежде бранивъ лукавцевъ самою сильнѣйшею бранью, вдругъ самъ
говоритъ Одиссею, что уплыветъ, а Аяксу — что оста- D.
нется, и не по умыслу-ли и предположенію, что Одиссей простъ [2], и что этою самою хитростію и ложью онъ превзойдетъ его?

---

[1] Сократъ приводитъ стихи Омира Iliad. IX. 650, въ которыхъ Ахиллесъ говоритъ Аяксу вовсе не то, что прежде говорилъ Одиссею v. 360.

[2] *Одисей простъ*—ἀρχαῖον εἶναι Ὀδυσσέα. Слово ἀρχαῖος здѣсь имѣетъ значеніе поговорки, которая прилагалась къ человѣку простодушному и болтливому. Ἀρχαιότερος εἶ τοῦ δέοντος. Euthyd. p. 295 C. По Схоліасту, въ этихъ случаяхъ оно отожествляется съ словами εὐήθης, ἁπλοῦς.

Ипп. Мнѣ не кажется, Сократъ: и здѣсь онъ сказалъ
E. это самое Аяксу,—т. е. не то, что Одиссею,—увлекшись простодушіемъ: напротивъ, Одиссей, когда говоритъ и правду, всегда говоритъ съ умысломъ, и когда лжетъ, все такимъ-же образомъ.

Сокр. Стало быть, Одиссей, какъ видно, лучше Ахиллеса.

Ипп. Это-то меньше всего, Сократъ.

Сокр. Что-же? А давно-ли являлись добровольные лжецы лучшими, чѣмъ невольные?

Ипп. Но какимъ-образомъ, Сократъ, произвольные обидчики и произвольные замышлятели и злодѣи могли бы быть
372. лучше, чѣмъ невольные, которымъ, кажется, весьма простительно, если кто изъ нихъ обидитъ, или сдѣлаетъ какое-нибудь иное зло — по незнанію? Да и законы-то гораздо строже къ злодѣямъ и лжецамъ произвольнымъ, чѣмъ къ невольнымъ.

B. *Сокр.* Видишь, Иппіасъ, я говорю правду, что бываю веселъ, спрашивая мудрецовъ, и должно быть, въ этомъ одномъ поставляю благо, а прочее почитаю очень маловажнымъ. Я не добьюсь, какъ бываютъ вещи, и не знаю, что гдѣ есть: достаточнымъ же доказательствомъ этого служитъ мнѣ то, что когда сношусь съ кѣмъ нибудь изъ васъ—счастливцевъ по мудрости, которыхъ мудрость засвидѣтельствована всѣми Эллинами,—открывается, что я ничего не знаю; потому что ничто мое, просто сказать, не кажется мнѣ, какъ тожественное съ вашимъ. А какое можетъ быть большее доказатель-
C. ство невѣжества, если не то, когда кто не согласенъ съ мужами мудрыми? Одно только есть у меня дивное, спасающее благо, что я не стыжусь учиться, но разузнаю и спрашиваю, и бываю весьма благодаренъ отвѣчающему,—никого и никогда не лишаю моей благодарности. Вѣдь я никогда не запирался, научившись чему нибудь, какъ будто-бы извѣстное знаніе хотѣлъ выдавать за мое собственное изобрѣтеніе: напротивъ, восхваляю того, кто научилъ меня, какъ
D. мудрецъ, и объявляю, что я узналъ отъ него. Да вотъ и

теперь—я не соглашаюсь съ тобою въ томъ, что ты говоришь, и очень много отличаюсь отъ тебя (въ своемъ мнѣніи): однакожъ хорошо знаю, что это происходитъ отъ меня, что то-есть я таковъ есмь, каковъ есмь, чтобы не сказать о себѣ ничего болѣе. Вѣдь мнѣ, Иппіасъ, представляется совершенно противуположное тому, что ты говоришь: (мнѣ представляется), что вредящіе людямъ, обижающіе, лгущіе, обманывающіе и согрѣшающіе добровольно, а не по-необходимости, лучше недобровольныхъ. Иногда, впрочемъ, кажется мнѣ и противное тому, и я блуждаю въ этомъ отношеніи — очевидно отъ незнанія дѣла. Но теперь, въ на- E.
стоящую минуту, случился со мною какъ будто припадокъ, и произвольно согрѣшающіе кажутся мнѣ лучше непроизвольныхъ. Дѣйствительною причиною теперешней моей болѣзни, что то-есть теперь, въ настоящую минуту, непроизвольно дѣлающіе все это, представляются мнѣ хуже дѣлателей произвольныхъ, я почитаю прежнія разсужденія. Итакъ, будь милостивъ и не откажись вылѣчить мою душу; вѣдь ты сдѣлаешь мнѣ гораздо больше добра, увpачевавъ невѣжество моей души, чѣмъ—болѣзнь тѣла. Но если хочешь ска- 373.
зать длинную рѣчь, то напередъ говорю тебѣ, что не исцѣлишь меня, потому что я не въ-состояніи за тобою слѣдовать: а когда тебѣ угодно будетъ отвѣчать мнѣ, какъ недавно, — очень увpачуешь и, думаю, не получишь и самъ никакого вреда. Считаю справедливымъ обратиться и къ тебѣ, сынъ Апиманта; потому что ты побудилъ меня бесѣдовать съ Иппіасомъ. Поэтому, если теперь Иппіасъ не захочетъ отвѣчать мнѣ,—проси его за меня.

Евд. Но Иппіасъ, думаю, не имѣетъ нужды въ нашей просьбѣ, Сократъ; потому-что не таково было предваритель- B.
ное его слово, а таково, что онъ не будетъ бѣгать отъ вопросовъ какого-бы то ни было человѣка. Не правда ли, Иппіасъ? не это ли ты говорилъ?

Ипп. Конечно, говорилъ. Но Сократъ въ разговорахъ

всегда производитъ замѣшательство, Евдикъ, и какъ будто походитъ на лукавца.

Сокр. О почтеннѣйшій Иппіасъ! вѣдь не добровольно же я дѣлаю что-нибудь такое; иначе, по твоимъ словамъ, былъ-бы мудръ и силенъ, а невольно; такъ имѣй ко мнѣ снисхожденіе. Самъ-же ты сказалъ, что дѣлающему зло поневолѣ надобно прощать.

C. *Евд*. И отнюдь не иначе поступи, Иппіасъ, но и ради насъ, и ради прежде сказанныхъ тобою словъ, отвѣчай, о чемъ будетъ спрашивать тебя Сократъ.

Ипп. Если ты-то просишь, буду отвѣчать. Такъ спрашивай, что хочешь.

Сокр. Да вотъ очень желательно мнѣ разсмотрѣть, Иппіасъ, то самое, о чемъ теперь же говорили: которые лучше,—добровольно или невольно согрѣшающіе. Прямѣйшимъ путемъ къ изслѣдованію я думаю идти такъ. Но отвѣчай, называешь ли ты кого хорошимъ скороходомъ?

D. *Ипп*. Называю.

Сокр. И худымъ?

Ипп. Да.

Сокр. Не тотъ-ли хорошъ, кто хорошо бѣгаетъ, и не тотъ ли худъ, кто худо?

Ипп. Да.

Сокр. Бѣгающій медленно не худо-ли бѣгаетъ, а бѣгающій скоро—не хорошо-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть на бѣгу и въ скороходѣ скорость есть добро, а медленность зло?

Ипп. Почему-же не быть?

Сокр. Итакъ, который скороходъ лучше: по доброй ли волѣ бѣгающій медленно, или по неволѣ?

Ипп. По доброй волѣ.

Сокр. Но бѣжать не значитъ-ли нѣчто дѣлать?

Ипп. Конечно, дѣлать.

Сокр. Если же дѣлать, то и нѣчто совершать?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть худо, бѣгущій совершаетъ на бѣгу это— E.
худое и постыдное.

Ипп. Худое; какъ-же иначе?

Сокр. А худо бѣжитъ бѣгущій медленно?

Ипп. Да.

Сокр. Но хорошій скороходъ не добровольно-ли совершаетъ это злое и постыдное, а худой—не невольно ли?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ походитъ.

Сокр. Стало быть, на бѣгу совершающій зло невольно, будетъ хуже того, который совершаетъ это добровольно?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ на бѣгу.

Сокр. Что-же въ бою? который боецъ лучше: доброволь- 374.
но-ли падающій, или невольно?

Ипп. Походитъ, что—добровольно.

Сокр. Но хуже и постыднѣе въ бою—падать или низвергать?

Ипп. Падать.

Сокр. Стало быть, и въ бою добровольно совершающій злое и постыдное есть лучшій боецъ, чѣмъ совершающій это невольно.

Ипп. Походитъ.

Сокр. Что-же во всякомъ иномъ тѣлесномъ упражненіи? Лучшій по тѣлу не можетъ-ли совершать то и другое—и
сильное и слабое, и постыдное и прекрасное? такъ что, ког- B.
да совершаетъ онъ дурное,—лучшій по тѣлу совершаетъ это добровольно, а худшій—невольно?

Ипп. По (тѣлесной) силѣ, выходитъ такъ.

Сокр. А какъ по благообразію, Иппіасъ? Не лучшему ли тѣлу естественно по доброй волѣ принимать постыдныя и дурныя положенія, и не худшему-ли—по неволѣ? Или какъ тебѣ кажется?

Ипп. Такъ.

Сокр. Стало быть, и неблагообразіе—добровольное свой-
ственно добродѣтели, а невольное—недостаточности тѣла. C.

Ипп. Явно.

Сокр. Что-же еще скажешь о голосѣ? Тотъ-ли назовешь лучшимъ, который разногласитъ добровольно, или тотъ, который—невольно?

Ипп. Который—добровольно.

Сокр. А который—невольно, тотъ негоденъ?

Ипп. Да.

Сокр. Добро-ли лучше согласился-бы ты получать, или зло?

Ипп. Добро.

Сокр. А добровольно-ли хромающія ноги согласился-бы ты имѣть, или—невольно?

Ипп. Добровольно.

Сокр. Но хромота ногъ не есть-ли недостатокъ и безобразіе?

D. *Ипп.* Да.

Сокр. Что еще? близорукость не есть-ли недостатокъ глазъ?

Ипп. Да.

Сокр. Которые-же глаза желалъ бы ты имѣть и которыми пользоваться: тѣми-ли, съ которыми кто-нибудь добровольно бываетъ подслѣпъ и недовидитъ, или тѣми, съ которыми—невольно?

Ипп. Съ которыми добровольно.

Сокр. Стало быть, изъ своихъ вещей ты почитаешь лучшими худыя добровольно, чѣмъ—невольно?

Ипп. Конечно, такія.

Сокр. Не содержится ли въ этомъ одномъ и все: напримѣръ, и уши, и носъ, и ротъ, и всѣ чувства, что, то-есть,
E. совершая зло поневолѣ они недостойны пріобрѣтенія, какъ худыя; а когда—по доброй волѣ, должны быть пріобрѣтаемы, какъ добрыя?

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. Что еще? которыми лучше пользоваться орудіями: тѣми-ли, коими кто-нибудь совершаетъ зло добровольно, или

коими — невольно? Напримѣръ, лучше ли руль, которымъ кто-нибудь худо управляетъ поневолѣ? или тотъ, которымъ — добровольно?

Ипп. Которымъ — добровольно.

Сокр. Не такимъ-же-ли образомъ и лукъ и лира и флейта и всѣ другія орудія?

Ипп. Ты правду говоришь.

Сокр. Что-же? пріобрѣсть коня лучше-ли съ такою ду- 375.
шею, чтобы на немъ худо ѣздилъ кто-нибудь добровольно, или съ такою, чтобы — невольно?

Ипи. Съ такою, чтобы — добровольно.

Сокр. Стало быть, такая лучше?

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно съ лучшею душею коня худыя дѣла этой души онъ будетъ совершать добровольно, а съ худшею — невольно?

Ипп. Конечно.

Сокр. Не такимъ-же-ли образомъ и съ собакою, и съ иными животными?

Ипп. Да.

Сокр. Что-же теперь? лучше-ли пріобрѣсть душу человѣка стрѣлка, которая добровольно не попадаетъ въ цѣль, или которая — невольно?

Ипп. Которая — добровольно. B.

Сокр. Эта лучше для стрѣльбы?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, душа, невольно не попадающая въ цѣль, хуже той, которая не попадаетъ добровольно?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ въ стрѣльбѣ.

Сокр. А во врачебномъ искуствѣ? не врачевательнѣе-ли въ-отношеніи къ тѣлу та, которая добровольно совершаетъ зло?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, въ этомъ искуствѣ она лучше той, которая—невольно [1].

Ипп. Лучше.

Сокр. Что еще? душа болѣе искусная въ игрѣ на цитрѣ,
C. на флейтѣ, и во всемъ, что относится къ искуствамъ и наукамъ, не лучшею-ли бываетъ, когда она добровольно совершаетъ злое, постыдное и ошибочное, чѣмъ когда дѣлаетъ зло поневолѣ?

Ипп. Явно.

Сокр. А ужъ пріобрѣтать души-то рабовъ мы, конечно, согласились-бы такія, которыя скорѣе добровольно, чѣмъ невольно, погрѣшаютъ и совершаютъ зло; потому-что на это онѣ лучше.

Ипп. Да.

Сорк. Что еще? и собственную свою душу не желали-бы мы имѣть наилучшею?

Ипп. Да.

D. *Сокр.* А не будетъ-ли она лучше, если станемъ дѣлать зло и грѣшить добровольно, чѣмъ когда невольно?

Ипп. Но вѣдь странно было бы, Сократъ, когда бы добровольные обидчики были лучше, чѣмъ невольные.

Сокр. Однако изъ прежде сказаннаго вытекаетъ же.

Ипп. Мнѣ не кажется.

Сокр. А я думалъ, Иппіасъ, что и тебѣ показалось. Но отвѣчай опять. Справедливость не есть-ли какая-то сила, или знаніе [2], или то и другое? По-крайней-мѣрѣ не необходимо-ли справедливости быть чѣмъ-нибудь однимъ изъ этого?

E. *Ипп.* Да.

Сокр. Если же справедливость есть сила души, то душа

---

[1] ***Она лучше той, которая невольно*** — *ἀμείνων αὐτὴ τῆς μὴ ἰατρκῆς*. Здѣсь это *ἰατρικῆς* явно противорѣчитъ цѣли доказательства, и по всему видно, что внесено въ текстъ какимъ-нибудь sciolo. Это слово или вовсе должно быть оставлено, или замѣнено словомъ—*ἑκούσης*.

[2] Что добродѣтель Сократъ поставлялъ въ знаніи, это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и Ксенофонта, и Платона, и Аристотеля. *Xenoph.* Mem. III, 9, 6. *Plat.* p. 335 sqq. *Aristot.* Ethic. End. 1. 5. Eth. Nicon. VI 13. 3. ed.

болѣе сильная не есть-ли и болѣе справедливая? Вѣдь такая-то, почтеннѣйшій, представлялась намъ лучшею.

Ипп. Конечно, представлялась.

Сокр. А что, если знаніе? — душа болѣе мудрая не есть-ли болѣе справедливая, а болѣе невѣжественная — болѣе несправедливая?

Ипп. Да.

Сокр. А что, если то и другое? — душа, имѣющая болѣе того и другаго, силы и знанія,—не болѣе-ли справедлива, а болѣе невѣжественная—не болѣе-ли несправедлива? Не необходимо-ли быть этому такъ?

Ипп. Явно.

Сокр. Будучи-же болѣе сильною и болѣе мудрою душа лучшая не представлялась ли намъ также душею, имѣющею больше силы дѣлать то и другое — и прекрасное и постыдное во всякой работѣ?

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно, когда она совершаетъ постыдное, 376.
то совершаетъ добровольно [1], своею силою и искуствомъ; а эти принадлежности — или обѣ, или которая-нибудь изъ нихъ, видимо относятся къ справедливости.

Ипп. Походитъ.

Сокр. И обижать-то значитъ дѣлать зло, а не обижать — добро.

Zell. III. 8. 6. Magn. moral. 1. 35. Но знаніе, по мнѣнію Сократа, только тогда—добродѣтель, когда оно бываетъ истиннымъ или живымъ, то есть, когда выражается и сопровождается дѣйствительно добрыми дѣлами. Знаніе, сознательно совершающее зло, на самомъ дѣлѣ есть слѣпота и вовсе недостойно имени добродѣтели.

[1] Извѣстно положеніе Сократовой философіи, что по доброй волѣ никто не грѣшитъ, или всякое нарушеніе справедливости происходитъ отъ недостатка живаго и дѣйствительнаго знанія. Посему выведенное здѣсь заключеніе, что душа совершаетъ постыдное добровольно, надобно почитать доведеніемъ изслѣдованія ab absurdum, или Сократическою шуткою надъ софистическимъ умствованіемъ Иппіаса. Имѣя это въ виду, никакъ нельзя согласиться съ Астомъ, что разсмотрѣнный нами разговоръ заключаетъ въ себѣ мысли, несогласныя съ Сократовымъ ученіемъ, и что поэтому онъ не есть подлинное сочиненіе Платона.

Ипп. Да.

Сокр. Болѣе сильная и лучшая душа, когда обижаетъ, не добровольно-ли будетъ обижать, а худая—не невольно-ли?

Ипп. Явно.

B. *Сокр.* Добрый человѣкъ не добрую-ли имѣетъ душу, а злой—не злую-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, доброму человѣку свойственно обижать добровольно, а злому—невольно, если только добрый имѣетъ добрую душу.

Ипп. Да, конечно, имѣетъ.

Сокр. Стало быть, добровольно погрѣшающимъ и дѣлающимъ постыдное и несправедливое, Иппіасъ, если есть такой, не можетъ быть никто иной, кромѣ добраго.

Ипп. Не знаю, какъ согласиться въ этомъ съ тобою, Сократъ.

Сокр. Да и мнѣ съ собою, Иппіасъ: однакожъ изъ тепе-
C. решняго-то разсужденія выходитъ необходимо это. Я уже давно говорилъ, что въ этомъ отношеніи блуждаю туда и сюда и никогда не останавливаюсь на томъ же самомъ. Впрочемъ, блуждать мнѣ, или иному простяку, нисколько не удивительно: если-же блуждаете и вы, мудрецы, то это уже и для насъ странно; потому-что побывавши и у васъ, мы не оставляемъ своего блужданія.

ЭВТИФРОНЪ.

ЭВТИФРОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ числу тѣхъ разговоровъ, которые написаны Платономъ для отдѣльнаго раскрытія нравственныхъ истинъ Сократовой философіи, содержащихся въ Протагорѣ, относится и Эвтифронъ. Древніе критики начинали имъ первую тетралогію, посвященную признательнымъ ученикомъ памяти знаменитаго нравоучителя. И если тетралогическій порядокъ, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, не приложимъ ко всѣмъ сочиненіямъ Платона; то въ отношеніи къ Эвтифрону, Критону, Апологіи и Федону, по крайней мѣрѣ историческая основательность его не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ во всю свою жизнь, до глубокой старости, руководителемъ юныхъ умовъ въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на человѣка собственною его природою и обществомъ, проведши все свое время въ борьбѣ съ возраставшимъ и непрестанно усиливавшимся духомъ софистическаго суемудрія и тщеславія, Сократъ наконецъ приходитъ къ послѣднему предѣлу жизни, гдѣ должна была обнаружиться связь земной его дѣятельности съ помыслами и надеждами загробными. И могъ ли Платонъ, такъ ясно понимавшій душу своего наставника, не обезсмертить его размышленій, раждавшихся при всѣхъ, особенно поразительныхъ обстоятельствахъ предсмертнаго его существо-

ванія? Философу, въ мірѣ языческомъ глубокому и наблюдательному, что въ состояніи было представить лучшіе случаи для философскихъ созерцаній и важнѣйшія темы для изложенія ихъ, какъ не катастрофа мудреца, возвысившагося надъ предразсудками своего вѣка и отечественнаго язычества? Итакъ Платонъ, при первомъ появленіи Сократа предъ судомъ архонтовъ, въ качествѣ государственнаго преступника, заставляетъ его разговаривать съ Эвтифрономъ о святости и благочестіи; потомъ возводитъ его на судейскую каѳедру, какъ гражданина, прибѣгающаго подъ покровительство закона; далѣе описываетъ его уже какъ узника и влагаетъ ему въ уста бесѣду съ Критономъ о справедливости и законности поступковъ; и наконецъ изображаетъ его въ темницѣ, какъ мужественнаго страдальца, изливающаго ученикамъ свои чаянія и надежды на безсмертіе.

Впрочемъ эта историческая связь Эвтифрона съ показанными разговорами не препятствуетъ намъ въ научномъ отношеніи смотрѣть на него, какъ на дальнѣйшее развитіе мыслей объ одной изъ тѣхъ коренныхъ добродѣтелей, о которыхъ говорено было въ Протагорѣ. Эвтифронъ, сказали мы, посвященъ изслѣдованію святости и благочестія. Бесѣдуя съ Протагоромъ, Сократъ имѣлъ въ виду подвесть частныя понятія о добродѣтеляхъ, въ смыслѣ юридическомъ, подъ одно общее понятіе знанія, или добродѣтели нравственной, и требовалъ, чтобы сила и значеніе первыхъ объясняемы были изъ послѣдней. Съ этою цѣлію онъ приводилъ къ тожеству, между прочимъ, справедливость и святость. Итакъ въ Протагорѣ дѣло шло объ отношеніи и сродствѣ добродѣтелей; а въ Эвтифронѣ разсматривается одна святость сама по себѣ и рѣшается вопросъ не объ отношеніи ея, а о существѣ и значеніи. Если же изслѣдованіе существа всякой вещи необходимо служитъ къ поясненію какъ отличительныхъ ея признаковъ, такъ и общихъ, которые указываютъ на ея сродство съ другими вещами; то само

собою разумѣется, что Эвтифронъ есть дальнѣйшее разкрытіе одного изъ моментовъ, заключающихся въ Протагорѣ [1]. Нельзя также не замѣтить близкой связи разсматриваемаго разговора съ Лахесомъ и Хармидомъ, если сравнимъ характеръ, форму и ходъ всѣхъ этихъ сочиненій. Въ Лахесѣ Стезилай хвастается искуствомъ сражаться въ полномъ вооруженіи; а между тѣмъ серповидное его копье сдѣлало его смѣшнымъ въ глазахъ зрителей: здѣсь Эвтифронъ хвастается даромъ предсказанія и знаніемъ вещей божественныхъ; а между тѣмъ самъ же признается, что Аѳиняне часто смѣются надъ его прорицаніями. Въ Лахесѣ, равно какъ и въ Хармидѣ, предлагаются мнѣнія за мнѣніями о разсматриваемомъ предметѣ, и всѣ, одно за другимъ, опровергаются Сократомъ: здѣсь Эвтифронъ непрестанно мѣняетъ свои понятія о святости, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ Сократова анализа. Въ Лахесѣ и Хармидѣ результатъ разговора ясно не высказанъ; и здѣсь также не выведено окончательнаго заключенія, что такое святость. Впрочемъ о направленіи и цѣли Эвтифрона мы скажемъ послѣ, а теперь изложимъ кратко его содержаніе.

Прологъ Эвтифрона есть историческое событіе—появленіе Сократа въ портикѣ царя, или предъ уголовнымъ судомъ, по доносу Мелита, который обвиняетъ сына Софронискова въ нечестіи и развращеніи юношества. Здѣсь Сократъ встрѣчается съ Эвтифрономъ, хвалившимся обширными познаніями въ дѣлахъ религіи, и, вступивъ съ нимъ въ разговоръ, къ крайнему удивленію, узнаетъ, что онъ пришелъ обвинить своего отца въ человѣкоубійствѣ, по случаю смерти одного наемнаго слуги, который за убійство раба былъ связанъ отцемъ его и, прежде рѣшенія суда, умеръ. Узнавъ это, Сократъ спрашиваетъ Эвтифрона: «Неужели ты приписываешь себѣ такое опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми, что, обвиняя

---

[1] Эта связь высказана и самимъ Платономъ. См. Protag. p. 360. E.

отца, не боишься совершить нечестіе? Скажи же, что ты называешь святымъ и что нечестивымъ»?

Замѣчательно, что заставивъ Эвтифрона рѣшать этотъ вопросъ, Платонъ мало-по-малу переводитъ его по всѣмъ степенямъ ограниченія предмета и излагаетъ эротематически всю теорію логики объ опредѣленіи.

Эвтифронъ сперва отвѣчаетъ, что,святое дѣло есть именно то самое, которое онъ теперь предпринялъ, то-есть, которое клонится къ обвиненію его отца въ убійствѣ. Это, очевидно,—не что иное,какъ опредѣленіе предмета частнымъ случаемъ, примѣромъ, или какою-нибудь одною стороною явленія. Посему Сократъ требуетъ, чтобы Эвтифронъ указалъ ему общую черту святости, достаточную для обозначенія цѣлаго рода дѣлъ святыхъ и благочестивыхъ.

Понявъ смыслъ этого требованія, прорицатель называетъ святымъ то, что пріятно богамъ, а нечестивымъ то, что имъ непріятно. Противъ этого опредѣленія, повидимому, и сказать бы нечего: но Сократъ вдругъ,вышедши изъ круга вѣрованій языческихъ, поставляетъ ихъ предъ судомъ истины, ясной для всякаго ума здравомыслящаго,—и Эвтифроново опредѣленіе падаетъ само собою. Какъ узнать, говоритъ онъ, что пріятно богамъ, и что нѣтъ,когда они во враждѣ между собою,когда одному изъ нихъ нравится то, другому — другое? Если боги ссорятся другъ съ другомъ, и предметъ ихъ ссоры есть справедливое и несправедливое, доброе и злое; то, по отношенію ко всѣмъ имъ вмѣстѣ, одно извѣстное дѣло должно быть и святымъ, и нечестивымъ. Это заключеніе, очевидно, основывается на томъ свойствѣ родоваго признака, по которому онъ принадлежитъ не всему роду или цѣлому, а только извѣстнымъ видамъ, или частямъ его. Такая же погрѣшность была бы допущена, когда бы кто составилъ, напримѣръ, слѣдующій силлогизмъ: все, что разрушается, смертно; а человѣкъ разрушается; слѣдовательно человѣкъ смертенъ.

Опровергнутый этимъ заключеніемъ, Эвтифронъ старается поправить свое мнѣніе, посредствомъ обобщенія родоваго

понятія. Предположивъ, что должны же быть поступки, пріятные либо непріятные всѣмъ богамъ, онъ пополняетъ прежнее понятіе о святости. Святое, говоритъ, есть то, что любятъ всѣ боги; несвятое напротивъ—то, что ненавидятъ всѣ боги. Но Сократъ входитъ глубже въ предметъ и видитъ различіе между святымъ и боголюбезнымъ. Боголюбезное должно признавать боголюбезнымъ потому, что его любятъ боги; а святое и самые боги любятъ потому, что оно свято. Слѣдовательно основаніе того, что боголюбезное боголюбезно, заключается въ любви боговъ; а основаніе святости —въ чемъ-то выше этой любви; такъ что и самая любовь боговъ зависитъ отъ какого-то высшаго условія, скрывающагося въ существѣ святости. Такимъ образомъ Сократъ показываетъ, что любовь боговъ есть не признакъ, которымъ можно бы опредѣлить, что такое святость, а законная, естественно и необходимо приносимая ей дань; иначе: любовь боговъ есть только дѣйствіе святости на боговъ (πάθος), формальное ея выраженіе, а не сущность (οὐσία).

Когда же и это понятіе оказалось недостаточнымъ; Сократъ вызывается самъ навести Эвтифрона на путь къ образованію опредѣленія, удовлетворяющаго требованіямъ логики. Надобно, говоритъ онъ, смотрѣть, что въ чемъ содержится, что содержащее, и что содержимое, и первымъ ограничивать послѣднее. Святость, очевидно, есть часть справедливости [1]; потому что все святое справедливо, но не все справедливое свято. Скажи же, Эвтифронъ, какая часть справедливости называется святостію; укажи признакъ, которымъ въ цѣлой сферѣ справедливаго отличается святое отъ всего прочаго. Но Эвтифронъ не видитъ въ предметѣ ничего, кромѣ формальныхъ его выраженій, и признакомъ святости почитаетъ служеніе богамъ (περὶ τῶν θεῶν θεραπείαν), а признакомъ всего прочаго въ той же сферѣ—обхожденіе

[1] Это мнѣніе, безспорно, принадлежитъ Сократу и Платону; потому что оно признается за истинное и въ другихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, напр. Protag. p. 14. B. C. 331. A. sq. Gorg. p. 507.

съ людьми; то-есть, опредѣляетъ святость не самымъ существомъ справедливости, а только ея отношеніемъ. Поэтому Сократъ признаетъ нужнымъ прояснить понятіе обхожденія и, вмѣстѣ съ Эвтифрономъ, разумѣя его какъ стараніе оказать пользу тому, съ кѣмъ обходимся, заключаетъ, что обходиться съ богами, значитъ приносить имъ пользу, или дѣлать ихъ лучшими. Само собою разумѣется, что Эвтифронъ не могъ согласиться на это заключеніе, а спѣшилъ исправить свою мысль, представляя святость, какъ искуство рабски служитъ богамъ (ὑπηρετική). Но Сократъ преслѣдуетъ своимъ анализомъ и это новое опредѣленіе: онъ разсматриваетъ значеніе служенія, поколику оно почитается признакомъ святости, и находитъ, что служеніе въ этомъ смыслѣ есть орудіе, посредствомъ котораго боги нѣчто производятъ, а потому спрашиваетъ: что такое производятъ боги, пользуясь нашими услугами? На этотъ вопросъ Эвтифронъ не находитъ прямаго отвѣта, но, самъ не замѣчая, возвращается къ прежнему своему понятію о святости. Онъ говоритъ: святость есть умѣнье въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ дѣлать угодное богамъ. Чтобы показать ему, что онъ дѣйствительно возвратился къ тому положенію, которымъ началъ и отъ котораго потомъ самъ отказался, Сократъ разбираетъ понятіе молитвы и жертвоприношенія и, находя, что молиться значитъ просить, а приносить жертвы—давать, заключаетъ, что святость есть торговая сдѣлка людей съ богами. Это заключеніе заставило Эвтифрона понять жертвоприношеніе и молитву, уже какъ выраженіе благодарности, и сказать, что такое выраженіе богамъ любезнѣе всего; а отсюда само собою слѣдовало, что святымъ дѣломъ называется дѣло боголюбезное, между тѣмъ какъ прежде было доказано Сократомъ и допущено Эвтифрономъ, что боголюбезное отлично отъ святаго. Поэтому Сократъ выражаетъ свое сожалѣніе, что онъ не узналъ, что такое святость, и не имѣетъ возможности избавиться отъ обвиненія, взнесеннаго Мелитомъ.

Изъ этого хода и развитія разговора видно, что хотя онъ и не привелъ собесѣдниковъ къ ясному результату о существѣ святости, однакожъ показалъ, въ чемъ и какимъ образомъ надобно искать его, по внутреннему убѣжденію Сократа. Для уразумѣнія этого убѣжденія, надобно сообразить всѣ обстоятельства разговора и сравнить ихъ съ нѣкоторыми современными мнѣніями народа о сынѣ Софрониска. Эвтифронъ выставляется образцемъ благочестія и въ тоже время вовсе несправедливо обвиняетъ своего отца въ убійствѣ. Напротивъ, Сократа, между прочимъ, обвиняли въ возмущеніи дѣтей противъ отцовъ [1] и за это относили его къ числу людей нечестивыхъ. Такія, совершенно противныя умозаключенія отдаются какъ бы на судъ Мелита, Сократова обвинителя. Явно, что его сужденіе должно основываться на истинномъ понятіи о благочестіи и святости; а понятіе о святости, какъ показано въ разговорѣ, должно вытекать изъ вѣрнаго значенія справедливости, поколику она прилагается къ богамъ и людямъ. Но какою чертою, которою характеризуется справедливость, Сократъ могъ объяснить, что такое святость? Мы видимъ, что онъ заставляетъ Эвтифрона возводить значеніе святости выше молитвъ и жертвоприношеній и поставлять ее вообще въ выраженіи благодарности: однакожъ и благодарность еще нельзя назвать признакомъ справедливости, или правды; потому что первая ниже послѣдней. Благодарность есть самое высшее въ религіозной и нравственной жизни человѣка: но и она далеко недостаточна для опредѣленія святости. Что же слѣдуетъ отсюда?—то, что истинная святость невыразима человѣческимъ языкомъ и человѣческими дѣлами, что она заключается въ нѣдрѣ правды, а правда бываетъ предметомъ ссоры даже и для Греческихъ боговъ. По этому Греки напрасно обвиняютъ Со-

[1] Въ Аристофановыхъ облакахъ v. 1320 sqq. Филиппидъ, получившій образованіе въ школѣ Сократа, бьетъ своего отца и даже доказываетъ, что онъ дѣлаетъ это справедливо.

крата въ нечестіи: онъ лучше всѣхъ, мнимо-благочестивыхъ людей и знатоковъ благочестія, понимаетъ высокое значеніе святости.

Такъ представляемъ мы себѣ цѣль Платонова Эвтифрона и не можемъ не удивляться крайней мнительности Аста, который, безъ всякихъ достаточныхъ основаній, относитъ этотъ разговоръ къ числу подложныхъ. Для чего предполагать, что Эвтифронъ написанъ на скорую руку, что въ немъ многое начато, но не кончено, и потомъ, опровергая собственное свое предположеніе, заключать, что это сочиненіе принадлежитъ не Платону? Мы не находимъ въ немъ ни мелочныхъ изслѣдованій, ни растянутости въ рѣчи, ни противорѣчій съ другими сочиненіями Платона; надобно только помнить, что Эвтифронъ посвященъ раскрытію мыслей; собственно Сократовыхъ, что Платонъ говоритъ здѣсь языкомъ своего учителя. Нѣтъ причины почитать этотъ разговоръ и безцѣльнымъ; хотя возвышенность предмета и не позволяла писателю высказать его цѣль съ большею ясностію и откровенностію. А что Астъ находитъ полную тему Эвтифрона въ Государствѣ II. 37. A. B. *οὐδὲ λεκτέον νέω ἀκούοντι, ὡς ἀδικῶν τα ἔσχατα οὐδὲν ἀν θαυμαστὸν ποιοίη, οὐδ᾿ αὖ ὁ ἀδικοῦντα τὸν πατέρα κολάγων παντί τρόπω, ἀλλὰ δρώη ἂν, όπερ θεῶν — όἰ πρῶτοί τε καὶ μέγιστοι.—οὐδὲ γε—ὡς θεοὶ θεοῖς πολεμοῦσι τε καὶ ἐπιβουλέυονται καὶ μάχονται*—то сравнивъ приведенныя слова съ разсматриваемымъ нами разговоромъ, всякій замѣтитъ, что онѣ никакъ не могутъ быть полною его темою, а только указываютъ на одну вѣтвь его развитія.

Гораздо важнѣе вопросъ о времени, когда Платонъ написалъ своего Эвтифрона. Ширенбергъ въ программѣ: über die Zeit der Abfassung des Platonischen Euthyphron, Iemb. 1830, весьма основательно подтверждаетъ мнѣніе Шлейермахера, Зохера и Штальбома, что разсматриваемый разговоръ написанъ послѣ доноса, по которому начался судъ надъ Сократомъ, однакожъ прежде того времени, въ которое можно было предвидѣть бѣдственныя слѣдствія судопроизвод-

ства для сына Софронискова. Что Эвтифронъ вышелъ въ свѣтъ послѣ доноса, — видно изъ того, что въ немъ говорится объ этомъ обстоятельствѣ. Но почему бы Платону не написать его тогда, когда судебное дѣло его учителя было уже кончено?—Этого не позволяетъ допустить самый тонъ разговора. Можно ли представить, чтобы Платонъ наказывалъ Мелита, Сократова обвинителя, одною ироніею и обыкновеннымъ оружіемъ діалектики, а народъ—однимъ намѣкомъ на его предразсудки, когда бы Сократъ находился уже въ темницѣ и былъ осужденъ на смерть? Въ послѣднемъ случаѣ разговоръ, даже противъ воли сочинителя, получилъ бы характеръ болѣе серьёзный, тонъ болѣе строгій, и выражался бы рѣчью болѣе сильною и энергическою. Между тѣмъ мы видимъ, что во всемъ Эвтифронѣ изслѣдованіе идетъ спокойно и отпечатлѣвается пріятною шутливостію: тутъ нѣтъ и тѣни печали, опасенія, или предчувствія бѣдствій. Кажется, Платонъ и не думалъ, что дѣло Сократа приметъ такой оборотъ и приведетъ его къ такой ужасной смерти. Да и не удивительно, когда приговоръ надъ нимъ, даже въ послѣдній день суда, основывался на большинствѣ немногихъ голосовъ (Apol. Socr. 36. A.). Есть и другая причина полагать, что Эвтифронъ написанъ не послѣ осужденія Сократа. Въ этомъ разговорѣ упоминается только о доносѣ Мелита: но извѣстно, что доносчиками на Сократа были также Анитъ и Ликонъ, люди въ мнѣніи Аѳинянъ весьма значительные. Поэтому, еслибы Платонъ издалъ въ свѣтъ Эвтифрона въ то время, когда его учитель находился уже въ темницѣ; то упомянулъ бы не объ одномъ Мелитѣ, человѣкѣ малоизвѣстномъ, но и о прочихъ двухъ обвинителяхъ.

Противъ этого мнѣнія могутъ сказать только то, что Платонъ поступилъ бы неразсудительно, если бы въ то самое время, когда Сократа обвиняли въ нечестіи, заставлялъ его худо отзываться о народномъ богопочтеніи и подвергать сомнѣнію важность молитвъ и жертвоприношеній. Но кто

вникалъ въ религіозный бытъ Грековъ при Сократѣ, Периклѣ и Платонѣ; тотъ знаетъ, что подобныя сужденія о вѣрованіяхъ народа были тогда весьма обыкновенны и не почитались преступными. Греки открыто смѣялись надъ пороками своихъ боговъ; поэты безнаказанно описывали любовныя ихъ похожденія, ссоры, происки и страсти; самые философы за шутки этого рода не подвергались гоненію. Если же нѣкоторые изъ нихъ и были наказаны правительствомъ; то основаніемъ казни служило или прямое отрицаніе боговъ, что приписывалось Протагору и Діагору Мелосскому, или порицаніе религіозныхъ таинствъ, что, по свидѣтельству Діогена Лаерція (II. 116), позволялъ себѣ Стильпонъ, или наконецъ навѣты злыхъ людей, отъ которыхъ пострадалъ Сократъ. Каковы бы ни были мысли сына Софронискова объ отечественномъ его язычествѣ; но въ Эвтифронѣ онъ востаетъ только противъ предразсудковъ и миѳическихъ толковъ о богахъ, а не противъ самаго бытія боговъ. Ему не нравилась дорога къ Олимпу, увлаженная кровію безсловесныхъ жертвъ [1], и вѣчная ссора на Олимпѣ, а не самый Олимпъ.

---

[1] Надъ понятіями народа о жертвоприношеніяхъ, не хуже Платона, смѣялся и Аристофанъ—напр. въ «Птицахъ» v. 186. et al., гдѣ Пистетеросъ совѣтуетъ основать въ воздухѣ царство птицъ и такимъ образомъ пресѣчь сообщеніе между богами и людьми. Тогда первые, говоритъ онъ, не пользуясь болѣе жертвами послѣднихъ, перемрутъ отъ голода и жажды.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЕВТИФРОНЪ, СОКРАТЪ.

Эвт. Что за новость, [1] Сократъ! ты прекратилъ свои 2.
бесѣды въ Ликеѣ и проводишь теперь время въ портикѣ царя [2]. Вѣроятно у тебя, такъ же какъ и у меня, предъ царемъ нѣтъ никакого судебнаго дѣла.

Сокр. Не совсѣмъ вѣроятно, Эвтифронъ. Впрочемъ Аѳиняне называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною виною [3].

---

[1] ***Что за новость***: *τί νεώτερον*; Объ уравнительной степени *τί νεώτερον*, вмѣсто *τί νέον*, см. прим. ad Protag. p. 310. B. Это выраженіе весьма свойственно характеру аѳинскихъ Грековъ, которые непрестанно стремились къ новостямъ и мѣняли ихъ одну за другою, а по тому спрашивали какъ бы такъ: *τί νεοῦ νεώτερον*.

[2] ***Въ портикѣ царя***, *ἐπὶ τὴν τοῦ βασιλέως στοάν*. Извѣстно, что греческое судилище, со временъ Кодра, состояло изъ девяти Архонтовъ, изъ которыхъ второй назывался царемъ и завѣдывалъ дѣлами религіозными и уголовными. Портикъ царя былъ отдѣленіе уголовнаго судьи и находился у керамійской площади, близъ храма *τοῦ Ἐλευθερίου*. См. ***Meier*** de lite Attica p. 47. sq. ***Meurs***. Lcctt. attic. VI. 17. ***Lusac***. exercitt. acad. spec. III. p. 172. sqq.

[1] ***Называютъ мое дѣло не судебнымъ, а государственною виною***, *οὗτοι δή—δίκην αὐτὴν καλοῦσιν, ἀλλὰ γραφήν*. Это различеніе словъ *δίκη* и *γραφή* Асту кажется до того невѣрнымъ, что онъ принялъ его за одинъ изъ признаковъ подложности Эвтифрона. Невѣрность различенія, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что *δίκη*, такъ же какъ и *γραφή*, употребляется для означенія вины общественной. Гемстергузій (z. Thom. Mag. S. 240), Фишеръ (Anmerk. S. 7. et. al.) и Петръ Левивельдскій (de infamia ex iure Attico p. 22) видятъ здѣсь другое затрудненіе: долженъ ли былъ Сократъ объяснять Эвтифрону, какъ Греку, различіе между *δίκη* и *γραφή*?—и полагаютъ что Эвтифронъ жилъ большею частію въ колоніяхъ, а потому не зналъ различія между этими реченіями. Штальбомъ думаетъ, что подъ словомъ *δίκη* разумѣлась вина, какъ общественная, такъ и частная, а подъ словомъ *γραφή*—только общественная. Всѣ эти затрудненія придуманы, по моему мнѣнію, безъ всякаго достаточнаго побужденія. Астъ не хотѣлъ обратить вниманія на собственное значеніе

Эвт. Что ты говоришь? Такъ видно на тебя сдѣлалъ кто нибудь доносъ? Вѣдь я не могу думать, чтобы ты донесъ на кого-нибудь.

B. *Сокр.* Конечно нѣтъ.

Эвт. Значитъ, на тебя другой?

Сокр. Да.

Эвт. Кто же это?

Сокр. Я и самъ не очень знаю его, Эвтифронъ: человѣкъ, по видимому, молодой и неважный; называютъ его, кажется, Мелитомъ изъ демы пиѳейской [1]. Не припомнишь ли ты какого нибудь Пиѳейца, Мелита, съ прямыми волосами, рѣдкою бородою и орлинымъ носомъ [2]?

Эвт. Не помню, Сократъ. А въ чемъ состоитъ доносъ?

Сокр. Въ чемъ состоитъ? Доносъ-то, мнѣ кажется, не C. маловаженъ: молодому человѣку знать такое дѣло—не бездѣлица. Я знаю, говоритъ онъ, какимъ образомъ развращается юношество, и знаю, кто развращаетъ его. Должно быть, это какой-нибудь мудрецъ. Почитая мою неученость

словъ δίκη и γραφή, изъ которыхъ первымъ означается вообще судебное дѣлопроизводство, какого бы рода оно ни было, а послѣднее есть дѣлопроизводство по винѣ уголовной и притомъ государственной, всегда основывавшееся на доносѣ, и потому называвшееся γραφή. Потомъ, съ чего взяли Гемстергузій и Петръ Левивельскій, будто Сократъ объясняетъ Эвтифрону различіе словъ δίκη и γραφή? Текстъ не представляетъ ни малѣйшаго повода такъ думать. Сократъ говоритъ объ этомъ своему собесѣднику, какъ о дѣлѣ, не возбуждающемъ никакого недоумѣнія. Не основательно и мнѣніе Штальбома; потому что въ такомъ случаѣ слова Сократа были бы безъ цѣли: если Эвтифронъ сказалъ δίκη; то зачѣмъ бы Сократу поправлять его словомъ γραφή, когда и первое, равно какъ послѣднее, означаетъ вину общественную? Напротивъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ словомъ δίκη Греки разумѣли вину, подлежащую изслѣдованію суда, а подъ словомъ γραφή—такое преступленіе, которое было ясно и безъ судопроизводства, а потому требовало только опредѣленія или приговора. См. *Schömann.* De comitiis Athen. p. 129.

[1] *Изъ демы Пиѳейской*, τὸν δῆμον Πιτθεύς. Schol. Πιτθὶς δῆμος Αἰγηΐδος Ἀθήνησιν, ἐξ οὗ οὗτος. Однакожъ Стефанъ Византійскій и Гарпократіонъ относятъ эту дему къ племени Кекропидовъ.

[2]. *Съ прямыми волосами ... орлинымъ носомъ.* Если вѣрить Сальмазію (de Cesarie virorum) и Юнію (de Coma c. 4.); то человѣка съ длинными и прямыми волосами Греки почитали женоподобнымъ и изнѣженнымъ, рѣдкобородаго—недорослемъ, а горбоносаго—гордымъ. Сравн. Apolog. p. 25. E. 26. E. de Rep. V. p. 474. C.

развратительницею своихъ сверстниковъ, онъ обращается къ городу, какъ бы къ отцу, и обвиняетъ меня. Изъ политиковъ, кажется, онъ одинъ управляетъ вѣрно; потому что въ самомъ дѣлѣ справедливо — прежде всего заботиться о D.
дѣтяхъ, чтобы они вышли отличными, слѣдуя примѣру добраго садовника, который сперва старательно смотритъ за молодыми растеніями, а потомъ уже и за прочими. Такъ-то, можетъ быть, и Мелитъ,—сначала истребитъ насъ,которые, 3.
по его словамъ, вредимъ отпрыскамъ юношества, а за тѣмъ уже конечно позаботится и о старшихъ, и чрезъ то окажетъ городу весьма много величайшихъ услугъ, чего и должно ожидать отъ человѣка, сдѣлавшаго такое начало.

Эвт. Желательно бы, Сократъ; но я боюсь, не выдетъ ли напротивъ: вѣдь кто берется обидѣть тебя; тотъ, мнѣ кажется, начинаетъ дѣлать зло городу съ самаго корня [1]. Да скажи мнѣ, какими бы дѣлами, по его словамъ, и развращать тебѣ юношество [2]?

Сокр. И слышать-то странно, почтеннѣйшій. Онъ гово- B.
ритъ, что я творю боговъ; то-есть, ввожу новыхъ и отвергаю древнихъ. Въ этомъ именно состоитъ его доносъ.

Эвт. Понимаю, Сократъ; ты объявляешь, что съ тобою всегда—твой геній: вотъ ему и поводъ донесть на тебя, какъ на нововводителя въ дѣлахъ божественныхъ. Съ этимъ-то на-

---

[1] ***Начинаетъ дѣлать городу зло съ самаго корня***, *ἀφ' ἑστίας ἄρχεσθαι κακουργεῖν τὴν πόλιν.* Выраженіе *ἀφ' ἑστίας ἄρχεσθαι* у Грековъ было пословицею, принималось почти всегда въ худую сторону и прилагалось къ тѣмъ людямъ, которые начинаютъ дѣлать какое-нибудь зло съ своего дома, съ своихъ пенатовъ, ab ara et foco, или съ главныхъ опоръ общественнаго и домашняго благоустройства, a principibus. Schol. ad Aristoph. Vespp. 832. ***Eusth.*** ad Odyss. VIII p. 1579. Rom. ***Wyttenb.*** ad Plut. moral. T. 1. p. 642. ed. Oxon.

[2] ***Какими бы дѣлами, по его словамъ, и развращать тебѣ юношество***, *τί καὶ ποιοῦντα σέ φησι διαφθείρειν τοὺς νέους;* Употребленіе частицы *καὶ* здѣсь весьма знаменательно. ***Herman.*** ad Vtger. p. 837. Въ этой конструкціи она выражаетъ крайнюю степень сомнѣнія. Напримѣръ вопросъ: *τί χρὴ προσδοκᾶν*; показываетъ, что вопрошающій не знаетъ, что случится; но вопросъ: *τί χρὴ καὶ προσδοκᾶν* означаетъ, что вопрошающій не имѣетъ и мысли, чтобы что-нибудь могло случиться.

вѣтомъ онъ идетъ въ судъ, зная, что толпа охотно прини-
C. маетъ подобныя клеветы. Вѣдь и надо мною смѣются, будто надъ безумцемъ, когда я въ собраніи говорю что-нибудь о предметахъ божественныхъ и предсказываю будущее,—смѣются не потому, чтобы мои предсказанія были несправедливы, а потому, что завидуютъ всѣмъ такимъ, какъ мы. Впрочемъ ненужно слишкомъ безпокоиться; будемъ идти дружно.

Сокр. Любезный Эвтифронъ! быть осмѣяннымъ, можетъ быть, еще неважно. Аѳиняне, кажется, не очень хлопочутъ о томъ, что кого нибудь почитаютъ сильнымъ; лишь бы толь-
D. ко не преподавалъ онъ своей мудрости. По зависти ли, какъ ты говоришь, или по чему иному, они гнѣваются больше на того, кого почитаютъ готовымъ сдѣлать и другихъ такими же.

Эвт. Впрочемъ, мнѣ не слишкомъ любопытно знать, какого они обо мнѣ мнѣнія.

Сокр. Можетъ быть, ты кажешься имъ особнякомъ, который не хочетъ преподавать своей мудрости; а я боюсь противнаго: не замѣтили ли они во мнѣ человѣколюбиваго чувства—изливать въ словѣ каждому все, что имѣю,—не только безъ платы, но и съ придачею своего удовольствія, лишь
E. бы кто пожелалъ меня слушать? Итакъ, еслибы они, говорю, захотѣли только посмѣяться надо мною, какъ смѣялись и надъ тобою; то ни-чуть не скучно было бы провести время въ судѣ съ шутами и насмѣшниками: но что, когда примутся за дѣло серьёзно? Тогда только вамъ—прорицателямъ будетъ извѣстно, какія произойдутъ послѣдствія.

Эвт. Можетъ быть, Сократъ, и ничего не будетъ. Думаю, ты благополучно выиграешь свое дѣло, а я—свое.

Сокр. Но у тебя-то, Эвтифронъ, какое же дѣло? Ты бѣжишь, или преслѣдуешь?

Эвт. Преслѣдую.

Сокр. Кого?

Эвт. Того, кого преслѣдуя, можно тотчасъ показаться
4. сумасшедшимъ.

Сокр. Что? ужъ не на-лету ли кого-нибудь [1]?

Эвт. Куда ему летать! онъ уже дряхлый старикъ?

Сокр. Ктожъ это такой?

Эвт. Мой отецъ.

Сокр. Твой отецъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Какая же вина его? и въ чемъ дѣло?

Эвт. Въ убійствѣ, Сократъ.

Сокр. О Ираклъ! да народъ-то вѣроятно и не знаетъ, Эвтифронъ, какъ тутъ соблюсти справедливость. Вѣдь соблюсти ее въ этомъ случаѣ можно, думаю, не всякому встрѣчно- B.
му, а тому, кто уже далеко ушелъ въ мудрости.

Эвт. Конечно далеко, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Видно, отъ твоего отца умеръ кто нибудь изъ родныхъ [2]? само собою разумѣется; потому что за чужаго-то ты, вѣроятно, не сталъ бы обвинять его въ убійствѣ.

Эвт. Смѣшно, Сократъ, что ты различаешь: чужой умеръ, или свой. Надобно смотрѣть на одно: за дѣло ли кто убилъ, или нѣтъ; если за дѣло,—оставь его, а когда нѣтъ, — пре- C.
слѣдуй, хотя бы убійца ѣлъ и пилъ за однимъ съ тобою столомъ. Преступленіе не меньшее — жить съ нимъ сознательно

---

[1] *Ужь не на-лету ли кого нибудь?* πετόμενόν τινα διώκεις; это выраженіе кажется имѣло значеніе пословицы. По крайней мѣрѣ Аристотель (Metaph. III. 18) подъ словами τὰ πετόμενα διώκειν разумѣетъ тѣхъ, которые любятъ ломать голову надъ предметами темными и неудобопонятными.

[2] У Грековъ былъ законъ, что предавать убійцу суду и вступаться за смерть убитаго могутъ только родственники послѣдняго. *Demosth.* adv. Macart. p. 1069 ed. Reisk. Поэтому, являясь предъ судъ съ обвиненіемъ, они подтверждали свое родство съ покойникомъ формальною присягою. *Demosth.* adv. Everg. p. 1160. Polluc. VIII. 118. Слуги въ такомъ случаѣ причитались къ семейству и также приводимы были къ присягѣ. *Isaeus* de Ciron. hereditate § 16. Сравн. *Clenze* das Familienrecht der Cognaten u Agnaten. p. 152 sqq. Однакоже Эвтифронъ приходитъ въ судъ обвинять отца въ убійствѣ не слуги, а наемника, что, по видимому, не согласно было съ упомянутымъ закономъ. Эту несообразность можно объяснять или тѣмъ, что умершій наемникъ занималъ у Эвтифрона мѣсто и должность слуги, или тѣмъ, что Платонъ съ намѣреніемъ указалъ въ прорицателѣ неуваженіе къ гражданскимъ законамъ, чтобы поставить его въ совершенную противуположность съ Сократомъ.

и не очистить себя и его чрезъ судъ. Умершій-то, видишь, былъ мой работникъ [1] и нанялся къ намъ, когда мы воздѣлывали землю на островѣ Наксосѣ [2]. Напившись допьяна и разсердившись на одного изъ нашихъ слугъ [3], этотъ работникъ убилъ его. Отецъ мой, связавъ убійцѣ руки и ноги, бросилъ его въ одинъ ровъ, и послалъ сюда человѣка къ ис-
D. толкователю посовѣтоваться [4], что ему дѣлать; между тѣмъ о связанномъ, какъ объ убійцѣ, не думалъ и не заботился: не важное, то-есть, дѣло, если и умретъ, — что и случилось. Голодъ, стужа и эти веревки убили его прежде, чѣмъ посолъ возвратился отъ истолкователя. Вотъ за то-то и негодуютъ на меня — какъ отецъ, такъ и прочіе родные, что за убійцу я об-

---

[1] *Былъ мой работникъ*, πελάτης τις ἦν ἐμός. Πελάται были бѣдные, но свободные граждане, и совершенно отличались отъ рабовъ, οἰκέται. Они большею частію продавали свои труды людямъ богатымъ и получали отъ нихъ почти шестую часть того, что вырабатывали; посему назывались также εκτήμοροι или ἑκτημόριοι. *Hesych.* T. I. p. 1152. ἑκτήμοροι: οἱ ἐπὶ ἕκτω μέρει τὴν γῆν γεωργοῦντες. *Eustath.* ad Odyss. XIX 28. Иногда имъ давали имена θῆτες и ἐργολάβοι, что соотвѣтствуетъ слову «поденщикъ». *Casaub.* ad Athen. XII. p. 738. *Runken.* ad Tim. p. 211. *Wachsmuth.* Hellen. Alterthumsk. T. I. p. 235. Они не имѣли права требовать себѣ правительственныхъ мѣстъ и ходить на войну. *Polluc.* III. 82.

[2] Аѳиняне, завладѣвъ какимъ-нибудь островомъ, тотчасъ отбирали земли у туземцевъ и дѣлили ихъ между собою. Входившіе въ дѣлежъ назывались γεωμόροι или κληροῦχοι, помѣщиками. Это самое произошло и на островѣ Наксосѣ, славившемся плодородіемъ земли, а особенно богатствомъ своихъ виноградниковъ. *Thucyd.* I. 98 *Plut.* Pericl c. 11.

[3] *На одного изъ нашихъ слугъ*, τῶν οἰκετῶν τινι. Οἰκέται были безъ сомнѣнія члены семейства, свои, домашніе, domestici. Но Греки, по свойственному имъ мягкосердію и человѣколюбію, домашними, οἰκέτας, называли и рабовъ своихъ. *Athen.* VI. 19. *Pollux.* III. 82. Разумѣя ихъ въ этомъ смыслѣ, они давали имъ различныя названія, по роду ихъ службы и другимъ обстоятельствамъ *Hemsterh.* ad Lucian. Tim. § 22. T. I p. 102 sp. Аммоній Эрміасъ (ad Aristot. de interpret. p. 31 sq.) говоритъ, что Діодоръ Кронюсъ, желая доказать произвольность именъ, которыя мы даемъ вещамъ, называлъ своихъ слугъ частицами; напримѣръ: одного Ἀλλὰ μήν, другаго — какъ нибудь иначе. Сравн. прим. къ Протаг. p. 310. A.

[4] *Къ истолкователю посовѣтоваться*, πευσόμενον τοῦ ἐξηγητοῦ. Ἐξηγηταί, по свидѣтельству Поллукса VIII. 124., занимались истолкованіемъ божественныхъ знаменій и другихъ религіозныхъ предметовъ. Свида говоритъ, что такихъ лицъ было три; а Цицеронъ (legg. 2. 27) называетъ ихъ именно interpretes religionum, а не jurisconsultos, какъ впослѣдствіи думалъ Гемстергузій.

виняю своего отца въ убійствѣ, котораго, по ихъ словамъ, онъ не совершилъ. Да еслибъ и совершилъ, то и тогда, говорятъ, не стоило бы вступаться за умершаго; потому что онъ самъ былъ убійца. При томъ, нечестиво будто бы сыну E.
обвинять отца въ убійствѣ. Худо понимаютъ они, Сократъ, дѣла божественныя, худо отличаютъ святое отъ нечестиваго!

Сокр. Но ты-то Эвтифронъ? неужели, ради Зевса, приписываешь себѣ столь опредѣленное знаніе дѣлъ божественныхъ и тѣхъ, которыя называются святыми и нечестивыми, что, обвиняя отца, не боишься совершить нечестіе, если происшествіе было таково, какъ оно разсказано тобою?

Эвт. А что было бы отъ меня пользы, Сократъ, и чѣмъ 5.
Эвтифронъ отличался бы отъ другихъ, если бы не зналъ опредѣленно всѣхъ этихъ вещей?

Сокр. О, какъ же хорошо, дивный Эвтифронъ, мнѣ поучиться у тебя и, прежде чѣмъ начнется судопроизводство, сказать Мелиту слѣдующее: я и прежде старался болѣе всего о познаніи дѣлъ божественныхъ; а теперь, когда онъ началъ обвинять меня въ вольномысліи и нововведеніяхъ касательно вѣры, я даже сдѣлался твоимъ ученикомъ. Посему, если ты, Мелитъ, сказалъ бы я, признаешь Эвтифрона въ этомъ отношеніи мудрымъ и правомыслящимъ, то думай такъ же и обо мнѣ и не обвиняй меня: а когда напротивъ, B.
то суди прежде учителя, чѣмъ меня; потому что онъ развращаетъ стариковъ, Сократа и отца своего, — перваго посредствомъ наставленій, а послѣдняго посредствомъ упрековъ и наказанія. Если же онъ не повѣритъ мнѣ и не освободитъ меня отъ суда, или, вмѣсто меня, подастъ доносъ на тебя; то и ты въ судѣ скажешь противъ него то самое, что прежде говорилъ я.

Эвт. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; пусть только попробуетъ донести на меня, — а открою, гдѣ у него гнило; C.
и тогда въ судѣ скорѣе будутъ разсуждать о немъ, чѣмъ обо мнѣ.

Сокр. Знаю, любезный другъ; потому-то и хочу быть

твоимъ ученикомъ. Знаю также, что никто другой, ни самъ
Мелитъ, не подумаетъ и взглянуть на тебя: напротивъ, въ
меня онъ уже всмотрѣлся такъ проницательно и легко, что
обвиняетъ въ нечестіи. Открой же мнѣ теперь, ради
Зевса, то, что для тебя, по твоему признанію, совершен-
но ясно, то-есть, какъ надобно отличать благочестіе отъ
D. нечестія—и въ убійствѣ и во всемъ другомъ. Развѣ свя-
тое не одно и то же во всякомъ дѣлѣ и не равно само се-
бѣ? Такимъ же образомъ, несвятое развѣ не противупо-
ложно всему святому и не равно само себѣ? Развѣ все,
чтобы ни было, несвятое, заключается не въ одной идеѣ
нечестія?

Эвт. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. Скажи же, что называешь ты святымъ, и что
несвятымъ?

Эвт. Святымъ я называю именно то, что теперь дѣ-
лаю, то есть — преслѣдованіе преступника, обличеннаго
либо въ убійствѣ, либо въ святотатствѣ, либо въ другихъ
E. подобныхъ дѣлахъ,—отецъ ли то будетъ, мать, или иной
кто нибудь: а непреслѣдованіе такихъ людей, по моему
мнѣнію, есть несвятое. И смотри, Сократъ, на какомъ проч-
номъ основаніи утверждается истинность этого закона [1].
Я говорилъ уже и другимъ, что справедливость требуетъ
не поблажать нечестивому, кто бы онъ ни былъ. Люди
сами почитаютъ Зевса высочайшимъ и правосуднѣйшимъ
6. изъ боговъ; однакожъ вѣрятъ, что онъ связалъ своего от-
ца, безъ вины пожиравшаго дѣтей, а потомъ за другія
подобныя дѣла даже оскопилъ его. Между тѣмъ на меня до-
садуютъ, что я вооружаюсь противъ отца—преступника, и
такимъ образомъ, по отношенію къ дѣлу боговъ и моему,
противорѣчатъ сами себѣ.

---

[1] Это основаніе есть примѣръ Зевса, который связалъ и оскопилъ своего отца, Хроноса. Значитъ, Эвтифронъ основывается на нелѣпомъ вѣрованіи народа, о коемъ впослѣдствіи Теренцій, хотя также язычникъ, сказалъ: at quem deum!—ego homuncio hoc non facerem. Eun. III. 5. 40. sqq.

Сокр. А не за то-то ли, Эвтифронъ, я и подпадаю подъ судъ, что подобные разсказы о богахъ слушаю какъ-то съ неудовольствіемъ? Въ томъ-то, скажутъ вѣроятно, я и погрѣшаю. Если же теперь и ты, при всемъ глубокомъ знаніи дѣлъ божественныхъ, держишься того же мнѣнія; то намъ необходимо, кажется, уступить. Да и какой дадимъ отвѣтъ [1], B.
когда сами соглашаемся, что объ этомъ ничего не знаемъ? Но скажи, ради бога дружбы [2], думаешь ли ты, что это дѣйствительно такъ было.

Эвт. Было еще удивительнѣе этого, Сократъ, о чемъ простой народъ не вѣдаетъ.

Сокр. Значитъ, ты думаешь, что между богами въ самомъ дѣлѣ бываетъ сильная вражда, драка и многое тому подобное [3], о чемъ разсказываютъ поэты, что малюютъ добрые живописцы — и въ другихъ священныхъ для насъ мѣстахъ, и на той мантіи [4], которая, со множествомъ подоб- C.

---

[1] *То и намъ необходимо, кажется, уступить. Да и какой дадимъ отвѣтъ....* ἀνάγκη δὴ, ὡς ἔοικε, καὶ ἡμῖν ξυγχωρεῖν. Τί γὰρ καὶ φήσομεν, ... Здѣсь множественное ἡμῖν надобно понимать какъ единственное: намъ, то-есть, такимъ людямъ, какъ я. Подобное употребленіе множественнаго числа, вмѣсто единственнаго, въ рѣчи Сократовой весьма обыкновенно. Вотъ и ниже 11 B. τοῦ ἡμετέρυ προγόνυ, надобно переводить: *моего предка.*

[2] *Ради бога дружбы,* πρὸς Φιλίυ. Φίλιος было одно изъ многихъ именъ Зевса, подъ которымъ онъ признаваемъ былъ за покровителя дружбы.

[3] Эти басни о богахъ Платону вообще не нравились. Онъ въ своемъ Государствѣ строго запрещаетъ питать ими юные умы дѣтсй. De Rep. II. p. 378. C. sqq. III. p. 408. C. D. et alib..

[4] *И на той мантіи,* ὁ πέπλος. Словомъ πέπλος Греки называли женскую мантію, расписанную разными изображеніями и посвященную Минервѣ. *Servio* Aen. L. 1. По свидѣтельству Лютація Плацида (in Thebaid. L. 10.), peplum est vestis candida, avreis clavis picta (расписанная золотыми бантами) sive manicis (?) quod simulachris fiebat. Hoc peplum primum est ab Atheniensibus institutum, quod matronæ suis manibus faciebant et inter triennium (quinquennium?) numinibus offerebant. На этой мантіи, какъ говоритъ Виргилій, изображалось пораженіе Гигантовъ рукою Минервы, также подвиги аѳинскихъ вождей (отсюда поговорка комиковъ: ἄνδρες ἄξιοι τοῦ πέπλυ Aristoph. Equit), ихъ генеалогія, послѣдніе дни жизни, родъ смерти, гробницы съ эпитафіями. *Sam. Petitus* comm. in II. Atticos L. 1. tit. 1. Впрочемъ честь быть изображеннымъ на Минервиной мант:и принадлежала однимъ умершимъ; а при жизни только Антигонъ и Димитрій Поліоркетъ удостои-

ныхъ изображенiй, въ праздникъ великихъ Панаѳиней [1] перевозится въ Акрополисъ? Назовемъ ли все это истиннымъ, Эвтифронъ?

Эвт. Не одно это, Сократъ; я, если угодно, разскажу тебѣ о дѣлахъ божественныхъ много и другаго, и увѣренъ, что, слушая меня, ты изумишься.

Сокр. Неудивительно; но объ этомъ разскажешь мнѣ когда-нибудь на досугѣ; а теперь попытайся объяснить то, о
D. чемъ я недавно просилъ тебя. Вѣдь ты, другъ мой, еще не разрѣшилъ удовлетворительно перваго моего вопроса: въ чемъ состоитъ святое? а только сказалъ мнѣ, будто святымъ называешь то, что теперь дѣлаешь, то-есть, обвиняешь отца въ убiйствѣ.

Эвт. И сказалъ правду, Сократъ.

Сокр. Можетъ быть. Но называешь ли ты, Эвтифронъ, и многiе другiе поступки святыми?

Эвт. Конечно.

Сокр. А помнишь ли, что я спрашивалъ тебя не объ од-

лись видѣть на ней имена свои. Процессiя съ Минервиною мантiею отличалась величайшею пышностiю: въ ней участвовали не только Аѳиняне всѣхъ сословiй, половъ и возрастовъ, но и иностранцы, къ этому времени стекавшiеся въ Аѳины. Въ процессiи старики обязаны были идти съ оливковыми вѣтвями, мужчины помоложе — съ заступами, а женщины—съ кувшинами и зонтиками. Подъ словомъ πέπλος разумѣлась также и обыкновенная мантiя, употреблявшаяся восточными народами, Греками и Римлянами. Она была чрезвычайно длинна и широка, такъ что закрывала не только весь станъ человѣка, но и лице его; при томъ дѣлалась изъ самой тонкой ткани, что заставило Сенеку назвать ее nebulam et ventum textilem. Сравн. *Lippoman.* Gen. c. 38 и 14.

[1] *Въ праздникъ великихъ Панаѳиней.* Этотъ праздникъ установленъ въ честь Минервы Эрихтонiемъ, сыномъ Вулкана, и потому названъ Аѳинеею, Ἀθήναια. *Harpocration.* Имя же Панаѳинеи получилъ онъ, говорятъ, отъ того, что Тезей, соединивъ всѣ аттическiя племена въ одно общество, призналъ нужнымъ увѣковѣчить память этого событiя всенароднымъ праздникомъ, или, по Плутарху, παναθήναια θυσίαν ἐποίησε κοινήν. Панаѳиней было двѣ, великая и малая: первая совершалась чрезъ пять лѣтъ, вторая ежегодно, а по другимъ свидѣтелямъ, чрезъ три года. На каждую изъ нихъ отдѣльныя Греческiя племена присылали въ Аѳины быка для публичной жертвы. На этомъ основывается шутка Аристофана въ Облакахъ, что въ праздникъ Панаѳиней Аѳины бываютъ весьма богаты рогами (т. е въ Аѳинахъ тогда господствовало чрезвычайное пьянство).

номъ и не о двухъ святыхъ дѣлахъ изъ множества ихъ, но о цѣломъ родѣ, въ которомъ все святое — свято? Ты какъ будто сказалъ, что, въ отношеніи къ одной идеѣ, все несвя- E.
тое—несвято, а святое—свято. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. Такъ научи же меня, что такое самая эта идея, чтобы, смотря на нее и пользуясь ею, какъ образцомъ, я могъ все согласное съ нею — и въ твоихъ поступкахъ, и въ поступкахъ другихъ людей, назвать святымъ, а несогласное—несвятымъ.

Эвт. Скажу и это, Сократъ, если хочешь.

Сокр. Да, хотѣлъ бы-таки.

Эвт. Святое есть то, что пріятно богамъ, а несвятое — то, что имъ непріятно.

Сокр. Прекрасно, Эвтифронъ; ты далъ такой отвѣтъ, о 7.
какомъ я просилъ тебя. Вѣренъ ли онъ, конечно еще не извѣстно; но ты, разумѣется, докажешь, что говоришь справедливо.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Давай же, разсмотримъ свое положеніе. Богопріятный поступокъ и богопріятный человѣкъ святъ: богоненавистный поступокъ и богоненавистный человѣкъ несвятъ. Это—не одно и тоже, но святое совершенно противуположно несвятому. Не такъ ли?

Эвт. Такъ.

Сокр. И тебѣ кажется, это хорошо сказано?

Эвт. Думаю, Сократъ; вѣдь сказано.

Сокр. Но и то сказано, Эвтифронъ, что между богами B.
бываютъ ссоры, взаимное несогласіе и вражда другъ противъ друга.

Эвт. Конечно сказано.

Сокр. А вражда и гнѣвъ, почтеннѣйшій, проистекаютъ не изъ разногласія ли касательно чего-нибудь? Разсмотримъ это. Положимъ, что я и ты различно думали бы о числахъ, которое изъ нихъ болѣе: разногласіе въ этомъ отношеніи

конечно возбудило бы между нами вражду и вооружило бы
C. насъ другъ противъ друга, пока, сосчитавшись по этому предмету, мы не примирились бы одинъ съ другимъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Равнымъ образомъ, если бы мы разногласили касательно большаго и меньшаго; то, измѣривъ вещь, вѣрно перестали бы разногласить?

Эвт. Такъ.

Сокр. Равно, обратившись къ вѣсамъ, мы, думаю, кончили бы споръ о тяжелѣйшемъ и легчайшемъ?

Эвт. Какъ не кончить!

Сокр. Отъ какого же разногласія и къ какому согласію перейти мы не могли бы, но сердились бы другъ на друга и оставались бы врагами? Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ такой
D. вопросъ неподрученъ: такъ позволь мнѣ сказать и размысли,— не есть ли это справедливое и несправедливое, хорошее и дурное, доброе и злое? не объ этихъ ли предметахъ мы разногласимъ и, не могши совершенно сойтись въ отношеніи къ нимъ, бываемъ врагами другъ другу, какъ скоро сталкиваемся—я, ты и всѣ прочіе люди?

Эвт. Точно это, Сократъ; все разногласіе бываетъ въ отношеніи къ этому.

Сокр. Чтожъ? боги-то, если разногласятъ, Эвтифронъ,— не тѣже ли предметы ихъ разногласія?

Эвт. Крайне необходимо.

Сокр. Значитъ, справедливымъ и несправедливымъ, хо-
E. рошимъ и дурнымъ, добрымъ и злымъ одни изъ боговъ, благородный Эвтифронъ, по твоимъ словамъ, почитаютъ одно, другіе—другое. Вѣдь они, вѣроятно, не ссорились бы между собою, если бы не разногласили въ этомъ отношеніи. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. И что каждый изъ нихъ почитаетъ хорошимъ, добрымъ и справедливымъ, то и любитъ, а противное этому ненавидитъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Между тѣмъ въ томъ-то, какъ ты говоришь, что одни боги почитаютъ справедливымъ, а другіе несправедливымъ,—въ томъ именно недоумѣніи есть причина ихъ ссоры и взаимной вражды. Не такъ ли?

Эвт. Такъ 8.

Сокр. Стало быть, одно и тоже и ненавидятъ они и любятъ; и дѣла какъ богоненавистныя, такъ и боголюбезныя у нихъ—однѣ и тѣже.

Эвт. Выходитъ.

Сокр. Но на этомъ основаніи, Эвтифронъ, и святое и не святое равнымъ образомъ для нихъ одно и тоже.

Эвт. Должно быть.

Сокр. Слѣдовательно ты, почтеннѣйшій, отвѣчалъ мнѣ не на вопросъ: я спрашивалъ тебя не о томъ, что бываетъ одно и тоже — и святое и не святое; а изъ твоихъ словъ видно, что боголюбезное есть вмѣстѣ и богоненавистное. Такъ напримѣръ, не удивительно, что настоящимъ своимъ поступкомъ, то-есть, обвиненіемъ отца, ты угодишь Зевсу, но B.
оскорбишь Хроноса и Урана, — сдѣлаешь пріятное Ифесту, но огорчишь Иру. Тоже должно сказать и о прочихъ богахъ, если только они не одного объ этомъ мнѣнія.

Эвт. Но ни одинъ богъ, думаю, не споритъ съ другимъ, Сократъ, что не надобно наказывать человѣка, который беззаконно убилъ кого-нибудь.

Сокр. Чтожъ, Эвтифронъ? А между людьми развѣ ты слыхалъ, чтобы кто спорилъ, что не должно подвергать на- C.
казанію беззаконнаго убійцу, или поступившаго несправедливо въ чемъ-нибудь иномъ?

Эвт. Споры объ этомъ не прекращаются ни въ другихъ мѣстахъ, ни въ судахъ. Даже тѣ, которые виноваты, какъ нельзя болѣе, все дѣлаютъ и говорятъ, чтобы избавиться отъ обвиненія.

Сокр. Но если они уже признаютъ себя виноватыми, Эв-

тифронъ; то, признавшись, говорятъ ли, что не должно наказывать ихъ?

Эвт. Этого-то никакъ не бываетъ.

Сокр. Слѣдовательно они не все дѣлаютъ и говорятъ. Я думаю, никто не осмѣлится утверждать и спорить, что не
D. должно наказывать его, хотя онъ и виноватъ. Такіе люди, видно, не почитаютъ себя виноватыми. Не правда ли?

Эвт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно они спорятъ не о томъ, что не должно наказывать виновнаго, а о томъ, кто, въ чемъ и когда виновенъ.

Эвт. Справедливо.

Сокр. Но не тоже ли самое бываетъ и съ богами, если они, по твоимъ словамъ, ссорятся о справедливомъ и несправедливомъ, то-есть, если одни изъ нихъ говорятъ, что такой-то обидѣлъ, а другіе не говорятъ? Того же, почтеннѣйшій, что не должно наказывать виновнаго, не смѣютъ сказать ни
E. боги, ни люди.

Эвт. Да, ты говоришь правду, Сократъ; именно это главное.

Сокр. При томъ, люди и боги, если только у боговъ, Эвтифронъ, бываютъ касательно чего-нибудь разногласія и споры, споря между собою, всякій разъ спорятъ, думаю, о дѣлахъ: то-есть, одни изъ нихъ говорятъ, что извѣстное дѣло сдѣлано справедливо, а другіе, — что несправедливо. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

9. *Сокр*. Итакъ наставь же меня, любезный Эвтифронъ, что бы я былъ мудрѣе; скажи, почему ты знаешь, что всѣ боги почитаютъ беззаконною смерть такого наемнаго слуги, который, сдѣлавшись человѣкоубійцею, былъ связанъ господиномъ покойника и отъ узъ умеръ, прежде нежели связавшій успѣлъ получить извѣстіе отъ истолкователей, какъ ему поступить, и что за это сынъ справедливо можетъ преслѣдовать своего отца и обвинять его въ убійствѣ. Ну-ка

постарайся доказать мнѣ какъ-нибудь яснѣе, что непремѣн- B.
но всѣ боги признаютъ это дѣло справедливымъ. Если твое доказательство будетъ достаточно; то я никогда не перестану прославлять твою мудрость.

Этв. Но,можетъ быть, тутъ потребовалось бы,Сократъ, не мало труда, еслибы я захотѣлъ доказать тебѣ это съ совершенною ясностію [1].

Сокр. Понимаю: въ твоихъ глазахъ я не столь смышленъ, какъ судьи; вѣдь имъ-то ты, разумѣется, докажешь, что это беззаконно [2], что такія дѣла ненавистны всѣмъ богамъ.

Эвт. Да и весьма ясно, Сократъ, — только бы захотѣли меня слушать.

Сокр. Будутъ слушать, лишь бы твоя рѣчь показалась C.
хорошею. Но между тѣмъ какъ ты говорилъ,—я подумалъ и теперь размышляю самъ съ собою: положимъ, Эвтифронъ въ самомъ дѣлѣ научилъ бы меня, что такую смерть всѣ боги признаютъ беззаконною; узналъ ли бы я отъ него даже и тогда, въ чемъ состоитъ святое, и въ чемъ несвятое? Пусть онъ сказалъ бы, что это богоненавистно: однакожъ и тутъ, по видимому, не опредѣлилось бы еще значеніе того, что свято и противно святому; потому что дѣло богоненавистное бываетъ и богопріятнымъ. И такъ я увольняю тебя отъ отвѣ-
та, Эвтифронъ; допустимъ если угодно, что всѣ боги призна- D.
ютъ этотъ поступокъ беззаконнымъ и ненавидятъ его. Но не поправиться ли намъ съ своею рѣчью слѣдующимъ образомъ: что всѣ боги ненавидятъ, то несвято, что—любятъ, то

[1] Этими словами Эвтифронъ хочетъ выразить ту мысль, что ему конечно можно бы и легко было бы доказать это, если бы легкій для него предметъ не дѣлался труднымъ отъ внѣшнихъ препятствій. Посему Сократъ отвѣчаетъ: *понимаю,—въ твоихъ глазахъ я не столь смышленъ,* и проч.

[2] *Докажешь, что это беззаконно*, ἐνδείξει δῆλον ὅτι, ὡς ἄδικά τέ ἐστι. Въ этомъ выраженіи Штальбомъ видитъ не маловажное доказательство, что Эвтифронъ есть сочиненіе Платоново. Слова δῆλον ὅτι въ позднѣйшее время развитія греческаго языка слились въ одно δηλονότι, какъ у насъ слова *въ мѣсто* сдѣлались предлогомъ *вмѣсто.* Замѣчательно, что въ Алкивіадѣ второмъ, котораго подлинность съ самомъ дѣлѣ сомнительна, вездѣ пишется δηλονότι. Напримѣръ 449. B. Τὸν γὰρ θεὸν οὐκ ἐᾶν δηλονότι.

свято; что одни любятъ, другіе ненавидятъ, то ни то ни сё, или и то и сё? Хочешь ли, такъ опредѣлимъ святое и несвятое?

Эвт. Что же препятствуетъ, Сократъ?

Сокр. Мнѣ-то ничто не препятствуетъ, Эвтифронъ; но ты смотри свое [1]: допустивъ это, удобно ли тебѣ научить меня тому, что обѣщалъ?

Эвт. Да, я могу допустить, что любезное всѣмъ богамъ
E. свято, а ненавистное всѣмъ богамъ несвято.

Сокр. Но разсматривать ли намъ, Эвтифронъ, истинность этого положенія, или оставить, и, когда утверждаютъ, что это такъ, просто принимать мнѣніе, — наше ли оно будетъ, или чужое? Впрочемъ, не лучше ли изслѣдовать, что тутъ говорится?

Эвт. Лучше изслѣдовать; хотя я думаю, что теперь мы сказали хорошо.

Сокр. А вотъ сей-часъ узнаемъ обстоятельнѣе, почтеннѣйшій. Подумай-ка о слѣдующемъ: святое потому ли свято, что любезно богамъ, или потому любезно богамъ, что
10. свято [2]?

Эвт. Я не понимаю твоихъ словъ, Сократъ.

Сокр. Такъ постараюсь сказать яснѣе: мы называемъ нѣчто носимымъ и носящимъ, водимымъ и водящимъ, видимымъ и видящимъ. Ты понимаешь, что все это отлично одно отъ другаго, какъ отличное?

Эвт. Да, кажется, понимаю.

Сокр. Поэтому, если есть любимое, то не отлично ли оно отъ любящаго?

Эвт. Какъ не отлично!

---

[1] Ты помни свое обѣщаніе — научить меня, что такое святость.

[2] Этими словами начинается изложеніе Сократова ученія, что святое свято—не потому, что оно любимо богами: напротивъ боги оттого-то и любятъ его, что оно свято. Любовь боговъ не есть существенный признакъ святости самой по себѣ, не обозначаетъ ея природы, а только показываетъ, какъ дѣйствуетъ она на боговъ, и свидѣтельствуетъ, что сами боги приносятъ ей дань благоговѣнія. Впрочемъ см. ниже р. 11. А.

Сокр. Скажи же мнѣ: носимое потому ли носимое, что B.
его носятъ, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. И водимое,—по тому, что его водятъ, и видимое,—по тому, что его видятъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значитъ, видимое не по тому видятъ, что оно видимо, а напротивъ—по тому видимо, что его видятъ; и водимое не по тому водятъ, что оно водимо, а по тому водимо, что его водятъ; и носимое не по тому носятъ, что оно носимо, а по тому носимо, что его носятъ. Ясно ли теперь, Эвтифронъ, что хочу я сказать? Я хочу сказать слѣдующее:
если что-нибудь бываетъ, или страдаетъ; то бываетъ не по C.
тому, что оно есть бываемое, а по тому есть бываемое, что оно бываетъ; и страдаетъ не по тому, что оно есть страдательное, а по тому есть страдательное, что оно страдаетъ. Или ты не согласенъ съ этимъ?

Эвт. Согласенъ.

Сокр. А любимое не есть ли нѣчто бываемое, либо нѣчто страдательное въ отношенiи къ чему-нибудь?

Эвт. Конечно.

Сокр. Значитъ, и оно таково же, какъ прежнее: то-есть, если любятъ его, то любятъ не по тому, что оно любимо, а по тому оно любимо, что его любятъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. Итакъ, что же скажемъ мы о святомъ, Эвтифронъ? D.
не то ли, что оно, согласно съ прежнимъ твоимъ мнѣнiемъ, любезно всѣмъ богамъ?

Эвт. Да.

Сокр. Но по тому ли, что оно свято, или по чему иному?

Эвт. Нѣтъ, именно по этому.

Сокр. Слѣдовательно оно любимо по тому, что свято, а не потому свято, что любимо.

Эст. Выходитъ.

Сокр. И однакожъ боголюбезное боголюбезно и любимое любимо—по тому, что его любятъ боги.

Эвт. Какъ же иначе!

Сокр. Значитъ, боголюбезное не есть святое, Эвтифронъ, и святое, по твоимъ же словамъ, не есть боголюбезное; но одно отлично отъ другаго.

Эвт. Какъ же такъ, Сократъ?

Сокр. Такъ. Мы согласились, что святое по тому люби-
E. мо, что свято, а не по тому свято, что любимо. Не прав-
да ли?

Эвт. Да.

Сокр. Боголюбезное же таково, поколику любезно богамъ, то-есть, боголюбезно именно по тому, что любимо, а не по тому любимо, что боголюбезно.

Эвт. Твоя правда.

Сокр. Но если боголюбезное и святое, Эвтифронъ,—одно и
тоже; то, какъ святое любятъ ради того, что оно свято, такъ
11. и боголюбезное любили бы по тому, что оно боголюбезно.
Если же боголюбезное боголюбезно по тому, что оно любимо
богами, то и святое было бы свято по тому, что оно любимо
ими. Между тѣмъ ты видишь, что онѣ находятся въ обрат-
номъ отношеніи, какъ отличныя одно отъ другаго: то-есть,
первое надобно любить потому, что его любятъ; а послѣднее
любятъ потому, что его надобно любить. Видно же на мой
вопросъ, что называется святымъ, ты, Эвтифронъ, не хо-
тѣлъ открыть самую сущность его, а только показалъ нѣко-
B. торое его свойство. Ты сказалъ, что ему свойственно быть
любезнымъ для всѣхъ боговъ, а не сказалъ, что такое оно
само по себѣ [1]. Итакъ, если тебѣ пріятно, не скрывай отъ
меня этого, но объяви опять сначала, что называется свя-

[1] На это высокое ученіе надобно смотрѣть какъ на одно изъ поразительнѣйшихъ доказательствъ, что Платонъ, по своимъ убѣжденіямъ, былъ вовсе не политеистъ. Здѣсь въ логическихъ понятіяхъ высказывается таже мысль, которую въ Федрѣ (p. 247.) представляетъ этотъ философъ въ прекрасномъ образѣ.

тымъ, независимо отъ того, любезно ли оно богамъ, или имѣетъ какое-нибудь другое свойство. Объ этомъ мы разногласить не будемъ; только скажи искренно, что почитается святымъ и несвятымъ.

Эвт. Но я не знаю, Сократъ, какъ высказать тебѣ свои мысли. Все, что мы ни выставимъ [1], какъ-то кружится у насъ и не хочетъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ было поставлено.

Сокр. Видно твои слова, Эвтифронъ,—слова моего предка Дедала [2]. Если бы сказалъ и постановилъ ихъ я; то ты, можетъ быть, посмѣялся бы надо мною: вотъ-де, по родству съ нимъ, и у тебя содержаніе убѣгаетъ изъ рѣчи и не хочетъ оставаться тамъ, гдѣ было положено. А теперь, такъ какъ предположенія сдѣланы тобою, нужна иная шутка: ты самъ видишь, что онѣ не устаиваются у тебя, какъ и у Дедала. C.

Эвт. Кажется, Сократъ, что наши слова вызываютъ

---

[1] *Все, что мы ни выставимъ,* ὃ ἂν προθώμεθα. Такъ читается по Альду, но по Стефану ὑποθώμεθα, что, кажется, неправильно; потому что Эвтифронъ говоритъ здѣсь метафорически, и Платонъ видимо примѣняетъ его выраженіе къ выставкѣ.

[2] *Слова моего предка Дедала.* Причина, по которой Сократъ называетъ Дедала своимъ предкомъ, заключается конечно не въ родствѣ послѣдняго съ первымъ, а въ томъ, что Софронискъ занимался скульптурою, слѣдовательно былъ потомкомъ Дедала по искуству. Можно думать и такъ, что въ Аттикѣ существовало поколѣніе Дедалидовъ (см. *Steph. Byzant.*), подобно поколѣнію Асклепіадовъ, которое смотрѣло на древняго скульптора, какъ на своего учителя и корифея. Наконецъ Сократъ могъ почитать себя потомкомъ Дедала и въ томъ смыслѣ, къ какомъ онъ приписывалъ себѣ знаніе повивальнаго искуства, заимствованнаго имъ отъ матери; поколику то-есть, разговаривая съ своими собесѣдниками, подчинялъ ихъ рѣчь законамъ умственной механики и давалъ ей любое направленіе. Дедалъ, по миѳологическимъ сказаніямъ, былъ великій механикъ: онъ изобрѣлъ топоръ, пилу, отвѣсъ, буравъ и другія художническія орудія; при томъ ввелъ въ употребленіе паруса, устроивъ ихъ на подобіе крыльевъ. Отсюда—басня alarum Dedali. Онъ дѣлалъ также статуи и, посредствомъ невидимаго механизма, приводилъ ихъ въ движеніе. Сверхъ того древность приписываетъ ему построеніе критскаго лабиринта и множество другихъ удивительныхъ вещей. *Hofmann.* lex v. Ded Упоминаніе о статуяхъ Дедала см. также Менон. р. 97. Д.; а о томъ, что Сократъ производилъ свой родъ отъ Дедала, см. Alcib. 1. p. 121. A.

именно такую шутку: но не я сообщилъ имъ способность кру-
D. житься и не стоять на одномъ мѣстѣ, а ты представляешься мнѣ Дедаломъ; у меня-то оставалось бы это такъ.

Сокр. Видно же, другъ мой, въ искуствѣ я настолько превосходнѣе того человѣка, что[1] онъ дѣлалъ движимыми только собственныя свои произведенія, а мнѣ, кромѣ собственныхъ, пришлось приводить въ движеніе и чужія. При томъ,—вотъ торжество искуства: я—мудрецъ нехотя; мое желаніе было
E. установить рѣчь и сдѣлать ее твердою, чтобы къ мудрости Дедала присоединить особенно сокровища Танталовы[2]. Впрочемъ довольно объ этомъ. Такъ какъ ты, кажется мнѣ, безпеченъ; то я самъ, вмѣстѣ съ тобою, постараюсь показать, какимъ образомъ тебѣ надлежало бы учить меня, что называется святымъ. Не поскучай же, смотри: все святое не необходимо ли представляется тебѣ справедливымъ?

Эвт. Необходимо.

Сокр. А все справедливое—святымъ?—Или, можетъ быть, все святое справедливо, но не все справедливое свято? мо-
12. жетъ быть, одно свято, а другое—другое?

Эвт. Я не могу слѣдовать за твоими мыслями, Сократъ.

Сокр. Однакожъ ты во сколько моложе меня, во столько же и мудрѣе. Тебѣ, какъ я сказалъ, мѣшаетъ одна безпечность, происходящая отъ богатства мудрости. Но сдѣлай усиліе, почтеннѣйшій. Да о моихъ словахъ и не трудно размыслить. Я говорю противное тому, что воспѣваетъ поэтъ[3]:

---

[1] Въ этой конструкціи ὥστω не можетъ быть переводимо словомъ *насколько*; потому что оно здѣсь не усиливаетъ мысли, а только показываетъ сравненіе и могло бы быть замѣнено союзомъ ὅτι, если бы не выражалось имъ сравниванія.

[2] Танталовы сокровища лежали безъ движенія. См. прим. р. 315. С. къ Протагору. Этою аллегоріею Сократъ выражаетъ ту мысль, что дедаловское движеніе рѣчи въ разговорѣ должно имѣть цѣлію неподвижную, никогда неизмѣняющуюся истину, всесовершенное сокровище, котораго человѣкъ ищетъ и не находитъ.

[3] *Что воспѣваетъ поэтъ*, ἢ ὁ ποιητὴς ἐποίησεν ὁ ποιήσας. Подъ словомъ ὁ ποιητὴς иногда разумѣется прямо Омиръ: но здѣсь Сократъ указываетъ на Стасина, котораго кипрскія стихотворенія вошли въ такую славу, что

О Зевсѣ, который все сотворилъ и все насадилъ, что мы видимъ,
Вести свою рѣчь ты не хочешь, за тѣмъ что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ.

Въ этомъ я не согласенъ съ поэтомъ: сказать ли по чему? B.

Эвт. Скажи.

Сокр. Я не думаю, что гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Мнѣ кажется, многіе хоть и боятся болѣзней, бѣдности и другихъ вещей; но, боясь, не стыдятся того, чего боятся. Не такъ ли и тебѣ кажется?

Эвт. Конечно.

Сокр. Напротивъ, гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ; потому что найдется ли такой человѣкъ, который бы, стыдясь чего-нибудь и краснѣя, не опасался въ тоже время и не боялся C.
безславія?

Эвт. Да, боится.

Сокр. Слѣдовательно несправедливо сказано: гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ. Надобно сказать: гдѣ стыдъ, тамъ и страхъ. То-есть, гдѣ страхъ-то, тамъ не всегда бываетъ стыдъ; потому что страхъ, кажется, обширнѣе стыда: стыдъ есть часть страха, какъ нечетъ есть часть числа; такъ что, гдѣ есть число, тамъ можно еще и не быть нечету, а гдѣ есть нечетъ, тамъ уже есть и число. Понимаешь ли по крайней мѣрѣ это-то?

Эвт. Конечно.

Сокр. Такъ вотъ такой же вопросъ былъ и прежде. Точно ли, гдѣ справедливое, тамъ и святое? или на оборотъ: гдѣ святое, тамъ и справедливое, а гдѣ справедливое, тамъ D.
не всегда бываетъ святое, поколику то-есть святое разумѣется, какъ часть справедливаго? Такъ ли скажемъ, или тебѣ иначе кажется?

Эвт. Не иначе, а такъ; потому что ты говоришь правду.

сочинителя ихъ почитали зятемъ Омира; а по свидѣтельству Иродота (II. 117), нѣкоторые приписывали ихъ и самому Омиру. *Fischer* ad. h. l. *Henrichsen*, de carminibus Cypriis p. 69. *Nitsch*. De Aristotele contra Wolfianos p. 20 sqq.

Сокр. Смотри же, что далѣе. Если святое есть часть справедливаго; то по видимому надобно опредѣлить, какую часть справедливаго составляетъ святое. Положимъ, ты спросилъ бы меня, о чемъ сей-часъ говорено было, то-есть: какую часть числа составляетъ четъ, и что это за-число? Я отвѣчалъ бы: у котораго не неравныя, а равныя стороны [1]. Или не такъ?

Эвт. Такъ.

E. *Сокр*. Постарайся же и ты объяснить мнѣ такимъ образомъ: святое —какая часть справедливаго?—и тогда скажемъ Мелиту, что онъ не долженъ обижать насъ и обвинять въ нечестіи; такъ какъ мы достаточно узнали отъ тебя, что называется благочестивымъ и святымъ, и что нѣтъ.

Эвт. Благочестивое и святое, Сократъ, кажется, есть та часть справедливаго, которая относится къ служенію богамъ; а прочія части того же справедливаго относятся къ служенію [2] людямъ.

Сокр. Ты, по видимому, прекрасно говоришь, Эвтифронъ.
13. Теперь мнѣ нужно нѣчто немногое. Я еще не понимаю, что

---

[1] *У котораго не неравныя, а равныя стороны*, ὃς ἂν μὴ σκαληνὸς ᾖ, ἀλλ' ἰσοσκελής. Слова σκαληνὸς и ἰσοσκελὴς суть нечетъ и четъ въ протяженностяхъ, то-есть въ области геометрическихъ измѣреній; а въ отношеніяхъ численныхъ имъ соотвѣтствуютъ περιττὸς и ἄρτιος.

[2] Слово θεραπεία у Грековъ имѣло двоякое значеніе: оно значило — вопервыхъ служить кому-нибудь, или исполнять чьи нибудь приказанія; во вторыхъ ходить около чего либо, или содержать вещь въ надлежащемъ ея состояніи. θεραπεία въ первомъ значеніи есть безусловный долгъ, исключающій всякое право, и цѣль его — въ безусловномъ правѣ того, кто приказываетъ; θεραπεία во второмъ значеніи есть чистый произволъ, внѣ всякаго долга, основывающійся на одномъ правѣ свободной дѣятельности и имѣющій цѣль въ самомъ себѣ. Эвтифронъ имѣлъ въ виду какъ будто эти два рода взаимно противуположныхъ служеній, когда различалъ ихъ по предметамъ. Но Сократъ, удержавъ это различіе предметовъ, мысленно сталъ на срединѣ между долгомъ и произволомъ и, поставивъ въ отношеніе ихъ цѣли, представилъ третій, средній родъ служенія соціальнаго или относительнаго. Такое служеніе есть въ собственномъ смыслѣ нравственное; потому что основаніе его въ нѣдрѣ свободы, цѣль — въ безусловномъ, и поприще — безконечный путь самоусовершенія, опредѣляемый и направляемый идеею безусловнаго блага. Но Сократъ не высказалъ этой истины, а только приблизился къ ней.

у тебя называется служеніемъ. Вѣдь не скажешь ты конечно, что, каково бываетъ служеніе въ отношеніи ко всему другому, таково должно быть оно и въ отношеніи къ богамъ. Мы говоримъ же, напримѣръ, что не всякій умѣетъ служить лошадямъ, а только всадникъ. Не такъ ли?

Эвт. Конечно.

Сокр. По этому искуство всадника состоитъ въ служеніи лошадямъ.

Эвт. Да.

Сокр. И не всякій умѣетъ служить собакамъ, а только псарь.

Эвт. Такъ.

Сокр. Значитъ, искуство псаря есть служба собакамъ.

Эвт. Да. B.

Сокр. А искуство пастуха—служба быкамъ.

Эвт. Конечно.

Сокр. А святость и благочестіе—служеніе богамъ, Эвтифронъ. Не такъ ли ты говоришь?

Эвт. Такъ.

Сокр. Но вѣдь всякое служеніе дѣлаетъ одно и тоже, а именно,—какое-нибудь добро и пользу тому, чему служитъ. Напримѣръ: ты самъ видишь, что отъ службы всаднической получаютъ пользу и становятся лучшими лошади. Или тебѣ иначе кажется?

Эвт. Нѣтъ, не иначе.

Сокр. Такимъ же образомъ, отъ службы псарной — собаки, отъ пастушьей — быки. Тоже должно сказать и о всемъ C.
другомъ. Или ты думаешь, что служеніе приноситъ вредъ тому, кому служитъ?

Эвт. Нѣтъ, ради Зевса, не думаю.

Сокр. Слѣдовательно—пользу?

Эвт. Какъ же иначе?

Сокр. Неужели же и святость, какъ служеніе богамъ, приноситъ имъ пользу и дѣлаетъ ихъ лучшими? Но можешь

ли согласиться, что, совершая извѣстное святое дѣло, ты улучшаешь котораго-нибудь бога?

Эвт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Конечно, я и самъ не думаю, Эвтифронъ, чтобы ты сказалъ это; — куда думать! Для того-то я и спросилъ, какъ ты понимаешь служеніе богамъ, что былъ увѣренъ въ

D. твоемъ несогласіи разумѣть его такимъ образомъ.

Эвт. Да и справедливо, Сократъ; потому что я въ самомъ дѣлѣ не такъ разумѣю его.

Сокр. Положимъ; какое однакожъ служеніе богамъ называется святостію?

Эвт. Такое, Сократъ, какое прилично слугамъ въ отношеніи къ ихъ господамъ.

Сокр. Понимаю: это должно быть искуство угождать богамъ.

Эвт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но можешь ли сказать, въ исполненіи какого дѣла искуство угождать угождаетъ врачамъ? не въ возстановленіи ли здоровья?

Эвт. Конечно.

Сокр. Чтожъ? а кораблестроителямъ искуство угождать въ исполненіи какого дѣла угождаетъ?

E. *Эвт.* Явно, что въ постройкѣ кораблей, Сократъ.

Сокр. А домостроителямъ, видно, въ постройкѣ домовъ?

Эвт. Да.

Сокр. Скажи же, почтеннѣйшій: искуство угождать богамъ въ исполненіи какого дѣла угождаетъ? Ты, разумѣется, знаешь это; такъ какъ самъ говоришь, что лучше всѣхъ разумѣешь предметы божественные.

Эвт. И правду говорю, Сократъ.

Сокр. Скажи же, ради Зевса, въ чемъ состоитъ то прекраснѣйшее дѣло, которое производятъ боги, пользуясь нашими угожденіями?

Эвт. Такихъ прекрасныхъ дѣлъ много, Сократъ.

Сокр. Конечно,—и у полководцевъ также, любезнѣйшій; 14.
однакожъ о главномъ дѣлѣ ихъ сказать нетрудно: то-есть, они выигрываютъ побѣду на войнѣ. Не такъ ли?

Эвт. Какъ же иначе?

Сокр. Равнымъ образомъ много прекрасныхъ дѣлъ и у земледѣльцевъ; однакожъ главное дѣло ихъ есть произращеніе пищи изъ земли.

Эвт. Конечно.

Сокр. Ну, а изъ многихъ и прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, которое—главное?

Эвт. Я недавно уже сказалъ тебѣ, Сократъ, что узнать B.
съ точностію все это стоитъ не малаго труда. Вотъ мой простой отвѣтъ: кто въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ умѣетъ и говорить и дѣлать угодное богамъ; того дѣла святы и спасительны, какъ для собственнаго его дома, такъ и для общества: а противныя богоугоднымъ—нечестивы, все искореняютъ и губятъ.

Сокр. Конечно, если бы ты захотѣлъ, Эвтифронъ, то могъ бы еще гораздо короче выразить главное въ томъ, о чемъ я спрашивалъ. Но у тебя нѣтъ усердія научить меня; это видно. Вотъ, и приблизившись къ дѣлу, ты возвращаешься назадъ. Выслушавъ твой отвѣтъ, я и безъ тебя уже C.
достаточно уразумѣлъ бы, что такое святость: а теперь вопрошающій по необходимости долженъ слѣдовать за вопрошаемымъ, куда бы послѣдній ни шелъ. Итакъ что же называешь ты святымъ и святостію? ужь не умѣнье ли приносить жертвы и молиться?

Эвт. Да.

Сокр. Но приносить жертвы не значитъ ли давать богамъ, а молиться—просить у нихъ?

Эвт. И очень, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, по твоимъ словамъ, есть D.
умѣнье просить боговъ и давать имъ?

Эвт. Ты весьма хорошо понялъ меня, Сократъ.

Сокр. Потому, любезнѣйшій, что жажду мудрости и

прилагаю къ ней умъ свой, чтобы не уронить ни одного твоего слова[1].—Но скажи мнѣ, что же будетъ самое угожденіе богамъ? видно, просить ихъ и давать имъ?

Эвт. Да.

Сокр. А справедливо просить, не значитъ ли—просить у нихъ того, что намъ нужно съ ихъ стороны?

Эвт. Чего же еще?

Сокр. И опять, справедливо давать, не значитъ ли—отда-
E. ривать ихъ тѣмъ, что имъ нужно съ нашей стороны?—Вѣдь не ловко же было бы, кажется, дарить кого-нибудь такою вещію, въ которой онъ не нуждается.

Эвт. Твоя правда, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно святость, Эвтифронъ, есть какое-то торговое искуство между богами и людьми?

Эвт. Пожалуй, если тебѣ пріятно такъ назвать ее.

Сокр. Мнѣ-то непріятно, если это невѣрно. Скажи,
15. какую пользу боги получаютъ отъ нашихъ даровъ? Что они даютъ, то всякому извѣстно; потому что у насъ нѣтъ ничего добраго, что было бы даровано не ими. Но въ чемъ состоитъ та польза, которую они получаютъ отъ насъ? Или наша выгода въ этой торговлѣ такъ выше ихъ выгоды, что отъ нихъ мы пріобрѣтаемъ всѣ блага, а отъ насъ они не пріобрѣтаютъ ничего?

Эвт. Развѣ ты думаешь, Сократъ, что боги пользуются тѣмъ, что получаютъ отъ насъ?

Сокр. А иначе, что значили бы наши дары богамъ, Эвтифронъ?

Эвт. Что другое представишь, кромѣ чествованія, поклоненія и благодарности, какъ я недавно сказалъ?

B. *Сокр.* По этому святость есть выраженіе благодарности, Эвтифронъ, а не то, что полезно и любезно богамъ?

---

[1] Οὐ χαμαὶ πεσεῖται, ὅ τι ἂν εἴπῃς. Schol. Παροιμία. Οὐ μὴ χαμαὶ πέσῃ — ἐπὶ τῶν διακενῆς οὐδὲν λεγόντων, ἀλλ' ἐπιτυγχανόντων. Тоесть, эта пословица примѣняется къ тѣмъ, у которыхъ расчитано каждое слово, или которые ничего не говорятъ на вѣтеръ.

Эвт. Да, выраженіе благодарности для нихъ, кажется, любезнѣе всего.

Сокр. Такъ опять выходитъ, что святое—то, что любезно богамъ?

Эвт. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Но говоря это, будешь ли удивляться, что слова твои не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а бродятъ? и захочешь ли обвинять меня, какъ Дедала, въ ихъ непостоянствѣ? Ты самъ, гораздо искуснѣе, чѣмъ Дедалъ, заставляешь ихъ ходить кругомъ. Развѣ не замѣчаешь, что наша рѣчь пришла C.
опять къ своему началу? Вѣроятно ты помнишь, что святое и боголюбезное прежде было у насъ не одно и тоже, а различно. Или не помнишь?

Эвт. Помню.

Сокр. А теперь развѣ не сознаешь, что любезное богамъ называешь святымъ? Вѣдь любезное богамъ есть не иное что, какъ боголюбезное. Или нѣтъ?

Эвт. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, или прежнее положеніе не хорошо, или теперешнее невѣрно, если то хорошо.

Эвт. Выходитъ.

Сокр. Итакъ надобно изслѣдывать снова, что называется D.
святымъ: я, сколько отъ меня зависитъ, не откажусь отъ этого предмета, пока не узнаю его. Не презри же меня, но непремѣнно удостой своимъ вниманіемъ и хоть теперь наконецъ скажи истину. Тебѣ она извѣстна вѣдь болѣе, чѣмъ другимъ; а потому тебя не должно выпускать изъ рукъ, какъ Протея, пока не скажешь [1]. Если бы ты не зналъ ясно, что называется святымъ и нечестивымъ, то какъ бы рѣшиться — за человѣка наемнаго, настойчиво обвинять [2]

[1] См. прим. къ Эвтид. p. 288. C. У Эвтифрона Сократъ видитъ такое же превращеніе понятій о святости, какъ превращался Протей.

[2] *Настойчиво обвинять въ убійствѣ*, διωκάθειν φόνου. По нѣкоторымъ изданіямъ διώκειν. Но знаменитый филологъ Германъ достаточно въ особомъ разсужденіи доказалъ, что глаголы оканчивающіеся на αθειν, εθειν и υθειν, выражаютъ нарочитую силу, продолжительность и напряженіе дѣйствія. Сравн. de Rep. II. p. 375. A. Gorg. p. 483. A. Apol. Socr. p. 32. A.

въ убійствѣ старика отца? Нѣтъ, ты и боговъ побоялся бы,
E. чтобъ какъ-нибудь не сдѣлать неправды, и постыдился бы людей. Да, я хорошо знаю, что тебѣ совершенно извѣстно святое и не святое. Скажи же, добрый Эвтифронъ; не скрывай отъ меня своихъ мыслей.

Эвт. Въ другое время, Сократъ; теперь спѣшу въ одно мѣсто, и уже пора идти.

Сокр. Что ты дѣлаешь [1], другъ мой? Твое удаленіе лишаетъ меня великой надежды,—узнавъ отъ тебя, что свято, что нѣтъ, избавиться отъ обвиненія, взнесеннаго на меня
16. Мелитомъ. Я доказалъ бы ему, что, по милости Эвтифрона, вышедши мудрецомъ въ дѣлахъ божественныхъ, и уже не говорю о нихъ пустяковъ, какъ невѣжда, не ввожу новыхъ понятій, даже хотѣлъ бы и остальную свою жизнь провести сколько можно лучше [2].

---

[1] *Οἷα ποιεῖς* — формула удивленія, когда видятъ, что кто нибудь совершаетъ такое дѣло, котораго не ожидали и не предполагали. Она читается также Charmid. p. 166. C. Alcib. 1. p. 113. E. Потомъ выраженіе: ***лишаетъ великой надежды***, *ἀπ᾽ἐλπίδος καταβαλών*, соотвѣтствуетъ латинскому: deïci, depelli de spe, которому противуполагается *ἐπ᾽ ἐλπίδος ὀχεῖσθαι* Legg. III. p. 699. B. Interpr. ad Eurip. Orest. v. 68.

[2] Послѣднія слова въ Эвтифронѣ погречески читаются такъ: *ἐνδειξάμενος ἐκείνῳ ὅτι σοφὸς ἤδη παρ᾽ εὐθύφρονος τὰ θεῖα γέγονα καὶ ὅτι οὐκέτι ὑπ᾽ ἀγνοίας αὐτοσχεδιάζω οὐδὲ καινοτομῶ περὶ αὐτά, καὶ δὴ καὶ τὸν ἄλλον βίον ὅ τι ἄμεινον βιωσοίμην*. Въ конструкціи этихъ словъ чрезвычайно затрудняло критиковъ соединеніе въ одной и тойже фразѣ различныхъ наклоненій. По этому глаголы *γέγονα, αὐτοσχεδιάζω, καινοτομῶ, βιωσοίμην* — они старались поставить въ различную зависимость. Но всѣ ихъ усилія только вредили подлинной мысли Платона и доказывали, что формулы языка греческаго, не равно ладятъ съ грамматическимъ механизмомъ языковъ новоевропейскихъ. Нашъ русскій языкъ чаще всего въ одной и той же фразѣ соединяетъ различныя наклоненія, и потому приведенныя слова Платона перелагаются на нашу рѣчь весьма естественно и безъ всякихъ усилій, равно какъ подобныя фразы Gorg. p. 512 A. Protag. p. 335 A. Alcib. p. 240. D. Charm. p. 156. E etc.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Апологія Сократа, по своему содержанію, есть не просто защитительная рѣчь въ отношеніи къ тѣмъ частнымъ пунктамъ обвиненія, которые изложены были въ доносахъ Мелита и Анита, но полный отчетъ старца въ долголѣтней его жизни и дѣятельности. Оправдываться Сократу иначе, кажется, было и невозможно; потому что у него, какъ у философа практическаго, все частное находилось въ связи съ общимъ, всѣ поступки вытекали изъ понятій. Слѣдовательно, вмѣнять ему въ вину нѣчто отдѣльное, значило-вмѣнять все; а вмѣнять все—было тоже, что осуждать и умственную и нравственную и политическую жизнь его. Такое общее изображеніе Сократовой жизни, изложенное Платономъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную силу убѣдительности и дѣлаетъ крайне мелочными клеветы, взнесенныя на аѳинскаго нравоучителя; такъ что, и по замѣчанію Цицерона [1], онъ ut non reus, sed potius dominus et magister judicum esse videretur.

Апологія Сократа, въ отношеніи архитектоническомъ, совершенно удовлетворяетъ существеннымъ требованіямъ классической теоріи рѣчи: она состоитъ изъ приступа, раскрытія главнаго предмета и заключенія [2].

[1] Quaest. Tusc. 1. 21. de Orat. 1. 31.

[2] Это сочиненіе не только для послѣдователей Сократа, но и для позднѣйшихъ ораторовъ служило образцомъ составленія ораторской рѣчи. *Fabric.* Bibl. Gr. T. III. p. 72. Harl. *Fisch.* ad Apol. p. 66.

Въ приступѣ (p. 17. 18. A.) Сократъ развиваетъ ту мысль, что его обвинители ораторствовали краснорѣчиво; а онъ станетъ объясняться просто, первыми представляющимися словами: за то въ ихъ рѣчахъ не было нисколько правды; а отъ него судьи не услышатъ ничего, кромѣ истины [1].

Главная тема Апологіи можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *Цѣлая жизнь Сократа не только служитъ опроверженіемъ сдѣланныхъ на него доносовъ, но можетъ быть понимаема и какъ благодѣяніе для республики. По этому не смерти, а почетнаго стола въ Пританіонѣ Сократъ имѣлъ бы право ожидать себѣ, хотя и смерть для него есть не зло, а добро.* Эти мысли раскрыты въ двухъ отдѣлахъ, или частныхъ рѣчахъ Апологіи, изъ которыхъ первая долженствовала быть произнесена прежде приговора судей, а другая—послѣ того.

Въ первой рѣчи (p. 18—24 B.), Сократъ защищается сначала противъ давняго невыгоднаго о себѣ мнѣнія, будто онъ — *мудрецъ, умствующій о небесномъ и испытывающій подземное*. Это мнѣніе было невыгодно для него потому, что люди, слышавшіе о немъ подобные толки, никакъ не могли представить себѣ, чтобы онъ вѣровалъ въ боговъ; это мнѣніе было для него даже страшнѣе формальныхъ доносовъ Мелита и Анита, потому что подкапывалось подъ цѣлую его жизнь и сдѣлалось голосомъ всѣхъ Аѳинянъ. Какимъ же образомъ Сократъ опровергаетъ его? Мы вполнѣ уразумѣемъ силу этого опроверженія, если предварительно выскажемъ нѣсколько мыслей, стоящихъ въ связи съ разсматриваемымъ предметомъ.

Всякій умъ склоненъ къ кичливости; но умъ человѣка, имѣющаго какія-нибудь причины заниматься собою, еще болѣе склоненъ къ ней. Эта правда, прежде чѣмъ введена

---

[1] Извѣстно, что въ аѳинской республикѣ всякій, доносившій суду о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, долженъ былъ раскрывать его пользу или вредъ особенною рѣчью. Впрочемъ см. *Tychsen.* de judicio Heliastarum in Socratis causa constituto. Biblioth. d. alten Litter: Götting. 1786. 87.

была въ сознаніе христіанъ, въ полусвѣтѣ представлялась и язычникамъ. Между тѣмъ, прилагая ее къ сужденію о какой бы то ни было дѣятельности, люди почти всегда слишкомъ стѣсняютъ объемъ ея. Такова видно уже ограниченность нашего взгляда! Мы забываемъ, что кичливъ умъ Эвтифрона, когда онъ приписываетъ себѣ даръ пророчества и опытное знаніе святости [1]; кичливъ умъ Анита, когда онъ почитаетъ себя великимъ политикомъ и тщеславится вліяніемъ на дѣла общественныя [2]; кичливъ умъ Калліаса, когда его самолюбіе находитъ себѣ пищу въ покровительствѣ софистамъ всѣхъ націй [3]; кичливъ умъ Мелита, когда онъ выставляетъ предъ свѣтомъ мнимое свое попеченіе о нравственномъ воспитаніи юношества [4]; — мы забываемъ все это, и помнимъ только одно, — что кичливъ умъ Сократа, когда онъ философствуетъ о небесномъ и испытываетъ подземное, — помнимъ единственно по тому, что въ этомъ случаѣ умъ напоминаетъ *непосредственно* о самомъ себѣ. Впрочемъ это сужденіе, сколь оно ни частно, не всегда бываетъ ложно: исторія человѣческихъ заблужденій въ самомъ дѣлѣ представляетъ много примѣровъ умственнаго киченія въ области философіи. Какимъ же образомъ узнать, когда именно философствующій умъ кичливъ и когда нѣтъ, или, что тоже—чѣмъ отличается ложная философія отъ истинной? Обуздать кичливость ума, значить, покорить его вѣрѣ: отсюда,—кто вѣруетъ, тотъ не кичливъ; кто кичливъ, тотъ не вѣруетъ. Слѣдовательно вѣра есть признакъ философіи истинной, а невѣріе—ложной. Но какая, скажутъ, тамъ философія, гдѣ умъ водится вѣрою? и какая тамъ вѣра, когда онъ философствуетъ? Мы думаемъ иначе, и надѣемся доказать, что живая вѣра почти необходимо требуетъ философствованія. Умъ нашъ, какъ безотлучный сопутникъ падшаго человѣчества, поми-

---

[1] Euthyphr. p. 3, C.
[2] Menon. p. 94 E.
[3] Protag. p. 311. A.
[4] Euthyphr. p. 2. C. Apolog. 25. C.

нутно впадаетъ въ заблужденія: и науки, и искуства и жизнь практическая—все носитъ печать его ошибокъ и увеличиваетъ сумму его погрѣшностей. Представьте же, что, увлеченные кичливостію ума, мы безъ сознанія уклонились отъ прямаго пути истины, внушаемой вѣрою: мы идемъ по дебрямъ, перебираемся чрезъ овраги, тонемъ въ пескахъ, или грузнемъ въ тундрахъ. По этимъ пропастямъ идетъ большая часть человѣчества, идутъ всѣ науки, идетъ и философія. Но наконецъ надобно же одуматься! Представьте опять, что въ нашей душѣ, среди крайнихъ опасностей утомительнаго странствованія, вдругъ блеснула мысль, что мы не на своей дорогѣ, а на какомъ-то распутіи, и пусть эта мысль будетъ голосомъ вѣры, которая, какъ Платоново воспоминаніе о бытіи домірномъ, ясно изображаетъ намъ, гдѣ и куда надлежало бы идти существу разумному. Мы рѣшаемся возвратиться; но какимъ образомъ? Не по прежнимъ ли тундрамъ, пескамъ и оврагамъ? — съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкогда эти трудности странствованія были для насъ случаями къ побѣдамъ, ибо преодолѣніе ихъ казалось дѣломъ славнымъ; а теперь онѣ должны внушать намъ уничиженіе и увѣренность въ собственномъ безсиліи. И дѣйствительно, что такое подвижническая жизнь людей благочестивыхъ, какъ не обратное шествіе ихъ съ распутій свѣта на призывъ вѣры? Правда, многимъ кажется, что ихъ подвиги состояли только въ умерщвленіи плоти трудомъ, воздержаніемъ и бодрствованіемъ. Но если бы спросили насъ: въ смирившейся плоти можетъ ли обитать кичливый умъ? — мы конечно отвѣчали бы, что можетъ. — А сопровождаемая кичливымъ умомъ, можетъ ли она возвратиться на путь вѣры? — Безъ сомнѣнія нѣтъ.—Чтожь отсюда слѣдуетъ?—То, что не одна плоть, но и умъ долженъ вступить на такое же поприще труда и самоумерщвленія, что и уму надобно перейти чрезъ прежнія бездны, пересмотрѣть усвоенные помыслы, изслѣдовать сросшіяся съ душею начала и потомъ отвергнуть весь нечистый отстой познаній, имѣющихъ свойство надме-

вать его. Вотъ почему любомудріе признавалось необходимымъ даже въ пустыняхъ, пещерахъ и кельяхъ отшельниковъ! И вотъ характеръ философіи истинной! Она отличается отъ ложной не содержаніемъ,—ибо предметы изслѣдованія въ той и другой одинаковы,—а направленіемъ, поколику первая идетъ отъ заблужденій къ вѣрѣ, а послѣдняя— отъ вѣры къ заблужденіямъ; та сознаетъ свою слабость, а эта, —свою силу и могущество; одну и Сократъ уже назвалъ философіею, потому что она только искала мудрости, но не находила ея на землѣ; а другой тотъ же самый Сократъ иронически давалъ имя мудрости, потому что она присвояла себѣ совершенное знаніе истины.

Теперь понятно, почему сынъ Софрониска, защищаясь противъ давняго, невыгоднаго для себя мнѣнія, отказывается отъ названія мудреца, и какую силу его оправданію сообщаетъ указаніе на тѣ поиски мудрости, въ которыхъ онъ провелъ всю жизнь и которыми раздражилъ почти всѣ сословія общества. Мы воображаемъ Сократа, смѣло идущаго на встрѣчу своему вѣку, и хлопотливо старающагося остановить многочисленную и шумную толпу мудрецовъ всякаго рода, чтобы они одумались, замѣтили свое заблужденіе и поняли, что именемъ знанія у нихъ прикрыто невѣжество, что истинная мудрость можетъ быть только цѣлію человѣческихъ стремленій, а не пріобрѣтеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному Богу. Такимъ образомъ цѣль аѳинскаго нравоучителя была—обуздать кичливость ума, то-есть, отъ слѣпой вѣры въ свою мудрость возвратить его къ философскому изслѣдованію познаній, чтобы наконецъ онъ убѣдился въ слабости своихъ силъ и пробудилъ въ себѣ потребность высшей помощи, подъ условіемъ которой, говоритъ Платонъ, только и возможна истинная добродѣтель. Таково было направленіе Сократовой философіи! Въ основаніи ея лежало убѣжденіе въ незнаніи, и потому Сократъ никакъ не смѣлъ усвоять себѣ мудрость. Но кто не знаетъ и сознаетъ свое незнаніе; тотъ естествен-

но—на пути къ мудрости, которая, по чувству сына Софронискова, есть Богъ; слѣдовательно Аѳиняне несправедливо навязываютъ ему невѣріе въ боговъ. При томъ, кто отъ убѣжденія въ собственномъ незнаніи идетъ къ мудрости и ищетъ ея; тотъ конечно мудрѣе мнимыхъ мудрецовъ, которые и потому уже невѣжды, что почитаютъ себя мудрецами. Этимъ умозаключеніемъ Сократъ оправдываетъ также и слова оракула.

Защитившись такимъ образомъ противъ общаго и давняго мнѣнія Аѳинянъ, обвиняемый приступаетъ къ разсмотрѣнію доноса, сдѣланнаго Мелитомъ и Анитомъ. Такъ какъ доносъ ихъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ обвиненія, будто бы то-есть *Сократъ развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ*; то и оправданіе также раздѣляется на два пункта: въ первомъ доказывается, что Сократъ или во-все не развращалъ юношей, или развращалъ ихъ неумышленно, а потому подлежитъ не уголовному суду, а частному вразумленію (р. 24 В—26 А); во второмъ утверждается, что, вѣруя въ геніевъ, рожденныхъ богами, онъ не могъ не вѣровать и въ самыхъ боговъ (р. В.—28 А.).

Излагая первое доказательство, Сократъ сначала искусно намѣкаетъ на различіе между законодательною, или теоретическою стороною хорошаго воспитанія дѣтей и практическою. На вопросъ сына Софронискова: кто дѣлаетъ юношей лучшими? Мелитъ указываетъ и на законы, и на судей, и на народъ. Сократъ прямо не опровергаетъ Мелита, но говоритъ, что счастливо было бы общество, еслибы улучшателей находилось въ немъ такъ много, а развращалъ—одинъ я; да не такъ бываетъ. Всѣ мы прекрасно говоримъ о добродѣтели и нравственности: а когда надобно подать примѣръ и научить самымъ дѣломъ; то въ послѣднемъ случаѣ дѣти наши едвали не больше находятъ поводовъ къ развращенію, чѣмъ къ улучшенію своего сердца. Кто улучшаетъ лошадей, спрашиваетъ Сократъ? всѣ ли, которые по-

нимаютъ, какова должна быть хорошая лошадь? Нѣтъ, они чаще портятъ ихъ. Лошадь становится лучшею подъ управленіемъ одного наѣздника. Такимъ-то наѣздникомъ кичливыхъ мудрецовъ и былъ аѳинскій нравоучитель, а потому онъ не развращалъ, но практически улучшалъ юношество. Впрочемъ положимъ, продолжалъ Сократъ, что я въ самомъ дѣлѣ портилъ его: но могло ли это быть съ намѣреніемъ? Кто согласится воспитывать крокодиловъ и тигровъ, когда знаетъ, что надобно будетъ жить въ ихъ сообществѣ? Нѣкоторые критики, соображая слова Ксенофонта [1] *τοὺς δὲ τοιούτους λόγους ἐπαίρειν, ἔφη (κατήγορος), τοὺς νέους καταφρονεῖν τῆς καθεστώσης πολιτείας, καὶ ποιεῖν βιαίους*, которыя онъ влагаетъ въ уста Мелита, и, припоминая положеніе Платона въ Государствѣ (p. 296. 297), что нѣтъ никакой несправедливости заставить кого-нибудь дѣйствовать вопреки прежнему закону, когда новое дѣйствіе было бы лучше, почитаютъ этотъ оборотъ Сократова оправданія чисто софистическою уверткою. Но мнѣ кажется, что приведенныя мѣста должны быть понимаемы не слишкомъ въ строгомъ смыслѣ. Можно найти много доказательствъ, что Сократу и Платону вообще не нравилась демократическая форма правленія — особенно въ томъ видѣ, какъ она развилась и усилилась въ Аѳинахъ послѣ Перикла: однакожъ ни изъ чего не видно, чтобы въ школахъ этихъ философовъ воспитывалась партія, враждебная кореннымъ законамъ аѳинской республики. Обращеніе Сократа съ Алкивіадомъ, котораго онъ будто бы надѣялся противупоставить современнымъ демагогамъ, и слова его (Gorg. 481 D) Калликлесу: «я люблю Алкивіада и философію, а ты любишь народъ и сына Периламнова» относятся только къ чувству нравоучителя, скорбѣвшаго при взглядѣ на злоупотребленіе отечественными законами подъ вліяніемъ народной тиранніи. Итакъ, оправдываясь извѣстнымъ образомъ, Сократъ могъ оправдываться и не софистически: онъ могъ го-

---

[1] Mem. Socr. 1. 2. 9.

ворить по внутреннему убѣжденію, что ему гораздо пріятнѣе было бы жить съ такими гражданами, которые отличаются добродѣтелію, хотя формы добродѣтельной жизни ихъ, требуемыя Сократомъ, были и несогласны съ нѣкоторыми частными выраженіями тогдашней аѳинской политики. Онъ чувствовалъ, что хорошее, по его мнѣнію, было бы хорошо для всѣхъ; потому что его философія желала обществу всякаго добра, какое только могло быть въ гармоніи съ вѣчною истиною и нравственными цѣлями человѣчества.

Подобную софистическую уловку и неосновательность критика находитъ въ оправданіи Сократа и противъ втораго пункта обвиненія. Говорятъ, что Мелитъ и Анитъ осуждаютъ сына Софронискова не въ безбожіи, а въ непризнаваніи отечественныхъ боговъ и въ принятіи новыхъ геніевъ (ἕτερα δαιμόνια καινά). Между тѣмъ Сократъ доказываетъ только то, что, допуская геніевъ, онъ уже не безбожникъ, ибо геніи суть божества и дѣти боговъ; о согласіи же своей вѣры съ вѣрою народною не говоритъ ничего. При томъ, обвинители слово δαιμόνιν разумѣютъ въ значеніи имени существительнаго, которое у Грековъ было уменьшительнымъ и прилагалось къ различнымъ предметамъ языческаго богопочтенія: напротивъ, обвиняемый принимаетъ его за прилагательное, въ смыслѣ τοῦ δαιμονίȣ πράγματος, или σημεῖȣ. Но изъ этихъ основаній опять нисколько не видно, что оправданіе Сократа носитъ характеръ софистическій. Аѳиняне, сколько-нибудь знакомые съ знаменитымъ своимъ нравоучителемъ и его философіею, вѣроятно слыхали отъ него о чемъ-то геніальномъ, которое въ затруднительныхъ случаяхъ будтобы внушало ему, что надобно дѣлать и чего нѣтъ. Вотъ и Эвтифронъ, узнавъ, что Сократа обвиняютъ во введеніи новыхъ и отрицаніи древнихъ боговъ, тотчасъ напалъ на причину обвиненія и сказалъ: «понимаю,—ты объявляешь, что съ тобою—всегда твой геній» (*Plat.* Euthyphr. p. 3. B.). Какимъ же образомъ Греки могли разумѣть Сократово τὸ δαιμόνιον? Вѣруя въ бытіе геніевъ и почитая ихъ такими су-

ществами, которыя, по волѣ боговъ, блюдутъ жизнь частныхъ лицъ и управляютъ ихъ дѣйствіями [1], они естественно должны были придти къ мысли, что это геніальное есть нѣчто предметное, существо высшаго рода, тѣмъ болѣе, что сынъ Софрониска въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ его словомъ θεός, наприм. Alcib. 124. C. θεός, ὅςπερ σοί με οὐκ εἴα — διαλεχθῆναι, или у Ксенофонта (IV. 8. 5. §. 8), ὀρθῶς δὲ οἱ θεοί τότε μοὶ ἐναντιοῦντο. Но разумѣя τὸ δαιμόνιον въ смыслѣ существа предметнаго, Аѳиняне однакожъ были увѣрены, что внушенія геніевъ никогда не входятъ въ столь ясное сознаніе, въ какомъ онѣ представлялись Сократу, а потому могли думать, что аѳинскій мудрецъ допускаетъ бытіе какихъ-то особенныхъ божествъ; по крайней мѣрѣ личные враги его рады были и этому поводу для обвиненія нравоучителя предъ судомъ и народомъ. Итакъ выраженіе Мелитова доноса, по нашему мнѣнію, надобно понимать слѣдующимъ образомъ: Сократъ вѣруетъ не въ такихъ геніевъ и боговъ, въ какихъ вѣруетъ общество, а въ другихъ новыхъ (то-есть иначе дѣйствующихъ на человѣка). Если это объясненіе наше справедливо; то очевидно, что софизмъ скрывается не въ оправданіи Сократа, а въ доносѣ Мелита; потому что Мелитъ отъ вѣры въ иной образъ дѣйствованія божества заключаетъ къ вѣрѣ и въ иное божество. Потому-то обвиняемый и защищается прямо противъ софизма, то-есть, доказываетъ, что τὸ δαιμόνιον у него есть геніальное, а не геній, и что геніальное однакожъ должно происходить во всякомъ случаѣ отъ геніевъ; слѣдовательно, вѣруя въ геніальное, онъ вѣруетъ и въ геніевъ; значитъ, вѣра его объективно ни чѣмъ не отличается отъ вѣры отечественной. Но что заставляло Сократа, съ словомъ δαιμόνιον соединять значеніе имени прилагательнаго, которое, какъ видно, Аѳиняне понимали совершенно иначе, и которое навлекло на него столько бѣдъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы могли бы снова припомнить то, что высказали нѣкогда

---

[1] *Hesiod.* Opp. et dd. v. 120. sqq. *Plat.* Cratyl. 397. E. de Republ. p. 469. A.

(сочин. Плат. стр. 18): но не любя повтореній, скажемъ только, что новая идея необходимо требуетъ и новаго слова, хотя оно, на первый разъ, для слуха непривычнаго и ума нефилософскаго иногда кажется и диковатымъ. Сократу нужно было выразить не объективное бытіе генія, или бога, а дѣйствіе его на человѣческую душу, или нѣчто божественное въ человѣкѣ. Это божественное изслѣдовать психологически онъ предоставилъ другимъ философамъ, и мы видимъ, что у Платона оно лежитъ въ основаніи теоріи идей; самъ же не искалъ его ни въ комъ и не разсматривалъ вообще, а замѣчалъ только въ себѣ и называлъ *τὸ δαιμόνιον*. Впрочемъ изъ частныхъ признаковъ Сократова генія, разсѣянныхъ въ различныхъ разговорахъ Платона, можно составить о немъ и общее понятіе. Подъ словомъ *τὸ δαιμόνιον*, или *δαιμόνιόν τι*, сынъ Софрониска разумѣлъ, кажется, божественную стихію человѣческой души, небесное сокровище нашего бытія, единственный источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искуствъ и жизни практической. На такое по крайней мѣрѣ значеніе Сократова генія указываютъ, между прочимъ, нѣкоторыя перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля. Напримѣръ, *ὥς δή τι — μαντικὸν γέ τι καὶ ἡ ψυχή* (*Plat.* Phaedr. 242 C.); *Αλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπȣ γε ψυχὴ, ἐίπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρωπίνων, τοῦ θεοῦ μετέχει.* (*Xenoph.* mem. Socr. IV. 3. § 14); *Σωκράτης δ' ἡγεῖτο πάντα μὲν θεοὺς εἰδέναι καὶ σημαίνειν τοῖς ἀνθρώποις περὶ τῶν ἀνθρωπίνων πάντων* (*Xenoph.* mem. Socr. I, 1. 19); *οἷον, ὅτι τὸ δαιμόνιον οὐδέν ἐστιν, ἀλλ' ἢ θεὸς ἢ θεοῦ ἔργον* (*Arist.* Rhetor, II. 23. § 8); et al. И могъ ли Сократъ эту идею, или лучше сказать, это убѣжденіе сердца выразить иначе, когда чувствовалъ во глубинѣ своего духа нѣчто божественное и въ тоже время ясно сознавалъ, что его божественное не есть Богъ? Правда, въ одномъ мѣстѣ Ксенофонтовыхъ Записокъ (I. 4 §. 19) *τὸ δαιμόνιον* замѣнено словомъ *τὸ θεῖον*, которое послѣ въ томъ же значеніи употреблялъ и міръ христіанскій; но извѣстно, что Греки,

любившіе все осуществлять, вскорѣ и прилагательное τὸ θεῖον начали принимать въ смыслѣ имени существительнаго.

Доказавъ судьямъ свою невинность и несправедливость сдѣланныхъ на него доносовъ, то-есть, объяснивъ, что онъ велъ себя законно, и какъ философъ, и какъ собесѣдникъ аѳинскаго юношества, Сократъ далѣе разсматриваетъ свою жизнь въ сферѣ болѣе общей, въ кругу обязанностей гражданина (p. 28 B.—34 B.). Эта часть Апологіи изображаетъ намъ Сократа уже не отвѣтчикомъ, а поборникомъ за честь отечества и героемъ правды, который поставляется въ необходимость переступить за черту скромности, свойственной безкорыстію, молчаливости и терпѣнію, и высказать всю важность своего служенія для пользы государственной. Мы видимъ здѣсь сына Софронискова на такой точкѣ стоянія, съ которой великіе люди смотрятъ не на земной свой интересъ, не на ограниченныя условія политическаго своего значенія, а на связь гражданскихъ своихъ обязанностей съ судьбами небесными, на гармонію настоящихъ подвиговъ съ посмертными наградами. Такая точка стоянія опредѣляется: 1) взглядомъ Сократа на смерть, которая, по его убѣжденію, ничего не значитъ, въ сравненіи съ яснымъ сознаніемъ воли Божіей, и не должна препятствовать намъ исполнять ее; ибо мы еще не знаемъ, что такое смерть,—добро или зло, а въ святости истиннаго и честнаго совершенно увѣрены; 2) понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едвали замѣнимое; ибо сынъ Софрониска, по волѣ Божіей, въ республикѣ — тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе. Но почему Сократъ, для той же цѣли, не несъ обязанностей общественныхъ, а давалъ наставленія и совѣты въ качествѣ частнаго человѣка? Потому, отвѣчаетъ онъ, что гражданинъ, рѣшившійся дѣлать угодное Богу, не станетъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; а не потакая людямъ, онъ погибнетъ на поприщѣ общественной службы, слѣдовательно не принесетъ отечеству ни-

какой пользы. Очевидно, что аѳинскій нравоучитель мѣтитъ здѣсь на жестокости недавно изгнанныхъ изъ республики олигарховъ и на необузданное своеволіе аѳинскаго народа подъ покровительствомъ демократическихъ формъ правленія.

Въ заключеніе первой рѣчи (p. 34. C.—32. D.) Сократъ объясняетъ, для чего онъ, оправдываясь предъ судьями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ — доказательствами, а не старается тронуть ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими драмматическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ, и снискавшему такое имя, говоритъ онъ, неприлично позволять себѣ подобныя мѣры; да онѣ и никому не должны быть позволяемы, потому что насилуютъ судей и заставляютъ ихъ нарушать законы.

Выслушавъ оправданіе обвиняемаго, члены собранія, по предписанію законовъ, обязаны были подавать мнѣнія, чтобы большинствомъ ихъ, или освободить подсудимаго, или признать его виновнымъ. Если онъ признаваемъ былъ виновнымъ; то надлежало еще разсмотрѣть, вина его подходитъ ли подъ какое-нибудь наказаніе, опредѣляемое самымъ закономъ, или штрафъ за нее долженъ быть постановленъ мнѣніями судей. Въ первомъ случаѣ она называлась *ἀτίμητον*, во второмъ *τιμητόν*. Враги Сократа представляли его вину въ такомъ видѣ, какъ бы она была *ἀτίμητον*, и потому доносъ ихъ назывался *γραφή* и заключался смертнымъ приговоромъ. Но судьи, выслушавъ Апологію сына Софронискова, отнесли его преступленіе, какъ видно, къ роду тѣхъ, для которыхъ еще нѣтъ опредѣленной казни; а въ этомъ случаѣ виновному позволялось напередъ присудить самаго себя (*ἀντιτιμᾶσθαι*) къ такому штрафу, какой, по его сознанію, былъ бы сообразенъ съ важностію дѣла. Послѣ того снова подавали мнѣнія, должно ли согласиться на избранное имъ наказаніе, или надобно подвергнуть его тому, которое предположено истцами, либо доносчиками. На основаніи этихъ послѣднихъ остракизмовъ, судъ произносилъ уже приговоръ окончательный.

По такому ходу судопроизводства, не только вся Апологія Сократа, какъ выше сказано, дѣлится на рѣчи, но и послѣдняя рѣчь подраздѣляется опять на двѣ части, изъ которыхъ въ первой (p. 35. E.—38. B.) Сократъ назначаетъ себѣ приличное воздаяніе за свою жизнь и дѣятельность, а во второй (p. 38. C.—41. D) высказываетъ Аѳинянамъ предсмертныя свои мысли объ ихъ приговорѣ и чувствованія въ отношеніи къ своимъ врагамъ и доброжелателямъ.

Первая часть начинается удивленіемъ Сократа, что большинство голосовъ, признавшихъ его виновнымъ, оказалось такъ невелико. Но если Мелитъ и Анитъ еще прежде, подтверждая свои доносы рѣчами, требовали его смерти; то къ чему теперь долженъ присудить себя самъ онъ? Основываясь на важности своихъ заслугъ, объясненныхъ въ прежней рѣчи, сынъ Софрониска могъ бы присудить себя къ содержанію на счетъ общества, или къ почетному столу въ Пританіонѣ [1]. Но такъ какъ дѣло было уже кончено, и виновнаго не награждаютъ; то Сократъ, перебирая различные роды наказаній, наконецъ останавливается на денежной пѣнѣ. Я охотнѣе всего, говоритъ онъ, заплатилъ бы деньги, потому что такой потери не считаю потерею; да у меня нѣтъ ихъ, кромѣ одной мины серебра (р. 22 р. 75 к. сер.). Вотъ нѣкоторые изъ моихъ друзей вызываются внести тридцать минъ: возмите, если угодно.

Во второй части Сократъ сперва обращается къ тѣмъ со-

---

[1] Это мнѣніе, послѣ того, какъ онъ объявленъ былъ виновнымъ, не есть ли шутка надъ судебнымъ опредѣленіемъ? Нѣтъ, контекстъ Сократовой рѣчи указываетъ, по видимому, на иную цѣль сказанныхъ словъ. Можно догадываться, что во времена Платона Пританіонъ питалъ не столько знаменитыхъ старцевъ, которые всю свою жизнь провели въ непрестанныхъ трудахъ для существенныхъ пользъ отечества, которыхъ доблести были опорами его славы, могущества, величія и образованности, сколько людей, умѣвшихъ удовлетворять современному вкусу къ удовольствіямъ и зрѣлищамъ. Въ немъ находили себѣ пищу, кажется, преимущественно атлеты, а не труженики, герои общественныхъ игръ, а не слуги государства. Потому-то Сократъ и сравниваетъ себя съ ними. Если то-есть и эта мнимая честь общества получаетъ отъ него содержаніе; то я имѣю большее право на подобное выраженіе признательности.

гражданамъ, которые, не смотря на глубокую его старость, присудили ему умереть, и говоритъ, что они только подвергли себя нареканію со стороны своихъ недоброжелателей, а обреченный на смерть принимаетъ свой жребій не отъ слабости оправданія, но отъ недостатка дерзости льстить страстямъ народа и позволять себѣ всякія средства къ спасенію. Потомъ сынъ Софрониска предсказываетъ, что должно произойти въ Аѳинахъ послѣ его смерти. Вы не хотѣли, говоритъ онъ, на вопросъ старика, давать себѣ отчетъ въ своей жизни: такъ придетъ время, что этого отчета потребуютъ отъ васъ люди молодые, которыхъ я удерживалъ. Страхъ и смерть суть плохіе способы для обузданія умовъ; одна справедливость и честность можетъ обуздать ихъ. Наконецъ Сократъ обращается къ тѣмъ, которые подавали мнѣнія въ его пользу и увѣряетъ ихъ, что смерть для него — не зло, а добро. Поймете ли вы ее, какъ уничтоженіе, говоритъ онъ? — такъ это будетъ самый спокойный сонъ. Покажется ли она вамъ переходомъ въ другую жизнь? — такъ лучше этого и представить ничего нельзя. Посему и вы не бойтесь смерти, помня, «что для человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни, ни за гробомъ, и что о его обстоятельствахъ не нерадятъ боги».

Въ заключеніе Сократъ проситъ враговъ своихъ точно такъ же мучить дѣтей его, какъ онъ мучилъ ихъ самихъ; то-есть, когда дѣти его станутъ думать, будто что-нибудь знаютъ, пусть Аѳиняне постараются обличить ихъ въ незнаніи.

Изложивъ содержаніе и ходъ Сократовой Апологіи, мы еще не разрѣшили всѣхъ недоумѣній критики касательно разсматриваемаго сочиненія. Ученые имѣютъ нѣкоторыя причины сомнѣваться, Платономъ ли написана эта Апологія: да пусть, говорятъ, и Платономъ; все еще не извѣстно, почитать ли ее спискомъ съ Апологіи, произнесенной самимъ Сократомъ, или она есть свободное произведеніе ума Платонова?

Вникая въ духъ и внутренній характеръ разсматриваемаго сочиненія, нельзя не замѣтить, что въ немъ Сократъ не походитъ на того Сократа, который бесѣдуетъ съ аѳинскимъ юношествомъ и софистами въ разговорахъ Платона. Здѣсь нѣтъ ни обыкновенной его ироніи, ни скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; напротивъ здѣсь всякій видитъ сына Софронискова старцемъ серьёзнымъ, строгимъ, прямымъ и какъ будто стоящимъ выше условій общества. Онъ смѣло опирается на авторитетъ Аполлона, съ самоувѣренностію опредѣляетъ важность своего служенія отечеству, неустрашимо говоритъ о невѣжествѣ тогдашнихъ мудрецовъ и откровенно высказываетъ непризнательность къ себѣ гражданъ за все, что было дѣлано имъ въ пользу республики. Такой тонъ Сократовой рѣчи конечно можетъ приводить къ сомнѣнію въ подлинности Апологіи, приписываемой Платону. Но должно взять въ расчетъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ аѳинскій нравоучитель защищалъ свое дѣло. Во-первыхъ, онъ никогда до этого времени не объяснялся, какъ говорятъ, оффиціально, слѣдовательно и не имѣлъ надобности перемѣнять характеръ своихъ бесѣдъ: а теперь ему надлежало повѣрять свои дѣйствія гражданскими законами и оправдываться формально, какъ обвиняемому въ уголовномъ преступленіи; теперь было нетолько не до ироніи, которая въ подобныхъ случаяхъ не принимается и отъ шутовъ, но и не до скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; потому что оно ввело бы въ обманъ судей и безпристрастныхъ, заставляя ихъ наказывать человѣка, можетъ быть, стоющаго награды. Во-вторыхъ, судейская каѳедра для Сократа въ самомъ дѣлѣ долженствовала быть мѣстомъ разоблаченія его предъ свѣтомъ; потому что служила ему переходомъ изъ настоящей жизни въ будущую. Сограждане, да и самые друзья сына Софронискова, сколько видно изъ мыслей ихъ въ Критонѣ и Федонѣ, не совсѣмъ вѣрно понимали важность и цѣль его дѣятельности. По этому въ Апологіи онъ какъ бы разрѣшаетъ загадку о самомъ себѣ и показываетъ слуша-

телямъ, что значили философскія его усилія и каковы предсмертныя его надежды. Послѣ этого неудивительно, что когда Лизіасъ, знаменитый аѳинскій ораторъ, за нѣсколько дней до того времени, въ которое Сократу надлежало защищать себя въ судѣ, принесъ ему собственную рѣчь и совѣтовалъ воспользоваться ею, Сократъ прочиталъ ее и призналъ для себя унизительною [1]. То-есть, онъ собирался не ораторствовать, не ослѣплять и не умолять судей, а объяснить, что такое была его дѣятельность въ нѣдрѣ гражданскаго общества. Неудивительно также и свидѣтельство Ксенофонта [2], что многіе, писавшіе объ оправданіи Сократа, единодушно трафили на его велерѣчивость: такого именно слова и надлежало ожидать отъ мудраго семидесятилѣтняго старца, говорившаго народу едва не изъ за-предѣловъ настоящей жизни. Итакъ приведенныя основанія подложности разсматриваемаго сочиненія кажутся мнѣ весьма недостаточными.

Нельзя равнымъ образомъ предполагать, что Апологію Сократа Платонъ, по своему обыкновенію, долженъ былъ изложить непремѣнно въ формѣ разговорной. Мы видимъ, что непрерывное слово нерѣдко находило себѣ мѣсто и въ другихъ его твореніяхъ. Напримѣръ, въ Федрѣ вводится какъ будто рѣчь Лизіаса, а потомъ другую такую же произноситъ Сократъ; въ Менексенѣ сынъ Софрониска говоритъ панигирикъ умершимъ за отечество воинамъ. Конечно, тамъ ораторская и разговорная формы часто смѣняются: но и здѣсь легко замѣтить стремленіе Сократа обращаться къ любимому своему діалогизму. Посмотрите, какъ

---

[1] *Cicer.* de Orat. 1. 54. *Quintil.* inst. Orat. II. 15, 30. nam et Socrates inhonestam sibi credidit orationem, quam ei Lysias reo composuerat. Сравн. *Diog. L.* II. 40. *Menag.* p. 95.

[2] *Xenoph.* apol. §. 1. *γεγράφασι μὲν περὶ τούτου καὶ ἄλλοι, καὶ πάντες ἔτυχον τῆς μεγαληγορίας αὐτοῦ.* Древніе упоминаютъ о многихъ апологіяхъ Сократа. Кромѣ дошедшихъ до насъ—Ксенофонтовой, Платоновой и Ливаніевой (declamat. 29 p. 636), *Аристотель* упоминаетъ объ апологіи, написанной Ѳеодектомъ (Rhetor. II. 23. § 8), *Свида*—объ апологіяхъ Критона, Димитрія Фалерейскаго и Зенона Сидонскаго, *Цицеронъ*—объ апологіи Лизіаса и проч.

ему хочется заставить Мелита бесѣдовать съ собою, и какъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ воображаетъ себѣ собесѣдниковъ, не имѣя ихъ предъ глазами. Притомъ, надобно замѣтить, что Апологія есть сочиненіе не только философское, но и принаровленное къ случаю; слѣдовательно случаемъ должна была, хотя отчасти, опредѣляться и его форма.

Астъ утверждаетъ еще, что Платонъ и вовсе не могъ писать Апологію, не противорѣча самому себѣ въ Горгіасѣ (p. 521. sqq.), гдѣ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: оправданіе для виновнаго вредно, ибо заставляетъ думать, что недаромъ же стараются оправдывать его; а для невиннаго излишне, потому что невинный оправдывается самою истиною. Но почтенный критикъ не замѣтилъ, какимъ образомъ эта же мысль поддерживается и объясняется въ Апологіи. Сократъ говоритъ (p. 35. B. C.): «мнѣ кажется несправедливо — какъ просить судью, такъ чрезъ просьбу и избѣгать приговора: для этого требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судья сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клялся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. Итакъ надобно, чтобы и мы не пріучали васъ нарушать клятву, и вы не привыкали нарушать ее». Явно, что этими словами доказывается также несовмѣстность апологій съ истиною, — но какихъ апологій? — такихъ, которыя имѣютъ въ виду умилостивить судей и заставить ихъ забыть о точномъ предписаніи закона, а не такихъ, какова Апологія Сократа.

Впрочемъ, наводить сомнѣніе на подлинность разсматриваемаго сочиненія и вообще невозможно, — не только потому, что оно защищается знаменитыми филологами новѣйшихъ временъ, напримѣръ Тиршемъ [1], Кёнигомъ [2], Зохе-

---

[1] Annal. Liter. Vindobon. 1819. part. III.
[2] In scriptione scholastica 1822. Misenæ edita.

ромъ [1], Шлейермахеромъ [2], Штальбомомъ [3], и другими, которые ни въ содержаніи, ни въ языкѣ его не находятъ ничего, чуждаго лицу Сократа и господствующему характеру Платоновыхъ твореній,—но и потому, что за нее стоитъ почти вся ученая древность [4]; ибо многія мѣста этой Апологіи приводятся Цицерономъ, Діонисіемъ Галикарнасскимъ, Плутархомъ, Аристидомъ, Атенеемъ, Стобеемъ и проч. [5] и постоянно приписываются ими Платону; да и Аристотель въ своемъ Rhetor. III. 18. указываетъ очевидно на это самое сочиненіе. Сравн. p. 27. B. C.

Но когда Платонъ написалъ Апологію Сократа? прежде ли того времени, въ которое учитель его защищалъ себя противъ доносовъ Мелита и Анита, или послѣ? Припомнивъ свидѣтельство Діогена Лаерція, что Платону хотѣлось публично доказать невинность сына Софронискова, но что судіи запретили ему, (см. жизнь Плат. стр. 4), можно придти къ вопросу: не это ли самое сочиненіе предполагалъ онъ произнесть съ судейской каѳедры?—Не имѣя достаточной причины подвергать сомнѣнію вѣрность Діогенова показанія, мы однакожъ отнюдь не думаемъ, что преднаписанная Платономъ защитительная рѣчь была не что иное, какъ дошедшая до насъ подъ его именемъ Апологія Сократа; потому что въ послѣдней изображается самый ходъ судопроизводства и указывается на окончательный приговоръ судей, по которому обвиненный долженъ былъ умереть; а этого не могъ предварительно знать нетолько Платонъ, но и Сократъ. Итакъ разсматриваемое сочиненіе написано, или по заключеніи Сократа въ темницу, или вскорѣ послѣ его смерти. Но допустивъ, что Платонъ написалъ свою Апо-

---

[1] De vita et scriptis Platonis p. 69. sqq.

[2] Platons Werke T. I. P. II. p. 181. sqq.

[3] Præfat. ad apol. p. 4. 5.

[4] Надобно исключить Кассія Севера (in *Senec.* excerptt. controv. III. p. 397.), который сказалъ: eloquentissimi viri Platonis oratio, quæ pro Socrate scripta est, nec patrono nec reo digna est.

[5] Всѣ такія мѣста указываются Фишеромъ (ad Apol. Socr. p. 66).

логію по окончаніи судопроизводства надъ Сократомъ, странно было бы почитать ее свободнымъ произведеніемъ ума Платонова; ибо для какой цѣли ораторъ сталъ бы измышлять собственныя свои доказательства и навязывать ихъ Сократу, если послѣдній оправдывалъ себя совсѣмъ иначе, и если въ памяти Аѳинянъ еще живо сохранились всѣ мысли защитительной его рѣчи? Апологія, какъ свободное произведеніе Платона послѣ смерти его учителя, не послужила ли бы скорѣе въ укоръ самому учителю, что онъ не умѣлъ выиграть свое дѣло? По этому мы думаемъ, что это сочиненіе принадлежитъ Платону, какъ мимику, или и того болѣе,—какъ писателю, близко и вѣрно изложившему ту самую рѣчь, которою дѣйствительно оправдывалъ себя Сократъ, и которую ученикъ его пожелалъ сберечь для потомства, какъ неоспоримый документъ Сократовой невинности и ясную улику Аѳинянъ въ несправедливомъ рѣшеніи Сократова дѣла. Этого же мнѣнія держится и Шлейермахеръ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И МЕЛИТЪ.

17. Не знаю, Аѳиняне, какое впечатлѣніе сдѣлали на васъ
мои обвинители; а я и самъ отъ нихъ едва не забылся [1]:
такъ убѣдительны были рѣчи ихъ! — хотя правды-то въ
этихъ рѣчахъ, можно сказать, нисколько. Но изъ многихъ,
взнесенныхъ моими обвинителями навѣтовъ, особенно изу-
милъ меня тотъ, что они совѣтовали вамъ остерегаться,
какъ бы не обмануло васъ сильное будто бы мое краснорѣ-
B. чіе; потому что не краснѣя говорить такую ложь, въ ко-
торой я тотчасъ же могу обличить ихъ предъ вами, дока-
завъ самымъ дѣломъ, что у меня нисколько нѣтъ красно-
рѣчія, по моему мнѣнію, есть величайшее безстыдство. Развѣ
человѣкомъ краснорѣчивымъ называютъ они того, кто го-
воритъ истину? Если эта мысль ихъ; то я конечно могъ бы
назвать себя риторомъ,—и не такимъ какъ они: потому что
они, какъ сказано, вовсе не говорили правды [2]; а отъ меня
вы услышите совершенную истину. Но вы, Аѳиняне, клянусь
Зевсомъ, не услышите рѣчи расцвѣченной и разукрашенной

---

[1] То-есть, едва не забылъ себя, едва не забылъ, что я дѣйствительно не таковъ, какимъ они описывали меня. Въ этомъ же смыслѣ λανθάνομαι и въ Федрѣ p. 228. A. εἰ ἐγὼ Φαῖδρον ἀγνοῶ, καὶ ἐμαυτοῦ ἐπιλέλησμαι.

[2] ***Вовсе не говорили правды***, ἤ τι ἢ οὐδὲν ἀληθὲς εἰρήκασιν. Эта формула заключаетъ въ себѣ понятіе совершеннаго отрицанія. См. *Valckenär.* ad Herod. III. 149. Онъ сноситъ выраженія Ксенофонта (Cyrop. VII. 5. 45). τούτων τῶν περιεστηκότων ἤ τινα ἢ οὐδένα οἶδα, и Эліана (de nat. anim. VI. 50) ἴσασιν Αἰγυπτίων ἤ τις ἢ οὐδείς (VII. 8.), θαυμάζει τις ἢ οὐδείς. См. *Matth.* Gr. § 487. 8. Грамматики, не понявъ силы и значенія этой формулы, слова ἤ τι ἢ во многихъ спискахъ признали излишними и изгнали изъ текста. Эта формула вводила критиковъ въ обманъ и при объясненіи мѣста de Rep. VI. p. 496. C.

сентенціями и именами [1], каковы рѣчи моихъ обвинителей: C.
я стану объясняться вдругъ, первыми представляющимися мнѣ словами; ибо увѣренъ, что стану говорить справедливо,— иного ничего не ожидайте отъ меня. Да и не прилично вѣдь было бы мнѣ, граждане, представъ предъ васъ въ такихъ лѣтахъ, наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши [2]. Напротивъ [3], я прошу и молю [4] васъ, Аѳиняне, о томъ, чтобы
вы не удивлялись и не изъявляли негодованія, если буду D
защищать себя такимъ же языкомъ, какимъ въ слухъ многихъ изъ васъ говаривалъ на площади—при столахъ мѣновщиковъ [5] и въ другихъ мѣстахъ. Дѣло таково, что имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду [6], я нынѣ въ первый разъ явился

---

[1] *Рѣчи, расцвѣченной и разукрашенной сентенціями и именами*, κεκαλλιεπημένυς λόγυς—ῥήμασι τε καὶ ὀνόμασιν, οὐδὲ κεκοσμιμένυς. Καλλιεπεῖν, по Валькенару (diatrib. p. 291. sqq.) значитъ: uti oratione venusta et eleganti, eleganter dicere. Слѣдовательно λόγοι κεκαλλιεπημένοι ῥήμησί τε καὶ ὀνόμασι суть рѣчи расцвѣченныя сентенціями и именами; потому что ῥήματα суть мысли, выраженныя словами, а ὀνόματα — самыя слова. Theaet. 190. E. и прим. Гейнд. къ этому мѣсту. Λόγοι κεκοσμημένοι суть рѣчи, вообще богатыя тропами и фигурами; такъ какъ въ нихъ собственно состоитъ κόσμος, или ornatus orationis.

[2] *Наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши*, ὥςπερ μειρακίῳ πλάττοντι λόγυς. Фраза πλάττειν λόγυς прекрасно выражаетъ усиліе дитяти подбирать, соединять, или какъ бы смазывать слова, по требованію внѣшнихъ формъ, предписываемыхъ риторикою, при недостаткѣ мысли, которая бы сама собою сообщала имъ связность. Τί λόγυς πλάττεις; говоритъ Димосѳенъ de coron. p. 268. См. *Ernesti* Lex. techn. gr. Rhetor. p. 267. sqq., гдѣ объясняются слова πλάσις и πλάσμα.

[3] *Напротивъ*, καὶ μέντοι. Частица μέντοι весьма часто выражаетъ противоположеніе; на прим. *Aristoph.* Ran. v. 61. οὐκ ἔχω φρᾶσαι ὅμως γε μέντοι σοὶ δι αἰνιγμῶν ἐρῶ.

[4] *Прошу и умоляю*, δέομαι καὶ παρίεμαι. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ παρίεμαι признано за глоссему и замѣнено словомъ παραιτοῦμαι. Но Рункеній правильно замѣчаетъ, что значеніе слова παρίεμαι объясняется значеніемъ среднихъ залоговъ. Ἵημι и ἐφίημι значитъ отпускаю (mitto); но ἵεμαι и ἐφίεμαι значитъ *хочу*, *чтобы мнѣ отпустили*, то-есть, *желаю*, *прошу*.

[5] *При столахъ мѣновщиковъ*. Погречески просто — ἐπὶ τῶν τραπεζῶν; но тутъ разумѣются столы мѣновщиковъ, стоявшіе обыкновенно на площади. Слово αἱ τράπεζαι подобнымъ образомъ употребляютъ *Demosth.* T. 11. p: 470, 471. 946. *Isocr.* p. 449. 450. 704. Отсюда οἱ τραπεζῖται суть мѣновщики, или mensarii.

[6] *Болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду*, ἔτη γεγονὼς πλείω ἑβδομήκοντα Іоаннъ Серрскій переводитъ: annos plus sexaginta natus, какъ бы стояло πλείω

въ судъ, и по тому вовсе незнакомъ съ здѣшнимъ нарѣчіемъ. Слѣдовательно, какъ тогда, когда я былъ бы въ самомъ дѣлѣ чужеземецъ, вы позволили бы мнѣ говорить на томъ нарѣчіи и тѣми оборотами, которые сродны съ моимъ вос-
18. питаніемъ: такъ и теперь, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, я имѣю право просить васъ, чтобы вы оставили мой образъ выраженій—худъ ли онъ будетъ, или хорошъ,—а смотрѣли и обращали свое вниманіе только на то, правду ли я говорю, или нѣтъ; ибо добродѣтель судьи—видѣть истину, а ритора—говорить ее!

Но защищая себя, Аѳиняне, я считаю справедливымъ говорить сперва противъ прежнихъ, ложно дѣланныхъ на меня доносовъ, и прежнихъ доносителей, а потомъ противъ
B. послѣднихъ; потому что многіе и уже давно, за нѣсколько лѣтъ обвиняли меня предъ вами, но никто не говорилъ правды. Прежнихъ обвинителей я боюсь болѣе, чѣмъ Анита съ его сообщниками [1]. Страшны конечно и эти,—но тѣ страшнѣе [2]; потому что многихъ изъ васъ они предубѣдили еще во время вашего дѣтства и обвиняли меня вовсе несправедливо: есть-де нѣкто Сократъ, *человѣкъ мудрый*, *который умствуетъ о выспреннемъ*, *испытываетъ все подземное и*
C. *причины низшія превращаетъ въ высшія* [3]. Распространи-

ἑξήκοντα, основываясь вѣроятно на ссылкѣ Діогена Лаерція II. 4. 5. Но см. Criton. p. 72. E. *Maxim. Tyr.* 39. p. 412. *Diog. L.* 11. 44. ibique *Menag.*

[1] Разумѣются Мелитъ и Ликонъ. Сократъ указываетъ на Анита, какъ на главнаго своего врага; потому что послѣдній пользовался особенною довѣренностію народа и заслужилъ ее ненавистію къ тридцати тираннамъ. *Xenoph.* Hellen. 11. 3. 42.

[2] Критики Платона напрасно думаютъ, что Сократъ разумѣетъ здѣсь однихъ комиковъ, которые дѣлали его предметомъ своихъ эпиграмъ и выставляли въ каррикатурномъ видѣ на сценѣ театра. Изъ всего хода рѣчи видно, что апологистъ указываетъ на общее мнѣніе народа о сынѣ Софрониска, представлявшее комикамъ только случай и возможность посмѣяться надъ нимъ. Сколь ни необузданно было своеволіе Аѳинянъ во время Платона, но едва ли можно допустить, чтобы Аристофанъ, Амипсіасъ, Эвполисъ и другіе осмѣлились публично трогать личность гражданина, если бы не опирались на общее о немъ мнѣніе.

[3] Таково было общее мнѣніе о Сократѣ! Оно составилось вѣроятно еще тогда, когда сынъ Софрониска находился въ молодыхъ лѣтахъ и занимался

тели такой молвы дѣйствительно страшные мои обвинители; такъ какъ слушающіе ихъ думаютъ, будто изслѣдователи подобныхъ вещей и въ боговъ не вѣруютъ. При томъ этихъ обвинителей было много, и они обвиняли меня въ теченіе долгаго времени: они говорили вамъ еще въ такомъ возрастѣ вашей жизни, въ которомъ вы, бывъ мальчиками, а нѣкоторые—и младенцами, могли тѣмъ легче вѣрить,—и навѣтовали вовсе заочно [1],—оправдываться было некому. А что всего страшнѣе: я даже не могу знать и сказать имена ихъ, кромѣ имени одного комика. Всѣ тѣ, которые убѣжда- D.
ли васъ, вооружаясь противъ меня злобою и клеветою, и тѣ, которые, бывъ убѣждены ими, передавали свое убѣжденіе другимъ,—всѣ они для меня недоступны. Я не въ состояніи ни вызвать ихъ сюда, ни обличить, но защищая себя, принужденъ сражаться будто съ тѣнями и обличать, не имѣя предъ глазами ни одного отвѣтчика. Итакъ извольте знать и вы, что мои обвинители были двоякаго рода: одни недавно обвиняли меня, а другіе, о которыхъ говорю, давно,—и со- E.
гласитесь, что я долженъ защищаться сперва противъ тѣхъ;

изслѣдованіемъ природы чрезъ чтеніе, наблюденіе и собесѣдованіе съ послѣдователями разныхъ философскихъ школъ, процвѣтавшихъ въ Греціи. Это можно замѣтить изъ его словъ въ Федонѣ p. 37. sqq. Сравн. *Xenoph.* Memorab. IV. 7. Искуство τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν. Геллій (Noct. Att. v. c. 3) приписываетъ Протагору и разумѣетъ его, какъ умѣнье дѣлу самому ничтожному, посредствомъ ловкихъ оборотовъ рѣчи и витіеватыхъ выраженій, придавать видъ чего-то важнаго; или на оборотъ — дѣло особенной важности тѣми же средствами уронить въ мнѣніи слушателей. Для такихъ подвиговъ и у насъ есть свои Протагоры. Но если то же самое искуство общественнымъ мнѣніемъ усвоялось Сократу; то, мнѣ кажется, должно понимать его, какъ понималъ Цицеронъ (in Bruto c. 8): docere, quemadmodum causa inferior dicendo fieri superior possit; потому что этимъ указывается болѣе на глубокое раскрытіе предмета, нежели на краснорѣчивое и заманчивое его изложеніе. Такъ философія природы, говоря о какомъ-нибудь довольно обыкновенномъ явленіи, сообщаетъ ему необыкновенный интересъ, единственно чрезъ изслѣдованіе причинъ и внутреннихъ свойствъ предмета.

[1] ἀτεχνῶς ἐρήμην κατηγοροῦντες. Ἐρήμη (δίκη) есть заочное судопроизводство надъ обвиняемымъ, когда онъ не исполнилъ обязательства явиться въ судъ (vadimonim desertum) см. *Petit.* ad legg. Attic. p. 317. *Hundtwalker* de Diaetetis Athen. p. 99 sqq.

потому что вы сами слушали ихъ обвиненія прежде и чаще, нежели послѣднихъ.

Итакъ, надобно защищаться, Аѳиняне, и рѣшиться въ столь короткое время изгладить[1] въ умахъ вашихъ ту кле-
19. вету, которую вы уже такъ долго носите. Хотѣлось бы успѣть въ этомъ, если мое оправданіе можетъ послужить въ пользу вамъ и мнѣ, и принесть нѣчто болѣе: но это, думаю, трудно, — даже представляется невозможнымъ. Впрочемъ пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу: мое дѣло — повиноваться закону и оправдываться.

Возмемъ же сначала: въ чемъ состоитъ то обвиненіе, изъ котораго вышла направленная противъ меня клевета, и которому вѣря, Мелитъ сдѣлалъ на меня такой до-
B. носъ? Посмотримъ, что-то говорятъ мои клеветники. Надобно прочитать извѣтъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ скрѣпленъ онъ присягой: *Сократъ дѣйствуетъ преступно и хочетъ много знать, изслѣдывая подземное и наднебесное, причины низшія превращая въ высшія и тому же уча другихъ.* Вотъ обвиненіе! Это видѣли вы и сами въ комедіи Аристофановой[2], въ которой какой-то Сократъ, качаясь въ

---

[1] *ἐπιχειρητέον ἐξελέσθαι τὴν διαβολήν.* Выразить порусски неокончательное *ἐξελέσθαι* очень трудно; между тѣмъ эта форма средняго залога даетъ рѣчи замѣчательный оттѣнокъ. Сократъ, по скромности, не берется изгладить, *ἐξελεῖν*, въ душахъ слушателей худое о себѣ мнѣніе, а только хочетъ стараться, чтобъ оно изгладилось, non evetlere instituit, sed evelli vult, aut evellendum nititur.

[2] Указывается на Аристофановы Облака, и при томъ на первое изданіе ихъ, вышедшее 1. 89. Олимп. слѣдовательно за 24 года до смерти Сократа. Штальбомъ замѣчаетъ, что въ первомъ изданіи корзина представлена была вѣроятно движущеюся въ воздухѣ, *περιφερόμενον*, и потому Сократъ на вопросъ Стрепсіада, *τί δρᾷ*, отвѣчалъ: *ἀεροβατῶ*: напротивъ въ дошедшемъ до насъ вовсе не упоминается о ея движеніи, а только спрашивается (*v* 218 — 225): что это за человѣкъ въ корзинѣ?—Но Сократъ въ своей Апологіи могъ сказать *περιφερόμενον*, хотя бы въ комедіи и не упоминалось о движеніи корзины; потому что ея движеніе на сценѣ было ясно уже и для глазъ, слѣдовательно не требовало объясненія словеснаго. Впрочемъ, говоря объ Аристофановыхъ Облакахъ, Сократъ не укоряетъ Аристофана, который тогда уже примирился съ нимъ, а только объясняетъ, какъ давно распространилось въ народѣ невыгодное мнѣніе о сынѣ Софрониска. См. мое введеніе въ Эвтид. Плат. стр. 157 сл.

висячей корзинѣ, выдавалъ себя за воздухоплавателя и на-
сказалъ много другихъ нелѣпостей, какихъ у меня и въ го-
ловѣ не было [1]. Впрочемъ я говорю это не съ тѣмъ, чтобы
унижать столь важное искуство, если кто-нибудь знаетъ
его.—Какъ бы Мелитъ не вмѣнилъ мнѣ въ вину этихъ словъ
моихъ. Я только утверждаю, Аѳиняне, что ничему подобно-
му непричастенъ: свидѣтельствуюсь многими изъ васъ. Же- D.
лательно, чтобы тѣ, которые когда-нибудь слыхали мои раз-
говоры—а между вами такихъ не мало—порасспросили другъ
друга и сказали. Порасспроситесь же,—слыхалъ ли отъ меня
кто изъ васъ хоть что-нибудь о такихъ предметахъ. От-
сюда узнаете вы достовѣрность и другихъ обвиненій, ко-
торымъ многіе подвергаютъ меня. Но и этого нѣтъ, и то
несправедливо, будто я, если вы слышали отъ кого, берусь E.
учить людей и требую платы [2]. Впрочемъ и то-таки сказать:
—дѣло прекрасное, когда бы кто могъ преподавать уроки
людямъ, какъ Горгіасъ леонтинскій, Продикъ хіоскій и Ип-
піасъ элейскій [3]. Каждый изъ нихъ, граждане, въ состоя-
ніи идти изъ города въ городъ и убѣждать юношей, кото-
рымъ ничто не мѣшаетъ безмездно пользоваться наставле-

---

[1] *ὧν ἐγὼ οὐδὲν οὔτε μέγα οὔτε σμικρὸν πέρι ἐπαΐω.* Выраженіе *οὔτε μέγα οὔτε σμικρὸν* имѣетъ значеніе поговорки и равносильно *ἤ τι ἢ οὐδέν* (см. выше p. 17. B.) то-есть, означаетъ совершенное отрицаніе. ***Berglerus*** ad Alciphron. p. 353. ***Herm.*** ad viger. p. 270, 78.

[2] Что въ народѣ существовало такое мнѣніе о Сократѣ, видно изъ Аристофановой комедіи Облака v. 98—104. Но что онъ никогда не бралъ денегъ за свои наставленія, см. ***Xenoph.*** Mem. 1. 2. 70. Сравн. ***Plat.*** Hipp. mai. p. 300. D. Euthyphr. p. 3. D. ***Spanh***em. ad Aristoph, 1. c.

[3] О Горгіасѣ и Иппіасѣ сказано въ введеніяхъ къ разговорамъ Платона подъ этими именами; а о Продикѣ хіоскомъ было говорено уже прежде (см. Протаг. pag. 315. C.). Здѣсь вспомнимъ только, что у него на языкѣ всегда была Эпихармова пословица: ***рука руку моетъ***, *ἁ δὲ χεὶρ τὰν χεῖρα νίζει. δός τι καὶ λαβέ τι.* См. ***Aeschin.***Socrat. qni fertur, dialog. 111. § 6. О Калліасѣ, аѳинскомъ богачѣ, къ которому, по свидѣтельству Плутарха T. 1. p. 165, слово *πλούσιος* прилагаемо было, какъ имя собственное, см. Протаг. pag. 311. A. ***Xenoph.*** sympos. 1. 5. О фамиліи Калліасовъ и Иппониковъ см. ***Gronov.*** Observ. IV. 7. ***Perizon.*** ad Aelian. V. H. XIV. 16. ***Heindcrf.*** ad Protag., p. 462. sq. ***Boeckh.*** de oeconomia civit. Athen. T. 11. p. 15. sqq.

ніями любаго изъ своихъ согражданъ, — убѣждать, чтобы
20. они, оставивъ эти наставленія, обратились къ нимъ и за-
платили деньги, да еще съ придачею благодарности. Есть
здѣсь и другой мудрецъ, прибывшій сюда, какъ мнѣ из-
вѣстно, изъ Пароса. Случайно встрѣтившись съ Калліа-
сомъ, сыномъ Иппоника, который одинъ роздалъ денегъ со-
фистамъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, взятые вмѣстѣ, я спро-
силъ его—а у него два сына:—Калліасъ! если бы твои дѣти
родились жеребятами, или телятами; то мы могли бы най-
ти и нанять для нихъ наставника, который, будучи самъ
B. или изъ конюховъ, или изъ земледѣльцевъ, былъ бы въ со-
стояніи доставить имъ приличныя совершенства. Но вотъ
они люди: какого же наставника думаешь взять для нихъ?
Кто знатокъ такой добродѣтели, то-есть, человѣческой и по-
литической? Имѣя дѣтей, ты вѣроятно размыслилъ объ этомъ.
Есть у тебя кто, или нѣтъ? спросилъ я.—Конечно есть, от-
вѣчалъ онъ.—Кто же онъ? откуда? и за сколько учитъ?—
C. Это Эвинъ, изъ Пароса, учитъ за пять минъ.—Тогда я убла-
жилъ Эвина, если онъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ такою на-
укою и преподаетъ ее за столь умѣренную плату [1]. Я и самъ
занимался бы и гордился собою, еслибы зналъ это; да не
знаю, Аѳиняне.

Но можетъ быть кто изъ васъ спроситъ: Сократъ! въ
чемъ же состоитъ твое знаніе? откуда на тебя эти клеветы?
Вѣдь еслибы ты не дѣлалъ ничего особеннаго предъ прочи-
ми,—о тебѣ вѣроятно не было бы такихъ рѣчей и толковъ;—
да, еслибы не дѣлалъ иного, чѣмъ многіе. Скажи же: что
это такое, чтобы намъ не заключить о тебѣ опрометчиво?
D. Кто спросилъ бы такъ, тотъ спросилъ бы кстати,—и я по-
стараюсь показать вамъ, что сдѣлало мнѣ имя и навлекло

[1] Пять минъ (175 р. 75 к. сереб.), которыя Эвинъ бралъ за свои уроки, есть цѣна въ самомъ дѣлѣ умѣренная въ сравненіи со ста минами, за которыя учили Протагоръ, Горгіасъ, Продикъ и другіе софисты. Слово ἐμμελῶς можно почитать здѣсь равносильнымъ съ нарѣчіемъ «умѣренно»; ибо ἐμμελὲς есть то, что не отступаетъ отъ настоящей мѣры, — метафора взята отъ музыкантовъ, когда въ пѣніи они слѣдуютъ одному такту.

на меня клевету. Слушайте. Можетъ быть, инымъ изъ васъ слова мои покажутся шуткою: но знайте, что они будутъ совершенная истина. Я пріобрѣлъ это имя, Аѳиняне, не чѣмъ другимъ, какъ нѣкоторою мудростію; а какою мудростію?— Можетъ быть, человѣческою, если такая есть. Вѣдь я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ мудрецъ—по человѣчески; а тѣ, о которыхъ сей-часъ говорилъ, скорѣе мудрецы по какой-ни-
будь мудрости выше-человѣческой: иначе, не знаю, что и E.
сказать о ней; потому что не разумѣю ея, а кто приписываетъ ее мнѣ, тотъ лжетъ и говоритъ съ цѣлію оклеветать меня. Но не шумите, прошу васъ, Аѳиняне, и не думайте, будто я объявляю вамъ что-нибудь великое. То, что скажу, будетъ не мое слово; нѣтъ, сошлюсь на лицо, пользующееся вашею довѣренностію; представлю вамъ свидѣтелемъ своей мудрости, если какая есть у меня, дельфійскаго бога.
Вы вѣдь знаете Херефона [1]: онъ былъ съ дѣтства моимъ 21.
другомъ и другомъ многихъ изъ васъ; онъ вмѣстѣ съ вами находился въ послѣднемъ бѣгствѣ изъ отечества, и съ вами же возвратился въ него [2]. Вы знаете также, каковъ былъ Херефонъ, какая горячность обнаруживалась въ его стремленіяхъ къ чему бы то ни было. Вотъ онъ, пришедши нѣкогда въ Дельфы, осмѣлился требовать мнѣнія оракула и— но не шумите, граждане, слыша слова мои,—да, и вопросилъ: есть ли кто-нибудь мудрѣе меня? Пиѳія отвѣчала, что нѣтъ никого [3]. Херефонъ уже умеръ; но вмѣсто его, засвидѣтельствуетъ вамъ это братъ его [4]. Смотрите же, къ чему

---

[1] О пылкомъ и сильномъ характерѣ Херефона. См. *Aristoph.* Nubb. v. 104. 501. sq. ibique Scholiast. Avv. 1570. *Xenoph.* Memor. 11. 3. Conviv. Plat. введеніе.

[2] Этимъ указывается на эмиграцію многихъ Аѳинянъ изъ отечества въ правленіе тридцати тиранновъ (См. *Corn. Nep.* Trasibul. 1. et *Iustin.* V. 8), бывшую не задолго до смерти Сократа.

[3] По свидѣтельству Діог. Л. (11. 37), Пиѳія сказала: ἀνδρῶν ἁπάντων Σωκράτης σοφώτατος. А у Схоліаста ad Aristoph. Nubb. v. 144. ея слова читаются такъ: σοφὸς Σοφοκλῆς, σοφώτερος δ' Εὐριπίδης, ἀνδρῶν δὲ παντων—Σωκράτης σοφώτατος.

[4] То-есть Херекратъ. См. *Xenoph.* Mem, 11, 3,

клонится моя рѣчь: я хочу показать вамъ, откуда вышла
B. на меня клевета. Услышавъ о такомъ отвѣтѣ, я разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: чтожъ бы это говоритъ богъ? какая мысль его? Я вѣдь нисколько не сознаю себя мудрецомъ. Что разумѣлъ онъ, называя меня мудрѣйшимъ? Однако богъ не лжетъ же; потому что это ему несвойственно. И долго недоумѣвалъ я касательно этихъ словъ; но потомъ кое-какъ напалъ на слѣдующій способъ изслѣдованія ихъ: я пошелъ къ одному изъ тѣхъ, которые слывутъ мудрецами, съ на-
C. мѣреніемъ, если гдѣ, то здѣсь обличить оракула и его изреченіе, что вотъ онъ мудрѣе, чѣмъ я, а ты назвалъ меня мудрѣйшимъ. Но разсматривая этого человѣка (нѣтъ нужды, Аѳиняне, называть его по имени; довольно, что тотъ, къ кому я обратился для этой цѣли, былъ одинъ изъ политиковъ) и, разговаривая съ нимъ, я замѣтилъ, что онъ многимъ другимъ, особенно же себѣ, кажется мудрецомъ, а на дѣлѣ не мудрецъ. Потомъ я пытался доказать, что онъ
D. почитается мудрецомъ, а въ самой вещи не мудрецъ, и чрезъ то сдѣлался ненавистнымъ какъ ему, такъ и многимъ присутствовавшимъ. Возвращаясь отъ него, я разсуждалъ самъ съ собою, что у меня дѣйствительно болѣе мудрости, нежели у этого человѣка: потому что хотя оба мы, должно быть, не знаемъ ничего хорошаго и добраго; но онъ, не зная, почитаетъ себя знающимъ, а я, когда ужъ не знаю, то и не приписываю себѣ знанія. Этимъ то немногимъ я и мудрѣе его, что чего не знаю, о томъ и не думаю, какъ объ извѣстномъ. Отъ него пошелъ я къ другому, которому усвояютъ еще большую мудрость, чѣмъ первому: но все оказы-
E. валось одно и тоже. Такимъ образомъ я впалъ въ ненависть и у этого, и у многихъ иныхъ. Послѣ того, чувствуя, скорбя и боясь, что навлекъ на себя ненависть, и однакожъ почитая необходимымъ дѣло божіе ставить выше всего, я уже пошелъ попорядку. Чтобы изслѣдовать смыслъ изреченія, надобно идти ко всѣмъ, которые приписываютъ себѣ какое-

нибудь знаніе, и — клянусь собакою [1], Аѳиняне, — предъ 22.
вами должно вѣдь говорить правду,—что именно такъ было со мною: одни, преимущественно пользовавшіеся славою, оказывались почти самыми бѣдными, когда я спрашивалъ ихъ о дѣлѣ божіемъ; другіе, по видимому презрѣнные, являлись людьми для размышленія здраваго способнѣйшими. Но должно изобразить вамъ все свое скитаніе, какъ будто какой подъятый мною трудъ, чтобы при всемъ томъ оракулъ оказался неопровержимымъ. Да, отъ политиковъ я ходилъ къ поэтамъ—и трагическимъ, и диѳирамвическимъ, и другимъ, — съ тою мыслію, что здѣсь-то уже явно останусь не- B.
вѣжественнѣе, чѣмъ они: бралъ въ руки ихъ стихотворенія, которыя, по видимому, особенно обработаны ими; распрашивалъ, что они говорятъ, желая вмѣстѣ научиться у нихъ чему-нибудь. Но—стыдно, граждане, объявить вамъ правду, а надобно. Могу сказать, что почти всѣ, присутствовавшіе при нашихъ разговорахъ, лучше бы разсуждали о содержаніи сочиненій, написанныхъ тѣми самыми сочинителями. Итакъ я вскорѣ узналъ, что и поэты пишутъ, что пишутъ, по внушенію не мудрости, а какого-то естественнаго дара, C.
приходя въ энтузіазмъ, какъ прорицатели и предсказыватели. Послѣдніе, хотя говорятъ много хорошаго, однако не знаютъ того, что говорятъ: въ такомъ же состояніи находятся и поэты. При томъ я замѣчалъ, что, обладая даромъ поэзіи, они почитаютъ себя людьми мудрѣйшими и во всемъ другомъ, чего у нихъ не было; поэтому удалился и отъ нихъ, находя въ себѣ такое же преимущество предъ ними,

---

[1] О клятвѣ Сократа собакою и другими животными у древнихъ и новѣйшихъ критиковъ были различныя мнѣнія. Всѣ онѣ собраны Менагіемъ (ad. Diog. Laer. 11. 40. p. 92. sq.) Петитъ (miscell. 4. 7.) полагаетъ, что подъ именемъ собаки Сократъ разумѣлъ своего генія; по Камерарію, собака для Сократа была символомъ вѣрности, и клятва ею соотвѣтствовала латинской поговоркѣ medius fidius; а Олимпіодоръ въ Сократовой собакѣ видитъ египетское божество (*Aelian.* V. H. X. 45). Но я охотнѣе соглашаюсь съ Кирилломъ Александрійскимъ (contr. Iulianum 6. p. 190 A), что Сократъ клялся собакою, гусемъ, даже дубомъ—потому, что слѣдуя примѣру Радаманта, почиталъ за грѣхъ часто клясться именами боговъ. *Porphyr.* de abstinent. III. 16.

какое и предъ политиками. Наконецъ я пошелъ къ художни-
D. камъ—съ тою увѣренностію, что у меня, просто сказать,
нѣтъ никакого знанія, а у нихъ, какъ мнѣ извѣстно было,
найду много хорошихъ. Въ этомъ и не обманулся: они дѣй-
ствительно знали то, чего я не зналъ, и въ томъ отношеніи
были мудрѣе меня. Но и въ отличныхъ мастерахъ, Аѳиняне,
оказалась та же погрѣшность, какая въ поэтахъ: каждый
изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣетъ своимъ ис-
куствомъ, почиталъ себя человѣкомъ мудрѣйшимъ и въ дру-
гихъ дѣлахъ самой великой важности; и такою глупостію по-
мрачалась ихъ мудрость. Поэтому я спросилъ себя именемъ
E. оракула, что мнѣ избрать: оставаться ли такимъ, каковъ я
теперь, не желая быть ни мудрымъ ихъ мудростію, ни не-
вѣждою—ихъ невѣжествомъ, или пріобрѣсть ту и другую
принадлежность ихъ?—и отвѣчалъ самому себѣ и оракулу,
что для меня полезнѣе оставаться такимъ, каковъ я теперь.
Изъ этихъ то изслѣдованій, Аѳиняне, проистекла ненависть
23. противъ меня, — ненависть жестокая и сильная, бывшая
причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя му-
дреца; потому что присутствующіе всякій разъ думаютъ,
будто въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ.
На дѣлѣ-то вѣдь Аѳиняне, должно быть, мудръ богъ [1]; и его
изреченіемъ выражается, что мудрость человѣческая мало-
важна, даже ничтожна [2]. Да это, по видимому, не о Сократѣ
и говорится; мое имя имѣетъ въ немъ, кажется значе-
B. ніе примѣра, какъ бы сказано было: между вами, люди,
тотъ мудрѣе всѣхъ, кто, подобно Сократу, сознается, что

---

[1] *τὸ δὲ κινδυνεύει τῷ ὄντι ὁ θεὸς σοφὸς εἶναι.* Вмѣсто *τὸ δὲ* иногда говорится полнѣе *τὸ δὲ ἀληθές,* de Rep. IV. p. 443. D. *τὸ δέ γε ἀληθές, τοιοῦτον μέν τι ἦν ἡ δικαιοσύνη.* Tim. p. 86. D. *τὸ δὲ ἀληθές, ἡ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκολασία—νόσος ψυχῆς γέγονε.*

[2] *ὀλίγου τινὸς καὶ οὐδενός.* Здѣсь *καὶ* предъ *οὐδενὸς* поправляетъ и усиливаетъ значеніе *ὀλίγου τινός* См. *Frisch.* Quaest. Lucian. p. 11. Такъ надобно переводить и слова Димосѳена (p. 790, 20 et. p. 260. 26): *μικρὰ καὶ οὐδέν.* Въ такомъ же смыслѣ Римляне употребляли иногда союзъ atque. См. *Matth.* ad Cicer. 11. Catil. XII. 27. Manil. XVIII. 54.

онъ въ отношеніи къ мудрости дѣйствительно ничего не
стоитъ. Такимъ образомъ, и нынѣ еще бродя, я ищу и ис-
пытываю дѣло божіе, не почту ли мудрецомъ кого-нибудь
изъ Аѳинянъ, либо иностранцевъ, и если не найдется, не
докажу ли, въ помощь богу [1], что мудреца нѣтъ на свѣтѣ.
Занимаясь этимъ дѣломъ, я не имѣлъ досуга для исполне-
нія значительныхъ обязанностей и въ обществѣ и въ домѣ,
но ради служенія богу, терплю величайшую бѣдность [2].
Сверхъ того юноши, принадлежащіе къ богатѣйшимъ семей- C.
ствамъ и слушающіе меня, когда у нихъ есть свободное
время, охотно наблюдаютъ, какъ я испытываю людей, и
часто сами, подражая мнѣ, рѣшаются испытывать другихъ.
Въ этомъ дѣлѣ они, думаю, встрѣчаютъ столь же много та-
кихъ, которые, приписывая себѣ нѣкоторое знаніе, мало,
или даже ничего не знаютъ; отъ того испытываемые ими
сердятся—не на нихъ, а на меня, и говорятъ: Сократъ—ка-
кой-то сквернитель и развратитель юношества. Если же кто D.
спрашиваетъ ихъ: что онъ дѣлаетъ и чему учитъ; то они
не въ состояніи отвѣчать, потому что не знаютъ. А чтобы
не обнаружить своего незнанія, повторяютъ то, что обыкно-
венно толкуется противъ всѣхъ философовъ: онъ изслѣды-
ваетъ предметы выспренніе и подземные, не признаетъ бо-
говъ и причины низшія превращаетъ въ высшія. Сказать
правду—имъ, думаю, не хочется; потому что тогда откры-
лось бы, что они приписываютъ себѣ знаніе, ничего не зная.
А такъ какъ подобные люди, думаю, честолюбивы, горячи E.
и многочисленны; такъ какъ о мнѣ говорятъ они дружно и
убѣдительно: то своими клеветами давно и сильно накричали

---

[1] То-есть, не докажу ли, что изреченіе Аполлона справедливо.

[2] *ἐν πενίᾳ μυρίᾳ εἰμί.* Между *πενία* и *πτωχία* такое же различіе, какое между латинскими paupertas и egestas. *Πενία* бываетъ участію людей рабочихъ, едва достающихъ себѣ насущный хлѣбъ непрестанными трудами; а *πτωχία* принадлежитъ людямъ, питающимся милостынею. См. *Aristoph.* plut. v. 552. sqq. О томъ, сколь велика была бѣдность Сократа, видно изъ *Xenoph.* Oecon. II. 3. гдѣ самъ онъ говоритъ, что и домъ его, и все въ домѣ можно продать за пять аттическихъ минъ (113 р. 75 к. сер.).

вамъ уши. Изъ ихъ-то числа явились съ доносами на меня— и Мелитъ, и Анитъ, и Ликонъ,—Мелитъ раздосадованный за поэтовъ [1], Анитъ — за художниковъ и политиковъ [2], а
24. Ликонъ — за риторовъ [3]. По этому удивительно было бы, какъ сказано вначалѣ, если бы я успѣлъ въ столь короткое время изгладить въ васъ эту клевету, проявившуюся во

---

[1] Мелитъ былъ трагикъ: но такъ какъ музы пе очень любили его, то, вмѣсто худыхъ стиховъ, онъ рѣшился написать хорошія правила Піитики. Хороши ли онѣ были, видно изъ того, что Аристофанъ (Ran. v. 1231.) ставитъ ихъ подъ уровень τῶν Καρικῶν αὐλημάτων (карійскихъ пѣсень); а Карійцевъ еще Омиръ называлъ βαρβαροφώνους (Iliad. XV. 867). Представляя суду доносъ на Сократа, Мелитъ былъ еще человѣкомъ молодымъ, но уже высоко мечталъ о себѣ (Euthyphr. p. 2. B. C.); и потому-то, можетъ быть, Сократъ обличаетъ его строже, чѣмъ другихъ. Говорятъ, что онъ находился въ числѣ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которымъ тридцать тиранновъ приказали привесть въ Аѳины Льва саламинскаго. *Andocides* de myster. p. 46. Orat. T. IV. ed. Reisk. Сравн. ниже. p. 32. C.

[2] Анитъ, сынъ Анѳаміона, βυρσοδέψης, или кожевникъ (*Plat.* Epist. VII. Socr. p. 30. Scholiast. ad. Plat. Men. p. 90. A. Сравн. *Xenophont.* Apol. 39), злѣйшій врагъ Сократа; такъ что Горацій (Satyr. II. 4.) не безъ причины называетъ послѣдняго Aniti reum. Великое богатство его и множество маетностей были причиною того, что тридцать тиранновъ, особенно заботившіеся, какъ извѣстно, о конфискаціи частныхъ имуществъ, изгнали его изъ отечества. За то послѣ онъ усердно помогалъ Тразибулу, возстановителю аѳинской свободы, и этимъ содѣйствіемъ вкравшись въ любовь народа (*Xenoph.* Hellen. II. 3 *Plat.* Epist. VII med.), исправлялъ значительныя должности въ республикѣ (*Xenoph.* Apol. 29). Такіе успѣхи сильно раздули въ немъ гордость и заставляли его каждый разъ досадовать, когда Сократъ, для объясненія своихъ мыслей, бралъ примѣры съ сапожниковъ, гончаровъ, кожевниковъ и т. п.: за это онъ не только Сократа, но и софистовъ почиталъ язвою общества (Men. p. 91. A — C.). Изъ этого видно, что слова «и каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣетъ своимъ искуствомъ (ремесломъ), почитаетъ себя человѣкомъ мудрѣйшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности (см. выше 22. D.)» относятся именно къ политикамъ изъ ремесленниковъ,—къ такимъ людямъ, какъ Анитъ.

[3] Ликонъ былъ одинъ изъ десяти ораторовъ, которые, по закону Солона, должны были говорить въ защиту общественныхъ дѣлъ (*Diog. L.* II. 88). Но такъ какъ во времена Платона управленіе дѣлами республики было слабо; то привиллегированные ораторы отъ нечего дѣлать заводили судебныя интриги, позволяли себѣ ябеды, и такимъ образомъ вошли въ поговорку, какъ люди презрѣнные. См. *Valckenär.* diarib. p. 357. sqq. *Aristoph.* plut. v. 567. sqq. Судя по намѣкамъ Аристофана (Vesp. v. 1292.), можно думать, что Ликонъ сверхъ того велъ и развратную жизнь, ибо съ другимъ ораторомъ, Антифономъ, любилъ пьяныя общества.

многихъ видахъ. Вотъ вамъ истина, Аѳиняне! Я говорю ее, нисколько не скрывая и не поддѣлывая, хотя почти знаю, что она навлекаетъ на меня ненависть. Но здѣсь-то и признакъ, что слова мои справедливы, что въ этомъ именно состоитъ клевета на меня и что эти именно ея причины. Будете разсматривать мое дѣло теперь или послѣ,—откроет- B.
ся одно и тоже.

И такъ въ томъ, въ чемъ обвиняли меня первые мои обвинители, да будетъ достаточнымъ для васъ высказанное мною оправданіе. Теперь постараюсь защитить себя противъ добраго, или, какъ онъ говоритъ, любящаго Аѳины [1] Мелита, и противъ другихъ, слѣдовавшихъ за нимъ доносчиковъ. Такъ какъ эти обвинители иного рода; то возмемъ равнымъ образомъ клятвенное ихъ показаніе. Оно почти таково: *Сократъ поступаетъ преступно, ибо развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ городомъ, а во-* C.
дитъ новыхъ геніевъ. Вотъ въ чемъ состоитъ обвиненіе! Разсмотримъ каждый пунктъ его.

Во-первыхъ сказано, что я поступаю преступно, развращая юношей: но по моему, Аѳиняне,—такъ преступно поступаетъ Мелитъ, что шутитъ серьёзными вещами и легкомысленно призываетъ людей въ судъ, показывая видъ, будто ревнуетъ и заботится о такихъ дѣлахъ, изъ которыхъ ни объ одномъ никогда не безпокоился. А что это справедливо, постараюсь доказать вамъ.

Сокр. Пожалуй-ка сюда, Мелитъ, и скажи мнѣ: не выше

---

[1] φιλόπολιν. Слово φιλόπολις не должно быть принимаемо въ одномъ и томъ же значеніи съ словомъ φιλόπατρις. Φιλόπατρις — тотъ, кто любитъ Грецію; а φιλόπολις есть любитель Аѳинъ. *Dorvill.* ad Charit. p. 213.

[2] ἔχει δέ πως ὧδε. Слово πως показываетъ, что Сократъ приводитъ формулу обвиненія не буквально. Буквальное ея изложеніе, еще во времена Фаворина, во второмъ вѣкѣ по Р. Х., сохранялось въ аѳинскомъ μητρῴῳ, то-есть въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельству Діогена Л. (II. 40), на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: Τὰ δὲ ἐγράψατο καὶ ἀντωμολογήσατο Μέλιτος Μελίτου, Πιτθεύς, Σωκράτει Σωφρονίσκου, Ἀλωπεκῆθεν· ἀδικεῖ Σωκράτης, οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζων, ἕτερα δὲ καινὰ δαιμόνια εἰσηγούμενος· ἀδικεῖ δὲ καὶ νέους διαφθείρων. Τίμημα θάνατος.

D. ли всего, по твоему мнѣнію, то, чтобы юноши были самыми лучшими?

Мел. Конечно.

Сокр. Изволь же теперь объявить находящимся здѣсь, кто дѣлаетъ юношей лучшими. Ты очевидно знаешь это; вѣдь не даромъ заботишься. Развратителя-то ты, говоришь, открылъ;—призвалъ сюда меня и обвиняешь: изволь-ка теперь наименовать и указать имъ человѣка, дѣлающаго юношей лучшими. Видишь ли, Мелитъ? пришлось молчать, нѣтъ отвѣта! А не стыдно ли тебѣ и не достаточно ли этимъ подтверждаются слова мои, что у тебя подобной заботы не бывало? Скажи же, добрый человѣкъ, кто дѣлаетъ ихъ превосходнѣйшими.

Мел. Законы.

E. *Сокр*. Да не о томъ вопросъ, почтеннѣйшій: кто первый знаетъ самые-то законы?

Мел. Эти судьи, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь, Мелитъ? Эти судьи могутъ учить юношей и дѣлать ихъ лучшими?

Мел. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Всѣ? или одни могутъ, а другіе нѣтъ?

Мел. Всѣ.

Сокр. Прекрасно сказано, клянусь Ирою. Да и какъ много людей обязательныхъ! Ну, а эти слушатели—что?—дѣлаютъ ихъ лучшими или нѣтъ?

Мел. И эти дѣлаютъ.

Сокр. А совѣтники [1]?

---

[1] *А совѣтники? τί δαὶ οἱ βȣλευταί*; Аѳинскій Сенатъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ присутственныхъ мѣстъ: изъ Ареопага, *βȣλὴ ἡ ἐξ 'Αρείου πάγȣ*, и изъ Пятисотнаго Совѣта, *βȣλὴ ἡ τῶν πεντακοσίων*. Члены послѣдняго назывались *οἱ βȣλευταί*, или *πρυτάνεις* и, по закону Солона, жребіемъ избирались изъ всѣхъ десяти аттическихъ округовъ въ числѣ пятидесяти человѣкъ изъ каждаго. Однакожъ совѣтники не всѣ вдругъ составляли совѣтъ, но чередовались по округамъ; такъ что одинъ округъ, отслуживъ свое время, или тридцать пять дней, сдавалъ должность другому. Да и представители извѣстнаго округа засѣдали въ собраніи опять не всѣ вдругъ, но такъ какъ курсъ ихъ службы опредѣлялся тридцатью пятью днями, или пятью недѣля-

Мел. И совѣтники.

Сокр. Но ужъ не развращаютъ ли юношей въ собраніяхъ посѣтители собраній? Или и они дѣлаютъ ихъ лучшими?

Мел. И они.

Сокр. Такъ видно всѣ Аѳиняне, кромѣ меня, дѣлаютъ юношей хорошими и добрыми; видно одинъ я развращаю ихъ. Ты утверждешь это?

Мел. И весьма рѣшительно.

Сокр. Великую же бѣду взносишь на меня. Однакожъ отвѣчай мнѣ. Такъ ли по твоему мнѣнію бываетъ и съ
лошадьми? то-есть, лучшими дѣлаютъ ихъ всѣ люди, а пор- B.
титъ кто нибудь одинъ? или совершенно напротивъ: кто нибудь одинъ, или очень немногіе, напримѣръ, наѣздники въ состояніи дѣлать ихъ лучшими, а многіе, какъ скоро начнутъ водиться и обращаться съ ними, портятъ ихъ? Не такъ ли Мелитъ, бываетъ и съ лошадьми, и со всѣми другими животными?— Безъ сомнѣнія такъ, — подтвердите ли это ты и Анитъ, или не подтвердите. Весьма счастливы конечно были бы юноши, если бы только одинъ развращалъ ихъ, а прочіе
приносили имъ пользу. Но ты, Мелитъ, достаточно доказалъ, C.
что никогда не заботился о юношахъ; ты ясно обнаружилъ свое нерадѣніе о нихъ; у тебя не было никакого попеченія о томъ, въ чемъ обвиняешь меня предъ судомъ. Скажи намъ еще, ради Зевса, Мелитъ: лучше ли жить между полезными, или вредными гражданами? Отвѣчай-ка [1] на вопросъ; вѣдь

ми, то пятьдесятъ совѣтниковъ совершали дѣло управленія, раздѣлившись на пять десятковъ; такъ что одинъ десятокъ, прослуживъ свою недѣлю, уступалъ мѣсто другому, другой третьему и т. д. Члены этихъ десятковъ назывались *πρόεδροι*. Равнымъ образомъ и *πρόεδροι* не всѣ и не всякій день имѣли одинаковую власть въ совѣтѣ, но каждому назначаемъ былъ свой день, въ который онъ предсѣдательствовалъ, принималъ въ свое завѣдываніе казну и печать и назывался *ἐπιστάτης*. Само собою разумѣется. что на чреду *τῶν ἐπιστατῶν* могли вступать преемственно только семь совѣтниковъ, а служба трехъ остальныхъ состояла просто въ присутствованіи въ Совѣтѣ. ***Hofman***. Lexic. v. Prytaneia.

[1] ***Отвѣчай-ка***, *ὦ 'τᾶν, ἀπόκριναι*. Hesychius: *ὦ 'τάν — πρόσρημα τιμητικῆς λέξεως· λέγεται δὲ καὶ ἐπὶ εἰρωνείᾳ πολλάκις*. ***Timaeus*** Gloss. Plat. et Lex rhet. bibl. Coisl. p. 404. *ὦ 'τᾶν· ὦ οὗτος*. ***Moeris***: *ὦ 'τᾶν, ἀττικῶς· ὦ σύ, ἑλληνικῶς*. Add. ***Svic***, h. l.

онъ не труденъ. Не правда ли, что вредные дѣлаютъ какое нибудь зло людямъ, всегда къ себѣ близкимъ, а добрые—какое-нибудь добро?

Мел. Конечно.

Сокр. Но есть ли такіе, которые, обращаясь съ людьми,
D. хотѣли бы получать отъ нихъ лучше вредъ, чѣмъ пользу? Отвѣчай, добрый человѣкъ; вѣдь и законъ велитъ отвѣчать [1]. Есть ли люди, желающіе получать вредъ?

Мел. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. Хорошо; ты призвалъ меня сюда, какъ развратителя юношей, дѣлающаго ихъ вредными: волею я дѣлаю это, или неволею?

Мел. Волею.

Сокр. Какъ же такъ, Мелитъ? Ты, человѣкъ молодой, гораздо мудрѣе меня старика; тобою дознано, что злые дѣлаютъ какое-нибудь зло людямъ, всегда къ себѣ близкимъ, а
E. добрые—добро. Напротивъ я дошелъ до совершеннаго невѣжества: мнѣ неизвѣстно и то, что, дѣлая кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ худымъ человѣкомъ, я подвергаюсь опасности потерпѣть отъ него какое-нибудь зло. И ты еще говоришь, что это-то, столь важное зло, я произвожу волею? Не вѣрю тебѣ, Мелитъ; да кажется, и ни кто другой не повѣритъ. Или
26. я не развращаю, или развращаю неволею; такъ что въ обоихъ случаяхъ ты утверждаешь ложь. Если же я развращаю неволею; то подобныхъ грѣшниковъ по-неволѣ законъ велитъ не сюда призывать, а учить и вразумлять особо; потому что. вразумившись, я конечно перестану дѣлать то, что дѣлаю невольно. Между тѣмъ ты избѣгалъ обращенія со мною и не хотѣлъ научить меня; напротивъ призвалъ сюда, куда, по закону, призываются люди для наказанія, а не для наученія. Да, теперь видно уже, Аѳиняне, что Мелитъ, какъ я
B. говорилъ, никогда и нисколько не безпокоился объ этомъ.

---

1 Самыя слова закона, на который здѣсь указывается, приводитъ Димосѳенъ (с. Steph. Orat. II. p, 1131.): «противникамъ въ судѣ (ἀντιδίκοιν) необходимо отвѣчать другъ другу на вопросы, но не свидѣтельствовать. *Forsterus*.

Впрочемъ, скажи-ка намъ, Мелитъ: какимъ образомъ, по твоему мнѣнію, я развращаю юношей? Не правда ли, что, по формулѣ твоего доноса, я учу признавать не тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ городъ, а новыхъ геніевъ? Не такъ ли, говоришь, я своимъ ученіемъ развращаю юношей?

Мел. Конечно,—и я рѣшительно утверждаю это.

Сокр. Заклинаю же тебя самыми богами, Мелитъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь: выскажи это еще яснѣе—и мнѣ, и присутствующимъ здѣсь мужамъ. Для меня слѣдующее не C.
понятно: то ли ты говоришь, что я учу признавать какихъ-то боговъ и самъ также допускаю ихъ, а потому несовсѣмъ безбожникъ, и въ этомъ отношеніи не беззаконно поступаю, только допускаю не тѣхъ именно, какихъ городъ, а иныхъ, и это-то ставишь мнѣ въ вину, что иныхъ? или утверждаешь, что я и самъ вовсе не признаю боговъ, и другихъ учу тому же?

Мел. Я утверждаю, что ты вовсе не признаешь боговъ.

Сокр. О дивный Мелитъ! Да что ты это говоришь? Значитъ, я не почитаю богами ни солнца, ни луны, чѣмъ почи- D.
таютъ ихъ нѣкоторые люди [1]?

Мел. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, судьи; солнце называетъ онъ камнемъ, а луну землею.

Сокр. Ты, кажется, обвиняешь Анаксагора [2], любезный Мелитъ. Думать, будто судьи такъ мало знакомы съ книгами,

---

[1] Этимъ Сократъ хочетъ сказать не то, что онъ признаетъ за боговъ солнце и луну, а то, что ему не возможно не признавать никакого бога, когда и Персы и другіе варвары, невѣрующіе въ греческихъ боговъ, воздаютъ божескія почести по крайней мѣрѣ солнцу и лунѣ. По этому мысль Штальбома, будто Сократъ разумѣетъ здѣсь Аполлона и Діану, мнѣ кажется слишкомъ изысканною.

[2] По свидѣтельству Діогена Лаерція (II. 8), Анаксагоръ Клазоменскій училъ, что солнце есть *μύδρος διάπυρος*, который одни принимали за раскаленную массу желѣза, а другіе — за камень. Въ послѣднемъ смыслѣ *μύδρον διάπυρον* разумѣлъ и Сократъ (*Xenoph.* Mem. VI 7. 7) и опровергалъ это мнѣніе. Луна же, по Анаксагору, имѣетъ *οἰκήσεις, λόφους* и *φαράγγας*, значитъ, есть земля. См. *Fischer.* ad. h. l., также *Hemsen.* de Anaxagora Clazomenio, s. de vita ejus atque philosophia p. 70 sqq. Эти мнѣнія Мелитъ навязывалъ Сократу вѣроятно потому, что считалъ его ученикомъ Архелая, послѣдователя Анаксагорова.

будто они не знаютъ, что подобными мнѣніями преисполнены сочиненія Анаксагора Клазоменскаго, значитъ, унижать ихъ.
E. Видно же юноши учатся у меня тому, что иногда могутъ, много какъ за драхму, купить со сцѣны [1], чтобы посмѣяться надъ Сократомъ, когда бы эти и другія нелѣпости онъ вздумалъ выдавать за свое. Такъ вотъ что, ради Зевса, называется у тебя—не признавать ни одного бога?

Мел. Да, клянусь Зевсомъ, точно ни одного.

Сокр. Ты ужъ не вѣришь, Мелитъ, кажется, и самому себѣ. Да, Аѳиняне, онъ по видимому,—человѣкъ вздорчивый и буйный: онъ сдѣлалъ на меня этотъ доносъ просто по вздор-
27. чивости, буйству и молодости. У него какъ будто была проба сложить загадку: узнаетъ ли, то-есть, Сократъ, такой мудрецъ, что я прикрываюсь шуткою и противорѣчу самому себѣ, или мнѣ удастся обмануть и его и прочихъ слушателей? А онъ въ доносѣ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ, какъ бы такъ говоря: Сократъ поступаетъ беззаконно, потому что не признаетъ боговъ, но признаетъ боговъ. Это—конечно шутка. Разсмотримъ вмѣстѣ, граждане, вѣрно ли мое мнѣніе о его доносѣ. Ты, Мелитъ, отвѣчай намъ; а вы, о чемъ я и
B. вначалѣ просилъ васъ, не изъявляйте негодованія, когда моя рѣчь будетъ являться въ привычной мнѣ формѣ.

Есть ли кто-нибудь, Мелитъ, который бы человѣческія

[1] Въ Аѳинахъ, до временъ Перикла, театральныя мѣста (sedes et loca) раздавались безмездно всѣмъ желавшимъ видѣть представленіе. Периклъ, первый установилъ брать за нихъ плату, и это называлось θέαν ἀπομισθοῦν или ἀγοράζειν (*Leopard.* Emendatt. I. 13.). Театральныя мѣста продавались откупщиками амфитеатровъ, θεατρώναις, θεατροπώλαις, ἀρχιτεκτόνεσι (*Demosth.* de corona p. 234. 23. T. 1.) за два овола (около 2 коп. сереб.), а иногда и за цѣлую драхму ($22^3/_4$ коп. серебр.). См. *Casaub.* ad. Theophr. Char. 2. *Boeckh.* de oeconom. Reipubl. Athen. T. I. p. 236. sqq. А такъ какъ самою высокою цѣною за мѣсто въ театрѣ была драхма; то ясно, почему Сократъ говоритъ: «могутъ купить, много какъ за драхму». Но какимъ образомъ на сцѣнѣ продавались мысли философовъ? Извѣстно, что драмматическіе и комическіе поэты не рѣдко вносили въ свои пьесы мнѣнія прежнихъ и современныхъ умствователей — первые съ цѣлію прославить ихъ, что, какъ извѣстно, дѣлалъ Эврипидъ съ положеніями Анаксагора (см. *Valckenär.* Diatr. in fragm. Eurip. p. 29 sqq.),—а послѣдніе съ намѣреніемъ посмѣяться надъ ними, что встрѣчается почти во всѣхъ комедіяхъ Аристофана.

дѣла признавалъ, а людей не признавалъ? Пусть онъ отвѣчаетъ, граждане, а не шумитъ безъ толку. Есть ли кто-нибудь, который бы лошадей не признавалъ, а дѣла, относящіяся къ лошадямъ, признавалъ? который бы флейщиковъ не признавалъ, а дѣла свойственныя имъ признавалъ? Если ты, превосходнѣйшій изъ мужей, отвѣчать не хочешь; то я скажу тебѣ и другимъ здѣсь присутствующимъ, что такихъ людей нѣтъ. Но отвѣчай на слѣдующій вопросъ: есть ли кто-нибудь, кото- C.
рый бы геніальныя дѣла признавалъ, а геніевъ не признавалъ?

Мел. Нѣтъ.

Сокр. Какъ ты обрадовалъ меня, что наконецъ, по побужденію этихъ мужей, отвѣтилъ! Вотъ ты утверждаешь, что я признаю и преподаю геніальное—пусть оно будетъ новое или старое;—довольно, что, по твоимъ словамъ, я признаю именно геніальное, и этотъ пунктъ доноса запечатлѣнъ твоею клятвенною подписью. Если же я признаю геніальное; то крайняя необходимость велитъ мнѣ уже признавать и геніевъ. Не такъ ли?—Безъ сомнѣнія такъ. Не слыша твоего отвѣта, я полагаю, что ты согласенъ. А геніевъ не почитаемъ ли мы то D.
богами, то дѣтьми боговъ? Подтверждаешь, или нѣтъ?

Мел. Конечно.

Сокр. И такъ, если я вѣрую въ геніевъ; а геніи, по твоему сознанію, суть нѣкоторыя божества; то вотъ мои слова и справедливы, что ты предложилъ намъ загадку и прикрывался шуткою, когда утверждалъ, будто я не вѣрую въ боговъ, и снова—что я вѣрую въ нихъ, поколику вѣрую въ геніевъ. Но далѣе, если геніи—побочные дѣти боговъ, рожденные ими или отъ нимфъ, или, какъ говорятъ, отъ другихъ женщинъ; то какой человѣкъ, вѣруя въ божіихъ дѣтей, не вѣруетъ въ боговъ? Это было бы столь же нелѣпо, какъ если бы кто, допуская бытіе лошадиныхъ жеребятъ и ослиныхъ муловъ, не допускалъ E.
бытія лошадей и ословъ. Не можетъ статься, Мелитъ, чтобы ты сдѣлалъ такой доносъ не для испытанія насъ, или не по незнанію, какую дѣйствительную вину взнести на меня. А убѣдить кого-нибудь, кто имѣетъ хоть мало разсудка, что одному

и тому же человѣку свойственно, вѣря въ геніальное и боже-
28. ственное, не вѣрить ни въ геніевъ, ни въ боговъ, ни въ героевъ,—никакимъ образомъ невозможно.

Такъ-то, Аѳиняне! Что я не виноватъ по силѣ Мелитова доноса,—это, кажется, не требуетъ большаго оправданія; достаточно и сказаннаго: а что, какъ я и прежде говорилъ, многіе сильную питаютъ противъ меня ненависть,—это, будьте увѣрены, справедливо. Поэтому преодолѣютъ меня, если преодолѣютъ, не Мелитъ и Анитъ, а клевета и вражда толпы. Онѣ уже преодолѣли много и другихъ очень добрыхъ мужей; да
B. кажется и будутъ преодолѣвать: нѣтъ ничего удивительнаго, что на мнѣ это не остановится.

Но можетъ быть кто скажетъ: не стыдно ли тебѣ, Сократъ, что ты запутался въ такія дѣла, которыя теперь угрожаютъ тебѣ смертію?—Я отвѣчу ему правдою: нехороши твои мысли, почтеннѣйшій, если ты думаешь, что тотъ, въ комъ есть хоть немного дѣльнаго, долженъ братъ въ расчетъ опасность жизни и смерти, а не смотрѣть на одно,—справедливо ли онъ поступаетъ, или несправедливо, когда что-нибудь дѣлаетъ, и доброму ли человѣку приличны дѣла его, или худому.
C. По твоему, худы видно были полубоги, павшіе подъ Троею, худы были и другіе, и сынъ Ѳетиды [1], который, чтобы не подвергнуться стыду, пренебрегъ величайшею опасностію. Когда онъ жаждалъ Гекторовой смерти, и когда мать его,—замѣть—богиня, почти такъ, помнится, сказала ему: дитя мое! отмстивъ за смерть друга своего Патрокла и убивъ Гектора, ты умрешь самъ, —

Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ приготовленъ;

то, выслушавъ слова ея, онъ презрѣлъ смерть и опасность
D. и, гораздо больше боясь вести жизнь слабаго человѣка, который не мститъ за своихъ друзей, отвѣчалъ: *о, да умру я теперь же*, преслѣдуя обидчика за обиду, *чтобы не оставаться здѣсь посмѣшищемъ и не быть безполезнымъ бреме-*

[1] Указывается на XVIII кн. 90 и сл. ст. Иліады.

немъ земли, сидя предъ дуговидными кораблями! Думаешь ли, что онъ скорбѣлъ, приближаясь къ смерти и опасности? Такъ-то поистинѣ, Аѳиняне! Гдѣ кто стоитъ — потому ли, что свое мѣсто почитаетъ лучшимъ, или потому, что на этомъ мѣстѣ поставили его начальники,—тамъ долженъ онъ, кажется, при встрѣчѣ съ опасностію, и оставаться: въ сравненіи съ стыдомъ, и смерть и все прочее — ничего не значитъ. Итакъ, я поступилъ бы ужасно, Аѳиняне, если бы, по E.
повелѣнію архонтовъ, которыхъ избирали вы для управленія мною и въ Потидеѣ, и въ Амфиполисѣ, и на Делосѣ [1], оставался тамъ, гдѣ мнѣ было указано, и, подобно другимъ, подвергался опасности потерять жизнь; а при повелѣніи божіемъ, которымъ, какъ я привыкъ думать, предписывается мнѣ провождать время въ любомудріи и испытаніи себя и другихъ, убоялся бы смерти, или чего подобнаго, и оставилъ бы свое мѣсто. Да, это было бы ужасно: тогда кто-нибудь дѣйстви- 29.
тельно имѣлъ бы право подвергнуть меня суду, какъ человѣка, не признающаго боговъ,—какъ такого человѣка, который не повинуется оракулу, боится смерти и считаетъ себя мудрецомъ, не будучи имъ. Въ самомъ дѣлѣ, граждане, — бояться смерти есть не что иное, какъ казаться мудрецомъ, не будучи имъ. Вѣдь казаться, значитъ, знать то, чего не знаешь; а смерти не знаетъ никто,—никто не знаетъ даже и того, не есть ли она для человѣка величайшее изъ всѣхъ благъ; и однакожъ люди боятся ея, какъ будто знаютъ, что она есть величайшее изъ всѣхъ золъ. Какъ же не самое низ- B.
кое невѣжество — думать, будто знаешь то, чего не знаешь! Напротивъ я, граждане, и въ этомъ отношеніи можетъ быть тѣмъ отличаюсь отъ многихъ людей, и по тому назвалъ бы себя мудрѣе инаго, что, не зная достаточно о преисподней, такъ и думаю, что не знаю: а что поступать беззаконно и не повиноваться лучшему,—человѣку то или богу, есть дѣло ху-

[1] Сократъ говоритъ о своихъ походахъ въ качествѣ воина. Подробное описаніе ихъ можно читать *Diogen. L.* II. 22. sqq. ibique *Meneg* Athen. IV. 15. ibique *Casaub.*; *Aelian.* V. II. III. 17. *Cicer.* de divin. I. 54.

дое и постыдное, — это я знаю. Посему не буду бояться и бѣгать того, о чемъ не могу сказать, добро ли оно,—бояться и бѣгать болѣе, чѣмъ зла, которое уже извѣстно мнѣ, какъ зло. Положимъ, что теперь вы согласились бы отпустить
C. меня и не послушались бы Анита, который говоритъ, что или съ самаго начала не надлежало призывать меня сюда, или, когда призвали, надобно лишить жизни, такъ какъ онъ доказываетъ вамъ, что если я избѣгну смерти, то ваши сыновья, слѣдуя ученію Сократа, всѣ и вездѣ развратятся, — положимъ, что на это вы сказали бы мнѣ: Сократъ! теперь мы не послушаемся Анита и отпустимъ тебя, однакожъ съ тѣмъ условіемъ, что бы ты уже не занимался подобнымъ изслѣдованіемъ и любомудріемъ; если же снова будешь обличенъ въ томъ самомъ дѣлѣ, то умрешь. Положимъ, говорю, что вы отпускали бы меня на этомъ условіи: въ такомъ слу-
D. чаѣ вотъ каковъ былъ бы мой отвѣтъ. Аѳиняне! я преданъ вамъ чувствами дружбы и любви: но на мою вѣру большее право имѣетъ богъ, чѣмъ вы. А потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и предлагать каждому встрѣчному убѣжденія и доказательства въ обычныхъ мнѣ выраженіяхъ: почтеннѣйшій мужъ! будучи гражданиномъ Аѳинъ, города, по своей мудрости и силѣ духа, великаго и славнаго, ты не стыдишься хлопотать о славѣ, чести и деньгахъ, что-
E. бы собрать ихъ сколько можно болѣе; а о благоразуміи, объ истинѣ, о душѣ, чтобы она сдѣлалась сколько можно лучшею, не хлопочешь и не заботишься. Если же кто-нибудь изъ васъ усомнится и скажетъ, что онъ заботится объ этомъ; то я не тотчасъ отпущу его и не вдругъ отстану, но буду спрашивать, испытывать, вывѣдывать, и когда окажется, что онъ не пріобрѣлъ добродѣтели, а приписываетъ ее себѣ,
30. то замѣчу ему, что у него самое важное унижается, а бездѣльное представляется важнымъ. Такъ обойдусь я и съ молодымъ человѣкомъ, и съ старикомъ — съ кѣмъ ни пришлось бы встрѣтиться, такъ—и съ иностранцемъ и съ Аѳиняниномъ, и съ Аѳинянами тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе они ко мнѣ

по племени; ибо такова, будьте увѣрены, воля божія. Я даже думаю, что въ городѣ не найти вамъ блага болѣе моего служенія богу; потому что цѣль моихъ прогулокъ есть не иная, какъ убѣжденіе молодыхъ людей и стариковъ—пещись не прежде и не столько о тѣлѣ, о деньгахъ и о чемъ-нибудь B. другомъ, сколько о душѣ, чтобы сдѣлать ее совершеннѣйшею. Я доказываю, что не изъ денегъ раждается добродѣтель, а изъ добродѣтели—деньги, равно какъ и всѣ другія частныя и общественныя для людей блага. Если, говоря это, я развращаю юношей; то слова мои конечно вредны: а кто сказалъ бы, что я учу не этому, а другому; тотъ не сказалъ бы ничего. Итакъ я отвѣчалъ бы: Аѳиняне! повѣрите вы Аниту, или не повѣрите, отпустите меня или нѣтъ,—но я буду поступать не иначе, хотя бы мнѣ пришлось умереть много разъ. C.

Не шумите, Аѳиняне; устойте въ томъ, о чемъ я васъ просилъ: то-есть, не шумомъ отвѣчать на мои слова, а вниманіемъ; потому что вниманіе, думаю, принесетъ вамъ пользу. Вотъ я намѣренъ сказать и нѣчто другое, при чемъ можетъ быть, вы поднимете крикъ: но отнюдъ не дѣлайте этого. Знайте, что если вы лишите меня жизни, — меня, такого человѣка, какимъ я себя описываю; то повредите болѣе себѣ, чѣмъ мнѣ. Мнѣ не сдѣлаютъ вреда ни Мелитъ, ни Анитъ, D. да и не могутъ; потому что, кажется, не въ порядкѣ вещей, что бы человѣку лучшему вредилъ худшій. Положимъ, онъ лишитъ меня жизни, либо изгонитъ, либо обезчеститъ: но это — великое зло, только по его, или по чьему-нибудь мнѣнію, а по моему—не зло. Напротивъ, я почитаю гораздо большимъ зломъ дѣлать то, что онъ теперь дѣлаетъ, то-есть, намѣреваться безъ вины лишить человѣка жизни. По этому въ настоящія минуты, Аѳиняне, я защищаю вовсе не себя, какъ иной можетъ быть думаетъ, а васъ, чтобъ обвинивъ меня, вы не лишились даннаго вамъ богомъ дара. Да, если вы умерт- E. вите меня; то трудно будетъ вамъ найти другаго подобнаго мнѣ, котораго—хоть и смѣшно, а справедливо— богъ помѣ-

стилъ въ городѣ, будто на великомъ и благородномъ конѣ [1], для того, что этотъ конь, по причинѣ своей величины, довольно неповоротливъ и долженъ быть возбуждаемъ жаломъ овода. Именно, ту-то, кажется, должность въ отношеніи къ городу богъ и возложилъ на меня, что бы я и возбуждалъ васъ, и убѣждалъ, и надоѣдалъ каждому, что бы я непрестан-
31. но, во весь день подсѣдалъ то къ тому, то къ другому. Да, граждане, другаго такого не легко имѣть вамъ: поэтому, если повѣрите мнѣ, то пощадите меня. Но разсердившись, какъ пробуждаемые отъ сна, вы вѣроятно будете меня бить и, послушавшись Анита, безъ труда убьете, чтобъ остальную жизнь провести во снѣ, если богъ, заботясь о васъ, не пошлетъ вамъ еще кого-нибудь. А что я таковъ, какимъ богъ
B. далъ меня городу, уразумѣете изъ слѣдующаго: Не на человѣческій расчетъ безъ сомнѣнія походитъ, что я нерадѣю о всемъ своемъ и столько уже лѣтъ оставляю безъ вниманія неустройства домашнія; напротивъ всегда занимаюсь вашими дѣлами, бесѣдуя съ каждымъ порознь, какъ будто отецъ или старшій братъ, и убѣждая слѣдовать добродѣтели. Была бы еще причина поступать такимъ образомъ, если бы чрезъ это я снискивалъ выгоду, или за свои наставленія бралъ плату: но вы и сами-таки видите, что мои обвинители, сколь ни безстыдны ихъ извѣты въ отношеніи ко всему другому,

---

[1] Этой аллегоріи Сократа можно дать двоякій смыслъ; потому что слѣдующее далѣе слово μύωπος значитъ и *шпоры* и *оводъ*. Принявъ первое, мы должны будемъ допустить, что Сократъ представляетъ себя въ обществѣ, какъ всадника на конѣ, котораго онъ возбуждаетъ шпорами; а по второму, сынъ Софрониска уподобляетъ себя оводу, сидящему на спинѣ коня, чтобы онъ былъ живѣе. Іоаннъ Серрскій, Вольфъ, Шлейермахеръ и другіе держатся перваго значенія слова μύωπος; а Штальбому и мнѣ кажется приличнѣйшимъ послѣднее: потому что то не довольно идетъ къ лицу Сократа и выражаетъ слишкомъ много самомнѣнія, нисколько ему несвойственнаго; а это гораздо скромнѣе и сообразнѣе съ тонкостью Сократовой ироніи. При томъ первая мысль не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и смѣшнаго, а послѣдняя дѣйствительно забавна; слѣдовательно Сократъ кстати могъ сказать: «хоть и смѣшно, а справедливо». Наконецъ глаголы προςκεῖσθαι προςτεθεικέναι, προςκαθίζειν никакъ не могутъ относиться къ всаднику, а на овода, когда онъ льнетъ къ лошади, указываютъ очень выразительно.

не могли однакожъ дойти до той степени безстыдства, чтобы C.
представить свидѣтеля, будто я получалъ какую-нибудь плату, или требовалъ ея. Да впрочемъ съ моей стороны,—достаточное, кажется, свидѣтельство истины и самая бѣдность.

Можетъ быть покажется страннымъ, что частно я даю совѣты, ходя изъ мѣста въ мѣсто, и беру на себя многое, а публично не осмѣливаюсь войти въ ваше собраніе и совѣтовать городу. Причину этого вы уже слышали отъ меня много разъ: я часто говаривалъ, что во мнѣ бываетъ нѣчто бо- D.
жественное и геніальное, надъ чѣмъ Мелитъ смѣялся и въ доносѣ. Между тѣмъ я съ самаго дѣтства слышу въ себѣ какой-то голосъ, который, въ минуту проявленія, всегда отклоняетъ меня отъ того, что думалось мнѣ сдѣлать, а побуждать — никогда не побуждаетъ [1]. Онъ-то возбранялъ мнѣ заниматься политическими дѣлами и, кажется, поступалъ прекрасно; ибо знайте, Аѳиняне, что если бы я задолго рѣшился вступить въ отправленіе общественныхъ должностей, то давно бы уже погибъ и не принесъ бы никакой пользы ни вамъ ни себѣ. И не гнѣвайтесь на меня за истину: нѣтъ E.
человѣка, который спасся бы, противясь сознательно—вамъ ли то, или какому-нибудь другому народному собранію, и поставляя преграды несправедливости и преступленіямъ въ городѣ. Ему необходимо сражаться за правду, и если онъ 32.

[1] Во всѣхъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ, гдѣ упоминается о Сократовомъ геніѣ, этотъ геній представляется дѣятелемъ только отвращающимъ отъ извѣстнаго поступка, а не побуждающимъ къ чему-нибудь. (См. Phædr. 242. C. Theæt. 151. A. Alcib. I. 103. A. 124. C. Theag. 128. D. et alib.). Напротивъ Ксенофонтъ свидѣтельствуетъ, будто онъ внушалъ Сократу и то, что должно дѣлать, и то, чего не должно. (*Xenoph.* Mem. I. 1. 4. IV. 8. 1.). Это кажущееся противорѣчіе объясняется весьма легко. Нѣтъ сомнѣнія, что Сократъ приписывалъ своему генію силу располагать къ исполненію должностей отрицательныхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ гораздо яснѣе входятъ въ сознаніе. Но такъ какъ предписаніе не дѣлать чего-нибудь есть ограниченіе не къ бездѣйствію, а къ поступку противуположному, то исполненіе противуположнаго поступка Ксенофонтъ и принялъ за внушеніе положительное. По ученію же Сократа о геніѣ, дѣйствіе положительное есть только слѣдствіе исполненія должности отрицательной. Напримѣръ въ Эвтидемѣ p. 272. E. изъ предписанія не уходить, само собою вытекаетъ заключеніе, что надобно остаться на мѣстѣ.

хочетъ спастись на нѣсколько времени, то долженъ вести жизнь частную, а не общественную. Представлю вамъ на это доказательства сильныя — не словами, а тѣмъ, что вы уважаете—дѣлами. Выслушайте-ка, что бывало со мною, и узнаете, что изъ страха смерти я никому не могу потакать ко вреду справедливости, а не потакая, въ тоже время приближаюсь къ погибели. Скажу нѣчто досадительное и необыкновенное, однакоже истинное. Я, Аѳиняне, ниоднажды не несъ
B. въ городѣ другой правительственной должности, кромѣ должности совѣтника. Нашей филѣ Антіохисъ случилось сенаторствовать [1], когда вы хотѣли судить вдругъ всѣхъ десять военачальниковъ — за то, что они съ морскаго сраженія не привезли убитыхъ. Такой судъ, какъ послѣ самимъ вамъ показалось, былъ несогласенъ съ законами [2]. Въ то время я одинъ изъ сенаторовъ противустоялъ вамъ, не допуская нарушить законы, и подалъ противный голосъ. Риторы готовы уже были обвинить меня и отдать подъ стражу; вы тоже тре-
C. бовали этого и кричали; а я думалъ, что лучше мнѣ подвергнуться опасности съ закономъ и правдою, чѣмъ, боясь узъ и смерти, оставаться съ вами, судьями неправедными. И это было еще при народномъ правленіи въ нашемъ городѣ. Когда же наступила олигархія,—тридцать правителей снова призвали меня самъ-пятаго въ круглую палату и приказали привезти съ Саламина Льва Саламинянина, чтобы лишить его жизни [3]. Много подобныхъ приказаній отдали они и другимъ,
D. желая какъ можно болѣе увеличить число виновныхъ. Тогда я опять не словомъ, а дѣломъ доказалъ, что смерть для меня—

[1] Когда производилось дѣло о десяти военачальникахъ, которые, побѣдивъ Лакедемонянъ въ морскомъ сраженіи, не погребли непріятельскихъ тѣлъ; тогда Сократъ былъ ἐπιστάτης, предсѣдателемъ децемвировъ. О томъ, какъ онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, см. *Xenoph.* Hellen. I. 7. 14. 15. 38.

[2] По свидѣтельству Ксенофонта, (Hellen. 1. extr.) законъ повелѣвалъ судить каждаго порознь, κρίνειν δίχα ἕκαστον.

[3] Левъ, по рожденію Саламининъ, а по отечеству Аѳинянинъ, во время правленія тридцати тиранновъ, произвольно избралъ ссылку на островъ Саламинъ, чтобы огромное его богатство не вооружило противъ него корыстолюбивыхъ правителей. *Xenoph.* Hellen. 11. 3. 39.

какъ бы сказать незаносчивѣе,—ничего не значитъ, что вся моя забота клонится къ дѣятельности, чуждой неправды и нечестія. То правительство, сколь могущественно ни было оно, не испугало меня и не заставило сдѣлать что-нибудь неправое: нѣтъ, вышедши изъ круглой палаты, прочіе четверо отправились на Саламинъ и привезли Льва; а я тотчасъ отправился домой и за это, можетъ быть, заплатилъ бы жизнію, если бы власть тиранновъ вскорѣ не исчезла. О такомъ поступкѣ моемъ засвидѣтельствуютъ вамъ многіе. E.

Думаете ли, что я прожилъ бы столько лѣтъ, если бы несъ общественныя должности, поступая, какъ прилично человѣку доброму, то-есть, помогая правымъ, и эту помощь, какъ слѣдуетъ, ставя выше всего? Далеко нѣтъ, Аѳиняне; да и никто другой не достигъ бы до такой старости. Между тѣмъ вся моя жизнь не только въ отправленіи кое-какихъ обще- 33.
ственныхъ дѣлъ, но и въ частныхъ занятіяхъ была такова, что я никогда и никому не поблажалъ ко вреду справедливости,—не поблажалъ и другимъ, и тѣмъ, которыхъ клеветники называютъ моими учениками [1]. Я никогда и ничьимъ не былъ учителемъ. Если же кто-нибудь, молодой или пожилой человѣкъ, хотѣлъ слушать мои слова, когда я исполнялъ свою обязанность; то никому и ни въ какое время не запрещалось. При томъ я не изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ за деньги, а безъ денегъ не разсуждаютъ: я позволяю вопрошать себя B.
равно и богатому и бѣдному; а кто хочетъ, можетъ только отвѣчать, выслушивая мои вопросы. Впрочемъ, по всей справедливости, я не беру на себя того, добрымъ ли становится кто изъ моихъ слушателей, или нѣтъ; потому что никому не обѣщаю науки и ничему не учу. Если же иные говорятъ, будто отъ меня чему-нибудь научились, или слышали какую-нибудь особенность, которая отъ другихъ сокрыта; то будьте увѣрены, что это говорятъ несправедливо.

---

[1] Здѣсь Сократъ разумѣетъ особенно Алкивіада и Критіаса, которые, по мнѣнію народа, получили худыя правила жизни и дѣятельности въ школѣ Сократа. *Xenoph.* Mem. 1. 2. 12. sqq.

C. Однакоже почему нѣкоторые рады обращаться со мною
долгое время? Вы слышали, Аѳиняне, я высказалъ вамъ
всю истину, что мои слушатели съ удовольствіемъ внима-
ютъ, какъ я испытываю тѣхъ людей, которые, почитая се-
бя мудрецами, на самомъ дѣлѣ—не мудрецы;—съ удоволь-
ствіемъ внимаютъ потому, что это не непріятно. А дѣлать
такое испытаніе, какъ сказано, предписывалъ мнѣ богъ,—
предписывалъ и изреченіями оракула, и сновидѣніями, и вся-
кимъ образомъ, какимъ и иной божественный жребій пове-
лѣваетъ человѣку что-нибудь дѣлать. Это, Аѳиняне, и истин-
но, и удободоказательно. Но, если я однихъ изъ юношей раз-
D. вращаю, другихъ развратилъ; то нѣкоторые изъ нихъ, ставъ
постарше и понявъ, что въ юныхъ лѣтахъ слышали отъ ме-
ня худые совѣты, теперь должны бы настоятельно изложить
свои обвиненія и требовать моей казни. А когда не захотѣли
бы сами они; надлежало бы нынѣ вспомнить нѣкоторымъ изъ
ихъ родственниковъ, напримѣръ отцамъ, братьямъ и дру-
гимъ ближнимъ, — вспомнить, что ихъ домашніе потерпѣли
отъ меня нѣчто худое. Да многіе изъ нихъ, вижу, и въ са-
момъ дѣлѣ здѣсь: во-первыхъ вотъ Критонъ, мой сверстникъ
E. и землякъ, отецъ этого Критовула; потомъ Лизаніасъ сфет-
тійскій, отецъ этого Эсхина; вотъ еще Антифонъ кефисій-
скій, отецъ Эпигена. Есть здѣсь и такіе, которыхъ братья
обращались со мною: вотъ напримѣръ Никостратъ, сынъ
Ѳеосдотида, братъ Ѳеодота (но Ѳеодотъ уже умеръ и пото-
му не можетъ просить за меня); вотъ Паралосъ, сынъ Демо-
34. доха, котораго братъ былъ Ѳеагъ; вотъ Адимантъ, сынъ
Аристона, котораго братъ—этотъ Платонъ; вотъ Діантодоръ,
котораго братъ этотъ Аполлодоръ. Могу наименовать вамъ
много и другихъ, изъ коихъ каждаго Мелитъ, особенно въ
своемъ доносѣ, долженъ бы былъ выставить какъ свидѣтеля.
Если же тогда онъ забылъ; то пусть выставитъ теперь, — я
не препятствую,—и скажетъ, что знаетъ. Но вы, граждане,
найдете совершенно противное этому: меня, развратителя,
B. который, по словамъ Мелита и Анита, дѣлаетъ зло ихъ ближ-

нимъ, всѣ готовы защищать. Правда, сами развращенные, можетъ статься, имѣли бы причину оказать мнѣ помощь: но не развращенные-то, какъ люди уже пожилые и родственники первыхъ, какое нашли бы основаніе помогать мнѣ, кромѣ прямодушія и справедливости, поколику знаютъ, что Мелитъ лжетъ, а я говорю правду?

Такъ вотъ это, граждане, и, можетъ быть, иное подобное этому намѣренъ былъ я сказать въ свое оправданіе. Но какъ бы кто изъ васъ не вознегодовалъ на меня, вспомнивъ, что C.
онъ, для защиты своего дѣла, которое было и не столь важно, какъ мое, просилъ и со слезами умолялъ судей, приводилъ своихъ дѣтей и много другихъ родственниковъ и друзей, чтобы снискать, какое только можно, милосердіе [1]; а я не дѣлаю ничего такого, хотя, повидимому, подвергаюсь крайнему бѣдствію. Да, кто-нибудь, подумавъ такъ, вѣроятно востанетъ противъ меня своимъ самолюбіемъ и, разгнѣвавшись за это самое, выразитъ свою досаду неблагопріятнымъ для меня мнѣніемъ. Если кто изъ васъ дѣйствительно такъ на- D.
строенъ, — положительно не говорю этого; — то я считаю приличнымъ сказать ему слѣдующее: Почтеннѣйшій мужъ! есть и у меня кое-какіе родственники:—ибо и я, говоря словами Омира [2], *родился не отъ дуба и не отъ камня*, а отъ людей; слѣдовательно есть у меня родные, даже есть три сына [3], Аѳиняне, изъ которыхъ одинъ—уже подростокъ, а два еще маленькіе. Но при всемъ томъ, я не приведу сюда ни одного и не буду просить себѣ освобожденія. А почему не сдѣлаю этого?—не по самомнѣнію, Аѳиняне, и не по презрѣ- E.

---

[1] Что обвиняемые Аѳиняне, для умилостивленія судей, приводили съ собою въ судъ сыновей, дочерей и женъ, см. *Aristoph*. Plut. v. 383. Vesp. v. 566. sqq.

[2] Hom. Odyss. XIX. v. 163. Пенелопа не узнала Улисса и, требуя, чтобы онъ возвѣстилъ ей о своемъ родѣ, сказала: *οὐ γὰρ ἀπὸ δρυός ἐσσι παλαιφάτου οὐδ' ἀπὸ πέτρης*.

[3] У Сократа было три сына: Лампроклъ, Софронискъ и Менексенъ. Лампроклъ былъ старшимъ и въ Федонѣ (p. 65) называется *μέγας*. См. *Xenoph*. Mem. II. 2. 1. Послѣдніе два въ Федонѣ названы *σμικροί*, т. е. *παῖδες*.

нію къ вамъ. Мужественно ли встрѣчу я смерть, или нему-
жественно, — это другой вопросъ. Нѣтъ, доживъ до такой
старости и снискавъ такое имя, — справедливо ли то или не-
справедливо, мнѣ кажется, не хорошо было бы, для чести и
собственной, и вашей, и цѣлаго города, дѣлать что-нибудь
подобное. Вѣдь уже всѣмъ извѣстно, что Сократъ кое-чѣмъ
35. отличается отъ многихъ: но если бы кто изъ васъ, отличаясь
либо мудростію, либо мужествомъ, либо какою-нибудь дру-
гою добродѣтелію, поступилъ такимъ образомъ; то ему было
бы стыдно. Видывалъ я конечно много разъ, что нѣкоторые, —
хоть и люди съ самомнѣніемъ, подвергаясь суду, дѣлаютъ
чудеса: они думаютъ, что потерпятъ нѣчто ужасное, когда
умрутъ, и какъ будто останутся безсмертными, если вы не
лишите ихъ жизни. По моему мнѣнію, такіе граждане сты-
дятъ свой городъ. Смотря на нихъ, иной чужестранецъ пред-
положитъ, будто и отличнѣйшіе въ отношеніи къ добродѣте-
ли соотечественники наши, которыхъ Аѳиняне предпочита-
B. ютъ себѣ и во власти, и въ другихъ почестяхъ, ничѣмъ не
лучше женщинъ. Нѣтъ, этого и мы не должны дѣлать, каки-
ми бы себя ни сознавали, и вы не должны допускать, если мы
это дѣлаемъ: напротивъ ваша обязанность показывать, что
человѣка, представляющаго столь жалкія сцены и подвергаю-
щаго свой городъ насмѣшкамъ, вы еще скорѣе осудите, чѣмъ
того, который молчитъ. Да и кромѣ молвы, граждане, — мнѣ
кажется, несправедливо какъ просить судью, такъ и чрезъ
прозьбу избѣгать приговора; для этого требуются объясненія
и доказательства. Вѣдь судья сидитъ не для того, чтобы да-
C. рить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клял-
ся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. И
такъ надобно, чтобы ни мы не пріучали васъ нарушать клят-
ву, ни вы не привыкали нарушать ее; ибо это и въ насъ и
въ васъ было бы равно нечестиво. Не извольте же думать,
Аѳиняне, будто въ отношеніи къ вамъ я долженъ дѣлать то,
что почитаю и нехорошимъ, и несправедливымъ, и нечести-
вымъ, какъ во всякое другое время, клянусь Зевсомъ, такъ

особенно теперь, когда этотъ Мелитъ обвиняетъ меня въ не- D.
честіи. Явно, что если бы я убѣждалъ васъ и, презрѣвъ ва-
ши клятвы, насиловалъ васъ прозьбами; то давалъ бы разу-
мѣть, что вы не чтите боговъ и, оправдываясь, просто обви-
нялъ бы самъ себя въ непризнаваніи ихъ. Между тѣмъ дѣло
вовсе не таково: я признаю боговъ, Аѳиняне, — признаю бо-
лѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ моихъ обвинителей, и поручаю
вамъ и Богу судить о мнѣ такъ, какъ будетъ лучше и для
меня и для васъ.

~~~~~~

Что я, за настоящее заключеніе, за приговоръ надо мною, E.
не досадую на васъ, Аѳиняне, — къ тому способствуетъ кое-
что многое; да такое заключеніе казалось мнѣ и не невѣроят- 36.
нымъ. Напротивъ, для меня гораздо удивительнѣе оказавшее-
ся число тѣхъ и другихъ мнѣній: мнѣ представлялось, что
большинство голосовъ будетъ не такъ мало, а поболѣе. Если
же теперь, какъ открылось, только три голоса пали иначе [1]:
то можно бы еще избѣгнуть осужденія. Мелита-то я, кажет-
ся, уже избѣжалъ, и не только избѣжалъ, но, когда бы не
присовокупили своихъ доносовъ на меня Анитъ и Ликонъ,
онъ, какъ всякому видно, даже заплатилъ бы тысячу драхмъ,
потому что не имѣетъ на своей сторонѣ пятой части голо- B.
совъ [2]. Этотъ человѣкъ присуждаетъ меня къ смерти, —

[1] Стефанъ, слѣдуя второму базиліанскому списку, число τρεῖς перемѣнилъ на τριάκοντα, а Діогенъ Лаерцій (II. 41) свидѣтельствуетъ, что Сократъ осужденъ былъ большинствомъ 281 голоса. Какъ согласить эти различныя показанія? Соглашеніемъ ихъ занимался Тихзенъ въ разсужденіи: Ueber den Prozess des Socrates, напечатанномъ въ библіотекѣ древней литературы и искуствъ fasc. I. p. 1. — 53 et fasc. II. p. 1—60. Вѣроятнѣе то мнѣніе, что послѣ первой рѣчи Сократа, большинство голосовъ оказалось дѣйствительно не велико, по крайней мѣрѣ не больше тридцати; но потомъ, когда Сократъ, оцѣнивая свои заслуги отечеству, присудилъ себя къ содержанію на счетъ общества, то количество неблагопріятныхъ для него мнѣній могло увеличиться до двухъ сотъ и болѣе.

[2] Основаніе этихъ словъ можно видѣть изъ слѣдующаго вычисленія мнѣній, неблагопріятныхъ для Сократа, было $1/2$ всѣхъ + 3. Значитъ, каждый изъ трехъ обвинителей имѣлъ $1/6$ всѣхъ + 1. Слѣдовательно на сторонѣ Мелита было ихъ менѣе $1/5$. Впрочемъ эти слова Сократъ сказалъ, по
~~~~~~

пусть такъ: но я-то, Аѳиняне, къ чему напротивъ присужу себя? — очевидно къ тому, чего заслуживаю? Чего же я заслуживаю? что долженъ потерпѣть, или какому подвергнуться штрафу, что сознательно не проводилъ жизни покойно, но, не заботясь о томъ, о чемъ заботятся многіе, то-есть, о пріобрѣтеніи состоянія, объ экономіи, о военачальствѣ, о вліяніи на народныя собранія и другія власти, о партіяхъ и возмущеніяхъ, случающихся въ обществѣ, такъ какъ почиталъ себя въ самомъ дѣлѣ довольно честнымъ для подобныхъ
C. средствъ спасенія, — не заботясь о всемъ этомъ, не позволялъ себѣ вступать въ такія должности, въ которыхъ не могъ быть полезенъ ни вамъ, ни себѣ, а положилъ оказывать каждому порознь величайшее, какъ я говорю, благодѣяніе, рѣшился внушать всякому изъ васъ, что желая сдѣлаться человѣкомъ отличнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ, надобно прежде заботиться о себѣ, нежели о своемъ, прежде о самомъ городѣ, нежели о городскомъ, и такимъ же образомъ направлять свое попеченіе ко всему прочему? Такъ что же долженъ
D. я потерпѣть за это поведеніе? — Что нибудь доброе, Аѳиняне, если въ присужденіи дѣйствительно надобно соображаться съ заслугами, и притомъ доброе такого рода, какой родъ добра мнѣ приличенъ. А что прилично благодѣтелю—бѣдняку [1], который имѣетъ нужду въ досугѣ для увѣщаванія васъ?— Нѣтъ ничего естественнѣе, Аѳиняне, какъ такому человѣку давать столъ въ пританіонѣ: это было бы гораздо лучше, чѣмъ если бы кто, во время олимпійскихъ игръ, одержалъ побѣду на одномъ, двухъ, или трехъ коняхъ; ибо онъ счастливитъ васъ только повидимому, а я счастливлю

видимому, въ тонѣ шутки. Должно также замѣтить, что обвинитель не имѣвшій на своей сторонѣ пятой части голосовъ, не только платилъ тысячу драхмъ штрафу, но и подвергался безчестію (ἀτιμία), то-есть, навсегда уже лишался права обвинять кого-нибудь. *Demosth.* in Mid. p. 529. 23. in Timocrat. p. 702. 5. in Theocrat. p. 1323. 19.

[1] Люди, оказавшіе Аѳинской республикѣ особенныя услуги, были украшаемы именемъ благодѣтелей, τῶν εὐεργετῶν (*Dorvill.* de Chariton. p. 317. *Xenoph.* de redit. 923. Lysias 20 p. 365) и содержались на счетъ отечества. См. введ. въ апологію, it. *Cicer.* Orat. 1. 54. *Demosth.* de falsa leg p. 131.

на самомъ дѣлѣ; онъ не нуждается въ пищѣ, а я нуждаюсь. E.
И такъ, если должно присудить мнѣ что-нибудь справедливо и по заслугамъ; то я присуждаю себѣ столъ въ пританіонѣ. 37.

Но можетъ быть и эти слова мои, Аѳпняне, кажутся вамъ словами самохвала, близкими къ прошенію и мольбѣ. Нѣтъ, не то, Аѳиняне, а скорѣе вотъ что: я убѣжденъ конечно, что сознательно не обижаю никого, однакожъ мнѣ не увѣрить васъ въ этомъ; потому что мы говорили между собою не долго. Мнѣ кажется, если бы и у васъ былъ законъ, какъ у другихъ людей, — судить объ уголовныхъ дѣлахъ въ продолженіе не одного, а многихъ дней; то вы убѣдились бы: напро- B.
тивъ теперь, въ короткое время, не легко разсѣять столь важныя клеветы. Впрочемъ, будучи увѣренъ, что не обижаю никого, я вовсе не желаю обидѣть и самаго себя, то-есть говорить, будто заслуживаю какое-нибудь зло и долженъ быть присужденъ къ нему. Изъ какого страха я сдѣлалъ бы это? — Чтобы не потерпѣть того, къ чему присуждаетъ меня Мелитъ, и о чемъ я не знаю, добро это или зло? Но положимъ, вмѣсто этого, я изберу нѣчто иное, что понимаю уже какъ зло, и обреку себя на то. Что же избрать? Узы ли? — Но для C.
чего жить въ темницѣ, раболѣпствуя всегда поставляемой власти — одиннадцати судьямъ [1]? Пѣню ли и оковы, пока не выплачу ея? — Но это то же самое, что сейчасъ сказано: вѣдь у меня нѣтъ денегъ, которыя могъ бы я взнести за себя. Не присудить ли себѣ изгнанія? Можетъ быть и вы согласились бы на это. — Но я былъ бы слишкомъ животолюбивъ, Аѳиняне, когда бы имѣлъ столь мало разсудка, что не могъ понять слѣдующаго: Если вамъ, моимъ согражданамъ, невозможно вынесть моихъ бесѣдъ и разсужденій, если для васъ онѣ сдѣлались тяжкими и ненавистными, такъ что вы стараетесь D.
теперь избавиться отъ нихъ; то другіе легче ли вынесутъ

---

[1] Одинадцать судей, οἱ ἕνδεκα, имѣли власть исполнительную: ихъ дѣло состояло въ исполненіи опредѣленій Сената, которыми виновный присуждаемъ былъ къ смерти (*Ulric.* въ концѣ Платоновыхъ разговоровъ: Менонъ, Критонъ и Алкивіадъ I и II).

ихъ? Отнюдъ нѣтъ, Аѳиняне. Значитъ, хороша же будетъ моя жизнь, когда я, вышедши отсюда въ такой старости, перемѣню одинъ городъ на другой и въ каждомъ стану жить изгнанникомъ! Знаю вѣдь, что куда я ни приду, гдѣ ни заговорю, — юноши вездѣ будутъ слушать меня, какъ и здѣсь. Прогоню ли ихъ?—повинуясь старшимъ, они сами изгонятъ
E. меня. Не прогоню? — такъ ихъ отцы и родственники поступятъ со мною такимъ же образомъ.

Но можетъ быть кто спроситъ: а жить молчаливо и тихо, Сократъ, ты видно не будешь въ состояніи, когда выйдешь отсюда? — Въ этомъ-то убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ всего труднѣе: ибо скажу ли, что это значило бы не повиноваться богу и что слѣдовательно жизнь молчаливая для меня невоз-
38. можна, — вы не повѣрите мнѣ и подумаете, что я говорю притворно; скажу ли опять, что величайшее благо для человѣка каждый день разсуждать о добродѣтели и иныхъ предметахъ, о которыхъ вы слыхали мои разсужденія, когда я испытывалъ себя и другихъ, и что жизнь безъ испытанія не живуща въ человѣкѣ, — вы еще менѣе повѣрите моему слову. Дѣло-то, граждане, именно таково, какъ я говорю; а убѣдить не легко. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не привыкъ почитать себя достойнымъ какого-нибудь зла. Если бы у меня были деньги,
B. то я присудилъ бы себя къ уплатѣ надлежащей суммы ихъ; потому что изъ того не вышло бы для меня никакого вреда: но теперь у меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Развѣ назначите заплатить столько, сколько могу, а могу заплатить вамъ, кажется, одну мину серебра. Къ этому и присуждаю себя! Но вотъ, Аѳиняне, Платонъ, Критонъ, Критовулъ и Аполлодоръ велятъ мнѣ объявить уплату тридцати минъ, и сами ручаются: присуждаю себя и къ такой суммѣ; поручителями въ этихъ деньгахъ будутъ у васъ люди, стоющіе довѣренности.

~~~~~~

C. Ради столь краткаго-то времени, Аѳиняне, вы отъ людей, которые расположены бранить вашъ городъ, получите имя
~~~~~~

и нареканіе, что лишили жизни Сократа, человѣка мудраго! Да, тѣ, которые вздумаютъ оскорбить васъ, назовутъ меня именно мудрымъ, хотя я и не мудрецъ. Между тѣмъ, если бы вы немного подождали,—это сдѣлалось бы само собою. Посмотрите-ка на мой возрастъ: какъ далеко ушла жизнь! какъ близко стоитъ смерть! Говорю это не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые присудили меня къ смерти; имъ же говорю и слѣдующее: Можетъ быть, вы думаете, граждане, что я палъ D.
отъ недостатка такихъ рѣчей, которыми могъ бы убѣдить васъ, если бы почелъ нужнымъ сдѣлать и высказать все, для избѣжанія приговора? Совсѣмъ нѣтъ; причина моего паденія конечно недостатокъ — только не рѣчей, а дерзости, безстыдства и охоты говорить вамъ то, что было бы весьма пріятно для вашего слуха, когда бы то-есть я проливалъ слезы, горевалъ, дѣлалъ и говорилъ много иного, что, какъ сказано, недостойно меня, и что однакожъ вы привыкли слышать отъ другихъ. Нѣтъ, у меня и прежде не было обыкновенія, ради опа- E.
сности, совершать что-нибудь рабское, и теперь не раскаяваюсь, что такъ оправдывался. Напротивъ, мнѣ кажется, лучше съ этимъ оправданіемъ умереть, нежели съ тѣмъ жить; потому что ни я, ни кто другой, въ судѣ ли то, или на войнѣ, не долженъ устремлять мыслей своихъ къ тому, какъ бы избѣгнуть всего, грозящаго смертію. Вѣдь въ сраженіи часто видимъ, что отъ смерти-то могъ бы избавиться,—кто, бросивъ 39.
оружіе, обратился бы къ преслѣдователямъ съ покорностію. Есть много и другихъ способовъ избѣгать смерти въ минуту каждой опасности, лишь бы имѣть дерзость все дѣлать и говорить. Да, не это трудно, граждане; гораздо труднѣе уйти отъ злобы, чѣмъ отъ смерти; потому что первая бѣжитъ быстрѣе послѣдней. Вотъ и теперь, меня, человѣка медленнаго и стараго, догнало медленнѣйшее; а обвинители мои, люди B.
сильные и живые, пойманы тѣмъ, что быстрѣе—злобою. Поэтому теперь я отхожу, приговоренный вами къ смерти; а они удаляются, обличенные истиною въ злодѣйствѣ и несправедливости. И я и они—будемъ вѣрны произнесенному надъ

нами приговору. Можетъ быть этому и надлежало случиться; видно это-то и хорошо.

C. Послѣ сего, во мнѣ раждается желаніе предсказывать вамъ, мои осудители; ибо я достигъ уже такого возраста, въ которомъ люди, приближаясь къ смерти, особенно предсказываютъ[1]. Возвѣщаю вамъ, граждане, умертвившіе меня, что тотчасъ послѣ моей смерти постигнетъ васъ казнь, клянусь Зевсомъ, гораздо страшнѣе той, на которую я обреченъ вами. Теперь вы сдѣлали это съ намѣреніемъ уклониться отъ обличеній вашей жизни;
D. но выдетъ, говорю вамъ, напротивъ: между вами появится много обличителей, которыхъ я доселѣ удерживалъ, а вы и не замѣчали. Эти обличители будутъ тѣмъ несноснѣе, чѣмъ моложе,—и вамъ станетъ еще досаднѣе. Если вы думаете, что, умерщвляя людей, воспрепятствуете укорять себя за развратную жизнь; то судите несправедливо: такое спасеніе и не очень возможно, и не честно. Самое похвальное и легкое состоитъ не въ томъ, чтобы полагать преграды другимъ, а въ томъ, чтобы усовершать себя и быть человѣкомъ отличнѣйшимъ. Предсказавъ это вамъ, моимъ осудителямъ, я оставляю васъ.

E. Но съ вами, моими оправдателями, мнѣ пріятно было бы поговорить о случившемся теперь событіи, пока архонты заняты[2] и доколѣ я не отправлюсь туда, гдѣ ожидаетъ меня смерть. Побудьте же со мною это время, граждане; вѣдь ничто не препятствуетъ намъ потолковать, пока можно. Я хочу
40. показать вамъ, какъ друзьямъ, что значитъ то, что нынѣ сталось со мною. Да, со мною случилось нѣчто удивительное, граждане-судьи, (я почитаю справедливымъ называть васъ судьями). Обычное предсказаніе генія въ прежнія времена случалось у меня очень часто и противустояло мнѣ даже при

[1] Древніе вѣрили, что человѣкъ предъ смертію получаетъ способность провидѣть будущее и предсказывать. *Cicer.* de divin. 1. 30. *Eustath.* ad Iliad. XVI. p. 1089. sq. Phædon. 94. B. C. D.

[2] Надобно разумѣть одиннадцать судей, которымъ судьи должны были передать свое опредѣленіе, и которые въ свою очередь дѣлали надлежащія распоряженія касательно исполненія полученныхъ опредѣленій.

малѣйшихъ обстоятельствахъ, если я намѣревался сдѣлать что-нибудь нетакъ. А теперь, какъ вы сами видите, со мною случилось то, что всякій конечно признаетъ и почитаетъ крайнимъ зломъ; и однакожъ божіе знаменіе не противустояло мнѣ ни поутру—при выходѣ моемъ изъ дома, ни тогда, когда я B.
вступалъ въ это судилище, ни въ продолженіе моей рѣчи, когда я хотѣлъ сказать что-нибудь; хотя въ другихъ рѣчахъ не рѣдко-таки останавливало меня на срединѣ. Да, нынѣ, касательно моего процесса, оно не противустояло мнѣ ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ. Какая же причина этого?—скажу вамъ. Случившееся со мною, должно быть, случилось хорошо, и мы вовсе несправедливо предполагаемъ, думая, будто смерть есть C.
зло. Я принимаю это, какъ важное доказательство; ибо невозможно, чтобы обыкновенное знаменіе не воспротивилось мнѣ, еслибы я намѣревался сдѣлать нѣчто недоброе.

Обратимъ вниманіе и на то, какъ много надежды почитать это добромъ. Смерть есть одно изъ двухъ: или какъ бы уничтоженіе, если умершій нисколько и ничего нечувствуетъ, или нѣкоторое, по общему мнѣнію, преобразованіе и переселеніе души изъ здѣшняго мѣста въ другое. Положимъ же, что смерть есть совершенное лишеніе чувства, похожее на такой D.
сонъ, въ которомъ спящему ничего не снится: въ этомъ случаѣ она будетъ чрезвычайно выгодна. Вѣдь мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь долженъ былъ выбрать ночь, въ которую спалъ бы такъ, что во снѣ ничего не видѣлъ, и потомъ, противуположивши ей всѣ другія ночи и дни своей жизни, обязанъ бы былъ зрѣло обсудить, которыя изъ нихъ провелъ онъ лучше и пріятнѣе той; то, думаю, не только человѣку частному, да и великому царю легче было бы сосчитать первыя, чѣмъ E.
послѣднія ночи и дни. А когда смерть такова, то я называю ее выгодною; ибо подъ этимъ условіемъ все время покажется не долѣе, какъ одною ночью. Положимъ опять, что смерть есть какъ бы переселеніе отсюда въ другое мѣсто—туда, гдѣ, по истинному свидѣтельству преданія, находятся всѣ умершіе: въ этомъ случаѣ что можетъ быть болѣе такого блага, гра-

41. ждане-судьи? Вѣдь кто, отошедши въ преисподнюю и избавившись отъ этихъ людей, называющихъ себя судьями, найдетъ судей истинныхъ, на которыхъ, говорятъ, и въ самомъ дѣлѣ лежитъ тамъ обязанность судить, то-есть, Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема и другихъ, бывшихъ во время своей жизни справедливѣйшими изъ полубоговъ; тотъ худое ли сдѣлаетъ переселеніе? При томъ, не сочли ли бы вы за великую честь обращаться съ Орфеемъ, Музеемъ, Исіодомъ, Омиромъ? Да я хочу умереть много разъ, если это истинно;
B. потому что для самаго меня занимательно было бы тамъ препровожденіе времени, когда бы я встрѣтился съ Паламидомъ, Аяксомъ, сыномъ Теламона [1], и съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто изъ древнихъ умеръ отъ несправедливаго суда. Сравнивать мою участь съ ихъ участію было бы, думаю, не непріятно. А что всего лучше,—я проводилъ бы жизнь въ изслѣдованіи и испытываніи тамошнихъ обитателей, какъ здѣшнихъ, то-есть, кто изъ нихъ мудръ, и кто почитаетъ себя мудрецомъ, въ самомъ же дѣлѣ не мудрецъ. Мало ли чести, граждане-судьи, испытать вождя, ведшаго подъ Трою столь ве-
C. ликое войско, также Одиссея, Сизифа и—можно бы назвать безчисленное множество другихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ? Разговаривать съ ними тамъ, обращаться, испытывать ихъ, было бы безъ сомнѣнія счастіемъ непостижимымъ. При томъ же, тамошніе обитатели за это-то не лишаютъ жизни. Они блаженнѣе здѣшнихъ и по иному, и по тому, что на все время остаются уже безсмертными, если только преданія истинны.

Но и вы также, граждане-судьи, должны имѣть твердую надежду на смерть и держать въ умѣ одну истину, что для
D. человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни, ни по смерти, и что

---

[1] Паламида убило камнями греческое войско за то, что, по интригамъ Уллиса, на него пало подозрѣніе въ измѣнѣ. *Heyn.* excurs. ad Virgil. Aeneid. II. 81. Аяксъ, сынъ Теламона, послѣ Ахиллеса храбрѣйшій изъ всѣхъ греческихъ вождей подъ Троею, не получивъ Ахиллесова оружія и бывъ униженъ предъ Уллиссомъ, сошелъ съ ума и умертвилъ самъ себя. *Hom.* Odyss. XI. v. 545.

о его обстоятетьствахъ не нерадятъ боги. Вотъ и мои обстоятельства произошли не сами собою; для меня ясно, что теперь умереть и оставить здѣшнія заботы мнѣ гораздо лучше. Потому-то знаменіе ни разу и не отвратило меня; потому-то я и не слишкомъ досадую на своихъ осудителей и доносчиковъ, хотя они судили и доносили на меня не съ этой мыслію, а съ намѣреніемъ сдѣлать мнѣ зло, что достойно порицанія.

Вотъ о чемъ еще прошу ихъ. Граждане! отмстите мо- Е.
имъ сыновьямъ, когда они выростутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ васъ. Если откроется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значутъ, ничего не знача; то укоряйте ихъ, какъ я укорялъ васъ,—зачѣмъ они не заботятся о томъ, о чемъ должно, и приписываютъ себѣ
нѣкоторую цѣну, ничего не стоя. Если станете дѣлать это, 42.
то и я самъ, и дѣти мои—получимъ отъ васъ должное.

Но время уже идти—мнѣ на смерть, вамъ на жизнь: а кто изъ насъ придетъ къ лучшему, — никому неизвѣстно, кромѣ Бога.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ 1-й части соч. Платона.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.				
52	Напечатано.	τι ον οὖν	Читай	τί οὖν σὺ.
53	»	сравнательной	»	сравнительной.
58	»	рывочныя	»	отрывочныя.
63	»	σιθύραις	»	σισύραις.
70	»	потребленiя	»	употребленiя.
71	»	πηγοῦ	»	πηλοῦ.
74	»	ужилось	»	жилось.
79	»	θαυμασίος	»	θαυμασίως.
83	»	ἰδιώτης	»	ἰδιώτης.
84	»	εὐρυβαοτς	»	εὐρύβατος.
85	»	ηρῶτος	»	πρῶτος.
86	»	бодрыми	»	добрыми
122	»	ἡδνή	»	ἡδονή.
160	»	Амипсiасъ	»	Амипсiаса.
283	»	dossis	»	dosis.
289	»	ὡςαύτος	»	ὡςαυτως.
—	»	praete	»	praeter.
294	»	λέγο τα	»	λέγοντα.
340	»	εκούσης	»	ἀκούσης.
341	»	ab	»	ad.
370	»	и поприще	»	а поприще.
382	»	εὐτύφρονος	»	Εὐτύφρονος.
409	»	ος τι	»	δός τι.
416	»	Анеамiона	»	Анеимiона.
435	»	вычислемiя	»	вычисленiя;
436	»	εὐεογετῶν	»	εὐεργετῶν.